

Лица

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

STUDIA BIOGRAPHICA

БИОГРАФИЧЕСКИЙ
АЛЬМАНАХ

9

ФЕНИКС
Санкт-Петербург

2002

ББК 83.3Р 1

8 Р 1

Л-659

Редакторы-составители М.М.Павлова и А.В.Лавров

ЛИЦА: Биографический альманах. 9. – СПб.: Феникс, 2002.
Л 659 554 с., ил.

ISBN 5-85042-046-0

ISBN 5-85042-059-2

В альманахе представлены впервые публикующиеся материалы к биографиям известных и малоизвестных деятелей XX в.: статья о поэте Н.Бернере; дневник П.Н.Лукницкого 1928 года; документы, рассказывающие о ранних годах Ф.Сологуба, и др. Ряд материалов посвящен А.Белому и антропософам, в частности – продолжение публикации дневника К.Н.Васильевой, начатой в 7-м выпуске «Лиц». Все материалы обстоятельно откомментированы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

ISBN 5-85042-046-0

ISBN 5-85042-059-2

© STUDIA BIOGRAPHICA, 2002

© Издательство «Феникс», 2002

Издание осуществлено при поддержке
издательства «Алетейя» (СПб.)

Портреты

Андрей Устинов
ДВЕ ЖИЗНИ НИКОЛАЯ БЕРНЕРА

Косте Поливанову

Я шел со своими девушками <...> и читал стихи неизвестного поэта Николая Бернера, случайно раскопанного в городской библиотеке:

Простри на мир хладеющий десницу;
Ты видишь, дол, отпламенев, погас.
Я ж в облаках кочующую птицу,
Кочующую жизнь запомнил раз.

Феликс Кривин

Что значу я, я домосед угрюмый
Да собиратель близоруких фраз.

Николай Бернер

Николай Бернер представлял себя «человеком без биографии». На расспросы Софии Прегель – эпистолярного собеседника его последних лет – о прежней жизни он с горечью замечал, что предпочитает не вспоминать прошлое: «Должен Вам сказать, что мне крайне трудно было всегда устанавливать точные даты моей собственной биографии. Вспоминаю, что когда был в одной из моих принудительных высылки, то мне было дано задание со стороны Калужского Н.К.В.Д. сообщить ряд подробностей моей биографии, на этот запрос я лаконично ответил: Можете запросить по этому поводу Москву, где я был впервые арестован»¹.

Авторы биографических заметок традиционно пересказывают его автобиографию из антологии «Содружество», участие в которой можно считать итогом его жизни в литературе. Именно жизни, а не карьеры, потому что никакой литературной карьеры у Бернера не было. Причиной тому стали исторические обстоятельства, расколовшие его биографию на две части: эмигрантскую – неустроенную и небогатую публикациями – и дореволюционную, когда редкие вы-

---

¹ Письмо от 14 ноября 1966 см.: University of Illinois Archives (Urbana-Champaign, Illinois, USA). Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection (15/35/56). Box 1.

ступления Бернера вспоминаются почти исключительно в связи с кругом авторов альманаха «Жатва». Для исследователей этого периода русской культуры Бернер остается фигурой не просто вторичной, скорее – «невесомой».

Любая литературная карьера складывается из определенных достижений, которые у Бернера незначительны: его поэтическое наследие ограничивается несколькими десятками стихотворений, собранными в две тонкие книги «для немногих». Начало его творческой биографии приходится на 1910-е, когда сама среда предполагала артистическое отношение к действительности, а пик литературной активности – на 1920-е, эпоху, ограниченную машинописными или домашними изданиями. По иронии судьбы, его единственная вышедшая в эмиграции книга «След на камне» была напечатана литографским способом.

С поэтической точки зрения, Бернер может быть благополучно отнесен в разряд не слишком удачных последователей символизма. В его случае литературный пессимизм – веяние времени: уроженец Киева, он оказывается в Москве среди поклонников В.Брюсова и К.Бальмонта, когда почитание модернизма определяет московские литературные отношения 1910-х, а писать символистские стихи считается правилом хорошего тона; поэтов, имитирующих символистов, – бесчисленное множество. Общий поэтический уровень высок, но поэтические индивидуальности – неразличимы. Собственно говоря, стихи близкого Бернеру В.Ходасевича, написанные в это десятилетие, не слишком отличаются от поэтических опытов С.Кречетова, А.Дизперова или В.Стражева. Даже радикальные участники «Центрифуги» – С.Бобров, Н.Асеев и Б.Пастернак – ведут свой отсчет от символизма.

И все же у Бернера заметен несколько иной подход в восприятии литературной культуры – «не в смысле подражания, а изучения», как он заметил в одной рецензии. Возможно, из-за киевского прошлого, возможно, по той причине, что он определяет для себя несколько другие литературные ориентиры. Выбирая Брюсова в качестве своего учителя в поэзии, Бернер знакомится с ним тот в период, когда Брюсов работает над новой поэтикой, поскольку кризис символизма оборачивается кризисом в его собственной литературной работе. Замечание одного из современников, что «лирические эпигонские перепевы Н.Бернера едва ли могут привлечь внимание»², – не совсем убедительно: Бернер вступает на поэтическое поприще не как эпи-

---

² Дейч А. День нынешний и день минувший: Литературные впечатления и встречи. М.: Советский писатель, 1969. С.238.

гон, а как наблюдатель. Символизм осознается им как литературное направление, которое завершило свое развитие, ему интересны возможности дальнейшей работы с наследием, с «заветами символизма», а не сложившиеся и растиражированные литературные клише. Соответственно, Бернер занимается не оценкой значения символизма, а его историей и даже – археологией. Отсюда его интерес к И. Анненскому и замечание о продолжении этой линии в стихотворениях А. Ахматовой или, например, точно подмеченная генеалогия исторических картин В. Брюсова в «Дикой порфире» М. Зенкевича.

Ранняя биография Бернера двойственна: с одной стороны – московская литературная жизнь, посещения «Общества свободной эстетики», с другой – еще живая связь с киевским детством и воспоминания, которые отзовутся в его стихотворении много лет спустя:

Ракитовая роща и криница –
Покой, прохлада, розоватый свет.
И в океаны дооктябрьских лет
Я падаю, и сердцу детство снится.³

Эта двойственность Бернера подобна ощущениям героя «Шубы» (1922) О. Мандельштама: «Не дает мне покоя моя шуба, тянет меня в дорогу, в Москву да в Киев, – жалко зиму пропустить, пропадет обновка. Хочется мне на Крещатик, на Арбат, на Пречистенку»⁴. В московских альманахах «Жатва» Бернер печатает стихотворения и рецензии на новые книги, например, М. Кузмина и В. Ходасевича, вместе с В. Ходасевичем выступает в киевском «Арионе». В 1919 он участвует в единственном выпуске киевского «Гермеса» В. Маккавейского, в 1923–1924 – в машинописном «Гермесе» московских поэтов и филологов. В равной мере его литературные отношения связаны с Киевом и Москвой, а его литературный портрет складывается по касательной к чужим биографиям. Имя Бернера появляется рядом с другими, более известными именами эпохи.

И если его ранняя биография хотя и строится пунктиром (1910-е: Москва – Киев; 1920-е: Киев – Москва), все же абсолютно понятна и не особенно примечательна, то дальнейшее исчезновение и появление Бернера в литературе ди-пи⁵ создает прецедент иного уровня. Череди имен – Николай Божидар, потом Божидар и Дир, наконец – Nicolas Berner – в 1950-е оказывается не появлением нового имени, а возвращением Бернера в литературу:

---

³ *Божидар и Дир*. След на камне / Предисл. Божидара. Зальцбург: Изд-во «Колумб», <Б. г.>. С.16. Далее – След на камне.

⁴ *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. Т.2. М., 1993. С.246.

⁵ От displaced person (англ.) – перемещенное лицо.

В 1912 году в окружении тогдашнего «властителя дум» Брюсова появился молодой поэт Николай Божидар. Соловки, частые аресты при советской власти, высылки заглушили зарождающуюся известность поэта.

В предвоенные годы его стихи не появлялись уже на страницах журналов, и только несколько небольших сборников с задушевными и глубоко лирическими стихами напоминают о том, что поэт живет и творит.

Последняя война ворвалась вихрем в жизнь поэта и открыла ему путь на запад. И здесь, в трудных условиях лагеря ДП он снова заговорил.⁶

Действительно, российская часть его биографии закончилась в середине 1920-х арестом, высылкой на Соловки, возвращением, повторным арестом, ссылками в Брянск и Воронеж. Получив шанс на «вторую жизнь», Бернер использует эту возможность для того, чтобы восстановить непрерывность времени. Он пишет стихотворение, где предпринимает попытку создать коллективную биографию эпохи. Отсюда и название и эпический характер стихотворения, с которым он вернулся в литературу:

Две жизни

Две жизни есть у русского народа,
Одна из них возносится к векам,
Ее душа – природная свобода,
Молитва Лермонтова к облакам.
Другая жизнь нависшей глыбой давит,
Полярный сон перерастает в смерть,
И беспредельной кровью меты ставит
Гигантских пятилеток круговерть.
Всем телом содрогается Россия
В кричащем ужасе концлагерей...
Все тридцать лет не мог произнести я
Достойной славы «братству октябрей!».
Я поднял тост – он одинок и жалок,
Затерт, как льдом, бездушием эпох...
Когда на волю с силой небывалой,
Лед разбивая, ринулся Восток –
Восточный вал о Западные скалы
Непонятым разбился... изнемог!
Но в этот час над грохотом орудий
Глубокой совести суровый зов,
Народной правдой власовских сынов

---

⁶ Божидар Н. Две жизни // Возрождение. 1949. №5. Сентябрь–октябрь. С.82.

Стучался в человеческие груди –
Простейших слов не понимали люди.
Другое мне рассказывает память;
Оставил в сердце песенный ожог
Поэт России... Это было пламя
От Господа, его дыханье – Блок!
Но Блок ушел, не дописав страницу,
О страшном знаньи умолчал поэт...
Из рук он песню выронил, как птицу,
Перед опричиною русских бед.
Родная Русь, Ты натруженно дышишь,
И взмах бича глушит малейший звук,
Но может быть, из древней дали слышишь
Дух Псковитян и Новгородский дух!
И знаем мы, не только ждем и верим,
Что выйдет *океан* из берегов,
И горем личным вряд ли мы измерим
Трагическую боль Твоих шагов!
Неслыханных страданий миру мало,
В чудовищном видении эпох,
В расстрелах, в тьме и в скрежете металла
У *неведущих* никуда дорог.
Я не зову к Монбланам идеала,
Зову я мир расшифровать подлог
Высоких слов... Я мир зову на битву
С огромной ложью... Русский человек –
Читаю я зовущую молитву
За Родину и за *распятый* Век!⁷

Бернер родился в Киеве 9 марта 1890 в семье Федора Бернера и Юлии Исаевой. Он был современником плеяды киевских поэтов – В.Маккавейского, В.Эльснера, Б.Лившица, но, в отличие от них, в истории «киевской» поэтической школы его имя не запечатлелось и причислить его к этой школе можно только географически. Киевского наследия в его творчестве немного: архитектурные тени родного города в стихотворениях, вторая поэтическая книжка в 28 страниц «Осень мира. Стихи» (Киев, 1922)⁸. Связь Бернера с Киевом не прерывалась, но постоянной не была, и в истории периода киевского модернизма он упоминается в ином значении – как чужак, появление которого необходимо объяснить, но объяснений пока не находится.

---

⁷ *Божидар Н.* Две жизни. С.82-83.

⁸ Вышла тиражом в 1000 экземпляров в издательстве И.М.Слуцкого, выпустившем поэтические сборники, в оформлении художника М.Кирнарского.

Характерно, что первые публикации Бернера появились в журнале «Студенческая жизнь», издававшемся в Киеве, уже после того, как он стал студентом Московского университета. Одно из напечатанных стихотворений – «Воспоминание»⁹ – было обращено к киевскому детству. Это – поэтическое выражение его детской привязанности к Александру Вертинскому, с которым он познакомился во время учебы в 4-й гимназии:

Только один полный год Александр Вертинский проучился в 1-й гимназии <...>. Потеряв интерес к учению, он забросил занятия и как неуспевающий был выдворен из учебного заведения. Он пытался продолжить образование, поступив во второй класс более демократической 4-й гимназии (ул. Большая Васильковская, 7/11, ныне Красноармейская, 96), которую, впрочем, тоже не окончил. Травма, должно быть, была велика, если на старости лет в стихотворении о родном городе он молил: «Дай мне выдерживать эти экзамены! Перейти в этот класс второй...»¹⁰

В мемуарном этюде «Мой крестовый брат Вертинский» Бернер вспоминал Киев своего детства, сестру Вертинского Надежду, рассказывал о дружбе их родителей¹¹. Вертинский же позаимствовал у Бернера стихотворение «Воспоминание» для одной из своих «интимных песенок»:

Здесь все напоминает Вас:
Заросший сад, беседка, дворик,
Пес избалованный, Дуглас,
И покосившийся заборик.

Мне кажется, что Ваш двойник
Еще живет в пустынном доме,
И позабытый сон возник
В вечерней, неживой истоме.

И мнится, ставню приоткрыв,
Глядите сонно на дорогу,
Где дали сумеречных нив,
В покое кротком, близки Богу.

В дыханьи слабом резеды
И в свежести росистой луга

---

⁹ Студенческая жизнь. 1910. №4(28). С.9; другие стихотворения см.: Там же. №14/15.

¹⁰ Петровский М.С. Городу и миру: Киевские очерки. Киев: Радянський письменник, 1990. С.128 (Серия «Литературные путешествия»).

¹¹ Голос народа / Die Volksstimme (Мюнхен). 1951. 19 октября (Сообщено Г.Суперфином).

Узнаю легкие сады,
Давно исчезнувшего друга.
Так странно детство расцвело
С непознаваемой силой,
Как будто милое чело
Не скрыто вечною могилой.¹²

После переезда в Москву для учебы на юридическом факультете университета – его отец был адвокатом, – Бернер, как кажется, предпочитает учебе традиционные и обязательные для московской литературной среды ангажементы: «среды» в Обществе свободной эстетики, заседания в Обществе искусств, поэтические чтения, издательские проекты-эфемериды. Одновременно он посещает классы по истории литературы и находит себе ментора в лице В.Брюсова.

На протяжении всей жизни, когда речь заходила о поэзии, Бернер вспоминал свою привязанность к Брюсову. «В далеком прошлом моим старшим учителем и другом был В.Я.Брюсов! – гордо замечал он в письме к С.Прегель от 8 сентября 1966. – Он посвятил мне несколько акrostихов-сонетов, но лишь один попал в печать¹³. Да еще один экспромт. <...> Его письма безвозвратно погибли в тягчайшие годы по вине моих родственников, которые, при моем *отсутствии*, *без зазренья совести* топили печи моими бумагами и библиотекой!»¹⁴

Ранние стихи Бернера написаны с ориентацией на Брюсова: традиционные символистские темы и наработанные приемы никак не выделяют их в потоке «современной поэзии». И все же, обретя ментора в лице Брюсова, Бернер осознает себя не просто частью московской литературной среды, но – поэтом. Теперь, возвращаясь в Киев, он смело принимает участие в тамошней культурной жизни и соответственным образом – как поэта – себя преподносит.

История киевской поэзии конца 1900-х – начала 1910-х и «киевской» литературной диаспоры еще не написана, источником служат в основном воспоминания. Чрезвычайно колоритны рассказы критика и редактора А.Дейча, который описывает общее положение городской словесности и журналистики: «А киевские поэты были дилетантами в большинстве своем, чаще недоучившимися студентами или гимназистами. <...> Собственно говоря, из разрозненной, часто ничем не связанной между собой группы киевских поэтов оставили

---

¹² Бернер Н. Воспоминание // Он же. Одиннадцать: Стихи. Москва: Жатва, 1915. С.5-6.

¹³ См.: Приложение 1 (письмо 2 и примеч. 4 к нему).

¹⁴ Там же (письмо 2).

след немногие, пожалуй только Бенедикт Лившиц и Владимир Эльснер»¹⁵.

Оба они были активными деятелями киевского «интимного кружка» поэтов, и с Бернером их связывали дружеские и деловые отношения. Например, организаторский талант В.Эльснера пригодился при подготовке совместных выступлений московских и киевских поэтов. В письме к А.Альвингу от 30 декабря 1913 Эльснер передает «привет Николаю Федоровичу» и пишет об организации «нашей общей лекции»: «Если Вы не передумали, сейчас же по приезду в Киев займусь всем по сему поводу нужным»¹⁶. Последовательно перечисляя молодых киевских поэтов, Дейч упоминает среди них и Бернера, но вместо рассказа о знакомстве пишет несколько строк о его первом сборнике: «Недавно я просматривал сборники стихов разных киевских стихотворцев – Николая Животова “Ключья нервов” (1910), “Ни там, ни тут” Н.Брандта (1912), “Одиннадцать” Николая Бернера (1915). <...> Тоска и одиночество... Тема многих в отрезок времени между двумя революциями. Есть это и у Николая Бернера в его книжке “Одиннадцать”. Только поэт он более размеренный, “брюсовообразный”, без особых исканий, по-видимому, удобно чувствующий себя в сумеречном уголке наедине со своей музой-недотрогой»¹⁷.

Собственно говоря, это портрет не Бернера, а коллективный портрет буржуазного индивидуалиста, поэта, у которого нет «никаких стремлений, нет воли к исканиям» – таков обязательный образ в воспоминаниях о модернизме. Для Киева 1910-х, о котором пишет Дейч, Бернер подходит как собирательный образ поэта-декадента – один из «киевских типов» (если воспользоваться формулой А.Куприна), возникающий на фоне литературной обстановки: «А вообще говоря, как сборники стихов, так и проза, выпускаемые киевскими авторами за свой счет, выглядели сугубо дилетантски. Юноши и девушки из буржуазных семейств, сочинявшие “стихотворения в прозе”, поэмы, повести и романы, предпочитали на деньги своих родителей печатать эти скороспелые “творения”, а не посылать их в столичные журналы или издательства. Сколько я слышал жалоб и воплей молодых и пожилых киевских графоманов на то, что без протекции в столице не напечатается»¹⁸.

В киевской литературной ситуации Бернер оказывается в выгодном положении: его поэтические знакомства крепнут, а его самого,

---

¹⁵ Дейч А. День нынешний и день минувший. С.234.

¹⁶ РГАЛИ. Ф.21. Оп.1. Ед.хр.42.

¹⁷ Дейч А. День нынешний и день минувший. С.238.

¹⁸ Там же. С.239.

несомненно, воспринимают как человека, которому удалось про-
браться на литературную сцену – хотя бы московскую. Вскоре он
выступит в ожидаемой роли литературного посредника. При участии
Бернера в московскую печать будет попадать информация о книгах
и альманахах киевских авторов, а в Киеве благодаря публикациям и
рецензиям в местной печати он заработает репутацию критика но-
вейших поэтических течений.

Главной литературной площадкой Бернера в Москве стало изда-
тельство «Жатва». Начиная с третьего тома одноименного «журнала
литературы», Бернер печатал из выпуска в выпуск стихотворения и
рецензии на поэтические книги¹⁹. Редактором «Жатвы» был А.Аль-
винг, определявший издательскую политику и творческую обста-
новку. Альвинг считал себя последователем И.Анненского и, по за-
мечанию М.Л.Гаспарова, «воспроизводил поэтику Анненского без-
укоризненно: и тематику тоски, бессонниц и кошмаров, и стилисти-
ку сложных иносказательных предложений с переборами душевной
тонкости прозаической реальностью, и ритмику любимого Аннен-
ским амфибрахия»²⁰. Соответственно, «Жатва» была не просто сою-
зом молодых литераторов, но объединяла вместе поклонников Ан-
ненского – кружок, в оценке В.Ходасевича, «единственный в своем
роде, ибо подобных кружков в России вообще не водилось»²¹.

Другое содружество почитателей Анненского существовало в те
же годы в среде студентов Киевского университета, участников се-
минара В.Н.Перетца. Основные деятели этого кружка, П.Филип-
пович и В.Отроковский, в 1913 вступили в контакт с московскими
литераторами²², чему способствовали и Бернер и Эльснер. В одном
из писем к Альвингу последний сообщал:

Был у меня апостол Павел <Филиппович>, излагал сущ-
ность<ь>, но сколько смогу, сделаю все соответственно. Будут
прозондированы 3 почвы:

«Вечерней газеты» (довольно паскудный грунт)

«Общественное собрание»

Журнала «Музы», где «Мусагетом» Дейч, которому я говорю
дерзости при редких встречах. Он, правда, всегда безответен, и

---

¹⁹ Бернер Н. Мечты // Жатва. 1912. Кн. III. С. 10.

²⁰ Гаспаров М.Л. Арсений Альвинг // Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917: Антология. М.: Наука, 1993. С. 693.

²¹ Тименчик Р.Д. Поэзия И.Анненского в читательской среде 1910-х гг. // А.Блок и его окружение. Блоковский сборник VI. Тарту, 1985. С. 107. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 680.)

²² Там же. С. 105–107.

это еще более раздражает. Дабы вообще его охарактеризовать, скажу, что Сандомирский – гениален в сравнении с ним. Я искренне Вас жалею, ибо сей последний воевода, вероятно, теперь осаждают «Жатву».²³

Приятель Дейча, поэт М.Сандомирский тоже появляется в его воспоминаниях как «автор одной поэмы» – «Марина Мнишек», которая была издана в «Жатве» с предисловием А.Альвинга. Обсуждение киевских планов было связано с серией совместных публикаций двух кружков поклонников Анненского. По замечанию Р.Тименчика, «выдвигать Анненского как знамя альманах “Жатва” начал со своего 3-го выпуска – осенью 1912 г. Ушедший поэт противопоставлялся живущим»²⁴. Бернер отдал дань этому интересу, например, в своей рецензии на «Вечер», где оговорил влияние на поэзию Ахматовой Анненского:

На молодого поэта оказали влияние (не в смысле подражания, а изучения), во-первых, Кузмин. <...> И далее, как ни странно с первого взгляда, – И.Ф.Анненский. Полагаем, что последний влиял, как художник, остро воспринимающий факты жизни в неожиданной непосредственности интуитивных восприятий мира. Эта черта его творчества усвоена Ахматовой с чувством большой меры. Думаем, что первая книга поэта лишь этап пути к будущему созиданию настоящих творческих ценностей.²⁵

Отклик на остальную печатную продукцию «Цеха поэтов» – «Скифские черепки» Е.Кузьминой-Караваевой и «Дикую порфиру» М.Зенкевича – был противоположным по тональности. Бернер слегка усомнился в способностях Кузьминой-Караваевой: «Если она <...> не освобождается в своих грезах от ученической любви к современным мастерам стиха, она все же обладает некоторым вкусом, творческой сдержанностью и также пониманием экзотики Гумилева». И наоборот: отказав в литературном вкусе Зенкевичу – «Здесь в “Дикой Порфире” все плохо, так как не обнаруживает в авторе элементарного чувства красоты», – закончил рецензию насмешкой над «бесконечно однообразной тенденциозной версификацией на темы научной “экспериментальной” поэзии»²⁶.

---

²³ РГАЛИ. Ф.21. Оп.1. Ед.хр.42.

²⁴ *Тименчик Р.Д.* Поэзия И.Анненского в читательской среде 1910-х гг. С.107.

²⁵ *Путь.* 1912. №7 (май). С.66-67; подпись: Ник. Б-ер. В стихотворении Бернера «Твоя любовь, одно воспоминанье...» использован эпиграф из Анненского: «Есть любовь, похожая на дым. / Если тесно ей, она дурманит» (начало стихотворения «Две любви»). См.: *Жатва.* 1914. Кн.V. С.15).

²⁶ *Путь.* 1912. №8 (июнь). С.71; подпись: Ник. Б-ер.

На материале современной и отчасти модной поэзии, которую представляли участники «Цеха поэтов», Бернер намекнул на собственные поэтические интенции: сочетание «прихотливой поэтики боли» Анненского, в которой он «старается слить традиции Парнаса и символизма»²⁷ и экзотики Готье с поиском новых форм. Возможно, это было проявлением «киевских поэтических настроений» – подобные намерения, но в более радикальной форме в то же время высказывал Б.Лившиц, которому «будетляне» уготовили роль теоретика кубофутуризма. Его рассуждения касались поиска возможностей поэтического языка для выражения живописных концепций.

Год спустя основной темой литературных дискуссий становится футуризм. Бернер читает свой собственный манифест футуризма на заседании Общества свободной эстетики, о чем не без ёрничества сообщает пресса: «Мы, и только мы, футуристы, стоим на распутье. Мы не признаем никого до нас, и нам нет никакого дела до любимцев веков, до мавзолеев культуры. Жрецы новой веры – футуризма, мы без боязни выступаем в крестовый поход»²⁸.

Нельзя представить себе, что Бернер был безоговорочным сторонником футуризма, но в 1913 несомненно испытывал к нему симпатии. Десять лет спустя он снова окажется в эпицентре дискуссии о футуризме. Бернер станет одним из организаторов альманаха «Мнемозина», пригласит в редколлегия Б.Лившица и войдет в московский литературно-филологический кружок, провозглашающий синтез поэтических достижений эпохи, в том числе и футуризма. Но в 1924 призыв участников альманаха будет обращен к участникам более традиционалистской группы «Лирика», давно прекратившей свое существование. Выпад «Мнемозины» получит идеологический характер: современный футуризм будет отторгнут участниками альманаха как поощряемое государством и официально навязанное литературное направление²⁹. Не случайно, что в одной из поздних статей Бернера мелькнет термин «маяковщина».

Судя по письму Ходасевича к Б.Садовскому, доклад Бернера был воспринят аудиторией крайне иронически:

---

²⁷ *Гаспаров М.Л.* Антиномичность поэтики русского модернизма // Он же. Избранные труды. Т.2: О стихах. М., 1997. С.436.

²⁸ У эстетов // *Голос Москвы*. 1913. 26 апреля.

²⁹ *Поливанов К.М.* Из истории литературной жизни 1920-х гг.: По поводу одной рецензии // Н.Гумилев и русский Парнас: Материалы науч. конференции 17–19 сентября 1991 г. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 1992. С.134.

Хотите московских новостей? Они невелики. В четверг на Фоминой неделе милый мальчик Бернер читал в Эстетике реферат о грядущих судьбах и прочем. Вздор молот даже удивительный. Никак я не ожидал, что он такой глупеньш. Вал<ерий> Як<овлевич> оборвал ему уши. Он чуть не плакал (буквально) и в припадке отчаяния заявил, что «Брюсов вечно все подтасовывает». Тот, кажется, даже не рассердился. В минувший понедельник Тастевен читал публичную лекцию о новых течениях. Я ему возражал, и (что поразительно!) даже не плохо: футуристам загнул салазки.³⁰

Антифутуристический пафос соответствовал основному курсу «Жатвы»: и Альвинг, и люди близкого ему круга выступили в роли «охранников» русской поэзии, защищая ее от угрозы футуризма. «Все футуристы вместе (московские и петербургские) не могут сделать ее <т. е. русскую поэзию> “угрожаемой” в каком-нибудь печальном смысле, – писал Альвингу Отроковский, выражая сходную с Бернером симпатию к киевскому Лившицу. – К тому же и не все они бессовестные. Прочтите предисловие Б.Лившица к “Дохлой Луне” <...> и не тратьте силы, футуристов отражать должно не словом, а делом»³¹. Для обоснования своей полемики с футуристами Альвинг разрабатывает программу лекций о путях «нового искусства», с которыми выступает в Москве, а Бернер способствует его киевскому турне в 1914. Направленность лекций Альвинга (например, на тему «Имеем ли мы право не верить Бальмонту») поощряла одна из киевских газет: «Мы не можем не приветствовать такое удачное выступление поэта-символиста в наше “футуристическое” время»³².

Находясь внутри круга «Жатвы», Бернер тем не менее не проявляет особой привязанности к «заветам символизма» и не выступает в защиту Бальмонта. Он внимательно следит за новейшими поэтическими течениями и выражает откровенный интерес к поэтам, находящимся «вне групп».

Один из них – В.Ходасевич, с которым Бернер познакомился в «Обществе свободной эстетики». В 1914 Ходасевич издает свою вторую книгу стихотворений, и Бернер пишет сочувственную рецензию на «Счастливого домика», где, как и в случае с Ахматовой, опережая других критиков, отмечает одну из основополагающих особенностей поэтики Ходасевича – его пушкинизм: «Поэт обнаруживает незаурядную меру вкуса. Он умело следует лучшим заветам Пушкинской школы. И в мастерстве стиха, в его выразительной простоте достигает

³⁰ Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т.4. М.: Согласие, 1997. С.387-388.

³¹ РГАЛИ. Ф.21. Оп.1. Ед.хр.31.

³² Последние новости (Киев). 1914. № 2307, 18 февраля.

большого совершенства. Неоправданных стихов в “Счастливом домике” нет»³³. Если в период «Счастливого домика» ориентация на Пушкина – это скорее формальное приличие, то в дальнейшей эволюции Ходасевича эта позиция обернется его идеологической программой, «смысл которой – соединение эстетического и этического в нравственной миссии литературы, то есть приближение к пушкинскому идеалу творчества»³⁴.

В 1915 оба поэта участвуют в киевском сборнике «Арион»³⁵. Итальянскую тему Ходасевича («Вот в этом палаццо жила Дездемона...») подхватывает стихотворение Бернера «Италия»:

Италия – неизменивший друг
Душе, тоскующей о днях молчания,
Душе, забывшей долгие скитанья,
Года неверные ненужных мук.
И Петербурга серые граниты,
И севера солгавшую любовь –
К легенде радостной, людьми забытой
Седая Умбрия уводит вновь.
Италия! Благодарю тебя
За тишину торжественных развалин!
К тебе иду растроган и печален,
Молчание кладбища возлюбя.³⁶

Как и многие русские поэты, Бернер совершил свое путешествие в Италию – об этом свидетельствует другое стихотворение, которое отмечено местом написания: «Венеция, 1913 г.», но лишено поэтических признаков «итальянского текста». Скорее оно напоминает вариации на эротические темы Брюсова и Кузмина:

Затихающий голос кварталов,
Полузнойный вечерний туман,

---

³³ Жатва. 1914. Кн.V. С.296.

³⁴ *Ramgau M.G.* 1921 год в творческой биографии В.Ходасевича // А.Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра. Блоковский сборник Х. Тарту, 1990. С.124. (Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 881). Ср. там же: «В этом соединении этического с эстетическим, по всей видимости, и есть коренное отличие идеологического пушкинианства Ходасевича начала 20-х гг. и от стилизаторского пушкинианства “Счастливого домика” и от опытов Ю.Верховского, Г.Маслова, Б.Коплана и др.» (С.128).

³⁵ Арион. Книга первая. Москва; Киев, 1915. Среди участников: Вера Вертер (перевод из Анри де Ренье), А.Н.Толстой, В.Ходасевич, В.Эльснер, М.Сандомирский, В.Сахновский.

³⁶ Там же. С.30.

Зеркала неподвижных каналов,
Легкий ветер серебряных стран.
И Твое легендарное имя
И звучащие глухо шаги.
Так недавно мы были чужими
И встречались как будто враги.
Ни за что не нарушу истому
Отзвучавшего знойного дня...
Если смеешь, отдайся другому,³⁷
Все равно не покинешь меня.

М.Кузмин – другой фокус поэтических пристрастий Бернера. Ему посвящен обзор «О Кузмине по книгам стихов “Сети” и “Осенние озера”»³⁸ – одновременно почтительный и провокационный:

Что касается Кузмина, поскольку он выявил себя в первой книге «Сети», – его поэзия в границах немногих ощущений, в «очаровании милых мелочей», придающих облику поэта что-то наивное, почти женское. <...> Женское Кузмина в неумении мыслить, когда для поэта «лишь грамота любви жива»... Женское Кузмина в умении сделать живыми предметы, окружающие избранника любви его, сделать их магическими в слиянности с чуткой душою «новых любовников Венеры».³⁹

Ирония по поводу «женского» в поэзии Кузмина относится к книге «Сети», к тому времени уже признанной представителями разных школ и направлений. Бернер проговаривает то, что уже сказано о «Сетях» как о книге, определившей положение Кузмина в контексте современной литературы: провозглашение любви как центральной темы его поэзии, постижение мира «как повести простой, где подробности обыденной жизни странно сплетаются с самыми интимными переживаниями поэта»⁴⁰. Напоминание о «Сетях» подводит к разговору об «Осенних озерах». Многие критики выбрали именно такой путь сопоставления с первой книгой Кузмина, отмечая эволюцию поэта в строгости тона, в изяществе высказываний, в оригинальности⁴¹. Бернер в своей рецензии размышляет о «глубокой подлинности и жизненной правде этого своеобразного художника»:

---

³⁷ Жатва. 1914. Кн.V. С.17.

³⁸ Жатва. 1913. Кн.IV. С.339-343. В другом выпуске альманаха Бернер напечатал рецензию на «Глиняные голубки» Кузмина. См.: Жатва. 1915. Кн.VI-VII.

³⁹ Там же. С.339-340.

⁴⁰ Там же. С.340.

⁴¹ См. свод откликов в комментариях А.Лаврова и Р.Тименчика: *Кузмин М. Избранные произведения*. Л.: Художественная литература, 1990. С.512-514.

Здесь Кузмин как бы раскрывает затаенные возможности душевных откровений. <...> За внешними приемами, избочающими в художнике тонкого, большого стилиста, за строгостью классического канона поет просветленная душа, прозревающая светлые дали. <...> Кузмин своим творчеством создает подлинную романтику современности; в калейдоскопе городских постижений проходит сладостно-скорбная повесть изысканной души его. <...> Теперь поэт как-то по-новому тревожен:

Сердце покоя и тени не просит,
Ангел холодное сердце отбросит...

<...> скажем, что эта книга выявляет Кузмина в новом освещении. <...> Жизнь для него теперь не буколическая повесть изысканных поэм и обаятельной манерности, жизнь – странно обманчивая мука, крушение иллюзий, жажда правды. Жизнь-победительница ведет поэта тропею праведной чистоты, быть может, подвига.⁴²

Для Бернера Кузмин такой же пример для подражания, как и Брюсов. В качестве эпиграфа к своей поэтической подборке он возьмет строчку об ангеле из стихотворения, вошедшего в цикл Кузмина «Осенний май» («Все пламенной стремленья, / Блаженнее мечта!...»). А подборка из 14 стихотворений Бернера, напечатанная в пятом выпуске «Жатвы»⁴³, станет черновиком его первого сборника под заглавием «Одиннадцать» – названного так по количеству стихотворений⁴⁴ и изданного после начала Первой мировой войны. Книжечка Бернера была отпечатана «типографией Акционерного Общества “Петр Барский в Киеве”, в количестве ста пятидесяти пронумерованных и подписанных рукою автора экземпляров» в оформлении художника И.Рабиновича с посвящением: «Дарю эти стихи В.М.Г.». Кто скрывался за этими инициалами – неизвестно. Ограниченный тираж и военные обстоятельства объясняют тот факт, что сборник остался фактически незамеченным современниками.

В условиях военного времени жизнь Бернера «в днях»⁴⁵ посвящена поэзии и издательским проектам. Вместе с А.Альвингом

---

⁴² Жатва. 1913. Кн. IV. С. 340-343. Отметим, что восторженный отзыв Бернера был напечатан по соседству с памфлетом Б.Лавренина «Замерзающий Парнас», направленным против акмеизма, который Н.Гумилев воспринял как выпад своего литературного противника Б.Садовского.

⁴³ Жатва. 1914. Кн. V. С. 14-21.

⁴⁴ Бернер Н. Одиннадцать: Стихи. М.: Жатва, 1915. Цена экземпляра – 50 коп.

⁴⁵ Von mot Бернера упоминается в письме Ходасевича к А.Ходасевич от 8 июня 1922: «Прошу и прошу тебя об одном: внешне, “в днях”, как выражался Коля Бернер, будь тверда, хладнокровна, будь “как все”. Это даст тебе физиче-

он готовит альманах «Песни Жатвы» и участвует в привлечении авторов: он убеждает В.Брюсова передать «Жатве» свои произведения. 20 января 1915 Брюсов пишет Альвингу: «Н.Ф.Бернер передал мне Ваше желание – иметь для очередного выпуска “Жатвы” несколько моих стихотворений. Посылаю Вам четыре пьесы, объединенных общим заглавием. Прошу сохранить установленный в рукописи их порядок и строку точек, заменяющую стих в одном из них»⁴⁶.

Речь в письме идет о цикле «Солнце золотое», который, впрочем, в сборнике не появился. Два месяца спустя, 5 марта, Брюсов снова писал из Варшавы: «Простите, что так долго не мог исполнить Вашей просьбы. Все не было “военных” стихов. Лишь за последние дни написал два. <...> Большая просьба: сообщите мне, пожалуйста, какие стихи я Вам передал для “Жатвы”. Я утратил список и не точно помню. Боюсь вторично отдать эти стихотворения в др<угие> издания»⁴⁷.

В «Песнях Жатвы» были напечатаны два военных стихотворения Брюсова – «Отрывок» («Там, где Геллеспонта воды...») и «На бомбардировку Дарданелл»⁴⁸. Общая позиция редакторов была заявлена в предисловии к сборнику:

Редакция Жатвы, ощущая живую необходимость, так или иначе, откликнуться на тяжкие события войны – при отзывчивом и безвозмездном участии своих постоянных сотрудников, – решила приступить к изданию настоящих стихотворных сборников-тетрадей: *Песен Жатвы*. В Песни Жатвы будут входить стихотворения, в ограниченном количестве стихотворения в прозе, а также небольшие критические заметки, преимущественно о стихотворных книгах. В своих литературных задачах Песни будут, по возможности, приближаться к Жатве. Весь чистый доход с настоящего издания, за исключением расходов на типографию и бумагу, будет предоставлен в распоряжение Всероссийского Земского Союза помощи раненым и больным воинам нашей армии.

Москва, март, 1915 г.

В «первую тетрадь» вошли стихотворения А.Альвинга, Ю.Балтрушайтиса, К.Бальмонта, Н.Бернера, В.Брюсова, Н.Крандиевской;

скую силу переносить трудную штуку, которая называется внутренней жизнью» (*Ходасевич В. Собр. соч. Т.4. С.443*).

⁴⁶ РГАЛИ. Ф.21. Оп.1. Ед.хр.15. Копии писем Брюсова предоставлены автору этой статьи К.Поливановым.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Песни Жатвы. Тетрадь первая. М., 1915. С.10-11.

стихотворения в прозе К.Мазурина и короткие рецензии, среди которых была заметка об упоминавшемся сборнике «Арион».

Явно делая дружеский жест, рецензент выделял стихотворения Бернера в сборнике, в котором были объявлены и другие киевские авторы «Жатвы»:

Интересен рассказ Сахновского «Две встречи», слабее стихотворение в прозе Сандомирского⁴⁹, плохи и глубоко ненужны по старому трафарету написанные сцены «Арлекин и выдумщик» Фореггера. В стихотворном отделе выделяются два новых стихотворения Николая Бернера «Италия» и «Фисби». Вообще за последнее время поэт стал находить себя; его образы изысканны и новы, а стих четок и сжат. <...> Главное же достоинство сборника, что составители его – внесли в книгу много старания и любви; это не улица, не ремесло, не нажива – а тихая, может быть, и не слишком ярая, но, во всяком случае, чистая молитва.⁵⁰

Главным вкладом Бернера в состав «Песен Жатвы» была статья «Война и поэзия», которая открывала критический раздел. Написанная как призыв к действию, она, несомненно, предполагалась как магистральный материал сборника. Именно в статье он предпочел высказать свое отношение к этой насущной теме – его стихотворения, напечатанные в «Песнях Жатвы», были лирическими зарисовками. Как следует из положений статьи, сам Бернер не был готов писать стихи о войне: «Переходным этапом в творчестве для каждого художника несомненно стала нынешняя война. Как событие чрезвычайное, по глубине душевного захвата, нами переживаемая война сравнима лишь с войной <1>812 года. Там, как и здесь, общественная волна захлестывает все интересы “будней”, там, как и здесь, художник, не изменяя предначертаниям своего духа, обретает силу в нераздельности с общим»⁵¹.

Бернер пишет о духовном прозрении, о том, что поэзия во время войны «являет великую песнь русского героя, как бы переступая условно-обычную форму». Соответственно, и критерии, которые предъявляются к литературе военного времени, должны быть жесткими и заключаются в том, чтобы отсечь «всю “батальную живопись” слова и “дифирамбические” гимны в честь “креста и меча”». Однако Бернер непоследователен в своих умозаключениях. Так, из

---

⁴⁹ В.Сахновский и М.Сандомирский выпустили в «Жатве» свои книги. См.: Сахновский В. Захолустье: Рассказы. М., 1915; Сандомирский М. Марина Мнишек: Стихи / Предисл. А.Альвинга. М., 1914.

⁵⁰ К.К<ова>. Рецензия>. Арион. Киев, 1915 г. // Песни Жатвы. С.32.

⁵¹ Песни Жатвы. С.25.

поэтов, пишущих о войне, он выделяет только Брюсова, который «порой дает образцы воодушевления», что в свете его положений не отвечает поиску новых слов. Далее как-то мягко отзывается о Городецком, ничего не упоминая о его «ура-патриотизме», и пишет о «надуманной риторике» Сологуба. Основная критика направлена против «Аполлоновского содружества, во главе с Гумилевым», который, по мнению Бернера, «приторно патетичен». Отдельно он пишет о молодых поэтах: «Что касается молодых версификаторов – Георгия Иванова, Владислава Ходасевича и Мандельштама, – все они друг другу не уступают в искусственности, а из поэтесс Аполлоновского содружества претендует на мудрость и положительно угнетает своей скукой М. Моравская. О ней приходится упомянуть лишь на том основании, что книгу военных стихов поэтессы расхвалили (право же, без основания) некоторые критики»⁵².

Бернер объяснял неудачу попыток «сказать “свое” о войне» недостаточностью поэтических средств, отсутствием нового подхода к теме, и черт, которые могут передать современность, и завершал свой обзор поэзии четкой манифестацией: «Заслуга художника – не в том, чтобы только испробовать себя в “военном жанре”, а в том, чтобы осознать глубоко трагизм переживаемого момента и воссоздать во всей простоте хоть одну страницу неопишимо жуткой эпохи».

Последнее замечание оказалось для Бернера пророческим – ему пришлось осознать всю жуть эпохи на собственной биографии.

В Гражданскую войну Бернер возвращается в Киев. В альманахе «Дальние окна» с контртитлом: «Весь чистый доход поступает в распоряжение Резерва Общественных Сил помощи Родине и Фронту на нужды Добровольческой Армии» появляется цикл его стихов «Советской власти»⁵³. В 1919 он знакомится с О. Мандельштамом, который провел в Киеве четыре месяца. Этот период в биографии Мандельштама, обстоятельства его работы над несостоявшимся «киевским романом», его связь с киевским клубом «ХЛАМ» превосходно описаны М. Петровским, собравшим воедино свидетельства современников⁵⁴. Николай Ушаков, впоследствии известный советский поэт, упоминает среди участников литературных бдений и Бернера:

В марте 1919 года организовался первый киевский подвал поэтов ХЛАМ (Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты). Он помещался в подвальчике на Николаевской <...> В «Хламе» подавали бифштекс и вина. Поэты просили, чтобы публика не зве-

---

⁵² Песни Жатвы. С.27.

⁵³ По первой строке стихотворения «Советской власти вешее проклятье...».

⁵⁴ Петровский М.С. Городу и миру: Киевские очерки. С.244-251.

нела ложечками о стаканы. Эренбург читал по институтскому альбомчику о детях, играющих в революцию. Читал здесь также Лев Никулин, Лившиц, Натан Венгров, Маккавейский. Футуристы учиняли дебоши. Названия поэтических групп соперничали с именами звезд и римских богов второго сорта. Стихи поэтов слушали комиссары, студистки и гурманы, затем поэты и все остальные слушали стихи комиссаров.

На святой прибыли О.Мандельштам и Рюрик Ивнев. Зеленый собирался взять Киев. В мае «Хлам» лопнул. <...>

Когда Эренбург, Мандельштам и Маккавейский оставили Киев, здесь уже выросло второе поколение поэтов (частично они вышли из мастерской Эренбурга) <...> из «старых» Бернер.⁵⁵

В этот киевский период, который растянулся до 1922, Бернер сблизился с В.Маккавейским. Автор запомнившегося современникам экспромта двух последних строчек к стихотворению Мандельштама «На каменных отрогах Пиэрии...», Маккавейский переводил на французский язык А.Блока и Вяч. Иванова и выступал в роли «киевского Малларме». М.Гаспаров дал ему такое определение: «Маккавейский блестяще разработал технику сложных метафор, идущую от этого поэта <...>. В этом направлении работы он переключается с Б.Лившицем и О.Мандельштамом»⁵⁶.

В апреле 1919 вышел «ежегодник искусства и гуманитарного знания» «Гермес» под редакцией Маккавейского. Среди участников были Б.Лившиц, О.Мандельштам, Н.Бернер, Г.Петников, И.Эренбург, В.Шкловский и совсем юный Ю.Терапиано, в стихотворении которого запечатлен этот фрагмент киевской литературной истории:

Девятнадцатый год. «Вечера, посвященные Музе».
Огромный прокуренный зал, под названием «Хлам»⁵⁷.
Вот Лившиц читает стихи о «Болотной Медузе»
И строфы из «Камня» и «Tristia» – сам Мандельштам.

Морозный февраль, тишина побежденной столицы.
О, как мы умели тогда и желать и любить!
Как верили мы и надеялись, что возвратится
Былое величье, которого всем не забыть.

А после – походы в холодной степи и ранень.
Уже в Феодосии встреча: – «Вы, Осип Эмильевич, здесь??»

---

⁵⁵ Ушаков Н. Киев и его окрестности // Ветер Украины: Альманах Ассоциации революционных русских писателей. Киев, 1929. Кн.1. С.122-123.

⁵⁶ Гаспаров М.Л. Владимир Маккавейский // Русская поэзия Серебряного века. 1890–1917. С.720.

⁵⁷ «Художники, Литераторы, Артисты, Музыканты» (Примеч. автора).

– «А где Бенедикт?» – «Да, погиб Маккавейский
в сраженье.
А Петников – жив, но куда он уехал?» – «Бог весть!»
Тогда мы надеялись: будет недолгой разлука –
Как много с тех пор стало горьких потерь и разлук!
Летела стрела – и опять Аполлон Сребролукий
На новую жертву свой тяжкий нацеливал лук.⁵⁸

Выпуск «Гермеса» остался первым и единственным – из-за смерти Маккавейского в 1920 под Ростовом. Мандельштам напечатал «Я изучил науку расставанья...», Лившиц – два стихотворения из цикла «Болотная медуза». Бернер – стихотворение 1918 года:

В осени заолодевших дымов
Лишь обрывки писем о былом...
День изжит. А ты – проходишь мимо,
Овевая ледяным крылом.
И теперь кому из нас приснится
Дерзновенье встреч?.. Лишь дымный прах
В листопадах осени кружится
И звенит о солнечных пирах.
И непроницаема дремота,
А над исступлениями стуж
Укрывает листьев позолота
Остовы отбушевавших душ.⁵⁹

---

⁵⁸ *Терапиано Ю.* Паруса. Вашингтон: Русская книга, 1965. С.17.

⁵⁹ *Гермес: Ежегодник искусства и гуманитарного знания.* Сб.1. Киев, 1919. С.Х. Об обстоятельствах издания «Гермеса», вышедшего в свет только в октябре, Маккавейский сообщал в послесловии:

Из обильных и многообразных погрешностей этого (полгода издававшегося) ежегодника современный читатель приглашается отметить своим состраданием, главным образом, следующее: 1) За несовпадением присутствия цинка (в цинкографии) и рисунков (в редакции) в «Ежегодник» не вошли произвед<ения> О.В.Розановой, Исаака Рабиновича и В.Чекрыгина (анонсированные на титульном листе). 2) Римская нумерация начала книги обусловлена трудностью доставки со всех концов России стихотворного материала, отпечатанного в последнюю очередь и оказавшегося превышающим отведенные стихам полтора листа. И все-таки приходится жалеть, что близкий приезд в Киев Вячеслава Иванова, Белого и Есенина застает сборник уже законченным, а следующие за этим скорбным листом страницы библиографии столь немногочисленны по тем же техническим соображениям (недостаток времени и бумаги).

<В.Маккавейский.> К сведению // Гермес. С.72.

В 1922 Бернер издает в Киеве свою вторую книгу стихов – «Осень мира». Она была обращена к Брюсову, и мэтр саркастически отметил этот пиетет Бернера в своем разборе поэтических книг, который был в целом направлен против Мандельштама, а Бернер – зачислен в его последователи, в представители «нео-акмеизма»:

Если такова поэзия вождя «нео-акмеизма», то что говорить о последователях и подражателях этого направления? У них нет эрудиции О.Мандельштама, и в их стихах остаются только «парадоксы для парадоксов» и «картинки для картинок». Большинство из нео-акмеистов недурно владеют внешней техникой стиха (впрочем, техникой, отставшей от современной на четверть столетия), но этим стихом высказать им нечего. По-видимому, нео-акмеизм вербует в свои ряды именно тех, которым приходится готовыми формами (выработанными в школе символистов) прикрывать скудость или отсутствие содержания. Таковы стихи Игоря Шишова, вполне гладкие, довольно ловко сделанные, но не говорящие ничего. <...> Не лишен умения писать стихи и Сергей Зеленецкий (хотя сбивается с 5-стопного ямба в 6-стопный), но и его стихи не менее скучны <...>. К тому же роду относятся и стихи крохотной книжки с именем Николая Бернера, начинающиеся – увы! – прославлением пишущего эти строки.⁶⁰

Несмотря на то что термин «нео-акмеизм» был неудачным и в истории литературы 1920-х вызывает в памяти не те имена, что перечислены в рецензии, такое направление развития поэзии оказалось предпочтительным в деятельности московского кружка поэтов, филологов и феноменологов, объединившихся вокруг журнала «Гермес». Термин «классицизм», которым пользовались в кружке, был избран для определения будущей поэзии, «по отношению к которой уже существующая поэзия акмеизма (и его предтечи – Анненский и Кузмин) представляет только первый подготовительный этап»⁶¹. Утверждение этой теоретической и литературной платформы составляло основную задачу кружка. Как отмечал близкий к «Гермесу» рецензент первого номера журнала, «из этой задачи неизбежно вытекает полемика с левыми тече-

---

⁶⁰ Брюсов В. Среди стихов // Печать и революция. 1923. №6. Цит. по: Брюсов В. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии / Сост. Н.А.Богомолов и Н.В.Котрелев; Вступ. ст. и коммент. Н.А.Богомолова. М.: Советский писатель, 1990. С.643-644.

⁶¹ Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: Машинописный журнал «Гермес». III. К истории машинописных изданий 1920-х годов / Публ. Г.А.Левинтона и А.Б.Устинова // Пятое Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С.200.

ниями в искусстве <...>. Теоретические статьи первого номера направлены против футуристической “эстетики”, производственного искусства и “формального метода в поэтике”⁶². «Классицизм» как направление литературной работы оказался приемлемым для Бернера. Кроме того, ему мог импонировать культ Гумилева, которого большинство авторов журнала признавало единственно «классическим поэтом». В 1924 он напишет статью «Памяти Гумилева» к трехлетней годовщине «черного августа» 1921 года, которая предназначалась для очередного номера журнала, но так и не увидела свет⁶³.

С участниками этого кружка Бернер сошелся, вероятно, благодаря А.Альвингу, выступавшему в роли покровителя «гермесовцев». В 1920-е он появился в московских литературных кругах в ином и непривычном для себя качестве: его знакомство с Альвингом, Б.Лившицем и, вероятно, О.Мандельштамом, назвавшим «Гермес» «НЭП'овским антиквариатом»⁶⁴, способствовало тому, что Бернер был встречен как пользующийся авторитетом старший поэт. После публикации в третьем номере «Гермеса» он примет участие и в других издательских антрепризах кружка: антологии «Мнемозина» и альманахе «Гиперборей».

К 1923, когда вышел третий номер журнала, круг «Гермеса» расширился, несмотря на машинописный формат (журнал печатался на машинке «Июст») и ограниченный тираж – двенадцать экземпляров. Одновременно с подготовкой следующего номера велись переговоры об участии в журнале М.Кузмина и А.Ахматовой. Однако внутренние размолвки и перегруппировка московских литературных сил вызвали прекращение издания. На месте литературного кружка «Гермес» возникла другая группа, о создании которой рассказывал в письме к Кузмину Б.Горнунг:

Вскоре после Вашего отъезда из Москвы этою весною мои давно подготовлявшиеся разногласия с «Гермесом» привели меня к выходу из его состава. В дружеской беседе Г.Г.Шпет также находил необходимым, чтобы я – не разделяющий их позицию, непримиримо-принципиальную и нетерпимую по отношению к многим художественным явлениям, для меня очень значимым, образовал иную группу. В этих своих стремлениях я немедленно же после выхода (в июне месяце) столкнулся с такими же стремлениями

---

⁶² Г.С. «Гермес». Журнал. №1. Июль 1922. Москва. 1922 // Корабль (Калуга). 1923. №1-2. С.45.

⁶³ Эта рукопись хранилась в собрании Л.Горнунга.

⁶⁴ Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов: Машинописный журнал «Гермес». С.207.

А.И.Ромма, Н.Ф.Бернера и С.Я.Парнок, которые в течение последней зимы работали в кружке поэтов, куда кроме них входил Пастернак, Юл. Анисимов, Вера Станевич, Г.Шенгели и многие др<угие>, включая Андрея Белого. Так родилась «Мнемозина».⁶⁵

Вопреки утверждению Горнунга, в образовании новой группы Ромм и Бернер выступали на паритетных началах. Так, Бернеру принадлежала идея призвать к организации «Мнемозины» Б.Лившица, который откликнулся на приглашение 19 августа 1924:

19.VIII.1924

Дорогой Николай Федорович!

Очень рад был получить Ваше письмо, а равно и письмо молодых московских поэтов с приложенными к нему материалами. С глубоким удовлетворением узнал о новом объединении, организовавшемся на пересечении литературных орбит, предвиденном мною еще в 1914 году: поистине есть своя менделеевская таблица поэтических элементов! Одновременно с этим пишу Б.В.Горнунгу, посылая ему три моих стихотворения + две вещи М.А.Кузмина, которые я взял у него для «Мнемозины». Когда собираетесь выпустить ее? Где Вы печтаетесь и что делаете в Москве? Не собираетесь ли приехать в Петербург? Был бы рад встретиться с Вами.

Дружески жму Вашу руку,

Бенедикт Лившиц

Ленинград, Моховая, 9, кв.1.⁶⁶

Концептуальное отличие литературной позиции «Мнемозины» заключалось в симпатиях к футуризму, обозначенных в привлечении в альманах бывших участников группы «Лирика». В 1923 они воссоединились в кружке П.Зайцева, о котором шла речь в письме Горнунга. Еще в «Гермесе» он противопоставлял футуризму «в чистом его виде» футуризм «в его московской физиономии». Под московской физиономией имелась в виду «школа “Лирика” – “Центрифуга”, имеющая значение для русской художественной культуры <...>, давшая Б.Пастернака и Н.Асеева»⁶⁷.

Однако непоследовательность Горнунга в изложении этой идеи в статье «Пир во время чумы», завершавшей «Мнемозину», привела к отказу от участия в альманахе Лившица, который не согласился с «необоснованными выпадами против В.Иванова, Пастернака и Асеева»⁶⁸.

⁶⁵ Московская литературная и филологическая жизнь 1920-х годов... С.209.

⁶⁶ Горнунг Б. Поход времени. Кн. 2: Статьи и эссе. М.: РГГУ, 2001. С.438.

⁶⁷ Там же. С.204.

⁶⁸ См. его письма Б.Горнунгу и А.Ромму: Там же. С.385-386, 390-391.

По воспоминаниям Б.Горнунга, альманах был составлен по предложению издательства «Земля и фабрика», «бывшего тогда маленьким кооперативным» издательством, возглавлявшимся поэтом Н.Мешковым⁶⁹. В 1923 это издательство начало выпускать альманахи поэзии и прозы «Рол», где печатались московские поэты и прозаики: Ю.Слезкин, Л.Зилов, А.Альвинг, Вл. Лидин, П.Петровский, П.Романов. Первый сборник «Рола» открывался сонетом Бернера:

В мансарде я сегодня увидал
В лохмотьях девушку, и были босы
Ее ступни. Плеча крутой овал
Так прихотливо огибали косы.

Ее глаза казались чуть раскосы,
Как у японки. Рот, капризно мал,
Изобличал упорство. Я сказал,
Попыхивая дымом папиросы:

– Откуда вы? – Был вынужден ответ.
Пугливо и темно слова звучали.
О, эти косы вороненой стали –

Мой вечер оплетали столько лет...
Чужие оттиски чужих сандалий
Любимую мне возвратят едва ли.⁷⁰

С поэтом Замоскворечья Н.Мешковым Бернера связывали дружеские отношения – он познакомился с ним в кружке И.Белоусова, о котором вспоминал через много лет. Можно представить, что инициатива предложить «Мнемозину» Мешкову исходила от него. Однако с типографским изданием ничего не получилось.

«Он <альманах> долго лежал там, – вспоминал Горнунг, – а временем издательство стало огромным (превзошедшим литературный отдел Госиздата), и возглавил его В.И.Нарбут, предложивший нам “дополнить” альманах стихами совершенно чуждых нам поэтов. Мы предпочли, чтобы альманах был снят с плана»⁷¹. В результате книга была издана осенью 1924 в двенадцати экземплярах – по числу участников: Н.Бернер, Ф.Вермель, Ю.Верховский, Н.Волькенгау, Б.Горнунг, М.Кузмин, Б.Лившиц, С.Парнок, Н.Перелешина, А.Ромм, А.Челпанов⁷².

---

⁶⁹ Горнунг Б. Поход времени. Кн. 2. С.182.

⁷⁰ Николай Бернер. Сонет // Рол. Сб. первый. М.: Земля и Фабрика, 1923. С.7.

⁷¹ Горнунг Б. Поход времени. С.182.

⁷² Поливанов К.М. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина»: Указатель содержания // De visu. 1993. № 6(7). С.46-47.

Как справедливо замечает К.Поливанов, «невозможность “дополнить” альманах была, очевидно, вызвана еще и тем, что стихи двенадцати авторов были помещены вместе с декларацией-предисловием <...>. Таким образом, весь текст превращался из сборника стихов в своеобразный коллективный литературный манифест, не допускавший искусственных “добавок”»⁷³. Несомненно, что предисловие к «Мнемозине» имело целью определить литературную платформу альманаха:

«... *Мнемозина* может возобновиться,
когда наступят иные обстоятельства».

Обстоятельства наступили. Возобновляясь теперь, после столетнего перерыва, *Мнемозина*, наученная горьким опытом, прежде всего решительно отказывается не только от шеллингианства и натурфилософии, но и от всего вообще русского романтизма немецкого толка, подготовившего не *Лермонтова*, но лермонтовскую “школу”, низины гражданской поэзии и общественническую критику, – весь декаданс русского XIX века, на зияющем фоне которого совершенно непонятны сверкающие имена *Тютчева*, *Ал. К. Толстого*, *Фета* и *Каролины Павловой*.

В последнем своем усилии – *Александре Блоке* – русский романтизм «просиял и погас»; просиял высокой и пламенной вспышкой – погас, надеемся, надолго. Доведенные до абсурда романтические традиции еще нарушают порой общественную благопристойность, – но кто же принимает школьничество всерьез?

Если теперь и нужен какой романтизм, то разве лишь в том благородном значении этого слова, в котором романтиком был и *Пушкин*, классик из классиков и, тем самым, реалист из реалистов.

Мы, однако, не полагаем себя возродителями русского классицизма 20-х и 30-х годов. Мы вообще не слишком одобряем столь модную за последнюю четверть века повадку хвалиться, идучи на рать.

Мы счастливы, что нам сопутствуют благосклонные к нам учителя – наши старшие современники.

*Мнемозина*⁷⁴

Обращение в эпиграфе к «той» «Мнемозине», которая издавалась в Москве сто лет назад В.Кюхельбекером и В.Одоевским, поклонение «благосклонным учителям», установка на создание нового «классицизма» – идеологический набор требований, не соответст-

---

⁷³ Поливанов К.М. Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина». С.47.

⁷⁴ Мнемозина: Альманах поэзии и критики. М., 1924 (машинописное издание). С.3-5. Цитируется по экземпляру из собрания автора статьи.

вующих современности, но определяющих нужды культуры. Апеллируя к пушкинскому времени, декларация-предисловие определяла этические границы взаимоотношений литературы и времени и развивала идею, высказанную в программном стихотворении Бернера:

Двадцатый век – не век родной Эллады:
В нем Рима грозного сказался век.
Но мы диктатору сегодня рады,
Им закаляется Пегаса бег.
Сам Аполлон повелевает ныне
Подпольно возродить металл стиха,
Да по углам молиться Мнемозине,
Когда Камена Пушкина глуха.⁷⁵

Другим программным стихотворением «Мнемозины» был сонет А.Ромма, воссоздающий начало неведомого века:

Глухой гримасою землетрясения
Еще искажено лицо земли,
И отгулом недавних катастроф
Еще невольно вздрагивает сердце.
И человечество – под голым небом
Голодный, голый, зябнувший Адам,
Дрожит на налетающем ветру,
На только что осевшем континенте.
Но избуравленная глубь земли
Кипящей лавой снова набухает,
В глубоких ходах зреет наша смерть.
А мы – мы в хворостинных шалашах,
Прислушиваясь к клокотанью лавы,
Стихи слагаем в тайне – для потомков.⁷⁶

То, что имена Ромма и Бернера оказались рядом друг с другом, – совершенно не случайно. Им принадлежит авторство декларации «Мнемозины», а их поэтическая совместимость заметна и в других стихах. Вряд ли причиной тому было подробное следование высказанным декларативным положениям, скорее – четко отработанная литературная рефлексия, где совсем по-новому – как примеры объявленного «классицизма» – проигрываются знакомые поэтические сюжеты. Сонет Бернера, тоже написанный белым стихом, был поэтическим ответом Ромму, в то же время предвосхитив «Северные элегии» А.Ахматовой, которая в 1920-е так еще не писала:

---

⁷⁵ Мнемозина. С.11.

⁷⁶ Там же. С.23.

По вечерам вздыхает мир огромный
И подступает к памяти зима.
Попутный ветер обещает ласку,
У бездны простирает Гальциона
Крыло снегов. Удары сердца ныне
Отчетливей в настороженной мгле.
Окружный брег затих. Вдыхают губы
Стесненный воздух и глотают жадно
Дары стихи. В той раковине время
Тобой звенит, – подвижница камен.
И кажется, что сердце – горсть, не боле,
Песка пересыпаемого думой,
И мудрым собеседником ложится
Волна на задымившийся песок.⁷⁷

Главный образ стихотворения – это раковина. Та же раковина, которая могла бы стать заглавием первого сборника стихотворений Мандельштама. Так обычно написаны стихи, посвященные прошедшей жизни, осознанию себя внутри времени. Как в раковине.

Ромм пишет стихотворение, параллельное восьмистишию Бернера, перенося акцент с образа эпохи на себя самого – на поэта. В одной из своих статей, а точнее – поэтическом манифесте – Ромм призывал «научиться в каждом стихотворении осуществлять творческий акт с самого начала, т. е. творить поэзию из ничего или из непоэтического», возвращая поэзию к искусству преображения жизни. «Нужно снова обрести почти всеми утраченное искусство, наиболее резким образом которого был Боратынский, искусство задумывать *каждое* стихотворение»⁷⁸. Только тогда стихотворение может стать настоящим проникновением в творческую лабораторию поэта:

Я камень с мостовой за пазухой согрел,
И с женской нежностью прильнул он к верной коже.
Лежи, любимая, лежи, пока я цел,
Пока тебе тепло, я согреваюсь тоже.
Я ложью молодой напитан и согрет,
Но ясно в воздухе, как в миг перед падучей.
Мне что-то холодно, мне скоро тридцать лет,⁷⁹
А камень стынущий притворству не научит.

---

⁷⁷ Гиперборей. М., 1926. Вып.1. С.18. Цитируется по копии из собрания автора статьи.

⁷⁸ Там же. С.83.

⁷⁹ Ромм А. Из стихов для второй книги (1926–1927). Подборка стихотворений Александра Ромма составлена и передана автору статьи М.Л.Гаспаровым.

Из старых знакомств Бернер продолжает поддерживать близкие отношения с А.Альвингом, который приглашает Бернера в основанное им в конце 1923 поэтическое объединение имени Иннокентия Анненского «Кифара». Участники «Кифары» – С.Подушкин (Иренин), Д.Усов, Н.Мешков, Н.Соколова (Тea Эc) и др.⁸⁰ – встречались нерегулярно⁸¹, состав кружка часто менялся. В начале 1924 Альвинг попросил близких по духу поэтов прислать ему стихи для сборника объединения. 25 марта Ю.Верховский осведомлялся: «Не опоздают ли уже мои стихи для “Кифары”»⁸², – но сборник так и не вышел.

Альвинг способствовал тому, что с осени 1923 Бернер был вхож в литературный салон А.Антоновской, писательницы и известной еще по Тифлису меценатки. Активный участник московских домашних сообществ Л.Горнунг вспоминал:

Салон Антоновской существовал недолго. Может быть, он и продолжал свою деятельность, но небольшая группа откололась от него и перешла на квартиру Петра Никаноровича Зайцева. <...> Зайцев жил в доме №5 по Староконюшенному переулку в подвальном этаже, где у него в квартире была довольно большая комната, в которой стал собираться наш поэтический кружок, названный “Зайцевским” по имени хозяина.⁸³

В 1920-е литературные кружки и сообщества становятся основной формой творческого общения. Деятельность большинства из них будет прекращена к концу десятилетия, когда в Москве сложится неловкая литературная обстановка. В одном из этих кружков Бернер подружится с С.Парнок, к поэзии которой будет равнодушен. О его знакомстве и чтении стихов на московских поэтических встречах нам известно из дневников Л.Горнунга:

23.X.1923 г.

С.Я.Парнок читала свои стихи. Присутствовали поэты: Сергей Сергеевич Заяицкий, Александр Ильич Ромм, Юлиан Павлович Анисимов, Николай Федорович Бернер, Горнунги Борис и Лев, Петр Никанорович Зайцев, Тумповская Маргарита, Семен Яков-

---

⁸⁰ См.: *Тименчик Р.* Культ Иннокентия Анненского на рубеже 1920-х годов // *Readings in Russian Modernism. To Honor Vladimir Fedorovich Markov / Ed. by R.Vroon, J.E.Malmstad.* М.: Наука, 1993. С.342-343.

⁸¹ См.: Н.С.Гумилев в переписке П.Н.Лукницкого и Л.В.Горнунга / Публ. И.Г.Кравцовой (при участии А.Г.Терехова) // *Николай Гумилев: Исследования и материалы.* Библиография. СПб.: Наука, 1994. С.531.

⁸² РГАЛИ. Ф.21. Оп.1. Ед.хр.17.

⁸³ Дневник Л.Горнунга и его воспоминания о С.Парнок цитируются по копии из собрания К.Поливанова.

левич Богдановский и др. После чтения Анисимов сказал, что стихи С<офьи> Я<ковлевны> плохи тем, что очень хороши. Советовал точный размер стихов разбивать и приблизить к свободному стиху.

Богдановский говорил о пышности слов у Софьи Яковлевны и этим ей не угодил.

Много говорил о ее стихах Бернер, и Софья Яковлевна была довольна его выступлением.

30 X.1923 г.

Сегодня мы опять собрались у Зайцева. Были разговоры на разные литературные темы. Софья Яковлевна Парнок, между прочим, упомянула, что творчество Н.Гумилева теперь полностью оправдано его гибелью.

Николай Федорович Бернер прочел 14 своих стихотворений.
<...>

19.XI.1923 г.

Сегодня Александр Ромм читал свои стихи у Софьи Яковлевны Парнок на Тверской-Ямской. При обсуждении говорилось, что его стихи еще очень слабы, написаны в разных стилях, под влиянием разных поэтов.

24.XI.1923 г.

Сегодня собрались у Зайцева поговорить о предполагаемом журнале. Были С.Парнок, А.Ромм, Бернер, я и другие. Софья Яковлевна скоро уезжает в Петроград. Ал. Ромм прочел приготовленную им программную статью для первого номера журнала. Ее приняли, но не единогласно. Парнок настаивала на том, что надо расширить идеологическую сторону статьи. Ее поддержали Зайцев и Бернер.

Я попросил у Софьи Яковлевны разрешение зайти к ней за ее первым сборником стихов, который мне нужен для рецензии.

6.II.1924 г.

Сегодня вечером наш кружок не мог собраться у Зайцева, т. к. его не было дома, и Софья Яковлевна предложила идти к ней на Тверскую-Ямскую. Всех не удалось известить, и повесили на дверях у Зайцева записку. Я заехал предупредить Бернера о перемене места сбора нашего кружка, но не стал дожидаться, т. к. он еще не был готов выйти со мной. Я отправился к Софье Яковлевне один, а Бернер из-за обычной своей рассеянности, поехал сперва к Зайцеву и, прочтя там записку, явился к Софье Яковлев-

не, когда мы уже расходились. Вечер прошел в чтении разных стихов и в литературных разговорах.

2.IV.1924 г.

Сегодня наш кружок собрался в новом помещении. <...>

Сначала С.Парнок прочла свою новую статью «Сегодняшний день русской поэзии», в которой больше всего говорилось о поэзии Бориса Пастернака.

После чая была устроена «круговая чаша», и каждый участник прочел одно-два из своих новых стихотворений.

Николай Бернер прочел стихотворение «Стареющая Екатерина».

Петр Зайцев придрался к строчке:

«А недостойный человек
расшнуровал ее одежды».

И счел это место неприличным.

Все очень смеялись.⁸⁴

В записи от 30 октября Горнунг сообщает замечательную деталь о московском быте Бернера: «Он сейчас живет на первом этаже правого флигеля “Дома Герцена” на Тверском бульваре в доме №25, а О.Мандельштам с женой живет в левом крыле этого дома, тоже на первом этаже. Бернер с ними встречается и дружит»⁸⁵. Известно, что, благодаря такому соседству и приятельским отношениям двух поэтов, именно через Бернера (как сообщил нам, со слов Л.Горнунга, П.Нерлер) Мандельштам передал летом 1923 письмо для Л.Горнунга, которое знаменито своими строчками об акмеизме: «Акмеизм 23<-го> года – не тот, что в 1913 году. Вернее, акмеизма нет совсем. Он хотел быть лишь “совестью” поэзии. Он суд над поэзией, а не сама поэзия. Не презирайте современных поэтов. На них благословенье прошлого»⁸⁶.

Соседство с Мандельштамом в «Доме Герцена» продлилось недолго. В 1925 Бернер был арестован, осужден и сослан на пять лет в Соловки.

Один из ранних каторжников, Б.Ширяев, в своих воспоминаниях давал выборочный портрет населения Соловецких лагерей особого назначения середины 1920-х, в частности, группы «западников», где выделялись «Союз русских фашистов» и «фокстротисты»:

Назвать этот «Союз» в какой-либо мере политической партией или заговором было бы только смешно. <...> Несколько молодых поэтов из числа многих, заполнявших тогда эстрады «Доми-

---

⁸⁴ Дневник Л.Горнунга (собр. К.Поливанова).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Опул.: *Мандельштам О.* Собр. соч.: В 4 т. Т.4. М., 1997. С.33.

но» и «Стойла Пегаса», столь же молодых журналистов и актеров, полных неперебродившей еще революционной романтики, распаленных вином и кокаином, вошли в эту группу. Число ее членов не превышало 20–30 человек. Какой-нибудь оформленной программы не было. Конспирация была детски-наивной⁸⁷. <...> Вся эта история была бы только глупым и смешным анекдотом, если бы не окончилась расстрелом одиннадцати и ссылкой нескольких десятков человек. Все они были молоды и многие из них – талантливы. <...>

Еще меньше идейного содержания несла в себе вторая группа соловецких «западников», прозванная «фокстротистами». Ее составляли молодые люди, в большинстве из средней московской интеллигенции, виновные лишь в том, что хотели, по праву своего возраста, веселиться. В Москве они собирались на уцелевших еще кое у кого больших квартирах, чаще всего у расстрелянного позже и по другому делу крупного железнодорожного деятеля фон-Мекк, и танцевали только что входивший в моду фокстрот. Их «дансинги» были сочтены заговором, хотя «фокстротисты», по крайней мере подавляющее большинство их, были до смешного безграмотны в политике и абсолютно чужды ей.

Но среди них были прекрасные пианисты Б.Фроловский и Н.Радко, ученик Игумнова, был недурной эстрадный танцор Н.Рубинштейн, умерший на Соловках от туберкулеза, акробатический танцор школы Форреггера Н.Корнилов, поэт Б.Емельянов, блестящий версификатор, выступавший в московских нэпических <так!> кабаре с мгновенными экспромтами на заданные публи-

---

⁸⁷ См. в воспоминаниях Г.Бениславской о председателе «Ордена» А.Ганине:

Черносотенные перевороты, мечты о перевороте и списки будущих министров. В один из списков он включил и Е<сенина> – министром народного просвещения. Но Е<сенин>, который, как бы ни ругался на советскую власть, все же не мог ее переменить ни на какую, рассердился, послал Ганина к черту и потребовал, чтобы тот сейчас же вычеркнул его фамилию. Ганин вычеркнул и назначил министром народного просвещения Приблудного. <...> Позднее Ганина расстреляли, заподозрив в организации какого-то тайного общества, найдя у него типографский шрифт. Почти наверное можно сказать, что как организатор тайного общества Ганин был абсолютным нулем. Все его списки и разговоры о перевороте так разговорами и оставались. Шрифт он добыл, так как собственноручно печатал книгу своих стихов (он мне сам ее показывал). Но не зная его ближе, можно было бы поверить его бреду и решить, что он активный контрреволюционер.

Бениславская Г.А. Воспоминания о Есенине / Сост., подгот. текстов, коммент. Н.И.Гусева, С.И.Субботина, С.В.Шумихина // С.А.Есенин: Материалы к биографии. М.: Историческое наследие, 1993. С.47.

кой темы, талантливый младший режиссер 2-го МХАТ Н.Красовский. К ним примыкал также осужденный по другому делу и иной по своему внутреннему укладу, серьезный и глубокий поэт Н.Бернер, один из немногих уцелевших с тех времен и вырвавшихся в волне второй эмиграции, ныне здравствующий и печатающийся в газетах зарубежья под псевдонимом Божидар. Это была талантливая молодежь.⁸⁸

Содержание дела Бернера нам неизвестно. В лагерях он пробыл почти пять лет, о чем вспоминал всю оставшуюся жизнь, в частности, в стихотворении, которое появилось в печати много позже и неоднократно цитировалось, когда речь заходила о Соловках:

Малейшая частица тлена
Желанна сердцу... Никогда
Так тихо, так самозабвенно
Не вглядывался я в года.

Я часто возвращаюсь к вам,
К вам, заповедные граниты,
И кругозор, ветрам открытый,
Уносит к вещим островам.

Кто раз на камень каземата,
На хладный сей гранит поник,
Тому как праздник голос брата
И – *человеческий* язык.

Я постигаю ненароком
Такие шорохи тоски,
Каких не ведают в далеком
Пространстве... Это – Соловки.⁸⁹

Несмотря на условия «особого назначения», Бернер не оставлял литературную работу. Тогда еще можно было вести переписку и узнать, например, что на «материке» его помнили и даже печатали: его стихотворения вышли в журнале «Гиперборей», который вслед за «Гермесом» и «Мнемозиной» стал последней попыткой бесцензурного издания того же круга московских филологов и поэтов. Один из инициаторов журнала объяснял редакционные принципы следующим образом:

---

⁸⁸ *Ширяев Б.* Неугасимая лампада. Вашингтон: В.Камкин, 1954. С.76-79.

⁸⁹ Литературный современник (Мюнхен). 1952. №4. С.45. Последние две строфы напечатаны в виде отдельного стихотворения в антологии: Берега: Стихи поэтов второй эмиграции / Под ред. В.Синкевич; Сост. В.Синкевич и В.Шаталов. Philadelphia: Encounters, 1992. С.40.

Общее желание – не иметь твердой редакции из нескольких человек, а иметь только группу лиц (2–3), подготовляющих редакционный портфель. Санкция же – за общим собранием наличных сотрудников, т. е. той группой в 8–10 человек, которая может собраться каждый раз (вся группа человек 18, из коих Лившиц – в Петербурге, Волков – во Фрейбурге, а Бернер – в Соловках). Только такая анархическая структура⁹⁰ представляется нам гарантией жизненности всего предприятия.

Машинописный характер журнала, конечно же, объясняет допустимость такой публикации. «Стихи Бернера, которые мы решили печатать под псевдонимом Ф.Николаев, – пояснял Б.Горнунг в письме к Г.Шпету, – посылаю Вам тоже целой тетрадью. Два выбранных для №1–2 отмечены красным карандашом»⁹¹. Заметим, что редакторы все же предпринимали усилия для издания «Гиперборея» типографским способом. Это касалось второго выпуска журнала, в который среди остальных материалов предназначались другие стихи Бернера из упомянутой тетради. Идея типографского издания «Гиперборея» и расширения авторского круга обсуждалась Б.Горнунгом и А.Роммом с О.Мандельштамом, Б.Лившицем и Н.Асеевым. «Возможно, что выйдет что-то вроде нового, очень широкого поэтического объединения на общей платформе, – писал Горнунг жене 11 мая 1927, – возможно, в другом случае, серьезное преобразование “Гиперборея”, возможно, конечно, и то, что ничего серьезного не выйдет. <...> Мы должны за вывеской “Узла” протащить “Гиперборей”»⁹².

Кооперативное издательство «Узел» было создано на основе зайцевского кружка и выпустило серию изящных поэтических изданий. Для «Гиперборея» была выработана и общая художественная платформа – в терминологии его редакторов – футуро-акмеистическая. В качестве основных фигур, определяющих эти две линии поэзии и их слияние в единстве стиля, «гиперборейцы» называли Мандельштама и Пастернака. «На чем, как не на единстве стиля, держится стихотворение Мандельштама, в котором так часто можно переставлять строфы? – заявлял Ромм в манифесте-рецензии. – В чем, как не в единстве голоса и тембра, секрет внелогической логичности пастернаковского напора?»⁹³ Однако проект независимого издания в эпоху исторических преобразований был обречен на поражение: новый выпуск журнала не был даже собран.

---

⁹⁰ Горнунг Б. Поход времени. С.396-397.

⁹¹ См.: Там же. С.397 (письмо от 3 февраля 1926).

⁹² Там же. С.398.

⁹³ Гиперборей. Вып.1. С.83.

А.Ромм понимал невозможность такого издания с самого начала, когда определял жанр «Гиперборея» как «дневника тесного дружеского круга». Такой жанр предполагал независимость от общих критериев эпохи, оставляя прерогативу редакции в определении правил. Первое из них – это человеческая близость авторов друг к другу. Второе – это близость литературных устремлений, «общая приверженность к проблемам *слова* в самом широком смысле этого речения», будь это «художественное» или «научное и философское слово»⁹⁴. В контексте сказанного именно единство круга «Гиперборея» создавало единство художественного стиля, «единство голоса и тембра». О тщетности доведения позиции «Гиперборея» до более широкой аудитории шла речь в обращении «К читателю», которым открывался первый выпуск журнала:

Наша работа, наши мысли чужды и широкому читателю и живому издателю сегодняшнего дня. Мы не интересны печатному станку. И мы обходимся без его помощи. Но мы не можем обойтись без общения между собою. Отказываясь от публики, мы не можем отказаться от дружбы, от атмосферы живого, хотя и в узких рамках замкнутого писательского дела. Философская и поэтическая, филологическая и историческая работа, хотя бы и совершаемая на задворках жизни, нуждается в чистом освещении, в атмосфере чисто направленной поддержки. Ей мало того, что имеет она сейчас – академических и художественных возможностей. Мало печатать стихи и прозу, мало опубликовывать результаты исследовательской работы: надо еще черпать где-то уверенность в ценности и нужности самого этого труда, надо где-то находить источники чистой и твердой уверенности. Атмосферу такой установки мы и хотели бы создать в Гиперборее; мы хотели бы, чтобы он давал нам и нашим немногочисленным товарищам по работе новые импульсы к творческой деятельности.⁹⁵

Поэтическая работа Бернера осознавалась как часть работы не только этого круга, но и всего поколения 1920-х, вне зависимости от исторических обстоятельств. В «Гиперборее» были напечатаны два стихотворения – «По вечерам вздыхает мир огромный...» и другое, написанное в марте 1925, которое свое заглавие получит позже⁹⁶:

Слушай. – Непорочная Венера
Мне когда-то снилась поутру,

---

⁹⁴ Гиперборей. Вып.1. С.6.

⁹⁵ Там же. С.7.

⁹⁶ В сборнике «След на камне» это стихотворение озаглавлено «Рождение Венеры» (С.29).

Проплывала спящая галера
На изнемогающем ветру.
И волна вскипала, набегая,
Был простор неведом и высок,
А богиня – девочка нагая –
Падала на золотой песок.
С этих пор я перестал бояться
Голосов задумчивой земли,
С этих пор я научен смеяться,
Оснащая страстью корабли.
Долгий жар той крохотной ладони,
Памяти нечаянный улов,
Эти зовы, ропоты, погони –
Дар адриатических ветров.
Мир скользит и пробегает мимо,
Опадают к осени листья.
Смуглых ног неловкие зажимы,
Детские уроки наготы.⁹⁷

В отличие от позиции «Гиперборей» с его декларированным безразличием к печатному станку, совсем иначе выглядели принципы другого журнала, где печатался Бернер, – «Соловецкие острова»:

Он содержал 250–300 страниц убористого шрифта и мог быть смело названным самым свободным из русских журналов, выходявших в то время в СССР. <...> Журнал выпускался солидно, даже щегольски, на хорошей бумаге, в строгой серой обложке, с заголовком по эскизу талантливого Н.Качалина. Он не только не имел провинциального вида, но внешне напоминал лучшие из старых изданий этого типа. Вышло его семь или восемь номеров.<...>

Художественная проза была бедновата. Шли рассказы Литвина, Глубоковского, мои... Стихов было больше. Евреинов, Бернер, Русаков, Емельянов, Акарский давали очень неплохую лирику, правдиво и искренно отражавшую соловецкие настроения. В стихах можно было сказать больше и неуловимо для цензуры, все же выразить свои чувства. Соловецкие поэты это делали.⁹⁸

Обращаясь к поэзии как к спасательному кругу, Бернер писал «для себя» впрок на будущее. Из стихотворений, написанных на Соловках, составила подборка в 12 листов, которую он переслал по возвращении Е.Архиппову, библиографу И.Анненского и собирателю стихов своих любимых и часто неизвестных поэтов⁹⁹.

---

⁹⁷ Гиперборей. С.19.

⁹⁸ Ширяев Б. Неугасимая лампада. С.129-130.

⁹⁹ РГАЛИ. Ф.1346. Оп.2. Ед.хр.10.

Весной 1929 Бернер возвращается с Соловков. Надежд на то, чтобы остаться в Москве, у него нет. Он поселяется в Калуге, но вскоре его высылают в Брянск, откуда он пишет немногим друзьям. О тяжелом положении Бернера свидетельствует дневник Л.Горнунга:

7.IV.1929 г.

Отнес Софье Яковлевне книгу Цветаевой «После России» и дал ей новый сборник М.Кузмина «Форель разбивает лед».

Читали письмо Николая Бернера из Брянска, куда он был выслан. Решено помогать ему и посылать деньги из-за беспомощного его состояния.

27.XI.1929 г.

Вечером был на Никитском бульваре у Софьи Яковлевны Парнок. У нее была Мария Павловна Кудашева. Я читал стихи. Говорили с Софьей Яковлевной о Николае Бернере. Работы он в Брянске найти не мог, будучи человеком очень неприспособленным к жизни. У меня с собой было его письмо из Брянска, и мы его прочли. Софья Яковлевна решила помогать ему небольшими денежными суммами из своих средств, и по ее поручению я послал ему первые деньги.¹⁰⁰

Еще одна запись, от 12 декабря, посвящена новому письму Бернера: слова благодарности за ту помощь, которую оказали ему московские друзья. Пребывание Бернера в Брянске было недолгим. Вероятно, именно невозможность найти работу и общая беспомощность, которую Горнунг отмечал как одну из его характерных особенностей, вынудили Бернера искать другой город для жизни. К 1934 он уже был в Воронеже, где возобновил свое знакомство с Мандельштамом. Много лет спустя он вспоминал его доклад об акмеизме, в котором Мандельштам объявил: «Я не отрекаюсь ни от живых, ни от мертвых».

Именно Воронеж Бернер воспринимал как terminus, конечную станцию своей «первой жизни».

Следующей станцией был Зальцбург, лагерь для перемещенных лиц, или ди-пи, под названием «Парш». Среди многих временных станций для беженцев этот лагерь известен в истории русской зарубежной литературы своим издательством «Колумб», выпускавшим одноименный журнал и поэтические книжки. Признанным поэтом лагеря был Родион Березов (Акульшин)¹⁰¹. В 1952 Бернер выпускает

---

¹⁰⁰ Дневник Л.Горнунга (Собр. К.Поливанова).

¹⁰¹ Благодарю Нину Шапиро, родившуюся в лагере «Парш», за это сообщение.

под грифом «Колумба» сборник «След на камне»¹⁰², объясняя в заглавии литографский способ печати книги. Эпиграф к сборнику: «Нагой человек на голой земле. Камень, огонь, вода...» из стихотворения Бернера 1923 года «Робинзон Крузо».

Заглавие возвращает и к «заповедным гранитам» и «камням каземата» Соловецких лагерей. И к теплу камня из стихотворения А.Ромма – его друга из предыдущей жизни. «Одетым в камень» предстает у Бернера Зальцбург:

Старинный город, весь одетый в камень,
Уже не повторится никогда,
Но я храню твой одинокий пламень,
Как Моцартом воспетые года.
В средневековом сумраке молелен
Мерцает синим холодом свеча
Страстей Господних в глубине расщелин,
Ведущих к мертвецам... и горяча
За гробом-городом живая влага
Нагорного полудня, и свежа
Трава долин, и солнечная сага
В границе дышит, как струна дрожа...
И свет сменяет тьму. Над самой крышей
Седых громад, у поступи веков
Чужой скиталец голос Бога слышит
В гремящем звоне тысячи ручьев.
Природа серых гор, быстрин-потока,
Снегов и солнца и душистой тьмы,
Где полыхают стариной глубокой
Вносящиеся к Господу псалмы.

Стихотворениям в сборнике предшествуют три статьи, в первой из которых Бернер рассуждает об этической стороне поэзии. «В предисл<овии> к “Следу на камне” есть его художественная декларация, – отмечает автор словарной статьи, – в ней он говорит о необходимости “слова о человеке”, недавно прошедшего “этапы людских страданий”. В его стихах повторяется тема войны и особенно тема родины в роковые годы: “Всем телом содрогается Россия / В кричащем ужасе концлагерей”»¹⁰³. Стихотворение «Две жизни», из кото-

---

¹⁰² Датируется на основании дарственной надписи: «Вечно родному Юрию Яковлевичу Кандиеву. От автора. 1 Ноября 1952 г. Зальцбург» (Sterling Memorial Library. Yale University. New Haven, Connecticut, USA).

¹⁰³ <Синкевич В.> Бернер Николай Федорович // Словарь поэтов русского зарубежья / Под общей ред. В.Крейда. СПб., 1999. С.288.

рого приведены строчки, в него не вошло, но основная направленность сборника, действительно, заключается в создании эпической лирики – совершенно для Бернера не характерной, определяющей главные темы его стихотворений:

– война:

Что значу я с моей убогой думой
В разгар войны, в такой свирепый час,
Что значу я, я домосед угрюмый
Да собиратель близоруких фраз.
И каждая из них в молве затонет,
Чудовищное колесо времен,
Безостановочно вращаясь, гонит
Порхающую бабочку – мой сон.
Мой хрупкий сон – резвящийся ребенок,
Он оглушен боями, он дрожит,
Война врывается в туман спросонок,
Война подстерегает мирный быт,
Война обрушится тягчайшим громом
На этот город улицы, сады
И заметет над стародавним домом
Последней дружбы слабые следы.¹⁰⁴
(Из цикла «Война»)

– предательство:

Бывает в сердце мука вонзена
До задыхания, и сердцу тяжело.
Вкус воздуха – то горькая ромашка.
Бывает час, как будто бы затяжка
Сигары иль пролитого вина
Скупой глоток. Оно не жжет, не греет,
Сжимает горло одинокий звук.
Конец. Развязка. Память каменеет.
Становится чужим ближайший друг.¹⁰⁵

– родина:

За плечом Отчизна! Свет раздвинут
В небывалое. Он уцелел
Дар богов... Треножник опрокинут
В тишину. В невиданный предел.
Пусть война свой бег остановила,
Как волна ослабшая у ног,

---

¹⁰⁴ След на камне. С.22.

¹⁰⁵ Там же. С.36.

Возрастает пламенная сила –
Это Родина и свет и Бог.¹⁰⁶

– попытка осмысления века:

Погибай! Ты того достоин,
Грозный, нищий, чудовищный Век!
Из гигантских твоих пробоин
Вылупляется человек.
И недаром копит обиды
Век двадцатый, чтобы пророс
В эти шахты век Атлантиды
Синедонную влагою звезд.
(«Атлантида»)¹⁰⁷

Статьи были написаны раньше, чем появилась возможность их напечатать, поэтому Бернер делает приписку на книге: «статьи устарели и потеряли отчасти свой смысл»¹⁰⁸. Некоторые стихотворения намеренно «автобиографичны», и по ним можно восстановить пропущенные жизненные эпизоды. Прежде всего, это касается стихотворений, посвященных памяти его жены:

Подходит ночь. Двухспальная кровать
Последняя сожигательница ночи.
Кого сегодня жадно ревновать
Ты захотел? – Твоя жена, твой зодчий,
Ушла туда, где дум, где звуков нет,
Где только небо, да курган, да камень,
Расстрелов эхо, – вымученный бред
Твоих стихов, их неподвижный пламень.
Я промолчал. Но в каменной груди,
Которая была подобна морю,
Скупой наказ: «Жена, не приходи,
Сопутствовать слезам, – слезам и горю!»¹⁰⁹
(«В войну»)

Крохотная ограда
Призрачного жилья –
Шалым взлетом снаряда
Взметнулась память твоя.
Маленький холмик этот
Чугуном безжалостно взрыт...

---

¹⁰⁶ След на камне. С.24.

¹⁰⁷ Там же. С.26.

¹⁰⁸ Экземпляр из собрания: Sterling Memorial Library. Yale University (USA).

¹⁰⁹ След на камне. С.20.

Маленький холмик этот
Разве будет забыт?
(«Памяти жены»)¹¹⁰

Отчетливее осязательность смерти,
Как судорога битв ее лицо!
Я зажимаю в крохотном конверте
Нательный крест и женское кольцо.
Эмблемы милые, конечно, смогут
На пять минут обезоружить мрак –
Подачка сердцу!..¹¹¹

И все же лучше всего Бернер умел писать камерные стихи. Как, например, «Сонет», напечатанный в журнале «Возрождение»:

Весенний дождь, как светлые пролеты
В живую вечность мира, а лучи,
Как будто золотые водометы
Над переливами лесной парчи.
И все меняется, и все трепещет,
И все горит, а горные ключи
Поют о солнце... В сердце заключи
Последний дар, иначе жизнь расплещет
Огонь восторга трепетом руки.
У бурно разметающейся реки
Я отдаюсь ей глубокой дрожи.
Я имя называю, но глухи
Все клятвы и на правду не похожи.
И кто я здесь!?!.. Я для тебя прохожий,
Читающий безумные стихи.¹¹²

Из Зальцбурга Бернер переезжает в Мюнхен, где продолжает публиковаться под избранным им псевдонимом Николай Божидар, позаимствованным из истории русского футуризма. Этот псевдоним принадлежал когда-то Богдану Гордееву, соратнику Г.Петникова и Н.Асеева и участнику «Центрифуги», покончившему с собой вскоре

---

¹¹⁰ След на камне. С.19.

¹¹¹ Там же. С.21.

¹¹² Возрождение. 1950. №9. Май–июнь. С.101. Подпись: Н.Божидар. В «Литературном современнике» (1952. №3. С.36) был напечатан вариант последнего катрена:

Неповторимое всего дороже,
А слава переменчиво-глуха,
Да что я для нее – неузнанный прохожий,
Влюбленный в дуновение стиха.

после начала Первой мировой войны, Помимо вполне понятного нежелания выдавать свое истинное имя сразу же после войны, можно предположить, что этот псевдоним был значимым для Бернера. В истории русской поэзии это имя тем не менее входит в список «жертв утренних», составленный Г.Шенгели, с которым Бернер встречался в Москве: «У каждой литературной группы есть рано умерший сочлен: Веневитинов у пушкинцев, Надсон у восьмидесятников, Коневской у символистов, Игнатъев у северянцев, <Лозина->Лозинский у акмеистов, Божидар у футуристов, Фиолетов у южно-русской школы»¹¹³. Эта идея жертвенности, не востребовавшего поэтического слова могла оказаться значимой для Бернера, начавшего в Австрии свою вторую жизнь.

В 1952 журнал литературы и критики «Литературный современник» сопровождает публикацию его стихотворений биографическим фрагментом:

Поистине нелепа и странна в наше время судьба отдельного человека, а в особенности – человека творческого начала. Пять лет промаяться, неизвестно почему и зачем, в австрийском лагере Зальцбурга, после мрачной и причудливо-страшной полосы.

Из советского заточенья – пройдя Соловки и ряд высылков, напечатать там свой фрагмент книги стихов (вся книга взята при аресте и уничтожена) – Осень мира.

В ней осмелился сказать громко:

Переживем – как-нибудь и балаган недоучек,
Переживем палачей кисти, пера и резца.

и... после большого жизненного пути – ринувшись жадно на запад – очутиться в новом плену (дипийском), быть прикрепленным к месту, желая притом работать, думать, писать, верить, бороться. *Вот и все!*¹¹⁴

В предисловии к антологии поэтов «второй волны» В.Синкевич поясняла не столько принципы включения авторов, сколько их отличие от других эмигрантских волн:

Трагична судьба многих авторов этого сборника. Старейший поэт второй эмиграции Николай Бернер (род. в 1890 г.) прошел Соловки; его участь разделил Михаил Надеждин. В лагеря НКВД были сосланы Александр Котлин, Юрий Трубецкой, Борис Филиппов, Владимир Юрасов... Александр Котлин был насильно

---

¹¹³ «Рудин из Брюсовского института»: Письма Г.А.Шенгели М.М.Шапской. 1923–1932 / Публ. С.Шумихина // Минувшее: Исторический альманах. Вып.15. М.; СПб.: Феникс –Atheneum, 1994. С.260.

¹¹⁴ Литературный современник. 1952. №3. С.36.

увезен из Германии в СССР. Георгий Полошкин погиб в немецком концлагере.

Есть два обстоятельства, четко отличающие вторую эмиграцию от первой: местожительство на территории Советского Союза до 1939 года и возможность переселения на Запад только благодаря Второй мировой войне. Нужно еще заметить, что, за исключением нескольких человек, поэты этой эмиграции начали публиковаться только на Западе и здесь «завоевывали» свое место в сложной иерархии зарубежной поэзии.¹¹⁵

Неприспособленность Бернера к жизни сказалась и здесь: он сумел найти себе применение в новой жизни только на короткий срок. По заказу Института по изучению истории и культуры СССР в Мюнхене он работал над монографией «Внутренняя эмиграция и интеллигенция на Соловках», которая так и осталась в рукописи.

Помимо «Литературного современника» Бернер также печатается в малых антисоветских изданиях, в частности газете «Голос народа»¹¹⁶, где появился его мемуарный этюд о Вертинском. К сотрудничеству с газетой его, вероятно, привлек Ю.Большухин, который писал Ю.Иваску о воспоминаниях Бернера¹¹⁷. Другие его мемуары появились в газете «За свободу», издававшейся в Мюнхене в 1952–1954 как «орган Российского народного движения».

Главным редактором газеты был Е.Кумминг (Комнин), московский приятель В.Каверина, берлинский знакомый В.Набокова и Г.Струве, достигший высокого положения в отделе пропаганды НСДАП¹¹⁸. Несмотря на политическое направление газеты, ставившей себе целью «как можно шире ознакомить зарубежное общественное мнение с нашей большой и главной темой: борьбой антикоммунистической эмиграции, сплотившейся вокруг координационного центра антибольшевистской борьбы»¹¹⁹, Куммингу удалось сделать газету замечательной по составу: здесь печатались З.Арбатов, Вяч. Завалишин, Н.Нароков. В №8 была напечатана рецензия Г.Струве («О советской поэзии. По поводу одной антологии») на книгу Владимира Маркова «Приглушенные голоса. Поэзия

---

¹¹⁵ Синкевич В. Время итогов // Берега. С.7.

¹¹⁶ «Голос народа» издавался как бюллетень Германских отделов Союза борьбы за освобождение народов России (СБОНР) и Союза воинов освободительного движения (СВОД).

¹¹⁷ Письмо от 28 сентября 1957 (Amherst College. Amherst, Massachusetts (USA). Архив Ю.Иваска.). Указано Г.Суперфином.

¹¹⁸ Национал-социалистическая рабочая партия Германии (NSDAP).

¹¹⁹ За свободу. 1953. №16. С.6.

за железным занавесом»¹²⁰. С литературными обзорами регулярно выступал Ф.Степун, в том числе с программной речью, произнесенной 9 августа 1953, в День русской культуры, в Мюнхене – «Русская культура и текущий момент»¹²¹. В литературном отделе печатали стихи И.Чиннов, И.Яссен и Ю.Трубецкой, в нескольких номерах появилась вариация «Советский Онегин», подписанная Ник. Бездомный¹²². Трубецкой также напечатал отрывки из автобиографической повести «Нищий принц»¹²³.

Мемуарный очерк Бернера «Особняк у Семеновской заставы (Воспоминания о Белоусовых)» посвящен его московским литературным знакомствам и дружбе с И.А.Белоусовым, редактором журнала «Путь» (названного по ошибке «Наш путь»), и его сыном, И.И.Белоусовым:

Проходит время. В полное небытие погружаются встречи, личности, события, но ко всему этому есть маленькая оговорка. Полного небытия, конечно, нет. Во всяком случае, я бы сказал, есть некие «флюиды духа» – они продолжают жить и пребывать с нами, а порой и заполняют собой все трудовые и героические пути нашего земного скитания. Вот сейчас передо мной одно из самых глубочайших воспоминаний о двух лицах «изжитого века».

В дореволюционные годы, а также в течение первого десятилетия советчины, в Москве, у Семеновской заставы, в маленьком деревянном особнячке жил Иван Алексеевич Белоусов. Был он очень скромным человеком, а в литературе – очень небольшим поэтом народнического толка тех времен... Весь он, в своих взглядах и творческих приемах, исходил непосредственно из эпохи 80-х годов прошлого столетия. Был как бы одним из последних представителей народнических веяний, уже совсем запутавшихся в новой эпохе. Жил памятью об Успенских и о Златовратском. Он же первым перевел на русский язык Шевченко, а также был участником ряда детских журналов. В этом человеке была изумительная неподдельная любовь к брату-писателю. <...> Больше всего он ценил в писателе человека.

Дом у тихой Семеновской заставы был домом постоянных гостей и уже отмирающего русского хлебосольства. О беседах, которые там происходили, – можно было бы написать большую книгу воспоминаний.

---

¹²⁰ За свободу. 1953. № 8. С.8.

¹²¹ Там же. №14. С.5.

¹²² Там же. №9. С.6.

¹²³ Трубецкой Ю. Загородные пенаты // Там же. №8. С.8; Трубецкой Ю. Тюрьма // Там же. №16. С.6.

Общественность И<вана> А<лексеевича> сказывалась в умении быть крупным организатором писательской братии. Сам он наравне с В.Я.Брюсовым был директором Литературно-художественного кружка, был он и одним из создателей «Бунинских сред». <...>

Его взрослый сын, не писатель, по характеру и пристрастиям был – сколок с отца, с той лишь разницей, что вбирал в себя с жадностью не народническое течение родной литературы, а всю эпоху Серебряного века. Белоусова-сына ценили и любили писатели другого строя – молодой Шмелев, юный Пастернак, начинавший тогда Пильняк, Ляшко, Сухотин, поэт московского Замошворечья Николай Мешков и много других тогдашних поэтов.

И.А.Белоусов (отец) ряд лет издавал не лишенный некоторого интереса журнал «Наш Путь». Таким образом, в писательской среде, окружавшей Белоусовых, были отцы и дети. Но дети, что весьма странно, не грубили отцам – уживались с ними под одной кровлей. Иногда с уважением и иногда снисходительно критиковали отцов.

Не выносил Белоусов-отец никакой внешней рекламы. Раз молодой Клюев, вступавший в те поры в литературу, делал визиты авторитетам с объемистой визитной карточкой, на которой были напечатаны первые отзывы о его таланте. Явился он и к Ивану Алексеичу. Тот, прочитав карточку, нахмурился и, вероятно, в первый раз в своей жизни заявил подавшему клюевскую карточку слуге: «С такой рекламой – не принимаю».

Скромность и писательская этика еще в то время имели свои законы. Наглость маяковщины еще лишь как эхо долетала в эту творческую обитель, и осуждалась.

Плохо пришлось Ивану Алексеичу с приходом советской власти. Было время в первые годы октябрьской революции, когда писателю было официально предложено выбрать «особый патент», дававший право считаться писателем. Мы, многие, в то время острили и называли его, вспоминая тютчевское выражение, «патентом на благородство». Иван Алексеич сей патент обрел – он ведь был обязателен. Тем не менее к нему однажды явился некий латыш из московской Чека с ордером на арест.

Тут произошло событие совершенно особого порядка. Иван Алексеич знал латышскую поэзию и переводил на русский язык латышских поэтов. Когда представитель Чека с особенным нюхом ищейки рылся в бумагах стола, ища «контру», он наткнулся на рукописи переводов и подлинников и надолго углубился в чтение. Потом спросил: «Это вы сами переводили?» Начался разговор на литературные темы. Чекист оказался сам ла-

тышским поэтом. Он не только не арестовал И<вана> А<лексеевича>, но и предложил ему для перевода собственные стихи и с орденом отправился восвояси. Такие идиллии в те времена, хотя и в редких случаях, но бывали еще возможны.

С приходом советской власти кружок на Дмитровке был ликвидирован, а писательская среда, окружавшая Белоусовых, стала постепенно редеть. Еще не потерпевшие и оставшиеся в живых навещали старика.

Черной изменой ему за безмерное хлебосольство оплатил писатель Серафимович, ставший коммунистом. По его доносу, как мне говорил старик Белоусов, и случилась упомянутая попытка его изъять.

Иван Алексеевич умер в конце 20-х годов, оставив после себя небольшую книжку ценных писательских воспоминаний, изданную в советское время.

Сын его также оставил огромные литературные дневники. Он умер от чахотки за несколько месяцев до смерти отца.

Умер очень трогательно. В последний день жизни, верен самому себе, лежал, читая какой-то новый, только что вышедший в переводе, роман. Утром посмотрел на недочитанные главы и сказал всего только: «Жаль, жаль, дочитать не придется...»

Дневники Белоусова-сына перешли в руки его писательских друзей, но дальнейшая судьба дневника для меня темна.¹²⁴

Одно из ранних стихотворений Бернера было напечатано с посвящением «Ив. Ив. Белоусову». Как и многие стихотворения этого жанра, оно страдало пережитками символистских обращений к друзьям-поэтам – жанр, который можно определить как неудачный мадригал.

Пройдут года, но так же ты
Товарищем единым будешь,
Не оттолкнешь и не забудешь
Поэта детской нищеты.
И в жизни, – в буре новых зол
Ты облегчишь глухую рану.
Я славлю горький произвол,
Я славить смуты не устану.
Из хаоса – восстанет мир.
Как образ сотворить без крови?
Но я живу, и голос лир
Поет о вечно дерзкой нови!..¹²⁵

¹²⁴ За свободу. 1953. №9. С.6. Подпись: Н.Ф.Бернер.

¹²⁵ Песни Жатвы. С.9.

Другим мемуарным очерком о литературной Москве, над которым Бернер работал, но, видимо, так и не довел до конца, были воспоминания о встречах с О.Мандельштамом. Об этом он сообщал в письме С.Прегель, поэтессе и директору парижского издательства «Рифма»¹²⁶.

К письму было приложено стихотворение памяти Мандельштама (18 сентября 1966), написанное тем же размером, что и стихотворение памяти Ахматовой (10 июня 1966). Возможно, они составляют «двойчатку» или являются частями ненаписанного цикла памяти поэтов.

<I>

Навек Ахматова ушла
Из этой жизни одинокой, –
Над осенью такой глубокой
Сгорая, – молча отцвела!
Тебе бы жить и снова петь,
Даря нам солнечные звуки,
И в даль времен сквозь сон смотреть
Без утомленья и без муки!
И внемля твой из гроба зов
Такой щемяще-одинокий,
Как будто шлет сегодня строки
Тебе в подарок Гумилев!

<II>

Навеки ушел ты из мира,
Полжизни в скитаньях ты был.
Звучала бездомная лира
У всех придорожных могил!
От Века не ведал покоя, –
Сибирь, голодовки, тюрьма! –
Там небо до боли чужое
И в нем неизбывная тьма!
Однако перо не присохло, –
К певцу снисхождения нет, –
Решили: «Враждебного толка
Ненужный, нам чуждый поэт!»
В чудовищной, в лютой Эпохе
Вконец изнемог от нее! –
Что жизнь?! – Это – нищего крохи,
Но в творчестве – чудо твое! –

---

¹²⁶ См.: Приложение 1 (письмо 3, примеч. 1).

Потом ледяное скитанье, –
Бродяг подневольный удел, –
До жуткого содроганья
О страждущей Родине пел!¹²⁷

На протяжении 1950-х стихотворения Бернера изредка печатаются в «Новом журнале», журнале «Литературный современник». В одноименном альманахе 1954 года напечатан его портрет периода 1930-х – один из немногих артефактов, спасенных из прошлой жизни. Еще одна публикация из двух стихотворений – в 1960 в Торонто в журнале «Современник», сделанная при посредничестве Ю.Трубецкого, тоже киевлянина. В 1966 выходит антология «Содружество. Из современной поэзии Русского Зарубежья», где напечатаны пять стихотворений Бернера и его автобиография:

БЕРНЕР, Николай Федорович.

Я родился в 1890 г. в Киеве. Там же окончил 4-ую гимназию и в 19 лет поступил на юридический факультет Московского университета, одновременно посещая лекции по истории и литературе, пока не вышел закон, запрещающий такое посещение.

Валерий Брюсов был моим другом и первым наставником в творческих исканиях и опытах. Один из его сонетов (акrostих) посвящен мне.

В России вышли только две тощие тетради моих стихов – «Одиннадцать» (1920)¹²⁸ и «Осень мира» (1925). Это были фрагменты подготавливавшегося в то время большого сборника, отобранного при первом аресте в Москве. Третий тоненький сборник – «След на камне» (1955) – был отпечатан литографическим способом уже в эмиграции.

Моя жизнь после пребывания на Соловках перемежалась тюремными отсидками. Из Воронежа – места последней высылки – попал во время войны в Зальцбург, затем в Мюнхен. Там, для института по изучению СССР, выполнил стипендиатскую работу: «Внутренняя эмиграция и интеллигенция на Соловках». В конечном счете очутился в старческом доме глухого поселка во Франции, оторванный от литературной жизни Зарубежья.¹²⁹

Умер Бернер 5 февраля 1969 в «сердце Франции» – под Орлеаном в Лайи-ан-Валь¹³⁰.

---

¹²⁷ University of Illinois Archives (USA). Sophie Pregel and Vadim Rudnev Collection (15/35/56). Box 1.

¹²⁸ Все годы издания книг неверны.

¹²⁹ Содружество: Из современной поэзии Русского Зарубежья. Вашингтон: Изд. Русского книжного дела в США – Victor Kamkin, Inc., 1966. С.510-511.

¹³⁰ Копия свидетельства о смерти получена Г.Суперфином 25 февраля 1987.

В письма к С.Прегель Бернер вкладывает поздние стихи, которые неудачны – и качеством исполнения, и традиционными для эмигрантского стихотворчества темами. Упрощение стиля вызвано возрастом и личными неудачами человека, чья жизнь была исковеркана эпохой, к которой он обращался с фамильярной легкостью. Наверное, как поэтический итог появилось это стихотворение, написанное в излюбленной Бернером форме восьмистишия и вложенное в одно из писем:

Стихи на что? – Кому здесь нужны!..
– Глухих ночей тяжелый бред! –
Я отправляюсь в путь недужный, –
Из этой тьмы исхода нет!

И до чего же сердцу больно
В годах томиться или ныть!
Я говорю себе: «Довольно
Жизнь неудавшуюся длить!»

Для того чтобы написать литературную биографию Бернера, сведений недостаточно: не хватает ни списка публикаций, ни библиографии, ни мемуарных свидетельств, ни архивных материалов. Неизвестно содержание его дела о заключении на Соловках и дальнейших арестах. Однако восстановление истории русской литературы справедливо предполагает, по крайней мере, артикуляцию имен, которые встречаются в письмах современников. В конце концов, главный смысл такой работы в данном случае – воссоединить две его жизни и определить взаимоотношения времени и человека, который себе отказывал в биографии.

«А когда минет социальная необходимость в деле и только деле, когда будет выстроено то, что строится, – заканчивали авторы «Гиперборея» обращение «К читателю», – тогда, быть может, один из наших рукописных экземпляров попадет в руки будущего работника слова и напомнит ему о трудном пути и безвестной работе его предшественников»¹³¹.

Автор выражает свою искреннюю признательность Габриэлю Суперфину, Николаю Богомолу и Роману Тименчику за многочисленные добавления к тем сведениями, из которых выложена эта мозаика. Особая благодарность Константину Поливанову за московские истории.

---

¹³¹ Гиперборей. С.7.

Письма Н.Бернера к С.Прегель¹

1

16 августа 1966^а год

Глубокоуважаемая София Юльевна!

Получив Ваш адрес от Юрия Павловича Трубецкого², я решил написать Вам это письмо. К сожалению, Ваши стихи мне весьма слабо знакомы, только три вещи я обрел из Антологии Иваска.

Скажу о них только одно, именно: в своем своеобразном неореализме они меня поразили и дошли до конца до моего сознания. Без преувеличенья скажу: они превосходны.

Теперь поведаю Вам о себе. Моя долгая жизнь – это сплошная цепь разнообразных лишений. Разумеется, самое большое лишение – это то, что в сплошных и принудительных скитаньях я растерял даже небольшие сборники стихов, которые все же удалось мне напечатать. Сейчас, еще с юношеских лет, у меня остался единственный друг – это Юрий Павлович Трубецкой.

Живу я сейчас почти в захолустье, среди лесов. Устроиться мне хотя бы в Париже не удалось. Так не легко и крайне скорбно завершается жизнь моя. Недавно на нервной почве даже лишился временно ног, но теперь опять, после пребывания в больнице, а потом – в санатории, снова обрел возможность ходить.

К Вам моя большая просьба: ежели у Вас имеется лишний экземпляр Вашей книжки стихов, то я буду крайне рад, ежели Вы его мне вышлете!

Надеюсь, что Вы откликнетесь на это мое письмо, в котором невольно излил душу!

С глубоким почтением

Н.Бернер

P.S. Прилагаю при этом письме, так сказать, попутно один мой недавний стих из осенних этюдов.

Н.Б.

Притихла жизнь в гаданьи новом,
 Что будет в будущем, что ждет
 Народы Мира?! С мудрым словом
 Какой провидец перейдет
 Сквозь лабиринт сплошных загадок
 И разрешенье их найдет?
 Но помолчим! Как стало тихо, –
 Прислушайтесь и до конца:

Над Миром нависает лихо,
Как жгут зажатого кольца!
А что же делать здесь поэту,
Когда всемирный кавардак
Толкает нас кружить по свету,
Чтоб уловить хотя бы знак!
Страх? Нет, не страх! Но что за диво
Та осень мира в вечерах!
Еще мудрец красноречиво
Сказал давно: «Все тлен, все прах».

Н.Бернер³

¹ София Юльевна Прегель (1894, Одесса – 1972, Париж). С 1922 жила в Берлине, в 1932 переехала в Париж. Ее первая поэтическая книга «Разговор с памятью» вышла в издательстве «Числа» (Париж, 1935). В начале войны переселилась в США. В 1948 вернулась в Париж. Оказывала финансовую поддержку парижскому издательству «Рифма», с 1957 по 1972 была директором издательства. В своих воспоминаниях Ю.Терапиано отмечал ее «способности на все откликаться» (См.: *Терапиано Ю.* Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, статьи, воспоминания. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос; Третья волна, 1987. С.192). Переписка с Бернером и была знаком такого внимания к забытому поэту.

² Юрий Павлович Трубецкой (наст. фам. Нольден-Эбергардт; 1902, Рига – 1974, Ульм) – литератор. Жил в Киеве, после службы в РОА оказался в эмиграции, сменил имя на Юрий Трубецкой. В 1946 выпустил книгу «Петербургские строфы», писал стихотворения о Петербурге и мифологизировал читателей «Нового русского слова» квазимемуарными историями об Ахматовой, Мандельштаме и других поэтах. В статье-манифесте «Недооцененное поколение» (не лишенной, впрочем, исторических неточностей) Трубецкой вспоминает свое киевское прошлое и, в частности, пишет о Бернере:

В 1921 г. зимой, существовал т<ак> наз<ываемый> Цех поэтов в г. Киеве. Он приютился при грузинском ресторанчике на б. Думской площади. Существовал лишь несколько месяцев (до весны). В связи с началом НЭПа там допускалось некоторое свободомыслие. Читались стихи отнюдь не советские. Однако среди поэтов были чекисты (Ал. Кустов), пристально наблюдавший за своими коллегами. Весной цех лопнул. Жертвой его пал прежде всего талантливейший Николай Федорович Бернер, *ухавший* в Соловки.

«Переживем как-нибудь и балаган недоучек,
Переживем палачей кисти, пера и резца».

Однако Бог и музы хранили Н.Ф.Бернера. Он попал на Запад, пережил Соловки. Здесь, в свободном мире знают, ценят Бернера? Ма-

ло знают, мало ценят. Он даже не издал своей книги за последние несколько лет. Не замечен. А если и замечен – вскользь, мимолетно.

Трубецкой Ю. Недооцененное поколение // Новое русское слово. 1955. 11 декабря, № 15(506). С.8. (Указано Н.Богомоловым.)

³ К письму прилагается также (с обозначением: «10 июня 1966^й год») стихотворение памяти Ахматовой (см. выше, с.50).

2

8 сентября 1966^й год

Дорогая София Юльевна!

Полагаю, что Вы уже в Париже, поэтому незамедля посылаю Вам это письмо. Очень мне хочется получить от Вас Вашу «Весну в Париже»¹, как Вы обещали мне! Я сам решил обычно с письмом посылать Вам, для объективной оценки, и свои стихи, надеюсь, что Вы всегда будете давать Ваш отзыв!

В далеком прошлом моим старшим учителем и другом был В.Я.Брюсов! Он посвятил мне несколько акrostихов-сонетов, но лишь один попал в печать². Да еще один экспромт. Здесь я привожу его. Его письма ко мне безвозвратно погибли в тягчайшие годы, по вине моих родственников, которые при *моем отсутствии*, без *зрения совести* топили печи моими бумагами и библиотекой! Такова жизнь! Мое имя и отчество Николай Федорович.

Как я уже Вам писал, при полном отсутствии живого общения с людьми, без тени подлинного пониманья души – это все не легко! Да еще одна к Вам просьба, быть может, Вы хотя бы кое-что знаете о состояньи в Америке с Русской Антологией, издатель и редактор которой некто Фесенко. В эту антологию приняты были стихи мои, возможно, и Вы туда посылали свои стихи.

Еще льщу себя надеждой, что Вы когда-либо захотите навестить меня здесь! От Парижа расстояние к нам измеряется лишь несколькими часами.

Вспомнил Гоголя: «Грустно жить на этом свете, господа» – *кажется, так!*³

Душевно Ваш

Н.Бернер

P.S. Покуда я сообщаю Вам случайный, ко мне обращенный экспромт Брюсова.

Твоя душа жива, я верю,
И пусть томит тяжелый бред,
Прими с покорностью потерю
Недавних и любимых лет!

Повита сладостным туманом
Перед тобой синее даль,
Дыши восторгом утра пьяным,
Скажи: «Мне сна и тьмы не жаль!»
Прорежет солнце облак синий,
Осветит горы, ширь полей, –
И вдруг увидишь ты в пустыне
Сонм близких и родных теней!

В.Я.Брюсов

Сонет
(акrostих)

Немеют волн причудливые гребни,
И замер лес, предчувствуя закат,
Как стражи чайки на прибрежном щебне
Опять покорно выстроились в ряд.
Любимый час, и даль, и тишь целебней,
Алмазы в небе скоро прозвучат,
Юг расцветет чудесней и волшебней,
Бог-сумрак снизойдет в священный сад.
Есть таинство в сиянии ночи южной,
Роднящей душу с вечной тишиной,
Нас медленно влекущей в мир иной,
Есть миг, когда и счастья не нужно,
Рыдать безумно, ликовать грешно
У мирных вод, влекущих нас на дно.⁴

¹ Прегель С. Весна в Париже: Шестая книга стихов. Париж: Новоселье, 1966.

² Среди рукописей Брюсова сохранился также второй сонет-акrostих Николаю Бернеру, датированный 9 мая 1912:

Над мирным морем ласково-недвижен
И нежным светом полон небосвод.
Как в этот час мир неба к нам приближен!
Он с нами, здесь, в прозрачной глубине вод!
Ласкает воздух кровли ветхих хижин;
Алеют камни; тишина поет...
Юг дышит тайной, дивно-неподвижен,
Безмолвно верит, безответно ждет.
Есть тайна в Севере, в угрюмой выюге,
Рыдающей над белым сном снегов,
Но тайна есть и в раскаленном Юге,

Ее пойми! Ее заветный зов
Расслышь в тиши, и откровенье это
Умей вложить в спокойствие сонета!

*Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. / Подгот. текстов и примеч.
А.А.Козловского. Т.2. М., 1973. С.438.*

³ Подразумевается заключительная фраза «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»: «Скучно на этом свете, господа!».

⁴ Стихотворение впервые напечатано в журнале «Русская мысль» (1913. №3), после вошло в книгу Брюсова «Семь цветов радуги. Стихи 1912–1915 года», изданную в феврале 1916 (М.: Издательство К.Ф.Некрасова). Напечатано под №6 в подразделе «На памятном листке» в разделе «Фиолетовый» (с.226). Стихотворение находится между двумя другими сонетами-акростихами: «Игорю Северянину. Сонет-акростих с кодою» и «Путь к высотам. Сонет-акростих» с посвящением «поэту Гальперину». Михаил Петрович Гальперин (1882–1944) – поэт и прозаик. Позже стихотворение включено Брюсовым в его сборник «Опыты» (*Брюсов В. Собр. соч. Т.2. С.202–203*).

3

Дорогая София Юльевна,

Я постепенно как бы вчитываюсь в Вашу книгу! Сейчас хочется еще сказать Вам о трех вещах. Первое: «Улицы праздно пенное мыло»¹. Говорю объективно, что это прекрасно, также первому не уступает по силе небольшая вещь, которая заканчивается строкой: «Пел закат в Люксембургском саду»². Еще в данный момент открыл третью вещь, это: «Под утро свет, как в могиле»³. Это также очень значимо по своей выразительности!

В каждом из писем мне жаждется вести хотя бы короткую дальше беседу о Вашей книге. Вы в последнем письме мне сообщили о номере «Н<ового> Р<усского> С<лова>», в котором напечатана статья Трубецкого, в нашем доме только одно лицо получает «Н.Р.С.», я постараюсь у него обрести номер газеты. Даже русская библиотека здесь не получает газеты и ограничивается лишь выпиской «Русской Мысли». С этим письмом уж снова посылаю Вам стихи, одно давнее, а другое из позднейших. Я бы очень хотел получить от Вас упомянутое Вами стихотворенье о Жанне Д'Арк, как Вы пишете, «другой ее облик»⁴. Первое посылаемое Вам мое стихотворение о Риме, давно напечатанное в Мюнхенском «Литературном Современнике».

Теперь, прежде чем поделиться своими последними стихами, захотелось мне вкратце описать Вам, как в далеком прошлом я попал на высылку в Воронеж, там же находился временно мой приятель

Осип Эмильевич Мандельштам. Лично я в свое время был выслан на Соловки и там пробыл пять лет, а затем два раз<а> еще побывал в тюрьме и сосланным жил и в Калуге, и в Брянске, а последний этап мой это был Воронеж. Но об этом поведал Вам лишь попутно!

Итак, Мандельштам имел первую высылку в Воронеж, она была для него в дальнейшем пути роковой!

Сначала его поместили в лучшем доме в Воронеже, установя за ним местную слежку! Тут он совершил большую ошибку, прочтя лекцию об Акмеизме⁵, после этой лекции его сразу лишили всех удобств, и он зимой должен был ютиться с женой на узеньком балконе, который, насколько я помню, не имел даже отопленья, тем не менее он продолжал в этом трудном жилище писать стихи – это было больше, чем ужасно!

Из Воронежа, несколько позже, он попал временно снова в Москву, а затем был направлен куда-то в далекую Сибирь!

Так вот мое второе стихотворенье как-то невольно связалось с его тягчайшей судьбой!

Заканчивая это письмо, я шлю Вам, от всего сердца, самый душевный привет.

Н.Бернер

Проходят Времена! Еще пирует осень,
В прощальных багрецах изнемогает даль.
Мы никого не ждем и ни о чем не спросим,
Срифмуем с далью мы далекую печаль!
И древность шелестит, как новобрачной платье,
Идущей к алтарю... Простор заглодел.
Старинной осени мое рукопожатье –
Легенду Вечного на плитах рассмотрел.
Слова читаю я, что прославляют Бога,
И вижу древний дом Апостола Петра,
Средневековья Рим, к тебе моя дорога,
А дальше Умбрия, как слиток серебра.
Дрожащими и бледными лучами
Сияет юг... крелятся в ночь сады,
И в ней надменный ангел за плечами –
Великолепный Рим! Нетленные следы
Еще роняет даль! Вбирает сердце жадно
Всю полноту прохлад и благовестье звезд –
Задумавшийся Рим, как нитка Ариадны,
Протянутая мне из океана грез!

Н.Бернер

7^е октября 1966^н год

Ведь не выдумка вот эта
Озаренность прошлых лет,
Пусть опять в потоках света
Твой я вижу силуэт!
Вереницею чудесной
Вновь пройдут еще года, —
Образ девушки прелестной
Я запомнил навсегда!
Адриатика! Там море,
Там пленительный простор,
Этот знак в истомном взоре
Будто вижу до сих пор!
И мое тогда признание:
«Наконец-то ты моя!!!»...
Ведь не бред и не мечтанье
Вся лучистость бытия!

¹ Стихотворение из сборника Прегель «Весна в Париже» (С.15).

² Заключительная строка восьмистишия «Прямо в март нас, качая, несло» (Там же. С.12).

³ Там же. С.26.

⁴ Стихотворение «Жанна д'Арк» («Меж этих заколоченно-убогих...») (Там же. С.58). Вероятно, Прегель имела в виду нетрадиционную для этого сюжета концовку:

Когда, невиданная здесь, неожиданно
Заря пробил заросли пруда,
Был голос, выходящий из тумана:
— Да славятся в веках, пастушка Жанна,
Твои золоторунные стада!

⁵ Мандельштам прочитал доклад об акмеизме в феврале 1935 на собрании воронежских писателей. Выступление это вызвало неприятности, и поэт был причислен к «классовым врагам на литературном фронте». Мандельштам писал об этом К.Чуковскому: «Я работал очертя голову. Меня за это били. Отталкивали. Создали нравственную пытку». В своем отчете председатель местного ССП так отзывался о докладе Мандельштама: «На широком собрании воронежского ССП был поставлен доклад об акмеизме с целью выявления отношения Мандельштама к своему прошлому. В своем выступлении Мандельштам показал, что он ничему не научился, что он кем был, тем и остался» (См.: *Мандельштам О.* Собр. соч. Т.4. С.185).

⁶ Далее приводится стихотворение памяти Мандельштама с обозначением «18 сентября 1966 год» (см. выше, с.50).

4

14 ноября 1966^й год

Дорогая София Юльевна

Ради Бога простите, что не смог до сих пор ответить на Ваше столь чуткое во всех отношениях письмо! Это лишь потому, что, не отрываясь, писал историю моих встреч с О.Э.Мандельштамом на протяжении ряда лет. Наконец эту работу закончил, а сейчас лишь остается некоторая отделка в деталях. Всею душой благодарю Вас за Вашу столь чуткую критику моих стихов! Буду счастлив, когда получу от Вас, в первую очередь, Вами мне обещанную пятую книгу Ваших стихов¹! Теперь об акrostихе брюсовского сонета: это его посвящение было приблизительно в двадцатых годах.

Должен Вам сказать, что мне крайне трудно было всегда устанавливать точные даты моей собственной биографии. Вспоминаю, что когда был в одной из моих принудительных высылки, то мне было дано задание со стороны Калужского Н.К.В.Д. сообщить ряд подробностей моей биографии, на этот запрос я лаконично ответил: Можете запросить по этому поводу Москву, где я был впервые арестован.

Теперь о другом. Буду безмерно счастлив, ежели Вы в дальнейшем соберетесь и навестите меня здесь! Посылаю Вам и на сей раз мои стихи. Ежели в них что-либо окажется неудачно, то прямо указывайте, прошу, ту или иную неудачу!

Шлю Вам глубочайший привет!

Н.Бернер

¹ *Прегель С.* Встреча: Пятая книга стихов. Париж: Новоселье, 1958.

Приложение 2

Статьи из сборника «След на камне»

<1>

ЭТО НЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Это, если хотите, художественная декларация, – цель которой напомнить вам декларацию прав человека, его прав, сегодня совсем утраченных и забытых в русской литературе. В читательской массе нашего сегодня среди тех людей, у которых по выражению поэта: «Кровавый отсвет в лицах есть»¹, – у них появилась справедливо огромная тяга

увидеть себя во весь рост, хотя бы в той литературе, что носит название эмигрантской. Что слово о человеке заглохло и начисто изгнано из газетно-журнальных страниц – это именно так. И в самом деле, охватите мысленным взором все пройденные недавно этапы людских страданий. Последняя война, миллионы погибших жизней, сорванных с места, безнадежно опустошенных и изуродованных эпохой, и вы тогда поймете необходимость слова о человеке.

Как-то грустно быть сейчас не только читателем культурным, но даже человеку, так сказать, «малой грамоты» и то не по себе проглатывать «чтиво», ему сейчас услужливо преподносимое ловким халтуро-производителем. Что же в этом «чтиве» есть для живых и мыслящих и даже полумыслящих? Здесь мы находим или авантюру третьего сорта, или же еще... «сладчайшее вздыхание» не о русском человеке, гонимом и распинаемом, нет, даже не об этом, а о какой-то полуреальной отчизне, отчизне лишь во внешних своих атрибутах, непонятной и далекой для того, кто по плоти остался русский человек. Русская история не показывается просто, гордо и величаво, а всегда с чисто «маниловской» слащавостью, а ведь наша родная история – это непочатая целина творческого видения еще не до конца разгаданных эпох. А еще столь свежие события вчерашнего дня были огромны и страшны, и творцами событий этих все-таки были люди, а не просто «комплекс» каких-то механических рычагов, приводимых в движение только чудовищной силой бездушных и слепых закономерностей.

Человек с большой и маленькой буквы, т. е. его героизм, его жертва, его взлет, его ошибки, наконец, его устремленность и даже его косность, т. е. весь избыток его чувствований (полюсы – ненависть и любовь) – вот же она непреходящая тема мира живых, тема, достойная на сегодня стать литературой.

Русская литература XIX века – огромная душа чувств раскрывается в ее эмоциональном порыве – Достоевский, Толстой, Тургенев, Гоголь и далее поэты от Пушкина – Тютчев, Фет и далее Блок, Брюсов и еще далее Есенин. И все еще этим далеко не сказано! Значит, есть отправные пути для литературы и нашего «сегодня», а где же ныне темы человека и о человеке?! Мы не говорим о приближении к творческой высоте («великих»), также о тех многих, которые являются как в прозе, так и в поэзии только слагателями литературных фраз, – о тех, кто умеет лишь «имитировать» достояние настоящих творцов пера, – не о них речь. Мы ставим вопрос во всю широту и глубину – если даже писатель малоопытен, но в творчестве своем выявил особую ноту жизни, т. е. увидал живым глазом образ живого человека, – уже этим самым он вхож в литературу, если же этого нет, то и... ничего нет – никакая краснота, выдаваемая за красоту, не поможет. Священная традиция классики – это человек – вечный принцип и целевая установка русского писателя, инди-

видуальная личность в ее разнообразном быту – где же она? Право, сам древний Диоген, идя с фонарем, в наших днях не разыскал бы ее.

¹ Строка из стихотворения А.Блока «Рожденные в года глухие...» (1914).

<II> ЛИРИЧЕСКАЯ ТЕМА

Что такое лирическая тема? – Для поэта лирическая тема определяет единый образ художника, как бы подспудно присутствующий в каждой вещи мастера. Лирическая тема окрашивает таким образом не одну вещь автора, она также есть своеобразный отпечаток в каждом случае роста его духа – думы или же основной тонус всего мироощущения автора в его целом. Это положение попытаемся конкретизировать. Лучше всего, дабы уточнить ясность положения, перейдем к музыке.

Настоящий музыкант, слушая музыку, скажем, Бетховена, угадает в звуковых интонациях некую особенность, всегда типическую для данного композитора, она, как закон духоязыка в модуляциях и переходах, – всегда обнаруживает Его самого, Его, Бетховена. В живописи есть другое, не менее выразительно-характерное. Как бы особое движение кисти мастера – свойство его рисунка или всей природы его красочных гамм. Любая картина неизбежно повторяет в разных оттенках основную какую-то гамму световых озарений. А есть еще другое в гениальном видении образа, видении в каждой вещи мастера, ясном и не для вооруженного глаза. Поясним – можно ли не узнать когда-либо «это» вечно присущее Врубелю в его картинах или переливы света, своеобразность воплощения кисти в картинах Рембрандта? Думаю, вот сейчас и в поэзии можно стать на почву подлинных оценок поэта, как бы взвешивая только удельный вес его «лирической темы».

Главное свойство лирической темы Есенина. Просто попробуем осознать, чем поэт был значим в народе, чем известен и почему для читателя Есенин и сейчас, после прошедших лет со дня конца его, – вовсе не чужд и не безразличен. Ответ вот в чем – стиль его речи неподдельно-разговорно-народен. Он внес в поэзию всю неувядаемую яркость народного языка, при этом сочетая в себе сложность душевного образа с истинной чистотой народной речи. В этом факте усматривается ярчайший признак его лирики. В этом же главный способ мастера, являющийся как бы силу воздействия поэта на массу.

В чем «внутренний признак» лирической темы Есенина, сделавший ее из ряда выходящей и не имеющей однородного прецедента во всей прошлой традиции? Конечно, он и не в напыленной маске «хулигана», так же и не в одной душераздирающей исповеди – в письме к матери – он, этот главный внутренний признак, совсем в другом. Сквозь все сти-

хи поэта, образцовые и неряшливые, выдающиеся и менее удачные, звучит настоящим голосом – звуком нота совсем особенная – это нота «человеческой совести», протестующей с предельной чистотой ребенка против тьмы и жестокости мира:

... И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове...¹

Эта великая совесть души творца – проносящей себя на творческих плечах через изыскую Русь, через кабаки, через прихожие лакейских Демьянов, через всю лютую борьбу будня к неиссякаемой целине умирающей и вечной Родины. И так, «лирическая тема» эта сквозит и дышит во всех голосах им видимой жизни, и ни у кого из других поэтов подобная лирическая тема не является в том же лирическом звучании, ему одному присущем.

Так вот, читатель, расценивая значимость того или иного поэта в эпохе, оправданность его звучания, – понимай, критикуй, люби или осуждай мастера и творца – только после тщательного изучения его «лирической темы».

¹ Из стихотворения С.Есенина «Мы теперь уходим понемногу...» (1924).

<III> ПИСАТЕЛЬ И МАССА

Проблема внутренней связи писателя и читателя очень сложна и почти еще не освещена критикой русской литературы. Между тем, психологическое освещение этой проблемы было бы очень важно для устранения распространенных заблуждений о «читателе» как существе «стадном», духовно несовершенном, неумном и пристрастном и т. д. Также обычная всегда авторитетная ставка редактора издания на «своего читателя» – сразу обнаруживает самонадеянную слепоту редактора, его педантизм, – его почти всегда вопиющую ошибку, когда у него, у редактора, возникает решение часто отвергнуть весьма талантливую вещь автора только потому, что она-то «дескать» не дойдет до слуха масс. По его, редактора, указке получается почти всегда так – вещь художника должна быть всегда однообразно причесана и застегнута на все пуговицы условного приличия (часто под этим понимай – дурного вкуса), чтобы в витрине публичной выставки «грошовых идей» угодить «сфинксу»-читателю.

Но поговорим о писателе. Как бы ни был «даровит» писатель во все времена русской литературы, особенно к концу XIX века, ему приходилось подымать резко, иногда даже «скандально» свой голос, утверждая свое право жить в литературе, не только для понимающих друзей, но и

для масс. И эта борьба писателя и поэта за свою музу порой становится трагической; за примерами далеко идти не приходится. Эту борьбу выдерживают даже колоссы творчества. Пример: Байрон и английское общество, вся история развития романтической школы во Франции, наконец, история символистов в России и на Западе, рекорд упорной борьбы за право жить видим у футуристов.

Мы бы не сказали, чтобы это явление литературной жизни было столь нормально – наоборот, для писателя оно как бы «каинново иго». Читательская масса также почти всегда является некоей жертвой, так как ее художественное воспитание всегда в руках не писательских, а деляческих – в руках торгашеских и низменных (исключения, конечно, бывают, и не о них речь). Мы же твердо знаем, что читателя по существу не обманешь, но держать его на аркане недомыслия можно подолгу, можно втирать очки всякими фокусными затеями низкопробных приемов пера. Между тем, талантливый и серьезный писатель, как одиночка, ища путей для бесед с массой, идет к издателю-редактору, а «корректнейший» редактор, часто просто во имя человеческой глупости, на основе тупого субъективизма ставит явную преграду для писательского общения с массой. Когда мы так говорим, то полагаем, что нас поймут по существу. Выставляя особое право писателя – быть услышанным всеми и отовсюду, мы, конечно, только имеем в виду настоящего художника и мастера. Мы знаем, что роль редактора, даже деляческих масштабов, крайне трудна, известно, что в макулатуре присылаемых часто материалов, под нажимом графоманства и всякого, часто полуграмотного сочинительства – может дрогнуть железное сердце редакторских, даже благих, начинаний.

Бывают случаи в разных литературных эпохах весьма любопытные. Случаи, когда «настоящий писатель» не проходит по основному тракту «литературы в эпохе», а идет узкими тропками и понимается только малым кружком, бывает еще и так – писатель доходит до масс вне официальной литературы, а путем апокрифических размножений своего нужного многим и смелого слова.

Таким образом то настоящее, что как бы обладает «лица необщим выраженьем», – будучи единственно живым, все же прорвется сквозь пласты времени, дурной моды, иногда цензуры, иногда просто человеческой узости. И то произведение, которое говорит о вечно-человеческом, будучи заглушено в своей эпохе, неизбежно вспыхнет ярким знаком в веках будущих. По слову Шекспира:

...И если ты его землей закроешь целой,
Оно стряхнет ее и выступит на свет...

Божидар

Публикации

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И С.М.АЛЯНСКИЙ: ПЕРЕПИСКА

Предисловие и публикация Джона Малмстада

С конца июля 1913 и до начала сентября 1916 Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев; 1880–1934) безвыездно проживал за границей, в антропософском окружении и в постоянной близости к Рудольфу Штейнеру. В 1913–1914 в трех выпусках сборника «Сирин» выходит его роман «Петербург», после чего, начиная с 1915, он совсем исчезает как автор со страниц русской печати. Вынужденный отрыв от родины еще более усугубился с началом Первой мировой войны, когда переписка его с Россией становится отрывочной и случайной, и он, хотя и продолжает писать, почти полностью теряет контакт с живой литературной действительностью в своей стране. 3(16) марта 1915 Белый писал Иванову-Разумнику (Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946): «3-летняя жизнь за границей меня выбросила из осведомленности. Я даже не знаю, какие издательства есть. Есть ли, например, “Шиповник”? Если бы Вы указали, куда, по-Вашему, можно было бы мне обратиться, был бы я Вам чрезвычайно обязан»¹. Спустя восемь месяцев положение вещей оставалось для Белого таким же, судя по его письму от 7(20) ноября к тому же корреспонденту: «Все проекты устроиться с литературой пролетели; да и ничего не могу сделать на расстоянии»². В 1916 А.Блок и Иванов-Разумник, которым было хорошо известно катастрофическое финансовое положение Белого, устраивают издание «Петербурга» отдельной книгой, а Иванов-Разумник выхлопотал ему, кроме того, заказ от «Биржевых новостей» на серию статей. Это, однако, не решало главной для Белого задачи – сразу же по возвращении в Россию снова войти в русскую литературную жизнь, в которой он до своего отъезда в 1913 принимал активное участие.

Белый довольно быстро занимает прежнее место в предреволюционной литературной и культурной жизни обеих столиц. Приехав в Москву в начале сентября, он заключает договор с В.В.Пашуканисом на издание собрания своих сочинений. В течение 1917 вышли два тома из этого собрания (кн. 4 и 7), но выпуск дальнейших томов издательство прекратило, а вскоре оно и вовсе было закрыто большевиками. До 1917 произведения Белого печатались издательствами, рассчитывающими не на массового читателя, но почти исключительно на культурную элиту, на читателя, ориентированного на модернизм. В хаосе революционных событий и Гражданской войны как раз

---

¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Малмстада; Подгот. текста Т.В.Павловой, А.В.Лаврова и Дж. Малмстада. СПб.: Atheneum–Феникс, 1998. С.52.

² Там же. С.60.

эти издательства закрывались одно за другим, и уже к июлю 1918 Белый остался без издателя. Правда, он продолжал печататься в разных журналах, сборниках и газетах, главным образом благодаря усилиям своего друга Иванова-Разумника, но у писателя оставалось еще много рукописей, требовавших публикации в виде книг.

Как и в 1915–1916, помогать старому другу взялся А.Блок. Поздней весной 1918 молодой владелец книжной лавки в Петербурге Самуил Миронович Алянский (1891–1974) решил открыть новое издательство и в связи с этим обратился за советом к А.Блоку, надеясь также получить от него разрешение на переиздание некоторых прежних, а также издание новых книг поэта. История возникновения издательства «Алконост» рассказана самим С.М.Алянским в его воспоминаниях³. Уже при первой встрече с Блоком Алянский рассказал ему о своей идее издательства, которое могло бы вновь объединить символистов. Сомневаясь в реальности этой идеи, Блок тем не менее рекомендовал Алянскому познакомиться с Андреем Белым, Вячеславом Ивановым и другими своими собратьями по символизму. Знакомство это и состоялось в Москве летом 1918, а 5 сентября Блок писал Белому: «Алянский <...> человек деятельный, “американец”. Думаю, что у нас ним выйдут дела»⁴.

Блок не ошибся: с 1918 по 1921 «Алконост» выпустил семь книг Белого и был фактически его единственным издателем (исключение составляет книга «Офейра. Путевые заметки», изданная «Книгоиздательством писателей в Москве» в 1921). И в марте 1919, когда Алянский праздновал девяностый юбилей со времени основания издательства, Белый присоединился «к приветствующим “Алконост” с одним условием: эти приветствия – не приветствия юбиляру, совершившему плавание; эти приветствия – “в добрый путь!”... И – вперед! Впереди лежат годы»⁵. В эти годы Белый уезжал из России, вернулся, пробовал стать «советским писателем»; Алянский же, после того как в 1923 «Алконост» прекратил свое существование, сделался видным сотрудником издательств сначала в Ленинграде, а затем в Москве.

Полная их переписка, содержащая в себе все, что нам известно об их отношениях, публикуется здесь впервые.

Письма С.М.Алянского к Андрею Белому публикуются по автографам, хранящимся в архиве Андрея Белого в Российской государственной библиотеке (письма №1, 2, 5, 6, 7: РГБ. Ф.25. Карт.8. Ед.хр.9) и в Российском государственном архиве литературы и искусства (письма №10, 13, 21, 22:

---

³ Алянский С. Встречи с Александром Блоком. М., 1969. См. также: Белов С.В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С.М.Алянского. Л., 1979; Глейзер М.М. Издательство «Алконост». 1918–1923: Краткий историко-книговедческий очерк. Издательский библиографический каталог. Л., 1990.

⁴ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А.В.Лаврова. М., 2001. С.517.

⁵ Запись в альбоме Алянского, сделанная Белым в Москве 8 марта 1919. Цит. по: Белов С.В. Мастер книги... С.26.

РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.149). Письма Андрея Белого к С.М.Алянскому воспроизводятся по автографам, хранящимся в Российском государственном архиве литературы и искусства в фонде С.М.Алянского (РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.14).

Письма №24, 26 и 27 были опубликованы с неточностями и пропусками (в №26 пропущено все, что касалось Л.Б.Каменева) в составе публикации: Из писем Андрея Белого 1927–1933 гг. / Публ. Т.В.Анчуговой // Перспектива-87. Советская литература сегодня: Сборник статей. М., 1988. С.498-499, 503-507.

Выражаю благодарность С.В.Белову, Н.А.Богомолову, В.Е.Гитину, А.В.Лаврову и А.Е.Парнису за помощь в подготовке публикации.

1. Алянский – Андрею Белому
6 июля 1918. Петроград

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Ссылаясь на личные переговоры с Вами¹, спешу сообщить, что на днях к Вам должен зайти мой товарищ, Георгий Федорович Кнорре², которому, согласно нашему уговору, Вы выдадите рукопись Вашей статьи из книги «Кризис сознания», получив с него аванс в размере руб. 250–300³. Дело в том, что в настоящую минуту, пока не приступлено к печати, невозможно определить стоимость всего издания, а таким образом, невозможно установить и 10% с номинальной цены всего издания – Ваш гонорар. Таким образом, цифра указанного аванса является произвольной. Но как только будет приступлено к печати, а приступить можно немедленно по получении рукописи, я немедленно пришлю Вам точный расчет Вашего гонорара.

Одновременно с рукописью прошу передать Ваши указания, если таковые имеются, относительно внешней стороны издания. Также просьба сообщить: считаете ли Вы необходимым присылку Вам корректуры для авторских исправлений; ввиду сложности пересылки это слишком задержало бы выход книги. Кроме того, вторично обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой указать, по возможности, больше названий материала, который Вы могли бы предоставить для нашего издательства, которое, кстати, именуется «Алконост»⁴. Очень желательно было бы, если бы Вы могли предоставить нам кроме статей небольшой сборник Ваших стихотворений, помещенных в разных периодических изданиях и связанных общей мыслью⁵. Желательно также, чтобы матерьял, предоставляемый нам, распределялся по 3–4–5 листов на книгу, т. к. ограниченность средств не позволяет на первое время приняться за издание крупных трудов.

Извиняюсь, что так назойливо беспокою Вас, но сильное желание работы в этой области толкает меня на это.

Примите уверение в совершенном уважении.

С.Алянский

6/VII 1918 г.

P.S. Для сведения сообщаю еще раз мой адрес: Петроград. Колокольная, 1. Книжн<ый> магаз<ин> В.Васильева для Самуила Миrownовича Алянского⁶.

С.А.

¹ Ср. запись Белого за июль 1918: «В этом месяце встреча с Алянским <в Москве>; начало сближения с К<нигоиздательст>вом “Алконост”» (*Андрей Белый*. Ракурс к «Дневнику». Материал к биографии за 1899–1930 гг. Составлен для личного использования // РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.95. Далее: РД, без указания листа). В своих воспоминаниях (Встречи с Александром Блоком. С.46–48) Алянский пишет, что познакомился с Белым и договаривался с ним об издании его сочинений в «Алконосте» уже после выхода из печати поэмы А.Блока «Соловьиный сад». Однако поэма вышла 19 июля, то есть после написания этого письма, и в каталоге, напечатанном вместе с поэмой, уже было объявлено о предстоящем издании «Алконостом» книги Белого «Кризис сознания».

² Г.Ф.Кнорре (1891–1962) – одноклассник и друг Алянского, в 1920-е жил с ним в одном доме на Знаменской, 22. Сын известного инженера-мостостроителя Ф.Ф.Кнорре, брат писателя Ф.Ф.Кнорре. Учился в Консерватории, в 1920 окончил Петроградский технологический институт. Под псевдонимом Алексей Кириллов издал в «Алконосте» книгу «Записки Всеволода Николаевича. Повесть» (1918). В 1920-е работал в Ленинградском технологическом институте, с 1931 – профессор, заведовал кафедрой. После эвакуации переехал в Москву, заведовал кафедрой МВТУ. Основная сфера деятельности – теплотехника. Подробнее см.: Георгий Федорович Кнорре – инженер, ученый, человек. М.: Изд. МГТУ, 1991.

³ 2 мая 1917 Белый писал Иванову-Разумнику: «За эти два месяца я ужасно много работал. “Кризис Сознания” вышел в 18 печ<атных> листов, так что переутомился» (*Андрей Белый и Иванов-Разумник*. Переписка. С.108). Однако такой книги у Белого нет. Тремя годами позднее, в письме, помеченном первой декадой июля 1920, сообщая Иванову-Разумнику план двадцатитомного собрания сочинений, Белый том 16-й озаглавил «Кризис сознания». Он включил в этот том: 1) «Кризис жизни», 2) «Кризис мысли», 3) «Кризис культуры», 4) «Alter Ego» – статью, впоследствии опубликованную в «Записках мечтателей» (1921. №2/3) под названием «Утопия», 5) статью «Революция и культура», 6) «Дневник писателя» (из «Записок мечтателей»), 7) «Песнь Солнцеосца» (из 2-го сборника «Скифы») и 8) «Глоссолалию». Из этих восьми работ последние пять были написаны позднее мая 1917 – и, следовательно, не могли входить в книгу «Кризис сознания», за-

конченную к началу мая 1917 и представляющую собой довольно большой том (18 печатных листов). К тому же первые три «Кризиса» были написаны значительно позднее мая 1917, но, как пишет Белый, на основе переработанного материала «для отдельной книжки» (см. письмо 2, примеч. 1). Нельзя сказать, что именно из «Кризиса сознания» (1917) Белый обещал Алянскому летом 1918 (при скромных издательских возможностях «Алконоста» Алянский не мог бы печатать книгу в 18 печатных листов). В 1920 Белый написал четвертый «Кризис» – из цикла «На перевале» и назвал его «Кризисом сознания». См. письмо 20, примеч. 2.

⁴ О возникновении «Алконоста» см.: *Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком. С.39-49; Белов С.В. Мастер книги... С.14-17.* На обложке «Соловьиного сада» – первой книги, выпущенной «Алконостом», название издательства пишется с мягким знаком – «Альконост». Белый в письмах к Алянскому придерживался этого написания. Ошибка в названии была исправлена по указанию Вяч. Иванова (*Алянский С.М. Встречи с Александром Блоком. С.55*).

⁵ Четвертая книга стихов Белого «Королевна и рыцари», с подзаголовком «Сказки», была издана «Алконостом» лишь в 1919 (Типография А.Лаврова и К°. 4500 экз. Цена 21 руб.). Небольшой сборник состоит из девяти стихотворений, написанных в 1909–1911, и одного стихотворения 1918 года.

⁶ «Осенью 1917 года на Колокольной улице, 1, в двухэтажном доме купца Николая Васильевича Набилкова была открыта книжная лавка Алянско-го и <Василия> Васильева. В первом этаже дома Набилкова жили родители Самуила Мироновича. Полкомнаты с окном и дверью они выделили ново-вывленным книгопродавцам» (*Белов С.В. Мастер книги... С.13*).

2. Алянский – Андрею Белому
12 сентября 1918. Петроград

Петербург,
12 сентября 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Извините за долгое молчание. Хотелось мне ликвидировать осложнение, создавшееся с Вашей книгой «Кризис жизни» без Вашего ведома, но вопрос затягивается. Дело в том, что типография, в которой было уже приступлено к печатанию первого листа Вашей книги, внезапно была национализирована и опечатана, а работа прекращена.

Сначала думалось, что через пару дней типография начнет работать; оказалось же, что закрыта надолго.

Пожелав перевести «Кризис жизни» в другую типографию, я наткнулся на массу препятствий, преодолеть котор<ые> удастся через

неделю, не раньше (нужно получить из запечат<анной> типогр<афии> Вашу рукопись и бумагу).

Оказавшись в описанном положении, решил, не теряя времени, отдать в набор, уже в другую типографию, вторую Вашу книгу «Кризис мысли», которая и появится, вероятно, раньше «Кризиса жизни»¹.

Сообщая Вам о досадной задержке, извиняюсь, что не спросил Вашего разрешения и приступил к набору другой Вашей книги. Теперь спохватился и очень прошу Вас, Борис Николаевич, уведомить меня, не имеете ли Вы чего против такого моего самовольного поступка (набор «Кризиса мысли» можно еще приостановить). И если Вы находите необходимым выпускать книги в порядке, Вами указанном, придется «Кризис мысли» приостановить до выхода «Кризиса жизни», что очень задержит и дальнейшее.

Крепко жму Вашу руку и жду Ваших сообщений.

Уважающий Вас и искренно преданный

С.Алянский

¹ Ср. запись РД за июнь 1918: «Трудный, переломный месяц; работаю над составлением текста “Кризиса Жизни”. Читаю соответствующую литературу <...>. Начинаю 2-ой кризис “Кризис Мысли” (т. е. перерабатываю имеющийся<ся> материал для отдельной книжки)»; а также запись за июль 1918: «вполне подготавливаю к печати 2 кризиса». Третьей книгой, выпущенной «Алконостом» (вторая книга издательства – «Младенчество» Вяч. Иванова), оказалось эссе «На перевале. I. Кризис жизни» (16-я гос. типография. 1918. 3 тыс. экз. Цена 7 руб.), вышедшее в сентябре 1918. «На перевале. II. Кризис мысли» (Военная типография. 1918. 2 тыс. экз. Цена 8 руб.) – шестая по счету книга издательства (январь 1919).

3. Андрей Белый – Алянскому
Середина сентября 1918. Москва

Глубокоуважаемый Самуил Миронович, разумеется, печатайте сперва II-ой выпуск: но, все-таки, пусть стоит, что это II-ой выпуск; очень жаль, что выпуски задержались; у меня уже готов III-ий¹, но я не знаю, кому его передать: адрес Георгия Федоровича Кнорре мной, увы, затерян.

Желаю Вам всяческого успеха: если дойдет до Вас это письмо, то *очень, очень, очень* прошу Вас сделать мне одно одолжение: если представится случай передать Блоку или Р.В.Иванову мои слова к ним, то передайте; вот они: я страшно нуждаюсь в деньгах, между тем: за «Котика Летаева» и прочее мне полагается, как писал Блок,

1200, за «Наш Путь» (II-ой №) 700 с чем-то²; итого 1900 рублей я могу получить за вещи, напечатанные уже ряд месяцев тому назад; ввиду крайне остро переживаемой нужды в деньгах теперь именно, я убедительно прошу доставить мне хотя бы часть гонорара каким бы то ни было способом (с первой оказией: может быть, если поедете Вы, то захватили бы с собой). Сюннерберг³ должен был мне привезти часть их еще 3 недели назад; его – нет; Р.В.Иванов должен был привезти 1200; его – тоже нет; между тем в расчете на них я построил свою жизнь (сделал *необходимые* покупки: теперь сижу без денег)⁴. Я все это пишу Блоку и Иванову; но, увы, дойдут ли письма.

И вот пишу Вам тоже.

Если будет Вам случай снестись с ними, то *очень, очень* прошу Вас: напомните обоим, что я надеюсь на гонорар.

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев

Адрес: Москва, Кудринская > Садовая, д. 6, кв. 2.

Ответ на письмо 2.

¹ Имеется в виду книга «На перевале. III. Кризис культуры», изданная «Алконостом» в 1920. См. запись РД за сентябрь 1918: «Быстро дописываю “Кризис Культуры”».

² 5 сентября 1918 А.Блок писал Белому: «Теперь – о Твоих делах <...> в начале той недели в Москве будет К.А.Сюннерберг, который привезет Тебе довольно подробное письмо от Р<азумника> В<асильевича> Иванова и 707 р. 62 коп. за II № “Наш<его> Пути”. Кроме того, сам Р<азумник> В<асильевич> сейчас будет делать небольшую операцию (резать лоб) и, когда поправится (недели через 1½), приедет в Москву и привезет (*почти* наверное) Твои 1200 рублей за “Скифов”» (Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. С.517). Роман Белого «Котик Летаев» был напечатан в двух выпусках альманаха «Скифы» (<Пг.>, 1917. Сб.1. С.9-94 и 1918. Сб.2. С.37-103). «Дневник чудака. Писатель и читатель (Отрывок из повести)», статья «На перевале. I. Весенние мысли. II. Революция и сознание современности» и поэма «Христос воскрес» появились в 1918 во втором (майском) номере журнала «Наш путь», органа партии левых эсеров.

³ Константин Александрович Сюннерберг (псевдоним Конст. Эрберг; 1871–1942) – теоретик искусства, критик, поэт. Подробнее см.: Эрберг Конст. (Сюннерберг К.А.). Воспоминания / Публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С.99-115; Белоус В.Г. Конст. Эрберг: философ-«информист». К портретам «вольфильцев» // Вопросы филологии. 1994. №5. С.101-105. Две книги Эрберга вышли в издательстве «Алконост»: «Плен. Стихотворения» (1918) и «Цель творчества» (1919; 2-е изд., сокращ.).

⁴ 23 сентября 1918 Белый писал Иванову-Разумнику: «Я страшно нуждаюсь; мне надо сейчас платить до 300 портному, до 200 за квартиру, а у меня в кармане лишь 300 рублей: гонорар за “Котика” и за “Наш путь” выручил бы меня необычайно; <...> я сейчас нахожусь в очень бедственном положении; минимум прожития в месяц 600–700 рублей, а теперь, ввиду наступления зимы, надо экстрa 700 на закупку того, что износилось. Вот этих-то денег и нет у меня» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.165).

30 сентября 1918 Иванов-Разумник писал Белому: «Огорчился я крайне Вашим письмом – тем более что и моя вина есть в несвоевременном получении Вами журнального гонорара. Я передал его Эрбергу, который должен был поехать в Москву 3-го сент<ября>, – и с того времени каждый день откладывал свой отъезд на завтра. Я тоже должен был тогда же попасть в Москву, но подвергся пустячной операции, которая, однако, так осложнилась, что я три недели ходил (т. е. сидел дома) обвитый пеленами, как египетская мумия <...> сегодня снимаю последнюю повязку со лба. А потому – на днях же повидаюсь с Вами в Москве» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.166-167). Гонорар за свои произведения, напечатанные в «Нашем пути» и «Скифах», Белый получил только в конце ноября (см. письмо 5). Поездка Иванова-Разумника в Москву не состоялась.

4. Андрей Белый – Алянскому *<Конец сентября – октябрь 1918. Москва>*

Глубокоуважаемый Самуил Миронович,

Я уже писал Вам о том, что мне все равно, выйдет ли II-ой или I-ый выпуск: повторяю это (боюсь, письма не дойдут).

На этот раз я обращаюсь к Вам с просьбой.

Я получил известие от жены: она страшно нуждается; есть теперь возможность переслать за границу деньги, а денег – нет (только что отдал 200 р. и предстоит 200 р. отдать)¹. Ну так вот: я обращаюсь к Вам с просьбой: если у Вас есть возможность мне выслать в счет гонорара за II-ой выпуск от 300 до 500 рублей, то выручите меня; я прекрасно понимаю, что издание на кооперативных началах хорошо: но суровая действительность (нужда жены, боязнь за нее) заставляет обращаться от «журавля в небе» к «синице»; этой «синицею в руки» были бы мне 300–800 рублей; я бы их тотчас же выслал, а то: впереди ждут тысячи (неизвестно когда; 7 месяцев ждал от Р.В.Иванова гонорара за «Котика» и т. д.), а сейчас, в острый момент ощущаю *необходимость до зарезу* в 500 рублях, а их-то достать *сейчас же* так трудно.

Остаюсь глубоко уважающий и готовый к услугам

Борис Бугаев

Почтовый штемпель – неразборчив. Адрес: «Гражданину Самуилу Мионовичу Алянскому. Колокольная, 1. Книжный магазин Васильева. <Петроград>».

¹ Первая жена Белого Анна (Ася) Алексеевна Тургенева (1890–1966) – художница. Жила в то время (и до конца своей жизни) в швейцарском городке Дорнах под Базелем, центре антропософского движения. Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 сентября 1918: «Обращаюсь к Вам прямо-таки с криком душевной растерянности: сейчас получил письмо, известящее меня об Асе. Она страшно нуждается; и через третье лицо просит усиленно, чтобы я ей помог; <...> теперь: я должен на днях заплатить около 200 рублей портному и около 200 рублей за пищу и помещение; денег вовсе нет; <...> прошу не для себя, а для Аси <...> между тем: менее 700 р. не имеет смысла посылать Асе» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.166). См. также письмо Белого к А.А.Тургеневой от 11 ноября 1921: «Какой болью мне отдалась Твоя просьба, пересланная какому-то молодому человеку, который писал Тебе от меня осенью 1918 года из Берлина; он передал в открытке, Бог знает как дошедшей, Твою просьбу, чтобы я Тебе немного присылал денег. Ася, сердце у меня сжалось, ибо это же было *абсолютно технически невозможно*; так же невозможно, как попасть на Луну» (Воздушные пути. Альманах (Нью-Йорк). 1967. Вып.5. С.303).

5. Алянский – Андрею Белому
16 ноября 1918. Петроград

Петербург
16 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Пользуясь счастливым случаем приезда в Петербург Марка Давыдовича Айхенгольца¹, спешу переслать Вам имеющиеся у меня уже несколько дней 500 руб<лей>, которые зачтите за что хотите.

До сих пор еще не удалось продать Комисс<ариату> Народ<ного> Просв<ещения> 1500 экз<эмпляров> «Кризиса жизни», и, как только удастся, немедленно вышлю Вам еще денег.

Относительно субсидии от Комиссариата Нар<одного> Просв<ещения> могу сообщить, что договор уже подписан, но денег еще не дали, т. к. они должны пройти через целую серию контролеров, ассигновок и прочих задержек. Обещают на будущей неделе.

Без всяких напоминаний знаю, что Вам нужны деньги, и как только возможность будет, немедленно перешлю.

Разумнику Васильевичу о Вас говорил. Он обещал, когда поеду, дать мне письмо, по которому Вы в Москве сможете получить деньги. Задержка вышла потому, что в Москве платят чеками, а по чекам этим денег не получить, и, чтобы не затруднять Вас чеками, Ра-

з<умник> Вас<ильевич> решил взять от изд<ательства> «Книга» письмо, по которому в Москве должны уплатить деньгами.

«Христос Воскрес» сдал в печать², «Кризис мысли» верстается, а дальнейшее возьму, когда приеду, а приехать думаю на будущей неделе.

Крепко жму Вашу руку.

Искренне уважающий Вас

С.Алянский

Ответ на письмо 4.

Письмо написано на бланке издательства «Алконост»: «Склад изданий: Колокольная ул., д. №1. Книжная лавка. Тел. 2-24-08».

¹ Марк Давыдович Эйхенгольц (1890–1953) – литературовед, секретарь Театрального отдела Наркомпроса (1918–1921).

² Поэма Белого «Христос воскрес», написанная в апреле 1918 («Перед Пасхой пишу поэму “Христос Воскрес”. Впечатление от “Двенадцати” Блока». – РД, апрель 1918), была впервые опубликована в газете «Знамя Труда» (1918. №199, 12 мая) и перепечатана в журнале «Наш путь» (1918. №2, май. С.101-118). «Алконост» выпустил ее отдельным изданием в начале апреля 1918 (Тип. А.Лаврова и К°. 1918. 3 тыс. экз. Цена 8 руб.).

6. Алянский – Андрею Белому
19 ноября 1918. Петроград

Петербург
19 ноября 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Наконец могу обрадовать Вас. Разумник Васильевич просил меня передать Вам 1213 р. 65 к. – Ваш гонорар за «Скифы».

Т. к. мой приезд в Москву может быть отложен, пользуюсь тем, что в Москву командирован А.И.Смирнов, с которым и посылаю указанную сумму, чтобы не задерживать у себя денег.

Что же касается денег за «Кризисы», могу сообщить что от Комиссариата денег еще не получил, а потому и выслать не могу.

Крепко жму руку.

Искренне преданный Вам

С.Алянский

P.S. При сем одна тысяча двести тринадцать руб. 65 к. (1.213 р. 65 к.)

С.Алянский

На бланке издательства «Алконост».

7. Алянский – Андрею Белому
15 декабря 1918. Петроград

Петербург
15 декабря 1918 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

На ряд Ваших вопросов относительно обеспечения Вас регулярной платой, думаю, что могу наконец дать Вам утвердительный ответ. Материальная сторона у «Алконоста» складывается, по всем данным, благополучно, а потому думаю, что сможем при ближайшем свидании установить сроки и цифру, если это будет необходимо. В частности же ближайшей уплатой Вам будет по моему приезду в Москву, т. е. через недели 1½ – 2.

Кроме того, хотел бы напомнить Вам о Вашей же мысли: создание небольшого журнальчика, который явился бы как бы дневником писателей¹. При одном из наших свиданий Вы довольно подробно развили Вашу мысль, и теперь настал момент, когда хотелось бы видеть ее воплощенною в действительность. Так как материал имеется, остается дохнуть живым духом, и мысль обратится в живое существо. Полагаю, что дохнуть на это лучше всего Вам, а дальнейшее явится само собою. Если Вам почему-либо трудно редактировать такой журнальчик, я буду об этом просить Александра Александровича Блока. С Вашей же стороны, кроме того материала, который Вам хотелось бы дать в такой журнальчик, «Алконосту» с своей стороны хотелось бы иметь Вашу вступительную статью руководящего, программного содержания; поставить журнальчик на рельсы и указать ему путь². С своей же стороны, смею уверить, что «Алконост» отнесется к этому делу со всею любовью и бережностью, которыми он располагает.

Очень просил бы Вас, Борис Николаевич, ответить мне на это письмо по возможности скорей.

Жму крепко Вашу руку и желаю всякого благополучия.

Преданный Вам

С.Алянский

P.S. Хотелось бы материал для журнальчика получить в самый короткий срок, дабы я мог сдать его в набор до моего отъезда в Москву. Если не трудно, созвонитесь с Георг<ием> Фед<оровичем> (его тел<ефон> 5-88-17).

Предложите название для журнальчика.

С.Алянский

Письмо это посылаю с Разумником Васильевичем, который любезно согласился передать Вам прилагаемые 500 рублей³.

На бланке издательства «Алконост».

¹ Журнал-альманах «Записки мечтателей», организованный по инициативе и при ближайшем участии Белого, выходил в свет в Петрограде в издательстве «Алконост» в 1919–1922 (№1-6). Замысел издания, определившийся в августе 1918 (см.: Лит. наследство. Т.92: Александр Блок. Новые материалы и исследования. М., 1982. Кн.3. С.480), по-видимому, обсуждался Белым и Алянским во время пребывания последнего в Москве в начале декабря 1918.

² Первый номер «Записок мечтателей», вышедший в свет весной 1919, открывался программной статьей Белого «Записки мечтателей» (с.5-8). Ср. письмо Г.Ф.Кнорре Белому от 9 января 1919:

Многоуважаемый Борис Николаевич,

Вчера по телефону из Петрограда Самуил Миронович Алянский просил меня узнать, написаны ли Вами вступительная статья и стих<отворе>ния, которые Вы обещали дать в первый номер журнала. Он ждет их с большим нетерпением, т. к. думает выпустить журнал в самое ближайшее время. Не имея возможности сейчас лично зайти к Вам, я очень прошу Вас передать рукописи (если они готовы) жене моей, Елене Андреевне, кот<орая> зайдет к Вам с этой запиской. Если бы она Вас не застала, я очень просил бы Вас найти случай оповестить меня или мою жену о положении дела по телефону: 5-88-17.

Пользуясь случаем, поздравляю Вас с Рождеством Христовым и Новым Годом, от души желая, чтобы он доставил Вам, наконец, возможность спокойной и плодотворной работы в обстановке, свойственной Вашему громадному творчеству.

Искренне преданный и уважающий Вас

Георгий Кнорре

9/1.1919 г.

(РГБ. Ф.25. Карт.17. Ед.хр.14.)

Стихи Белого были напечатаны только в 5-м номере журнала.

³ Приписка на полях. Иванов-Разумник приехал в Москву 18 декабря 1918 и сразу отправил письмо Белому.

8. Андрей Белый – Алянскому
<Конец января 1919. Петроград>

Дорогой Самуил Миронович,
Оставляю Вам рукопись «Тунисии» (10 отрывков для одного или 2-х выпусков (по 5-ти отрывков))¹.

Итак, всего лучшего.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев

P.S. Мне необходимо быть на одном совещании².

¹ С декабря 1910 по апрель 1911 Белый совершил большое путешествие по Италии, Северной Африке и Палестине. Он опубликовал ряд фельетонов под общим заглавием «Путевые заметки» в газете «Речь» в 1911. Белый переработал свои очерки в отдельную книгу для издательства «Мусагет», но вследствие разногласия с редакцией книга не вышла. В перечне сочинений Белого, напечатанном на нумерованных страницах в «Кризисе мысли», вышедшем в январе 1919, значится: «“Путевые заметки”». Дневник путешествия. 1. Сицилия (готовится). 2. Тунисия (печатается). 3. Радес (готовится). 4. Мусульманство и культура Тунисии (печатается). 5. Египет (готовится)». Эта книга также числится в каталоге «Алконоста», вышедшем в свет вместе с «Кризисом мысли». Позже Белый продал «Путевые заметки» «Книгоиздательству писателей в Москве» (см. письмо 15, примеч. 4).

² В конце января – начале февраля 1919 Белый провел несколько дней в Петрограде и Детском Селе по приглашению Иванова-Разумника для организационных заседаний Вольной Философской Академии. 26 января в Детском Селе на квартире Иванова-Разумника, у которого Белый жил в гостях, произошло общее собрание учредителей Вольной Философской ассоциации (Вольфила). Среди них были Белый, Иванов-Разумник, А.Блок, Конст. Эрберг, В.Э.Мейерхольд, К.С.Петров-Водкин, Н.Н.Пунин, А.З.Штейнберг, и Б.А.Кушнер. См. также примеч. 1 к письму 11.

9. Андрей Белый – Алянскому <17 февраля 1919. Москва>

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,

У меня к Вам очень большая просьба: когда будете в Москве, захватите с собой не только корректуры «Записок Чудака», но и рукопись¹; мне она очень нужна для дальнейшего писания. Очень, очень прошу: захватите рукопись.

Как журнал? Продолжаю им *«увлекаться»*, вижу все больше и больше, что он нужен; все другое – *«марево»*; нужна *литература художественная*; именно теперь, сейчас. А *«культурные»* строительства – фикции: сон, никому не нужный. Написал для 2-го № журнала статью².

Желаю Вам всяческого успеха. Надеюсь, до скорого свидания.

Б.Бугаев

P.S. Готовлю продолжение «Чудака».

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 17.2.<19>19. Адрес Белого на конверте: Москва. Кудр<инская> Садовая, д. 6, кв. 2.

¹ Ср. записи в РД: февраль 1918 – «Делаю черновые наброски “Записок чудака”»; март – «Много пишу “Записки Чудака”»; апрель – «Пишу “Записки чудака”»; октябрь – «Усиленно сызнова перерабатываю и пишу “Записки чудака”»; ноябрь – «Пишу “Записки чудака”»; нет возможности даже в схеме

отметить напряженность работы за этот месяц». Начало «Записок чудака» было напечатано в первом номере «Записок мечтателей»: «Я. Эпопея. Том первый. Записки чудака. Часть первая. Возвращение на родину» (с.9-71).

² Подразумевается очерк Белого «Дневник писателя. Почему я не могу культурно работать», опубликованный в «Записках мечтателей» (1921. №2/3. С.113-131). О высылке рукописи статьи Белый писал Алянскому 28 февраля (письмо 14). Ср. письмо Иванова-Разумника Белому от 4 марта 1919: «Знаю о Ваших настроениях: “почему Вы не можете «культурно» работать” – знаю и во многом разделяю» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.173).

10. Алянский – Андрею Белому
19 февраля 1919. Петроград

Петербург,
19 февраля 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Сегодня получил Ваше письмо. Вы очень обрадовали меня тем, что не остыли к журналу¹. Лично для меня это единственная цель, и я забросил все и гоню по мере сил журнал. Посылаю Вам начало корректуры «Чудака» с ремингтонированной рукописью, которую получил от Кожебаткина² (6-ти недостававших страниц от него еще не получил). Оригинал рукописи (начала) находится, т<аким> о<б-разом>, у Кожебаткина, дальнейшую же рукопись Вам обязательно привезу с просьбой по миновении надобности в ней вернуть мне.

Для дальнейших №№ журнала хотелось, чтобы «Записки Чудака» можно было делить на порции приблизительно в 3 листа. Это значительно облегчит и ускорит выход каждого последующего №. Я полагаю, что для этой цели журнал придется выпускать листов по шесть (6) в номере, причем не меньше половины материала всего журнала должна занимать следующая часть «Записок чудака». Статьи же Ваши обязательно нужны. Это вполне естественно, что Вы будете доминировать в журнале, ибо другие сотрудники еще не заразились Вашим желанием писать. Надеюсь, что после 1, 2<-го> номеров и другие раскочаются, впрочем, если и не раскочаются, пусть на себя пеняют. Вам же я, Борис Николаевич, бесконечно благодарен. Вы открываете новую страницу в литературе, и я всеми силами буду помогать Вам эту страницу разворачивать.

Думаю приехать в Москву очень скоро, тогда заберу корректуру³.
Пока же крепко жму Вашу руку.

Преданный Вам

С.Алянский

Ответ на письмо 9. На бланке издательства «Алконост».

¹ В этот же день Алянский также отправил А.Блоку письмо, затрагивающее вопросы программного самоопределения будущих «Записок мечтателей». Фрагменты из него опубликованы в кн.: *Белов С.В. Мастер книги...* С.43-44.

² Александр Мелентьевич Кожебаткин (1884–1942) – секретарь редакции издательства «Мусагет», владелец издательства «Альциона».

³ См. запись Белого о марте 1919 в РД: «Появление Алянского; ряд бесед организационных» о журнале «Записки Мечтателей».

11. Андрей Белый – Алянскому <19 февраля 1919. Москва>

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,

Я уже раз написал Вам, но пишу еще раз, не уверенный в том, что письмо дойдет; мне необходимо иметь рукопись «Чудака» для целей архитектурных; очень трудно писать дальше, не имея под рукой написанного; поэтому, – моя просьба к Вам: когда поедете в Москву, то с корректурой «Чудака» захватите и рукопись; мне это важно как при правке корректуры, ибо я не могу править без рукописи, так и для возможности быстро писать дальше.

Жду Вас. Как обстоит с печатанием? Я, должно быть, откажусь от «председательства» в В<ольном> Ф<илософском> О<бществ>е. В Москве – работается: не такие теперь времена, чтобы последние силы отдавать на обществ<енную> деятельность. Надо сосредоточиться; и – работать внутренне.

Остаюсь искренне преданный

Б.Бугаев

P.S. Будьте такой любезный, прихватите с собой узелок мой. Там – необходимые мне вещи; я в Петроград, вероятно, не приеду.

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 19.2.<19>19.

¹ Ср. письмо Иванова-Разумника Белому от 16 января 1919: «...вместо «Скифа» – С.К.И.Ф., то есть: Социально-Культурный Факультет Искусств, открываемый на днях Вольно-Философской Академией, *председателем совета которой избраны Вы*», а 4 марта: «...не торопитесь принимать решение относительно «Вольфила». Ибо Вольн<ая> Фил<ософская> Ак<адемия> – именно и *не есть* «культурная» работа» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.169, 173).

Замысел будущей Вольной Философской ассоциации (Вольфила) возник весной 1918, в сентябре 1918 обсуждение проекта новой организации возобновилось; см.: *Блок А. Записные книжки 1901–1920. М., 1965.*

С.429 (запись от 30 сентября 1918). Видимо, во время пребывания в Москве в конце декабря 1918 Иванову-Разумнику удалось договориться об участии Белого в работе будущей Вольфилы. Предполагаемое открытие Вольфилы в конце января 1919 (см. письмо 8, примеч. 2) было отложено вследствие препон со стороны официальных инстанций. Первое заседание состоялось только 16 ноября 1919; на нем выступил А.Блок с докладом «Крушение гуманизма». Белый принимал активнейшее участие во всех делах этой общественной организации, просуществовавшей до 1924. Она была учреждена «с целью исследования и разработки в духе философии и социализма вопросов культурного творчества» (Устав Вольной Фило-софской ассоциации. – ИРЛИ. Ф.79. Оп.5. Ед.хр.12. Л.3). См. также: *Заблоцкая А.Е.* Конст. Эрберг в научно-теоретической секции ТЕО Нар-компроса (1918–1919) // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.20. М.; СПб., 1996. С.395–397.

12. Андрей Белый – Алянскому
<23 или 24 февраля 1919. Москва>

24 февраля <19>19 года¹

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,

Выяснилось для меня окончательно: я не поеду в Петроград, потому: для работы над «*Записками Чудака*» мне необходимо иметь рукопись, или копию с нее; ужасно трудно работать, не имея частей, написанных много месяцев назад, которых едва помнишь; все это ложится в дальнейшем, как трудность архитектоники; я Вам для 2<-го> № «*Записок мечтателей*» приготовил порцию: но первая часть растянулась; окончание ее не поместится².

Кстати: как «Записки»? Выйдут ли? Если нет, сообщите письмом. На днях узнал о судьбе Ал<ексея> Мих<айловича Ремизова> и Раз<умника> Вас<ильевича>³. Страшно взволнован: сегодня иду к Евг<ению> Герм<ановичу> узнавать⁴.

Все культурные строения – «*суета сует*» на фоне нынешнего времени; литература – наиболее реальное, нужное дело; 1 книга стоит 100 заседаний. Все более укрепляюсь в этой мысли.

Итак: жду 1) или письма от Вас, или 2) Вас самих: жду очень рукописи «*Записок*». Если Вам трудно привезти рукопись, то – захватите 2 гранки корректур; одну для правки; другую для автора; без рукописи не могу дальше писать.

Это письмо по счету третье: получили ли Вы 2 предыдущих?

Жду экземпляров 1) «Христос Воскресе», 2) «Кризиса Мысли». Если можно, 3 экземпляра «Кризиса Жизни» (я – куплю их). Как обстоит дело с остальными рукописями? Я, кажется, перегрузил Вас

ими. Если можно, если не сейчас издаете *«Глоссолалию»*, захватите ее с собой⁵. Привет Блоку.

Остаюсь искренне преданный и готовый к услугам

Б.Бугаев

¹ В автографе описка в дате: «17 года». Вероятно, авторская датировка письма не точна, поскольку на почтовом штемпеле конверта от письма обозначено: Москва. 23.2.<19>19.

² Продолжение «Записок чудака» было опубликовано в «Записках мечтателей» (1921. №2/3. С.7-95) под названием «Я. Эпопея». В конце текста обозначено: «Продолжение в следующем номере». Однако печатание «Записок чудака» на страницах журнала-альманаха не было окончено. Книга вышла в свет отдельным изданием в двух томах в 1922 в берлинском издательстве «Геликон».

³ 13 февраля 1919 Иванов-Разумник был арестован в Детском Селе и доставлен «на Гороховую, 2 в здание бывшего градоначальства, в знаменитый центр большевистской охраны и одновременно с этим – пропускную регистрационную тюрьму для всех арестованных» (*Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С.124). 14 и 15 февраля по делу Иванова-Разумника (не существовавший заговор левых эсеров) были арестованы и отвезены на Гороховую А.М.Ремизов, А.Блок, К.С.Петров-Водкин, М.К.Лемке, С.А.Венгеров, А.З.Штейнберг, Е.И.Замятин, Конст. Эрберг и другие (см.: Там же. С.128). Все они были скоро освобождены, а Иванов-Разумник был отправлен под конвоем в Москву и находился там в заключении до конца февраля (Там же. С.123-158).

Белый читал об арестах в меньшевистской газете «Всегда вперед!»: «Нам сообщают, что в связи с так называемым заговором левых эсеров в Петрограде арестованы писатели: Иванов-Разумник, Ремизов и Сологуб» (Аресты писателей // Всегда вперед! 1921. №12, 21 февраля). Сологуб избежал ареста.

⁴ Евгений Германович Лундберг (1887–1965) – прозаик, критик. В 1910-е разделял левонароднические убеждения, сотрудничал в столичной газете «День», был заместителем редактора литературного отдела газеты «Знамя труда». Весной 1918 он, вслед за правительством, переехал в Москву, служил в Наркомпросе. Летом 1920 переехал в Берлин, где работал одним из руководителей издательства «Скифы». Подробнее о нем см.: Русская книга (Берлин). 1921. №1. С.25 (Отдел IV: Писатели. Судьба и работа русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1920 гг.). 12 марта 1919 Белый писал Иванову-Разумнику: «Вашу открытку, по которой не ясно понял, в чем дело, получил в день, когда в газете “Всегда вперед” прочел о Вашем аресте <...> тотчас бросился к Лундбергу, его – не застал» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.174).

⁵ Ср. записи в РД за 1917: август – «весь месяц в огромной работе собирания лингвистического материала; <...> именно в этот месяц устанавливается мой взгляд на “глоссолалию”; у меня скапливается огромный материал

примеров, выписок и ряд исписанных страниц, часть которых лишь вылилась в “Глоссоластию”»; октябрь – «в <Царском Селе> пишу текст “Глоссоластию”, используя <так!> имеющийся у меня материал. Белый собирался опубликовать ее в сборнике «Скифы», а поскольку третий сборник «Скифов» так и не вышел, «поэма о звуке» «Глоссоластия» оставалась в течение ряда лет неизданной. Она была выпущена в свет в Берлине в 1922 отдельным изданием в издательстве «Эпоха».

13. Алянский – Андрею Белому
24 февраля 1919. Петроград

Петербург
24 февраля 1919 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Посылаю Вам при сем конец той части «Записок Чудака», которую получил от Кожебаткина. Между этим концом и началом рукописи, которую получил от Вас, есть промежуток несколько страниц, которых недополучил от Кожебаткина. Если не трудно, соедините как-нибудь, если нельзя добыть рукописи от Кожебаткина.

Здесь же посылаю корректуру Вашей статьи «Дневник писателя», которую очень прошу выверить по возможности внимательней и быстрее, т. к. с этой статьи начнется журнал¹; необходимо отпечатать его в первую голову, иначе не хватит шрифта. Я прочел бы первую корректуру сам, но рукопись Ваша настолько неразборчива, что не решаюсь, а без рукописи не все ясно. Как только прочтете, передайте ее Георгию Федор<овичу>, который быстро мне перешлет. Приезд в Москву мой задерживается, но я буду ни в коем случае не позже будущей недели.

Не помню, писал ли я Вам, что следующие части «Дневника Чудака» должны быть короче (каждый отрывок приблизительно в три (3) листа), иначе следующие номера журнала будут так же задерживаться, как задерживается первый; очень трудно сейчас большую книгу печатать. Лучше выпускать номера чаще, но меньше по объему, чем наоборот.

До скорого свидания. Крепко жму руку.

С.Алянский

P.S. Ваш пакет обязательно привезу.

С.Алянский

На бланке издательства «Алконост».

¹ Первый номер «Записок мечтателей» начинался не «Дневником писателя» Белого, а его же программной статьей «Записки мечтателей». «Днев-

ник писателя» (с датировкой: 9 января 1919 года, Москва) был опубликован там же (с.119-132).

14. Андрей Белый – Алянскому
28 февраля 1919. Москва

Москва
28 февраля

Дорогой Самуил Миронович,
высылаю Вам 1) корректуру, 2) статью для 2<-го> № «Журнала»,
3) следующую порцию «Чудака» (3 с лишним печатных листа).

Что касается до корректуры, то – я не вполне точно помню, сколько еще у Вас осталось от порции, которую Вы получили от Кожебаткина; Кожебаткина не могу поймать; постараюсь выцарапать у него рукопись; не дописываю дальше, ибо для заполнения 5 недостающих листов надо точно знать, чего именно не хватает, т. е. нужны *гранки*, на которых обрывается порция Кожебаткина и гранки со следующей порцией; жду их.

Что касается до присланной Вами порции, то – я мало исправляя; обращаю Ваше внимание на некоторые опечатки, которых в последней корректуре было бы желательно избежать: 1) очень часто вместо «-» (тире) наборщики ставят «-» (черточку); от чего меняется архитектура фразы; очень часто наборщики меняют окончания слов: вместо «казалось» набирают «казалос~~я~~» (и обратно), мною = мной, посредине = посередине и т. д. Между тем: я ставлю то «казалос~~ь~~», то – «казалос~~я~~», в зависимости от *ритма*; один «ерик» или «я» разрушает целый ритмический период; в одном случае ставлю «посередине», в другом «посредине»... Самые ужасные опечатки для меня те, где сознательно для ритма поставленное казалос~~я~~ превращается наборщиком в казалос~~ь~~» (ему невдомек, что его «ерик» проваливает меня как автора, создавая ритмический «ухаб»; например: в строе фразы «-UU-U-UU-U-U» ритм гладок, а в строе «-UU- UU» уже есть ухаб, и от «ь» и «я» наборщика зависит сломать фразу мою.

Поэтому главные опечатки, мной исправленные, – не «опечатки», а абстрактное отношение наборщика, который видит слово «мною» («ю» для ритма), а набирает «мно~~й~~» (ритм – разрушен). Эти мои исправления, дорогой Самуил Миронович, я и прошу Вас в чистовой корректуре проверить, а то наборщик (особенно «сознательный» наборщик) способен просто презреть мою правку. (Не все ли равно, «ь» и «я» в слове «казалос~~ь~~»?) Я уже года борюсь с этой психологией «сознательного» наборщика, вмешивающегося в «ритм» моих произведений¹.

Если по условиям печати возможно предпослать это краткое предисловие к «Я», то очень прошу его напечатать².

Дорогой Самуил Миронович, очень спасибо за Ваше хорошее письмо; к Алконосту не только не остываю, а наоборот – разогреваюсь. Я вижу людей, которые рыщут днями, разыскивая то или иное произведение, ко мне пристают с просьбами дать единственный экземпляр той или иной моей книги «переписать»; мы возвращаемся к состоянию до «книгопечатания»; книги начинают переписывать чуть ли не от руки; «каждая книга» сейчас есть большее дело, чем даже учреждение «Университета»³; все эти «Университеты» – пустыни, унылые пустыни; книга же бьет в года... Книга и есть «Университет» современности.

Дорогой Самуил Миронович, непременно привезите с собой пакет, который я Вам оставил, там – величайшие «ценности»: мои единственные сносные ботинки (хожу – в дырявых); и – калоши (хожу в рваных); а – надвигается «потопная» весна...⁴

Жду Вас: крепко жму руку. Александру Александровичу сердечный привет.

Б.Бугаев

P.S. Если бы Вы мне привезли несколько «Кризисов Жизни»; и «Кризис Мысли»; у меня просят знакомые (например, Гершензон⁵); обижаются, а у меня нет. «Кризис Жизни» я бы купил у Вас.

Ответ на письма 10 и 13.

¹ Этого же вопроса Белый касается в недатированной записке к Алянскому:

Дорогой Самуил Миронович,

спешу: простите, что лапидарен. Кожебаткина не видел. Пропуск – восполнил. С корректурой – та же история: наборщик убивает меня, набирая «я» вместо «ь» (казалось = казалос~~я~~); и – обратно.

Привет: до скорого свидания.

Б.Бугаев

² Имеется в виду «Вместо предисловия», с датой: Москва. 1919 г. Февраль. Оно было опубликовано перед началом текста «Я. Эпопея» в первом номере «Записок мечтателей» (с.11-12).

³ В ноябре–декабре 1918 Белый принимал деятельное участие в разработке проекта «Театрального университета» при научно-теоретической секции ТЕО. Ср.: «Моя работа, как заведующего Теоретической Секцией «ТЕО» Наркомпроса. 388. Ноябрь. Доклад о плане Театрального Университета. <...> 392. Декабрь. Доклад о программе теоретических курсов

Университета “ТЕО”. 393. Декабрь. Прения по моему докладу “Курсы Университета”. 394. Новый доклад “О курсах Университета”. 395. Декабрь. Экстренные прения по вопросу об Университете (с Мейерхольдом)» (*Андрей Белый*. Себе на память. Перечень прочитанных рефератов, публичных лекций, бесед (на заседаниях), оппонирований, председательствований и участий (активных) в заседаниях и т. д. с 1899 до 1932 года. – РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.96. Л.9).

⁴ Алянский, находясь в Москве в марте 1919, оставил следующую записку Белому:

Дорогой Борис Николаевич,

Приехал вчера ночью. Был у Вас. Оставил Ваши сапоги с калошами и книги. Если Вам не трудно, позвоните по телефону Георг<ия> Фед<оровича> № 5-88-17, когда я могу Вас застать дома.

Преданный Вам

С.Алянский

⁵ Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) – историк русской литературы и общественной мысли, публицист. Был в дружеских отношениях с Белым с конца 1907; особенно они сблизились в конце 1916, после возвращения Белого в Россию из Швейцарии. Белый написал о нем статью-некролог «М.О.Гершензон» (Россия. 1925. №5(14). С.241-258); также посвятил ему главу в мемуарах: «Между двух революций» (М., 1990. С.249-264). См.: Переписка Андрея Белого и М.О.Гершензона / Вступ. ст., публ. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Малмстада // In memoriam: Исторический сборник памяти А.И.Добкина. СПб.; Париж: Феникс–Atheneum, 2000. С.231-276.

15. Андрей Белый – Алянскому *Начало марта 1919. Москва*

Дорогой и милый Самуил Миронович,

У меня к Вам громадная просьба, но только мне стыдно к Вам с ней обращаться; и все-таки обращаюсь в расчете на Вашу чуткость; итак: с места в карьер.

Я – опять увяз; Пролет-Культ, наборы лекций, публичные выступления создают атмосферу, невозможную для работы¹. Мне нужно получать в месяц минимум 3000, ибо рублей 900 я уделю маме²: она без средств; мне остается при 3000 заработке 2100 рублей, которые уходят на пропитание. Службу бросить нельзя.

Мой заработок: Пролет-Культ в среднем дает 1400 жалованье + 400 лекционных + (в среднем) 1000 получал от «Алконоста». Итого составлялась цифра 3000 р. в месяц. Но курс, лекции, заседания сместили меня с работы (курс берет 3 дня в неделю, ибо читаю его, прорабатывая и добывая весь материал заново).

«*Pium desiderium*»³ – освободиться для работы над «*Чудаком*» и проработать месяца 3–4 только над ним; от этого «Алконост» будет в выигрыше; для этого надо: месяца 4 жить без службы, т. е. прожить 3000, не добывая 2/3 денег службой. Возможность – есть: «Московское К<нигоиздательство>» согласно дать мне авансу 8000 р. хоть сейчас, если я ему отдам «Путевые заметки»⁴, что со скопленными мной 4000 р. дает сумму в 12000 р., т. е. 4 месяца свободы от службы; и – стало быть: работы для «Алконоста» (для «Записок мечтателей»). В среднем: в месяц я могу дать до 3-х печ<атных> листов; в 3 месяца 9 печ<атных> листов «*Чудака*» + 3 статьи для «Дневника», т. е. 12 новых печ<атных> листов взамен 15 старых («*Путевые заметки*» – старая работа. Кроме того: вместо заметок – могу дать 3–4 выпуска о «*Слове*» под общим девизом «Глоссолалия».

1. Глоссолалия.

1. Кризис слова.

2. Теории худож<ественного> слова
(материал есть: конспект моего пролеткультовского курса).

3. Ритм.

4. Инструментовка.

5. Глоссолалия.

Итак: вместо 5 выпусков «Путевых Заметок» даю – 5 выпусков книги «Глоссолалия» (новой книги), а вместо «Кризиса слова», т. е. 4-ой части «На перевале», дам «*Кризис Я*», составленный из тем «Дневника»⁵. В сущности, я Вам предлагаю новую книгу вместо старой, а старая («*Пут<евые> Заметки*») выручает меня 8000-ным авансом; вне 4-х месяцев свободы от службы не сумею Вам обещать нормального продолжения «*Чудака*»; в сущности, – за 4 месяца, может быть, «Алконост» мне еще заплатит; и – наберит 5-ый, 6-ой месяц свободы от службы: полгода свободы! Да за это время я напишу 2-ую часть «*Чудака*».

Почти уверен, что эта комбинация, устраивая меня, устраивает и «Алконост».

А если так, 1) спешите ответом, 2) при приезде в Москву, захватите выпуски «Пут<евых> Заметок».

Если бы, паче чаяния, 1<-я> часть уже была в наборе, ну – нечего делать; озаглавьте ее «Тунисия»; и все-таки: привезите другую часть «Тунисии» и «Египет»⁶.

Милый, хороший Самуил Миронович, это не каприз, а – исход, а то – запутался я со службой.

Жду скорого ответа: от него зависит моя свобода. «Московское Книгоиздательство» торопит меня; и – ждет ответа, т. е. меня ждет 8000; и это – главное.

Остаюсь искренне преданный Вам

Борис Бугаев

Привет «Алконосту»!

Датируется по почтовому штемпелю: Москва. 8 <?>. 3.<19>19.

¹ Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 12 марта 1919: «Чувствую себя очень не важно; иссякает энергия жить и бороться за право писать; “Пролеткульт” все более и более засасывает. Читаю курс, за который так не хотелось приниматься (“Теор<ия> Худ<ожественного> Слова”); и радость от общения не заглушает чувства горечи от того, что “Записки Чудака” завязли ровно в тот момент, как я по долгу службы вынужден был неформально отнестись к курсу: он отнимает у меня 3 дня в неделю (надо готовиться к нему); 2 вечера заняты заседаниями; итого, среди 7 вечеров в неделю только 2 мои; а при этих условиях почти невозможно писать “Записки Чудака”» (Андрей Белый и Иванов Разумник. Переписка. С.174).

Ср. записи в РД: сентябрь 1918 – «К началу выздоровления являются ко мне Герасимов и Павлович и уговаривают идти работать в “Пролеткульт”»; мои обязанности 1) Курс лекций, 2) Семинарий, 3) Читка присылаемых в Пролет-Культе рукописей и доклад о них (разбор формы), 4) Прием поэтов и разбор приносимых ими произведений»; октябрь – «С октября же – служба в Пролет-Культе, отнимающая все время: приемы, заседания, подготовка к лекциям, беседы со студийцами, воскресники, обязательное участие в которых необходимо, как необходим формальный разбор всего читаемого материала, общение с писателями»; февраль 1919 – «Охватывает тот же круг, или круги забот: “А<нтропософское> О<бщество>”, “Лито”, “Союз Пис<ателей>”, “Двор<ец> Ис<кусств>”, “Пролет-Культе”»; март – «Тот же круг забот».

² Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922) – мать писателя. Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 августа 1919: «Очень трудно живется: чтобы мама не голодала, мне надо зарабатывать тысяч до “семи-восьми»» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.178).

³ Благое пожелание (лат.)

⁴ Новую редакцию текста «Путевых заметок» Белый подготовил в апреле–июле 1919 для печатания в «Книгоиздательстве писателей в Москве». См.: Андрей Белый. Офейра. Путевые заметки. Ч.1. М., 1921 (вышла в 1922). Ср. записи в РД: апрель 1919 – «Усиленная работа на дому: переработка “Путевых заметок” с рядом соотв<етственных> чтений. <...> Все для “Пут<евых> Заметок”: исправляю всю Сицилию. И ничего Тунисии»; май – «Предъотъездные хлопоты; не помню, что делаю; вероятно, работаю над “Пут<евыми> Зам<етками>”. Карачев. <...> Усиленно пишу “Пут<евые> Заметки”. И кажется, кончаю с Тунисией»; июнь – «Те же занятия и чтения;

с юга приближаются денкиницы; едем в Москву. Москва. Те же занятия; кончаю 2-ой том «Пут<евых> Заметок»»; август – «Пишу регистр к «Пут<евым> Зам<еткам>»».

⁵ В перечне сочинений Белого, напечатанном на нумерованных страницах в «Кризисе мысли», значатся: «“На перевале” 1. Кризис жизни. Кни<гоиздательство>во “Алконост”. СПб. 1918 г. 2. Кризис мысли. 3. Кризис культуры (готовится). 4. Кризис слова (готовится)» (в таком же виде «На перевале» числится в каталоге «Алконоста», опубликованном в конце «Кризиса мысли») и «“Глоссолалия”. Сборник статей, посвященных проблемам ритма и словесной инструментовки (готово к печати)». Ни «Кризиса слова» (см. письмо 20), ни «Глоссолалии» в виде сборника статей у Белого среди его опубликованных сочинений нет (о «поэме о звуке» «Глоссолалия» см. примеч. 5 к письму 12). Также нет и книги «Кризис “Я”».

⁶ См. письмо 8, примеч. 1.

16. Андрей Белый – Алянскому
<Середина марта 1919. Москва>

Дорогой и милый Самуил Миронович,

Я уже писал Вам подробно: это письмо – повторение на случай, если бы 1-ое затерялось. «Моск<овское> Кни<гоиздательство> Писателей», покупая у меня «Путевые Заметки», дает мне сразу 8000 рублей, устраивающих меня (ибо вслед за 8000 они будут и еще выплачивать); «Записки Чудака» я могу кончить, т. е. написать конец «Возвр<ащения> на родину» и 2-ую часть «Великий взрыв». На все это нужно месяцев 4–5 спокойной жизни: итак: если Вы мне уступите «Пут<евые> Заметки», я всецело начинаю работать для «Записок Мечтателей»; вне же этого освобождения я все запутываюсь в обязательствах, лекции, ибо мне нужно кроме себя содержать мою мать. Единовременные 8000 р. + 4000, скопленные мною, дают мне свободу 5 месяцев продержаться и писать исключительно 1) «Дневник», 2) «Зап<иски> Чудака».

Вместо 5 выпусков «Пут<евых> Заметок» я могу Вам предложить 5 выпусков книги «Глоссолалия».

Глоссолалия:

- 1) Кризис слова
- 2) Теории худ<ожественного> слова
(обработанный в выпуск конспект курса в «Пролет-Культе»)
- 3) Инструментовка
- 4) Ритм
- 5) Глоссолалия (у Вас имеется).

А вместо 4-го выпуска «Кризиса сознания» даю: «Новое сознание» (материал почти обработанный уже готов).

Милый Самуил Миронович, надеюсь, что Вы пойдете навстречу мне: в таком случае 1) тотчас ответьте, 2) привезите с собой 3 выпуска + рисунки, которые нужны «Книгоиздательству писателей».

Если, паче чаяния, Вы начали набор 1-го выпуска («Тунисия»), – то нечего делать: издайте ее; но остальные 2 выпуска (о «Тунисе» и о «Египте») привезите с собой в Москву.

Надеюсь, – мы поладим: ведь я же для «Записок Мечтателей» хлопочу о себе.

Повторяю: вне этой конъюнктуры мне трудно, очень трудно сосредоточиться.

Простите за подчерк <так!>: спешу безумно – надо бежать по делам.

Остаюсь искренне преданный

Борис Бугаев

Из-за неудачной архивной реставрации конверта прочесть московский почтовый штемпель не представляется возможным. Датируется предположительно, по содержанию.

17. Андрей Белый – Алянскому

7 мая 1919. Москва

Дорогой и милый Самуил Миронович,

мне очень грустно, что я Вас не застал; первый № «Журнала» – преинтересен; он приглашает к работе; не сомневаюсь, что он будет все интереснее и интереснее. Много бы сказал Вам, но – часы в обрез: предотъездная бегодня, укладка: завтра еду. Между тем, многое надо сказать деловым образом.

1. *Корректуры*: в гранках существенно перепутан текст; я разрезал ножницами III гранку (где – путаница); и перенумеровал подлинный порядок: III a, b, c, d; в таком порядке печатайте¹.

2. *Даю Вам статью*: «Лев Толстой и йога» для «Дневника» №3; если сочтете, что статья слишком велика, разбейте пополам для 2-х №-ов (1, 2, 3 абзац для 3-го номера под заглавием «Лев Толстой и йога»; и № «2 <так!>, 5» для №4-го под заглавием «Толстовство как всенародное дело»); хотя было бы жаль: скоро напишу статью².

3. Если бы Вы напечатали «Лев Толстой и йога» отдельной брошюрой, то – это меня бы порадовало, ибо за *круг мыслей* этой статьи стою: она – дельная: говорит о «хлебе насущном»; тогда статью, которую пришлю скоро для «Дневника» №3-го.

4. Еду стремительно писать «Чудака»; и скоро вышло четвертую порцию; здесь писать невозможно: Москва уходила. Думаю основательно пожить в Карачеве и всецело отдаться работе³.

5. Очень хотелось бы, чтобы статья «Глоссолалия» вышла бы (в виде 4-го выпуска «Кризиса сознания»: «Кризис слова»⁴). Я ее считаю лучшей статьей, которую я написал во всю жизнь.

6. У меня есть статья о ритмич<еском> жесте, которую не могу обнаружить уже 2 года⁵; между тем она – до крайности нужна; Сакулин⁶, проф. Розанов⁷ и прочие «университетские» пристают, говоря, что мои работы о ритме им нужны для студенческих семинариев. Напишите, если нужна, то я – пришлю.

6*. Самый важный вопрос: вопрос о наших сношениях: вот мой карачевский адрес (пока). Город Карачев (Орловской губернии). Малая Дворянская: д. Светославской. Вере Георгиевне Анненковой для А.Белого (Б.Н.Бугаева)⁸. Кроме этого адреса, так сказать, прямого сообщения, я оставляю своим «поверенным в делах» по личному сношению А.С.Петровского (моего ближайшего друга)⁹ с письмом к нему, где я прошу его, так сказать, заботиться обо мне.

Когда будете в Москве, непременно *тотчас же* повидайтесь с ним, ибо дней через «10» (она может и запоздать) едет в Карачев антропософка, которая отвезет лично мне все, что нужно (рукописи, корректуры и т. д.)¹⁰. А.С.Петровский ей передаст лично все от Вас (книги ли, рукописи ли). Адрес Алексея Сергеевича Петровского: можно застать каждый день в Румянцевском Музее от 11 до 3-х (кроме праздников). Музей – на Знаменке; идите *ходом с переулка* (через двор музея); спросите у служителя, он тотчас же Вас проведет к А<лексею> С<ергеевичу> (А<лексей> С<ергеевич> заведующий философским отделом и отделом истории религии). Просто спросите «Петровского». Или личный адрес Петровского: Моховая д. 3 кв. 10 (дома бывает вечером и после Музея; *по вторникам* от 7 часов до 9-ти он в О<бществ>е¹¹). Рукописи я буду высылать ему или Г.Ф.Кнорре, дабы последний переправлял их Вам. Так, я думаю, у нас наладится нормальное сношение.

Теперь: →

→ Еду я в Карачев, чтобы работать своим делом, и есть мне полная возможность не служить, т. е. писать «Чудака» и всецело отдаться журналу: при условии, что «Моск<овское> К<нигоиздатель>-ство» будет мне платить жалованье и Вы, когда сможете, будете мне присылать в зависимости от Вашей возможности. И вот вопрос – во-

---

* Так в автографе.

прос материальный я думаю так разрешить. Когда Вы мне привезете денег или пришлете их для «москвичей» Г.Ф.Кнорре, то Г<еоргий> Ф<едорович> будет их передавать Петровскому, который по моим инструкциям будет мне пересылать их в Карачев, или же отдавать маме, или беречь до моего приезда (первый мой приезд будет через 1½–2 месяца) в Москву; у А.С.Петровского будет письмо от меня, в котором я прошу его вместо меня принимать деньги и даже, если возможно, давать расписки в получении их.

Пункт второй: Милый Самуил Миронович, «Моск<овское> Кн<игоиздатель>ство Писателей», меня выручающее до августа паем («*Путевыми заметками*» – авансом за них), намерено и впредь меня поддерживать; для этого: я должен вступить в число пайщиков, что я и сделаю; у них обычай: что авторы получают после аванса уже по напечатанию. Но они мне предлагают издать «*Чудака*» и согласны месяцев «7» субсидировать *вперед*, но для этого они просят меня вот что: чтобы с ноября 1919 года я разрешил им приготовить «*Чудака*» отдельным изданием. Это дает мне возможность *ad infinitum*¹² все силы отдать Вам и журналу, не обременяя Вас денежными просьбами, иначе мое положение в Карачеве с августа будет таково, что я вынужден буду приставать к Вам или вернуться служить в Пролет-Культ, т. е. надеть старые лямки. Если Вы согласны на это, если рассчитываете до ноября выпустить 3 или 4 номера «*Мечтателей*» (ничего, что последний № «*Мечтателей*» встретится с книгой «*Записки Чудака*»; я же буду продолжение «*Чудака*» печатать у Вас).

Эта комбинация 1) Вам облегчит в смысле материальном, 2) меня устроит для «Алконоста», который так близок моему сердцу; в таком случае напишите письмецо «Книгоиздательству Писателей» об этом, что Вы не будете в претензии, если бы они, скажем, 15 ноября выпустили книгу, или войдите в контакт с ними через Михаила Осиповича Гершензона (прикосновенного к издательству и меня сосватавшего с ним). Адрес М.О.Гершензона: Москва. Никольский пер<еулок>, д. 13 (во дворе: *); его можно застать от 8–9 часов вечера каждый день. Кстати: он очень ценит Ваше издательство, я показывал ему № «*Журнала*», он – расхвалил его; и очень, очень не прочь писать: он сотрудник ценнейший, если А.А.Блок не имеет ничего против (как и Вы), то *пригласите его*: он охотно даст¹³ (он же друг Вячеслава¹⁴). Кроме того, я советую Вам с ним завести сношения и *деловые*: Ангарский¹⁵ (редактор «Кн<игоиздатель>ства Писателей») влиятелен в *Сов-депе* и имеет прямые отношения с начальством; они

---

* Далее – рисунок-схема с указанием местонахождения квартиры М.О.Гершензона.

получают большие ассигновки, и от них, а не от Луначарского зависят дела печати: псевдоним Ангарского «Клёстов» (Николай Семенович), встретьтесь с Ангарским. Или же: если бы Вам нужно было зайти в «Кн<игоиздательство> Писателей» и лично поговорить с ними, то – вот адрес. Скатертный пер<еулок>, д. 8 «Кн<игоиздательство> Писателей», ежедневно от 11 до 12 там Александра Ник<олаевна> Чеботаревская¹⁶ (сестра Анаст<асии> Ник<олаевны>) там служит; она – друг Вячеслава и Гершензона; с ней и вступите в контакт. По субботам от 11 и далее там заседания, и потому не ходите туда по субботам. С Грузинским¹⁷ (старичком), там сидящим, не слишком вступайте в контакт, а говорите с Алекс<андрой> Ник<олаевной> Чеботаревской (она секретарь; и «наша»); Грузинский же все дела только тормозит; может быть, Вы добьетесь через Гершензона и Клёстова разных благ для «Алконоста» скорей, чем чрез Луначарского, который – ничего не может, и – едет на фронт.

Если Вы согласны с моим предложением, заявите это «К<нигоиздательст>ву Писателей»; они пишут контракт со мною; они тогда внесут в контракт, что обязуются мне с августа, или даже июля, платить жалованье; так просто вопрос об оставлении службы разрешится для меня наилучшим образом.

Спешу кончить; всех благ, ужасно жалею, что не застану уже Вас. Я Вас очень люблю, и кроме деловых сношений мне жаль, что мы по-человечески не встретимся, не посидим вечеров; а если Вы будете свободны и если в Карачеве можно устроиться, – приехали бы летом ко мне, пожить, отдохнуть от сутолоки. Провели бы неделю, две вместе.

Итак, всего, всего лучшего, дорогой Самуил Миронович: мой «пламенный» привет петербургским друзьям – Блоку, Разумнику, именно «пламенный» и именно «друзьям», так их ощущаю. Привет милому Алексею Михайловичу¹⁸ и хорошему Мейерхольду¹⁹. И всем прочим. Тысячу раз простите за почерк. Это от безумия спешки.

Ну, Господь с Вами.

Любящий Вас

Б.Бугаев

Москва.

7-го мая, <19>19 года

¹ Ср. текст недатированной записки Белого Алянскому: «Дорогой Самуил Миронович, гранки перепутаны: я разрезал их и пометил: за 3-ей “а” гранкой по рукописи следует 3 “b”; пожалуйста, проследите, чтобы было верно. Борис Бугаев».

² Ср. запись за апрель 1919 в РД: «...пишу статью “Лев Толстой и иога”, другую для “Зап<исок> Мечтателей” под псевдонимом “Alter Ego”», а также запись в указателе Белого «Себе на память»: «439. Апрель. 1919. “Лев Толстой и иога”. Реферат у Гершензона» (Л.10). Статья о Толстом не была напечатана. «Утопия» появилась под псевдонимом «Alter Ego» в «Записках мечтателей» (1921. №2/3). В 1920 статья «Учитель сознания (Л.Толстой)», по-видимому, связанная с ранней статьей о нем, была опубликована в московском журнале «Знамя» (№6(8). Стлб.37-41); перепечатана в берлинском «Знамени» (1921. №1. С.22-23). Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 августа 1919: «Прочел горку книг: одно время с головой ушел в Толстого; и все, что я ни читал, казалось мне еще не читанным никогда; книга Толстого “О жизни” показалась неопровержимой, едва ли не откровением» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.178).

³ Белый жил в г. Карачеве Орловской губернии с мая по июль 1919 (вместе с К.Н.Васильевой). Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 26 августа 1919: «Я уехал в Карачев; сидел там 2 месяца; перечел многое, прочел Моммсена, переработал заново “Путевые заметки”; вышла – совсем как бы новая и очень недурная книга <...> а “Чудака” временно отложил» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.178).

⁴ «Глоссология» вышла не в таком виде, а отдельной книжкой. См. письмо 12, примеч. 5 и письмо 15, примеч. 5.

⁵ Ср. «Себе на память»: «256. Февраль. 1917. “О ритмическом жесте”. На семинарии акад<емика> Венгерова. Универс<итет>. Петербург» (Л.7). В статье «Жезл Аарона» (Скифы. Сб.1. 1917. С.203) Белый сообщал, что опубликует «О ритмическом жесте» во втором сборнике «Скифы», но этот замысел не был осуществлен. Впервые фрагменты из этой работы были опубликованы как третье приложение к статье: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* О стиховедческом наследии Андрея Белого // Структура и семиотика художественного текста. Труды по знаковым системам. XII (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып.515). Тарту, 1981. С.132-139.

⁶ Павел Никитич Сакулин (1868–1930) – историк русской литературы, профессор Московского университета; активно работал в литературном отделе Наркомпроса, возглавлял Общество любителей российской словесности. В ноябре 1918 Белый читал лекцию «Стиховедение» в Обществе любителей российской словесности в Московском университете (Себе на память. №374. Л.8об.).

⁷ По всей вероятности, имеется в виду Иван Никанорович Розанов (1874–1959) – историк русской литературы, книговед, профессор Московского университета с 1918, автор многих статей о стихосложении. Его брат Матвей Никанорович (1858–1936), с 1911 профессор Московского университета, с 1921 – академик, больше интересовался вопросами западноевропейской литературы.

⁸ Впоследствии Белый жил на квартире В.Г.Анненковой и ее мужа Александра Ивановича Анненкова. Ср. запись за август 1920 в РД: «Пересекаюсь жить к Анненковым (Бережковская наб., Красный Луг, Дорогоми-

ловский химический завод, “Анилтрест”)). Белый также жил у них по возвращении в Россию из Германии с конца 1923 по март 1925. Ср. запись за январь 1924 в РД: «Длится та же безрадостная жизнь у Анненковых в комнате с разбитым окном, в атмосфере скандалов, устраиваемых В.Г. Анненковой, эт<ого> исключительного по жестокости человека».

⁹ Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – переводчик, антропософ, в 1914 участвовал в постройке Гетеанума в Дорнахе; по выражению Белого, его «вечный спутник по жизни». Многолетний сотрудник библиотеки Румянцевского музея, затем Библиотеки имени Ленина. Знаток истории мировой гравюры и коллекционер (см.: Гравюры из коллекции А.С.Петровского: Каталог. М.: Изд. Гос. библиотеки им. Ленина (Отдел редких книг), 1980.

¹⁰ Клавдия Николаевна Васильева (урожд. Алексеева, во втором браке Бугаева; 1886–1970) – антропософка, ближайший друг и спутница жизни Белого после его возвращения в Россию в 1923 из Германии; с 1931 официально – его жена. Автор воспоминаний о Белом. См.: *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Дж. Малмстада; Подг. текста Е.М.Варенцовой и Дж. Малмстада. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2001. Ср. записи в РД за 1918: январь – «Начало личного сближения с К.Н.Васильевой»; февраль – «Углубляется мое сближение с К<лавдией> Н<иколаевной>»; март – «Углубляется еще близость с К<лавдией> Н<иколаевной>»; апрель – «Близость с К<лавдией> Н<иколаевной> оформляется и переходит в ту прочную связь, которая стала уже нерасторжимой в десятилетия 1918–1928 годах». Апрель 1919 – «Совершенно измученные мы с К.Н. собираемся в Карачев: отдохнуть».

¹¹ Петровский заведовал библиотекой Русского антропософского общества, помещение которого находилось на Садовой-Кудринской, д. 6, кв. 2.

¹² без конца (*лат.*).

¹³ Гершензон опубликовал две статьи в №5 «Записок мечтателей» за 1922 год: «Солнце над мглою (Афоризмы)» (С.90-107) и «Демоны глухонемые» (С.127-135).

¹⁴ Вячеслав Иванович Иванов (1866–1949) – поэт, критик, филолог-классик, теоретик символизма; печатался в «Записках мечтателей» (№1 и №2/3). См. запись за март 1919 в РД: «Частые встречи с Гершензоном, с Ивановым (В.И.)».

¹⁵ Николай Семенович Ангарский (псевд. Клестов; 1873–1941) – литератор, редактор-издатель; в 1912 вместе с В.В.Вересаевым, И.А.Бунинным и другими писателями создал «Книгоиздательство писателей в Москве» и был его секретарем и заведующим до 1919. С 1917 по 1929 – член президиума Исполкома Моссовета, заведовал отделом печати Москвы.

¹⁶ Александра Николаевна Чеботаревская (1869–1925) – переводчица, сестра критика и переводчицы Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876–1921), жены Ф.Сологуба; близкий друг семьи Вяч. Иванова (в их среде называлась «Кассандрой»); покончила с собой в припадке отчаяния после смерти Гершензона в 1925.

¹⁷ Алексей Евгеньевич Грузинский (1858–1930) – филолог, переводчик, педагог, член литературного кружка «Среда» и товарищества «Книгоиздательство писателей в Москве».

¹⁸ А.М.Ремизову.

¹⁹ Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) – актер, режиссер. Многолетний друг Белого; один из членов-учредителей Вольфилы. Письма Белого к В.Э.Мейерхольду и З.Н.Райх опубликованы в журнале «Новое литературное обозрение» (2001. №51. С.132-166).

18. Андрей Белый – Аланскому
<Конец ноября – начало декабря 1919. Москва>

Дорогой Самуил Миронович,

Нет слов, как мне стыдно и больно! Но обращаюсь к Вашему пониманию «человека» в Человеке; у каждого из нас есть Чело Века в человеке¹; обратно: Чело Века («Манас»²), когда он вполне войдет в нас, будет носить в себе некий придаток, который будет бременить его «человека»; сейчас этим «человеком» с малой буквы мы опухли; иногда он раздувает до колоссальных размеров; и дух в нас угасает под бременем физиологической усталости (нервы, невращения – усталость: *физиологии*); и вот –

– на этот раз Вы меня застали в «максимум» моих «человеческих» недомоганий, которые сложились оттого, что ½ полугодия выпутывал сам себя, ½ (второго) полугодия выпутывал из трудных обстоятельств маму, друзей; а последние две недели попал в вихрь необходимых, весьма сложных, отнимающих все время путаниц, связанных одновременно с издательскими делами («Звено»³, «Моск<овское> Книгоизд<ательство>», «Копельман»⁴, «Академия»⁵, и т. д.) и с личными (ставил маме печку, раздобывал дров, бегал в поисках за деньгами, разузнавал о «за-границе»⁶); и все это вместе; принимая во внимание, что я едва держусь на ногах, служу от 11 до 4-х, читаю курс лекций – «духовных»⁷ (а это не то, что культурно-просветительные): читая их, становишься *volens-nolens*⁸ в необходимо личных отношениях с *intérieur*⁹ суммы сознаний тебя слушающих, т. е. навещаешь их, разъясняешь им, *внутренно* готовишься к затрагиваемым темам, а не только приготавливаешь «тему лекции»; словом: –

– время всей этой суммы бремён в минуту усталости делается кашей в сознании, которая давит на здоровье; последнюю неделю я едва стоял на ногах; все вечера – заняты; вчера же, в пятницу, окончательно было слег; но «встал», прочел 2-часовую лекцию, чтобы не

«встать» уже надолго; тут друзья уговорили меня отдохнуть; и – увозят под Москву (знакомый химик¹⁰ живет под Москвой, на фабрике, и каждое утро на лошадях приезжает в Москву); поэтому сегодня, пишу рано утром, увозят меня на субботу-воскресенье; в понедельник и вторник с знакомым приезжаю на службу; со службы же отправляюсь за Девичий Монастырь, дабы 2-ую часть дня провести в тишине.

Я не могу Вас предупредить: послать некого; ноги уже не держат; и так боюсь, что слягу. Придется принести Вам величайшее извинение: и простить меня по *человечеству*, т. е. попросту *понять*; уже давно (года 2) Дух во мне держится на нервах (а держаться на нервах есть *опиум* для духа жизни: наша русская жизнь так глупа, что не понимает жизни духа; она требует духа и заклеывает того, кто к ней подходит с духовным устремлением); так я: 3 года поднося «духовное» в *душевном* (душевное же, если не взято Духом, взято нервами), – отдал *нервам*, что со мной всегда случалось в России; т. е. развинтил свой организм: и оттого бывают минуты, как сейчас, когда без санатория (импровизированного) стоишь под знаком полной прострации; а мне нужно укрепиться *молчанием* хотя бы для слов курса «*Философия дух<овной> культуры*», который открываю 15 декабря в О<бщест>ве Вольно-Философском¹¹. Я не лектор, не профессионал; мои лекции или – ерунда набора слов, или кусочек *подлинно* *узнанного*; стало быть, прочесть курс мне – отдать себя без остатка; а надо, чтобы было *что отдать*.

Будучи застигнут моей прострацией *врасплох*, я *врасплох* должен был воспользоваться отдыхом под Москвой и уехать.

Зная Вас, что Вы «человек», т. е. в Вас не «только» сумма интересов (литературных, *темных* (от «тема»), но и еще *что-то*, что меня и привлекает в Вас, я апеллирую, минуя наши оболочки (мою, измученную, и Вашу, имеющую все права на меня рассердиться) и говорю Вам от «*что-то*» во мне к «*чему-то*» в Вас: простите меня; я не виноват, что человек 15–20 ждут, что сквозь меня им нечто скажет (ведь слушать курс о *духовном* или абсурд, или показатель *решимости*, последней *серьезности*; слова личного утешения – душевны; «курс» есть форма моя утешения в Духе тех, кто в этом нуждается; это – строже, ответственной); если уж и случился такой казус, что люди слышат *Меня* во мне сквозь мои усталые нервы, то надо тем бережнее мне относиться к остаткам обнаженных нервов, которые во мне так разбиты и которых пища – (вся пустая никчемная, культурно-просветительная и даже литератур-

ная жизнь) – стекольные иглы; мне тем больнее жить среди *игол* и врезаться в других иглами своей усталости, что еще до возвращения своего в Россию я осознал эту «литературную» жизнь, как круговую поруку во взаимной душ<евной> гибели, как чередование речей и собраний с «попойками» (гашишом <так!>) в прежнее время и разговорами о «продуктах» в нынешнее время. Увы, Россия меня доканчивает: прирезывает без остатка; я намерен во имя того, что чрез Меня *не мною* может быть сказано, спастись: бежать из России; оттого я намерен остаток сил предпринять для собирания денег и выискивания возможностей при первом возможном случае уехать за границу в нормальные условия жизни – к Асе и *себе самому*¹². Поэтому мне удобнее остаться в Москве и не переехать в Петроград, ибо в Москве больше шансов хлопотать у властей о выезде или отправке меня за границу; об этом же пишу подробно Разумнику Васильевичу¹³. Может быть, приеду в Петроград, если имеет смысл мне прочесть в неделю курс в 7–8 лекций; но это – не ранее, как через месяц¹⁴.

Гоголю для «*Мертвых душ*» был нужен «Рим» десять лет; Иванову для «*Явления Христа*» была нужна Италия всю жизнь; в России он сумел сделать лишь одно: приехать и умереть от холеры. Глинка проклинал Россию: потому что он знал: будь он на Западе, он был бы не Глинкой, а Вагнером; Пушкин был бы более, чем Гете, будь он в условиях Гете; он – повелевал бы королями, не был бы шутотом Николая I-го, не умер бы на дуэли.

Тема моя – о, во сколько же трудней Гоголя: мне надо воскресить преждевременно «*Мертвые души*» России словами о «*Явлении Христа*» не на картине, а в жизни; к началу 30-х годов (через 10 лет) я должен написать ряд томов «*Я*», дабы были высечены ступени в сознаниях к Тому, *Что свершится* в человечестве сперва около 933 года, потом 954 год будет решителен для судеб России и мира¹⁵.

Мое произведение есть *слово о том, что должно быть*: какие же *юги, моря и Италии* мне нужны для воскресающих в Духе Истины душ: *знаю свое дело прочно и точно*: из 100 возможностей лишь 10% за осуществление моего плана жизни; но если *осуществлю* хоть 1/100 этих 10%, то – никакими морями и материальными благами не окупится слово, предшествующее *Делу Света*.

В то время как 99 из 100 деятелей искусства ставят себе цели видимые, я из моей тяжелобойной пушки бью в *воздух* для никого не видимой *Цели*: если в нее попаду (все шансы, что нет), то дам нечто эпохальное *à la* поэм Гомера.

Или меня не будет, или будет в России *духовное искусство*, т. е. монументальное, огромное, которому, как Тредьяковский Пушкину, открою дверь.

Смешно, что для этой фантастичной, далекой цели, обивая пороги, принимаю уйму ненужных обязательств, чтобы выпорхнуть из «*топи*» современного людского сознания.

Если в 1920 году не уеду за границу, в 1921 году ни Бугаева, ни Белого, ни «Я» уже не будет: и не будет одной из возможностей, загаданной Светом России.

Дорогой Самуил Миронович, простите, что сплетаю мое объяснение тому, что уехал из Москвы, с большими словами о *делах и путях*, завещанных русским душам; но мне хочется *что-то* вне душевного личного общения сказать к *что-то* в Вас: сказать *духовно*, на расстоянии, ибо говорить *духовно* мы, русские, еще не учились лично. Русские, увы, еще «*русские*» с маленькой буквы; и таким «*русским*» я быть не желаю; я хотел бы стать Русским или кануть росинкой; и раствориться в океане человечества; в России не *растворишься* благодатно (если и станешь странником, то – Бог мой, сколько журнальных статей о твоём странствии привесится к странствию: странствие превратится в всероссийский прием у себя на дому, а ты – в Калиостро¹⁶); в России не *растворишься*, но и не станешь Русским; моя цель: или стать *Им*, или угаснуть.

Ныне, странники, с вами я, скоро ж
Дымным дымом от вас пронесусь –
Я, просторов рыдающий сторож,
Исходивший великую Русь.

(Пепел)¹⁷

Мне нужно «кануть»: с глаз долой; и – из «душ»: в широкий простор человечества, или – в Дух Русский; то и другое – возможно на Западе; и оно – невозможно в России: в России удел наиболее одаренных людей видеть все в аспекте «*К худу*» (слова Блока)¹⁸, заглушать проблески духа в себе – *вином и любовью* (цыганской любовью), чтоб потом, на пепелище родных упований распевать про *Горе Отчаянное* своей *Нечаянной Радости* и устраивать «*балаганчик*» там, где от века было положено стоять «Пределу Иоанновой Церкви» («*Иоаннова Здания*» – ведь страна этого пресвитера в географиях средневековых показана на севере России)¹⁹. Я это осознал давно, в эпоху участия в гениальных балаганчиках «*русского*» беспросвет-

ного страдания, которое не выведет к Русскому. Освободит Душу России – Запад:

«Тебя с окрестных мест
Иду встречать в туман»²⁰.

И туда, к Западу, поднимаю свою свечу, зажженную от Гроба Господня (есть у меня такая)²¹.

В туман окрестных мест
Дымись, моя свеча!

Дорогой Самуил Миронович, если Вам есть что мне передать, имейте в виду, что в понедельник и во вторник я в отделе: от 11½ – 12 до 3½ – 4 меня можно там застать; позднее я вне Москвы; если бы паче чаяния бы Вы были в Москве в среду, то не сердились бы на меня, – то в среду вечером – дома; сегодня все равно, если бы был в Москве, не застали бы меня в себе: Вы видели бы осколки нервов, под которыми безмолствует Дух человека.

Всего хорошего. Господь да хранит Вас. Георгию Федоровичу мой привет и утешение в скорбных днях, выпавших на его долю. Пусть крепится.

Борис Бугаев

P.S. По-моему, корректуры расставлены верно: рисунки – так: к ним удобно возвращаться.

Если что не так, Вы сумеете лучше меня понять: я – доволен.

Не увозите «Звезду»²². Если у Кожебаткина не выйдет, то нет ни рукописи, ни копии. Я хватаюсь, как за зеницу ока, за отданный Вам набор.

Не потеряйте «Глоссологию»: печатайте ее 4-м выпуском Кризиса.

Целую Блока: то, что говорю о нем – поймите: ему тяжело и его «К худу» от огромности ответственности, на нем лежащей.

Датируется на основании письма Белого Иванову-Разумнику от 30 ноября (часть большого письма, написанного со 2 ноября по 1 декабря 1919): «И вдруг сегодня нагрянул Алянский с целым рядом сведений о Вас» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.192).

¹ Ср.: «Было в нем <А.Блоке> нечто эпохиальное, и потому-то, когда он входил в то или иное общество, сидел, молчал, наиболее чуткие воспринимали это молчаливое присутствие Блока как присутствие Эпохи и как Чело Века, действующего в этом прекрасном челе, перерезанном строгой морщиной сосредоточенной боли» (Андрей Белый. Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // Записки мечтателей. 1922. №6. С.111).

² Манас (*санскр.*) – ум. Одно из основных понятий древнеиндийской философии: ум в самом широком смысле, охватывающий все ментальные проявления; термин воспринят теософией: «Буквально “ум”, ментальная способность, превращающая человека в разумное и нравственное существо и отличающая его от простого животного. <...> *Эзотерически*, однако, это означает, в широком смысле, Высшее Эго, или чувствующий перевоплощающийся Принцип в человеке» (*Блаватская Е.П. Теософский словарь*. М., 1994. С.269-270; ср.: *Андрей Белый. Символизм: Книга статей*. М., 1910. С.493, 499-500). В интерпретации Рудольфа Штейнера – самостоятельная духовная форма, духовное «я» человека (Самодух), которое каждый должен в себе развить. По Штейнеру, человечество ныне живет в пятой послееатлантической эпохе, готовящей следующую, шестую, эпоху – эпоху Манаса. Согласно его учению, славяне, и в первую очередь русский народ, играют особую роль в ускорении этого процесса.

³ Ср.: «Себе на память»: «487. Август <1919>. Прения в кружке писателей “Звена”. Москва. 488. Сентябрь. Прения в кружке писателей “Звена”. Москва» (Л.10об.).

⁴ Соломон Юльевич Копельман (1881–1944) – совладелец (с З.И.Гржебиным) и главный редактор издательства «Шиповник» (1906–1918). Ср. записи в РД за 1919: август – «Встречи с Копельманом; продаю ему собрание сочинений»; декабрь – «Веду переговоры с Гржебиным; при содействии Эфроса и Григорова освобождаюсь от Копельмана, чтобы закабалиться у Гржебина». Договор с Копельманом на издание собрания сочинений Белого в 22 томах был подписан 10 августа 1919 (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.340. Л.6, боб.).

⁵ Ср. «Себе на память»: «489–492. Ноябрь–декабрь <1919>. Прения в кружке Бердяева. На квартире Бердяева в связи с организацией “Академии Духовной Культуры”» (Л.10об.).

⁶ Ср. ноябрьскую запись 1919 в РД: «С начала ноября задумываем с К<лавдией> Н<иколаевной> мой отъезд за границу».

⁷ С сентября 1919 по март 1920 Белый служил в Отделе охраны памятников старины (сбор материалов по истории революционных коллекций во Франции, изучение истории французской культуры и Великой французской революции). С сентября по декабрь 1919 он читал курс «Антропософия» «для интересующихся при Антропософском Обществе» (Себе на память. Л.10об.).

⁸ волей-неволей (*лат.*)

⁹ внутренней жизнью (*франц.*).

¹⁰ «Знакомый химик» – Александр Иванович Анненков (см. о нем также письмо 17, примеч. 8).

¹¹ Ср. запись за январь 1920 в РД: «“Философия духовной культуры”, 1-ая и 2-ая <лекции>. Начало предполагаемого моего курса в “Ак<адемии> Дух<овной> Культ<уры>”». Ср. также письмо Белого Иванову-Разумнику от 4 ноября 1919 (часть письма, написанного со 2 ноября по 1 декабря): «Собирается в Москве возникнуть “О<бщест>во духовной культуры”, на-

мечен ряд курсов: беда одна – не можем найти помещения; задания – во многом близки: “*Вольно-философскому О<бщест>ву*”. Среди курсов проектированы: <...> 7) мой “Фил<ософия> духовной культуры”» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.191). Курс не был окончен вследствие переезда Белого в Петроград для участия в делах Вольфила («Ликвидируемые дела с Москвой». – РД, февраль 1920).

¹² Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 30 ноября 1919: «2) Я решил предпринять невероятные усилия, чтобы с первой возможностью ехать из пределов России – разыскивать Асю, от которой не имею никаких вестей; <...> в этом слепом стремлении *ехать, ехать, ехать, ехать* во что бы то ни стало есть инстинкт: стоит жизненная задача – написать ряд томов “*Чудака*”; <...> все это я хочу объяснить Луначарскому, не как Комиссару, а как человеку, могущему же понять, что все бытие мое, творчество, жизнь зависит от свидания с Асей, Доктором <Р.Штейнером> и от того, смогу ли я в грядущих годах советской России рассчитывать быть писателем» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.193).

¹³ Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 30 ноября 1919: «С.М.Алянский передает приглашение в Петербург». В письме Белый перечисляет «*сильные pro* за приезд; но и *contra*. Эта борьба мотивов и повергает меня в смятение» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.192).

¹⁴ Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику от 1 декабря 1919 (конец письма, начатого 2 ноября): «Меня осеняет мысль: может быть, устрою курс моих лекций в Ассоциации <Вольфила> в случае, если бы мне пришлось приехать на время: я бы мог прочесть курс лекций (от 5 до 7-ми), так сказать, залпом <...> в общем прожил бы дней 10–12» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.195). В середине февраля 1920 Белый уехал в Петроград, где он оставался до 9 июля. 19 февраля 1920 Белый сообщал Иванову-Разумнику: «Третьего дня приехал: специально – читать курс в *В.Ф.А.*» (Там же. С.201).

¹⁵ Ср. «писулю», которую Дудкин читает Степке в конце второй главы романа «Петербург»: «Близится великое время: остается десятилетие до начала конца: вспомните, запишите и передайте потомству; всех годов значительней 1954 год» (Андрей Белый. Петербург. Л., 1981. С.105).

¹⁶ Джузеппе Бальзамо, граф Калиостро (1743–1795) – знаменитый авантюрист-шарлатан, выдававший себя за медика, натуралиста, алхимика, заклинателя духов и т. д.

¹⁷ Последняя строфа стихотворения Белого «Полевой пророк» (1907) в книге: Андрей Белый. Пепел. СПб., 1908. С.160.

¹⁸ Употребляемое в начале века разговорное выражение. Ср. рассказ З.Н.Гиппиус «К худу» (Новый путь. 1903. №10); в сборнике рассказов З.Гиппиус «Алый меч» (СПб., 1906) – под заглавием «Все к худу»; видимо, Белый имеет в виду употребление его Блоком в устной речи.

¹⁹ Обыгрываются мотивы из творчества А.Блока в своеобразном толковании Белого. Ср. из его «Воспоминаний об Александре Александровиче

Блоке»: «Этот второй период обнимает деятельность А<лександра> А<лександровича> эпохи писания им стихов о “Нечаянной Радости”, “Снежной Маски”, “Балаганчика”, “Незнакомки” <...> вся серия моих заметок в “Весах” под заглавием “На перевале” стоит в связи с непонятым мною миром сознания А<лександра> А<лександровича>, столь мучившим меня, и в связи с моей горькой и глубоко несправедливой рецензией о “Нечаянной радости” (“На перевале”), где сказано, что Блок, подменюю “Прекрасной Дамы” “Незнакомкой”, приобрел поэтическую внешнюю силу ценою исключения себя из предела Иоаннова Храма, т. е. здания новой культуры, построенного на новом культе человеческих отношений» (Записки мечтателей. №6. С.110-111). В упомянутой рецензии на «Нечаянную радость», впервые опубликованной в журнале «Перевал» (1907. №4), Белый писал: «Да ведь это не “Нечаянная Радость”, а “Отчаянное Горь”» (Андрей Белый. О Блоке: Воспоминания. Статьи. Дневники. Речи. М., 1997. С.210).

В средневековых сказаниях о могущественном христианском царстве Иоанна-пресвитера его местонахождением обычно указывается не север России, а Средняя Азия или Индия.

²⁰ Искаженная автоцитата из второй части стихотворения «Голос из прошлого» (1911): «Тебя / С востока / Мы – / Идем / Встречать / В туман». Дальше читается: «В туман окрестных мест дымись, / Моя свеча!» (Андрей Белый. Королевна и рыцари. Сказки. Пб.: Алконост, 1919. С.38-40).

²¹ 22 апреля 1911, на море, «в виду Одессы», Белый писал матери: «Мы очаровательно провели время в Иерусалиме, погав в понедельник вербной недели и встретив Пасху. Все главные церемонии были на наших глазах: ход с пальмами к пещере Лазаря, омовение ног, благодать Огня в Храме Гроба Господня и светлая заутреня (там же)» (Путешествие на Восток. Письма Андрея Белого / Публ. Н.В.Котрелева // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С.177).

²² Ср. майскую запись 1918 в РД: «Приготовляю к печати сборник “Звезду” (Кожебаткин хочет издать)». О нем Белый писал Д.М.Пинесу 6 апреля 1927: «Кожебаткин, этот “легальный экспроприатор” рукописей, типичный “паразит”, посасывающий писателей “*culex scriptorum*” <здесь: литературный комар. – лат.>, не желал ни отдавать рукописи, ни выпускать в свет “Звезды”» (Письма Андрея Белого Д.М.Пинесу / Публ. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 1995. №12. С.89). Сборник стихотворений «Звезда» был выпущен в свет Госиздатом в Петрограде в 1922.

19. Андрей Белый – Алянскому <Конец 1919. Москва>

Глубокоуважаемый Самуил Миронович,
к сожалению, вызван по делу: не могу лично с Вами проститься.
Обращаю Ваше внимание на то, что в корректуре пропущен ряд стра-

ниц рукописи (от стр. 71-ой по стр. 75 включительно). Прошу Вас проследить, чтобы соответствующее место было вставлено, а то получается невнятица в тексте. К сожалению, не мог написать письма А.А.Блоку; прошу Вас передать от меня сердечный привет и благодарность за книги. Желаю Вам всякой удачи. До скорого (надеюсь) свидания.

Примите уверения в совершенном почтении

Борис Бугаев

20. Андрей Белый – Алянскому
<Начало 1921. Москва>

Дорогой Самуил Миронович,

Ради Бога, пришлите мне несколько экземпляров «Кризиса Культуры», «Седое утро»¹. Есть для Вас 4-ый Кризис, но не «Кризис Слова», а новый (вновь написанный)². Откликнитесь!

Остаюсь искренне преданный

Б.Бугаев

Написано лиловым карандашом на клочке бумаги, реставрированной архивом.

¹ «Кризис культуры», законченный Белым в 1918, вышел в свет только в первой половине 1920 (на титульном листе выходные данные: Пб., 1918; на обложке: Пб., 1920). Сборник стихов А.Блока «Седое утро» также был выпущен «Алконостом» в 1920 (10 тыс. экз.; цена 200 руб.) после ряда препятствий со стороны некоторых большевистских инстанций. См. письмо 21, примеч. 2.

² Ср. записи за 1920 в РД: август – «После скандала в “Дворце Искусств” переселяюсь жить к Анненковым и начинаю усиленно писать “Кризис сознания”»; сентябрь – «Весь месяц усиленно читаю тома Дейссена и пишу, и переписываю “Кризис сознания”». Эта работа по сей день не опубликована. В полном объеме рукопись – РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.64, 65; напечатана лишь ее заключительная часть с предисловием Э.Чистяковой (см.: *Андрей Белый. Евангелие как драма*. М.: Русский Двор, 1996).

21. Алянский – Андрею Белому
14 февраля 1921. Петроград

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Простите, что так долго не мог сообщить с Вами. Произошло много событий в моей личной жизни (женился) и в жизни «Алконоста»¹. Положение было таково, что «Алконост» чуть было не заду-

шили². Теперь он расправляет свои крылья и готов опять заявить о себе³. 4-ый Кризис с радостью будет опечатан. Шлите его. Если нужны деньги, напишите немедленно, распоряжусь в Москве уплатить Вам (там есть мои деньги).

Обо всем случившемся с Вами следил и знаю⁴. Как чувствуете теперь себя и скоро ли будете в Питере?

Посылаю Вам при сем 15 экз<емпляров> «Кризис Культ<уры>» и «Седое утро» Блока и жду Ваших сообщений по моему новому адресу: Петербург. Знаменская 22, кв. 3. С.М.Алянскому.

Крепко жму Вам руку.

Преданный

С.Алянский

14/II – 1921 г.

Ответ на письмо 20. На бланке издательства «Алконост».

¹ Алянский женился в 1920. Его жена Надежда Львовна умерла в 1942.

² В середине 1919 комиссар по делам печати и пропаганды в Петрограде М.И.Лисовский запретил публикацию в «Алконосте» ряда книг. Издательство направило к Луначарскому делегацию в составе Алянского, Белого и Вяч. Иванова. С письмом к Луначарскому обратился Горький. Благодаря Луначарскому и Горькому инцидент удалось уладить, хотя последствия его все же сказались в следующем году, когда «Алконост» смог выпустить в свет всего пять книг. Среди них были и начатый печатанием еще 1918 «Кризис культуры» и «Седое утро» А.Блока (23 октября). См.: *Чернов И.А. А.Блок и книгоиздательство «Алконост» // Блоковский сборник. Тарту, 1964. С.535-536; Белов С.В. Мастер книги... С.27-28.*

³ В 1921 «Алконост» издал следующие книги: «Первое свидание» Белого, два выпуска «Записок мечтателей» (№2/3 и №4), «Переписка из двух углов» М.Гершензона и Вяч. Иванова, «У самого моря» Анны Ахматовой, «Рамзес» А.Блока, четвертое издание «Двенадцати», доклад Блока «О современном состоянии русского символизма» 1910 года (на обложке «О символизме») и его же «Последние дни императорской власти».

⁴ Имеется в виду несчастный случай с Белым (падение в ванной), после которого он с конца декабря 1920 до начала марта 1921 находился на лечении.

22. Алянский – Андрею Белому
21 июня 1921. Петроград

Глубокоуважаемый и дорогой Борис Николаевич!

Ждал Вас у себя. Был у Вас несколько раз, не заставал. Вышел №2-3 «Записок Мечтателей». Очень нужно повидать Вас в ближай-

шие дни. Позвоните, пожалуйста, когда можете зайти или когда мне зайти к Вам¹.

Мой тел<ефон> 4-15-65, а адрес: Знаменская, 22, кв.3.

С.Алянский

21/VI-1921 г.

На обороте листа – черновые наброски стихов из поэмы Белого «Первое свидание», начатой 19 июня 1921 г.

¹ Белый проживал в Петрограде с 31 марта по 6 сентября 1921.

23. Андрей Белый – Алянскому
Начало октября 1921. Детское Село

Дорогой Самуил Миронович,

Меня пускают за границу. По этому делу должен не позднее 15-го ехать в Москву, откуда могу двинуться за границу¹. Поэтому: 1) во что бы то ни стало надо с Гржебиным кончить до². 2) Пусть Илья Мироныч составит договор с ним³. 3) Завтра непременно надо видеть Вас и Шах-Назарова⁴. Буду у Вас в «Лавке» в 3-4 часа. 3)* Теперь, Самуил Миронович, мне нужно *максимум* денег; сколько можете, приготовьте мне к вторнику, среде. Остаюсь в Царском до завтрашнего утра из-за стенограммы⁵. Извиняюсь перед Комитетом⁶. «Forces majeures!»⁷

Искренне преданный

Борис Бугаев

Начало текста – на обороте печатного бланка «Azow-Don Commerz-bank».

¹ В начале сентября 1921 Белый получил разрешение на выезд за границу и 6 сентября уехал из Петрограда в Москву по предотъездным делам: «С первых чисел сентября приезд Шрейдера; телеграмма от него: выезд мне разрешен. Вольфильцы (Штейнберг, Р.В.Иванов, я едем в Москву). Там мои хлопоты по отъезду» (РД. Сентябрь 1921). В конце месяца Белый ездил в Петроград, откуда 12 октября вернулся в столицу. 20 октября Белый уехал из Москвы в Берлин.

² 28 января Белый заключил договор с издательством Зиновия Исаевича Гржебина (1869–1929) на издание собрания сочинений, и в июле 1920 он подготовил план издания в двадцати томах (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.103). План не осуществился, и перед отъездом за границу Белый решил уладить свои издательские дела с Гржебиным. 6 октября 1921, находясь в Петрограде, Белый направил ему письмо:

---

* Так в автографе.

В течение 20 месяцев со времени подписания договора Вы не напечатали ни одной строки моей, заплатив мне всего 200000 рублей. Между тем мне со всех сторон предлагали печатать мои книги, платя мне по 500000 рублей за художественную прозу (полистно). Скольких же миллионов Вы лишили меня? <...> Я предлагаю Вам немедленно вступить в переговоры с моими доверителями Р.В.Ивановым и А.М.Шах-Назаровым о немедленном расторжении договора, ибо вопрос о расторжении его есть вопрос о возможности мне существовать и в России, и за границей.

(Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С.66-67).

³ Илья Миронович Алянский (1889–1953) – брат С.М.Алянского, бухгалтер.

⁴ Александр Михайлович Шах-Назаров – юрист, доверенное лицо Белого в переговорах с издательством З.И.Гржебина. См. письмо Белого к нему от 12 октября 1921 (Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С.68).

⁵ По всей вероятности, имеется в виду стенограмма речи о Блоке, прочитанной Белым 28 августа 1921 в Петрограде на открытом заседании Вольфилов, посвященном памяти Блока. Ср. дневниковую запись Белого от 29 августа 1921: «Вчера было наше заседание (“Вольфиловы”). <...> Потом вошел на кафедру и около двух часов говорил. <...> Были 3 стенографистки» (Андрей Белый. Дневниковые записи / Предисл. и публ. С.С.Гречишкина и А.В.Лаврова // Лит. наследство. Т.92. М., 1982. Кн.3. С.803-804). Выступления Белого, Р.В.Иванова-Разумника и А.З.Штейнберга были опубликованы в книге «Памяти Александра Блока», изданной Вольфилой в 1922.

⁶ «18 августа. <1921>. Сегодня состоялось первое организационное собрание Комитета кружка имени Блока. <...> Присутствовали: Л.Д.Блок, А.А.Кублицкая-Пиоттух, П.Е.Щеголев, Р.В.Иванов, я, Алянский» (Андрей Белый. Дневниковые записи. С.800). Ср. запись за октябрь 1921 в РД: «Заседание “блоковского комитета”. Петроград» (дважды за месяц).

⁷ Непредвиденные обстоятельства (франц.).

24. Андрей Белый – Алянскому
1 октября 1931. Детское Село

Детское Село
1 окт<ября> <19>31 года

Глубокоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,

Представляю Вам план будущего романа «Германия»¹; в этом плане показ главным образом социальной установки, а не фабулы, которая очерчена намеренно абстрактно и кратко, ибо фабулу-то я

сумею расцветить, да и она конкретно живет во мне в эпизодах, картинах и согласована в целом «звучком», «тональностью». Между нами говоря, – я не умею писать планов; ибо план вызревает реально только в процессе писания; красочно изложенная в кредит фабула (до написания) убивает в авторе интерес к писанию; недаром авторы не любят распространяться подробно о том, что они пишут; это все равно, что вырезать из утробы зародыш, желая упредить рождение ребенка.

Но Вы сами прекрасно понимаете это.

Сижу дома, в grippe, и не могу лично завезти Вам план, его прочесть и выслушать Ваше мнение. Раз<умник> Вас<ильевич> любезно согласился Вам его передать; приватно: если найдете, что «План» не удобен для проведения его чрез «Коллегии» (я не знаю, от кого у Вас зависит утверждение), – дайте указание, в чем его изменить, оконкретить (в соц<иальном> разрезе или в разрезе фабулы). Было бы очень хорошо, если б Вы бегло его пробежали при Раз<умнике> Вас<ильевиче> и передали ему свое мнение о плане или, если он не подходит, вернули; я бы переделал.

Очень выручило бы меня принятие «проекта» (утверждение) на тех условиях, о которых мы говорили с Вами, ибо повторяю: я очень нуждаюсь, а «Гихл» не высылает ни гранок, ни текста «Начала Века»². Очень рассчитываю на Вашу помощь. Если захотите посетить нас в Детском, будем с женою крайне рады Вас видеть. Когда выздоровлю, зайду к Вам, а пока должен отсидеться в комнатах (статья – не радость: gripпы замучили!)

Итак, до скорого свидания.

Остаюсь искренне уважающий и преданный Вам

Борис Бугаев

¹ 14 октября 1931 Белый подписал договор с «Издательством писателей в Ленинграде» в лице С.Алянского, заведующего издательством с 1929, написание романа «Германия». См.: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Неосуществленный замысел Андрея Белого («План романа “Германия”») // Русская литература. 1974. №1. С.197-200. План датирован: «Детское Село. 1931 года. Октябрь 1-го». См. также: Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С.76-79; Письма Андрея Белого к С.Д. и С.Г. Спасским / Вступ. ст. и примеч. Н.Алексеева; Подгот. текста писем В.С.Спасской // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.652-654.

² Белый начал работу над книгой «Начало века» 11 июля 1930 в Судаке и окончил ее в декабре в Кучине, под Москвой. Воспоминания «Начало века» вышли в свет только во второй половине ноября 1933 (М.; Л.: ГИХЛ; тираж 5000 экз.).

25. Андрей Белый – Алянскому
29 декабря 1931. Детское Село

Детское Село.
29 декабря <19>31 г.

Дорогой, глубокоуважаемый Самуил Миронович,

Спешно уезжая в Москву¹ и не будучи уверен, что сумею вернуться скоро, адресуюсь к Вам с большой просьбой. Просьба первая: вышлите мне как можно скорее переводом 200 рублей в счет гонорара за роман «Германия» (по договору за «декабрь»). Мотивы этого: очень плохи мои финансовые дела; говорят, будто я назначен «персональным пенсионером»; пока – никаких реальных признаков этого, кроме анкетного запроса от Союза Писателей, собирающегося-де провести эту пенсию (через 3 недели после газетного опубликования)²; говорят, что эти дела делаются долго: до получения пенсионной книжки могут пройти месяцы; и это в случае, если действительно пенсия мне утверждена; а я сильно не уверен в этом; во всяком случае пенсия – журавль в небе; а 200 рублей теперь – это реальная «синица», тем более нужная, что в первую голову в Москве ждут *расходы*, что никаких *авансов* не будет, ибо *полиграфические затруднения* Гихла, кажется, продолжаютя.

Никак не мог быть у Вас (всякие были затруднения); и приходится ехать спешно в Москву с женой; остается надежда, что Вы поймете мои затруднения и при первой возможности вышлите мне 200 рублей переводом по следующему адресу: Москва. 21. Плющиха, д.53, кв.1 (доктора Васильева). Борису Николаевичу Бугаеву³.

Просьба вторая: весьма возможно, что я задержусь в Москве до февраля, захватив и кончик февраля (предстоит поездка в Лебедянь); между тем: Шишков выхлопотал детскосельским писателям дровяные «кубо-метры»⁴; дрова могут быть в январе. Р.В.Иванову не могу оставить денег, ибо сам нуждаюсь в Москве; итак: в январе по договору мне следует еще порция денег; итак: выдайте Р.В.Иванову, сколько он Вас попросит, денег из следуемых мне в январе; мы с ним так условились⁵; эти деньги пойдут на «кубо-метры». Простите, что я так удручаю Вас просьбами. Поздравляю с наступающим новым годом и от всей души желаю Вам удачи.

Остаюсь искренне уважающий и преданный

Борис Бугаев

Р.С. Оставляю Р.В.Иванову доверенность на получение январских денег.

¹ Белый вместе с К.Н.Бугаевой уехали в Москву 30 декабря 1931. 20 марта 1932 они вернулись в Детское Село, где были до 2 апреля.

² 23 ноября 1931 Совет народных комиссаров назначил Белого персональным пенсионером. 4 декабря 1931 Белый ответил на запрос Союза советских писателей в связи с назначением ему пенсии (текст ответа: ИМЛИ. Ф.11. Оп.2. Ед.хр.15; см. также: Андрей Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее. Вып.15. М.; СПб.: Феникс, 1994. С.314).

³ Белый с женой проживали тогда в Москве в квартире у Петра Николаевича Васильева (1885–1976) – врача, первого мужа Клавдии Николаевны; он входил в круг московских антропософов.

⁴ Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) – прозаик; Белый особенно сдружился с ним и его семьей в Детском Селе в 1931.

⁵ С 10 апреля по конец декабря 1931 Белый жил на квартире Р.В.Иванова-Разумника в Детском Селе. См. письмо Белого П.Н.Зайцеву от 22 апреля 1931 (Андрей Белый и П.Н.Зайцев. Переписка. С.291).

26. Андрей Белый – Алянскому
30 мая 1932. Москва

Москва
30 мая <19>32 года

Многоуважаемый и дорогой Самуил Миронович,

у меня были переговоры с «Гихлом», который печатает мой роман «Маски» уже скоро 14 месяцев; и тем не менее: книга выйдет не ранее августа <19>32 года, между тем как сдана она была в октябре 30-го <года>, разрешена к печати к началу декабря <19>31 года. Такковы темпы «Гихла». Ввиду того, что роман с рисунками к нему займет не менее 28 печ<атных> листов и ввиду отсутствия бумаги в «Гихле», – «Гихл» откладывает печатание «Начало века» до 33-го года, т. е. выпустит не ранее 34-го <года> (30 печ<атных> листов); таким образом, «Мастерство Гоголя» (22 печ<атных> листа) «Гихлом» закладывается на <19>34 (читай <19>35) год¹. Авторы, работающие над крупными томами и этим лишенные других заработков, отдав огромный моральный труд, ждут в годах появления своих книг; и в годах ждут гонорара за них.

Книга «Мастерство Гоголя» писалась мной 9½ месяцев²; она потребовала такой упорной работы (исследовательские опыты, собиранье материалов, композиция их, художественная и т. д.), что я надолго физически и нервно подорван, почти лишен работоспособности, а оплата труда... ждет в годах; автор считает книгу свою, может быть, впервые вплотную подходящей к проблеме «мастерства» великого художника Слова (труд Мандельштама, отчасти трактующий этот вопрос, устарел, пуст, он вышел в 1902 году³); в 1931 году исполнилось столетие со дня выхода «Вечеров»; а за сто лет – ни одного настояще-

го, *подробного* исследования мастерства Гоголя. Я считаю без ложной скромности, что моя книга – первая по Гоголю собственно; и вместе с тем позиция книги вполне цензурна; мастерство мною берется не в отвлечении от социального момента; это не «формалистический» труд; для правильного понимания проблемы капитализма у Гоголя я принял во внимание и книгу Ленина («Развитие капитал<изма> в России»)⁴; тенденция, сюжет, образ, ритм всюду взяты как имманентные друг другу (красочность сюжета, сюжетность краски) и т. д. Понятно, и материально, и морально я чувствую себя неважно, расстроив почти здоровье, написав, по глубокому убеждению, серьезную и очень интересную книгу и ожидая в годах ее появление.

Ввиду этого у меня был решительный разговор с тов<арищем> Копяткевичем⁵, в результате которого он дал согласие на то, что я имею право устраивать «Мастерство Гоголя» в другом издательстве (я упомянул об «Изд<ательстве> Пис<ателей> в Ленинграде»). 1-го июня формально я отдаю рукопись «Гихлу» с правом ее взять; «Гихл» ее уступает мне ввиду того, что ни в этом, ни в следующем году напечатать не может (а по договору со мной *должен* напечатать в течение года по сдаче рукописи).

Одновременно Л.Б.Каменев просит у меня «Начало века» и берется ее печатать скорей⁶; с этой второй книгой дело обстоит труднее; «Гихлу» не хочется ее отдавать; но я убедил Копяткевича, что не могу же я лежать года погребенным из-за неумения «Гихла» вести книжные дела. В принципе он дал согласие на передачу Каменеву; но, до решения этого вопроса Правлением «Гихла», я еще не свободен передать Каменеву (в «Academia») «Нач<ало> века». С «Мастерством Гоголя» я свободен поступать, как хочу. И я спешу предложить ее Вам. Книга, по-моему, очень интересна; при разглядении не пугайтесь несколько тяжелых исследовательских главок во второй главе «Стиль прозы Гоголя». Главы построены так, что каждая следующая интересней предыдущих. Считаю главу о «сюжете» Гоголя (разбор «Стр<ашной> мести» и «Мертв<ых> душ») одним из удачнейших номеров из всего, мной написанного.

Ввиду того, что я намерен эту книгу предложить «Федерации» в случае Вашего возражения на нее, то я просил бы по возможности скорей сообщить мне Ваше решение. Но мне было бы приятнее книгу отдать Вам, потому что я хотел бы в случае ее принятия получать гонорар помесечно, ибо все прочие заработки отдаю за право получить квартиру в строящемся доме писателей (все авансы «Гихла» *ухлопаны* на это дело); и – сижу без денег, а предстоит внести еще в течение одного месяца 1200 рублей; во-вторых: мне хотелось бы

рекомпенсировать этой книгой тот факт, что мне придется просить значительной отсрочки для романа «Германия»: «Гоголь» и несосветимая суета, от которой ранее июля не освобожусь, не дадут возможности сесть за роман. Мои условия: 200 рубл<ей> печ<атный> лист; и желательно с момента принятия рукописи 200–250 рублей ежемесячного жалованья; за «Гоголя» взял лишь 500 рублей аванса (у «Гихла»). Дорогой Самуил Миронович, буду очень Вам благодарен, если устроите мне это дело. Буду ждать с нетерпением вести от Вас. Остаюсь сердечно преданный и готовый к услугам

Борис Бугаев

Адрес: Москва. 21. Плющиха, д. 53, кв. 1 (доктора Васильева).

P.S. Считаю решающей главой для характеристики социальной тенденции четвертую главу (о сюжете), а не первую (вводительную).

¹ Роман «Маски» выпущен ГИХЛ в середине января 1933 (на обложке 1932), а воспоминания «Начало века» только во второй половине ноября 1933. «Мастерство Гоголя. Исследование» вышло после смерти автора в апреле 1934 (ГИХЛ. 5000 экз.).

² Белый начал писать «Мастерство Гоголя» в начале августа 1931 и закончил его в конце апреля 1932.

³ См.: *Мандельштам И.Е.* О характере гоголевского стиля. Глава из истории русского литературного языка. Пб.; Гельсингфорс, 1902; цитируется на с.259 «Мастерства Гоголя».

⁴ Цитата из книги «Развитие капитализма в России» (СПб., 1899; под псевдонимом В.Ильин) приведена на с.110-111 «Мастерства Гоголя».

⁵ Александр Антонович Копяткевич – работник советской печати; в это время заместитель Н.Н.Накорякова, директора ГИХЛ. Белый подписал договор с ГИХЛ на «книгу о творчестве Гоголя» 8 августа 1931 (12 печатных листов, 175 рублей за печатный лист при тираже 5000 экз.) и обещал сдать рукопись в печать к 1 марта 1932.

⁶ Лев Борисович Каменев (наст. фам. Розенфельд; 1883–1936) – видный деятель ВКП(б); в это время директор издательства «Academia». Он написал предисловие к «Началу века», воспринятое Белым весьма негативно, и предисловие к «Мастерству Гоголя».

27. Андрей Белый – Алянскому
15 сентября 1932. Лебедадь

Лебедадь¹

15 сент<ября 19>32 г.

Дорогой Самуил Миронович,

С прискорбием и не без стыда уведомляю Вас, что я в первый раз в жизни не по своей воле оказываюсь неисправным во взятом мной

литературном обязательстве, – и тем более, что это неисполнение обязательства падает на «Издательство писателей в Ленинграде», выручившее меня в трудную минуту авансом (1000 р.) за предложенный роман «Германия», который меня очень волновал, но до которого не позволили мне дотянуться жизненные трудности. До мая я писал книгу «Мастерство Гоголя»; с мая ж до августа ряд неприятностей и просто невозможные квартирные условия (отсутствие жилплощади и т. д.), о которых знает Д.М.Пинес², так ухлопали здоровье, что я вынужден был дать себе отдых (для поправленья здоровья); и надолго выбит из возможности работать над худ<ожественной> прозой, столь трудно дающейся мне; я способен лишь на легкую работу, не берущую «нервы», каковая мне поручена «Федерацией»; именно: написать III т<ом> воспоминаний; контракт получен³; и мне «Федерация» должна уже больше месяца аванс, который надеюсь получить скоро и из которого с благодарностью тотчас же верну, или переводу в «Издательство Пис<ателей> в Лен<инграде>» столь выручившие меня 1000 р. На всякий случай черкните мне адрес текущего счета, чтобы «Федерация» могла перевести Вам этот мой долг; надеюсь его вернуть в октябре. Мне грустно, что я не смог выполнить свое обязательство, тем более что я еще подвел издательство, дав ему книгу о Гоголе и вновь взяв; но тут меня подвел «Гихл»⁴, сперва давший разрешение (словесное) на отдачу рукописи, а потом, когда рукопись уже была отослана Вам, вдруг отказавшийся от обещания и потребовавший рукопись для скорейшего представления в Политредактуру (тому вина – смена состава «Гихла», уход Соловьева⁵ и «междувластье» до Накорякова⁶).

В заключение позвольте Вас, дорогой Самул Миронович, сердечно поблагодарить за доброе содействие мне (и за «Германию», и за «Гоголя»). Передайте правлению издательства содержание этого письма. Остаюсь сердечно преданный и уважающий

Борис Бугаев

P.S. Мой адрес с октября. Москва. 121. Плющиха, д. 53, кв. 1. Мне.

На конверте без марки: «Ленинград. Проспект 25 октября, д. 13. «Книгоиздательство писателей в Ленинграде». Самуил Миронович Алянский (с просьбой доложить содержание письма в правление издательства)».

¹ С 9 августа по 29 сентября 1932 Белый с женой жили в Лебедяни у ссыльной Е.Н.Кезельман, сестры К.Н.Бугаевой.

² Дмитрий Михайлович Пинес (1891–1937) – литературовед, друг Иванова-Разумника и Белого; один из первых исследователей и библиографов Белого. Письма Белого к нему опубликованы нами в «Новом литературном обозрении» (1995. №12. С.85–110). Ср. письмо Белого Иванову-Разумнику

от 12 августа 1932 из Лебедяни: «Не писал, потому что последние 1½ месяца вконец измучились (архив, Гихл, хвост, квартира, полит-редактура и т. д.)» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.705).

³ Договор на новый том воспоминаний («Между двух революций») был заключен с издательством «Федерация» 23 июля 1932: «2 тома мемуаров», 30 печатных листов (400 рублей за печатный лист) (См.: РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.3). Позднее Белый передал рукопись книги «Издательству писателей в Ленинграде», которое выпустило книгу мемуаров в апреле 1935 (на обложке 1934).

⁴ 13 июля 1932 Белый перезаключил договор с ГИХЛ (в лице Н.Н.Накорякова) на книгу «Творчество Гоголя» (22 печатных листа, 250 рублей за печатный лист при тираже 5000 экз.). Старый договор «аннулируется, выданный аванс <...> в сумме р. 550 переносится на данный договор» (оба договора: РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.3). См. письмо Белого Иванову-Разумнику от 5 июля 1932 (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.703-704) и письмо Иванова-Разумника Белому (открытка) от 30 июня 1932: «P.S. Вчера мне сказали в «Изд<ательстве> Писат<елей>», что «Гоголя» вышлют Вам 1 июля» (Там же. С.702).

⁵ Василий Иванович Соловьев (1890–1939) – старый большевик, заведующий издательством «Земля и фабрика», с 1930 – директор ГИХЛ.

⁶ Николай Никандрович Накоряков (1881–1970) – работник советской печати; с июня 1932 – директор ГИХЛ.

К.Н.Бугаева (Васильева)

ДНЕВНИК 1929 года

Предисловие Е.В.Наседкиной.

Подготовка текста и примечания Е.В.Наседкиной
и Е.Н.Щелоковой*

Весну и лето 1929 Андрей Белый и Клавдия Николаевна Васильева (урожд. Алексеева, с 1931 Бугаева; 1886–1970)¹ провели на Кавказе. Это было уже их третье и последнее кавказское путешествие. Первое состоялось в 1927 (с 12 апреля по 22 июня), второе – в 1928 (со 2 мая по 16 июня).

Все дорожные впечатления, мысли, встречи находили отражение в дневниках К.Н.Васильевой. Дневники 1927 и 1928 годов были опубликованы в 7-м выпуске альманаха «Лица»². Данная публикация представляет путевые записи 1929 года.

***

К поездке 1929 Белый и Васильева готовились заранее. Об этом велась переписка с М.С.Сарьяном: «Армения нас живо разволновала; хочется <...> прикинуть ухом к ее земле, всячески ее почувствовать: и природу, и людей, и историю, и древности, и современность; не урвать факты для “очерка”, а, может быть, собрать материал для очерков, но писать их – потом, когда разгрузюсь от дел; и вместе с тем хочется пожить в Армении и для отдыха...»³. Т.Табидзе звал в Грузию: «Все мы Вас привыкли считать старожилом Грузии и каждый раз за эти три года ждем лето, чтобы иметь радость видеть Вас под нашим солнцем...»⁴.

Путешествие началось 26 апреля. И хотя не все зимние планы удались (сорвались поездки в Джульфу, Шови, Кахетию, по Военно-Грузинской

---

* Часть 1-я дневника подготовлена Е.В.Наседкиной, часть 2-я – Е.В.Наседкиной и Е.Н.Щелоковой.

¹ Подробнее о ней см. в предисловии Дж. Малмстада к кн.: *Бугаева К.Н.* Воспоминания об Андрее Белом / Публ., предисл. и коммент. Дж. Малмстада; Подгот. текста Е.М.Варенцовой и Дж. Малмстада; Научн. ред. И.Г.Кравцова. СПб., 2001. В дальнейшем – Воспоминания.

² *Бугаева (Васильева) К.Н.* Дневник. 1927–1928 / Предисл., публ. и коммент. Н.С.Малинина // Лица: Биографический альманах. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.191–316. В дальнейшем – Лица 7.

³ *Андрей Белый.* Армения: Очерк, письма, воспоминания / Сост., вступ. ст., примеч. Н.Гончар. Ереван, 1985. С.98 (письмо от 10 марта 1929).

⁴ *Табидзе Т.* Статьи, очерки, переписка. Тбилиси, 1964. С.238 (письмо от 16 апреля 1929).

дороге и др.), но тем не менее за три с половиной месяца Белый и Васильева побывали и в Армении и в Грузии. 30 апреля спутники приехали в Эривань, где оставались почти месяц, и за это время посетили ряд историко-культурных памятников армянской земли. Они совершили поездки в Канакер (2 мая), в Аштарак (7 мая), посетили Дара-Чичаг (10 мая), Гегард и Гарни (15–16 мая). 21 мая Белый и Васильева отправились в Тифлис, где прожили неделю в доме Тициана Табидзе; 28–31 мая совершили переезд Тифлис – Батум (поездом), Батум – Сухум (пароходом), Сухум – Гагры – Адлер (автобусом), Адлер – Красная Поляна (машиной). В Красной Поляне путешественники пробыли до 28 июня, а затем предприняли разными видами транспорта долгий и утомительный переезд, занявший 6 дней: Красная Поляна – Адлер – Гагры – Поты – Батум – Кутаис – Тифлис. 2–11 июля находились в Тифлисе, а остаток месяца и первую половину августа провели в Коджорах; 12 августа вернулись в Тифлис, а 21 – выехали в Москву.

Встречи со старыми друзьями (М.С.Сарьяном, Т.Табидзе, Г.Робакидзе и др.) и новые знакомства (с крупными армянскими поэтами И.Иоаннисяном, А.Исаакяном и др.), острые переживания восторга и горести (известие о смерти друга, немецкого антропософа М.Бауэра), болезни, тревоги – все это нашло отражение в публикуемых материалах.

В дневниках К.Н.Васильевой немалое место занимают описания природных и культурных достопримечательностей. Зафиксированы и дорожные трудности, бытовые невзгоды, выпадавшие на долю путешественников, а также непосредственная бурная реакция Белого на эти «злобы дня». Однако не только внешняя сторона жизни, но также духовный и душевный ландшафт лета 1929 года детально представлен в этих записях. В них сохранились ценные сведения о творческой работе Белого (например, над ритмической кривой поэмы Пушкина «Кавказский пленник»), о его философских раздумьях и антропософских взглядах, о круге чтения и общения, а также о многом другом, без чего представления о «позднем» Андрее Белом были бы не полны.

Вернулись Белый и Васильева в Москву 24 августа. В письме к Иванову-Разумнику от 31 августа 1929 К.Н.Васильева так характеризовала проведенное на Кавказе время: «Лето у нас было странное. Двустороннее какое-то...»⁵. В последние дни августа Белый в «Ракурсе к дневнику» также подвел итоги пережитому:

Синтезируя свои впечатления от нашей летней поездки (май–август), скажу: она была на этот раз довольно мучительно<й>; но она дала незабываемые минуты, серьезнейшие, которые сказались поздней; недаром мысли о горах, перспективе, пространстве и глазным образом, и познавателью занимали внимание. Глаз многому научился <...> перспектива и колорит – вот что было нам с Клавдией Николаевной познавательной данностью; и эта данность сказалась и в красках 3-ей части «Москвы» («Маски Москвы»); красочно она – но

---

⁵ РГАЛИ. Ф.1782. Оп.1. Ед.хр.24.

вая; и это *новое* – вытяжка из глазных впечатлений лета. Другой смысл поездки – более конкретное отношение к душам людей, с которыми встречались, главным образом с Табидзе и его женой <...>. За лето встречались со следующими: Мравьян, доктор Аванесов, Сарьян с женой, Лина Шагинян, Хачатрян, Ованес Ованесьян, дочь Туманьян<а>, проф. Колонтар, проф. Акуньян с женой, проф. Медникьян, акад. Таманов, Атаносьян, Хорен, Фортунатов, Кеоркьян, Левоньян, Исакиан, Айвазян, поэт Хорен (это в Армении); Яшвили с женой, Табидзе, Нина Алекс<андровна> Табидзе, ее мать, Лидия Павловна Сильникова с дочерью, Григорий Робакидзе с женой, Леонидзе с женой, Колау Надирадзе с женой, Шаншиашвили с женой, Джавахишвили, Абашидзе, Чернявский, Хелашвили, Лордкипанидзе, его жена, Виктор Шкловский, Е.Николаева, Анико Абдушешвили, Гидони, Пирумов, Гогоберидзе, Л.В.Каликина, художник Спасский, проф. Микеладзе, проф. Андроников, А.И.Чхеидзе, Е.Д.Гогоберидзе (это – в Грузии). Встреча с проф. Шмелевским (Красная Поляна)⁶.

3 декабря 1929 Белый писал Т.Табидзе: «Мы вернулись с Кавказа с чувством глубокого удовлетворения, перевешивающим наши кавказские неудачи; и это удовлетворение от того, что было реальное чувство большого сближения в истинно человеческом с Вами, с Ниной Александровной, <...> с Паоло»⁷, а Табидзе в ответ признавался Белому: «Нам кажется, что наши горы ждали Вашего вдохновения»⁸.

***

Творческим отчетом Белого о поездке 1927 года стала книга «Ветер с Кавказа»⁹. Впечатления 1928 года частично изложены в очерке «Армения»¹⁰. Путешествие 1929 года в сохранившихся текстах Белого отражено в значительно меньшей степени, что придает публикуемым материалам особую ценность. Некоторые конспективные сведения об этом периоде жизни писателя содержатся в его «Записной книжке»¹¹ и в «Ракурсе к дневнику»¹². Непосредственные впечатления того времени зафиксированы в письмах к Иванову-Разумнику¹³ и П.Н.Зайцеву¹⁴. Немного писала о путешествии 1929

---

⁶ РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.145об.-146.

⁷ Табидзе Т. Статьи, очерки, переписка. С.241.

⁸ РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.277 (письмо от 5 декабря 1929).

⁹ Андрей Белый. Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928. В дальнейшем – Ветер с Кавказа.

¹⁰ Андрей Белый. Армения: Очерк // Красная новь. 1928. №8. С.193-258.

¹¹ РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.101.

¹² Там же. Ед. хр.100.

¹³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада; Подгот. текста Т.В.Павловой, А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. В дальнейшем – Переписка.

¹⁴ А.Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.258-292; Вып.14. С.439-498.

года в «Воспоминаниях о Белом» и сама К.Н.Бугаева. Эти источники использовались при составлении комментариев.

Неоценимая помощь в работе была оказана нам С.В.Казачковым: его постоянные консультации помогли разобраться в ряде вопросов, связанных с антропософией. Мы также благодарим за ценные советы и помощь А.Г.Бойчука, Л.А.Новикова и М.Л.Спивак, при непосредственном участии которой была подготовлена данная публикация.

***

Публикуемый дневник хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (Ф.25. Карт.38. Ед.хр.3-4). Это – рукопись в двух тетрадах. Первая (ед.хр.3) охватывает период с 26 апреля по 10 июля; вторая (ед.хр.4) – период с 11 июля по 17 августа 1929. В соответствии с этим мы разделили публикацию на две части.

К.Н.Васильева (Бугаева) сдала дневники в архив уже после смерти Белого и рассматривала их прежде всего в качестве материала к его биографии. Поэтому она позволила себе уничтожить (зачеркнуть, вырезать или вырвать) ряд записей, не имеющих, по ее представлению, отношения к теме. На первом листе первой тетради вверху сделана помета карандашом: «Вычеркиваю места с темами: мама¹⁵, Петя¹⁶ и пр.». Кроме того, ее «внутренней цензуре» подверглись две записи, касающиеся осложнений в отношениях Белого с Ивановым-Разумником (обе – во второй тетради). Примерный смысл этих фрагментов, содержащих, по-видимому, идейные претензии Белого к Иванову-Разумнику, угадывается по контексту. Безусловно, изъятия связаны с судьбой самого Иванова-Разумника (его арестами, ссылками и депортацией в Германию). Возможно, К.Н.Васильева не хотела оставлять негативные высказывания Белого в адрес репрессированного друга, чтобы не запятнать моральный облик мужа¹⁷.

Вымаранные, не подлежащие прочтению фрагменты отмечены в тексте знаком купюры; подлежащие прочтению и содержательные зачеркнутые фрагменты восстановлены в тексте в квадратных скобках.

В публикации сохранены характерные приметы авторского стиля и некоторые особенности пунктуации. Орфография приведена в соответствие с современными нормами. Курсивом выделены места, подчеркнутые К.Н.Васильевой или авторами цитируемых текстов.

---

¹⁵ Анна Алексеевна Алексеева (1860–1942).

¹⁶ Петр Николаевич Васильев (1885–1976) – муж К.Н.Васильевой (с 1909 по 1931).

¹⁷ Аналогичной «редактуре» К.Н.Бугаева подвергла и дневниковые записи самого Белого 1933 года. См.: Последняя осень Андрея Белого. Дневник 1933 г. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. М.Л.Спивак // Новое литературное обозрение. 2000. №6(46). С.178-215.

26/IV

Выехали-таки – вырвались – через все. Волненья до самого конца. На вокзале уже оказалось, что забыла свой несессер... Тревога. Даня¹ помчалась за ним на авто... Сели в волненьях. Понемногу все успокоились. В вагоне тепло. За окнами остатки снега и солнце. Спутники тихие. Хорошо. И – через все – спокойно.

27/IV

Проехали Харьков. Свежо, но не холодно. Начинаем снимать с себя зимние шкурки. Выбегаем на станциях. Охватывает весна. Душистый воздух с полей. За Ростовом порхнула первая лимонная бабочка. Погода радует. – Один из спутников – бывший ученик Вл<адимира> Н<иколаевича> Т<атарина>². Знает и любит М<и-хаила> Ал<ександровича> Чехова³. Говорим с ним о театре. Он очень сентиментален. Читаем, смотрим в окно. Ходим питаться в вагон-ресторан. Б.Н. против «домашнего хозяйства» в вагоне.

28/IV Минер<альные воды>

Уже жаркое солнце. Едем без приключений. Отдых во всем. Мешает немного «бакинская дама» из тех, что на склоне лет любит рассказывать о своих бывших победах, но и теперь не прочь.

29/IV Тифлис⁴

Л<идия> П<авловна> Сильникова⁵ встретила на вокзале, отправились к ней на трамвае. Знакомый вечерний Тифлис⁶. Но он как-то прошел незаметно. Ждешь Армении, и к Тифлису – рассеянность. У Л<идии> П<авловны> посидели, очень хорошо. Уютный подвальныйчик. Чудесный пес. Облаял Б.Н. – чем очень задел и «обидел». Только потом смилостивился и доверчиво положил лапу на ноги Б.Н. Мир водворился. – В 12 ночи снова тронулись – в Эривань.

30/IV Караклис

Усталость сказалась. И Алаверды с Лорийским ущельем⁷ почти проспали. Зато – свежее восприятие Караклиса и дальше. Утро чудное. Амфитеатр снегом покрытых хребтов. Снега почти у полотна железной дороги – так мы поднялись. После Караклиса – безлесные

горы – запели хоралами Баха. Впечатленье не меньше, чем в прошлом году. – Приятное знакомство со старушкой армянкой Вермишевой, уроженкой из Санаина⁸. Она подошла к Б.Н.: «Позвольте вас поблагодарить за вашу прекрасную статью. Ведь это вы написали об Армении⁹... Спасибо. Вы поняли нашу душу...». И т. д. Разговор завязался. Она едет к сыну в Ленинакан¹⁰. Сама музыкантша. Очень культурна. – Сын ее встретил. Познакомились. Он пригласил Б.Н. осмотреть текстильный завод в Ленинакане – где он служит. Это уже второе приглашение. Забыла, что еще прежде, до Тифлиса, Б.Н. разговорился с молодым инженером, который едет на разработки туфа под Алагез¹¹. Он приглашал тоже. Удивлялись с Б.Н., как тональность Армении повторяется: все очень *sächlich*¹². Без особенных слов и излияний. Но конкретно и содержательно. «Вот тебе матерьял! А ты уже делай с ним, что хочешь».

– По-прежнему захватил Кара-бурун¹³. Что-то призрачное и зримо незримое. В непередаваемой игре теней и воздуха буро-красный остров под серебристо-зеленым плоскогорьем на фоне черно-синих и фиолетовых дальних хребтов. А сверху и сбоку сквозные просветы и отсветы с игрой перламутра. Вместе же все: так покойно, так недвижно, так невесомо, что не веришь в осязаемость этой картины. Словно перед тобой только образ воспоминания... – Алагез был закрыт. С него шла гроза. И охватила-таки нас, – как и в прошлом году – за Кара-буруном. Поднялся свист ветра – знакомый уже... Забил по крыше дождь... Впрочем, ненадолго. – Возник Арарат¹⁴ – окутанный облачным дымом. Тот же трепет... то же усилие увидеть, схватить происходящее за порогом сознания... И то же бессилие... Воздействие слишком мощно. Душа слишком слаба. Слаба связать два потока восприятий: эмпирический, четкий и острый – с огромным наплывающим и влекущим из далей времени. Точно в ауре прошлого – каждый предмет... Напряженность всех восприятий. И отсюда: усталость. От них устаешь. Они поднимают внутри какую-то работу, какие-то жесты, движения – в ответ.

*Эривань*¹⁵

М<артирос> С<ергеевич Сарьян>¹⁶ встретил на вокзале и повез прямо в гостиницу, где для Б.Н. от наркомпроса был любезно задержан номер. – Вид опять по-прошлогоднему: на Алагез. – Оставшись вдвоем, как-то притихли. От силы впечатлений. Чувство свободы и отдыха. Тепло. Тепло. По-нашему – лето. Все цветет. Цветут персики. – В гостинице очень удобно. Внизу ресторан. Чай пока ходим пить в кафе. Но обещают давать кипяток.

Проснулись под шум голосов, музыку, крики, свистки. Праздничный день. Смотрели с балкона на проходящие мимо колонны комсомольцев. Пестрота спортивных костюмов. Много детей. Группа турецких армян, пестро разодетая, в болтающихся широченных штанах... очень красиво расшитых, похожих на скатерти или платки. В разных местах – группы танцующих. Сплетаясь руками в один сплошной круг, притоптывали и ритмически двигались туда и сюда – впрочем, без резких движений. – Прогулки с М<артиросом> С<ергеевичем> по душистым цветущим садам. В цвету персики, яблони, груши. «Какая сила в этом розовом. Краской не передашь! Или – олеография. Или нужно много искать...» – повторял Март<ирос> С<ергеевич>. Возвращались тропинками через сады и по склону Канакерского шоссе. Вид на город внизу, на Арарат и долину Аракса. – Обедали у М<артироса> С<ергеевича>. Подали национальное блюдо: мясные колбаски, завернутые в тонкий, как бумага, чурек: люликераба¹⁷. Б.Н. очень понравилось. – Рассказы бывшего капитана «подрывника». Добродушнейший человек с беззаботной улыбкой выкладывал ужас за ужасом. «Дайте мне две пироксилиновые шашки, и я взорву этот дом...» – «А построишь ли?» – шутил М<артирос> С<ергеевич>. Рассказ бесконечен. Люси Лаз<аревна>¹⁸ боялась, что Б.Н. скучает и слушает только из вежливости. – А тот впился в рассказчика¹⁹. И вижу: «зашелкал кодак...»²⁰. – Вечером, из кафе зашли случайно на главную площадь. Праздник вовсю. Проектор перебежал по толпе, вырывая на миг кишашую массу из мрака, фейерверк взлетал в темное небо. Мерцали гирлянды пестрых фонариков; с украшенного коврами балкона – музыка. Оркестр, перемежку с местной музыкой. Звуки очень приятные. Узнаешь «восточный» мотив шемахинской царицы²¹ и бесчисленных танцев «d'Orient»²² ... Пищали пищалки, подвигивали рожки, где-то хором рецитировали²³, где-то стреляли... Веселье толпы захватило и нас. Было интересно и как-то легко толкаться среди темноты. Никто тебя не знает, и ты – никого. А кругом люди, сотни людей. А над всем темное, теплое небо с редкими яркими звездами... Под конец устали. Но хорошей усталостью. Целительна эта полная смена: Москва – Эривань. Без дум, без «чувств», хочется даже сказать: «без души». Все чувства открыты для восприятий. И все «душевное» выбрасывается назад, точно пробка, не входит... Аппарат сознания работает вовсю: в каких-то двух направлениях. Одно – осознается сейчас же. Другое – точно идет в запас... – В этом году Эривань воспринимается еще иначе, чем в прошлом. Более спокойно. Есть чувство, что не

нужно лететь и спешить, можно вжиться, всмотреться. Нет той лихорадки: скорей! Скорей! Но зато при повторе яснее еще вся огромность, вся мощь воздействия этих мест. Точно сквозь каждый миг смотрят «века» – или ты смотришь *в века*...

2/V

Весь день почти на воздухе. Утро прекрасное, манящее к прогулке. Взяв фаэтон, отправились в Канакер²⁴. Так, просто: посмотреть. Арарат и Алагез сопровождали, выступая поочередно при поворотах дороги. И тот и другой – точно два мира, рассказывали: каждый свое. Арарат – весь «пра»-«пра»-«пра»... Алагез – в настоящем – но, как вершина, как напоминанье, что вся временная красочная суэта жизни коренится в снеговой белизне высот – или глубин. «Хлопочите... но помните!» – словно звучит от Алагеза... «Я вам помогу! но – к вам не сойду... А вы – ко мне поднимитесь. И вместе с хлебом “на каждый день” – я дам вам хлеб восприятий величия и красоты того, что вы зовете “природой” – но что есть “тайна”»...

Так без конца плелись в душе какие-то сказки-не-сказки... А внизу – Эривань: точно нежная вышивка, чуть подцвеченная розовым, бирюзовым и белым на голубовато-коричневой ткани. Кайма из садов – чуть ярче, – изумруднее, розовее, серебристее – легче. Между Эриванью и Араратом – опаловый голубеющий пояс тумана и снеговых облаков. Земля ли это? Видение ли? Призрак?.. Там словно дно плоской чаши или блюда. Края его – Арарат-Алагез... а рисунок на дне: «Эривань». ...И пусть это «город», пусть бежит там игрушечный поезд, как ватку бросая дымок, пусть квадратятся кубы завода и трубы торчат – все это не нарушит... бессильно нарушить безмолвную вечность ландшафта. Утреннее освещение давало особую легкость и чистоту. – Да, здесь не вспомнится песня Шумана, Шуберта. Ни Бетховен, ни Моцарт, ни даже Бах²⁵, которого так слышишь под Караклисом. Здесь – Библия... Только Библия. Песня Песней, Псалмы Давида. Видно, в западной лирике нет этих пространств, нет этих потоков земли прямо из вечности... Бог знает какие картины неясно встают... и уплывают, не слагаясь в образы... Вспоминаешь... А что? Ведь в сознании нет *ничего*, – а сознание полно... переполнено даже. <...> – В Канакере много военных. Там лагерь. Случайно заговоривший с нами один – пригласил на ломаном языке на «кутеж». «Там у нас – кутеж. Хотите – пойдите. Мы завтра – на летние лагеря под Тифлис...» Мы поблагодарили и тронулись в обратный путь. В половине второго были дома. Потом вскоре обед. И снова: прогулка. На Зангу²⁶. Сами искали дорогу – по улочкам восточного города.

Б.Н. вскрикивал от восторга: «Восток! Восток!..» Соблазнившись каким-то подъемом, где наверху виднелись персидские ворота, живописно торчала палаточка и толпился народ, – мы попали совсем уже в глушь. Стены, дворики, крыши – все серая глина. В каждом дворике – пестрые пятна: тряпки, зелень, посуда и люди... По улочке-щели – то группа детей, то всадник, то пешеход. Но – пустынно. Спокойно идти. Никто не глазеет, не пристает. Не то что в осетинских деревнях: шагу ступить нельзя, чтоб не облепил рой мальчишек.

– Наконец-таки вышли на Зангу: садами, перелезая через стены и прыгая через канавы. У самого шоссе – небольшая роща. И в ней снова веселье: пикники, вино, танцы. Жарко – по-летнему. Пошли к гидростанции. Хотелось еще раз взглянуть на базальты, которые видели в прошлом году²⁷. По шоссе – толпы гуляющих. В саду, над обрывом к Занге – опять-таки: пикники, вино, танцы. Танцуют мужчины, зрители прихлопывают в ладоши. Танец – ритмическое движение под музыку. Порою ритмически вибрируя и застывая на месте, порой притопывая ногами, переставляя с носка на каблук, пускаясь вприсядку, взмахивая и разводя руками, движутся отдельные фигуры. В общем – легко, довольно красиво и плавно. Напоминает пляску наших русских женщин.

– Веселятся просто, от всей души. Но – «прилично». Ни пьяных, ни ссор. Изредка видны национальные костюмы. Бросается в глаза картинная фигура высокого молодца в синих «скатертных» штанах, в бараньей куртке, с цветистой оранжевой шалью через плечо. Идет – и стыдится, и вместе – красуется...²⁸

Опять охватило чувство легкости и свободы среди чужой толпы. И опять, в конце концов, взгляды привлек Арарат. Сидели на камнях и долго, безмолвно глядели на золотеющие снега. В тених – особенно четко синела страшная рана в боку: провал 1840 года²⁹... Те же «картины без образов». Так кругом все становилось двойным – в присутствии Арарата. Все очень просто, эмпирично и ясно. Гулянье, шоссе, берег Занги... Но все, точно радио, пронизано чем-то другим: неясным, бог знает о чем говорящим. О чем же? О чем? И в сознании все напрягается: схватить! Но: не схватишь! И падаешь снова в сознание, в эмпирику: мальчик идет, разносчик воды с длинным кувшином, обернутым тряпкой и звенящим от погремушек... Да, ясно! А то? Где же «то»? И нет сил распечатать печати. Устаешь от игры волн впечатлений. От остроты ощущения себя на грани миров: ямба-хорея³⁰. От двойного «шага» души: в одно и то же время идти ямбом эмпирики и уноситься хореом... Ямб-хорей, ямб-хорей! Уто-

нительно... почти до протеста: как их разрешить? Где их *одно*... И плывут, и ткутся мечты и предчувствия: Ahnungen³¹... Но знаешь одно: это *опыт* – Erfahrung³² – и опыт огромный. И спасибо судьбе за этот дар. – Все же так устали, что по обычаю: поссорились. Усталость всегда так у нас сказывается: покрикиваем друг на друга: со всем темпераментом каждый: Б.Н. буря – проявленная; во мне буря – скрытая. В конце концов – даже удобно. А после – за чаем – смешно и забавно: «Вот мы с Машенькой и покричали друг на друга...»³³ – А перед сном, опять, ненасытимо заколесили по улочкам, фантастика освещений, ракурсов и контуров... Заборики, дворики, воротца, плоские крыши и лесенки...: инсценировка оперы из жизни Востока... «Да это же Персия! Как я это люблю!»... Рядом с нами, за спиной отеля: мечеть с прелестным, туго обтянутым куполком и резными, лепными воротами. А против нее – в каком-то провале: церковка красно-розовая с бирюзовой башенкой-куполком на тонких колонках. Б.Н. без умолку рассказывал о Тунисе, о Радесе³⁴... Усталости как не бывало.

3/V

То же солнце. Тепло. Тепло. Точно сон. Точно сказка... «Не верится, что неделю назад мы под снегом, по снегу – шли от нашего домика – к станции...» И еще раз: спасибо судьбе. «Мы заработали этот отдых: каждый по-своему...» В 11 – встреча с С<арьяном> в кафе, разговор о наркомпросе, о даче³⁵, о докторе³⁶. – Днем отдыхали. В 6 – Б.Н. с М<артиросом> С<ергеевичем> был у доктора. Все хорошо. Все в порядке. Высоту сердце вынесет, какую угодно³⁷. Так что коджорские опасения неосновательны. – Вечером у художника Левоньяна³⁸. Дом в саду. Веранда. Пили чай в подземной комнатке без окон с глубокими нишами. Потолок затянут цветной материей; дом очень старый. Пришел поэт Исакян³⁹. Смотрели книги, журналы. Отобрали себе для чтения. Матерьяла много. Армяне очень охотно дают указания и засыпают рассказами о достопримечательностях. Все же момент увлечения есть. – Перед сном опять бродили среди беззаконных извилистых улочек. Все та же радость тепла и освобождения.

4/V

Солнце... и солнце... Отдыхаешь в тепле. Не нужно жаться и кутаться. – С 10½ до 1½ обход наркомпроса⁴⁰, библиотеки, мраморных мастерских и рабочего кабинета Таманова⁴¹. Пока Б.Н. с М<артиросом> С<ергеевичем> были у наркомпроса – я оставалась на ве-

ранде, – не отрываясь, глядела на Арапат. «Ecrasant»⁴², – как говорит Нансен⁴³. Это лучше всего передает. От него не отделаешься. Он влечет и чувствуется постоянно. Каждое утро, по пути в кафе, заходим в один переулок, откуда он виден: «поздороваться с Арапатом». С этого начинается день... Сегодня он – дымно-белый с голубыми тенями. Легкий, стремящийся – всей своей огромностью – : вверх. И душа уносилась за ним. В его покое, в его отрешенности. Но – куда? и к чему? Остается вопросом.

– Из наркомпроса пошли в библиотеку. Поток книг. Взяли на дом Стржиговского⁴⁴. Разговор с заведующим библиотекой⁴⁵. Показывал собрания книг Лазаревского Института⁴⁶. – Молодой пролетарский поэт⁴⁷. С живым интересом. Б.Н. оживился. Заговорили о ритме, о стихе.

– Вышли на улицу – опять Арапат! И книги померкли... Вот лучшая книга. Того, что расскажет она, – нигде не прочтешь. – Потом кабинет Таманьяна. Прекрасный проект Народного дома⁴⁸. Настоящее большое искусство. Сам же Т<аманьян> молчаливый, болезненный. Молчит и М<артирос> С<ергеевич>. За всех говорит Б.Н. Придя домой, жалуется: «Устал я! К природе бы! оставили бы меня одного с горушками...» – Видели план новой Эривани, по которому теперь строится город. «Хотелось бы скорее все это провести в жизнь. Да нет денег. Вот и ползем... Очень уж медленно!» – вздыхал Таманьян.

– От него в мраморные мастерские. Огромные глыбы лежат на подставках, полураспиленные на тонкие плиты. Готовые образцы всех цветов и оттенков – тут же в витринах. «Что такое мрамор?» – спросила <я> Б.Н. – «Это углекислый кальций с водой. Приблизительно CaCO_3 ...» – «А когда-то кальций был мягок и капал, как воск, прозрачными каплями – из атмосферы – на землю...» – вспомнилось <...>. Вспомнилось то, чего память не знает. И глядя теперь на розовато-золотистые полупрозрачные плитки – уносишься в те времена. В первый раз, – трогая эти плитки, – испытала особое чувство в пальцах: вот бы резец! чтобы вырезать форму из этой прекрасной материи. Какая чистота! благородство. Этот камень живет... Он живой. Почти с трепетом берешь его в руки. Осязание – одно осязание его дает наслаждение. Это «цвет персика» в царстве немых минералов! А тут же рядом: дымчато-серые, бело-оранжевые, черно-золотые и т. д. плиты. <...> ... Но рисует: природа!

– Вернулись домой наконец. Б.Н. тотчас же сел записывать. – В 5½ – опять на прогулку. Проплутав и уткнувшись раза два в непроходимость, выбрались наконец на шоссе к Канакеру. Уже вечер-

ло... Зажигались огни – в Эривани, внизу под ногами. А за городом опалово-голубая дымка окутывала подножие Арарата. И он торжественно плыл, вечерне-синий и спящий. «Какая красота!» – восклицали мы то и дело... А больше ничего и не скажешь. – Страстная суббота... К вечеру притихли... Сели у столика... убранного, как в Кучине⁴⁹... Прочли из книги⁵⁰... Замолкли. Душой вспоминали всех близких.

<...>

5/V

Летняя жара – по-нашему! В 12 – : на выставке художника Т.⁵¹ Мало интересна. Заходили на городскую станцию узнать о поездках на Джульфу⁵²... – Вечером были в ущелье, за селением Норк⁵³. Но – не то! Ущелье красиво. Но душа хочет пространств. Только очутившись на Канакерском шоссе, вздохнули удовлетворенно: вот это для нас. Там же теснит. И глаз бьется о близкие стены. Ущелий вообще не люблю – кроме Дарьяльского. Но оно – грандиозно. В нем забываешь о всяком «ущелье»...

– Заходили к Таманову. Не застали. И вернулись к себе. Вечер провели тихо, обсуждая поездки. Решили, кажется, съездить сперва в Дарачичаг⁵⁴. Посмотреть. А то страшно, не зная местности, осаживаться на месяц. Как бы не вышло второго Сачхере⁵⁵.

6/V

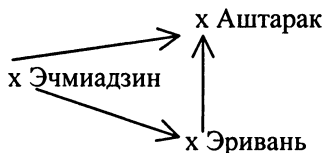
Утром охватила неопределенность. Куда ехать? Когда? С кем? Б.Н. вдруг запротестовал: «Не хочу по указке. Хочу быть свободным. Мы приехали отдыхать, а не учиться...» Решили поехать в Джульфу: завтра. Пошли на городскую станцию: справиться точно. Оказалось, что в мягком билеты можно достать в тот же день. Отложили на завтра: Б.Н. не надеется на погоду. «Вдруг именно завтра – дождь... Со мной всегда так... Сидим в Эривани – погода прекрасная. Стоит тронуться и...» Зашли в автопромторг тоже справиться. Неутешительно! В Дарачичаг путь откроется только с 15 июня. В Еленовку⁵⁶ – через день. Но обратный автобус идет только по понедельникам – в 8 утра. Да нам и ни к чему туда, если в Дарачичаг не попадешь. Хотели посмотреть Дар<ачичаг>, чтобы знать заранее, куда нас хотят устроить. Вдруг не понравится. Хотя рекомендует М<артирос> С<ергеевич>. Но ведь и «ущелье» вчера он порекомендовал...

– Вернулись в «кавказском» настроении. Третий год одно и то же. Там – красота, там прекрасно, там – то-то, там – то-то... А про-

ехать никуда нельзя. Разбивают ужасно эти недостижимости... Так, порешив пока что Джульфу назавтра, устроились с книгами. Б.Н. с горя взял «Тайфун»⁵⁷. Я же – Линча⁵⁸. Обрадовалась, что нашла-таки членораздельное об армянах. Не «Иафет», Ной, Адам. А исторически данное. Пусть и это не то. Но все же начинаешь чувствовать почву под ногами. А то выходит, что армяне с неба спустились, вроде второго Адама, пожалуй, еще прежде него. И Адам только украл у них первородство! Опять, как и в прошлом году: чем больше слушаешь, тем меньше веришь. Поэтому просто благодарность Линчу. Теперь хоть что-то отложилось. Хоть знаешь, что Геродот сказал одно, а Ксенофонт другое, у Дария – третье⁵⁹. Все же Геродота, Ксенофонта и Дария знаешь чуть ли не с детства. А весть о первородстве армян – падает, как гром с неба. – Вдруг звонок С<арьяна>. Б.Н. возвращается с телефона: «Завтра едем в Аштарак⁶⁰. В 8 утра будет подан автомобиль...» Ну! едем, так едем! Сегодня же решили пойти погулять – на уже любимое наше Канакерское шоссе. – Прогулка была прекрасная. Арарат казался висящим в небе – над землей. Серебристая фиолетово-розовая дымка закрывала подножие. И он плыл... весь в кисеях и тенях... Склонили голову набок – поставив зрение под углом. И... это уже не «покрывало Изиды»... Это: Эдем... «Мы точно научились видеть невидимое...» – восхищался Б.Н. – Да! прогулка была хороша! – Но: когда вернулись, поднялись такие «кавказские настроения»... такие истории с чайником, кипятком и т. д., что в 9½ выбежали стремглав из отеля, чтобы успеть где-нибудь проглотить стакан горячего чая... А потом, вплоть до 12, – бились среди чемоданов, портфелей, перекладок, потерь, поисков. И в полном изнеможении к часу ночи, ошеломленные этими «ножницами» между Араратом и порядками отеля, – улеглись кое-как, чтобы завтра встать вовремя. Объяснить кому-нибудь, чтобы нас разбудили, – так и не могли...

7/V Поездка в Аштарак

Не буду подробно описывать эту поездку. Б.Н. все записывал себе в книжку⁶¹. Выехали в девятом часу при ясном солнце. Вернулись в три в тучах пыли, спасаясь от настигающей нас грозы. Прodelали полный круг.

Видели много. Пожалуй, больше, чем могу воспринять. С нами ездил проф<ессор> Колонтар⁶², работающий в Охране памятников⁶³. Он давал объяснения. Это было интересно. Но утомительно. Ведь помимо всего, говорила вся местность. И хотелось отдалиться: слушать, смотреть. Чтобы голова была в покое. Открыть другие органы восприятий. А объяснения К<алантара> пробуждали деятельность именно головы, мозга. И этот перебой – очень разбивал нервы. Точно слушаешь сказку или музыку, а с тобой говорят об истории книгопечатания... М<артирос> С<ергеевич> берет по-другому. Для него «памятники» – не «памятники», а произведения искусства. Они вырастают для него из ландшафта и в связи с ним. Показывая нам Зварт-Нотц, Репсиме⁶⁴ – он не уводил от природы... Оттого, может быть, ездить с ним было легко. Кроме того, у него просто есть ритм. Он чувствует, где нужно ускорить, а где задержаться. И всегда этот ритм совпадал с нашим ритмом. Верно, и у нас подход не «научный», а «художественный»...

– Сейчас же за Эриванью шоссе начало зигзагами подниматься: с холма на холм. Арарат отступал и светился вдаль, – впрочем, такой же огромный и видный отовсюду. Алагез – придвигался и разворачивался вширь и ввысь. Справа возникал снежный тоже мир Гехард-Куник, очень четкий и очень отчетливый. В его сторону нет той опаловой дымки, которой заполнено все полукружие – Арарат–Алагез. Там, влево, из этой дымки едва прочерчивались совсем далекие и совсем уже висящие в воздухе снеговые вершины – верно, Турецких гор...

«Вот это гора Ара... Вы знаете преданье о нем... а та, напротив, – гора Семирамиды...» (Вчера как раз читала, что встреча Ары с С<емирамидой> произошла в местности Вана⁶⁵.) Ара – очень красива по форме: по контуру точно палатка, восточный шатер, какие делают шатры шемахинской царицы в «Золотом петушке», фас же ее прорезан в середине глубоким обрывом, который коричневеет вертикальными тенями среди темно-зеленых боковых скатов и основания... Во все стороны – куда ни посмотришь, выплывают, стоят, висят в небе, сгущаются или тают снеговые хребты и вершины...

Показался вдаль Аштарак, вlepленный и повисший на крутом обрыве над рекою Кассах⁶⁶. Квадраты жилищ несколько не нарушали гармонии каменных срывов. Общий серо-желтый тон, с черными тенями, с черными же прорезами окон и дверей, с чернеющими иззубринами базальта и туфа. Переехав через Кассах по каменному мосту, поднялись в узкую улочку; и через весь поселок – дальше, в зелень подъемов... В Аштараке осматривать будем на обратном пу-

ти. Сперва проедем к крайнему пункту сегодняшних осмотров: к церкви св. Иоанна Крестителя.

Она стоит на высоком обрыве над ущельем Кассаха. Описывать опять-таки не буду – предоставляя Б.Н.⁶⁷ Несколько лишь замечаний: Алагез – на фоне всего, с разных мест возникающий белым пятном. После взглядывания в темные камни – особенно действует по контрасту. Только что смотришь на ажурную резьбу «крестных» камней, любясь неповторяющимся мотивом 16–20 сплетенных друг с другом розеток⁶⁸, – только что поднимаешь голову к каменным сводам, или охватываешь общую форму постройки – и вдруг: побелеет в глазах. Почти до вздрога. Что это? И: то из-за стены, сквозь провалы ограды, между деревьев – является белизна Алагеза... И опять от него звучит какое-то: «Помни!..»

– Кучка местных крестьян сопровождала нас при осмотре. И конечно же, – откуда только они берутся! – обступили нас, разинув рты и безмолвно нас созерцая, неизбежные в мире и в путешествиях дети <...> в возрасте от 4–12 лет... Но здесь они тихие и ничего не просят. Верно, еще не знают, что у людей, которые что-нибудь «смотрят», – нужно просить: «Дай дэньга! – Купи камень! Купи цветы...»

– Хранитель храма – армянский крестьянин – пригласил нас к себе: покусать мацони. В первый раз были в армянском жилище. Описывать не буду. Все уже есть у М.Ш.⁶⁹. Но только здесь было очень чисто, хотя бедно – до нищенства. Широкие тахты не угрожали осыпаться насекомыми (как под «замком Тамары»⁷⁰), белоснежные подушки возвышались горкой в углу. На столе вместо скатерти какая-то перезаплаванная тряпка – но тоже чистойшая. Хозяйка армянка – приветливо сдержанная – вынесла полные тарелки мацони, горный сыр с душистыми травками и тонкий лаваш... Им и ели мацони, сворачивая в трубочку и зачерпывая прямо с тарелки. Тут же показали нам «кухню»: очаг для печения лаваша, кувшин для сбивания масла (длинная глиняная колбаса, подвешенная к потолку на веревках), каменные чаши или ступы для разных домашних нужд... Вышли из прохладного полумрака домика. Припекало-таки порядочно: 12-й час. Простились с хозяевами и тронулись.

Следующий этап: церковь Мегуни (так кажется)⁷¹ – ящерица или дракон. Отмечу лишь пестроту цветных материй (по бедности все больше ситцев), церковных украшений: оборочек на люстрах, аналойных покрышек, каких-то ковриков и подстилок. Наш глаз не привык к такой пестроте в церкви. – Дальше, по полному жару въехали в Аштарак... И осмотрели в трех или четырех местах, переходя

пешком по узеньким проходикам, раскаленным от жара⁷². Снялись в двух местах на фоне развалин. Наконец вышли на чей-то балкон с видом на ущелье Кассах. Б.Н. все укорял меня, что не видела ущелья возле монастыря св. Иоанна. Но там был такой обрыв, что моя голова начинала кружиться при одном взгляде в ту сторону...

Наконец осмотр окончен... и дорогой на Эчмиадзин⁷³ выехали из Аштарака. Справа и сзади с Алагеза и Карабуруна надвигалась гроза, и уже задувал ветер. Алагез почернел и закрылся. Зато на Арарате делались чудеса освещений. Облака прорывались снопами лучей, и тогда, словно сквозь золотую прозрачную призму, вспыхивали рельефы освещенных кусков... Все это, не касаясь земли, висело в облаках, как окно... как ворота в страну света... А буря приближалась. Автомобиль летел. Пронеслись Ошакан⁷⁴, где памятник (могила!?) императора Маврикия, который родом из Ошакан. Шоссе, пролетев сады Аштарака, врезалось в скалистые стены – шоколадно-серые и красновато-черные – и крутило петлями... Наконец вытянулось стрелой через равнину – к Эчмиадзину.

Уже на полпути между Эчм<иадзином> и Эриванью буря нагнала-таки нас. В одно мгновение все исчезло в облаках черной пыли, как в густом тумане. А с боков, сзади и спереди с шипом взлетали ракеты, которыми здесь расстреливают градовые тучи. Казалось, что все унесется в этих тучах пыли или взлетит вместе с ракетами в небо. Среди свиста, хлопанья взрывов, шума деревьев – и пыли, пыли, пыли... неслись бешено, удирая от настигавшей грозы...⁷⁵ Так было в три. А в пять снова все просияло, и мы, пообедав в отеле, шли в наше кафе – выпить чая. Тепло. Солнышко. Голубое небо... Куда девалось все это взревшее, взвихренное, смятенное. Тишина и свежая ясность.

– Вернувшись, уселись за книги и записи. Идти никуда не хотелось. Занесли нам билет на концерт Спендиарова⁷⁶. Но нельзя в один день сочетать посещение древностей и современный концерт. Впечатление было еще слишком сильно. Этого не понимает никто, – даже и М<артирос> С<ергеевич>. Вечер прошел незаметно. Б.Н. уже начинает по-своему переваривать Стржиговского. Его мысль, что Зварт-Нотц это Civitas Solis Кампанеллы⁷⁷..., что форма ренессанса – это вышедшая на свет внутренность армянских церквей. Купол ренессанса – бывший внутренний свод... Выходит также, что протоформа храма вышла из Персии. И храм Ормузда⁷⁸ – солнечный храм – и есть храм собственно⁷⁹. Мне всегда виделось в храме то место, где небесное касается земли. <...> Но основное божество земли – солнце – внешне ли, внутренне ли, – все равно. И понятно,

что в основе всякого храма лежит мысль о солнце. Если даже это храм Луны – то и луна, и звезды и т. д. – все это несет к земле прежде всего свет солнца. И не будет солнца – все скроется в мраке. «Все, кружась, исчезает во мгле. Неподвижно лишь солнце любви...»⁸⁰ – И если это так, если идея храма приводит нас в Персию – то новый смысл получают все эти раскопки и погружения в старое. На пороге <...>

Все это время, с тех пор как приехали, хотелось что-то узнать, как-то прочесть эту увлеченность церквами и памятниками в Армении. И роют, и роются... А зачем? Какой смысл в этом для будущего? Изучение? Наука? Но ведь мы стоим как бы в моменте умиранья религии. Зачем же тогда искать и копать в этих обломках, черепках и развалинах. Все внешние ответы <...> знала. Но они не успокаивали. И все оставалась неудовлетворенность. «Ну да! если специалистам это нужно просто по специальности – то нам-то зачем? Неужели ради одной только эстетики...» И вот теперь все стало ясно. Стало ясно и то, чего не скажешь словами. Долго взволнованно говорили с Б.Н. на эти темы.

8/V

Утро провели опять за книгами. Теперь уже читаешь и смотришь как-то совсем иначе. Найдены Richtlinien⁸¹. «Идти в старое – за импульсом к новому». <...> Б.Н. много записывает. – Перед обедом на минутку зашел Ширмазян⁸² – инженер с Айгер-лича⁸³. Приглашал к себе. – После обеда свежесть и солнышко выманили пробежаться. Пошли без цели – плутать, куда глаза глядят, среди улочек. Сразу же за Абовяном⁸⁴, с тонкой корочкой европейских домов – самые невероятные закоулки, в которых почти не поймешь, где двор, а где улица или огород. Набрели на лавашную – и с восторгом купили охапку тонкого лаваша... Вышли на площадь к мечети. Осмотрели ее. Вход открыт. Посидели на внутреннем дворике под большими деревьями у бассейна с водой. Впечатленье тишины, чистоты и, страшно сказать, уюта. Очень уютно. Все пропорции какие-то гармоничные и легкие. Стены – с внутренней стороны ряд глубоких ниш-верандочек, за которыми дверь в помещение. Здесь, верно, жили монахи или муллы... И не объяснишь, почему: <...> «как уютно!» – К сожалению, изразцы в стенах кое-где выломаны, хотя две главные арки еще сохранились. – Из мечети пошли через базарную площадь. Думали, нет ли чего местного? Но, кроме лаваша, кажется, ничего. Все произведения à la Смоленский рынок. Воздух сразу сгустился. Пыль и запахи. Повернули обратно. – Вечером были у М<артироса>

С<ергеевича> – хотели уточнить сроки нашего пребывания в Эривани и в Армении вообще, а также сказать о людях: что Б.Н. ни с кем не хочет видетсяя, – особенно же во время поездок: тогда всякий человек просто мешает. Объяснить это было очень трудно, так как М<артирос> С<ергеевич> все повторял: «да это же милые люди! – Это очень хороший человек! – Это – специалист!» и т. д. «Я приехал не для общенья с людьми и не для прохождения исторического или филологического факультета», – пытался высказать что-то Б.Н. ... А тут еще путаница с гостиницей. М<артирос> С<ергеевич> говорил Б.Н. вначале, что наш номер оплачивает Совнарком. Б.Н. отказывался тогда же и недавно попросил управляющего подать счет. Тот спросил, на чье имя счет: на его или на какое-нибудь учреждение? Б.Н., конечно, сказал на свое. Когда М<артирос> С<ергеевич> узнал об этом, он даже рассердился: «Ведь я же Вам говорил, что это не нужно делать. Они не имеют право брать деньги за этот номер...» Б.Н. опять свое: «Я не могу на это согласиться...» Не знаю, чем все это кончится. Этот «Отель», действительно, какое-то «стойло». «Снаружи шелк, а внутри шелк...» Порядки и правила такие, каких нигде не встречали. Электричество, например, нужно тушить в 12 часов – так сказано на доске, вывешенной в номере. Кипятка едва могли добиться. Пришлось пройти сквозь строй недружелюбного удивления и глухого протеста по крайней мере шести здоровых армянских молодцов, плюс еще женщина при самоваре. Сколько было волнений и криков. И т. д. ... – Вечером опять сидели над Стржиговским, срисовывая, делая заметки. Только напоминание о роковом часе тушения электричества прекратило это сиденье. Жаль было оставлять. И перед сном опять еще долго говорили. И, между прочим, на тему Б.Н.: «Какие мы ходим для всех запечатанные. И никому ничего не можем сказать...»

9/V

Тихое утро: у себя. Б.Н. лишь ходил в библиотеку: менять книги. – Делаю срисовку планов церковей. Воздушная форма, которая вынимается из каменной, – еще прекраснее. Можно заметить некоторое соответствие между «во имя» данной церкви и ее формой (Grundriß⁸⁵). Хотя лишь в некоторых случаях это выступает отчетливо: например, Erlöserskirche в Ani, Hirten Kirche⁸⁶ в <...>

Перед самым обедом гуляли в персидской части города; так понравилось, что решили пойти сюда вечером. – На закате чудесно переходили из закоулка в закоулочек. Сейчас же за нашим отелем – мечеть, возле стен которой ряд каких-то страшных глубоких (этажа

в два, врытых в землю) построек. Сверху торчит только крыша, да на уровне почвы полуразбитые окна. Заглянешь внутрь – целое помещение, с нишами, полками и бассейном. Не то подземная мечеть, не то баня... Тут же громадные кучи камней и глины. С них – через плоские крыши соседних домиков – вид на Арарат. – Пересечь улицу Наболдян⁸⁷ – параллельную Абовяну – и там уже теряешься в переплетеньях проходцев среди стен. Европейского дома не встретишь. И прохожие: женщины в чадрах, дети... Наткнулись на другую мечеть – всю в высоких стенах – точно крепость. Только купол торчит. Перед нею уютная маленькая площадь, обсаженная деревьями и обведенная канавкой с водой. – Идя по улочкам, смотришь в дворы сверху вниз: они почему-то ниже уровня улицы. Ворота, окна, стены, изгибы домов – углы и выступы... ряд перспектив, которые так и просятся к зарисовке. – Часов в 9 заходил Хорен (молодой пролетарский поэт). Но Б.Н. был занят. К тому же мы условились, что он придет в 6. Он не пришел. И мы его уже не ждали. Нам еще трудно привыкнуть к здешним нравам. На каждом шагу – сюрприз. Теперь уже Б.Н. привыкает ко всякого рода сюрпризам. – Вечером опять читали. – Живешь странною жизнью. Без «чувств»... – Приятно, что в армянах нет совсем снобизма. Они очень простые. На улицах не встретишь таких «парижских» юношей, как в Тифлисе. Все здесь как-то демократичнее. – Совсем не могу писать писем. Тяжело мне все же думать о Москве. Хочется хоть немного забыть...

10/V

День неожиданностей и «сюрпризов». Началось с утра: собирали отельное белье для стирки. Б.Н. еще не вставал. А «стая» неслась с неудержимой силой – из номера в номер. Объяснить ничего нельзя. И белье буквально вытащили из-под Б.Н. ... Тут же внеслась стая горничных – наливать воду, убирать сор, выливать из ведра. Все стало вверх дном... Б.Н. не выпался и был как в воду опущенный. Для подкрепления выпил немного чая с ромом. Утро манило. Вчера как-то мало гуляли. Решили опять поплутать по закоулкам. Опять туда же... Шли вперед – упирались в тупик... Шли назад, сворачивали, переходили через мост, через мостик, просто через реку по камням. Вышли наконец к окраине, где оба Арарата предстали открыто... свет и солнце выгравировали сегодня на них непередаваемые рельефы и плоскости. Большой – весь казался прозрачным, сделанным из голубоватого льда... Малый – в строгой правильности своей легкой формы точно сбегал сам с себя серебристыми струями... Долго стояли под деревом у забора какого-то сада... «придем

сюда на закате... Сегодня же!» ... – Вышло же «совсем наоборот». – Едва вернулись: стук в дверь. Комендант ВЦИКа: «Вам отведена комната в Дарачичаге. Я еду туда. Не хотите ли посмотреть. Через ¼ часа я заеду за Вами...» Минута смятенья: «Как же так – вдруг...» Но – случай слишком прекрасный. Ведь мы же и хотели посмотреть Дарачичаг. Через 20 минут уже неслись вверх по Абовяну. Поездка сошла как нельзя лучше. Дарачичаг очень понравился. Комната тоже. К четверем – были уже в Эривани. – После обеда зашли к М<артиросу> С<ергеевичу> – рассказать, что с нами было. Они тоже летом будут там и уже забронировали себе комнаты. – И вот что дальше: в восемь появляется у нас М<артирос> С<ергеевич>. «Я к вам случайно зашел... Так бывает в кинематографе... Вот и с вашей поездкой сегодня... Это же...» – ? – «Да ведь вы, верно, сняли одну из наших комнат...» ... «Как? Но у коменданта были списки свободных комнат... Как же...» – «Уж не знаю...» Смеялись, потому что действительно это смешно. Завтра М<артирос> С<ергеевич> выяснит, в чем дело. – Забыла совсем: на обратном пути в Сухом Фонтане⁸⁸ – неожиданная остановка: подкова попала в шину. Пока меняли шину, к нам подошла высокая крестьянка: «Русские люди! откуда?..» Подошел ее муж. Старик с лицом тамбовского мужичка. Собралась сразу кучка. Присыпали дети всех возрастов. Это молокане. Деды их были выселены сюда, – и сами они в России никогда не были. Но странное дело: разговор сразу же начался от Herz zu Herz⁸⁹... Старик разволновался. Заплакал. Что-то детское, открытое, незащитное... На прощанье подарили нам огромный кусок золотого душистого хлеба. «Попробуйте нашего хлебца! Без хлеба и соли нельзя...» Приглашали приезжать в гости: Михаил Степанович Козев...⁹⁰ – Б.Н. приглашен в воскресенье на чай (где-то в саду) союзом армянских писателей.

11/V

Опять полный разгром всех планов. Решили, что у Б.Н. будет откровенный разговор с М<артиросом> С<ергеевичем>. Все выходит как-то не так, как мы думали. Не знаю, уж чем все это кончится. Долго говорили с Б.Н. Теперь только одно: как мы выедем. Лишь бы М<артирос> С<ергеевич> понял и не обиделся.

12/V

Всю ночь почти не спали. Внизу в кафе был шум; пение, крики, хлопали дверью... Да и разговор наш – взволновал. – На рассвете глядела, как розовел Алагез... и постепенно загорались снега. В ут-

ренных тенях отчетливо виден огромный провал кратера с высоко торчащим боковым зубцом... И влево на запад ряд вершин и гребней... Вот импрессия сегодняшнего утра. Ведь он – каждый день – разный.

В 11 пришел Х⁹¹. Живой интересный разговор. Дал характеристику молодой армянской поэзии. Маори и Чаренц⁹² произвели существенное изменение. Однообразие прежней рифмованной строчки они оживили движением ритма. Они стали писать ритмически. Работая над этим, нашли, что ритм существовал прежде в стихе, когда писали т<ак> н<азываемым> языком ..., который впоследствии заменился ...⁹³. В начале прошлого века произошел этот переход.

Х<орен> читал строчки только рифмованные и строчки ритмические. На слух – это еще первые попытки сдвинуть слово с силлабической размерности и пустить его в ритмический полет. В этом сказалось влияние русской поэзии. Перешли к Пушкину. Б.Н. много рассказывал о кривой «Медн<ого> Всадн<ика>»⁹⁴... Дальше темы шли, непрерывно сменяясь: ритм Маяковского, Есенин, Блок – на арм<янском> есть толь<ко> «12»⁹⁵. Брюсов «L'ennui de vivre»⁹⁶. – Х<орен> начал писать стихи: свои впечатления о Москве. Хотел дать вроде впечатлений Маяковского от Америки⁹⁷. Но не вышло. «Москву нельзя так брать – в ней есть что-то органическое, не вскрываемое так легко». – Перешли к «Москве»⁹⁸. Б.Н. – : *новые* «непонятные» слова... – Слова арм<янского> языка в общем длиннее русских... Иафетинская теория языка⁹⁹... – «На рубеже двух ст<олетий>»¹⁰⁰ – прошлое Э.Бескина («Раннее утро») ¹⁰¹, Мейерхольд¹⁰², Мих<аил> Ал<ександрович> Чехов> ... – Незаметно проговорили до 2.

– Обед. – И после обеда толпленье, волненье. Гроза помешала поехать в сад, куда нас приглашали пить чай. Вместо этого просидели у нас в номере с М<артиросом> С<ергеевичем> и двумя поэтами¹⁰³.

– После 8 <часов> М<артирос> С<ергеевич> и Б.Н. пошли в кафе поговорить. Б.Н. вернулся взволнованный. Было трудно все объяснить. Но все же М<артирос> С<ергеевич> понял и успокоил. «Все будет хорошо». Так и решили: успокоиться... Сейчас сидим за чаем. Опять появился Стржиговский. Читала Б.Н. свои выписки. Основная мысль Стрж<иговского>: нужно прорвать кольцо Средиземного моря и пройти на Восток и на Север. Нужно выйти из ограниченности этим пределом (т. е. Римом, в конце концов) и выйти к всемирно-историческому горизонту. Отказ от Востока – означает слабость и бессилие сознания. Иран – колыбель европ<ейской> архитектуры. Армения – посредник. Она передала на Запад в Европу восточно-

иранские формы. То, что на Востоке развивалось одновременно в разных географических областях, – в Европе стало сменой «стилей» во времени. Вопрос теперь не в том, «Восток или Рим», «Восток или Византия», а в том, захотим ли мы вернуться к своему *настоящему* прошлому...

13/V

День полного смятения. Снова решили уехать. Вчера Б.Н. пришел от М<артироса> С<ергеевича> усталый, но успокоенный: «Все будет хорошо. Комнаты в Дарачичаге будут... Поездки – будут». Утром заходил М<артирос> С<ергеевич>. – Очень хорошо говорили об арм<янской> архитектуре и т. д. Б.Н. рассказывал о своих «школьных» годах. М<артирос> С<ергеевич> заинтересован схемой эпох¹⁰⁴. – Решено: мы остаемся. А вечером: опять перерешение. Уезжаем. Условия Армении не дают главного, что ищем: уединения и природы...

14/V

С утра встали с тем же решением. Телефонировали М<артиросу> С<ергеевичу>, что нужно с ним говорить. Его нет дома. Ждем телефона от него. Он пошел узнать, есть ли авто в <Герусы?>. Решение наше твердо. Но как все это выйдет – не знаю. Эти дни нас совершенно издергали. Хочется одного: где-нибудь утихнуть. <...>¹⁰⁵

– Говорили с М<артиросом> С<ергеевичем>. Он с грустью – но согласился. Мы уезжаем из Эривани 21-го: через Тифлис на побережье, м<ожет> б<ыть>, в Шови¹⁰⁶ и Красную Поляну. – Заходили в библиотеку. Взяли несколько книг по персидскому искусству. Одно: прекрасное издание Henry Rene d'Allemagne «Du Khorassan au pays Backtharis»¹⁰⁷. – День чудный. – Условились с М<артиросом> С<ергеевичем>: завтра ехать в Баш-Гарни и Гехард¹⁰⁸ – на фазтоне. –

Вечером заходили к Левоньяну. Он принес целые груды снимков. Особенно запомнились развалины Ани. До сих пор приходилось лишь видеть снимки с отдельных зданий. Дико, сурово. Красиво. – Л<евоньян> очень застенчивый, или скорей диковатый. Но сквозит что-то доброе, – хотя и не вполне здоровое. Он любит Штука¹⁰⁹. Хозяин радушный. Усадил нас на террасе в прекрасный цветущий садик. Сам хлопотал о чае. Напоминает Вадима Т.¹¹⁰: та же стыдливая нежность души под внешней суровостью. Мы тихо сидели с Б.Н. над душистым садиком. Кое-где сквозили серые глиняные стены – домов и заборов... Но зелень врывалась отвсюду и перебрасывалась

через все ограды... Высоко на прозрачном небе, зеленовато-голубом, какого у нас никогда не бывает, повисал молодой месяц – с какими-то закругленными, как восточная туфля, концами – каких тоже у нас не бывает. Верно, воздух другой. – Вернувшись, укладывались в завтрашний путь. На этот раз довольно мирно. – Как-то съездим! Только бы погода была к нам милостива...

16/V

Только что вернулись. Такие минуты редко бывают. Почти полное счастье и освобождение от всего: через совершенную полноту сознания... Кажется в этот момент: ничего больше не нужно. Пусть на время, на короткое время... Где мы были? Что мы видели? Что пережили? Как-то нелепо и дико скажу: были во времени и пространстве. Вернее: время и пространство раскрыли нам нечто от своего существа – как они живут в том организме, который мы называем «земля». И пространство провеяло нам из венца белоснежных вершин, приподнявшихся из-за краев плоскогорья в 100 и в 1000 раз больше «коджорской площадки»... Горизонт на многие сотни верст... а над ним с неба, сгущаясь, точно кипящий поток из раскинутых крыльев... все мельче и мельче сплетенье снежных струй, все нежнее пенное кружево, казалось, тающее на глазах... Снега пели, передвигаясь зубцами и гребнями, – точно хорал звучал от земли в небо и с неба на землю. Арарат же и Алагез, как две «bekartende»¹¹¹ ноты... как настойчивый звук, упорно, ритмический проходящий сквозь все...

Пространства раскрылись как бесценная шаль розово-голубая, изумрудная и золотая. Жемчужная кисея дымки смягчала цвета и рисунок; и все сливалось в тончайший плат, брошенный из Персии к ногам Арарата – его не касаюсь.

Это вид на отрывке дороги Норк-Джервез.

И... встреча с временем в церквах Гехарда. Ширь пространств, отражающих вечность, здесь излилась в глубину и застыла в потоке веков. Здесь «эфирное» прорывает физическое в скрещении вертикали с горизонталью. Этот крест – христианство и храмы Гехарда, словно чаши, всецелые сверху, с поверхности в глубину скал. Там расцветшие колоннадой и резьбой алтарей... Из XX века глядишь в век 12... 9... VII и дальше, и дальше...

Норк-Джервез и Гехард... Пока еще могу лишь нечленораздельно повторять имена и не в силах выразить ничего из того, что они поднимают в сознании. Ясно одно: здесь касаешься живой сущности,

касаешься духа того, что залеплено в сознании современных армян. Их слова скорее отводят, уводят в сторону. И только толкаясь о них, от них отталкиваясь и сквозь них пробиваясь, приходишь к этому страшному миру, откуда звучит «Я есмь»... И тогда знаешь: войти в этот мир можешь ты только силой покоя и концентрации мысли, сдерживая все взрывы и «извержения» чувств. Пока еще нет покоя и нет концентрации. Сознание еще слишком взволновано прикосновением к тайне Армении. Россыпь памятников может остаться россыпью археологии. А ты знаешь, ты чувствуешь всем существом: целое их, их живой организм выстанет тебе в христологии... Но: надо ждать. Надо, чтобы слово Армении согрело в душе. Надо укрепить свою душу... Нас бросают о стены «памятников», нас бьют о камни «развалин». А нам надо услышать душу тех, что в них молились. Услышать, о чем были их думы... увидеть их в их молениях... Не камни нам нужны, а души. Души...: так как история протекает не в кусках окаменелой земли, пусть прекрасно изваянных. История течет в душах... Первый раз эта встреча с «душой» – предчувствие встречи: было в храме св. Иоанна-Крестителя за Аштараком. Вторая была – в Гехарде... О чем они молились? Что они знали?.. что они несли в жизнь? с чем ушли... Эти души – великих святых, просветителей и строителей... обстали нам душу. Их присутствие явно до вздрoga. Но покрывала их спущены... или ты стоишь среди них в покрывале... Смятенной душевности твоей не отразить в себе их благих, святых ликов. И вот из сердца вырывается молитва к ним... – Так поставили мы свечи в полутемном храме Гехарда. И затихли, внимая непривычному нам, напевному речитативу священника...

17/V

Ничего не удалось записать... Весь день необыкновенная бурность и радость. После Гехарда можно уехать с чувством некоторой законченности. Этим приезд наш уже осмыслен. До сих пор мы видели как бы сложенные вместе куски Армении, – но политые лишь «мертвой» водой. Гехард и Гарни брызнули водой «живой»... И все изменилось. Пролился смысл. Вошла жизнь. Не архаический «миф» – а «быль» Армении прозвучала. Прозвучало, что эта *быль есть*. И теперь уже дело времени, чтобы она вошла в сознание. Сколько мучительных дней и часов провели мы перед Арменией – «камнем». Мучительных потому, что «камень» как камень не удовлетворял... – После обеда зашли к М<артиросу> С<ергеевичу>. Встретились радостно, сближенные вместе пережитым. Эта поездка совсем уже внесла простоту в отношения. Взяли карточку: мы снялись вчетве-

ром в дверях храма Гехарда... – Вечером заходил ненадолго Ованесьян¹¹² (поэт старой школы, известный), очень хороший старик. Приглашал к себе завтра на чай. Рассказывал, какое сильное впечатление производит Ани тем, что издали видишь крепкие стены, из-за них очертания домов, куполов, башен. Кажется: там – кипящий жизнью город. Входишь в крепкие, хорошо сохранившиеся ворота, и – ... отступаешь в удивлении. Перед тобою груды и груды развалин. Разрушение... смерть. Ударяет контраст. – Перед сном Б.Н. читал свои «протокольные» записи. Ими сам недоволен. По-моему – хорошо. Ведь, действительно, трудно передать то, что мы видели. Слова сейчас же складываются в избитые гримасы. Получается олеография. Нужно найти какой-то словесный «прием»... А какой...

Прочла интересный роман В.С.Могэм «Луна и шестипенсовик»¹¹³. По-видимому, импровизация на жизнь Гогена. Написано хорошо. Умно и сильно. Чарльз Стриклэнд – имя героя. Но... при чем «луна» и при чем «шестипенсовик» – мы так и не могли угадать. Верно, «свободный» перевод!? ...

Радуемся, как согрелись мы за время пребывания в Эривани. Погода – для нас – сказочно прекрасная. Почти все дни ясные. Утром – чудесная свежесть, когда откроешь балконную дверь... Днем жарко. И часам к четырем – в номере делается душно. А с семи – уже опять хорошо. И в девять – отрадная свежесть. Луна теперь. Иной раз не уйдешь с балкона... Вблизи огоньки и темные массы деревьев... Вдали – четко-легкие очертания Алагеза...

18/V

Хочу все же попробовать записать свой «протокол». Совсем кратко. – Ночью почти не спала. Боялась не встать вовремя. Опять-таки некого было попросить нас разбудить. С вечера где-то напротив был пир. И часов до четырех пели, плясали, орал граммофон, лаяли псы, кто-то визжал, кто-то хлопал в ладоши, верно, в такт танца... Казалось, что все это – здесь, у нас на балконе. ... А проснулась – в пять. И уже боялась заснуть, чтобы не проспать. – Без четверти шесть разбудила Б.Н. Он еще должен был занести к С<арьяну> пакет с деньгами и документами. – В семь уже выехали: на фэтоне. Нас четверо, пятый возница. Это стоит 35 рублей. – Небо безоблачно. Раскрыли зонтики. И заломались изгибы подъема в селение Норк. Ехали среди садов. Все цвело и зеленело. От солнца лился жар... но и радость. Въехали в улочки Норка, висящего на обрыве над Эриванью. Безоконные стены, плоские крыши... За Норком открылся простор. Мы ехали по высокому взгорью среди растущего во

все стороны горизонта. Влево – шли склоны к ущелью, по которому мы уже как-то ходили с Б.Н. А за ним – ряды подъемов, уходящих в миры Алагеза и в пояс Гехар-Куника. Две горы, Ара и Семирамида, выступали отдельно, ближе к нам... Сзади сжималась и пряталась под отвесами Норка от нас Эривань и раскрывалась долина Аракса – на много верст. Там сгущался очерк Кара-Буруна и дальше еще – на горизонте, стремясь к Арарату, шли посеребренные сверху и фиолетово-синие внизу гряды Агри-Дага... Направо – сверху из неба плыл над Эриванской долиной легкий огромный ковчег Арарата... Жемчужно-опаловый пояс отделял его от земли ... Впереди – линии восходящих подъемов. За ними – цель нашей поездки... пока еще скрытый Гехард. Душа, изливаясь через глаз, – росла среди этих просторов, неслась во все стороны и казалась огромной и легкой.

По временам, на подъемах сходили с экипажа и шли пешком. Жаворонки звенели в воздухе... Под ногами ковровые пестрые камни. Б.Н. был в восторге от них. Подбегал то к одному, то к другому – и приглашал любоваться... «Взять бы в музей!.. там показывать! Ведь это же ценность... Смотрите! смотрите...» У меня же срывалось одно: «Красота!..» – «Что вы говорите олеографические слова!» – сердился Б.Н. – «А что же еще могу сказать. Хотелось бы громко кричать и бегать от восторга... Но ведь нельзя... Остается одно и сказать: “Красота!” Что-то такое вкладываешь в затасканный звук: “красота”...»...

Едем медленно. Фаэтон скрипит и подпрыгивает на камнях. Наши удобные «дамские» места мучают нас с Л<юси> Л<азаревной Сарьян>, когда видим примостившиеся напротив, полувисящие фигуры Б.Н. и Сарьяна... А перемениться... ни-ни! М<артирос> С<ергеевич> даже не слушает. Б.Н. поднимает крик: «Мне хорошо – оставьте! Мне очень удобно, – так я все вижу!». И вскакивает на подножку, и вертится во все стороны... Нет уж, – лучше оставить!.. Солнце жарче... Сгибы круче. Они непосредственно переходят в овраг – дальше в ущелье... а дальше: висит уже воздух. Вся правая сторона вдруг отпала, и мы повисаем, подпрыгивая, над широким пролетом, где земля стала радугой, – стала радужным воздухом смешанных красок. Пестрые пятна сливаются в дымке... глубоко, далеко, – там вправо внизу. словно смотришь на них сквозь жемчужно-молочное покрывало прозрачных кисей. «Какая нежность!» – опять вырывается у меня... Никто не отвечает. Каждый полон своим...

Б.Н. и М<артирос> С<ергеевич> почти все время идут пешком и порой, сокращая дорогу, черными черточками карабкаются вдали по горбу. Б.Н. забирается на самый верх и там застывает... Зовем его...

Неохотно идет... Едем дальше. Лошади мокрые. «Скоро ли перевал?»... «Доедем», – улыбается кучер. А слева придвинулись уже горбастые громады и закрыли простор. Мы лепимся по узкой дороге... глаз упирается в серо-зеленые вскаты. Линии их легко улетают, неся с собой глаз. Какие-то гиперболы, параболы, куски лемнискат¹⁴. Геометрия «кривых» ритмически чертится в бледной прозрачности, точно на жидком стекле... Красок нет. И линии проступили. Но они очерчивают не «массы», не «тела». Их нельзя назвать контуром. То, что очерчено ими, так же безвесно, как воздух. Разница только в оттенках: там бледная от жара и солнца голубизна. Здесь – бледная от жара и солнца серо-зеленость... Грызём сухой лаваш – не успели ничего поесть перед отъездом. «Педагогически» нужно наполнить желудок... Все ближе, все выше воздвигается левая сторона. Давно уже не видно Гехар-Куника, Семирамиды и Ары. Сзади лишь Алагез белоснежным застывшим каскадом кипит через весь горизонт, разливая кружево пены на коричнево-черно-зеленый подстав своих обширных миров. Арарат тоже срезан. И сел, точно белая шапка-скуфья, на очерк горбатины... Зато радужные чудеса просто непереносимы становятся, топя глаз в своей бездонности. Теперь это даже не воздух, а... море. Такими шелками горело оно иногда в Цихис-Дзири... И вот: в его легкую светопись (шелка) вдвинулась новая светопись (бархата). Выбегая откуда-то сверху и слева, сбегая и тая – возникла там новая сказка вертикалей над горизонталью. То хребет ущелья Гехард: фиолетово-розовый, пропятненный густосиним – до индиго, ярко-желтым – до золота и серебряно-белым... Что это? Неужели земля? неужели гора... цепь гребней?.. Или это чья-то огромная медитация, протянутая из далеких высоких глубин и склоненная, устремленная к подножию Арарата. Точно кто-то вдали из ущелий посылал свою раду-гу-мысль, и она припадала к ногам святого виденья-гиганта... Трудней и труднее дорога. Крепче жар. Но мы как-то не замечаем эмпирики наших тел... Вачхаберт – поселок у отвеса серо-желтой стены, – уже за перевалом. Описывать перевала не буду, чтобы не повторять Б.Н.

19/V

Вчера не пришлось ничего записать. Весь день ходили из дома в дом: там обедали, там пили чай, там ужинали. Везде было сердечно, просто, интересно. Но: хорошо, что мы уезжаем... У М<артироса> С<ергеевича> почему-то Б.Н. раздражился (верно, кто-нибудь из присутствующих ему «мешал») и стал говорить о социальном ритме и тексте, о строении человеческих отношений по закону Δ $\square$ $\star$ и

т. д., о том, что мы ничего не знаем, а обо всем судим. Указывал, что книга Толстого «О жизни»¹¹⁵ никому не известна, а все мы «знаем», что такое Толстой... и т. д.

– М<артирос> С<ергеевич> показывал свои этюды: только что сделанную «Глицинию»¹¹⁶ и прошлогодние: пейзажи зимний и осенний в Эривани; букет полевых цветов, ущелье, абрикосы¹¹⁷... Особенно хороша «Глициния», букет и ущелье, абрикосы. Краски чудесны. Свет очень хорош. «Букет» поразила напряжением разбрасывающей центробежной динамики¹¹⁸. Цветы взяты без вазы, она сливается с фоном – серо-васильковым. И огромные звезды, прорывая его сквозную дымку, точно вылетают и летят во все стороны. Эвристически: h¹¹⁹.

– Ближе приглядевшись к картинам М<артироса> С<ергеевича>, можно сказать, чего им недостает. Может быть, буду очень смела и субъективна. Но: – недостает перспективы. Все как-то придвинуто к раме и стремится скорее выйти на вас, чем вас увести. Т. е. если дана, например, даль, то она идет обратно, вылезая из рамы. В «букете» динамика та же: он вылетает из рамы. Но там это хорошо. В ландшафтах же с далью – это дает чувство спрессованности, а потом и выворачиванья наизнанку. – Статика, застылость. Хочется бросить эти линии в движенье, чтобы они полились и запели. Они немножко слишком спокойны. Глядя на «Глицинию», вспомнила «Сирень» Врубеля¹²⁰. Как там все живет сквозной тенью и светом. Кажется, видишь, как пробежал ветерок и все заструилось. Движенье не прекращается, – сирень живет... – Впрочем, может быть, просто это мне так кажется. Ведь мое суждение – сужденье профана. Да и разобралась в этом впечатленье – не сразу.

– Едва вернулись домой, зашел О<ванесьян>¹²¹, чтобы увести нас к себе. Он живет в двух шагах. Но пройти к нему можно, лишь пройдя по Обавяну¹²² и загнув назад по кривым проходикам. Вышли в чудесные персидские ворота из пестрых кирпичиков и оказались в уютном саду. Вышла старушка-хозяйка, приветливая... Обошли сад. «Вот миндаль, вот ренглоты, вот грецкий орех», – показывал О<ванесьян> и рассказывал историю каждого дерева. «Не могу жить без своего хозяйства. У меня еще сад по дороге на Эчмиадзин. Там – виноград. Когда поспеет – прошу на виноград»... На веранде стоял уже стол с приготовленным чаем. Разговор завязался. Профессор М.¹²³ – зять О<ванесьяна> – крупный «ассириец», симпатичный и живой, рассказывал Б.Н. об Эриванском университете, – дело идет хорошо; все еще только в начатке¹²⁴. Главное, нет средств, а потому и людей. М. увлечен своей работой, и без слов о «великой» стране, а

просто с горячей человеческой любовью к родине говорил о том, как трудно, но как интересно работать. Выяснилось, что он знает Н.Ф.М.¹²⁵ – тот теперь сделался украинцем. Говорит на украинском языке. И М. был удивлен, когда <я> сказала, что Н.Ф. – донской казак... М. занят теперь еще основанием общества «Турист» в Эривани. «Вот приедете в августе, мы вас везде провезем. У нас все уже будет налажено...» Кончилось все же изложением Б.Н. своего метода счисления, ритмом, «Медн<ым> Всадн<иком>» – был уже девятый час. Нам предстоял еще ужин у А<куньяна>¹²⁶ – наскоро зашли в отель – переодеться: посвежело, а мы были одеты слишком легко.

– Вернулись от А<куньяна > уже в третьем часу – в первый раз за все наше пребывание в Эривани. Но время прошло незаметно. Сначала – рассказы Б.Н. об Африке, Тунисии... Уж не знаю, как всплыла эта тема. Потом – перейдя через ряд других – опять-таки докатилась до вопросов ритма, языка, формы, содержания. Здесь сказалась разница поколений. То, что Хорен понимал с полуслова – «звук» как первооснову творчества, – было совсем не понятно. Просто нет уха. Один даже заявил: «Для меня существует только образ. Звук мне не нужен. И даже мешает... Читать нужно только глазами» (в ответ на восклицанье Б.Н., что читать «глазами» – признак некультурности)... и т. д. Впрочем, все это вполне дружески и беззлобно. Так же не мог Б.Н. объяснить, почему поэт имеет основание разбивать строчки: это определяет интонацию, дает паузу, выделяя удар. – «Не нужно мне указаний от автора. Почему вы думаете, что знаете лучше всех, как нужно читать то, что вы написали?» – («может быть, может быть!») – соглашался Б.Н.) и т. д. ... Наконец Б.Н. вскипел. И ниспровергся потоком, – «о непонятности», о «просвирне», о будущих дикарях, о творчестве для масс, о поэте-хореге, ритмизаторе, организаторе и т. д. Слушающие воспринимали разное. Большинство – начинали что-то схватывать. И, пожалуй, лишь публицист А., старичок О. да еще один безмолвный, крупный человек – не знали: о чем это он? Но симпатий это ничуть не нарушило¹²⁷.

Часы проходили легко, незаметно. Подали ужин: зелень, рыбу разных сортов, люли-кебаб и яблоки... Разошлись с пожеланиями снова встретиться в августе. Получили приглашение от наших хозяев навестить их тогда в Дарачичаге... Б.Н. очень доволен, как сложилось общение с армянами. Ему интересно. «Не то что грузины. Там не поговоришь, не поспоришь. Все только слушают застольные речи. Один Робакидзе¹²⁸ из них “говорит”».

– Дома еще обсуждали с Б.Н. впечатления дня. Теперь я уже начинаю видеть, что такое армяне. И в общем скажу – с ними нам лег-

че, чем с грузинами. Там объединяющим является застольная беседа и непременно – вино. Кто не пьет, тому трудно войти в общий ритм... У армян есть вопросы, есть заинтересованность и активность. Их увлечение Арменией не мешает найти человеческий тон. Они – демократичны – в общем. У них нет «родовитости», «породы»... Но они ближе к самосознанию. В них не душа ощущающая, как у грузин¹²⁹. Все они в той или иной мере – уже *Verständes-Séele*¹³⁰. И вопросы *Bewußtsein*¹³¹ для них не снотворное средство. Правда, сами они их еще не ставят. Но среди молодежи особенно – судя по Хорену – они уже назрели.

Продолжаю запись поездки в Гехард. – Набрал в бутылки воды и напоив лошадей, тронулись дальше. «Смотрите, какая разница, – показал М<артирос> С<ергеевич> на зеленый овражек, с травой чуть не по пояс, – здесь протекает вода. А – рядом неорошенное место – и там: ни травинки...»

– Из долины Вачхаберты поднимались, огибая высокий склон. Дорогу прорезали огромные базальтовые ступени. Мы вышли, и лошади, скользя, потащили по ним фазтон. Вещи мы привязали, чтобы не вывалились на толчках... Начинался спуск к Гарни. Левая сторона уходила от нас рядами мягких, точно японской тушью сделанных очерков: серое с дымчато-черным. Местами его просекали черно-коричневые вертикали отвесов. И в них – провалы пещер беспорядочными рядами... «Там жили когда-то», – указывал М<артирос> С<ергеевич>. Но невольно взгляд тянулся и падал к мягким бархатам ущелья Гарни... Порой открывалась с подъемов долина и в ней уже очерки плоских крыш, группы деревьев: селенье Гарни.

– Мы устали. Истомила жара. Спуски крутые, и мы шли пешком. Лошади приседали, сдерживая накатывающийся на них экипаж... «Скорей бы доехать. Ведь мы в дороге почти шесть часов...» Все трое под зонтиками. Только М<артирос> С<ергеевич> подставлялся под солнце. И лицо его сделалось медно-красным. «Ведь ни облачка! Берегитесь, М<артирос> С<ергеевич>», – волновались мы с Б.Н. – «Солнце – ничего. Солнца не нужно бояться. Оно никогда не вредит. Только полезно...», – возражал убежденно М<артирос> С<ергеевич>. Кругом сушь. «А ведь это – поле! посев», – протянул свою руку М<артирос> С<ергеевич>. И видим: россыпь камней и среди них редкие сухие тычечки, почти не зеленые, серо-желтые. Так выглядит у нас нива после жатвы. Но бесконечно гуще, обильнее остатки срезов жнитвы у нас. Да и торчат они из зелени. Здесь же – камни и камни. Удивляемся. «Вот это труд! Не земледельцы, а камнедельцы...» – «Да! другой земли нет...» Возле дороги, над камнями

золотится на солнце цветок. «Это ирис!» М<артирос> С<ергеевич> срывает и подает. «Ирис! но ведь ирис бывает лиловый или белый! А этот – коричнево-черный с желтовато-серыми верхними лепестками». – «Он взял краски из того, что его окружает». – «Он скорее похож на камень, чем на цветок». – «Все одно и то же: растительный окрашивается в тона данной местности... или непосредственно, или по контрасту...» – «Природа все же самый великий художник...»

Но идти жарко! С нетерпением смотрим: когда же конец... И кажется спуск бесконечным. Смотришь кругом, чтобы скрадывать время. Под нами, точно к нам поднимаясь, сухая долина Гарни, только справа зеленеющая садами в сторону склонов хребта. А прямо за нею опять воздвигаются очерки <так!>, горбатые, серо-желтые. «Там, за ними: Гехард!» Но сейчас мы не думаем о Гехарде. Лишь бы где-нибудь укрыться от солнца. «Остановимся под деревьями, – предлагает Л<юси> Лаз<аревна>, – хорошо отдохнем прямо так, на траве...» Но мы все не согласны. «Нет, нет! нужно под крышу. Нужно куда-нибудь спрятаться от солнца!» – «Да есть ли здесь что-нибудь для остановки?» Спрашиваем встречных крестьян. Кто-то советует ехать к священнику, кто-то в школу, кто-то: в кооператив!.. «Нет! не подходит!» Становится грустно. Неужель ничего не найдем. А мы уже въехали в улочки. Стало душнее, пыльнее. Томительно прыгаем с кочки на кочку, верней, с камня на камень. Камни везде...

Неожиданно один из крестьян приглашает к себе и идет впереди экипажа, показывая путь. Свороты, завороты, повороты! «Стой!» Выходим. Идем пешком – не то дворами, не то пустырями. Прыгаем через канаву с водой... Пришли! Нас встречают радушно. Но войти сразу нельзя. Хозяйка спешно подметает в нашу честь свою комнату. И оттуда пыль столбом. Минуты под солнцем кажутся бесконечностью. Кружится голова. Бросаюсь под какой-то навесик. Но там – теленок... К счастью, метение кончилось – и мы в прохладной, довольно высокой, но совершенно пустой – кроме трех тахт, поставленных покоем, да стола между ними – комнате. Единственное украшение: гора подушек и тюфяков, да керосиновая лампочка, подвешенная высоко на стене. Тотчас развязываем подушки и укладываемся. Л<юси> Лаз<аревна> ведет переговоры с хозяйкой. Обхватывает дремота. Когда открываю глаза – стол уже полон: чайник, мацони, яйца, молоко, лаваш... Закусив – все кажется очень вкусным, – опять засыпаем... «Ну, пора! идемте посмотреть развалины Гарни. Дворец Тиридата. Римская стройка...»¹³²

Но давно уже у меня явилось странное чувство: Гехард нужно увидеть мне первым. И если удастся – пусть увижу дворец на обрат-

ном пути. Цель *моя* – Гехард... И нельзя рассеивать впечатленья. Сперва это мелькнуло неясно. И удивило меня. Почему? Ведь даже не думала за день еще ни о каком Гехарде... Но мысль не уходила. И укреплялась. «Гехард ты должна увидеть первым. Это цель твоей поездки...» С изумлением слушала в себе этот неожиданный голос. И легко, без колебаний и сожалений решила: не пойду! Отговориться было не трудно: сославшись на солнце. Б.Н. почти не возражал. М<артирос> С<ергеевич> неодобрительно посмотрел, но сказал: «Как хотите! Будете после жалеть. Всегда так в дороге: охватит усталость, откажешься, не пойдешь, не посмотришь. А после жалеешь». И не могла объяснить ему своих мотивов, не могла сказать, что «жалеть» не буду, потому что делаю это не извне, а изнутри...

Они ушли. Оставшись одна, в тишине, – как-то странно задумалась... Стало хорошо. И в душе звучало одно: Гехард! Гехард... беспокойство было только о том: попадем ли в Гехард. Ведь все пугают дорогой. Говорят: до Гарни – это цветочки... А вот от Гарни до Гехарда!.. и выразительно умолкают...

– Время прошло незаметно. И минут через двадцать – так мне показалось – влетает Б.Н. Вижу, взволнован. Но не подаю вида и спрашиваю: «Ну что?» – «Что!?!.. А вот то, что вы даром тащились 6 часов, – раздражается буря, – тащились, чтобы не увидеть цели поездки...» От волнения и гнева на меня не может ничего рассказать... а только осыпает горькими и громкими упреками... М<артирос> С<ергеевич> с грустью покачивает головой: «Да, жаль, что не увидели. Такого грандиозного зрелища в Армении – почти не знаю...» И не могу им объяснить, почему мне несколько не жаль. И если бы они предложили вторично пойти – «до» Гехарда все равно не пошла бы!

– Но уже поздно. Половина четвертого. И нужно спешить. Быстро складываемся. Идем к экипажу. А вот уже снова подпрыгиваем и перекачиваемся, тихонько карабкаясь вверх... Солнца нет. Облака затянули все небо. Все тона изменились...

Вечер «ханши». Персидский дом, стиль комнат, одежда. Парча ярко-синяя с букетами, затканная золотом. Короткая пышная юбка. Широкая кофта, шелковая розовая рубашка. Чадра – праздничная, прозрачная, затканная золотом. Для улицы – из непрозрачной, но легкой материи. При каждом движении красивые складки. Альбомы: карточки ханов и ханш... Комната – бывшая зала. Вся в росписи, с большим цветным окном во всю стену. Пестро. Но не надоедает. Глубокие уютные ниши в толстых стенах. Чудесные графины с тонким узором... – Красивое лицо ханши, с большими умными глазами,

белым лбом и тонко очерченным носом. Тонкие длинные пальцы. Держится просто, с достоинством – и с чуть заметным восточным жеманством. Заговорили о том, что с нее хотят сделать модель для Этнографического музея. Но она отказывается: «Если наши увидят меня, то убьют: как я позволила чужому мужчине увидеть меня без чадры...» – Среди роскоши прежней залы дворца – современность: кровати, туалет, на стене детское платье – черное с желтой каймой. 1-го мая мы видели «октябрят» в таких платьях, значит, и ханская девочка была среди них... Вместе с нами зашел и Фортунатов¹³³ – заведующий ихтиологической станцией на Севане. Совсем молодой, с голубыми глазами и чисто русским лицом. Загорелый и четкий. К Б.Н. подходил он с волнением, прикрытым уверенной сдержанностью. Он – слушатель лекций Б.Н. в Москве <19>20 и <19>21 года. Товарищ В.В.Гольцева¹³⁴. – Нужно было еще идти к Таманову. Но – записи о Гехарде не кончены. Отъезд надвигается. Завтра последний день. Не пошли, – хотя, может быть, этим создали «обиду». – «Это единственный человек в Эривани, который останется обиженным... – вздыхал Б.Н., – но что же делать. Всегда кто-нибудь да будет не на пути. Так в Тифлисе был Ингороква¹³⁵, хотя именно он вызывал чувство симпатии...» – Б.Н. очень сердится на свои заметки: «Ничего не выходит. Разучился писать. Какое-то нагромождение слов без смысла. Картины не получается...» – «Но зато дано так подробно. Развернута вся лента пути. У меня, начиная с перевала, все смазано. Сказалась усталость. И этот кусок остался лишь в ряде мелких черт придорожной каймы... Окружение же как-то истаяло в раскале, в усталости...» – «Нет! не могу. Это косноязычие какое-то. Слов не хватает. Хоть слов и написано много».

20/V

Уже чувствуется отъезд. Раскрываются чемоданы. Надвигаются вещи. Что? Куда? Как уложить? О, если бы можно было ездить без вещей. Удручает их россыпь. Откуда только берутся! – Отнесли в библиотеку книги. Простились: до августа... – Б.Н. пошел в кооператив: выудить чаю. Мой путь: за лавашом. Обожаем лаваш! «Портки» – как его называли когда-то солдаты. Завернуть в него сыр с душистой травкой – и лучший завтрак! «Совсем горгонзола!» – восхищается Б. ... – Да! Уезжаем. И жаль! Пожалуй, такого тепла, такого солнца уже не увидим. Да и помучиться придется среди билетных касс, гостиниц, багажей, поисков всякого рода. Заранее готовимся встретить худшее. Знаем, не раз будет охватывать отчаянье. «Кавказские» настроения развернутся в неделях... –

– Не знаю, записывать ли? Б.Н. опередил меня, и, прослушав его, как-то лишаюсь энергии. Ведь им сказано все. Придется почти повторять... Может быть, бросив систематику, просто отмечу несколько отдельных картин, чем-то запавших мне в память... Синевато-серый полусумрак. Со всех сторон молчаливые громады каймят горизонт. От них веет покоем, и далью... Мы... наш фэтон, кучер, лошади... карабкаемся, как черные мушки, по кривизне. Все в напряженье: доедем ли? Толчки и скачки непереносимы. Предпочитаем идти... Наше смятение словно подчеркнуто величавым спокойствием гор. Отрешенность, безмолвие ушедшей в себя медитации. Вслушаться бы в нее... Но какое! волны тревоги вскоре становятся «волнами в самом деле»... Наш фэтон, точно коробочка, бьется в кипящем потоке. Нырять, нырять, и... стал. «Откуда вода? почему нет дороги...» – «Да канавы прорвались и выбрали себе руслом дорогу...» – ?! – Переживаем острый момент, острый до вздрога во мне: «Неужели Гехарда не будет!?»

Но, как чудо, помощь пришла. Крестьяне из ближней деревни. Полные сочувствия нам. Обнадежили: «Здесь только трудно. После дорога хорошая... гладко поедете...» И показали рукой, как мы покатым. Выходило по-нашему: «скатертью дорога...» Но мало того: влезши в воду, они принялись помогать лошадям. И вскатали-таки фэтон по откосу среди пены и брызг. Один поскользнулся и руку поранил... Но экипаж был спасен... Кое-как по камням допрыгали и мы до него... Дорога наметилась. По сравнению с тем, что осталось за нами, она действительно «скатерть»...

...Едем вверх... едем вниз... Сумрак не сумрак. Солнце скрыто от нас горными гребнями. В поворотах порой открывается щель; и в нее там, на западе, все золотое, струистое. В этом струенье Аракс блестит кусками расплавленного стекла. И кажется, что он течет с неба... Слева понемногу придвигаются к нам громады и словно с вопросом глядят: кто такие? с чем едете? что вам здесь нужно?... Строго торжественно... В сердце опять зазвучало: «Гехард...»

Но... слышим крик... Это к нам. Слов понять невозможно. Кричат издали и что-то указывают... Кто-то бежит к нам. Кажется, что великан... С камня на камень шагает иль прыгает. Вот уже видно, что двое их... один ребенок. Вот уже видно, что с ними собака... Мы поджидаем. Подходит пастух. Станный вид. Это какой-то Вельфинг иль Вельзунг¹³⁶. Огромного роста. Глаза голубые. Лицо сурово и дико. «Проехать нельзя: под монастырем путь размыт...» Нельзя! «Нет! невозможно!» – готов крик вырваться во мне. «Так едем скорее назад! чтобы добраться до Гарни до ночи», – предлагает

Б.Н. Но М<артирос> С<ергеевич> не хочет и слышать. «Какое Гарни! едем сами. Посмотрим, что там?» Что-то кругом есть такое, что вливает уверенность. В момент колебания как-то особенно прекрасны короны, венчающие весь горизонт перед нами. Солнце горит на них. И они сплетаются в общий венец – червонного золота, вознесенный над ущельем Гехарда, которое скрыто от нас в складках золотом затканной мантии... «Едем!..», – и только что тронулись – новая встреча. Снизу подходит старик, с ним ослик и мальчик. Кричим ему: «Можно проехать в Гехард?» – «Можно, можно!» – «А нам вот сказали: дорога размыта...» – «Да, была. Но поправили. Поезжайте! В исправности...»

Так переходим от отчаяния к надежде... и снова к отчаянью. И – к новой надежде! Да: путь этот запомнится. Он еще когда-нибудь расскажет себя... Пока мы еще слишком близко. Слишком ошеломлены...

(Записать о грозе ночью.)

21/V

Чувство грусти, – как всегда при отъезде. Жаль покидать тепло, солнце и – уже как-то налаженную жизнь. Простились со всеми сердечно. М<артирос> С<ергеевич> провел все утро с нами. Хороший он, – тихий и добрый. И – очень художник! Уехали не без инцидента. Первый день за все время сегодня – дождь. Вынули калоши, от которых уже отвыкли за три недели. И: конечно, забыли их. Б.Н. вспомнил на полпути к вокзалу. Остановили извозчиков. Мы с М<артиросом> С<ергеевичем> поехали дальше. Б.Н. вернулся в отель. В результате волнения и тройная цена извозчику. Зато сели удобно. И ехали прекрасно. Спутник по купе назвал какое-то имя и спросил Б.Н.: «Вы не Х?!» – «?!» – «Да это гипнотизер... Он недавно приезжал сюда...» – Почти до Джиджура¹³⁷ провели у окна. Первый раз проезжали этот кусок при вечернем освещении. И – что значит свет! – в первый раз увидели рельеф этой местности. Рассеянный дневной свет от 1 <часу до> 4<-х> делает все необыкновенно трезвым и прозаичным. Местность от Алагеза до Ани – первые подступы к Алагезу. Точно огромные лапы огромного существа. Захватывают до самого полотна железной дороги... огромные серо-черно-зеленые крабы растопырились на откосах – то отдельным круглым шишковатым торчком, то беспорядочной кучей... Лунный свет делал все призрачно прекрасным. Долго смотрели на огни Лениакана, который вскоре, как мы отъехали, возник перед нами блестящей гирляндой. Да громады стали закрывать его на мгновенье. Он же, пользуясь

первым ущельем, спешил снова выстроиться. Раз, раз, раз – !.. точно шеренга солдатиков – выбегали из-за темного очерка огоньки фонарей. Подъем почти непрерывен. И чем выше мы забирались, тем ниже спускались облака. К перевалу они заползали уже под нами, перекатываясь из ущелья в ущелье.

22/V. Тифлис

Поезд пришел в 9 ч<асов>. Сразу же, завезя вещи в гостиницу, бросились по делам: справки, билеты, покупки. Б.Н. купил себе летнее пальто. Очень доволен. Уехал из Москвы в тяжелом драповом и на третий день не знал уже, что с ним делать. – Взяли билеты на Батум: на пятницу в 6 утра. Обедали в немецкой столовой. Прекрасно. Есть вегетарианские блюда – сколько хочешь. Жалели, что в Эривани нет ничего такого. – День прохладный. Шел дождь. Но после эриванского солнца это даже приятно. – Едва вернулись с обеда – стук в дверь: Т<амара> Г<ригорьевна> и Н<ина> А<лександровна>¹³⁸ – ? – «Да, вот Тамара увидела вас с трамвая, позвонила ко мне, и мы бросились к вам...» – Восклицанья. Разговор – мясорубка. Завтра приезжают поэты. Условились встретиться. – Вечером ждали к себе Л<идию> П<авловну>¹³⁹. Но она не пришла. Недоумевали...

23/V

Опять прохладно. Весь день – люди. Приглашали нас отложить Батум и проехать в Кахетию. Но мы помнили прошлый год. Кахетия заставила нас томиться в Тифлисе и ринуться в Сачхери... – С утра заехали к Л<идии> П<авловне>, узнать, что случилось. Она еще спала. Оказывается, у Ляли разболелось ухо и ее нельзя было оставить. С 11 <до> 1 часу Л<идия> П<авловна> провела у нас. Потом поэты, обед. Потом Б.Н. настоял, чтобы купила себе «пеструю» кофтяшку... В пять – отвозим чемодан Б.Н. к Леонидзе¹⁴⁰: первое «отложеное». Наше путешествие всегда сопровождается рядом таких «отложений». Лишние вещи! Впрочем, первое отложение произошло уже в Эривани: огромный чайник и книги оставлены там... –

Ночью. –

человек предполагает... Таки остались. Взрыв всех планов. Едем только во вторник. Сейчас сидим у Т<ициана> Т<абидзе>¹⁴¹, куда перенеслись в одно мгновение, как бы во сне. Счета были оплачены, вещи сложены... Оставалось только уехать. У нас сидел Т<ициан> Т<абидзе> с Л<еонидзе>, обсуждая, куда ставить на хранение наш чемодан... До сих пор чувство ошеломленности и как бы «небытия»... Б.Н. долго не мог успокоиться, когда мы остались одни, и

говорил, говорил... Да! на Кавказе все так. Ничего построить нельзя. Нельзя проводить никаких прямых линий. А то будешь только лоб себе разбивать. – Кроме всего: нельзя было уехать – не позволило сердце. Столько любви к Б.Н. в этих людях.

24/V

Все еще ошеломленность. Но: хорошо. Н<ина> А<лександровна> и Т<ициан> так сердечны. В доме у них так легко. Милая, умная Нита; приветливая, сдержанная мать Н<ины> А<лександровны>. – И еще более ясно: раз пребывание наше открылось, уехать было нельзя. Слишком много значит для них встреча с Б.Н. Да и Б.Н. хорошо побыть с ними. Ведь это единственный круг, где он чувствует себя в среде литераторов и поэтов. – <...>

25/V

Взяли билет на Батум. – Много разговоров и встреч. В этот приезд чувствуется какая-то особая теплота, простота. И – как в прошлые годы не было, не выходило никаких разговоров, так теперь – напротив. Поэты поняли, что Б.Н. не годится для застольных бесед, для сидений часами за стаканом вина. Очень осмысленно проходит время. День уже как-то оформился. Встаем в 8–10. Утренний выход за покупками и по делам, или кто-нибудь приходит. В 3–5 обедаем в прекрасной «Германии», где отдыхаем среди обилия вегетарианских блюд. Потом – до вечера отдых. Сверх обыкновения, даже на меня нападает сон, – вернее досыпание, т<ак> к<ак> ложимся поздно. – Вечером сегодня были у Г.Р<обакидзе>¹⁴². У них большое несчастье. Сгорела от примуса в Москве сестра его жены¹⁴³. Оба потрясены. <...>

Квартирка у них прелестная. Чудесная комната – веранда с видом на весь Тифлис и горы. Что-то от южных немецких квартир. – Пока сидели, разразилась гроза с ливнем. – Недоразумение с Гр<иголом> разъяснилось вполне. Арчибалд *не остается* до конца своих дней в грузинской деревне. Конец случаен. Деревня – только временный отдых¹⁴⁴. Гр<игол> очень остро схватывает все, что ему говорит Б.Н. В нем тот же пафос и напряженность. Но в горе – все как-то человечнее. Заговорились долго. Б.Н. не хотел уходить, переходя с темы на тему. –

26/V *воскр<есень>*

Утром потянуло пройтись. После грозы Тифлис весь омытый, душистый. Солнышко... К обеду были приглашены к П<аоло> Я<швили>¹⁴⁵, но не пошли: внезапно заболела Т<амара> Г<ригорь-

евна Яшвили>. Вечер провели дома, с Н<иной> А<лександровной>. Днем еще она много рассказала мне о себе. Не успела вписать.

27/V

Утром – дела. Билеты на пароход. Рискнем ехать морем. Хотя... Потом зашли в банк взять по аккредитиву. Все шло очень гладко. Так гладко, что даже страшно: не было бы чего! – К после-обеда очень устала. <...> – Вечером должны были быть у Р<обакидзе>. Но очень устали. У Б.Н. болела голова. Решили просидеть дома. Весь вечер был Н.Ч<ернявский>¹⁴⁶. Напоминает Эллиса¹⁴⁷ и Волю Васильева¹⁴⁸. Разговор его с Б.Н. и Т<ицианом> – параллельно мой с Н<иной> А<лександровной>. Разошлись поздно, хотя <...>

28/V

Продолжение разговора с Н<иной> А<лександровной> и Т<ицианом>. – Навещали Тамару Г<ригорьевну>.

Ей лучше, хотя и нужно лечиться. – <...> – Обед. Паоло, которого этот приезд видели очень мало. – Авто, вокзал, выгон, отъезд... Милые лица, какие-то уже свои. Мелькнули в окне. Улыбки, возгласы. И в тихих сумерках понеслись к Мцхету. Радость при виде линий и красок Карталинии! Красота Джвари и Мцхета¹⁴⁹. Душистый свежий воздух в окна вагона... Едем легко. Спутники – милые. Барышня-бактериолог¹⁵⁰. Много бродила по Кавказу. Живая и культурная. Тип жены Ингороква.

29/V Батум

Весь день – на воздухе. Остановились в гостинице «Франция». Тотчас же на бульвар и к морю. Долго сидели на пляже. Море ласковое, нежное. Ехать будет спокойно... Были на турецком базаре: купить грецких орехов. Осматривали город. Какое чудовищное безобразиие. Дома как-то никчемно уродливы. Какие-то дико непропорциональные торчки, срезы, скосы и плоскости. Ничего подобного по безобразию никогда не видела. То же и лица. Напомнило Гарцбург¹⁵¹. Там тип ведьм... В Батуме <полно> каких-то дегенеративных уродов с выдвинутыми и вдавленными лбами, носами, челюстями. Впечатленье кошмара и бреда. Не город, а химера какая-то...

Ну и «батумская бухточка»! Угостила-таки. Перед самой погрузкой на пароход – часов в 6–7 – после тихого дня, вдруг взлетел ветер. И погнался, и погнался. Отплывали в спадающих сумерках. Ветер крепчал. Скоро стал ураганом. Говорили, что 10 баллов. Пароход наш – «Крым» – новой конструкции, делающий чуть ли не второй

или третий рейс. Огромный, океанский. Но почему-то все вместе на нем вызвало впечатление... гроба. Огромно, пустынно, безлюдно, никчемно. Чуть-чуть – зриванский «отель». <...> сверху из I класса доносился фокстрот...

...В Сухум пришли раньше, чем думали, так как в Потти из-за волнения не было остановки. Высадка... суматоха... Катер, мостки, багажи, контроли, марки, ре-марки! контр-марки... и далее, далее... Вылетели с носильщиком на пустынную набережную. Три часа ночи. Куда же? Кое-как устроились: в «Сан-Ремо». Гостиница очень хорошая. Но нас предупреждали: «Сухум процентов на 40 дороже Батума». Так и вышло...

30/V Сухум – Гагры – Адлер

В восемь выехали – на машине Закавтопромторга. Скандал с дамой из-за места. Она заняла место Б.Н. Первые впечатленья пути были испорчены. Б.Н. сидел почти в нервном припадке. Поэтому, может быть, дорога не показалась особенно красивой – до Гудаут. Новый Афон не понравился. Давит тяжелая стена-гора, отрезающая все перспективы. Зато Гудауты неожиданно порадовали. Расширился горизонт. Прибрежные склоны раздвинулись, и открылась далекая панорама снежных хребтов. Море отошло. Пересекали холмистый простор. Повсюду долины с домиками и полями, садами, виноградниками. Невольно хотелось сказать: «Fröhliche Landschaft»¹⁵², – и звучала Пасторальная симфония Бетховена¹⁵³. – Гагры поразили отвесом сплошной зеленой стены, с прилепленными к ней вертикально и точно взвешенными в воздухе прелестными виллами. Глядеть на них с дороги, лишь закинув голову. Море снова блеснуло у ног. Нежное бирюзовое. От солнца, неба и зелени – было как-то весело и бездумно. Да и дорожные события шли удачно. Выезжая из Сухума, точно не знали: когда будет машина на Адлер, не придется ли ночевать в Гаграх. Все покрыто туманом. Никто ничего не знает. – Но случилось, как в сказке. Машина стояла, готовая отойти. Быстро перебросили вещи, взяли билеты. И тронулись... Вырвался крик восхищенья. Действительно прекрасно это шоссе Гагры – Адлер. И опять-таки: тепло, солнце, краски моря и неба, цветы, отсутствие пыли, хороший шофер, не мешающие спутники. – Ближе к Адлеру места стали очень заселенными. Деревни, хутора, даже какой-то Новый Город. Все тонет в зелени. Уже нашей, не субтропической, но буйной и мощной на диво. Подъезжая к Адлеру, Б.Н. волновался. Это место так хвалил его отец. В семи километрах от Адлера был им куплен кусок земли в горах¹⁵⁴. Но А<лександра> Д<митриевна>¹⁵⁵

бранила Адлер. «Пыльное, пустое место! Ничего нет, кроме песка...» Прав оказался Н<иколай> В<асильевич>¹⁵⁶. Адлер весь в зелени. На горизонте снежные цепи¹⁵⁷. – Удачно остановились в гостинице – на берегу моря. Бедно, но чисто. Падали сумерки. Вышли на пляж. Загляделись на горы. Они угасали с каждым мгновением. – Хозяйка поставила самовар. На утро обещали, что будет машина в Красную Поляну. Перед сном тихо посидели, хотя и взволнованные памятью о Н<иколае> В<асильевиче> и мыслью о том, что Адлер – именно Адлер, что там вдалеке прекрасно и строго возникли снега. <...>

31/V Красная Поляна¹⁵⁸

В шесть выехали. Утро свежее. Только что прошел дождь. Адлер остался в воспоминании фантастической сказкой. Кипарисы, гигантские тополя, белая акация. В вечернем сумраке все таинственно и прекрасно. Теперь же неслись среди зелени, взвиваясь все выше и выше. Жаль было только, что верх автобуса, и спины, и головы соседей отрезывали все виды. Временами лишь направо открывалась зеленая бездна. Дна не видать! Изумрудное море взволнованными волнами падало вниз. И там – в глубине кое-где закипала шумливая Мзымта¹⁵⁹. С досады, что «видов» не видно, – даже повздорили. «Смотрите. Смотрите», – настаивал Б.Н. – «Да куда же смотреть? Одни спины, да головы, да узлы...» Было очень досадно. Вот бы смотреть! Путь так прекрасен. Клочками мелькали отвесные скалы. И тотчас же скрывались за головой соседа. Впереди на мгновение стрелой голубело ущелье. И уже – торчит перед тобою спина... Просто хоть плачь... Между тем красота возрастала, дорога повисла карнизом над срывом. Полутуннели, огромные камни. И – врезались в скалу: туннель! Небольшой, так что свет не терялся, и можно было видеть благородное серо-белое недра, сухое, прочерченное... Дальше опять изумрудная гуща. Пахнет остро промокшим листом и цветами. Б.Н. все ждал спуска к Поляне. Но спуска и не было. Прямо вылетели на простор с редко белеющими и сероватыми домиками... Остановка. Приехали! Куда же теперь? Охватила растерянность. «Гостиница?» – «Нет никакой!» – «Куда же деваться?» – «Да устроитесь!.. Поищите!..» И устроились! Две чисто выбеленных комнаты – за 15 р<ублей> каждая. Хозяева – греки¹⁶⁰. Очень бедно. Но очень уютно. Хозяйка будет готовить обед. И все это случай. Сперва чуть было не попали в унылое место, к стареющему имеретину. «Падением дома Эшер»¹⁶¹ веяло от его сухой и унылой фигуры. То же и комнаты – темноватые, грязноватые. И нет обеда. Боясь нало-

гов, имеретин наотрез отказался: «Скажут, что беру жильцов с пансионом...» Выручил мальчик, направив Б.Н. в сторону нашего домика: «Там найдете!» И точно, нашли. Как и в Коджорах, от наших комнат повеяло сразу «Willkommen...»¹⁶². Хозяева молодые, здоровые. Живут в кухоньке во дворе. Мы отдельно, независимо. И – что очень важно – будет у нас самовар! – Едва помывшись и закусив, пошли на разведки. Что и как? Какие прогулки? какие дороги? Первая прогулка всегда очень важная. Она дает впечатление, которое почти наверно останется лейтмотивом. И лейтмотив этой прогулки: «Прекрасно!» «Красная Поляна – Прекрасная поляна!» – восклицал Б.Н. – Вернулись, ничуть не усталые, счастливые. Было радостно и легко.

I/VI

Впечатлений много, и самых светлых. Но записывать как-то не хочется. – Поднялись вверх, мимо аптеки. Нашли чудесную скамейку под тополем на холмике. С нее вид во все стороны. Долго смотрели, как курились дальние гребни и как фосфорически вспыхивали изумрудом на солнце зеленые плащи ближних гор. Их складки прекрасным рисунком мягко, но сильно разбросились, обнажая порой серебристо-розовые, нежные, точно вишня, громады. – «Что это? Снег?...» – «Нет! Это камни!» – «Не может быть!» – «?» – «Слишком прекрасно, слишком нежно, чтобы это могло быть “землей”. Но я хотел бы, чтобы “это” было не снегом». – «Да это и не снег!»... – «Но тогда это чудо!» – И, словно услышав наш спор, солнце пришло на помощь. Место, куда глядели, вдруг вспыхнуло. Невероятно! Непередаваемо! Заиграли тона, переливы, оттенки! Не то гигантская раковина расцвела перламутром... не то кисти вишневого дерева в утреннем вспыхе зари... Нет! не передашь. Все равно ничего не передашь... Не расскажешь словами о взлете безлесных громад напротив, за Мзымтой, о фиолетово-черных прочерченных снегом громадах у перевала, о стройной и легкой композиции пиков и гребней в ущелье на запад (или северо-запад) от нас... Был момент, когда часть снегов у перевала просияла на солнце слепительно. А рядом матовым жемчугом тускнели снега смежных ребер... Был момент, когда гребни на западе закурились и по склонам их поползли белопрозрачные дымки. Закрутились вперед и назад, зацепляясь по срывам и доходя до вершин, таяли в небе. А небо!.. Оно как-то горело пространством, прозрачной безбрежностью. Кайма зубцов отделялась, и за нею казалось – : море воздушного света – чуть-чуть розового, чуть-чуть голубого, чуть-чуть золотого... И все... все это – не то! Жалкие усилия. Обидная беспомощность!

Всмаатриваемся в местность. Привлекает все больше и больше. Сильная, но нежная красота. Воздух, небо и солнце. Прогулки легкие, веселые. И пока что – доступные. Нет досадных сачхерских препятствий. Ноги несутся с восторгом, не требуя глаз. В Сачхери каждый шаг нужно было делать с оглядкой¹⁶³. Природа – уже северного Кавказа – ближе сердцу. Так хорошо, так привольно, приветливо все кругом. – День воскресный. Утром пошли по шоссе к санаторию¹⁶⁴. Отдыхали под тенью ореха. Здесь поражают стволы. Огромные, вековые, с причудливо извитою корой. – Вечером поднимались в ущелье на запад. Тоже легко. Возвращаясь, открыли еще прекрасную дорогу вверх, через мостик над бурным потоком. – Записи мои бедные. Душа так полна, что нет силы записывать. Только рассказываем друг другу: что видели, что поразило. – Неожиданный, тихий приют: Красная Поляна. Живем без книг, без газет. С природой, почти без культуры, – вернее, без цивилизации. И – хорошо. Правда, полной беспечности нет. На сердце все же боль. Но разве можно нам – или мне – быть без боли. Спасибо за то, что дают эти дни. – В здешней природе нет прошлого, нет того, чем полна Армения, Грузия. Эти горы еще не знают святынь. В нескольких километрах – государственный заповедник¹⁶⁵. Там туры, зубры и барсы. И местность дышит скорей приветливой, простой чистотой и невинностью, чем чистотою пути и познания. Но все же: чистотой! Здесь все как-то внутренне чисто, безгрешно и ясно. Отзвук этого слышишь в моменты раздумий. Попадаешь в прозрачную ясность. Светло, но пустынно. Мысли легкие, разлетаются, тают в свете, ни с чем и ни с кем не встречаясь. В Эривани, в Тифлисе – там все проработано. Нигде не звучала мне так эвритмия, как в Эривани. Чувствовала, как новое ставится там в нечто старое. И это усиливало каждый жест... Здесь еще не могу. Подожду. Еще нужно «приготовить место»... Б.Н. бездельничает и отдыхает – впервые за время отъезда. Весь раскрывается – до конца, до возможного, конечно, конца. Таким его никогда не увидишь среди людей.

Еще один прекрасный день. Что будет дальше – не знаю. С чем мы уедем – не знаю. Мы так напуганы жизнью. И в самой безоблачной ясности ждем: что-то будет. Но – как хороши наши дни в Красной Поляне! Все, что нам нужно, здесь есть. Тишина, свобода, прогулки, погода, простой чистый стол, хорошие хозяйева, чай, за которым ведется наш несмолкаемый разговор. – Спасибо судьбе за этот

отдых в пути. – Сегодня прогулка утром и вечером – не меньше пяти часов среди живой нетронутой чистоты. Как странно после напряженного историзма и кипящего «строительства» современной Армении, после острых интеллектуально и культурно дней в Тифлисе – очутиться в обстановке Руссо¹⁶⁶. Чувствуешь себя простым, примитивным. И какие-то складки и морщины души – расправляются. Дышишь легко и свободно. Слишком близко подступает природа – без всяких «посредств». – Утром, перейдя через мостик, поднялись вверх, – не зная куда. Дорога – по склону, среди зеленых теней, с проглядами вниз – на Поляну и на противоположные горы. По мере того как мы поднимались – росли и они, показывая скрытые снизу точки и поверхности. «Вишневая» красавица здесь раскинула легкие свои вуали и была нестерпимо прекрасна. Глянули сверху альпийские луговины, с пятнами снега, но с изумрудным бархатом трав... Ноги неслися, ликуя. Целую зиму сидели поджавшись или топтались в квадрате двора и в вершковых пространствах среди столов, кроватей, шкафов. – Вечером – прогулка к санаторию. Шоссе отходит от Красной Поляны и винтит по склону. Вниз и вверх зеленое море. Пили воду из источника. Проснулась каменная болезнь¹⁶⁷. Притянули серебристо-атласные и пестро-шелковые плитки, блестящие, как слюда, очень хрупкие. Огромные плиты щепятся при малейшем нажиме. Хороши также отдельные, цветущие мхом, точно розами, камни. По черному, темно-вишневому или серому фону – белые, розоватые и серо-зеленые звезды. Точно тонкое кружево. – До санатория не дошли. Далеко. А мы долго задерживались над камнями и над пролетами в выси и в даль. – Вечер снова за чаем. «Печаль моя светла!»¹⁶⁸... Вдруг мелькнуло: «Хорошо бы здесь зиму остаться!» Мелькнуло, как сон. У каждого порознь. Но – одновременно. Как это было бы важно и нужно. Какая потребность: умолкнуть, уйти. Дать покой душе.

4/VI

Первая встреча с действительностью. Были в милиции. Курортный сбор – по 10 р<ублей> с человека. Молодой красноармеец был смущен. – «Дорого!» – «Да! но есть еще ставки в 25 р<ублей>. А это вам пригодится для всех курортов Черноморского округа». Он утешал нас. Приходилось утешиться. Только мелькнула мысль: «Ну, а в Шови? Опять будет сбор? Там ведь не Черноморская область?..» Все же это лишь момент. Прогулка опять захватила. К Эстонскому поселку. Но записывать также не хочется. Глядели. Дышали всей грудью. Увлеклись, зашли далеко и порядком устали. Опять камни, ру-

чь, ветер, солнце и тени. Но день сегодня – прохладный. Ветер свежий. Верно, бриз с моря. – После обеда оба заснули. И вечером не пошли далеко. Долго сидели на лавочке у хибарки какой-то гречанки-старухи. Влево вдали розовели, а потом угасали снега перевала. Прямо высилось четырехгорбие Аибги.

Стало очень свежо. Небо очистилось. К ночи выступили яркие звезды. – «Что-то здесь мне напоминает Швейцарию¹⁶⁹ – в хорошем смысле, – повторял Б.Н. – Там на каждом шагу такие же уголки. Только – еще разнообразнее...» – «А мне почему-то вспоминаются “Казак” Льва Толстого¹⁷⁰. Настроение то же! Так же мощно охватывает нетронутость природы. Так же хочется кануть, все забыть». – Каждый день берем с собою бумагу и карандаши для зарисовки. Но даже и этого не хочется. Все еще ждешь, пока сквозь восприятие глаза проглянет моральное восприятие местности. А для этого нужно время. Первые дни – переполнены внешним. Переполнены до рассеянности, до невозможности вслушаться, а не только всмотреться. Моральное восприятие приходит к глазу как-то через посредство ушей. Начинаешь «видеть» то, что сперва, не слыша, «услышишь». Услышишь, как слово, как звук, который и выльется в образ. – Весь вечер Б.Н. сидел над путеводителем¹⁷¹ и вычитывал оттуда сведения об экскурсиях и поездках. Очень хотелось бы попасть в Заповедник.

<...>

На почте, утром, Б.Н. случайно познакомился с каким-то старичком Шмелевским, который лет тридцать уже живет здесь и лето, и зиму. Шмелевский приглашал к себе, обещая многое рассказать. Думаем пойти...

5/VI

Теплый, солнечный день. Не меньше пяти часов на воздухе. Прогулка утром и вечером по Адлеровскому шоссе. Хорошо, но жаль, что спускаешься вниз, и ближайšie горы растут, закрывая все виды. Зато вниз на Мзымту можно смотреть без конца. Хотя и то не «без конца». Кипенье ее и скаканье по камням, отвесы вниз от дороги, торчащие внизу башни-утесы – все это действует с такой стихийной мощью, что голова начинает как-то особенно, жутко кружиться, и охватывает странное чувство. Его нельзя назвать страхом. Чего же бояться? Но все же это страх, страх перед мощностью элементарных существ. Присев на парапете, ограждающем дорогу от срыва, мы оба как-то приутихли. «O Mensch! erkénne dich!»¹⁷² – зазвучало оттуда, из бездны у нас под ногами. И вдруг ощутилась вся слабость, вся

беспомощность человека перед лицом природы. Захотелось отгородиться, защититься от этих чрезмерных воздействий, почувствовать себя за оградой культуры. Нет еще сил так стоять лицом к лицу перед ничем не ограниченной жизнью «элементов»... – «Мне страшно», – почти шепотом сорвалось у меня. «Я – понимаю. И мне так же...» – тихо ответил Б.Н. Мы взяли за руки. Хотелось прикосновением рассеять то, что поднималось к нам снизу, что надвигалось со всех сторон... «O Mensch! Erkénne dich!» Пронеслись, как молния, мысли: о том, что мы знаем <...>. О, как это мало и слабо! Как это привязано к обстановке комнат, к письменному столу или креслу. <...> Говорили, именно, об этом одиночестве «человека» в окружении природных сил. <...> Каково переносить хотя бы то, что нас обступило теперь...

– Тихо... точно во сне, оторвались от камней, на которых сидели... и почти побрели, а не пошли, по дороге домой. Долго еще очарование длилось. И только встреча с двумя-тремя прохожими, с детьми, играющими у забора, вид самого забора, калитки, запоздавших коров... вернул к обычному состоянию. – Но совсем успокоили опять-таки горы... «вид» гор: перевала Псеашхо¹⁷³. Снега розовели в закате, а склоны покрывались острым изломом теней. Они были далеко. Они были лишь «видом». Действие их смягчалось на расстоянии. И сознание справлялось с ними, как с «зрелищем». Они проникали в душу лишь через глаз. А там, над обрывом у Мзымты, воздействия шли через все тело, – <...> пробуждая те чувства, которыми мы еще не владеем... и прежде всего, осязание, особое, не то, которое знаем. Это особое осязание воспринимало нечто, осязало нечто, с чем сознание не могло еще справиться... «Под ними хаос шевелится...»¹⁷⁴ – сказал Б.Н. «И нет преград меж ей и нами»¹⁷⁵, – ответила ему.

– Июнь! – Все эти дни думаю о том, что теперь именно июнь – время, когда солнце поднимается к своему зениту. Как жду этого месяца целый год. И многое для меня связано с тем, как и где он проходит. Прошлогдний июнь был в дождях и туманах Сачхери. А 24-го мы весь день ждали солнца, томились, надеялись... и заснули под хлюпы дождя! Как-то проведем в этом году этот день? <...>

– Вчера Б.Н. прочел мне свои записи. Очень верно. Он говорит, что не справился с мыслью. Но мысль «видна», хотя и не вся еще вошла в слова. «В горах не чувствуешь времени, – времени нет – потому что сами горы – время-пространство. “Время” становится в них созерцанием. Вот почему, глядя на них, “времени” не замечаешь». – Передаю лишь скелет, упрощенный.

Первый день реакция... Протест у Б.Н. против прогулок. Утром совсем не пошли. Солнце палило уже в 9 часов. Б.Н., верно, перепекся вчера. Сегодня отказ и нежелание видеть солнце. Верно, и барометр меняется. К вечеру с моря в ущелье небо покрылось «мазаями». – Вечером все же вышли. Но жгло чрезмерно. Далеко не пошли. Сидели на первом попавшемся теновом бревне. Даже повздорили. Но скоро же все разгладилось. Только Б.Н. продолжал волноваться. Вдруг вспомнил А.О.¹⁷⁶ и возмутился против М<арии> Я<ковлевны>¹⁷⁷. – Когда вернулись домой и ушло солнце, стало опять уютно и тихо... Чуть-чуть грустно. Б.Н. почему-то все вспоминает здесь несчастную, трагическую судьбу большинства русских, действовавших так или иначе в культуре. Пушкин, Некрасов, Гоголь и т. д. «Иногда противно вспоминать такую круглую жизнь, как у Гете... Почему это судьба русских не дала ничего такого?..» – Вечер наступил. Тихий, звездный.

Сидели на крылечке на улицу и во двор. Говорили задумчиво о том, о другом... – Взяли на почте газеты. Почти первое, что прочли: в дни нашего переезда Тифлис – Красная Поляна над Западной Грузией пронесся ураган. В него-то мы и попали на море! Везет же нам. Уже 29/V утром близь Риони¹⁷⁸ заметили сильный ветер. Но решили, что это особенность Рионской равнины, что в ней всегда несет. То же было и в прошлом году, когда ехали в Кутаис из Сачхери. Странно, как нам не везет с Западной Грузией. Стоит только переехать Сурамский перевал¹⁷⁹ – и хоть беги обратно... – Все еще вспоминается вчерашнее переживание на обрыве над Мзымтой. Оно запало глубоко и запомнилось. – Сегодня в первый раз здесь взяла книгу. <...> Верно, жест против «И нет преград меж ей и нами...». Поняла, что «преграда» это и есть «культура» или – «человек». Природа родила человека, дала ему свои оболочки. А он облакает природу в культуру, в покров культуры. Вот почему вчера так хотелось увидеть что-нибудь, сделанное руками человека: стол, скамейку. Вот почему так обрадовал вид рабочих с пилами и молотками, ... калитка, забор.

Утро – дома. Очень жарко. – Вечером: по Адлеровской дороге. Спускались к тому камню, который так «напугал» третьего дня. Вблизи он совсем не страшный. То же и Мзымта. Кипит под ногами «белым ключом». Веет свежестью. Когда выходили из дому, на перевале была гроза. Издалека оттуда гремело. Думали – : не вернуться

ли? Но вспомнили: это ведь не Батум, не Имеретия... Здесь «угрозы» не страшны. – И Красная Поляна оправдала себя. Гроза стянулась мимо в ущелье. Вечер невыразимо прекрасный. Все не нарадуемся: как хорошо... Когда возвращались – над перевалом все было розовое. И розовые отблески на снегах. – Благодатные дни! Благодатное лето! Спасибо за них судьбе. Незаметно промчалась неделя. Легкая, светлая. И Б.Н. здесь такой, как нигде.

8/VI

День показался бесконечным. Облачное серенькое утро вытянуло на прогулку. Зашли в управление Заповедника, спросить, как устраиваются туда экскурсии. Заведующего не оказалось. – Волей судьбы оказались на ровной дороге к санаторию. Дальше и дальше... Шли посредине дороги, опасаясь змей. Уже один раз из-под ног Б.Н. палкой взвилась и перекинулась в кусты змея. То и дело шуршало кругом. Но видела только ящериц. Множество. – Чем выше, дорога становилась интересней. Вправо крутело. Налево открылись прогляды: Красная Поляна отсюда представляется сложением четких квадратиков садов и полей. Кое-где лишь белеют опрятные домики. Внизу там не видно, как это стройно и правильно и какое все же большое пространство обработанной земли. – Обратно рискнули «сократить» и выгадали километра четыре. Вернулись после 3½-часовой прогулки голодные, но не усталые, ничуть. Даже бодрость какая-то развилась, почти возбужденье. – Днем все хмурилось. Ущелье затянулось. Горы спрятались: срезаны «Гр-гр» ... нет четырехвершинной Аибги. Пустое, бледное, прозрачное место... Вечером – по Адлеровской дороге. Для нас это стало прогулкой, как в парк. Сойти два шага – и ущелье. Там тихо и очень задумчиво. Присаживаемся в разных местах. И – затихаем. В Красной Поляне переживаю освобождение от «души». Всегда между мной и природой стоит мое «душевное» – биографическое сознание. Здесь в иные минуты – выхожу из биографии. И мысли совсем другие. – Не записываю впечатлений природы. У Б.Н. все дано так прекрасно и полно. Видно, какой он мастер слова и какой у него точный, зоркий взгляд, какая память. Здесь особенно ясно, почему он называет себя «натуралистом».

9/VI

Горы курятся. С утра – свежесть. Ждут дождя. Говорят, что полтора месяца не было. Вот места! Москвичам не поверится! Утром дома: записи, зарисовки, – отдых от вчерашнего. – Вечером пошли

было к «ореховой даче», но встретили проф. Ш<мелевского>¹⁸⁰ и зашли к нему. Он – несколько чужак. Неразговорчивый. Дочь его – учительница – выручала тем, что задавала вопросы. Хорошие люди, но далеки от действительности. Впрочем, какой? Может быть, их жизнь и есть действительность. – Старичок живет всегда один. Дочь – только приезжает на отдых. Большая, довольно беспорядочная комната. Все как-то нагромождено и навалено. Также завалены всяким хламом и скарбом веранды: тут и ульи, и печки, и скамьи, и лейки, и чего, чего нет! А кругом – садик с лилиями, розами, виноградом, за ним – во все стороны горы: каскады зеленые. Мантии великанов в мягких складках и в четких изломах... Что-то нечеховски-чеховское в этой запущенной комнате, где стол, огромный буфет, туго набитая книжная полка... На столе: весы, букет роз... а вскоре: и хлеб, масло (Ш<мелевский> не ест соли), яйца, баранки, чайники – чай. Выпили чаю – радушно предложенного. Было почему-то чуть грустно, и хорошо. – Возвращались уж в сумерках. Знакомые улицы, всегда переосвещенные и пережаренные, как-то таинственно глянули в тених и прохладе. Туман низко сполз и волнистой завесой закрыл все верха и все дали. – Почему-то опять заговорили о М<арии> Я<ковлевне> и о ее роли¹⁸¹. Сегодня – спокойнее. Но: многое непонятно.

10/VI

Никакого дождя! Сиянье, синь, ветер! Как-то бросились на прогулку. По дороге к монашенкам¹⁸². Зашли далеко. Чем дальше, тем больше манило: вверх-вниз-вверх-вверх-вверх... В одной балке недавно рубили деревья, и запах терпкий и сильный увядшей ливы, древесины и смол охватывал, точно ванна воздушная... Отмечали места, откуда взять виды для зарисовок: «Вишнево́й» горы, Аибги, хребта. Но это: вечером. Теперь везде солнце... Забрались совсем в глушь, где кончились заборы, сады, свиньи, коровы. Все стало сказочным. Напомнило немецкие сказки, легенды о феях, о дубах, о заколдованных рыцарях. Полдень в горах как-то особенно хорош. Переполненность светом, жаром, тенистой прохладой и странной замирающей тишиной. Все раскрыто – и все в блеске покоя... «In ruhen der Léuchte-Glanz...»¹⁸³ Да! это полдень! Вечерние краски, и свет, и запахи – все другое. По-другому идут восприятия... Скорее, скользят... В полдень же падают отвесно, как и лучи солнца. Присели на срубе. Налево вверх загибалась тропинка. И – сквозь стволы, казалось, висел прямо в небе далекий и призрачный белый зубец перевала. Все растворялось в душе и на сердце. «In ruhender Léuchte-glanz!»

Вечером пошли в «парк». Так называем, шутя, шоссе в Адлер. Там занялись «странным делом». Уселись перед отвесом дороги и стали искать *слов* для того, что *видели* перед собой. Так же, потом пересели к камням. Радовались, когда удавалось схватить. Записывали... на папиросной коробке, так как книжки записной не было. Получалось странно! «Вот бы сказали: Андрей Белый кривляется... а ведь это натурализм, – восклицал Б.Н. то и дело. – Ну как передашь то, что видишь. Именно “*видишь*”. Ведь должен же я уметь рассказать о том, что подает мне мой глаз...» Переходили с места на место, любуясь и восхищаясь причудливым разнообразием «заготовок» природы. «Вот фантазия! Кому придет в голову сочетать эти краски и формы так именно...» – Как смело! просто дерзко. Словно насмешка над всем, что мы темперируем в «законах» эстетики... в жалких, ничего не говорящих законах... Останавливает мысль: язык связан с глазом. Глаз видит и сознает. Звук покоится в подсознании. Сознание опускается туда, как в кладовую, и ищет: каким звучанием передать матерьял, поданный глазом. Как абстрактно мы «видим», если на все многообразие отвечаем: чудесно, прекрасно, изумительно. Какая слепота. Когда видишь *конкретно*, внимательно, то необходимо искать других слов. Глаз заставляет. Происходит какое-то «наименованье». И оно: результат *познания*, хотя бы сперва лишь зрительного. Начинаешь понимать, что «увидеть» есть уже отчасти познать. Вспоминаешь ап<остола> Павла: «Ныне видим гадательное... сквозь тусклое стекло...»¹⁸⁴

– Несовершенство узнания от несовершенного *видения*. Наступит момент, когда *увидим* «лицом к лицу» – и тогда *узнаем* совершенно... В Красной Поляне, как и в Коджорах, в прошлом году¹⁸⁵, невольно вживаешься в способность зрения. Может быть, потому, что здесь она оживает и действует подлинно. То, что мы видим в городах, в городской обстановке, скорей оглушает силу зрения. Там мы слепнем. Глаз бездействует в своих живых творческих силах. Он лишь используется для обихода. Он не радуется, не творит, не играет, не «видит» – он служит. Служит для домашнего употребления. Вот почему так велика радость «глаз» здесь – перед лицом природы. Они просыпаются... <...> Увидеть – это не пустяк, не привеска к делам. Это синтезирующий момент... опознание... пауза перехода к следующему этапу действия... *Увиденное* дает силу для деланья¹⁸⁶.

.....

Повернулись к перевалу. И – ахнули. Там в раздвинутом занавесе сине-зеленых густых тонов – видение нежное, призрачное, словно висящее в воздухе. Сахарная прорезь снегов над сгущеньями черно-

го дыма, сплотноного в острый взлетающий очерк. А над всем – два горящих граненых рубина... два пламенеющих конуса. Точно отсветы «Купины»¹⁸⁷. Небесный огонь, огонь в воздухе... Для себя! Не для земли. Говорит о своем... о манящем, влекущем... <...>...

... Взглянули на вершины Аибги – там новое чудо. Медово-зеленые, вишнево-рубинные земли в сквозящих скольженьях прозрачностей дымных. То загорались, то таяли... И сердце – молилось! Красоте... – «А там-то! – <...> Нет! Таки какой мир», – восклицал Б.Н. – И: сине-лиловые, молчаливо печальные склоны один за другим опускаясь, сходились и падали за горизонт. Все очень строго, очень спокойно. Задумчиво-грустно и нежно до слез... Как очарованные, переводили глаза: от контраста к контрасту... <...> «Красная Поляна – прекрасная Поляна!» – К ночи спустился туман, опустился... А небо очистилось. Над горой тоненький серп... «Вот и встретили месяц...» – «Будем гулять в лунные ночи. Нельзя их пропустить!» И – выходили то на балкон, то на крылечко. Нет сил сидеть в комнате...

11/VI

День новой радости. – Видя, как мы собираемся на прогулку, хозяйка спросила: «А вы были за Мзымтой? через греческий мост?..» – «Нет! там ворота закрытые, и мы думали, что это частные земли». – «Пойдите! там хорошо!...» – И вот, сейчас вернулись домой, счастливые рядом новых возможностей... Эта дорога – начало пути на Аибгу – идет сперва среди садов и постепенно углубляется в лес. Идешь – точно несут тебя волны зеленые... Запахи – наши: медовые, русские! Вечер ясный, душистый. Без ветра... С перегибов дороги: новый вид на Поляну: очень красивый ракурс... на Адлеровское шоссе и хребты. Все совсем по-другому. Санаторий – обычно висящий вверху над окрестностью – здесь прилепился едва ли не у подошвы огромного восхода... А за ним еще вылезли выси, которых ни разу не видели...

Ночь наступила такая, что долго не могли уйти с крылечка... Небо казалось шершавым от звезд. Млечный путь фосфорически мерцал «ниже, чем следует»... Из ущелья – отрадная свежесть. Огоньки светлячков. Треск цикад... Прогулка и это сидение на ступеньках – не забудутся. – <...>

12/VI

Пошел-таки долгожданный дождь. Картина для нас необычная: мы в роении облаков. «Что ж это! Облако на огороде!..» – звал меня

Б.Н. Вперед, назад, вверх, вниз – везде облака... везде дождь. Санатория как не бывало. На том месте просто пятно беловатых клубков... – Тревожусь, почему нет писем.

Как ясно, что все мы должны страдать. И суть не в «поводе», а в страдании, в несении его. Нужно жить в мажоре, с постоянным звучанием минора. И в ритме искать примирение. –

Слышен шум запоздавшего вечернего автомобиля. Вместо 9-ти – в половине одиннадцатого. Молодцы шоферы. Чем больше едешь, тем больше чувствуешь к ним уважения. Сколько умения и вниманья нужно, чтобы провести автомобиль по такой дороге в такую погоду.

13/VI

Мысли, связанные с Красной Поляной. Какая чистота кругом. Растворенность воздушная. Точно на корабле или в лодке... Серовато и мгристо... Но дождь не мешает. Он только создает особую сосредоточенность. Сидя в комнате, невольно глубже думаешь. Но это в глубине. – Внешне все утро Б.Н. рассказывал о своих родных: о дядях, тетках, бабушках. Каждое утро и вечер ведется за чаем наш нескончаемый разговор. Часто удивляемся сами, как это так можно не наскучить друг другу. А вот – не наскучили! Каждое утро – новая радость встречи. Как будто первой! Каждый вечер – нежность прощанья пред сном... –

Сегодня вдруг неожиданно вылился кусочек II главы «Москва»¹⁸⁸. Видно, какая это будет жуткая глава и какие странные темы. Прорвались произвольно... «Вот тебе и социальный заказ! Если бы марксистские критики знали, что такое творчество!» –

Как все курится и клубится кругом. Все склоны в седых завитках... За окном – через улицу – огромное дерево грецкого ореха. А за ним зеленая громадина, из-за которой торчит одинокий безлесный зубец... Веет свежестью из окна. Ветер перебегает по листьям... Солнце пробивается сквозь туман... Хорошо. Очень тихо. – [«Только мысль о Москве...»] – Отчего это нигде не было так хорошо нам, как здесь... Здесь нам повезло. Приехали в полную неизвестность... И вот – две недели почти – сплошной тихой радости, счастья. Здесь легко дышится. Зелень кругом, обилие, преизобилие зелени, почему-то не надоедает. Наоборот: пленяет и радует. Не устаешь вглядываться в ее оттенки и в ее рельефы. Как это ни странно – лесные склоны здесь также выгравированы. Подъемы, гребни, провалы, зубцы – все это передается. Не однообразное гладкое вздутие боков. А тонкими, мягкими и четкими складками прорезанная мантия. Великолепны также линии очерков. Легкие, сильные и нежные. Пере-

ходы звучат музыкально. И ряды хребтов часто звучат, как ряды гамм, – особенно в сторону ущелья...

По Адлеровскому шоссе есть небольшая роща грецких орехов. Мы ее почему-то, шутя, называем «священной». Здесь всегда полусумрак, прохлада. Огромные серебристо-черные стволы стоят редко, точно колонны... А вершины сплетаются... Мы там часто сидим на камнях... Пауза <...> перед возвращением.

– Внезапно – пока писала – очистилось все... Горы открылись. Но... на них выпал глубокий снег. И теперь они стоят сверху донизу белые... свежо... Но на солнце почти жарко... Сейчас же: гулять. В наш «парк». Там отвесы омытые, яркие. Останавливались то перед одной, то перед другой глыбой... мхи, цветы, камни – все вне слов... Так неожиданно кончился день...

Пришли из Москвы письма¹⁸⁹. Слава Богу, там все хорошо.

14/VI

Настигли-таки холода. Мерзнем весь день. Дождь. Туман липнет к лесам... Иногда проползает по улице... – Часов в шесть выступили вершины. Снегу еще навалило. Аибга вся белая... Из ущелья ползут волокнистые серые змеи и белеют, вздымаясь к вершинам... – У нас в доме событие. У хозяйки родился ребенок. – За стеной стоны. И другая хозяйка – рождает¹⁹⁰... Как это быстро. С утра еще обе работали: босиком в огороде. Торопились использовать дождь и садили, копали, пололи... Стоны крепнут... Вот оно: рождение человека... Дом наполнился какими-то старыми женщинами. Откуда только взялись... Б.Н. потрясен... ходит взволнованный... – 10 часов. Кончилось... Последний страшный вскрик. И – плач ребенка. Сразу слышались женские голоса. Возбужденные... Смех... До сих пор было все тихо. Только стоны... – Вышли узнать. Мальчик!.. Второй! Вот так день. Тут и снег, и гроза, и два мальчика... и старичок со странным лицом, с сумочкой за плечами... Б.Н. увидел его в окне, а мне он встретился по дороге в кооператив. Лицо, которое нельзя не заметить... Все это события... в восприятии нашем <...> ... Иррационально?! <...>...

Этот вечер запомнится, как и вечер 11-го, вечер нашей прогулки за Мзымту. Им закончился первый период наш в Красной Поляне... Эти три дня – перелом... Как доживем свои краснополянские дни...

15/VI

Ночь прошла в странном, почти радостном возбуждении. Спали не раздеваясь, – от холода. Но – обычного раздражения против нена-

стья не было. Чем объяснить – что и погода, и события в доме кажутся каким-то внешним явлением совсем других существей. Посеребрённые вершины стоят перед взором души... и заставляют выйти из обычных суждений и требований... Точно белые соборы обстали Поляну... и веют величием чистоты... Все зеленое смолкает... Вместо ропота «на погоду!» – тишина и покой... Утро... Очень свежо... Воздух легкий... Облака поднялись. Вышли вдоль нашей улицы. Спереди и с боков – белизна, серебро. Под просветом от солнца – фосфорическое сиянье. Как все изменилось! Там, где прежде казались отвесы, выступил теперь сложный орнамент рельефов: вперед и назад – скосы, откосы, площадки. То, что казалось одной линией, начерченной на горизонте, – разорвалось и кусками ушло в глубину. Новый снег отличается от старого. Старый лежит четкими сахарными плотностями. Новый развеван, как легкий покров...

– Если и терпим от холода, то вознаграждены тем, что видим, и чего не увидели бы, не будь этой бури...

– Вчера перед сном посидели за Книгой пред столиком – по кучинскому обычаю. <...> Тишина обступила. Слезы неслышно лились. И сердце молилось: «Выведи <...> меня из меня – в этот тихий покой – из суеты... Только бы одно: только бы не опускаться до судорог личности... Вверх и вверх... держаться сознанием вверху. Не падать... Не отдавать себя духу тяжести...»

К двум – заглянуло солнце. И пошли греться. Дорога на санаторий – самое теплое место. Дошли до бревна за поселком. Там *долго* сидели. Грело так хорошо. После ночи холодной отраднo прижарило. А кругом – не оторвешься. Перевал вдруг взлетел и казался свисающим с неба бело-серебряным пологом. Открылись ландшафты... Целый мир белизны. Глаз тонул в возвышенном празднике белых полей и ущелий... А снизу курились отвесно дымки. Ползли вертикально под небо... Или свивались в подножиях, точно пифоны... темнея и тяжелея от влаги... Минут сорок сидели почти неподвижно... почти без слов. О чем говорить... Все о том же: о бедности языка, о беспомощности и затертости всех выражений... Ну как рассказать об Ачишхо¹⁹¹... о тех ракурсах и светоиграх, которые сопровождали нас, когда проходили по нашей улице, где влево он выступал, весь в снегах и тенях, извиваясь, и прячась, и выползая, и уползая высоко между двух густо-зеленых громад... Там, где видели прежде отвесную стену, вдруг закруглились подковы и кольца огромного змея: – Передаю лишь импрессию, разумеется. Не захватили с собой ни бумаги, ни карандашей! Думали: где ж рисовать в этой сырости. И жаль! потому что снег уже тает и все меняется на глазах.

Да и не схватишь самого главного: теней и свечений. Например: нежно бирюзово-изумрудное, переходящее в световое и фосфорическое сиянье – вероятно, альпийские пастбища, запорошенные снегом. Или: острый и черный тычок, прорывающий сплошное горение жемчужных мягко изломанных плоскостей... Или: внезапное прозеленение черно-грифельных щербатых боков под пробегающим лучом солнца. Белое, черное, золотое, лиловое, синее, матово-тусклое и фосфорически просиявшее – глаз *это* все видит... Но ни рука, ни язык не имеют средств выраженья. И восприятие <так!> поступает в какой-то «запас»... Все удивляюсь энергии Б.Н. Как он может так настойчиво искать выраженья для невыразимого. Бросается, как на добычу, и не отступает до тех пор, пока нужное не найдется...

Ночь пришла. Очень холодно. Говорили о печке. Спали не раздеваясь. Часам к 12<-ти> поднялся свист и вой из ущелья. Все загудело. Что же это будет? Ведь так, пожалуй, придется уехать. Кто б мог думать, что будет такое! Ведь еще несколько дней тому назад – от жары изнывали! Тянуло в прохладу и тень... Опять разговоры о ледниковом периоде! Устаешь от этих вздрогов погоды...

16/VI

Началось... Старая, знакомая песня! Старожилы разводят руками: Такого случая не запомним... Словом: с утра дождь! серость... Поставили железную печку. Затопили. Б.Н. просиял... А то было совсем приуныл... Сжался... Боялся за зуб... Гулять почти не ходили. Сыро и неприветливо. И все же: здесь хорошо. Хорошо мы живем. Все необходимое есть и налажено. Во всем независимость и свобода. Целые дни – принадлежим только себе... Никто нас не знает... никто не «интересуется». Мы много смеялись, когда принесли Б.Н. газету, где его фамилия означалась: «Бугай!». Коротко и ясно! Живое подтверждение всего, что Б.Н. писал о фамилиях и именах...

Красная Поляна навевает особые мысли. Не о «культуре», а о *природе*. Нигде не чувствовалась *природа* так сильно... именно как «Природа». Совсем новый опыт. Здесь только становится реальностью чувство «стихийного» мира. Чувствуешь себя погруженным в него. И оттого, хотя кругом «горы», под ногами «земля», сбоку – «камни»... но кажется, что <...> – плывешь, что <...> среди волн... <...> несет, и качает... Когда идешь – это чувство есть тоже... Но когда остановишься, смотришь или сядешь – оно становится особенно сильно... До головокружения... Оно придает особенный оттенок и мыслям. <...> Очень трудно провести мысли о «Я», пережить «Я есмь»... Но очень легко «выходить»... Почти тотчас же выделяет-

ся... мысль... и попадает в очень светлое, легкое... в озаренные прозрачным <...> невидимым светом пространства. –

17/VI

Томительный день! Ненастье так доконало... Топим печку утром и вечером... Временами дождь... временами ветер... Изредка солнце! Усталость. Б.Н. нервничает. Поднялись темы «погоды». Уже отвыкли от них... На закате хоть немного пройтись. Сели на лавочке у чьих-то ворот. Смотрели, как две лошади мирно паслись, махая хвостами... Сейчас все усиленно «пасется»: телята, свиньи, козы, лошади и даже куры... После дождя все усиленно «прет» и усиленно поедается... Сегодня зашла утром на почту – проверить часы. Там – старичок. Дождя ждет, когда выдадут деньги. Разговорились... Говорю ему: «А погода-то какая!» – разумею: «плохая»... Он же в ответ: «Да! слава Богу! дождь все поправил. Тихо было! Теперь пойдет...» Да! на всех не угодишь... – Сидим за чаем. Б.Н. занялся Соловьевым: «В тумане утреннем...»¹⁹². Жалеет, что нет Пушкина. «Вот бы вычислял на свободе...» Книг, действительно, нет никаких! Только Джек Лондон да Конрад, случайно захваченные для вагона в Тифлисе. И почему-то все о «Соломоновых островах»¹⁹³. Так что невольные Красная Поляна свяжется с этими Соломоновыми островами...

Все же хотелось бы еще теплых дней, – погулять бы еще... порадоваться на солнце, на горы...

18/VI

Кажется, кончилось! Сегодня уже гуляли. Уже стояли пред камнями... После дождя они, промытые, зажглись. Опять говорили о Врубеле. Подобрали несколько осколков с «его» мазком. Но лучшие – таких размеров, что не возьмешь. – Снега уже почти стаяли. Вернулись к тому виду, как мы их застали при приезде. Рады солнышку. Неделю почти его не видели.

19/VI

Запой прогулок. Утром четыре, и вечером две. Странное свойство Красной Поляны, что здесь от прогулок не устаешь, и напротив, чем больше ходите, тем больше развивается бодрость. Труднее всего бывает вначале. Сегодня утром подъем к санаторию был очень утомителен: жарко! Обратное же точно кто нес... В это утро прекрасна была Аибга. Вершины ее, точно живые, плавно перемещались при изгибах дороги. Торжественные золотисто-зеленые плащи там спа-

дали, как пышные мантии... И Мзымта, серебряная, бахромой окаймляла края...

20/VI

Перегуляли-таки! Сегодня весь день Б.Н. в каком-то странном состоянии. Сперва раздражение: против прогулок. Потом: перелом – от природы! Довольно природы... К темам «Я». Вечером пошли через греческий мостик – туда, где были 11-го. Но как не похожа та прогулка на эту... Б.Н. вдруг затих... Ушел в какое-то «свое»... Видно, думы его охватили. Вид же был потрясенный... У меня же стояло: да, тогда мы здесь шли, как в раю... а теперь точно после изгнания из рая... Холодные дни разбили всю радость непосредственных восприятий... Молчалось и мне... Только за чаем стали рассказывать... Оказалось, что по-разному, но в одном. «Все же мы неисправимые “антропософы”»¹⁹⁴, – формулировал свое состояние Б.Н. – «Да, мы не можем язычески, детски растворяться в расплав восприятий. В нас есть “зерно” – есть нечто “противостоящее”»... – «Мне вдруг стало ясно, что Красная Поляна не место, где можно укрыться...» – «Все же здесь душно. Вспоминаешь коджорский простор. Здесь защем и зажатость...» – ... и еще вдруг откуда-то мне прозвучал голос М<арии> Я<ковлевны>, точно в ответ на мой жест к природе: «Так ты еще помнишь... Христианию... Берген¹⁹⁵... Ведь и мы... сквозь все ошибки несем и храним... Ведь было неложное...» – «Время подходит к годам, о которых нельзя забывать. Мне в Красной Поляне природа все время звучала: O Mensch, erkénne dich... Но боялась спугнуть непосредственную радость...» – «Нет! нет... то только момент. Он не может в нас длиться... Все в нас очень серьезно... И мы – не дети...» Долго еще говорили – словами, паузами, жестами... и больше всего тем, что за словами, за жестами и за паузами даже... Словно простились с Красной Поляной. – Неужели! Неужели все же *первое* впечатленье решает! Первое впечатленье – при въезде сюда – было «нет... не то!» А первое, мимолетное впечатленье в Коджорах было: «То! то! то самое...» Еще, может быть, рано сказать «последнее» слово о Красной Поляне. И не ложно было все, что здесь пережили и чего не могли бы найти в другом месте... Опыт... неожиданный: встреча с природой *лицом к лицу* – опыт Красной Поляны.

21/VI

Вчера долго не расходились. У Б.Н. вдруг что-то вроде сердечного припадка... на нервной почве... Перед тем: смотрели, как над

Аибгой вставала луна, проползая по верхушкам деревьев... Странное зрелище... Порой – она казалась огромным глазом на чудовищной голове какого-то существа – порой пылающим факелом... то звездой, то *Harmonische Acht*¹⁹⁶... то полосатым яйцом, то странным образованием, выпускающим впереди из себя световой щупалец-прожектор... Видно было, как вершины деревьев одна за другой процарапывались на светлом диске... И иногда можно было различить, как они качаются там. – «Верно, ветер! Какой сильный, если нам видно отсюда – снизу, на расстоянии по прямой – не менее двух километров... думаю». – Вечерний наш разговор оставил след в сознании... Другими встали сегодня утром. Солнце... Синее небо... Но мы уже отрезаны: в себя... в человеческое... Никуда не пошли. Занялись домашними делами. Потом Б.Н. принялся рисовать. Передо мной появился дневник... Но странно: что на душе хорошо от этого изменения... Почти чувство освобождения.

22/VI

<...> Красная Поляна дает главное – атмосферу. Чистота и тишина во внешнем. Незапятнанная свежесть. Не говорю о жизни «данного дня». Она теперь трудная везде. И в Красную Поляну вошла вместе с карточками, безработицей и разного рода прижимом и прищемом. Но это лишь тонкий слой. И не закрывает, не изменяет других воздействий... Жду Иоаннова дня...¹⁹⁷ Для этого надо утихнуть... уйти из душевной взволнованности... Тише, дальше... к звуку из тишины... Ведь звучит же он там... Ведь слышу его... Как только у уха смолкнет шум... – Иногда может казаться, что я списываю у Б.Н. свои записи – до того они – сокращенно-ослабленные повторения его многих страниц. Часто бросаю писать. Зачем? У него все так сильно и ярко. Проще было бы переписать. Думаю так и делать. Б.Н. говорит, чтобы писала отдельно. Ему нравится слушать: проверка! А какая же это проверка. Слова все его. Иначе ведь быть не может. С ним учусь говорить, учусь видеть. Неопределенное во мне, бессловесное, оформляется. Но... молчит еще. – Без прогулки есть время для прорисовки набросков, сделанных наспех. От неумения приходится много времени тратить на выработку «приемов». Не знаю, как сделать, но вижу, когда выходит «не так». После больших усилий, только на горьком опыте часто приходишь к тому, как передать. Всегда есть тенденция «перерисовать», дать рассудочное истолкование. Не умею довериться непосредственному, той незаконченности аритмологического «прерыва», который есть в восприятии. «До»-рисовываю, дорассказываю. И порчу. Теряется жизнь.

Странный вечер. Точно шквал налетел. Все не вовремя вышло. Все чуть-чуть сдвинулось и рассыпалось. Хотели пройти на закат. Но как раз дождь припустился... Б.Н. стал менять сапоги. А хозяйка, увидев, что мы вернулись, мгновенно раздула и принесла заглохший было самовар. Чай пить было рано. Но сказать ей об этом не решились. Поколебались и огорченно остались. Тут, разумеется, дождь прекратился. Все просияло. Вспых на Вишневой горе. Хотелось к ней... И так далее. Все досадные сдвиги и скосы. Маленькие, но царапающие. Дошло до вспыха, до вскрика с обеих сторон. Кончилось же совсем неожиданно. Нотой глубокой и сильной. Стало серьезно и строго. Притихли. Решение было принято. Да будет так!

Б.Н. прочел свои записи. И то, что открылось. Из сердца, из глубины прозвучало опять: да будет. Не хочу ни о чем теперь думать. Тихо, тихо в душе.

23/VI

День ясный и легкий. Взволнованность вчерашним разговором. Но ясно на сердце. Растворенность в летних вершинах... Прогулка утром – через греческий мостик, и вечером по шоссе – за греческий орех. Обе – в своем каждая – совершенны. Даже безуспешность попыток наших зарисовать (так ничего и не вышло) – не нарушила, не омрачила. Только смеялись бессилию и беспомощности зацарапанных схем. Весело поделились несчастьем: «Не получилось... бросаю!» – «И у меня ничего...» – «Не хватает бумаги. Куда ж это втиснуть... Тут полотна нужны... Какие-то клочки умещаются». – «Удручает растерянность глаза. Перестает видеть общие линии. Рассыпается в частностях. И здесь тот же принцип: от целого к частному».

Запишу уж словами. Вид с подъема за греческим мостиком на Красную Поляну. Белые домики рассыпаны внизу в складках пышно спадающих зелено-солнечных тканей. Точно прикрыв свои головы плащами, отвернувшись в разные стороны горизонта, гиганты встали – в оборотах, полуоборотах... один над другим.

Отчаявшись в зарисовках с природы, делаю на память набросок плана.

Конец дня... За горой, где-то там в глубине, плывет месяц. На фосфорическом фоне четкая строгая линия черных изломов Аибги. Б.Н. пытается ее зарисовать... Сидим на крылечке. Дворик наш спит. Мирно кругом... Чуть доносится слабый плач – это один из новорожденных пробует жить. Молчаливые бархаты черных хреб-

тов, как декорационные плоскости, падают ниже и ниже к ущелью. Почти сливаются; серебристый тускло светящийся контур едва намечает отдельности. Как торжественные стены угасшего света стоят они – близко, близко от нас. Придвинулись к нашему домику, к огороду, к огороду соседнему. Они не материя: они – цвет; только цвет. Он в душе – глубина. Чем больше глядишь в эти «черноты», тем глубже, глубже уходишь: в себя. Они вносят покой. Душа «вогнуто» расширяется. Какое пространство тихих, молчаливых просторов. Очень глубоко, очень тихо, очень сильно: да будет.

24/VI

С утра говорили: «Сегодня не то, что вчера...» Нет тишины, безмятежной, безоблачной. Ветер крутил облака. Непокойна природа. Занялись прорисовкой набросков. Трудились до усталости. Б.Н. просто брал «Гималаи» какие-то. Рисовал из отчаяния: «Прямой линии провести не умею»... К четверем ветер усилился. Облака потемнели. «Ну, будет дождь!» Почти нехотя вышли. Никуда не хотелось. – «Пойдем к Ореховой даче?» – «Пойдем... Там присядем на лавочке... Не привлекает погода...» – И вот. – Только что вернулись. Неожиданно, как всегда, посетило Прекрасное. Сидим – взволнованные, переполненные. Присмирившие, тихие. Странное продолжение после вчерашнего и третьего дня. Что сказать? То, пожалуй, что сегодня впервые увидели лик Красной Поляны, как когда-то Казбек¹⁹⁸. В каждом месте есть это центральное. Оно приходит не сразу. И может совсем не прийти. Но если да, то всегда это вечер... И разговор солнца с землей, в тенях и в цветах. Пока «этого» не было, не скажешь, что было. На Казбеке, в Коджорах был «такой» вечер. Теперь он случился в Красной Поляне. Цвета: бронзово-рубинное, отлив в золото... вишнево-серебряное на голубом, в складках темно-зеленого бархата. Чуть вишневые, чуть розоватые, серебристые блески поверхностей в четких, но легких окладах темнот. Воздушная невесомость, а под ней чувство строгой формы. Твердый и верный резец. – «Такой горы я не видел!» – Я просто молчала. Закат горел... – Повернулись к Аибге. И даже не вскрикнули. Только вырвался... вздох. – «Да, вот и Аибги еще мы не видели». Весь массив ее, с четырьмя зубцами, волны сосновых лесов по огромному всходу – все там пылало. Словно густое вино в рубинных стаканах. Багряно-оранжево-золотое, коричнево-черно-зеленое море. Только вверху бок Аибги – стал вдруг нежным и оделся в краски Вишневой горы... Встало, как память, как рождающее воспомина-ние: да будет¹⁹⁹.

«Отъезд» входит в сознание. Эти дни уже доживаем. Обходим. Прощаемся. – Днем гроза. Но какая легкая, летняя. Брызнул дождь. Пахнуло озоном. И тотчас же – солнце. Центр грозы видно у Перевала. Там все вздыбилось: космы и пены. Бело-голубые, чуть-чуть сиреневые: великаны седые в плащах понадвинулись ближе к Поляне. Весь день они разные – в разных местах горизонта. – Пошли к Эстонскому поселку. Мзымта неузнаваема: шоколадно-кофейная. Верхи Аибги закрыты. «Срезаны», – досадовал Б.Н., который хотел их рисовать. Зато «лапы», сбегавшие к Мзымте, выступали рельефно, будто вцепившись в каменистые берега. – Вечер сидели с карандашами: до безумия, до одержимости: «Похожи ли мы на взрослых серьезных людей?» – «А разве не серьезно, что в этом “безумии” мы изучаем, мы учимся?» – «Чему?» – «Строющим силам... краске, свету, пространству... Ведь целый путь лежит между “увидеть” и воспроизвести...» – «Так-то оно так! Но все же!» – «А разве по сравнению с зарисовкой Коджор или первых попыток, сделанных еще в Цихис-Дзири²⁰⁰, мы не научились: и видеть, и закреплять виденное. Бумага – только предлог. В основном – работает восприятие и память...» – Последние дни! И спасибо за них. Они дали незабываемое: встречу с природными силами, ... легкую, веселую «повседневность» (не хочу сказать «быт»), важное решение в судьбе, горькие и нужные минуты самопознания... – А письма из Москвы невеселые...²⁰¹

Заказала билеты на автобус. Думаем выехать в пятницу. Утро – дома. Письма, дневник, преддорожня предраскладка. Все же возим с собой несколько коробочек камней. Были очень строги и умеренны в выборе. Б.Н. почти с возмущением в сотый раз восклицает: «Почему художники не делают камней?! Вот бы Сарьян. Взял бы один такой камень – и показал... А то “дворики! дворики”...» – Думаю о Москве, о своих... Или лучше: не думать. Очень взволновало меня присланное П<етром>²⁰² сегодня письмо <...> теперь после нашего разговора с Б.Н. 22/VI <...> – Письмо от Р<азумника> Вас<ильевича>²⁰³. Тоже усталое, грустное. Сколько страдания кругом! И свое «счастье», счастье быть вдвоем, быть в созвучии с близким <...> принимаешь, как дар: для ... для «excelsior!»²⁰⁴ для усилия к добру. – Сегодня очень парит. Душно, как никогда. Спустились в ущелье по Адлеровскому шоссе. Долго сидели на камнях... так, ни о чем. Тишина. Ясность... Перевал догорал. Там ползали бело-

молочные змеи. Из нижних ущелий, цепляясь за скаты, ползли вверх, затемняли зрение пиков... Смотрим на все уже взглядом прощальным. Рассеянно скользя по знакомым картинам. Урок Красной Поляны закончен. Спасибо ей. Неожиданно нашла в ней то, чего, может быть, нигде не будет: жизнь вдвоем... Каждый шаг здесь был сделан вдвоем, каждый взгляд – взгляд вдвоем. И то острое, что прошло, как взрыв, между нами в странный вечер 22/VI, только увеличило силу любви... Любви ли? Не знаю, как назвать то, что связывает нас с Б.Н. ... – Сидим за чаем. Договариваем о Красной Поляне, додумываем вслух... Б.Н. еще дорисовывает что-то спешно. Передо мной – письмо к Раз<умнику> Вас<ильевичу>²⁰⁵. – Перед сном: сидим на крылечке над милым двориком. Горы темнеют совсем рядом и вверх. Изредка летят светляки. Ночь теплая. С перевала в ущелье тянутся облака. Шумит Мзымта...

27/VI

Делали смотр своим зарисовкам. Б.Н. докончил-таки вчера: по новому принципу. – Вот и видно, чему научились с Коджор. Красная Поляна схвачена. Рисунки передают ее или то, что мы в ней видим. Но как разное. У Б.Н. все могуче, стремительно, бурно. У меня совсем другое. Хотя бы для этого имеют смысл такие «опыты». Как в зеркале, они отражают душевное в каждом из нас. По ним можно, как по руке, сказать о характере – о душевном, ритмическом жесте: <...> гораздо больше высказываешь через рисунок, чем в записях дневника.

– Разложили на полу свои «опусы». Сели над ними. И обсуждали подробно. – Потом укладка, распределение вещей... – Расстались с хозяевами дружески. Простые, тихие люди. Очень сдержанные, очень честные и по-своему чуткие. Жить у них было просто и свободно. Natúrmenschen²⁰⁶ – но в очень хорошем смысле. –

28/VI

День, каких давно не было. Блистательный! Красная Поляна развернула свои дары. Жаль, жаль уезжать. Что-то ждет в Шови, а здесь так хорошо... Глядим в последний раз: Перевал, Аибга, Ачишхо, Вишневая гора, ущелье... все словно щедро дарит на прощанье, – чтобы с этим даром уехали...

– Встала в 6. Не спалось. Минуты прощанья с хозяевами. Пошли всей семьей провожать нас к автобусу. Вместо 9 выехали едва ли не в 10. Задержал санаторий. Да и здесь с «санаторскими» вышел скандал. Кто-то там сел лишний, и пассажирам, взявшим билет, не было

места... «Выходите, кто без билета»... Молчанье... «Да выходите же, машина не пойдет»... Молчанье... «Шофер не едет, боясь перегрузки. Выходите!» Молчанье. Все 10 плотно сидят. Так длится минут 10. Наконец уступает свое место один из местных жителей, который может ехать и со следующей машиной. Компания не хотела разбиваться! Крепкие молодцы!

– Наконец! тронулись. Сперва: знакомые места: мостик, роща, камень, выступ над шоссе, под которым часто сидели над Мзымтой... Утро жаркое. Придушивает... В этот раз места наши слева, и видно все же хоть кое-что. Ущелье какое-то атласно-белое, покрытое сквозным шелковым кружевом темно-, почти черно-зеленого цвета. Впечатленье подводного царства, дворцов морского царя. Сказочно. Легко и воздушно. А какие громады. Голову надо закидывать: конца не увидишь. Белое – : вот почему Б.Н. говорил о нем «веселое».

– Ехали без приключений. Только уже на отрывке: вокзал – Адлер, т. е. последний километр перед автостанцией, сломалось колесо. Не меньше получаса шофер с ним возился.

– Пароход «Севастополь». Три часа дня. Ошеломительно! контраст всех впечатлений. Вместо замкнутости К<расной> П<оляны> – ширь и простор. Видишь, как не хватало там горизонта. Сидели на дне «котла». – На пароход попали в последний момент. Бывают дорожные неудачи, но иногда и везет. В предположении, что у нас много времени, которое нужно будет как-нибудь «убить», Б.Н., не торопясь, пошел с автобазы справиться в пароходную кассу. Через четверть часа – вижу, бежит и машет: «Скорее, скорее! лодка сейчас отходит! опоздаем! Скорее!» ... И понеслись. Извозчиков, разумеется, нет. Мальчик несет чемодан. Мы с мешками и дорожными сумками – мчимся под пеклом... Через полчаса – на пароходе. Едва можем опомниться: так было стремительно. Сидим на палубе. Море тихое. Пароход маленький, старой стройки. Уютный. Не то что «гроб», на котором мы плыли из Батума. Там даже скамеек не было на палубе... Берега однообразно хороши. Голубая дымка – в ней лилово-золотые огромные раковины, чинно рассажены друг подле друга. Довольно статично. Нет динамики слетов и взлетов. Каждая форма закончена и не переходит в другую.

– К вечеру в Гаграх. Стоять будем долго. Но сходить уже поздно – для нас. Кое-кто все же съехал. Наш пароход «увеселительно»-экскурсионный. Предполагается, что на каждой остановке «экскурсанты» осматривают достопримечательности мест. Но пока «экскурсантов» никаких нет. И на пароходе – пусто.

Стоим долго. Утро. Впечатление от Сухума то же, что и в прошлый раз. Неинтересно. Горы скучные, плотные. Как-то засели и всели на берег, необщительно сторонясь друг друга, каждая, со своим «хозяйством», кажется огороженной.

– Начинает бросаться в глаза какая-то странная сдержанность и молчаливость всех, начиная с капитана. И скука... Только из Кр<асного> Уголка непрерывная балалайка угощает «Лесной сказкой», «Возвращением на родину»²⁰⁷ и прочими вальсо-маршами. Вечные мотивы, нетронутые... – Наконец отчалили. Прибрежные «корзинки» стали приседать, плющиться. А из-за них возникали снеговые явления: проткнется там, проткнется здесь. Лезут и лезут. И постепенно сливаются в бело-черную изломанную зубчатость. Очертания предгорий спокойны. За освещенной и контурированной реальностью первой гряды знакомая призрачность далей. Где все точно стерто и сквозит в серебристом и мгlistом тумане. А дальше и выше – опять все реально, четко освещено, – но уже по-иному, чем побережье. И там: хаос линий, углов, сломов, площадок и пиков. Изорванность, беспокойство...

– 6 часов. – Томительно. Нечего делать. В каюте парня <так!> и пекло, хватающее за виски, как только всунешься. На палубе – на глазах у всех, среди скучающей толчеи не знающих, что с собой делать, товарищей по несчастью. Ни разговоров, ни смеха, ни тем более споров. Угрюмо, упорно молчат. Если слова, то неживые: о курорте, брónи, санатории. Узкий предел. – 7 часов. Потти. Решили сойти. «Как же не ступить на берег, куда приплыл Арго»... Перешли через мост на Рионе. Открылась бесконечная, так сказать, «улица». Уныло тащится конка. И – никого. Лишь у двух-трех лавчонок присели на корточках кучки. Несется гортанная речь. «Ну и Потти! говорили, что скучный пыльный город, но не верилось, что до такой степени...» – «Сам себе кажешься мертвецом. Берет за душу... Идем назад...» – «Тут нечего делать и нечего “осматривать”». – На пароходе то же томленье. Духота, все белье мокрое. А Б.Н. схватил на сморк. – Билет у нас был до Потти. Оттуда хотели поездом на Кутаис. – Но никто не умел сказать, успеем ли мы на поезд. Рисковать же ночлегом в Потти – «очаге малярии» – не решились. Билеты брать нужно на пристани и за час до отхода, т. е. в 11. Поручили их взять номерному. Где же самим блуждать в темноте. Он и «взял»... Б.Н. дал ему 10 р<ублей> и сдачи не получил. Хотя стоимость билетов 3 с чем-то. «Что же не отдал?» – «Да он молчал. У меня язык не поднялся...» Только махнула рукой. Перед жадно раскрытыми ртами

носильщиков, номерных, извозчиков, комиссионеров – Б.Н. приходит в странное исступленье – и сыплет, сыплет в них трехрублевки... «Не выношу протянутых рук и хищных взглядов... Берите все, только отстаньте!» – К отъезду из Потти – небо затянулось, в горах загремело. Над нами закапало. Говорят, будет качка. Ну и встретит же нас Батумская бухточка!

30/VI Батум

В Батуме – в 4 утра. Слава Богу: сверх всех ожиданий – «нет дождя»! К тому же свежо. Охватило прохладой. Вдохнули легко. И Батум показался прекрасным. Заняли номер в гостинице «Франция». До семи продремали. Потом совсем ожили за умываньем: наше первое наслажденье в каждом месте, куда попадаем здесь.

Но насморк Б.Н. мешал вполне отдаться плесканью. Зато «чайное» утешенье – к услугам. Сидим. Обсуждаем. Строим план переезда Батум – Кутаис. «Как это нас пропустило на сей раз», – смеется Б.Н. Он бодрый и предприимчивый. Взятся сделать один все покупки. Меня охватило отвращение к солнцу после двух дней «припека»... – Наслаждаюсь сравнительной прохладой и уютом. Нет вокруг тебя наблюдающих глаз. – Б.Н. приходит, уходит: за тем, за другим. Рассказывает, что видел, какая погода. Очень веселился, описывая кафе, в котором обедал. Смесь Европы – конечно, фокстрот – с восточной неразберихой. «Не то Мухамед, не то мухоед!» – К отъезду все же «закапало». Говорят: это скоро пройдет. Все два месяца была хорошая погода. Ни одного дождя! Прекрасные дни! – Может быть! да мы-то их не видали в Батуме! Картина слишком знакомая: с гор валят черно-серые клубы. Над головой мерзко моросит... – Все же рады, что мы в вагоне. После парохода как-то уютно и спокойно. – Однако не проходит, а совсем наоборот. Едва тронулись, разразилась гроза. Все задернулось какой-то адской бело-зеленой гущей. Оставь надежду навсегда! Ни света тебе не будет, ни солнца – никогда! Небо в непрерывных красных полыханьях. Раскаты все ближе, все громче. В этом inferнальном полусумраке как-то inferнально горят дико красные земли. Словно высунутые дразнящие адские язычки. Не прекрасные, а уже просто страшные. Едем буквально в грозе и буре. Начинает шевелиться мысль: что-то будет в Рионе? – Рион. Ливень. Безобразная история с носильщиком. Почти явное издевательство толпы. Б.Н. в сердечном припадке. Какое же Шови! Кошки скребут. – Кутаис. Нет носильщиков. Нет извозчиков. Под дождем плетемся с вокзала в гостиницу. Изнемогающий под тяжестью вешей старичок еврей, взявшийся нам донести. Б.Н. мучается, что не

может ему помочь. С нами же идет какой-то грузин, который разговаривал с нами в вагоне. Он же устроил нам носильщика-еврея...²⁰⁸ На душе мрачно. Б.Н. простудится, шлепая по лужам. Как же ехать еще 130 километров... – Грустно сидим в номере с кривым столом и зеркалом. Ждем, когда придет человек из гостиницы с билетами на Шови. Все же рискуем: ехать! Так тянутся часы от 3 до 7.

1/VII

Мы не суеверны. Но что сказать на ряд таких странных и даже нечеловеческих совпадений. Повторилась история прошлого года: число в число. В Шови не едем – едем обратно в Тифлис. Б.Н. потрясен всем тем, что было в эту ночь. Не расскажешь! Но если придумывать нарочно, то так не придумаешь. Служитель вернулся: «Машин на Шови нет. Дорога не открыта, и неизвестно, когда откроется!» Б.Н. вспылил: «Что же делает курортное управление, давая путевки в курорт, к которому нельзя проехать!» Человек пожимает плечами. Молчит... Мы глядим друг на друга: Как быть? Ждать? Но чего ждать? В прошлом году ждали 4 дня, и потом нам сказали, что машина пойдет только через 10 дней... Кроме того, простуда Б.Н. разыгрывается. Нервы разбиты. Боюсь, что расхворается. – И вот: взяты билеты в Тифлис. Коротаем день. Поезд вечером. – В довершение всего: встреча Б.Н. с барышней из курортного управления: оно ни при чем. Сообщение с Шови есть. Многие уже туда уехали. Просто ливнем вчерашним размыло дорогу. Совпадение! Ровно год тому назад: гроза, ливень в горах. Дорога в Шови испорчена... Барышня уговаривала подождать. Она тоже останется в Кутаисе. В Шови прекрасно. Там «все» будут. Б.Н. ждут, и т. д. Словом, и здесь по-прошлогоднему. И тогда так же какая-то барышня в минуту отъезда на вокзал стала уговаривать ехать на Шови, уверяя, что проехать там можно. Предлагала от Они²⁰⁹ вместе взять экипаж... Признаться, с тяжелым сердцем садились в вагон. Б.Н. совершенно болен. Притих. Но возбуждение почти до лихорадки. Его всего перевернуло... Грустно от бессмысленности и непонятности этого случая. Почему Имеретия действительно так к нам сурова... Стоит проехать Сурам – и все другое.

Все приветливо, ласково, дружески. Это не выдумка. Это факт переживания... это просто «факт»...²¹⁰

2/VII Тифлис

Опять мы у Тициана. Ехали с вокзала волнуясь: «А вдруг никого не застанем». Ведь ко всему, нам в Кутаисе сказали, что поэты по-

ехали нас встречать в Шови... Но все обошлось благополучно. Тициан еще спал. Удивился, огорчился очень. Б.Н. действительно являл вид несчастный... Рассказы, расспросы... Т<ициан> после чая ушел: в курортное управление, предупредить об отказе Б.Н. от комнат в Шови. Мы наслаждаемся, что кончились наши «дороги». Не нужно считать вещи, хвататься за портмоне, искать билеты, проводить часы в неопределенности: уедем, не уедем? Хорошо от того, что можно просто тихо сидеть, ничего не ожидая, никуда не спеша... Выходили только в «Германию». Вечером были Г.Робакидзе и Паоло. Предлагают нам снова Коджоры. Паоло все же хочет переломать судьбу и хоть на несколько дней проехать с нами в Шови – но позже, когда все уляжется. – С Тицианом удивительно хорошо. В нем много мягкости и сердечности. Радуюсь, что начинаю их просто «любить». Паоло в своем роде тоже чудесен. Весь пылкий, с огненными глазами, – казалось порой, что он сам с трудом несет в себе силы, которые нужно сдерживать и которые шипят в нем и рвутся наружу... Очень люблю в нем, когда он, весь как-то пламенно вздрагивая, начинает о чем-нибудь говорить, что его близко волнует. Он как-то бросается на все и хочет нетерпеливо сразу схватить. Ему непереносимо сознание, что есть то, чем он не владеет. Непереносимо в хорошем смысле, от чувства внутренних возможностей в себе, – которыми также он не владеет. В нем часто прорывается почти что-то мальчишеское, несмотря на солидный вид и некоторую важность горделивой осанки. Часто мы говорили с Б.Н., что в иных отношениях Тициан и Нина Александровна старше Паоло. Он еще бурлит, как молодое вино, на том рубеже, которого никто не минует: на рубеже сознания и самопознания.

3/VII

День прошел тихо. Б.Н. успокаивается. Были только в столовой. По дороге встретили Шкловского²¹¹. Через два года, почти на том же месте. Не удивились, а только рассмеялись: «А! это вы!» – ... «И вы тоже!..» – Б.Н. все нездоров. Был доктор. Сказал, что нужно беречься. Опасного нет, но лучше не выходить, и завтра, например, посидеть дома. Прописал кодеин, <нрзб.> ... Говорит, что нехорошо, если «это» опустится ниже. По всем этим словам, думаю, что все-таки не вполне все так «просто», что он лишь не хотел испугать Б.Н., зная его нервность. Оказывается, он москвич, т. е. жил в Москве, и лечил когда-то Александру Дмитриевну, жил чуть ли не в том же доме, а от отца знает о дедушке Б.Н. – враче на Кавказе²¹². – Все происшедшее как-то вывернуло из себя. О себе ничего не пишу, потому что

неописуемо в словах то, как читаются мне эти события... – У Тициана много книг и газет. Читай хоть целые дни. Б.Н. решил использовать это сиденье на вычисление кривых «Кавказского пленника» Пушкина и Лермонтова²¹³. – Как давно, давно было все то, что было в Красной Поляне... Четыре дня легли едва ли не как четыре года «между»... Минутами охватывает по-новому тот же и тот же голос: «...» <так!> O Mensch! Erkénne dich!..

4/VII

Неожиданно, едва сели за утренний чай, – постучали. – «Кто это? войдите» – : Женя Николаева²¹⁴ и Шкловский. Острый, интересный разговор вперебой. Рассказали о своих краснополянских словесных зарисовках: пёрш, скребоварина, едкий процеп плюща²¹⁵... Женя сразу же поняла. Ее заинтересовал самый принцип: не *сравнение*, не «как то-то, и то-то»... а непосредственное зрительно-слуховое. «Это конкретно! попробую непременно!» – «Попробуйте. И вы увидите, как это захватывает». – Вышел и Тициан. Но он больше слушал. Трудно вставить слово, когда говорят Б.Н. и Шкловский. Это растущий скок-перескок слов и тем... – Тихо прошел день. Отсидживаемся... <...> Что нужно изменить в себе? Порой мне кажется, что знаю. Но тогда это – очень... тогда это о самом главном. – Б.Н. не выходил сегодня. Он чуть-чуть бодрее. Но простуда все еще сидит. Крепко вцепилась. Хорош он был бы, если бы в таком виде мы поехали в Шови. У него в связи с этим опять отталкивание от «природы». «Не хочу видеть этих красот... Глаза бы мои не глядели...» Пытаюсь сказать: «Но все, что ни делается, – к лучшему» – «Оставьте!» – раздраженно машет рукой. «Все равно мы тут ничего не понимаем. Так чего же тут утешаться ... я еще не знаю, что такое кавказский хребет! О добром ли он... Во всяком случае теперь – видеть его не хочу...» – «Да это не утешение. Так... просто», – смущаюсь, не зная, что другое сказать. Ведь, действительно, странно поступила с нами судьба.

5/VII

Вот и в Тифлис пришел «батумский» заряд. Ночью гроза. А утром ливень, Б.Н. опять не выходит. Чтобы занять время, сидит над ритмом «Кавказского пленника». Хочет сперва сделать пушкинского, а потом взять Лермонтова. Пока еще трудно сказать. После изощренности кривой «М<едного> Вс<адника>» эта кажется бедноватой. Впрочем, – она ведь еще не вся. Есть одно интересное место – вытянутость почти в прямую. Оказывается: это абзац, где описыва-

ется жизнь в плену до слов «И на челе его высоком не отразилось ничего»²¹⁶. – День серенький, покрапывает... Едем в Коджоры – опять. Но еще нужно несколько дней переждать: пока окончательно ликвидируется нездоровье Б.Н. – Но как странно будет опять оказаться в Коджорах... и в тех же комнатах, с тем же Мелитоном²¹⁷. – Выходила одна. Без Б.Н. непривычно и пусто. Грусть охватила. И грусть была в погоде: горы в стороне хребта в синем дыме. Прикрапывает.

– Записываю просто факт: автомобиль Они – Шови свалился с откоса. Шоферу ампутирована нога. Четверо тяжело ранено. Барышня, уговаривавшая нас подождать, не ехать в Тифлис, – в опасном положении, разбитая, лежит в больнице, в Они... Бедненькая! Образ ее так и стоит перед глазами. Как она проводила нас вплоть до вагона, сидела до последнего звонка... И все говорила, говорила, без умолку, возбужденно, почти умоляя, дождаться машины... Не могу ничего пока прибавить²¹⁸. Только одно: <...>

<...> – Узнали об этом часов в семь вечера.

К восьми-деяти собралось несколько человек. Пошли разговоры. Сразу на темы: времени, пространства, ритма, причинности, случая, закона, «Эйнштейн, Кант, Гегель, Гете, Маркс, механицисты»²¹⁹, «деборинцы»²²⁰», – так и запестрело именами. Едва удалось усадить расшумевшихся за стол. Тициан взял на себя обычную роль – руководителя беседы – «тамады» – кажется. Но напрасно он призывал «назад к Пушкину». Литературные темы неизменно углублялись в общие философские. Высказывались все очень живо и ярко. Прекрасно сказал Шкловский: литературное произведение – вещь без хозяина; солдаты побеждающей армии не умирают, связь грузинской и русской литературы несомненна и в дружбе и во вражде. – А<ндроникашвили>²²¹ говорил о значении закона, отвергал Эйнштейна, указывал, что ценность науки – во внесении порядка в хаос явлений, что время есть факт мышления: сперва одна мысль, *потом* другая (Декарт) и т. д. Б.Н. говорил о пленуме времен; момент интуитивного прозрения: Галилей в пизанском соборе открывает закон тяготения²²² и после уже вылагает <так!> его в *ряде* мыслей, в «*потом*»; об интерференции законов; о свободе из необходимости, о необходимости из свободы, о непротивлении как паузе вдыхания, собирания потенциальных энергий; о радио, которое, может быть, убьет «литературу», о социальном заказе и т. д. Тициан прекрасно, с подъемом сказал на свою обычную тему: о большой магистрали русской поэзии и литературы, прочел стихи Есенина к поэтам, написанные после революции («народы враждуют, поэты – дружат...»²²³).

Среди разговоров не заметили, как пришла гроза. Дождь задержал собравшихся было расходиться. И был уже второй час на исходе, когда остались одни с Б.Н. ...

Вспомнили опять о случае с «Шови»... Но не говорили ничего. Нельзя здесь еще трогать словами. <...> – Как странно неиссякаема новизна нашей радости друг другом. – «Неужели можно поверить, что уже 11 лет, как мы встретились!» – «Нет, нет! Мы встречаемся непрерывно. И каждая встреча – новая встреча, новая радость...» – «А вечер 22/VI в Красной Поляне... Но ведь и он “встреча” – испытание...» – «И радость, что испытание только углубило и сблизило». – «Не будь этого, мы еще чего-то не знали бы о себе и друг о друге...» – «Вот зачем нужна любовь: вместе спускаться туда, куда один не может сойти».

6/VII

Облачно, но тепло. Опять тихое утро дома. Каждый из нас занят своим. Тициан – в своей комнате шуршит газетой, изредка покашливая. Б.Н. – за «Пленником», хочет кончить скорее. Передо мною – дневник. Но писать как-то не хочется. Вчера заснула уже в четвертом и встала сравнительно рано. Или, быть может, это реакция на потрясение. Все еще не отошли эти дни. Само Шови как-то забылось. Но «случай» продолжает стоять перед сознанием. – Вечером зашел Г.Робакидзе. Сперва они говорили втроем. Б.Н. – «Собрание сочинений дело не “библиографии”. Творческое дело... Мечтаю, чтобы мне поручили Антологию русских поэтов. Вовсе не нужно выпускать “полностью”. Достаточно отбора. Дайте мне, и я вам покажу такого “Алексея Толстого”, что вы удивитесь; но ни “русские” стихи, ни Иоанн Дамаскин, ни Дон Жуан сюда не войдут²²⁴...» – Т<ициан> возражает против «отбора». – Б.Н. – <...> [«Только автор знает, до чего многое из напечатанного было *не так*»] ... говорит о работе над З<олотом> в Лазури. Т<ициан> возражает: «Есть неповторимое, чего нельзя изменять» ... говорит, как многие любят З<олото> в Л<азури>. Б.Н.: «Но автор знает все несоответствие формы с содержанием. Молодость, отсутствие техники не дали возможности выразить то, что я хотел. И я писал по-разному. Напр<имер>, “Первое св<идание>” нельзя изменить, оно вылилось сразу и ушло. Другое: З<олото> в Л<азури>, Пепел. Они всегда со мной. И я знаю, *как* они должны быть написаны, чтобы дать то, что я хотел. Я сохраняю *то* настроение, меняю лишь внешнее выражение»²²⁵. Гр<игол>: «Понимаю... но... поэт живет в особом круге творчества. Со временем он видит, что этого круга не понимал. У

меня часто мои произведения обращаются на меня. Это сын, который восстает на отца. Отделился и восстал»... Б.Н.: «Да! Но тут не положение отца и сына, а моего “Я” как личности и индивидуума». Начинает развивать: «Я – множественно, надо не убить, а примирить противоречия. Ходить многоликим – страдание, а не безответственность, как думает Бальмонт. Это обязывает, а не разрешает...» Далее говорит о дионисичности мысли – подробно. Гр<игол> не вполне согласен. В сущности, он *не понимает* и сводит разговор на другое, думая, что продолжает. Для него мысль – начало света, порядка. – Б.Н. опять возвращается к исходной теме. Говорит долго один, развертывая историю рождения мысли из мифа, личности из рода. – Гр<игол> опять уходит в сторону. Ясно, что он знает мысль только в рассудке. И, слушая со стороны, видно, какая безграничная разница между ними и как существо этой разницы в том, что Б.Н. имел «опыт» с мыслью, а Гр<игол> нет. Гр<игол> умен, остр и ... Б.Н. касается не ума только, а разума. Для Гр<игола> Дионис – темное, то, где мысли именно нет места, стихия, оргазм... Мысль – есть уже отрешенность, преодоление. Мысль – вверх. Д<ионис> – вниз... Б.Н. делает последнюю попытку: мысль не Д<ионис>, не Аполлон, а скрещение их в одном образе... Далее разговор прерывается. Гр<игол> возвращается ко вчерашним темам: «Время возможно только в “Я”... Я стремлюсь к себе: встречный прогресс... Аристотель говорит: всякий прогресс есть предвечно достигнутая цель»... – Начинают звучать: Гегель, Эйнштейн, координаты, конечность, качество, объект... – Записала нарочно один из разговоров, каких было много. Он характерен. Слишком часто приходится мне наблюдать разговоры Б.Н. с другими. И всегда одно впечатление: он вооружен бесконечно сильнее. Он говорит из своего рода «виденья» всей картины, из полноты обзора, стоящего в центре. А его собеседники обычно говорят из разных углов... Так с Разумником Вас<ильевичем>, с Великановым²²⁶, с Робакидзе...

– Разница поэзии и прозы в ненормальной стабилизации метра. Ритм не решает: идет ли дело о поэзии или прозе. В ритме этого деления нет... Но ритм – основная стихия *слова*. Слово ритмично, поскольку в нем есть жизнь. «Поэзия» – только временная температура²²⁷. Она условна, как *Wohltemperierte Klavier*²²⁸.

7/VII воскресенье

Все утро дождь с грозой. Мы, кажется, возим с собою «дождь» в кармане... Но пока здесь это не смущает. Даже почти приятно: си-

деть, никуда не спеша, ничего не ожидая. Сегодня вышли вместе обедать. Замечаем, что за этот месяц стол в «Германии» значительно ухудшился. <...>

– Обратно шли пешком. Б.Н. приятно было двигать ногами после своего сиденья... – К вечеру опять гроза. Странная какая-то: перманентно гремит; без разрешенья – смолкает, и опять начинает греметь через некоторое время. Нет обычного в грозе нарастанья и облегчения после того, как она разрешится. Все что-то держит... Как это в общем ритме: все теперь так – начинается и длится без разрешенья. Вот и болезнь Б.Н. Вчера – было нормально, сегодня утром – 36,4 – а в восемь опять 37,3. Самое скверное это «почти» нормально. Пока же не установится прочно t° , нельзя ехать в Коджоры. Там может быть и очень свежо, и ветер. – Пробыть еще несколько дней в Тифлисе даже приятно. Смущает лишь, что мы пользуемся гостеприимством Тициана и как-никак его все же стесняем. Он часто уходит. Сегодня его целый день нет дома. И не знаешь: нужно ли это или это его деликатность. Он болезненно деликатен... Вообще, чем больше его узнаешь, тем больше видишь, какой это *хороший*, именно *хороший* человек. – Читаю целые дни: «современных» авторов. У Т<ициана> много книг. Завалены все столы и полки. Пользуюсь случаем: заглядываю то в одну, то в другую книжку или книжонку. Уже надоело. А – все перелистываешь страницы. Все же больше других интересна Америка. Там хоть нравы, быт – новы, незнакомы. Попадаются иной раз любопытные вещи – скорее не в том, что написано, а в том, что читаешь меж строк. – Не знаю почему, но беспокоюсь за Б.Н. Хоть бы скорее он выздоравливал. Он и сам томится этой затяжкой. Ни болен, ни здоров – самое неприятное состоянье.

Живу в непривычном спокойствии. Читаю... «машу» руками: радует величина и высота комнат. Высота особенно. Теперь мне даже она важнее. Важнее возможность поднять руки вверх и не толкнуться о потолок – не толкнуться их продолжением...²²⁹

8/VII

Все еще дождь. Второй уж день. С перерывами... Но зато ливень. И барометр не поднимается. Чувствую это по мускулам. Они реагируют безошибочно: чувством тяжести. Тоже и Б.Н. Наши мускулы в самой точной связи с состоянием атмосферы. Сухо – и легко, и точно летишь ты без плоти. Но малейшее давление барометра тотчас сказывается: тело налито точно свинцом, рук не поднимешь... Б.Н. опять не выходит. Вчера к вечеру – жар, кашель и болевое ощущение под лопаткой... Что это с ним? Тревожусь. – Но день прошел

тихо. Оба сидели каждый со своим «рукоделием». Долго же «отсиживаемся»... Если бы не доброта и радушие Тициана, чувствовали бы себя неловко... В «На ... посту» <так!> вышла статья Э<льсберга>²³⁰ о Б.Н.: очень, очень приемлемая. Ни одного «хе-хе», тон серьезный, написана дельно. Мне такой суховатый, «научный» подход говорит больше, чем «симпатизирующие», но жидковатые излиянья Воронского²³¹. И как ни парадоксально, но в статье Э<льсберга> понимания «Белого» в известном разрезе больше. Цитаты приведены очень умно. А сравнение, например, образа Мандро и Лизаши с Катериной и Колдуном в «Страшной мести»²³² – даже поразило. Мы никогда об этом не думали, и, хотя к образу Катерины и ее отца Б.Н. возвращается часто, но в голову не приходило, что это же тема Лизаши–Мандро. Меня всегда удивляла именно единственность в русской литературе этой страшной темы. Казалось: откуда это она у Б.Н. Теперь многое стало понятно. И «непонятное» перенеслось совсем на другое. Непонятно тогда: что значит это в разрезе «России» ... «русского» сознания. Вот он «провал» – глубже всех провалов у Достоевского. Гоголь коснулся здесь чего-то, чего мы о себе не знаем, но что очень страшно... Hüte dich!²³³ – хочется сказать, когда подходишь мыслью к этим местам. – Вечером был Гр<игол> Роб<акидзе> и Шаншиашвили²³⁴. Сперва разговор шел на обычные темы: ритм, рифма, проза, поэзия, Тютчев (стихия хаоса). Потом перешло к Блоку, символистам, аргонавтам и закончилось блестящей характеристикой Эллиса. Б.Н. был в ударе и развернул действительно невероятный образ.

9/VII

Что же это! Дождь опять. Держали совет с Тицианом. Он не советует ехать в Коджоры, пока погода не установится. Там может быть холодно в дождливые дни. Начинает казаться, что и в Коджоры не попадем. Вспоминали А<лексея> С<ергеевича>²³⁵: где-то он? Ведь как раз теперь время его путешествий. 15/VII он должен был быть в Шови. С его бронхитом не очень-то хорошо попасть под такую погоду в горах. – Утром заходила Анико²³⁶: очень обрадовались. Она приехала хлопотать. Все никак не могут оставить в покое бедных стариков: отняли у них «норму»... Трогает в Анико ее подтянутость и желание быть «как все». И удивительно, что, 20 лет просидев в Сачхери, она сохранила в 50 с лишком лет и грацию, и какое-то прелестное изящество. Сердечно приглашала к себе, когда их дела поправятся. И знаешь, что это не слова. Было даже стыдно, что мы ей ни разу не написали. Странно, что у нас здесь завелось столько хо-

роших отношений: и Анико с Котэ, и Ростовцевы²³⁷, и Сарьян, и ... Мелитон... Полихроновы. О друзьях-поэтах уже не говорю... – Начинаю опять беспокоиться о Москве. Б.Н. второй раз уже видит П<етра> во сне. П<етр> приезжает в Батум, ласковый, с приветливым жестом... Думаю о нем. И всегда с болью о странной нашей судьбе, о связи в страдании. Ведь 20 лет уже мы вместе. Б.Н. очень ценит в нем честность и прямоту. Да! вот о ком можно сказать: в нем нет лукавства!

– Вечер провели вдвоем. Тициан поехал провожать с Паоло Т<амару> Г<ригорьевну>. Они заезжали на минутку проститься. Скоро и мы тронемся. День разгулялся. – Заглядываю в газету. Все та же мертвая зыбь. Все как-то пляшет на месте. За эти дни перечиталась до тошноты. Кажется, надолго отшибло от «современных» романов. Как свежую воду, взяла Лагерлеф²³⁸. Легенды. Пусть это сладко. Но хоть нота человеческого слышна. А там – чувствуешь себя не то в стойле, не то в конюшне, несмотря на все «тенты с пестрыми кистями», віна, «<нрзб.> тон», старинные усадьбы и океанские пароходы. Перед прилавком, где пестрят в невероятных обложках крикливые названия, – начинает мутить.

10/VII

Жар. Но прекрасный! Сухой и легкий. От него жарко спине, а не схватывает за виски. Голова совсем свежая. Тянет уехать. – Б.Н. дорабатывает «Пленника». У него уже счислительный раж. Рассеянность ко всему, кроме цифр и кривой. «Растопилось!» Целый день сидит над счислением. Перебирает листы. Порой вскрикивает: от удивления, от досады... Вернувшись с обеда, разглядывали «кривую», разложив ее на полу, как он любит, и присев возле на корточках. Хороша! После всех проработок и чисток значительно поярчела. Словно комок глины, из которого выступил под резцом живой жест человеческого тела. Именно «жест». И первое заглавие книги «О ритмическом жесте»²³⁹ было наиболее верное. Глядя на эти изломы, углы, взлеты, падения – испытываешь очень странное чувство: как если бы все это слышалось, как если бы перед тобой звучала речь, язык, который ты *знаешь*, но – как бывает во сне: не умеешь перевести на слова дневной речи. Может быть, величайшее в этой «кривой» и есть то, что она, как и эвритмия, перемещает органы восприятия. Но эвритмия показывает глазу то, что обычно слышит ухо, а «кривая» показывает то, чего ухо даже не слышит, но что действует. Эвритмистике важно знать «кривую», чтобы дать верную динамику стиха в целом. Эвритмия дает, конечно, возможность «услышать»

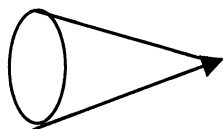
эту динамику непосредственно. Но «кривая» могла бы быть проверкой себя в субъективизме. Логика «кривой» – это логика сна. И так же одна непереводаима в другую.

...Сидим долго над разложенными по полу бумажками и ищем по тексту. Выясняется... вернее, отдаленно намечается смысловое значение иных фигур: тема черкесов, плен, жизнь в плену... покоренье Кавказа, бегство... Все же это чудо!

...Завтра, кажется, едем в Коджоры. Пишу «кажется» – потому что после «Шови» – не решаешься сказать иначе... Пока что лето наше складывается странно. Очень пестро. Ничего еще нельзя сказать: о чем оно и что в нем будет центральным. Впечатлений много. Но – очень разорванных. Не знаю даже – что найдем мы в Коджорах... – Предполагали сегодня идти на концерт Савича²⁴⁰, но оказывается – концерт будет завтра. Откладывать из-за этого отъезд – не стоит, – хотя Савич и интересен очень. – За эти дни как-то странно отрезались мы от природы. И опять – по контрасту с предшествующим: влитость в природу в Красной Поляне. Сразу, без всякого перехода: то целые дни под открытым небом... да и в комнатах – та же природа. Они не могут отгородить, они не преграда. Лежа на постели, слышишь тот же шум Мзымты, в окно – та же Аибга... в окне – те же зеленые шапки грецких орехов... дверь поскрипывает от ветра... А два шага за него – и уже ты охвачен зелеными волнами... и нет никакого домика... – И вот – : без всякого перехода ты посажен в каменный ящик... И «природа» оторвана от тебя тысячью таких же ящиков... Совсем другое, ошеломляюще другое... Вместо могучей «природы» Красной Поляны – четыре, пять горшочков с полусухонькими растеньицами на балконе. Выхожу на балкон и гляжу на них со странным, невыразимым для слов чувством. Графически могла бы выразить это так.

Природа

Красная
Поляна

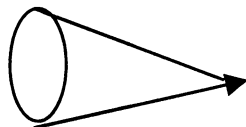

Тифлис

Но с другой стороны было также:

Ис-
то-
рия

Ар-
ме-
ния

Красная
Поляна

Каждый раз круг сводится в точку, и точка разрывается в новый круг содержаний.

Это лишь отрывки того «ритмического жеста», который поднимается во мне в результате наших перемещений.

Вечером заходил художник, делавший макет постановки «Москвы»²⁴¹. –

Часть 2

11 июля – 24 августа 1929²⁴²

*Тифлис – Коджоры. 11/VII*²⁴³

Вот и опять в Коджорах. Точно сон... Та же гостиница, те же комнаты, тот же Мелитон²⁴⁴, его жена, дети. Неужели прошел год... Неужели год назад в этой комнате, у этого стола... Воспоминания охватывают и создают чувство нереальности. Как и чем будут для нас Коджоры в этом году? – От переезда устала. В Тифлисе была жара +49... – Сегодня день памяти Г<еоргиевича>²⁴⁵. Три года уже!.. Третий раз вспоминаем его на Кавказе²⁴⁶. – Ночь... опять так же висят звезды над темным морем Азербейджана <так!>. Так же сидим на веранде. Внизу те же гортанные голоса: служащих из магазина под нами. Ужинают и укладываются спать. Вдалеке так же звучит музыка и песня... Постепенно все затихает... Лишь ветерок пробегает: душистый и свежий. Сказка охватывает нас. Кольцо времени – «кольцо возврата»²⁴⁷ – кружит голову. Мы хотели гор, ледников, силы внешних впечатлений... Нас стремительно и бурно отбросило прочь... Мы, потрясенные, оцепенели в Тифлисе... И вот: из паузы – возникают Коджоры, как бы поворачивая нас вовнутрь. – Впрочем, словами здесь ничего не скажешь. Слова слишком «припиливают». Все гораздо невесомее, тоньше. Что же делать, что по разному поводу приходится повторять один и тот же припев: о немощи языка. Все больше и больше переживание перерастает уровень языка. – Перелетели сюда незаметно. Паоло достал машину. В пятом часу заехали за нами – и через каких-нибудь 35 минут мы стояли уже перед дверями гостиницы. Мелитона, как полагается в это время дня, не было дома. Пошли его искать, поднялись крики... переговоры... Через перила веранды к невидимым обитателям низа... Их реплики. Среди всего этого шума – вижу, несется Мелитон, сияя и улыбаясь издали. Встреча самая радостная... Почему это у нас заводится дружба со всеми. Даже в Армении, в неприступной гостинице остался Хайк... – Поэты скоро уехали, водворив нас, выяснив, как будет с

карточками, с обедом. Изумительно, до чего деликатны они во всех мелочах... – После Красной Поляны все линии здесь кажутся мягче и мельче. То, что в прошлом году воспринималось как «горы», – теперь лишь волнистая линия с легким подъемом²⁴⁸.

12/VII

Начались коджорские дни. Тихие, задумчивые, в дружеском окружении природы. Резко бросается разница с Красной Полянкой. Там оглушающий натиск «элементов», там природа бушует, как море, неизжитым обилием своих сил. Здесь она успокоенная. Она уже не живет, а доживает. Крылья веков, потоки истории... Восприятие ее духовно. От Армении она тоже отлична. Хотя Азарбейджан и долина Куры уже несут в себе нечто от Эриванской долины, от Персии. Но там – шелка и вуали. Здесь воздухи... Краски мягче, но суше и легче. Эриванская равнина – радужные переливы шелковой шали... Азарбейджан – персиково-бирюзовая кисея... – Утром пошли «поздороваться» с нашей вершиной... Охватили просторы... В дымке все очертания гор. Нет Дагестана, Хребта, Армянских цепей... Зато невыразимо приподняты лепестковые взлеты коджорской спирали. Они, точно огромная роза, плывут по дымкам воздушного моря – среди нежных молочно-опаловых рос... И кажется, что видишь глазом, как они легко и плавно покачиваются среди струй...

Б.Н. стал подбирать их звучание. «Сделайте эвритмически олайя-лэли»... – «Да, хорошо, – но мне звучит в них “в-л-н”...» (делаю также и это)... – Да, эвритмически это лучше. Но мне хотелось передать то, что в них есть от греческого «лялэйн» (говорить хвалу)²⁴⁹... Сели в тени над спуском к Удзо²⁵⁰...

Перед обедом Б.Н. заканчивал чтение текста «К<авказского> П<ленника>» по уровням: вверх и вниз от средней. То, что открывалось, поражало до вдрозга. Но очень сложно, завито в какую-то, еще непонятную в целом спираль восьмерок²⁵¹. Только отдельные кольца – вскрываются в своих смыслах. Тема «русского» и «черкешенки». Не названы их имена. «Русский» – в одном месте даже с большой буквы. Он любит «другую». Но другая – это Свобода... Черкешенка же тоже «свобода». Она *освобождает* его. «Беги»... Конь выносит его на *другой* берег. Дева гибнет, отказавшись следовать за ним: «Нет, русский! нет...» Тема горцев... покоренье Кавказа... Смерть Вольности... Измены друзей... тема изгнания... предательского убийства... – Даю на память, а не в порядке уровней...

– Вечером поднялись на Удзо. Сидели долго над склоном к Военно-Грузинской дороге. На закате из дымного воздуха вдруг четко сгу-

стился Казбек... влево от него прочертились гребни Хребта... Направо возникли зубцы Дагестана... Но это был конец... спущенный занавес. «Явилось» же совсем другое. Мы склонили головы набок, припав головой к земле. «Преображение» началось. Вещество претворялось по мере того, как взгляд падал все более и более вкось. «Прах земной», который мы видим после изгнания из рая, становился струением странно стеклянным... И возникала «иная» земля. Овраги уже не «овраги», не черные рытвины... а лилово-вишневая колоннада... Ключки зреющих пашен на серо-бурых откосах – уже драгоценное золото мягких свесов изумрудно-агатовой ткани... Все вместе – прозрачно-стеклянно струится... за гранью отлетающей вниз из-под нас бездны: ближних земель. И сливается в целый город или храм! Сердце бьется усиленно: «Ведь это же возвращение в рай...» Ведь глаза твои чудом склоненья осей входят в новую землю. Взгляд, точно омытый живую водой – уходит все глубже, все дальше. И только головокружение заставляет вновь поднять голову: прямо. И все рассыпается в «прах».

13/VII

Задал же Пушкин задачу. Никак смысл «К<авказского> П<ленника>» не дается. Вот уже подлинно: логика сна. Все утро Б.Н. бился, – не складывается целое. Какие-то противоречия. Не знаешь, что, собственно, Пушкин хотел сказать. Его кривая всегда трудно прочитываема. Но в конце концов смысл становится понятен. Здесь же никак! А между тем линия так прекрасна! Так красиво бьется сердце Пушкина. Обиднее всего, что глядишь на изломы и взлеты и *видишь*: они говорят. Но что? что говорят! Русский любит Черкешенку, воскресает в ее любви... Черкешенка любит русского, ради него отвергает любовь своих «горцев»... И все же: он покидает ее... И все же она отвергает его призыв: «Сей страшный край покинем оба»²⁵². Он «пленник»... но в каком смысле? Плен у горцев это уже второй плен. До того он был пленником развращенного света, где узнал измену друзей, клеветы, предательство, оттуда бежал за свободой... Свобода явилась ему в лице «девы»... Он отдает себя ей: «Я твой навек! Я твой до гроба...» И бежит от нее... куда? зачем? «В Россию дальний путь ведет»...²⁵³ Но ведь оттуда он один раз уже бежал... А она... «свобода» – ? От нее лишь остается тающий на воде серебристый круг... Еще сложнее тема горцев и покорения Кавказа... Не берусь ничего сказать о ней... – Невольно весь день полон этими мыслями. Б.Н. с досады стал просто читать Пушкина. И то и дело приходил ко мне, веселясь над бедственным положением «старичка», требующего, чтобы ему подарили шемахинскую царицу, или над зеркальцем, которое «отвечает»: «Ты

на свете...», или над «царевичем Елисеем», которому в приданое дается за невестой семь... городов и сто сорок городов...²⁵⁴ Читал с большим пафосом (и юмором) все эти отрывки, всерьез, однако, любуясь изумительной легкости и небрежной красоте стиха. ...Начиная с четырех зафыркали автомобили, с гудками и ревом опоясывая наш отельчик... Без перерыва, один за другим. И так до 7... до 8... Сперва из Тифлиса в Манглис. А позднее: из Манглиса в Тифлис. Последних сегодня мало: впереди два «дня отдыха». И граждане едут на дачу... Очень они здесь все нарядные. С каждым годом – все наряднее... Недавно жена одного из поэтов была в Москве и Ленинграде: «Как плохо у вас там одеваются! Меня вот принимали там за американку. А в чем я одета?» Мне кажется иногда, что у тифлиских дам совсем нет простых платьев, что все у них «по фасону»... Шелк, кружева, шитье... И нужно сказать, что красиво, со вкусом... Но все же жаль, что вкус и изящество сосредоточены на том, как «одеться»... А время такое грозное! Но фырканье автомобиля и совещанья с портнихами заглушают все остальное... Так кажется! –

Вышли гулять только к вечеру. Еще фантастичнее, чем вчера. Азарбейджан весь фосфорически-розово-мглистый... Кахетинский хребет распластался, принизился... Над ним сгустился из золотистого сумрака Дагестанский. Построились дымные башни, зубчатые стены. Левее к закату – Казбек. Как вчера: только очерк огромный возносится из молочных туманов, разлитых вдоль всей Военно-Грузинской дороги... Из Армении подползает огромная тучища, закидывая великанский плащ на закат... Но с хребта ее гонит обратно, въедаясь ей в бок... «Это сферы влияний столкнулись», – смеемся мы, глядя на въедину... «Хребет не пускает армянских “дождев” в свое царство. У него там “свое”... свои заготовки»... Мирный день. Ни о чем... Такие дни особенно бывают в Коджорах. Их «ни о чем» – полно горнею думой. Так не думалось в Красной Поляне. Высота действует непрерывно. И все здесь другое, чем там, внизу. И движения, и мысли... Бывают минуты, когда руки мои отделяются и начинают двигаться, как бы плавая, летая, скользя вокруг: *меня* ... Так нигде не бывало. Особенность каждого места тотчас же замечаю на эвритмии и на медитации. – И то и другое – самая сильная реакция на характер данного места. Через них – узнаю многое. В этом смысле Коджоры – наиболее совершенны.

14/VII

Ну и характер же у Б.Н.! Не выносит препятствий. Вчера в 12 ночи уже засел за «Кавказского Пленника». Не дается прямо – так сбо-

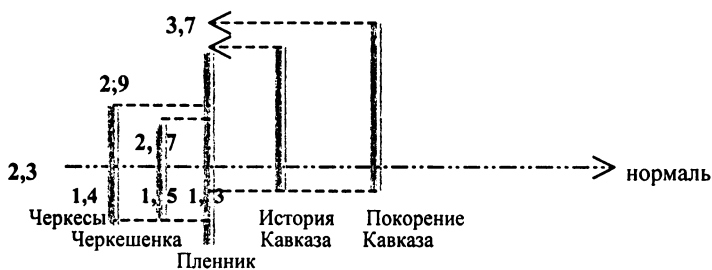
ку подкрасться, схватить! Делал выписки – характеристики пленника, горцев, потом казаков. Пленник и горцы – : тональность одна. И симпатии Пушкина с ними. Казаки взяты иначе. Холодно, глухо.... Сегодня с утра опять «К<авказский> П<ленник>». Из сравнения с тем, что одновременно написано Пушкиным, выясняется многое. И прежде всего – основная черта Пушкина: шифр. Все зашифровано. И в его героях, и в его собственной судьбе. Официальное «Слався ты, слався»²⁵⁵ – а под ним «Ужо тебе...»²⁵⁶. Любя Татьяну, Онегин любезничает с Ольгой. Любя Черкешенку, Пленник бежит от нее... Не любя жену, Пушкин идет на дуэль. Ненавидя царя, убивает Дантеса²⁵⁷. – Все это, и другое, чего уже не запомню, Б.Н. взволнованно рассказывает. Пушкин всегда волнует его. «Странная машинка!» – Но еще более странно, что «Пленник», или Пушкин сам (п<отому> ч<то> это его состояние в то время), – дает как бы пересказ случая из биографии самого Б.Н... «“Невольник чести!”²⁵⁸ – ведь я же это знаю насквозь! Ведь так именно ехал я за границу к Асе в <19>21 году...²⁵⁹ оставляя то, что любил живую любовью, что вернуло мне жизнь...» Мне эта мысль пришла еще вчера в голову... и именно при словах «невольник чести» встали наши разговоры в <19>20 году, когда Б.Н. спрашивал меня: ехать ему или нет... и мое «ехать» – слышу в «Беги!»²⁶⁰...

Сегодня Коджоры кишат народом. Мелитон сбился с ног. Так было, так будет. Некто или «некты» приезжают на отдых, а Мелитоны, Евсеичи, Захары сбиваются с ног. Тащут закуски, стелят постели, открывают бутылки. А «некты» с сенаторским видом проследуют из «собственной машины» в готовую комнату, к готовой закуске. А что если бы им самим потрудиться сбегать за «пури»²⁶¹, которого они не захватили с собой и которого не так просто достать без карточек...

15/VII

Весь день почти провели на нашей вершине: с пледом, с книгами, с рисунками. Б.Н. упорно трудился над перспективой далее Военно-Грузинской дороги и Кахетинского хребта. Он эти два дня молчаливый и нервный. – Мне было бы хорошо, если бы не мысль о Москве. Что там? – Перед чаем долго сидели на веранде. Азербейджан окутывался тучами. Оттуда тянуло свежим ветерком с запахом далекого дождя... – Предложила Б.Н. вычертить цветными карандашами отдельные темы «К<авказского> П<ленника>» – и сама теперь не рада. Работа мелкая, линии сливаются... Сидит раздраженный, жалуется, что устал... Весь вечер прошел. Час ночи... Зато результаты удиви-

тельные. Глаз показывает то, чего нельзя было узнать мыслью. Выяснилось соотношение размахов тем и их отношение к нормали. Приблизительно:

«Пленник» как бы включает в себя все темы. Разгляд других показывает «жест», с каким писал Пушкин. «Покорение» – падающая линия, освобождение Пленника – падающая или на падающей... «В Россию дальний путь ведет» – на падающей... и т. д. Особенная трудность «К<авказского> П<ленника>» в том еще, что кривая «М<едного> Вс<адника>»²⁶² настолько вьелась в сознание. Невольно и здесь подходишь с тем же принципом: тема верха, низа, – их контрапункт. Но матерьял не поддается и требует какого-то иного прочтения. Никакой «сонатной» формы²⁶³... Раздражение переходит и на меня. Что же это за существо Пушкин! Чего это он так хитро прячет концы. И у меня целый день пошел на грамматическую зарисовку «Последняя туча...»²⁶⁴. Не выходит, да и только. Глаз не принимает рисунка, а чувство мешает подделывать рассудочно линии... Вот и билась, и не кончила биться. – Опять выскочила новая трудность: как разбивать отрывки... Красные строки у Пушкина даны неотчетливо. По какому принципу делить отрывки? Б.Н. взял сперва 73. Теперь думает, что нужно взять еще больше, т. е. разбить еще мельче...

16/VII

Странно, что вместо природы внимание занято «Пленником», эвритмией и даже Бальзаком, которого читаю после перерыва лет в 20. Б.Н. делает всю работу заново. Строение выходит почти строфическое. И уровни открывают многое, что начинает выяснять прежние непонятные места. Напр<имер>, тема *покоя*: черкес («ничто на нем не загремит»²⁶⁵), дум пленника («И на челе его высоком не изменялось ничего»), ночь... один уровень. Видно также, что черкешенка сразу производит впечатление на пленника, но он борется, считая,

что это «сон пустой»²⁶⁶... – Гулять почти не ходим. С пледом усаживаемся на своей вершине... Вид уже привычный. Но каждый раз в новых оттенках... Б.Н. все рисует. Меня отвлекает эвритмия. И только смотрю, смотрю без конца, точно пью в себя эти краски. Можно ли передать, как бронзово-вишневая к вечеру ткань точно покрывается легким скольжением золотых пятен сверху и прочерчивается глубокими мягкими и нежными черно-зелеными складками. С каждым моментом все это меняется. словно солнце влачит за собой все эти пестрые ткани, и они, повинувшись движенью его, там загораются, там угасают, там сминаются, там растягиваются, то накрывая друг друга, то скользя, соскальзывая, ускользя... То выступит одно световое пятно, неожиданно... и нет его... а там – уже новое... И опять его нет... И опять появилось... Ни минуты покоя! Все льется, струится, течет... как световая симфония... Каждый день можно ходить сюда... и смотреть... и учиться. –

А дни беспокойные, и вчера, и сегодня. И как всегда бывает: ряд «пустяков» собирается вместе... и все неприятных. Утром Мелитон забыл взять хлеб; в кооперативе не было того, что мне нужно, газеты не достала, частная булочная сегодня не печет: нет муки; обед запоздал, комната не убрана... и еще всякие мелочи... От всего же в душе беспокойно. И все наше лето кажется бессмысленным и утомительным тасканьем с места на место. Думается даже: время сейчас не такое, чтобы путешествовать... Ведь все больше нагнетаются трудности жизни и дают о себе остро знать. Какое уж тут «путешествие», когда нужно думать, где достать сахар, хлеб, чай, рис... Невесело все... – Только к вечеру рассеялось настроение. Ночь принесла какое-то умиротворение. И главным образом – эвритмия.

17/VII

Сегодня наконец достала газету. Что-то затевается с Китаем²⁶⁷. По-видимому, серьезно. Впрочем, о китайцах ничего нельзя сказать: чем они угостят...

Вечером неожиданно налетели «поэты». Вернувшись с прогулки, застали записку от них в своей двери. Мелитон сказал, что они вместе с друзьями своими кутят в первом номере. Проходя, мы действительно видели там все «признаки»... Вскоре появился Паоло. Потом №²⁶⁸. Они увлекли Б.Н.: застольная беседа... речи, тосты... Только к 10 кончилось. Б.Н. вернулся очень довольный. Было интересно и видеть и слышать. –

А между тем... на «Вершине» сегодня опять было все новое. Соктанное из воздуха золото переходило в мертвенно-зеленоватое,

призрачно-тенивое – к Азарбейджану; и в четкий рельеф коричнево-серо-черных проборов над-за Тифлисом и к Военно-Грузинской дороге. Поймать грань между призраком и реальностью было невозможно. И так же невозможно сказать: где грань между землей и небом... Бледно-серебряное море – протянутое золотыми текучестями, с брошенными кусками летучего тусклого крепа – и поведешь глаз: неживой бледно-серо-зеленый полусумрак. В нем приподнимается едва, едва видно для глаза надозерное плоскогорье. Под ним озеро – тоже из царства Аида – серо-бирюзовое... как тонкое стеклышко, чуть-чуть скошенное.... Зачем все это пишу? Ведь даже Б.Н. во всеоружии своего опыта, «стажа» и пр. – отступает перед попыткой закрепить в словах то, что мы видим... Не отрываясь, сидим... встем... ложимся, скосив голову... переходим то выше, то ниже: и все посмотрим... все не наглядимся...

18/VII

Холодно. К вечеру дождь. С Китаем все так же напряженно. Прочла острую книгу. Чепуха, но занятно, а в теме своей – даже страшно. Капитал и война как средство для процветания и роста капитала. Война нужна капиталистам. «Машина для прекращения войны». Доржелез и Жинью²⁶⁹. Может быть, это совпало как раз по настроению. Ведь ясно, что пока будет капитал, будет и война... – На сердце тревога. Мысли о П<етре>. Видела сон о нем. – Сидим как на острове. В отеле все пусто. Кроме нас никого. После суеты этих дней, даже приятно. – Интересно все же, поедем мы в Кахетию? Или всегдашний наш спутник – дождь и здесь не отступит. Поездка назначена на субботу... Ветер свистит за окнами. Скрипят и постукивают ставни... Шумят порывисто деревья, точно рассыпая пески... – Б.Н. кончил свой рисунок. Как раз но у нас с ним ложатся краски. Не понимаю, в чем дело. У него они как-то втерты и радужны. У меня брошены кусками, почти небрежно; у него чувствуется главным образом свет; у меня – воздух.

19/VII

Тревожно... С Китаем – неопределенно. Мысль об этом – сквозь все. День холодный. Ходили зарисовывать за-тифлиские пространства с нового места. Уютною тропкой, по фруктовым садам, а потом через кустарник. Вся гряда Удзо видна оттуда вытянутой спадающей линией. Точно мягкие кольца змеи... не совсем змеи, потому что «это» не злое, а доброе. Добрые линии, формы... Но и слово «Удзо» почему-то звучит мне как «змея»... ..Сильный и холодный ветер

скоро прогнал нас. Спустились к дороге и вернулись нелюбимым путем Б.Н. – по главному тракту Коджор: мимо аптеки, кооператива, автобазы... Там роенье... чемоданы, корзинки, тюки... возбужденье, толкотня и неизбежный «хвост». На этот раз за керосином. Керосиновый запах несся уже навстречу нам издалека, и встречные, благоухая, несли драгоценные фляжки, бидоны, бутылки... Какое-то странное томленье. Ничего не хочется... все валится из рук... А ветер опять завывает и бьет ставнями. В отеле так же тихо. Выходишь на веранду. Беззвездное небо. Пустая дорога. Вдали далеко... огоньки в двух местах, как два кусочка елочной канители, мерцают во мраке: верно, две станции железной дороги... Ну и простор же! На повороте веранды качается в ветре большой фонарь с маленькой керосиновой лампой... Прыгают тени... Внизу под верандой стихающие голоса лавочников. Поужинали и укладываются спать...

20/VII

Вчера перед сном Б.Н. жаловался на свое общее недомогание. Острого ничего нет. Но точно рука давит на сердце и каждую минуту может крепко сдавить... Бессонница, тяжесть во всем теле, раздраженье беспричинное. Так с самого приезда в Коджоры. Но не говорил мне, чтобы не беспокоить. Решили, если поэты не появятся до вторника, в среду поехать в Тифлис... – Тревожные трудные дни. Стараюсь не показывать виду. Б.Н. и без того страшно нервничает. На все раздражается... После обеда пошли на «холм», его любимое место. Вид на все стороны, кроме Военно-Грузинской дороги. Но, пожалуй, Азарбейджанская равнина и предгорья Кахетинского хребта своим необъятным простором меня волнуют больше всего. Это море светового воздуха, непрестанно меняющее свои цвета и тени... Эвритмия земли... Глядя на это чудесное живое движение, ощущаю в себе ответные ритмы. И кажется, что все эти краски *во мне*... Сегодня все это молочно-жемчужное... четкие легкие пробеги скользящих теней чуть рельефят необозримость, в которой глаз тонет и по которой летит... Пятна туманного золота отмечают нагорья... Горизонт замыкают розово-черные, очень спокойные, очень далекие, очень неясные формы, ...которых нет сил назвать «горами»... Они так же молочно-жемчужны, как все. И лишь абстракция сознания выделяет в них «черное»... Черного нет, а есть страшная даль, превосходящая способность глаза очерчивать контур предметов и схватывать их матерьяльность... И глаз поражен, когда падает вниз на то, что под ногами... Он в другом мире. В эмпирике. На коджорских холмах. Здесь господствует закон предметных раздельностей. Нивы,

леса, сады, домики, дорога... пылящий автомобиль, веющий флаг... Б.Н. рисовал. И спешил, чтобы кончить к закату. Все же не кончил. Ветер, очень холодный, прогнал-таки нас прежде времени... – А в газетах все то же неопределенное напряженье. «Войны не будет», – общий хор голосов. Над Тавризом пролетел огромный метеорит.

21/VII

Ну и дни! Острые... с налетающими вихрями раздраженья. Б.Н. все жалуется на «два пальца», сжимающие сердце. Почти решили уехать в среду. Пока в Тифлис. А там... что и куда? Может быть, даже в Москву. Во мне острая тревога: не случилось ли там чего? Уж слишком необъяснимо состояние наше последнее время. Все, что ни начнешь, – кончается неудачей... Погода аккомпанирует... Холодный ветер, несмотря на солнце. – С утра приготовились: может быть, заедут за нами в Кахетию. Все сложили. Не знали, стоит ли заказывать самовар... Это разбило весь день. Б.Н. заволновался. Стал говорить очень резко... «Что же это! Хоть бы известили... Ведь мы не богема, которая “трах”... и поехали... У нас свое распределение времени...» В каком-то смятении прошло до-обеда. Только рисунки отвлекали... Б.Н. пустился в какие-то космические фантазии. У него все стремится стать монументальным... Жалкие средства: плохая бумага, плохие краски и не всех тонов, плохие кисти... Целые дни нужно сидеть, чтобы добиться, чего хочешь... – Пошли к Разбойнику²⁷⁰, – пораньше, чтобы захватить тепло. Хочется там зарисовать. Меня прельщает «Армянская» равнина... Вообще, этот пояс пространств, обнявших Коджоры, строит во мне внутри особую имажинацию. Передать ее никак не умею. Хотя, может быть, и попробую когда-нибудь. Это белая роза с темно-зелеными листьями, плывущая в радужной жемчужно-персиковой, золотисто-вишневой, пурпурно-синей, синелиловой воздушности... Вижу так ясно этот образ... Чуть приподнята роза на всплеске незримой волны... И кажется, видишь ее колебанье среди струй...

– В первый раз за этот приезд были у «Разбойника» – даже не у него, а в той стороне, влево по гряде. Настроение сменялось. То радость от красоты, то вспых раздраженья, тревоги... Словно что-то мучительно разрывалось в сознании. Зарисовали развалины в профиль. Но солнце ударило, вырвавшись из-под тучи, так что пришлось уйти... Едва спустились к «Украине», налетел откуда-то дождь. Правда, мелкий... Предстоял подъем. Шли очень медленно. Решали, куда повернуть: к «Аптеке» или к церкви. Там дорога ровнее, легче всход. Но – это путь через самую гущу дачного быта, с

автобазой, столовой, кооперативом и неизбежным роением, от которого тошно и нудно. К церкви больше подъем, и на вершине резкий ветер с заката. Но там малоллюдно и очень красиво... «Решайте», – сказал мне Б.Н. И подумала: «Если вернемся с “Аптеки”, притащим с собою тусклую скуку... От церкви же... Но зато сердце Б.Н. Вдруг что-нибудь будет. Хотя он именно любит эту дорогу и активно противится всегда против “Аптеки”... – «Пойдем через церковь», – вырвалось почти бессознательно. Б.Н. даже обрадовался. «Пойдем!» Дождь усилился, ветер рванул... Зашли под навес у церкви. Присели переждать. Минут через 10 тронулись дальше... Стихло сразу, и нет никакого дождя. Вдруг деревья зажглись, как пожаром. Казалось, что липы в пурпурном цвету... «Что это!» – «Верно, солнце... Закат...» Но мы шли в тени, за холмом. И лишь слева горела странным огнем аллея и за нею сады... Мы огибали ... подножье холма, и через несколько шагов на нас плеснул тот же свет. Солнце торжественно горело под синюю тучей над фиолетово-черным волнением хребтов... Вдруг в нас просияло все... «Как хорошо...» – «Да, точно надежда... точно разрешилось томлень...» – «Как хорошо, что придем домой с этим...» – «Признаться, не знаю сама, почему выбрала этот путь...» Точно подарок нам, эта радость от «солнца»... Но дома опять начались дерганья гномов. То одно потеряешь, то другое... то одно не так... то другое. Уже в полном почти отчаянии стала заниматься эвритмией... Постепенно утихло. Мир сошел в сердце. Перед сном делала Б.Н. массаж. И он уснул здоровым ровным сном в первый раз после многих ночей... С особенной силой просила помощи нам в этот вечер...

22/VII

Бауэра²⁷¹ не стало! с 18/VI на 19 он отошел... на руках у фрау Моргенштерн²⁷² и М.А.<Чехова>...²⁷³ Больше пока ничего не могу сказать. Все вздрогнуло в сердце... «Помни и ты! Ведь Бауэр, как и доктор, унес туда часть твоего... Не прилепляйся к земному. Будь готова к пути...» – Было вот как. Часов в 11, покончив с чаем, уехали за свои «дела»... Б.Н. рисовал у себя за столом. Вдруг слышу его восклицанье: «А-а...» Бросаюсь, и вижу в окно: Лида!²⁷⁴ Восклицанья усилились. «Как! откуда? куда...» – «Едва нашла вас... Проездом, вернее, “заездом” из Шови в Сухум. Хотелось увидетсья, и в Шови случайно узнала, что вы в Коджорах...» Пошли рассказы. Одно из первых – известье о Бауэре. Стихли. И долго еще не могли ни о чем другом думать. – Пошли на «Вершину», незаметно дошли до Удзо. Лида сразу «вцепилась» в наш «сон»... Поняла и увидела. «Что это такое! Почему это так знакомо! Точно это родное, свое, но какое-

то не из теперешней жизни... И все же такое близкое...» – «Вы говорите точно те же слова, что и мы с К.Н. здесь повторяем... Могу лишь сказать субъективно: фантом связан с памятью... Оттенок “воспоминанья”, когда смотришь на эти рельефы, звучит во мне всегда темой фантома...»²⁷⁵. Уселись на склоне к Военно-Грузинской дороге. Лида рассказывала: она проехала по Осетинской дороге, через Цей, Зороаг, Шови. Каждое место неповторимо. «Вы должны быть в Цей»²⁷⁶ ... Там все “поднимает”, и хотя нет горизонта, но есть высота. Зороаг прекрасен голой пустынностью гор и ущелий... Шови – место для отдыха. Там, протянувшись на зеленой траве, можно под огромными елями “переварить” то, что дают Цей, Зороаг и другие места по пути...» – «Постараемся... вернее: попытаемся быть в Цей...» Б.Н. стал рассказывать, что и где перед нами: какие хребты, и какие долины, и где что когда видно... Время летело. Вернулись и, едва пообедав, опять в путь: к «Разбойнику»... Посидели сперва на «скамье». Лида ей удивлялась, конечно... Потом обошли замок, сели под ним... над простором «Армянских предгорий»... К сожалению, день облачный. Краски стерты. Дали закрыты. Но и то, что открылось, было достаточно. Лида «увидела» и поняла. Вернулись совсем в темноте... И долго еще не могли разойтись по своим комнатам. Все взволновалось...

23/VII

Разговор продолжался... Пошли опять на Вершину. Сделали медитацию *Geist seiner Seele*...²⁷⁷ потом вспомнили доктора, Унгер<a>²⁷⁸, Т<рифона> Г<ригорьевича Трапезникова>, Лилю²⁷⁹... Прочли Gr<und>st<ein>leg<ung>²⁸⁰. Образ Бауэра веял над всем... Наши сердца... могу сказать *наши*, – знаю без слов – «горели!» Слова звучали с такой силой, что едва могли их произносить. Переживалось *Mysterienstätte*²⁸¹ ... Как хорошо, что эта весть пришла к нам в Коджорах... где святыня Удзо²⁸². А ведь Бауэр когда-то сказал Б.Н. в самую трудную для него минуту: «Молитесь Божией матерью...»²⁸³ Как прекрасна кончина М<ихазля> Б<ауэра>: когда солнце было почти в зените, на скрещении праздников...²⁸⁴ Пошли еще раз взглянуть на «сон». Он был серебристый, прозрачный. Осмотрели кругом горизонт. «Жаль, что нет солнца! Вы не видите красок. А краски и колориты здесь главное», – сокрушался Б.Н. Но Лида ему возражала: «Нет! то, что мне дали Коджоры, ни с чем не сравнимо. Таких просторов не видала нигде. И подумайте только, все, кто ни узнавал, что собираюсь в Коджоры, жалели меня: “Зачем вы туда? Ведь там нет ничего, кроме... леса!” Это слышала от всех. Под конец уже стала стыдиться своих устремлений и успокаивала собеседников, что у

меня “там” друзья...» Знакомая тема! Ведь с нами всегда то же самое; общее удивление: что вам делать в Коджорах... – Часа в 4 Лида уехала. Простились: «Ну, до Москвы...» Весь приезд ее был гармоничен. Осталось чувство осмысленности этой встречи. Как ясно, что мы все же живем как-то не так, как другие. Ни объяснять, ни растолковывать ничего не нужно. Понятно с полслова. Только на фоне других сознаний выступает особенность нашего. – Весь вечер не отходили от мысли о Бауэре. Вспоминали одно и другое... Надолго еще это событие будет стоять перед душой непосредственно. – Смотрели свои записи 18–20/VI. В них, несомненно, есть отзвук. Особенно в том, о чем они напоминают.

24/VII

Все еще очень свежо. Небо в облаках. Но уже есть просветы. Утром Б.Н. принялся за краски. Одолевает Кёр-Оглы²⁸⁵. Его рисунки все смелее и ярче. Часто спрашиваем себя: зачем это столько времени убиваем... без техники, без самых элементарных знаний о перспективе, о законах сочетанья тонов... Но «рисую» с таким же запоем, как сидели над листиками, над камнями. Нет сил оторваться²⁸⁶. Б.Н. даже ничего не читает, не пишет. Забросил дневник. Нет уже разговоров за чаем... – После обеда поднялись на вершину с флажком. Оттуда весь горизонт виден сразу. Поворачиваешься вокруг своей оси... и как панорама проходит: Армения, Азарбейджан, Кахетия, (Дагестан), Главный хребет... «Сон» оттуда... – Сегодня он был золотой. «Сны золотые»... Красоту коджорской спирали только здесь можно увидеть. Именно красоту. Все линии так прекрасны, так изящны, легки... И одно вызывает лишь вскрик сожаленья: почему у нас нет техники, все это зарисовать... А колориты нагорий за замком. Только самой дерзкой фантазии допустимы эти сочетания и смешения красочных пятен..... На закате долго сидели внизу под Удзо... «Сон» не пускал от себя... «Сны золотые»...

25/VII

Целый день туман. Окутаны все окрестности. Ничего не видно. Сидим точно в облаке... Дома хорошо. Тихо. Занимаемся своим рукоделием.

26/VII

Настроенье неровное. При воспоминании о «Кахетии» делается «как-то не так». Не понимаю «поэтов». Хотя бы известили. Записку прислали или по телефону сказали. Б.Н. очень рассержен на них и

хочет отказаться от всяких поездок с ними – если они вообще придут. Хуже всего, что своими обещаниями они создают психологию ожидания. А это повергает Б.Н. в ненужное волнение. Опять жалуется на стеснение в груди. – Рисуем... Рисуем! Фантазии Б.Н. разворачиваются невероятно. У меня перед глазами линии, склоны, сдвиги... игра колоритов... Одержимость какая-то. Было бы хорошо, если бы не воспоминание о «поэтах»... Бог с ними! Мы разные люди. И нам, верно, не понять друг друга.

27/VII

Наконец-то тепло. Солнышко. В открытое окно прогревает комнату. – Весь день рисунки. Б.Н. сидит над «сном». Очень интересно. Реалистическую зарисовку переделал в фантастическое барокко. Получился удивительный разлом почв. И, облитое светом Казбека, все это слагается в какую-то новую жизнь. Уже «за» и «над» гранью этой... К вечеру солнце так вспыхнуло в мое окно, что не удержалась. Потянуло... Б.Н. спал. Он жаловался на слабость и боль под сердцем. Пошла одна. На «холм»... Закат горел расходящимся вверх пучком золото-розовых сияний... А напротив, над озером, тот же пучок, опрокинутый вниз и черно-дымный... И земли под ним неживые... призрачные, шоколадно-серо-зеленоватые... Контраст к западу, где все расплавлено в малиновом золоте... Вбирала в себя краски и колориты, чтобы рассказать о них Б.Н. Подходила к дому рассеянно, погруженная в свои мысли... Вдруг – окликает кто-то. Не узнала почти – от неожиданности. Б.Н. бежит мне навстречу. «Не мог...» Повернули, и снова на холм... Пока не угасло... А вечер опять за рисунками. Сделала в красках Аибгу. Б.Н. говорит – хорошо. А мне не нравится. Нет той динамики, того ритма, что у него. В его рисунках, как у Чурляни-са, Врубеля, вписано то, чего не увидишь сразу. Они движутся, когда на них смотришь, и строят все новые и новые формы. В них можно погружаться. У них есть глубина. Из них начинается «казаться»: одно... другое... – Пришли письма из Москвы. Пока там все благополучно.

28/VII

Какой-то запой рисунками. День такой прекрасный. Мы уже сидели, уткнувшись в краски и кисти... переходя от восторгов к отчаянию... «Сон» наконец кончен. Он зажжен «белым» лучом с Казбека. – Были у замка. Пытались его зарисовать вблизи. Но, посрамленные, только расхохотались... У Б.Н. каша «барокко», у меня – каша «готики»... «Знай, сверчок, свой шесток...» – шутили друг над другом. Даже весело стало. Вернулись как-то легко, новой дорогой, огибая

холм с церковью. Вечер уже провели «человечески». Поговорили – за много дней впервые...

29/VII

Кончилось «рисованье»: начались разговоры и записи у Б.Н. Тему «рисунков» он развил в целую философию – науки видеть. Непосредственно через глаз, руку, ухо, ноги это связалось с эвритмией. Потом сделаю у него некоторые выписки. – Вечером вспоминал Асю, свой приход к доктору, ее роль в этом случае. Она выговорила первая: «А не спросить ли совета у Штейнера (по поводу брюссельских переживаний)... ведь ты ему веришь...»²⁸⁷ Через все чувствую с нею какую-то близость. И если бы не разделяющая линия нашей судьбы, мы могли бы встретиться. Впрочем, очень на глубине. Оболочки наши слишком различны. Но у меня к ней все больше и больше крепнет странная симпатия. Что-то вроде той связи, которая у Б.Н. с отцом... совсем, конечно, другая... но тот же характер «развития отношений» на расстоянии. – К закату вышли на «холм». Все было затянуто густыми черно-синими завесами. В двух местах лишь приоткрывались точно два глаза. Снопь красного света вырывались из них. Азарбейджан тонул в молочных туманах. Но сильно прометились очертанья хребтов, которых обычно не видишь. Все заострились, приподнялись очень высоко. Даже над-озерный холм, который привыкли видеть почти распластанным, взгорбился неожиданной горбиной. Замок – огромное тело протянутого с сев<еро>-запада на северо-восток ассирийца. Великолепно вырезывалась шапка с откинутой назад башенкой украшений. Могучая лапа захватывала огромное пространство, разрастаясь в какой-то плавник. Голова гордо посажена на плечах. Но выражение «профиля» мягкое, задумчиво-мягкое.... Все это тело – в серебристо-серых и песчаных зеленых тонах приподнималось на фоне лилово-синих Армянских предгорий.... Мрачновато прекрасно. Пустынно, молчаливо. В душе поднимались века. И взгляд с тем же вопросом обращался на северо-восток... Чем ответит он ассирийцу? И о чем спрашивает его эта громада? Волны прошлого вливались через его взгляд, наполняя сердце странным волнением. Словно чувствовал сквозь себя проходящий поток: из тысячелетий... в новые тысячелетия... Если бы можно было передать в рисунке то, что переживалось!..

30/VII

Кончается июль. Весь он прошел в каком-то странном томленьи. Полный контраст с июнем, таким гармоничным и ясным. – Несмотря

на это или как-то необъяснимо распадаясь на две линии, – эвритмически июль был очень силен. Многое узнала и сделала. Многое дали и рисунки. Жизнь в Коджорах налажена, максимально удобна... Это одно. Но другое, необъяснимое, остается. И оно заставляет сказать: июль был месяц «мучений». Неожиданных нападений. Слома всех планов. Разгрома в психологии Б.Н. Его поворота от «гор», нежелания куда-нибудь ехать, что-нибудь предпринимать. И как предпринимать? Стоит нам куда-нибудь собраться, как там мгновенно «портится погода»... До смешного. Не говоря уже о Шови, о Кахетии, но и такая мелочь, как Манглис²⁸⁸. Сегодня еще раз то же самое. Решили поехать завтра... И к вечеру вся сторона Манглиса в грозе. К ночи дождь в Коджорах. – Будут ли эти «мучения» катарисом...

Читаю Герберта Уэллса «Отец Кристины Альберты»²⁸⁹. Тяжелая вещь. Еще не знаю конца. Но пока напоминает слова доктора: «наступает время, когда всех, верящих в душу, будут объявлять сумасшедшими и заключать в больницы»... Нечто такое звучит «над» строками, как атмосфера. По-другому, это тема «Коробкина»²⁹⁰, но в западном преломлении. То, что у Коробкина идет от философии и математики, там от спиритизма и нездоровой фантазии. Но общее: Я не «Я»... «Я» – вечно. Я – оболочка... Посмотрю – какой нотой окончится...

31/VII

Б.Н. опять принялся за «К<авказского> П<ленника>». Вчера сидел весь день. Содержание остается все таким же загадочно-глубоким. Но выступают отдельные черты. Напр<имер>: отношение Пушкина к природе Кавказа: холодное, далекое. Ряд эпитетов вызывают ощущение неуютной каменной дикости без реакции на ее величие и красоту. На природе ритм стоит обычно на низком уровне – 2. «И равнодушная природа...»²⁹¹ – основной лейтмотив. Не до природы Пушкину в то время. Уже в «Бахч<исарайском> ф<онтане>» тон его мягче, теплее. Больше же всего он волнуется русской природой... Здесь все живет, движется, раскрывается в красоте стиха и ритма, несмотря на внешнюю незатейливость картин: морозное утро, осенняя непогода, пашня, «три сосны»²⁹², зимняя дорога...

К вечеру встревожились: на мое имя заказное письмо. И сейчас же вопрос: что случилось? На беду почтальон не застал. Ходили на почту. Но там письма нет. Стараешься быть спокойной. Опять собирались в Тифлис. Выяснить наконец, что значит молчанье «поэтов», и сделать шаги в связи с предполагаемой нашей поездкой по Военно-Грузинской дороге. Но ехать так не хотелось... Б.Н. сразу занерв-

ничал. Решили, что он напишет... – У меня запой с рисунками. Не могу отделаться от «ассирийца»... Вижу его так ясно. Рисунок же груб. Чего-то в нем нет. Б.Н. предупреждает от излишнего увлечения.

I/VIII

Тихий, странно тихий и строгий день. – Письмо получилось: Петья пересылает письмо для Б.Н. из-за границы²⁹³ по поводу какого-то вновь затеваемого журнала. «Прорывы», кажется. В СССР он будет распространяться через ВОКС²⁹⁴. Отправила письмо Б.Н. к Тициану. Вышло очень резко. Но, может быть, так и лучше. Пусть подумают, что как-то не вяжется их «провозглашение» *Андрея Белого* осью мировой литературы на застольных беседах и непонятная небрежность к живому человеку: обещано то, другое. И ничто не исполнено. Знаю, что они любят Б.Н. и что Тициану будет очень больно получить такое письмо. Но, может быть, им нужно встряхнуться и понять, что их отношение к жизни – не только к Б.Н. – не ладно. Ведь держали же они две недели взятые у Мелитона пальто и казенное одеяло. А стояли холодные дни, и бедный человек остался без теплого... Не знаю, как мы теперь встретимся... – Весь день тишина и бодрствование. На закате ходили на «холм». Все завешено туманом и тучами. На темном небе «ассириец» призрачно бледен. Надвигалась гроза. К ночи она разразилась. Много говорили о важном. И опять о рисунках: не следует им отдаваться, не следует развивать такой «алчности» к краскам. Перед сном тихо посидели перед портретом доктора. Прочли из книги. – Окончила Г.Уэллса. Как всегда, конец хуже и, в сущности, смазан. Б.Н. тоже прочел с интересом. Говорит, что написано тонко и местами мучительно. Очень типичный случай «*mystische Vorschwobenheit*»²⁹⁵... Интересен тип Кристины Альберты: она выговаривает о женщинах знакомые слова: может быть, «женщина» изменится. Не все будут одинаково способны к материнству. Жажда любви останется. Но без желания иметь детей. «Я» женщины не захочет отдавать себя потомству. Ему нужно жить самому, что-то делать с собой, а не уйти в заботы и радости о «маленьких существах». Со стихийной страстностью вырывается у Кристины вскрик: «Я хочу жить как я, как Кристина Альберта, не как род, не как раса, не как мать... Как я – неповторимое, человеческое...» Это темы «личности», ищущей своего утверждения не в штирнерианском «*Ich hab' meine Sach<e> auf Nichts gestellt*»²⁹⁶, а в том, – слышу это в тональности, – что может быть утверждено только в фантоме²⁹⁷ и что запечатано в тайне мастера Иезуса²⁹⁸. Альбер-

та хочет быть *человеком*, личностью, но личностью, принявшею в себя «мир». Она не умеет сказать, у нее нет слов. Слова, нужные ей, – это Евангелие и путь Иисуса из Назарета. Она этого не знает, не знает, что ее любовь раскроется лишь в «свободе из любви»... Другое «я» романа – Приймби-Саргон²⁹⁹, просто умирает. Автор заставляет его умереть. Но перед смертью он открывает, что «царственность» «я» – в овладении миром через *познание*. И он хочет учиться, учиться... Оба «я», и мужское и женское, взяты в их кризисе. И, во всяком случае, характерно их состояние. Поднятие этой темы пусть в одном из тысячи «романов» – симптоматично. – Б.Н. все продолжает развивать «отход от природы Кавказа». «Не случайно я открыл в Пушкине эту холодность... Теперь, когда мы третий год переживаем “опыт” Кавказа, вижу, что дальше его продолжать нельзя. Нужен перерыв, хотя бы...»

2/VIII

Свежее тихое утро после грозы. Но сегодня во мне поднялась тема «тоски»... Может быть, это пройдет, когда настанет день. Сейчас еще очень рано. – Б.Н. только что вчера «отчитывал» меня за запой красками, а сегодня уже сам сидит. Разрисовывает... и говорит о том, что еще нужно зарисовать... У меня же отбой. Больно даже глядеть на краски, хотя набросала первую красочную схему «сна». И опять: совсем не то, что у Б.Н. И совсем, совсем не то, как видится мне это внутренне. – Никуда, кроме почты, не выходила. Это мой обычный утренний рейс: за газетой, на почту, в кооператив... – Мне кажется, что-то во мне изменилось. И вернусь в Москву другой, чем уехала. В чем изменение – не знаю. Вернее: знаю, но не хочу и не умею рассказать словами. Сегодня опять настойчивое чувство присутствия... до «зова»: «Проснись!», – когда прилегла перед обедом. Так настойчиво, что взяла Н. Sch.³⁰⁰ и стала читать. Был образ Б<ауэра>. – Сейчас тихая звездная ночь. Мое окно открыто. Прямо в нем горит Большая Медведица... Громко звенят цикады. Вдали поют... Как-то особенные эти 2–3 дня. Тишина и важность... В один из этих дней, сколько помнится: память св. Серафима...³⁰¹

3/VIII

Все еще рисуем. Б.Н. сидит над фантастической «композицией»: «Тифлис ночью»³⁰². У меня разгром «сна». Нет белой краски, а без нее нельзя. – Ждем ответа от «поэтов». Все же письмо было резкое – и заостренное слишком. Но у Б.Н. всегда крайности. И кроме того, он невероятно мнителен и щепетилен. – Высказав все, успокоился.

На закате ходили на «холм». Вдруг выступила вся армянская сторона и вся сторона на запад. Смотрели на все прощальным взглядом. Стало тихо после всех этих дней. – Так и есть: «поэты» появились. У них были неприятности. Кроме того, со дня на день им обещали машину. Поэтому и не писали. Как всегда, при свидании с ними, все покрывается их сердечностью. Но в письме они еще не разобрались. Тициан его наспех прочел. А Паоло даже не читал... Опять выступила «Кахетия». Уж не знаю, что это будет.

4/VIII

Шумное утро. Обсуждение, куда, как и когда едем. Едем ли? Пока что ждем до среды. Если в среду не будет машины, то в следующий понедельник уезжаем из Коджор окончательно. Б.Н. откровенно не хочет из Коджор никуда. Его ужасают переезды... Сейчас они ушли гулять. День жаркий. Говорят, в Тифлисе небывалые жары... А мы этого здесь не чувствовали... – Лучше бы всего никуда не ехать и мирно прожить здесь еще недельку. – Были с «поэтами» у Кёр-Оглы. Они – в первый раз. И Тициан, и Паоло – оба были взволнованы. Каждый по-своему. Тициан – весь охвачен историей, видениями прошлого. Оказывается, Баргалинская долина – эта житница для Тифлиса – была воротами для всяческих вторжений в Грузию и местом побоищ. Здесь впервые появились монголы, отсюда шли персы... То, что мы называем «леопардовой шкурой»: пятна черно-зеленой земли и золотых пашен – было залито кровью... сколько раз! – Паоло переживал больше «лирическое волнение». Он как-то замолк и лишь восклицал: «Какая музыкальность в этих линиях... какая тишина в этой музыкальности...» Леонидзе воспринимался неопределенно. Возвращались бодрыми и освеженными. Всегдашнее действие коджорских прогулок. Они нас благодарили: «Без вас мы бы сюда никогда не пошли. Наша лень... А это место – лучшее в Грузии». Да, «лень». Вот она-то и есть тема волнения Б.Н. в связи с «поэтами». Да еще «кахетинское»... Он все взывает к самосознанию... – Что-то без слов трогательно близкое чувствую в Тициане. Словно Б.Н. обжигает его. И он часто не в силах переносить непосредственного общенья. Ко мне же прибегает как к посреднику. Он очень нежен и тонок и как-то сибиллически чуток. Вихри Б.Н. порой для него мучительны. И тогда он как бы закрывается мною. Во всяком случае, с ним чувствую ноту от «Я» к «Я». Паоло же сам огненный, страстный, мужественный... и: несколько, даже гораздо более элементарный. В Тициане есть удивительная утонченность и глубокая мягкость... – Тихо. Они ушли на автобазу: на счастье найти ма-

шину. В эти жаркие дни сообщение с Тифлисом – полный риск. Толпы народа ломаются на машины. И толпы же остаются... – Решено, что в Кахетию не едем. Живем здесь до 12-го. Пережили это как бурную радость: еще неделя в Коджорах!..

5/VIII

Жарко и душно, даже в Коджорах. Хотя утром и была свежесть. Жаль, что мы никогда не выходим в эти часы. Утренние краски неповторимы. – Рисование опять разгорелось. Вечером ходили «ловить» «ассирийцев». У Б.Н. получилась изумительная лепка почв. Не то складки гор, не то очертанья странных лиц, или ликом... Все больше и больше манера его напоминает Чурляниса... Меня пленяла гряда, отделяющая Грузию от «Армении». Виделась в ней какая-то ковровая стена с растительно-животным орнаментом: не то цветы, не то птицы... На фоне этой завесы очертания «ассирийца» и его свиты, текущей вздымающимися волнами мантий за ним... Огромные, легкие, грустно-торжественные «главы» иль башни... Сфинксоподобные. Загадочные и вещие в своем молчаливом покое... – Уселись на пледе. Вернее: приткнулись, крайне неудобно. Других мест нет. Внизу под ногами эмпирика шоссе, раскатанного и белого от пыли, со значком для тихого хода, с пролетающими в туче пыли авто, с голосами прохожих... Дальше – море зеленых свесов, туго обтянутых, словно из воска, а не взволнованных, как в Красной Поляне... А дальше: мир чудес и видений, возникающий на фоне безмерных пространств, где из воздуха, не то в небе, не то на земле, смутно прочерчиваются лилово-сине-серые громады Армянских хребтов... Душило. Небо в низких сгущениях... Стало накрапывать... Все же успели сделать каждый свое. И дома до ночи сидели над разработкой...

6/VIII

Как бледны и бедны в этом году краски Коджор. Ни разу не было тех закатов, которые поразили нас в прошлом: явления розового и голубого над озером... Ни разу тень не бежала по «Азербейджану»... Ни разу не пылали фантастические города в стороны Армении... А утром... Бывало, не оторвешься от жемчужно-голубых, жемчужно-розовых, бирюзовых, лимонных «чудес» на северо-востоке. Теперь там большею частью зеленоватости, мертвенно-шоколадно-серые... Значит, нам повезло в прошлом году. Мы же думали, что это «всегда»... – Ночью прошел сильный дождь. По обычаю – вышла на веранду, посмотреть, что делается «там»... Ничего особенного. Те же

мутноватые мягкости серо-зеленого взлета над озером... тоже белеватым, неясным... Та же эмпирика ближних склонов с полями, садами и дачами... Как обычно в этом году. Выходя, всегда ждешь: не «просияет» ли сегодня. Не разольется ли то бирюзовое, персиковое, голубое, от которого вскрикнешь: «Да! да! вот оно... то самое.... то!» – Люблю также свои ночные выходы на террасу: с эвритмией. Все тихо; и в отеле и на улице – ни души! Движенья легки и отрадны. Нет сжимающих стен. Нет обратного удара от тесноты. А сверху глядят звезды... в безмерной дали внизу едва видны огни – верно, железнодорожных станций... «И тихо, тихо все кругом...» Терраса кажется взвешенной... или плывущей над волнами спокойного моря уснувших просторов... – Весь день – рисовали. Едва оторвались к обеду. И снова Б.Н. бросился к краскам. Мне же – стало невмочь. Делала эвритмию. Но в комнатах душило. И наконец, сказала Б.Н.: «Пойду, пройдуся на холм...» – Он точно очнулся: «А я? А меня возьмете!...» Только что прошел дождь. «Обозрели» с холма горизонт. Солнце сияло. «Верно, будет закат! Где бы его посмотреть!...» – «Пойдем вниз, обогнем холм мимо церкви и поднимемся через Военный городок...» Когда вышли на склон над «Украиной» – так потянуло в ее золотые поля. Спустились. Пахло особенно: пашней после жнитва. Давно-давно знакомый запах. Сразу напомнил: далекие, детские времена. Пахнет горячей землей, соломой, зерном. Шли по узкой дорожке-меже. Впереди все тонуло в солнце. Оно ударяло с запада прямо в лоб... Скоро там засинело... «запучилось»... Трехголовая туча с озолоченными краями быстро вставала из-за «вершины с флажком»... «Будет гроза! идемте скорее... Нам еще предстоит подъем». – «Будет, не так скоро: она далеко: за Манглисом, по крайней мере...» – «Да нет! она несется прямо на нас...» – Как-то грустно опять. Недоумение словно перед чем-то... непонятным, но «действующим»... и весь день «под сурдинку» – тоска. Коджоры уже кончились. Отъезд вошел в сознание. – И не было в нашем «пути» этим летом того «Höhepunkt»³⁰³, который осмысливал все. Есть ряд очень важных моментов... но ни один не берет главной ноты... Пожалуй, до сих пор Höhepunkt был 22/VI – разговор наш в Красной Поляне... – Письмо от П<етра> Н<икано>р<овича>³⁰⁴. Очень, очень хорошее.

7/VIII

От времени до времени тот же вопрос: к чему эти записи. В них нет и сотой доли того, чем живешь, что волнует. Разве что: хроника дней. Да и то не выдержанная, не полная. – Письмо от Раз<умника> Вас<ильевича>³⁰⁵. Бодрится, а тяжело ему. Заставился ширмами из

«народовольцев» и Ключева. Под этим же усталая душа. И еще многое. Удивлялись с Б.Н. его заинтересованностью Ключевым. Все эти «бездны» и «ужасы» – чужды нам. «Странно! мне ближе Маяковский», – сказал Б.Н., прослушав выписки Раз<умника> Вас<ильевича> из поэмы Ключева³⁰⁶ ... – Жара и грозы кругом. Весь день сидели над рисованием. Вошло уже в норму, что прогулка отодвинулась к 6-ти. Поднялись на Удзо. Закат был совершенно чист. «Сны» развернулись во всей своей сказочности. Но посидеть «над ними» не удалось. Прогнал сильный ветер. А колориты сегодня – невыразимы. Над Удзо поднялись «великаны» с плащами и розово-золотыми вспыхами на откинутах лбу. Один – закинул голову и со странной улыбкой глядел вдаль над закатом. Вчера – такой же сидел, склоненный над прозрачно бездной бирюзово-персикового воздухогория... «Вот мой великан Риза³⁰⁷, – сказал Б.Н. – Как я знаю его...» Иконостасные склоны к Удзо, персиково-розовые, с серовато-лимонной зеленью. «Какая это краска? все гляжу, и стараюсь понять». – «Непременно здесь должна быть киноварь, и может быть светлая охра...» – Замерли над Тифлисскими взгорьями и Курою. Фиолетово-красные, розово-белые, серо-зеленые краски протененные нежной, но четкой штриховкой. В сторону Военно-Грузинской дороги – рубинно-вишневое, шоколадно-коричневое в лиловом разливе... В сторону Армении – фосфорически-белый вспых из-под «эмпирической» линии холмов. Голова «ассирийца» в непривычном ракурсе: почти вся ушла в «крыло» или «плавник». Мертвенно-золотая, далекая – без теней, один легкий очерк... – Сколько ни ходим, сколько ни смотрим – и каждый раз новое, новое...

8/VIII

На прощанье – Коджоры прекрасны. Теперь только, когда «Кахетия» миновала, наступила «коджорская» жизнь. Целых две недели съезла у нас эта «Кахетия». – Нашли новый путь к нашей «вершине» и к склону Удзо. Минуя шоссе, через ближнюю дачу, садами, кустарником и мелким леском. – Азарбейджан вспыхивал по прошлогоднему. Горизонт окаймляли персиково-голубые сгушения. Между ними и четкими вздутиями ближней гряды – целое море воздухо-света. Нежная рябь скрытых далью рельефов дышала все в тех же, знакомых... и вечно новых оттенках, отражая весь путь заходящего солнца. Так меняется лицо человека, когда звуки 9-ой симфонии³⁰⁸ касаются его слуха... Нельзя без волнения следить за этой игрой «выражений». Слово вплетается в жизнь тех огромных существ, о которых мы говорим так бессильно абстрактно: «солнце»,

«земля»... И опять вставал образ Гейи, принявшей от Зевса чудесный дар «воздуха»... После заката – все вспыхнуло апельсинно-рубинно... потом стало, медленно выцветая, белеть, серебриться... Иной раз, сквозь кусты, казалось, что легкий серебристо-лиловый пар поднимается в небо. «Пар» этот – *земля*... Все еще не можешь спокойно принять это чудо. Претворение «праха» в эфирный покров...

Б.Н. переполнен. Опять потрясен и захвачен. «Что это значил мой жест *от* природы, от гор. Ведь с какой силой, как интенсивно...» – Над Триолетским хребтом поднималась опять голова великана: приподнявшись плечом с жестом и очертанием Бельведерского Аполлона, он обнимал другую склоненную голову. – Шли снова счастливые, переполненные красотой. На «вершине» Б.Н. сказал, обводя рукой чудеса горизонтов: «Где мы *это* увидим... Нигде...» – «Да, нигде». А *это* нам главное. Без этих просторов пространств, без полного небесного купола – все не то. Только стоя под чашею неба над чашей земли – переживаешь оттенок того, что хотелось бы назвать «совершенством».

9/VIII

Спасибо Коджорам... В этом году они многому научили: в виде-нии красоты, линий, форм. В прошлом году было точно ослепление светом глаза, с которого спал катаракт. Был восторг. Опьянение. Но теперь только видишь, как многое было смазано, многое недоувидено. Части больше выступали в своей разности. Несходное прежде бросалось в глаза. Теперь схватываешь синтетически. Видно, напр<имер>, что «ассирийцы» – продолжение «сна», изменение тех же рельефов. Или световое море Азербейджана – незаметный переход свечений Военно-Грузинской дороги. – Прошлогодня картина с одной стороны оформилась и определилась в частях. Но зато: части слились в одно целое. Это «целое» мы видели тогда в линиях горной «спирали». Теперь оно выступило в формах и характере рельефов... – А рисунки... возня с красками... Откуда такая потребность непременно «зарисовать»? И ясно: это как-то необходимо для самопознания. Узнаешь о себе очень важное. И особенно из сравнения наших методов: моего и Б.Н. Он «промышляет» свои краски. У него очень активна мысль. Он все заранее продумывает. И из продуманного поступает. У меня – желанье «увидеть». И даже противление против «мысли». Разница в сознании. «Увиденная» краска – больше от *Empfindung*³⁰⁹. Видишь, что «тáк», не давая себе отчета: почему именно «так». Продуманная краска – это уже взятая *Bewusstsein*³¹⁰... Искание краски, усилие добиться нужного оттенка, раздражение,

даже злость, когда не находишь, радость над удачным штрихом – все это «работа над поступками» в камалоке³¹¹. Над клочком бумаги, с кистью в руке, стремясь осуществить видимый тобой внутренне «идеал» – переживаешь то же, что душа перед картиной жизни. Так же мучительны неверные мазки, несходящиеся линии, аритмия рельефов. Так же радостны все удачные пятна, гармония вдруг слившихся в одно целое частей, неожиданный вспых, освещающий все... и в том месте, где вовсе его не ожидал... И есть беспощадное чувство правды, которое, как бы ты ни хотел, не позволит сказать прежде времени: «Так! хорошо!».

...Тихий вечер. Дали в тенях и солнечных пятнах. Через сады спустились к дороге Коджоры – Удзо. Шли точно парком. В обе стороны поросль густого леса. Впереди алмазное пятно просвета. Вышли к склону над «сном». Долго сидели, вглядываясь в чудеса колоритов, впитывая в себя невыразимые краски. Разорванная тускло-золотая бархат-парча на черно-зеленом кружево-бархате... просвеченная малиново-вишневым и освещенная бело-жемчужно-персиковым. Во все же это вплетен еще чуть заметный изумрудно-лимонный... Вот из чего сплетены были «сны». Впрочем, и это все грубо, условно, абстрактно. Вставало же целое. И оно взывало в душе: «Как это знакомо. Где это виделось? О чем напоминает...» – В чем мы живем целые дни... над чем думаем, о чем говорим... Многим показалось бы праздным безумием... «Только у Гете и доктора встретил я то же о краске, что знал о ней всегда³¹², и чего не знали художники, по крайней мере, те, с кем говорил... Краски, как миры. Проблема колорита и мирозерцание. Но именно у художников знание этого отсутствует...», – говорил Б.Н. ... и часами, днями длится наша беседа о красках. Записать ее трудно. Нет связных мыслей, оформленных выражений... Часто лишь брошенное отдельное слово... легкий образ... намек... То же, что можно бы было замкнуть в фразу – : банальность. Иначе не скажешь... пока что...

10/VIII

За чаем поднялись уже темы отъезда. Вспомнили разговор свой в Красной Поляне. «Пусть он будет, как импульс...» – «Еду в Москву, не ожидая покоя, не стараясь <...>, не давая себе обещаний: быть такой-то... Пусть будет, как будет, – вовне. Только бы в себе хранить точку-зерно...» – «Не случайно, что “Кучино” поколебалось, и мы даже не знаем, будем ли жить там в этом году...»³¹³ – Если даже и будем, мы уже уехали отсюда, – в тот день, когда, как чужие, вошли в свои комнаты... боясь сказать громкое слово... боясь двигаться... а

за стеной лежало «оно»... – Вечером на «Вершине» пережили единственность «коджорских» просторов... который раз, казалось, что в беспрепятственном полете взоров душа находит форму жизни, адекватную себе, живет в том, что ей присуще. Есть что-то непередаваемое в этом чувстве нестесненности и стояния «над»... Словно занимаешь какое-то свое, естественное положение. Все становится легким... И тела как бы нет. Оно есть, но как тонкий орган, посредством которого все это доходит тебе до сознания. – И не скрою: близость родного... Одна пережила бы все это иначе. Но перед лицом «просторов» и близость эта «простиралась», становясь огромной, росла. Охваченные ими и ею, умолкли и, взяв друг друга за руки, глядели, глядели кругом... Точно пили какой-то напиток... Сознание переполнилось. И вдруг вырвалось в каком-то взрыве восторга. Восторга перед красотой... Хотелось плясать... бегать, носиться... Мы бросались то к «снам», то к Тифлису-Удзо, то к Армении, то к Азербайджану... – Возвращаясь садами, говорили о наших ушедших. Просили их помощи в нашем решении. – За чаем Б.Н. прорисовывал схваченный сегодня очерк замка. Передо мною наброски грамматических форм к Grstleg³¹⁴... Так нас застали «поэты»³¹⁵. Приехали нас навестить. Было очень хорошо. Б.Н. рассказывал о Брюсселе³¹⁶, о А.Р.³¹⁷. Тициан, по обычаю, выходил иногда на террасу. Он не может долго переносить вихревую бурю речей Б.Н. Милый Тициан! Как знаком его жест, когда огромное тело его медленно поднимается, увлекаемое душой, которая слишком полна. Ведь и мне часто приходится говорить: «Довольно! Больше не могу...» У Паоло блестяли глаза, и волосы встали какими-то задирными и детскими вихрями... Как с ним просто и близко. Этот приезд действительно сделал нас своими... «Письмо» не оставило никакого следа в дурном смысле. Они показали, что понимают не форму слов, а ритм их диктующей души. И ритм этот они услышали в Б.Н. Обида же могла быть лишь за слова. Но за слова они не зацепились. И в этом – спасибо им.

11/VIII

Утром опять продолжение разговора с «поэтами». Пили вместе чай, дружески... братски... Уехали они часа в два. Мы принялись за свои дела: дорисовывать замок и Grstleg. – Чувствуется уже слом на осень. И в ветре, и в солнце уже не летнее... уже осеннее что-то... – Прощались с Коджорами со своей вершины. Склоны над Тифлисом стали вдруг «сном»... Выступили рельефы, которых никогда еще там не видали. Солнечный луч, пробегая над далеким Дагестаном, вырывал из молочного сумрака то один сверкающий бок, то другой. В

«Армении» делалось невероятное что-то. Возникли громады в полнеба и бросили свои продолжения через весь горизонт. Там, где *всегда* была ровная пелена воздушно-света, шли теперь хребты один над другим... выше и дальше. «Что это? что это! Ведь здесь же *никогда* не было гор?...» – «Помните, только раз в прошлом году мы видели здесь сказочный розовый город... Но и то казалось, что это призрак... мираж...» Уходили домой с тишиной и радостью в сердце. Спасибо Коджорам. В этом году они были для нас уроком какого-то нового класса... – Паоло сказал между прочим: Лежава долго жил в Брюсселе. Лежава – доктор, построивший Шови-курорт...³¹⁸ Книжка Лежавы о Шови целый месяц была перед глазами в Красной Поляне³¹⁹. К «Лежаве» мы ехали³²⁰ ... После рассказов Б.Н. о Брюсселе это поразило: «Так Лежава-Шови “из Брюсселя”...» – Весь вечер говорили: о «конце» кучинской жизни³²¹, об осени, об от<о>шедших... Прошел ряд важных тем. Отбор в том, что делать, читать и т. д. «Твоя жизнь не тебе принадлежит».

Тифлис. 12/VIII

Прекрасен был этот последний день в Коджорах. Быстро и легко сложились. Оставалось свободное время... и мы очутились на нашей «Вершине». Проститься после прощанья. Счастливые минуты среди знакомых просторов. Но сегодня они опять «незнакомы». Все рельефы неузнаваемы, и видишь то, чего никогда не видел... Знаком колорит: незабудково-жемчужный. Но и он в этом году появился впервые. – Опять и опять ходили, переходили с места на место. Пели пространства. Пели в нас души. Срывались лишь восклицания... вырывались счастливые: «Нет, это же невозможно...», «Что мы видим...», «Что с нами...», «Где мы...». И хотелось лишь шире открыть крылья сердца, чтобы принять в него этот дар красоты и гармонии. Страшно почти сказать: это было *счастье*. С благодарностью к силам судьбы и друг к другу спустились домой. – Вскоре явилась машина. Поэты... Прощание нежное с Мелитоном, с Георгием... и: понеслись. Как сказка отлетали Коджоры в закат: возносились! А к нам поднимался Тифлис, с жаром и острым изломом домовых квадратов. Глаз старался еще схватить последние игры вечернего света на склонах холмов. Кружевные оборки, накидки и мантии – на склонах, в ущельях. А сверху – фантастика световых пятен – нивы, точно оклады на древних иконах. Не прикрепленные к земле, переливались над нею, дрожа и вспыхивая, точно при свете свечей, под косыми лучами заката. И *это все* – отлетало. «Вот деревня, где я снял себе комнату», – показал Тициан на кучку земли с редкими крышами не-

далеко вниз от фюникюлера <так!>... Пролетело и это... Ботанический сад. «Верден» – ресторан при шоссе. Струнные крылья взлетевших двух скосов совсем над Тифлисом – и влетели в узкую, душную улицу-щель... – В квартире у Т<ициана> точно в оранжерее. Открыли все окна. Не легче. Принесли лед, чтобы охладить вино, воду. Мало помогает... Пьем с «поэтами» чай. Б.Н. оживлен необычно. Весь вечер говорит о символизме: с огромным подъемом. – Коджоры уже за занавесом. О них сейчас не думаешь... Оттого, что еще слишком они близки и страшно разбередить в себе тему «отъезда». «Педагогически» – думаешь только о том, что впереди: сдача в багаж чемоданов, билеты, веревки, мешки, последний просмотр – «что взять, что отправить»... Но еще и еще раз: Спасибо Коджорам! спасибо судьбе и нашей встрече, непрерывной, постоянно новой встрече с Б.Н. ... нет: с...

13/VIII

Да! 13-ое августа... Что сказать... Мы никуда не едем. У Б.Н. внезапные, странные боли в груди: ребра и в месте солн<ечного> сплетения. Нельзя вздохнуть. Боль поднялась в тот момент, когда он опускал билеты в карман... «Комментарии излишни». – 6 часов. Положение то же. Вот уж подлинно: «Что день грядущий...»³²². Смешно подумать: все время боялась писать в М<оскву> о дне выезда и о маршруте. Написала сегодня. Утром опустила открытку. А в три пришел Б.Н., скорчившийся от боли. – Смерили t° – 38,2. Ждем доктора³²³. – Полное недоумение: доктор нашел, что это желудок. «Вы себе чем-то попортили...» Но чем? Обед был у нас один. А кроме этого Б.Н. ничего не ел... «И еще простуда...» Но где? И в такую жару?.. Непонятно... – Доктор назначил диету, очень строгую. Завтра придет опять. Удостовериться. Боли, которые Б.Н. считал мускульными, он объясняет иррадиацией от желудка... Все-таки странно... Так сразу. Без всяких причин....

Почему-то через все мне спокойно. Хотя все данные налицо, чтобы тревожиться. Но это стиль нашей поездки: проводить нас через тревоги и разбивать наши планы. Джульфа, Зангезур, Севан, Шови, Кахетия – всюду мы «ехали» и никуда не доехали. И все же: это не важно. Было и есть что-то внутри, что заставляет сказать: это не важно...

14/VIII

Б.Н. чувствует себя лучше. Боли прошли. Он рисует. Томительно жарко... Но как-то необъяснимо тихо, спокойно и даже уютно. Уют-

но вдвоем – Тициан почти все время отсутствует – в этих огромных, высоких, немного нелепых комнатах. – Купила белой краски, которая вся исчерпалась в Коджорах. А без нее в наших рисунках никак нельзя. Коджоры непередаваемы без обилия белой краски... – Все еще не решено, едем мы или нет по В<оенно>-Грузинской. По правде сказать, не хочется. Устали мы оба от передвижений. Хотя их было немного, но дорого они нам дались – и в прямом и в переносном смысле. Боюсь, что Б.Н. опять взволнуется. Сейчас он так спокоен, когда поездка отодвинулась. Как и в Коджорах, когда выяснилось, что в Кахетию не поедет. Какая это была радость. Как хорошо мы зажили. Точно поездка – наказание. Это все после переезда Красная Поляна – Кутаис. Те дни не скоро забудутся. Точно проволокли нас по мытарствам. – Иду спать. Б.Н. все рисует. Белая краска используется всюю.

15/VIII

Проснулась в 6, – от какого-то беспокойства. Окликнула Б.Н. Так и есть: он не спал всю ночь. Боль в левой лопатке сильная. Отдает к сердцу. Что же это... Нет, видно, на спокойствии не продержишься... – Сейчас заснул – 10 часов. <...>³²⁴

«С того берега» – начало эры для народничества; не только критика Зап<адной> Европы, но и указание положительных идеалов, вера в возможность немецанского пути развития для России³²⁵. «Все реки истории (по кр<айней> мере, все западные) текут в мареммы мещанства». А мещанство – это смерть общества, начало его разложения. «Мир, в котором мы живем, умирает... Никакие лекарства не действуют больше на обветшалое³²⁶ <...>»³²⁷

Г<ерцен> – «Эгоизм – но ведь это соль личности»... «Всего менее эгоизма в камне». Личность не должна быть подчинена обществу. Огарев – «задача обществен<ной> организации: сохранение полной индив<идуальной> свободы при высочайшем развитии общественности. – Сочетать эгоизм с самопожертвованием». Герц<ен> – «Одно разумное и сознательное сочетание личности и гос<ударств>ва приведет к истинному понятию о лице вообще. Сочетание это – труднейшая задача, поставленная перед современным мышлением».

«Индивидуализм» – слово, введенное Михайловским, противоположное мещанству; понятие положительное, созидющее.

11 часов – Б.Н. снова проснулся. Приступ страшной боли в груди – до крика. Не может вздохнуть... Что же это такое? Растерялись и мы с Тицианом. Стоим оба над Б.Н. Надо доктора... К часу стало полегче. Но настроение подавленное. Очень уж неожиданны эти

«сюрпризы». – В 4 опять нехорошо... Пульс заскакал. 90... 100... 120, и это на протяжении пяти минут... Томительно идет время. Ни о какой уже В<оенно->Грузинской не думаем. Лишь бы доехать до дома. Ждем доктора... –

Как это все непонятно. От 6–8 <часов> Б.Н. впал в странное состояние. Не поймешь, хорошо или плохо. Странные часы... Время повисло... Боль, пульс скачет, слабость, подавленность. То лежит, то ходит, держась за грудь и сгорбившись. Наконец лег. Затих. И наступило что-то очень странное. Села возле него. Сперва читала вслух, чтобы отвлечь. Он лежал тихий и отлетевший какой-то. Только глядел синими сияющими глазами... Замолкла. Молчал и Б.Н. Мы держались за руки... Глаза в глаза. Вдруг его глаза наполнились слезами. Рот дрогнул... Не хочу говорить, какие мысли прошли во мне, и знаю: в нем!.. Мы были не здесь... Острое, режущее чувство. Боль до обратного: до чувства нездешнего счастья...

Подали чай. Вошел Тициан с Джугашвили³²⁸. Б.Н. вдруг ожил. Заговорил. К приходу доктора все изменилось. Он был почти здоров. Все же доктор сказал, что это простуда, и прописал микстуру и мазь. Ехать нельзя, пока t не станет нормальной. – К 10<-ти> пришел Паоло. Разговор оживился. «Поэты» вспоминали свою бурную молодость, скандалы, дуэли, пирушки³²⁹. После их ухода уютно и тихо поболтали еще... Опять вернулась тишина – над вздрагиваниями тревоги...

16/VIII

Все дни жара свыше меры. Трудно дышать. – Б.Н. чувствует себя лучше. Но все еще 37,5. Отъезд наш неопределенно повис... Б.Н. все волнуется, что мы обременяем Тициана. А тот на все отвечает лишь: «Поверьте, для меня это счастье...» И знаю: это не слова. – Вечером заходил Ч<ернявский>³³⁰. С ним всегда интересно. Разговор кипит, перебрасывается с темы на тему. «Поэзия опирается на воду», «влиять в (influer³³¹)... влиять на – более грубое воздействие, появилось с тех пор, как мы огрубели...». Его характеристика Б.Н.: «Вы все “употребляете”... вокруг вас нет мусора, нет никаких мусорных куч, не на что взбираться, и потому нет никакого величия...». Разговор загорелся. Но Тициан, охраняя Б.Н., быстро увел Ч<ернявского>. – Снова вдвоем. И тот же невыразимый уют. Б.Н. стал записывать дальше о символизме³³². Если бы не тревога за здоровье Б.Н., было бы совсем хорошо. Продолжаю ощущать изменение в себе. Главное – это успокоение в мыслях. Нет раздражающей лихорадки трех последних лет, нет разворачиванья картин возможных ужасов. Боюсь сказать, но словно пытка мыслью кончилась. Словно кто-то тихий

вошел именно в мир *мыслей* и разгладил тревоги, угасил адские жгучие огни, которыми мысли зажигали чувства... – С огромной силой оживают грамматические формы. Как раз 14/VIII вылилась медитация к Мих<аилу>³³³ ...

17/VIII

Утро. Тихо. Б.Н. еще спит. Жара... Вспоминается далекое, далекое. Лето 1909, когда оставалась одна в большой пустой квартире... Такие же большие, высокие и пустые по-летнему комнаты. Такая же тишина.

Продолжаю читать Раз<умника> Вас<ильевича>. Очень ярко встает он сам.

...«С т<ого> берега» – новая эпоха в русской мысли: конец слав<янофильства> и западничества, начало народничества. «Субъективный имманентизм»³³⁴. Признание объективного смысла жизни – «трусость», «боязнь исследовать, чтобы не увидеть взор исследуемого»; страус, прячущий голову. Жизнь имеет субъективный смысл. Цель – в *настоящем*, «настоящее есть реальная сфера бытия». – «Цель жизни – жизнь». «Родовой рост – не цель, ... а свойство преемственно продолжающегося существования поколений. Цель для каждого поколения – оно само...» «Смотреть на конец, а не на *самое* дело – величайшая ошибка».

«Жизнь и история есть в каждый данный момент достигнутая цель, а не средство...» – Галахов³³⁵, с которым идет этот разговор, иронизирует: «т. е. просто, цель природы и истории – мы с вами?» – «Отчасти, да, плюс настоящее всего существующего; тут все входит: и наследие всех прошлых усилий, и зародыши всего, что будет... и гармонии всей солнечной системы...» – Гибель человечества возможна. Но настоящее наше, его надо ценить, в нем видеть *цель*. «Кто поручится, что какая-ниб<удь> перемена в солнце не вызовет катаклизм... и тогда мы со зверями и растениями погибнем... Страшная вещь, а отвечать нельзя. Одно настоящее наше, а его-то ценить не умеем...»

На слова Гал<ахова> о *вере* в позитивный смысл истории, Герц<ен>: «на нет и суда нет». И от себя прибавляет: «вы верите, а я нет, и спорящим остается разойтись...». В этом весь Р<азумник> Вас<ильевич>. В этом стиль его писем, где он упорным молчанием обходит все темы Б.Н. и отвечает литературными темами на темы жизни. Это без слов, но в жесте достаточно ясное: «вы верите, а я нет...».

Тихо... жарко. Ночами нельзя спать. Т<ициан> уехал на два дня. Оба рисуем: Б.Н. на память ракурс замка с армянской стороны. Но

фантазия его «эзактна».... Парадоксально можно сказать: «Всего, что он рисует – нет совсем... и оно есть...».

Странно, что неудавшаяся поездка по В<оенно>-Гр<узинской> дороге не вызывает никакого сожаления. Оба переживаем скорее облегченье... Точно избавились от трудного урока. Кажется, оба решались на нее из «чувства долга»: «Ведь нужно же как-нибудь закончить». А в сущности, – не хотелось. Но таили это, боясь нарушить предполагаемое в другом желанье. За нас решила судьба. И радуемся, как дети. Так хорошо, так дружно живем эти дни. Так тихо.

18/VIII

Всю ночь почти не спали – от духоты. Б.Н. долго сидел над рисунком. Очень хорошо. Пожалуй – это лучший.

<...>³³⁶

...ограниченности погибла интеллигенция. Вот откуда в письмах его к Б.Н.³³⁷ «кто про Фому, а кто про Ерему»... – День прошел в каком-то тихом «Sein»³³⁸... Б.Н. выходил впервые. Побродили немного по кривым, горным улочкам близ Тициана. – Вечером был Ч<ернявский>³³⁹. Рассматривал рисунки Б.Н. и мои чертежи. «Гадал» по ним, как по руке или по картам. Очень верно. По-своему. Но близко. В рисунках Б.Н. указал «разнопланность»: план борьбы, тяжести, выхода из нее, гармонии. Одни рисунки звучали для него рассказом о прошлых преодолениях, другие взглядом в будущее, миром замыслов и надежд. У меня отметил, как характерное, сведение к гармонии кривых, прямых, углов, кругов, параллелей. Долго еще говорили. – Б.Н. еще писал о символизме. Он выводит его из «опыта», «переживания». Символизм не литературная школа. Это рождение нового сознания в людях. Сознание пересеченности миров, – на грани... Символистом можно быть, не зная этого... – Заговорились до света. А мысли все шли и шли... раскрывая новые горизонты... и старое, давно знакомое являлось поражающе новым в их свете... В этих записях Б.Н. о символизме мне слышится концентрированная сжатость *Leitsätze*³⁴⁰ и действенность. Железное нечто. Совершенно обрезанное от всякой образности и замкнутое – в местах, где проводится принцип. Рассудок должен крепко работать, чтобы войти в содержание этой суровой, очищенной формы.

19/VIII

Б.Н. все продолжает свои записи. Вечером читал Тициану. Тот был взволнован³⁴¹.

День перед отъездом. Покупки. Все так же тихо и хорошо у Тициана. Жаль будет оставлять эти комнаты. Уже образовалась привычка, наладился порядок дня...³⁴²

21–24/VIII. Тифлис – Москва

Отъезд. Провожали Т<ициан> и П<аоло>. Грустно расставаться. В это посещение Кавказа они стали нам воистину друзьями. Прошла «романтика» первой встречи; все стало проще. Но и теплее, конкретнее, человечнее. Всеми усилиями, вольными и невольными, Б.Н. разбивал на себе ту <...>³⁴³

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дарья Николаевна Часовитинова (1896–1966; год смерти уточнен Л.А.Новиковым) – «ремингтонистка» Андрея Белого, Б.Л.Пастернака и М.А.Волошина; антропософка; «незаконная дочь великого князя Николая Константиновича», как указывает В.П.Купченко (см.: *Волошин М. История моей души / Сост. В.П.Купченко. М., 2000. С.453, примеч.*). Упоминается в: Лица 7. С.244 и 309, примеч. 69). В Мемориальной квартире Андрея Белого хранятся машинописные копии с дарственных надписей ей на книгах Андрея Белого «Петербург» (М.: Никитинские субботники, 1928): «Милой Дарье Николаевне Часовитиной <так!> с большой любовью и благодарностью, как автору появления в свет этого издания. Андрей Белый. Москва. 30 сент. 28 г.»; «На рубеже двух столетий» (М.: Земля и фабрика, 1930): «Глубокоуважаемой милой Дарье Николаевне Часовитиновой, моей тонкой помощнице (по части текстов). С любовью и благодарностью. Автор. Москва. 26 янв. 30 г.»; «Маски» (М.: ГИХЛ, 1932): «Дарье Николаевне Часовитиной <так!> с любовью и с нежной благодарностью – за художественный ремингтон. Автор. Москва. 29 января. 33 года».

² Владимир Николаевич Татаринев (1879–1966) – актер, режиссер, работал вместе с М.А.Чеховым в МХАТ-2, один из постановщиков пьесы Андрея Белого «Петербург»; антропософ. Ср.: «Вл<адимир> Ник<олаевич> Татаринев, наш общий друг и самый близкий человек к М<ихаилу> Ал<ександровичу> Чехову» (один из режиссеров МХАТа), тоже прекрасный, вечно ищущий человек...» (Андрей Белый. Письмо Р.В.Иванову-Разумнику от 18 марта 1926 // Переписка. С.349).

³ Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – актер, режиссер, руководитель театра МХАТ-2, антропософ, племянник А.П.Чехова.

⁴ Первое посещение Тифлиса Белым и К.Н.Васильевой – во время их путешествия по Грузии в 1927 (19–24 мая, 27 июня – 3 июля). См.: Лица 7. С.204-209, 220-223.

⁵ Лидия Павловна Сильникова – знакомая Б.Н.Бугаева и К.Н.Васильевой, антропософка. Ср. запись Белого в апреле 1929: «29-ое. Тифлис. Остановка в Тифлисе у Лидии Павловны Сильниковой». См.: *Андрей Белый*. Ракурс к дневнику (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.139об.); в дальнейшем – РД. Летом 1927 Белый указывал своим корреспондентам адрес Л.П.Сильниковой, «которая обещалась пересылать письма в тот пункт побережья, куда бросит случай <...> пишите по адресу: Чаква (близ Батума). Дача Соловьевой. Лидии Павловне Сильниковой. Мне. Я всем дал этот адрес...» (Переписка. С.518).

⁶ «В Тифлисе зашли на богослужение в армянскую церковь Джигросис (от Ереванской площади – вниз)» См.: *Андрей Белый*. Записная книжка (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.101. Л.11); в дальнейшем – Записная книжка.

⁷ О Караклисе, Алаверды, Лорийском ущелье см.: *Андрей Белый*. Армения: Очерк, письма, воспоминания / Сост., прилож. и примеч. Н.Гончар. Ереван, 1985. С.5-9 и далее (в дальнейшем – Армения); также см.: Лица 7. С.257.

⁸ В перечне лиц, с которыми Белый знакомится в первые дни своего третьего кавказского путешествия, встречаются имена: «*Вермишева*(ян) Варвара Александровна. Вермишев Григорий Христофорович (текстильный комбинат)» (Записная книжка. Л.11). Санаин – поселение (недалеко от Алаверды). На территории Санаина сохранился монастырский комплекс, один из главных культурных центров Армении X–XIII вв.: церкви Аствацацин («Богородицы») и Аменапркич («Спасителя») – X в., школа (X–XI вв.), библиотека (XI в.), колокольня (XIII в.) и др.

⁹ См. примеч. 10 к вступ. ст.

¹⁰ Лениканан (Александрополь) – город в Армении; в 1995 ему возвращено историческое название Гюмри. О нем см. также: Лица 7. С.260.

¹¹ Алагез – железнодорожная станция близ горы Алагез (Арагац; потухший вулкан) – самой высокой горы Закавказского нагорья в Армении (4090 м).

¹² *Sächlich* (нем.) – предметно, объективно.

¹³ Карабурун – железнодорожная станция вблизи Еревана. Ср. запись от 18 мая 1928: Лица 7. С.261.

¹⁴ Арарат (или Масис) – потухший вулкан на востоке современной Турции, близ границы с Арменией и Ираном. Состоит из двух слившихся основаниями конусов – Большого Арарата (5165 м) и Малого Арарата (3925 м).

¹⁵ Впервые Белый и К.Н.Васильева были в Эривани во второй половине мая (с 18-го до конца месяца) 1928.

¹⁶ Мартирос Сергеевич Сарьян (1880–1972) – художник, директор Государственного музея Армении (1921), председатель Армянского комитета по охране памятников старины (1921), председатель Союза художников Армении (1947–1951). В 1967 в Ереване открыт музей М.Сарьяна. Знакомство Белого с Сарьяном состоялось 19 мая 1928 в Эривани. Подробнее см.: Ар-

меня. С.3-81; Переписка Андрея Белого и Сарьяна // Там же. С.82-106; *Сарьян М.С.* Из моей жизни. М., 1970 (в дальнейшем – Сарьян).

¹⁷ Блюдо люля-кебаб удостоилось отдельной записи в «Записной книжке» Белого: «...Люли-кэбаб (кушанье мясное)» (Л.11об.).

¹⁸ Лусик (Люси Лазаревна) Сарьян (урожд. Агаян) – жена М.С.Сарьяна, дочь Газароса Агаяна (1840–1911) – известного армянского педагога и детского писателя. О ней см.: Сарьян. С.248–252 и др.

¹⁹ Ср. в РД: «Обед у Сарьянов: Люся Лазаревна, ее родственник: его рассказы о Персии» (Л.139об.).

²⁰ «Кодаком» Белый в шутку называл особенность своей памяти, особый «прием запоминания <...>, чтобы удерживать в памяти нужное» (Воспоминания. С.127). См. также: *Андрей Белый*. Ветер с Кавказа: Впечатления. М., 1928. С.49.

²¹ Речь идет о музыкальной теме из оперы Н.А.Римского-Корсакова (1844–1908) «Золотой петушок» (1906–1907) по сказке А.С.Пушкина; первая постановка состоялась в 1909 на сцене Оперного театра Зимина в Москве. У Пушкина – «шамаханская царица». Ср. написание: Шемаха – в IX–XVI вв. столица Ширвана; с середины XVIII в. центр Шемахинского ханства, с 1805 в составе России; в настоящее время – райцентр в Азербайджане.

²² d'orient (*франц.*) – восточный.

²³ рецитировать – от *reciter* (*франц.*) – произносить, читать наизусть.

²⁴ Канакер – горное село в 7 км от Еревана на высоте 1250 м над уровнем моря.

²⁵ Ср.: «Для Б.Н. многие из его внутренних состояний, порой даже целые полосы жизни, связывались со словами любимых поэтов или с темами музыкальных произведений. Он находил таким образом как бы внешнюю сжатую формулу для того, о чем *своими словами* было бы трудно и долго рассказывать. Нельзя перечислить и вскрыть все эти своеобразные формулы. Пришлось бы пересказать почти всю биографию Б.Н. Здесь были и Пушкин, и Гете, и Баратынский, и Лермонтов, Тютчев, Вл. Соловьев, Дельвиг, Глинка, Шуберт, Шуман и ряд просто романсов или песен, едва ли имеющих автора» (Воспоминания. С.100).

²⁶ Занга (Раздан) – река, приток Аракса; на ее берегу расположен Ереван.

²⁷ См. запись о посещении гидростанции и прогулке по базальтовому ущелью 19 мая 1928 (Лица 7. С.263-264).

²⁸ Ср. в РД: «2-ое. <...> смотрели на пляски; народный праздник; “оперные” староармянские костюмы» (Л.139об.).

²⁹ Землетрясение 1840 года обнажило горные породы до значительной глубины; были разрушены монастырь Св. Якова и соседнее селение Архури.

³⁰ В «Воспоминаниях» К.Н.Бугаева пересказывает «целое рассуждение» Белого, относящееся по времени к их пребыванию в Красной Поляне: «О стопе ямбической и хорейской: ямб – шаг до подъема на гору, хорей –

шаг спуска с горы...» (С.111). Развитие этой темы – в рассуждении Белого о «философии гор» в письме к Иванову-Разумнику (Переписка. С.638).

³¹ Ähnungen (нем.) – предчувствия.

³² Erfahrung (нем.) – опыт.

³³ «Машенька» – так иногда называл Андрей Белый Клавдию Николаевну. «Для Клоди <Клавдии Николаевны> у Б<ориса> Н<иколаевича> имелся целый ряд “имен”. “Невеличка” – от небольшого роста и тихой уютности. <...> звалась еще “Любочкой” – от “Люба моя”, то есть “милая сердцу”. Звалась еще “Маша, Машенька” – как что-то истинно русское <...>» (Кезельман Е.Н. Жизнь в Лебедяни летом 32-го года // Воспоминания. С.337-338).

³⁴ Андрей Белый и его первая жена Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890–1966) посетили Африку во время их первого заграничного путешествия (конец 1910 – 1911). 5 января 1911 они приехали в Тунис, а с 15 января до 7 марта проживали в Радесе (арабской деревне близ Туниса). 8 марта 1911 из Туниса они отправились в Египет.

³⁵ Ср.: «...в начале мая усилиями Сарьяна и наркомпроса Мравьяна мы были уже устроены в Дарачичаге (около Севана-Гокчи) и я едва не внес плату за дачу...» (Переписка. С.633 и 635, примеч. 1). Асканаз Артемьевич Мравян (1886–1929) – государственный деятель; с 1923 – нарком просвещения и заместитель председателя СНК Армении; публицист, редактор газеты «Советакан Айастан»; неоднократно упоминается в связи с хлопотами Сарьяна по устройству Андрея Белого в Ереване и окрестностях.

³⁶ Ср. запись в РД: «3-е. <...> К вечеру были с Сарьяном у доктора Аванесова (осмотрел, разрешил в горы, подарил свою книгу)» (Л.139об.). В «Записной книжке» упоминается не Аванесов, а Леон Андреич Оганесян (Л.12). Левон Андреасович Оганесян (1885–1970) – профессор (с 1928) по кафедре внутренних болезней медицинского факультета Ереванского университета, консультант кардиологического курорта Арзни (с 1927); впоследствии – действительный член Академии медицинских наук СССР, заслуженный деятель науки; известны его труды по проблемам кардиологии, сердечно-сосудистым неврозам. Вероятно, в РД речь идет о его монографии «История медицины в Армении от древнейших времен до наших дней» (Ереван, 1928).

³⁷ В материалах по исследованию мозга Андрея Белого содержится описание деятельности его сердечно-сосудистой системы: «Сердце всегда находили хорошим. До последнего времени, когда случился удар, атеросклероза не находили. Мог переносить высокий горный климат, и врачи ему это разрешали» (Спивак М.Л. Посмертная диагностика гениальности: Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга: Материалы из архива Г.И.Полякова. М., 2001. С.249).

³⁸ Гарегин Левонян (1872–1947) – армянский филолог, искусствовед и художник; основатель и редактор литературно-художественного журнала «Гехарвест» («Искусство»; 1908–1913, Тифлис); автор ряда работ по армян-

скому фольклору; друг М.С.Сарьяна. «Левониан Гарегин Дживани. <...> Абовян, 92» (Записная книжка. Л.12-12об.). См. о нем: Сарьян. С.85-88.

³⁹ Аветик Саакочич Исаакян (1875–1957) – армянский поэт, с 1943 – академик АН Армянской ССР. Ср.: «Аведик Исакиан. Живет в доме против Левониана» (Записная книжка. Л.12). Назван Белым среди тех, общение с кем в Армении летом 1929 подарило «ярчайшие моменты» (Переписка. С.635).

⁴⁰ Ср. запись в РД: «4-ое. <...> были у наркомпроса Мравьяна с Сарьяном (мой официальный визит ему: поблагодарить за комнаты, дачу в Дарачичаге, машину)» (Л.139об.).

⁴¹ Александр Иванович Таманов (Таманян; 1878–1936) – известный армянский архитектор; окончил Петербургскую Академию художеств в 1904; академик архитектуры (с 1914), вице-президент Петербургской Академии художеств (в 1917), народный архитектор Армении (с 1924). С 1923 жил и работал в Ереване; один из организаторов и председатель (более 10 лет) Комитета по охране и изучению памятников древней архитектуры при Наркомпросе. Создал первый генеральный план реконструкции Еревана, проекты планировки Лениакана, Эчмиадзина и др. В многочисленных зданиях, построенных в Ереване, использовал композиционные приемы русского классицизма, но чаще всего обращался к творческой переработке традиций армянского средневекового зодчества, используя породы местного камня. О нем см.: Лица 7. С.271 и 313, примеч. 107; Армения. С.11-12, 22-24; Сарьян. С.316-321.

⁴² *écrasant (франц.)* – подавляющий, давящий.

⁴³ Фритъоф Нансен (1861–1930) – норвежский исследователь Арктики, почетный член Петербургской Академии Наук (1898), лауреат Нобелевской премии мира (1922). В 1925–1929 возглавлял комиссию по репатриации беженцев-армян в Советскую Армению, в связи с чем в июне 1925 посетил Ереван. Результатом поездки стала его книга «В Армении» (1927 – на норв. яз., затем – на англ. и франц. под назв. «Армения и Ближний Восток»). Летом 1929 Белый и К.Н.Васильева читали французское издание (*Nansen F. L'Arménie et le Proche Orient. Paris: Imprimerie Massis, 1928*). Ср. в РД: «4-ое. <...> Читаю: <...> Нансена (“L'Arménie et le Proche Orient”))» (Л.140).

⁴⁴ Йозеф Стржиговский (Joseph Strzygowski; 1862–1941) – австрийский историк архитектуры. Речь идет о его книге: «Строительное искусство Армении и Европа» (*Die Baumkunst der Armenier und Europa. Bd.1-2. Wien, 1918*). О чтении Стржиговского см.: Переписка. С.647-649.

⁴⁵ Имеется в виду Мамикон Артемьевич Кеоркьян (Кеворкьян) (см.: Записная книжка. Л.12) – заведующий государственной публичной библиотекой в Ереване. Ср. в РД: «4-ое. Заход с Сарьяном в публичную библиотеку к Кеоркьяну» (Л.140). Ср. в «Путешествии в Армению» О.Мандельштама: «Я взял Фирдуси у государственного библиотекаря Армении – Мамикона Артемьевича Геворкьяна <...> Геворкьян красноречив, умен и любезен, но эрудиция его чересчур шумная и напористая <...>» (*Мандельштам О.Э.*

Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т.3: Стихи и проза 1930–1937. С.205. В дальнейшем – Мандельштам).

⁴⁶ Лазаревский институт восточных языков основан в 1815 на средства семьи богатых армянских промышленников Лазаревых (Лазарянов). В 1807 была основана первая в Москве армянская типография, которая издавала словари, труды по истории Армении и др.; в 1815 в специально выстроенном особняке открылось училище (с 1835 – гимназия), которое с 1848 было преобразовано в Лазаревский институт восточных языков (в 1919 переименован в Армянский институт, затем в Переднеазиатский; с 1920 – Центральный институт живых восточных языков; в 1921–1954 – Московский институт востоковедения). В 1929 знаменитая библиотека Лазаревского института и хранившиеся там архивные фонды были перевезены в Ереван и сосредоточены в Ереванском университете и Государственной публичной библиотеке. О Лазаревском институте, его библиотеке и архиве см.: *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых: Очерки. М., 1982.

⁴⁷ Ср. в РД: «4-ое. <...> Знакомство с пролет-поэтом Хореном (“Радио”) <...>» (Л.140). Имеется в виду армянский поэт Хорен Радио, выпустивший в 1920–1930-х несколько поэтических сборников; до его знакомства с Андреем Белым вышла в свет одна книга: *Хорен Радио.* Военные песни: Сборник стихотворений (1927–1928 гг.). Ереван, 1928. По-видимому, Радио – псевдоним (возможно, этот молодой поэт принимал участие в организации радио в Армении: первая радиотрансляционная передача в Армении состоялась в 1927, первая радиостанция в Ереване была открыта 2 декабря 1929).

⁴⁸ По проекту А.И.Таманова построен «Народный дом» (Государственный театр оперы и балета им. А.Спендиарова; 1926–1953), Дом правительства (1926–1941) и др. здания.

⁴⁹ Кучино – подмосковный поселок, где Белый и К.Н.Васильева снимали комнаты в 1925–1931.

⁵⁰ Имеется в виду Библия.

⁵¹ Ср. в РД: «5-ое. <...> Были на выставке армянского худ<ожника>, вернувшегося из Америки <...>» (Л.140). В 1928 вернулся из США в Ереван Фанос Погосянц Терлемезян (1865–1941) – живописец, педагог, общественный деятель; один из основоположников индустриального пейзажа; в 1923–1928 он жил за границей (Турция, Иран, Франция, Италия, США); в 1941 его именем названо Ереванское художественное училище.

⁵² Джульфа (Джуга) – поселок у границы с Ираном, на левом берегу реки Аракс; основан царем Тиграном I (VI в. до н. э.), в 1603 разрушен; с 1948 – город. Сохранились мавзолей Гюлистан (нач. XIII в.), руины средневековой церкви, мостов через Аракс, караван-сараяв.

⁵³ Норк – возвышенность; район Еревана.

⁵⁴ Дарачичаг («долина цветов») – ныне Цахкадзор, курортный городок в 52 км от Еревана.

⁵⁵ Впервые Андрей Белый и К.Н.Васильева побывали в Сачхере во время их поездки с Тицианом Табидзе по Имеретии 14–16 мая 1928 (Лица 7. С.251-256), а затем в том же году прожили весь июнь в селении Схвители, близ Сачхере (Там же. С.282-301).

⁵⁶ Еленовка (Севан) – поселок неподалеку от Дарачичага, вблизи озера Севан; одно из русских сел, основанных в 1840-х по линии главной дороги Тифлис – Ереван.

⁵⁷ Имеется в виду повесть «Тайфун» английского писателя польского происхождения Джозефа Конрада (Conrad; наст. имя Юзеф Теодор Конрад Коженьовский (Korzeniowski); 1857–1924). См.: *Конрад Дж.* Собр. соч. / Под ред. и с литерат.-критич. очерком Е.Ланна; Пер. с англ. А.В.Кривцовой: В 5 т. Т.2. Кн.1: Тайфун. М.; Л., 1925; *Конрад Дж.* Тайфун: Повесть / Пер. с англ. А.В.Кривцовой. М.; Л., 1927 (Универс. библио-ка). О чтении книг Дж. Конрада см. также запись от 17 июня 1929.

⁵⁸ Генри Финис Блос Линч (1862–1913) – ирландский географ-путешественник, арменовед, общественно-политический деятель. Дважды путешествовал по Армении (август 1893 – март 1894, май–сентябрь 1898). Результатом этих поездок стал его труд «Армения» в 2-х томах: Armenia: Travels and Studies. Vol.1-2. London; New-York; Bombay, 1901; на русск. яз.: Армения: Очерки и этюды. Т.1-2. Тифлис, 1910). См. также: Армения. С.12.; Лица 7. С.262, 270; 312, примеч. 102).

⁵⁹ Геродот (490/480 – ок. 425 г. до н. э.) – древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». Автор сочинений, посвященных описанию греко-персидских войн с изложением истории государства Ахеменидов, включавшего большинство стран Ближнего и Среднего Востока. Ксенофонт (ок. 430–355 до н. э.) – древнегреческий историк и писатель; автор «Киропедии». Дарий I (522–486 до н. э.) – царь великой империи Ахеменидов, во время правления которого она достигла наивысшего могущества. См. об этом: *Линч Г.* Армения: Очерки и этюды. Т.2. С.84-90 и др. Ср.: «Об армянах говорят: Страбон, Плиний, Прокопий, Аммион Марцелл, Плутарх, Птоломей, Исидор, Геродот, Ксенофонт, Полибий, Цицерон <...> и т. д.» (Записная книжка. Л.11).

⁶⁰ Аштарак – поселок (районный центр; с 1963 – город) на реке Касах (Абаран). В Аштараке сохранились остатки четырех древних церквей, надгробий, а также каменный трехарочный мост XVII в. через реку Касах.

⁶¹ Дорожные заметки Белого о поездке в Аштарак см.: Записная книжка. Л.16-20.

⁶² Ашхарбек Агалоевич Лору Мелик-Калантар (1884–1942) – армянский историк-археолог, ученый и один из ближайших сотрудников Н.Я.Марра, участник археологических экспедиций в Ани.

⁶³ Комитет по охране и изучению памятников старины был образован в Ереване в 1921–1922 при участии М.С.Сарьяна, А.И.Таманова и др.

⁶⁴ Звартноц (церковь Св. Григория, храм «Бдящих сил») – храм в одноименном селе близ Эчмиадзина (641–661), памятник раннесредневековой армянской архитектуры; оказал большое влияние на все последующее разви-

тие национальной архитектуры Армении; разрушен землетрясением 988 года; сохранился в руинах. Рипсима (Рипсимэ) – крестово-купольная церковь в Эчмиадзине (окончена в 618) – памятник раннесредневековой армянской архитектуры; хорошо сохранился, реставрирован в 1936. Первое посещение Звартноца и Рипсима состоялось 20 мая 1928 (Лица 7. С.264-267).

⁶⁵ Гора Арá (Цахкеванк, или Араилер) около Еревана – по преданию (как и Араратская равнина), названа по имени Арá Гехецик, Ара Прекрасного, умирающего и воскресающего бога армянской мифологии, в эпосе – царя армянского государства. Семирамида (*ассирийск.*: Шаммурамат, Шамирам) – царица Ассирии конца IX в. до н. э. В древнеармянской мифологии Шамирам – богиня любви и сладострастия. Согласно мифу, не добившись любви Ара Гехецика, Шамирам идет войной на Армению; сражение между войсками происходит неподалеку от горы Араилер; после гибели возлюбленного в покоренной стране Шамирам строит на берегу озера Ван свою летнюю резиденцию Шамирамакерт (город Ван); с озером Ван связана и легенда о ее гибели. Именем легендарной царицы названы гора Семирамида и село Шамирам на юго-западе Аштаракского района.

⁶⁶ Касах, Занга, Ахурян – притоки реки Аракс. Ср.: «Село Аштарак повисло на журчаньи воды, как на проволочном каркасе. <...> Аштарак – селение богатое и хорошо угнездившееся – старше многих европейских городов. Славится праздниками жатвы и песнями ашугов. <...> В этом районе – фольклорная житница Армении» (Мандельштам. С.207-208).

⁶⁷ «Иоаннован 7 в. Надпись над входом 13 века. Сочетание колонн, полуколонки. С 7-го века. Сбоку оклад <?> земляной <?> (крепость) (сбоку церковки дверь). Над ущельем <?> куски барельефа (птица) (под монастырем – пещерка). Ущелье <?> красновато-бирюзово-розово-коричневое (винового цвета с зеленью и тенью). Внутри церкви при входе в <нрзб.> борьба (направо неправедники, отделены от Христа). Кружевные камни 7 в. (пристройки 13 в.). Придел 5 век, реставрирован; серо-коричнев-ый? <нрзб.> с вишневыми пятнами (купол упал 1918 года <так!>). <...> с 1 века монастырь стал крепостью (нашествие 1063 года). Вдали над горой Ара Монастырь св. Варвары» (Записная книжка. Л.13об.-16). Архитектурный комплекс в Ованнаванке, в 5 км от Аштарака, включает базилику V в., храм XIII в., хачкары (см. ниже) VIII в.

⁶⁸ «Крестные» камни, хачкары – отдельно стоящие искусно орнаментированные надгробные камни, а также камни, ставившиеся в ознаменование исторических событий, побед, строительства крупных сооружений.

⁶⁹ Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – писательница, журналистка, краевед, автор мемуаров. Вероятно, К.Н.Бугаева имеет в виду описание армянских крестьянских домов в книге очерков М.Шагинян «Прогулки по Армении» (М.; Л., 1927. С.16-17, 21-23).

⁷⁰ «Замком Тамары» называют крепость (I в. до н. э.), находившуюся на скалистой горе над левым берегом Терека в Дарьяльском ущелье – в долине реки Терек, в месте пересечения Бокового хребта и Большого Кавказа.

⁷¹ Церковь Георгия (1661) в селе Мугни Аштаракского района известна своим декоративным оформлением наружных стен и остатками росписей внутри. Ср.: «Церковь Могни (ящерица), в основе 7 в., переделана в 17 в. Цветной иконостас. Фрески начала 17 в.» (Записная книжка. Л.160б.).

⁷² К посещению Аштарака относится следующая запись: «Красная церковь (Аштарак), 7 в. Камни хачкары у входа 12 в., надпись 7 в. в одну строку. Черепица сохранилась, 7 в.» (Записная книжка. Л.17). Ср.: «Аштаракская церковка самая обыкновенная и для Армении смиренная. Так – церквушка в шестигранной камилавке с канатным орнаментом по карнизу кровли и такими же веревочными бровками над скупыми устами щельистых окон. Дверь – тише воды, ниже травы. Встал на цыпочки и заглянул внутрь: но там же купол, купол! Настоящий! Как в Риме у Петра. <...> Кому же пришла идея заключить пространство в этот жалкий погребец, в эту нищую темницу – чтобы ему там воздать достойные псалмопевца почести?» (Мандельштам. С.206–207). Часовня Кармравор (Красная, Багряная; VII в.) – единственный в Армении памятник с уцелевшей первоначальной черепичной кровлей; по периметру стен вырезана надпись; расположена на северо-восточной окраине города в окружении многочисленных хачкаров. Ср.: «...по количеству каменных надгробий Армения 2-ая страна после Египта» (Записная книжка. Л.150б.).

⁷³ Эчмиадзин – один из древнейших культурных центров Армении (близ Еревана); существует со II в. до н. э.; во II в. н. э. – столица Армении (под названием Вагаршапат). Собор (313 г.) стал религиозным центром всех армян; здесь же – постоянная резиденция главы армянско-грегорианской церкви и духовная семинария. В Эчмиадзине и близ него расположены другие памятники древнеармянской архитектуры: Рипсимэ, Звартноц, Гаянэ и др. О предыдущей поездке в Эчмиадзин 20 мая 1928 см.: Лица 7. С.265–267.

⁷⁴ Ошакан – село на склоне горы Арагац в 30 км от Еревана, в 5 км от Аштарака, принадлежало Эчмиадзину; на окраине села два холма: Дити-Конд (Наблюдательный холм) с остатками древнейших жилищ и сооруженной из каменных глыб крепости; на вершине другого холма – большой могильник; пятиарочный мост XVII в. ведет через реку Касах. Император Маврикий (Mauritius; 539–602) – византийский император (с 582); родом из Каппадокии (древнее название местности на Востоке Малой Азии). Ср.: «Маврикий, импер<атор> Виз<антии> – *аштаракец*» (Записная книжка. Л.19). В Ошакане на высоком постаменте стоит колонна Морики (Маврикия) VII в. Неподалеку от нее сохранилось надгробие на могиле армянского просветителя Месропа Маштоца (361–440), создателя армянского и грузинского алфавита. Ср.: «...могила творца армянского алфавита Месропа Маштоца <...> она скрыта <...> под землей, в невзрачном подполье невзрачной часовенки» (Эмин Г. Семь песен об Армении: Очерк // Литературная Армения. 1967. №3. С.67).

⁷⁵ Ср. в РД: «7-ое. <...> Поездка в Аштарак и Иоганнован (мы с К.Н., Сарьян и профессор Коллонтар; сперва – осмотр остатков мамонта в отделе охраны пам<ятников>. Машина – вцикская: шофер прошлогодний знако-

мец, Вака; предгория Алагеза: гора Ара, гора Семирамиды; ущелье Касах, Аштарак: осмотр церквей св. Иоанна (Иоганнован), монастыря св. Варвары, Могни (7-ой век) (между Аштараком и Иоганнованом), “Красной церкви”, Маринэ (в Аштараке); завтрак у крестьян; объяснения Коллонтара; осмотр древней крепости; священники; село Ошаган; возвращение через Эчмиадзин; разговор о Тораманьяне. Под Эриванью застигла буря (расстрел туч градобойными пушками)» (Л.140об.). Ср. в «Записной книжке»: «Ц<ерковь> Маринэ (теперь монастырь) <...> Крепостная церковь 5 века (в 11 веке превращена в крепость)» (Л.17об.-18об.). Церковь Маринэ (Мариам; 1281) с солнечными часами на южном фасаде и колокольной 1838 г. Самый древний памятник Аштарак – базилика Циранавор (Пурпурная; V–VI в.), или Покабедр (крепость Пока); играла роль военного укрепления. Рядом – церковь Спитававор (Белая). Упоминается Торос Тораманян (1864–1934) – архитектор, основоположник научного изучения армянского зодчества; выполнил научную реконструкцию многих памятников (самая значительная – реконструкция храма Звартноц); его труды стали источником для Марра, Стржиговского и др.

⁷⁶ Александр Афанасьевич Спендиаров (Спендиарян; 1871–1928) – армянский композитор, дирижер и педагог; знакомый М.С.Сарьяна. Ср. в РД: «7-ое. <...> Вечером улизнули с концерта в память Спендиарова» (Л.140об.). 20 мая 1928 Андрей Белый и К.Н.Васильева посетили концерт памяти незадолго до этого умершего композитора (Лица 7. С.269).

⁷⁷ Томмазо Кампанелла (Campanella; 1568–1639) – итальянский философ, поэт. Имеется в виду его утопия «La città del sole» (1602; опубл. 1904); в авторском переводе на латынь – «Civitas Solis» (1623); в русском переводе – «Город Солнца» (1906). 2 мая 1920 Белый выступил с речью о Кампанелле и его утопии в Вольной Философской Ассоциации (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1978 год. Л., 1980. С.43-46).

⁷⁸ Ормузд (Ахурамазда, Агуро-Маздао, Ормазд), в иранской мифологии верховное божество зороастрийского и ахеменидского пантеонов; главный бог армянского пантеона иранского происхождения – Арамазд.

⁷⁹ Ср.: «...всей истории архитектуры запада <...> протоформа <...> – армянская церковь (или – выплав из персидских храмов, посвященных Ормузду: купол на квадрате); <...> – композиция, ощупываемая ясно в армянских памятниках (в Ани, Аштараке, Ване, Эчмиадзине и т. д.). <...> пресловутый арабский стиль <...> – явление позднейшее, коренящееся в армянской протоформе; сама она – синтез Персии; <...> Шт<ейнер> указывал на то, что подлинная форма – *воздушная*, а каменный каркас – *негатив*. И вот: разглядывая воздушные вырезы, я получаю зигзаг профиля первого Гетеанума. <...> Когда я глядел на модель Звартноца, то я недоумевал, где я видел эту форму; и потом вспомнил; эта форма – “Храм Солнца” утопии Кампанеллы...» (Переписка. С.647-650).

⁸⁰ Последняя строка стихотворения Вл. С. Соловьева (1853–1900) «Бедный друг, истомил тебя путь...» (1887); часто цитируется Андреем Белым и К.Н.Васильевой.

⁸¹ Richtlinie (нем.) – основная, руководящая линия.

⁸² Григор Ширмазян (1892–1964) – инженер-ирригатор, руководил технологическим факультетом Ереванского университета.

⁸³ Айгер-Лич – высокогорное озеро (853 м над уровнем моря) в северной части Араратской долины, у южного подножья горы Арагац; и одноименное село в Эчмиадзинском районе. О поездке в Айгер-Лич см.: Лица 7. С.268.

⁸⁴ Проспект Абовяна в Ереване, на котором жили Белый и К.Н.Васильева. Назван в честь Хачатура Абовяна (1805–1848) – армянского писателя, основоположника новой армянской литературы, педагога, этнографа.

⁸⁵ Grúndriß (нем.) – очертание, чертеж, план.

⁸⁶ Erlörskirche, Hirten Kirche (нем.) – Церковь Спасителя (1036) и Пастушья церковь (XI в.) в Ани. Anı (Ани) – замок и крепость на правом берегу реки Ахурян (Арпачай); в V–XVI вв. древнеармянский город; в X–XIII вв. – столица Анийского царства Багратидов; сохранились развалины (кафедральный собор, храм царя Гагика I (Гагикашен; 1001 г.) архитектора Трдата – крупнейшего зодчего конца X – начала XI в., которому, наряду с сооружениями в Ани, также принадлежит реконструкция купола собора Айя-София в Константинополе; церковь Апостолов, царский дворец, гостиницы и др.; на раскопках работали Н.Я.Март, Т.А.Тораманян.

⁸⁷ Улица названа по имени Микаэла Налбандяна (1829–1866) – армянского поэта, философа, критика; основная работа – «Слово об армянской письменности» (1854).

⁸⁸ Сухой Фонтан (Фантан) – русское село в Ахтинском районе; как и Еленовка, расположено на главном пути Тифлис – Ереван; основано в первой половине XIX в.

⁸⁹ Herz zu Herz (нем.) – от сердца к сердцу.

⁹⁰ Ср. в «Записной книжке»: «Михаил Степанович Козеев. Село “Сухой Фонтан”» (Л.20).

⁹¹ Ср. в РД: «12-ое. Утром долгий разговор с Хореном...» (Л.141). Общение с Хореном Радио не оставило Белого равнодушным: «Армения, утомив, дала ярчайшие моменты и в смысле общения с людьми (Сарьян, Ованесьян, Исакиан, пролет-поэт Хорен и т. д.)...» (Переписка. С.635).

⁹² Гурген Маари (Гурген Григорьевич Оджемян; 1903–1969), Егише Чаренц (Егише Абгарович Согомонян; 1897–1937). Чаренц познакомился с Андреем Белым 22 мая 1928; вместе с ним был поэт и литературовед Гарегин Владимирович Бебутов (1904–1987), записавший слова Белого: «...нет стихотворных размеров Гете, Пушкина, а есть хорей и ямбы, а вот размеры Маяковского появились в начале XX века и властно пробивают себе в поэзии дорогу» (Бебутов Г.В. Отражения: Воспоминания, статьи. Тбилиси, 1973. С.96–100). Также см.: Лица 7. С.271; 313, примеч. 112; Армения. С.66.

⁹³ В тексте К.Н.Васильевой на месте многоточий оставлены пропуски. Возможно, об этом же идет речь в «Записной книжке»: «Арм<янская> поэ-

зия до Терьяна, в особенности до Чаренца, не была ритмична; арм<янское> стихосложение традиционно скорее основано на слоговом принципе с рифмами. Новые поэты ввели элементы тонизма. Арм<янские> слова в среднем длиннее. Определенные достижения в ритме у Чаренца. У Туманьяна ритмическое имеется <?>. <...> их на новый лад. Мэри ритмичен. Манук Аберьян, профессор, назвал это явление<м> нового ритма: по его мнению, это возврат к старому языку. Век тому назад, когда еще средневековые формы, окончившиеся лишь в начале XVIII века, были ритмичны, он связан с религ<нрзб.>; при разрыве появился светский язык, отвергнувший ритм; теперь возврат. <...> Новая русская поэзия влияла на новую арм<янскую поэзию> – влияла на <нрзб.> арм<янской> поэзии; субъективный момент...» (Л.20об.-22об.). Упоминаются поэт Ваан Терян (Ваан Сукиасович Тер-Григорян; 1885–1920), Е.Чаренц (см. примеч. 92) и фольклорист, историк литературы, профессор Манук Хачатурович Абемян (1865–1944; у Белого ошибочно: Аберьян).

⁹⁴ Имеется в виду ритмическая кривая поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833); ее изучение вылилось в исследование Андрея Белого «Ритм как диалектика и “Медный всадник”» (М.: Федерация, 1929). 11 мая 1929 Белый пишет П.Н.Зайцеву из Эривани: «...очень прошу по выходе “Ритма” выслать 3 экземпляра мне по адресу Сарьяна» (Андрей Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып.14. С.453.). 18 мая Зайцев сообщает Белому об отправке ему книги и первые отзывы о ней (Там же. С.456-457).

⁹⁵ Имеется в виду перевод, выпущенный в 1925 в Тифлисе.

⁹⁶ Стихотворение В.Я.Брюсова «L'ennui de vivre» из его сборника «Urbi et orbi. Стихи 1900–1903 г.» (М., 1903. С.37-39).

⁹⁷ Речь идет о книге очерков В.В.Маяковского (1893–1930) «Мое открытие Америки» (М.; Л., 1926). В 1926 Маяковский приезжал в Грузию (останавливался у Т.Табидзе) и выступал в театре им. Руставели с чтением стихов и докладом «Мое открытие Америки» (26 февраля).

⁹⁸ Первые две части романа Андрея Белого «Москва» («Московский чудак», «Москва под ударом») вышли в 1926.

⁹⁹ Имеется в виду «яфетическая теория» языка («Новое учение о языке») Николая Яковлевича Марра (1864/65–1934), востоковеда и лингвиста. Н.Я.Марр изучал кавказские языки, историю, археологию (в том числе занимался раскопками в Ани), этнографию Кавказа; опубликовал ряд древнейших памятников армянской и грузинской литератур. В своих трудах он доказывал, что языки многих народностей Кавказа составляют одну особую языковую семью, которую он назвал яфетической, а народы, говорящие на этих языках, – яфетидами; яфетиды, по Марру, являются наиболее древним населением Кавказа; кроме того, ученый утверждал, что все древнейшее население Европы, Средиземноморья, Северной Африки и Передней Азии было также яфетическим.

¹⁰⁰ Первая книга мемуарной трилогии Андрея Белого «На рубеже двух столетий» (М.; Л.: Земля и фабрика, 1930). Работа над книгой продолжалась

с начала февраля по 11 апреля 1929. Уезжая на Кавказ, Белый передал в редакцию журнала «Красная новь» несколько отрывков из нее (Апостолы гуманности // Красная новь. 1929. №7. С.141-148; Кариатиды и парки // Там же. №9. С.107-148; Тимирязев и Анучин // Там же. №10. С.116-120) и оставил П.Н.Зайцеву доверенность на получение гонорара. Одновременно велись переговоры об издании книги. В письме от 18 мая 1929 Зайцев сообщает Белому об условиях договора с издательством «Земля и фабрика» (Минувшее. Вып.14. С.456, 457-459).

¹⁰¹ С ежедневной политической и литературной газетой «Раннее утро» (1907–1918; Москва) в 1909 – 1910-х одновременно сотрудничали журналист Мартын Эммануилович Бескин, журналист и драматург Михаил Мартьянович Бескин, опубликовавший под псевдонимом «Меб.» ряд стихотворных фельетонов, высмеивавших Белого (29 января, 17 февраля, 27 ноября, 11 августа 1909), а также Эммануил Мартьянович Бескин (1877–1940) – театральная критик, редактор журнала «Рабис» (1927–1934), газеты «Театральная Москва» (1921–1922). Э.М.Бескину Белый вменял в вину травлю Мейерхольда и других талантливых режиссеров. В дневнике Белого, изъятом у писателя органами ОГПУ в 1931, записано: «Каждый номер “Литературной Газеты” расплев кого-нибудь: <...> матерная ругань, обещания стереть с лица земли всеми усовершенствованными орудиями ГПУ и всю силу мирового пролетариата. <...> Если перечислять, кого не оплевали за 2 года, то окажется, нет ни одного не оплеванного талантливого человека. <...> Не оплеван <...> Бескин, не написавший ни пьесы, ни стихотворной строчки, ни художественной строчки прозы и всю жизнь провалявшийся из газет. <...> Никто ничего не знает, он один может научить всех, у него у одного нет уклонов!» (ГАРФ. Ф.10035. Оп.2. Д.27006. Л.505-508 (запись от 12 мая 1930). Сообщено М.Спивак).

¹⁰² Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) – актер, режиссер. О его встречах с Белым летом 1927 в Цихис-Дзири и Тифлисе см.: Лица 7. С.203-209, 303-304. См. также: Из переписки А.Белого: Письма В.Э.Мейерхольду и З.Н.Райх / Публ., вступ. статья и коммент. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. №5(51). С.132-166.

¹⁰³ Ср. в РД: «12-ое. <...> в 6 пришел Сарьян; в 6½ пришли Атанасьян, армянский публицист (забыл фамилию), дочь Туманьяна...» (Л.141).

¹⁰⁴ «Схема эпох» – возможно, имеются в виду историософские схемы Андрея Белого, в которых отражены антропософские взгляды писателя на этапы развития человечества. Но вероятнее, что речь идет о графической автобиографии-схеме «Линия жизни», изображающей этапы жизненного и творческого пути Андрея Белого от рождения до 1927 г. (хранится в Мемориальной квартире Андрея Белого); см. ее воспроизведение в кн.: *Andrej Belyj. Symbolismus. Antroposophie. Ein Weg. Texte-Bilder-Daten.* Dornach, 1997. S.226-227. В ней отдельные периоды жизни («Гимназия», «Университет», «Жизнь у Штейнера» и др.) Белый называл «эпохами».

¹⁰⁵ Далее один лист вырван.

¹⁰⁶ Шови – курортное место в Рачинском уезде, в 137 км от Кутаиси, на высоте 1600 м над уровнем моря.

¹⁰⁷ *Allemagne, Henry René d'. Du Khorassan au pays des Backhtiaris, trois mois de voyage en Perse.* Paris, 1911 – иллюстрированное издание в 4-х томах.

¹⁰⁸ Баш-Гарни (Гарни) – древнеармянская церковь и поселение в 27 км к востоку от Еревана (основано ок. II в. до н. э. на месте энеолитического поселения). Сохранились руины ограждавших стен, языческий храм (I в. н. э.), руины усадебно-дворцового комплекса (I–III вв.). Гехард (Гегард) – древний монастырь (основан в IV в.) в ущелье р. Гарни, в 40 км к юго-востоку от Еревана. Ср. в РД: «15-ое. Гехарт. Поездка в Гехарт через *Норк – Джерваж – Вахчаберт – Гарни* (К.Н., я, Сарьян, Люся Лазаревна). Изумительные ландшафты, камни, завтрак под деревом в Вахчаберте; отдых у крестьян в Гарни; поездка, полная приключений, в Гехарт; осмотр Гехарта; разговор с епископом; ночью гроза» (Л.141).

¹⁰⁹ Франц фон Штук (1863–1928) – немецкий живописец, скульптор и график.

¹¹⁰ Вадим Т. – неустановленное лицо.

¹¹¹ *Bekattende* – музыкальный термин, обозначающий повышение или понижение на полутон или целый тон ступени основного звукоряда без изменения ее названия. Название музыкальных терминов часто используются Белым и К.Н.Бугаевой. «Борис Николаевич любил выражать свою мысль в формах и терминах музыки. <...> Кроме постоянных и почти обиходных в устах его выражений: пауза, ритм, фермата, стаккато, *crescendo* и т. д., чаще и нужнее других были ему: контрапункт, тема в вариациях, fuga» (Воспоминания. С.41).

¹¹² Имеется в виду Иоаннес Мкртичевич Иоаннисян (1864–1929) – армянский поэт, переводчик. Андрей Белый встречался с ним 5, 13, 18 мая 1929. Общение с ним Белый называет одним из «ярчайших моментов» лета 1929. (Переписка. С.635). 5 октября 1929 Т.Табидзе сообщил Белому о его смерти: «...в Эривани умер старик Иоаннесян...» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.277).

¹¹³ Имеется в виду роман английского писателя Уильяма Сомерсета Моэма (W.S.Maugham; 1874–1965) «Луна и грош» («The moon and sixpence»; 1919) о французском художнике Поле Гогене (1848–1903). Речь идет об издании: *Могэм В.С. (W.S.Maugham)*. Луна и шестипенсовик: Роман / Пер. с англ. З.А.Вершининой; Обл. Л.Хижинской. Л., 1928 (Библиотека Всемирной литературы).

¹¹⁴ Гипербола, парабола, лемниската (от *лат.* *lemniscatus* – украшенный лентами) – разновидности математических кривых.

¹¹⁵ О восприятии Белым философского трактата Л.Н.Толстого «О жизни» (1886–1887) как своего рода откровения см.: *Переписка*. С.178, 371.

¹¹⁶ Глициния росла рядом с домом, в котором жил Сарьян во время своего пребывания в 1910 в Константинополе, и во дворе дома в Ереване (ул.

Рубени, 55) – и была постоянным объектом его живописи. См., например: «Глицинии» (1910; 63x65; Государственная Третьяковская галерея); «Глицинии» (1923; 20x27; собрание М.Тер-Григоряна, Москва). «Особенно хороши были цветы глицинии, которая карабкалась вьющимися петлями на балкон. К сожалению, я в свое время очень мало писал эти цветы. А то, что было мной написано, погибло в 1928 году по пути из Парижа во время пожара на пароходе. А красавица глициния высохла зимой 1932 года, в необычайную для Еревана зиму с 22-градусным морозом» (Сарьян. С.316). Здесь же, возможно, имеется в виду картина «Ереванский дворик весной» (1928; 72x107; Музей М.Сарьяна, Ереван), на которой изображен двор с глицинией на первом плане.

¹¹⁷ См. работы М.Сарьяна: «Зимний день в Ереване» (1929 г., 70x70; Музей истории Еревана), «Осенний мглистый день» (1928; 59x73; Музей М.Сарьяна. Ереван), «Цветы» (1928, 70x69; Музей Сарьяна), «Ущелье Зангу» (1929, 70x70; Собрание Г.Эмина, Ереван), «Цветущие абрикосы» (1929, 52x72,5; Государственная картинная галерея Армении).

¹¹⁸ Ср.: «...несколько характерных, часто повторяющихся общих принципов ритма можно назвать. Есть, например, ритм “взрыва” – в таких работах, как “Цветы” (28 г.) <...> – в них растения энергично и резко устремляются кверху, как будто их взметнула какая-то неведомая сила» (*Каменский А. // Мартирос Сарьян: Живопись, акварель, рисунки, иллюстрации, театрально-декорационное искусство / Авт.-сост. каталога и альбома Ш.Г.Хачатрян, Л.Л.Мирзоян; Автор текста и биогр. канвы А.Каменский. Л., 1987. С.184; илл.122*); «Активные в цвете силуэты форм (фрукты, цветы, сосуды) сцеплены в клубок, они как бы взрываются единым мощным движением. Цветы – взрывы...» (*Голицын И. М.Сарьян // М.Сарьян. Цветы: Альбом / Сост. Л.Л.Мирзоян, Ш.Г.Хачатрян. М., 1987. С.15; илл. – с.127*).

¹¹⁹ Эвритмия – созданное Р.Штейнером на основе антропософских взглядов на человека искусство движения, пластически изображающее звуки, слова, стихотворную речь, музыку. Ср.: «...и – раздается сухое, воздушное, быстрое “h”, произносимое, как русское “ха”; жест раскинутых рук (вверх и в сторону) – “h”» (*Андрей Белый. Глоссология: Поэма о звуке. Берлин, 1922. С.8*).

¹²⁰ Картина Михаила Александровича Врубеля (1856–1910) «Сирень» (1900; Государственная Третьяковская галерея).

¹²¹ Ср. в РД: «18-ое. Был Ованесьян, повел к себе в сад...» (Л.141). Имеется в виду И.М.Иоаннисян.

¹²² Правильно – улица Абовяна.

¹²³ Ср. в РД: «18-ое. <...> беседа с профессором Медникьяном об арм<янской> интеллигенции...» (Л.141). Возможно, в РД Белый ошибся в написании фамилии, и речь идет не о «Медникьяне», а о Якове (Акопе) Амазасповиче Манандяне (1873–1952), первом декане и ректоре Ереванского университета, профессоре (с 1926) древней истории; заслуженном деятеле наук (1935), действительном члене АН СССР (1939). Известны его

труды по социально-экономической истории и исторической географии Армении.

¹²⁴ Эриванский народный университет открыт в январе 1921, в 1923 переименован в Ереванский государственный университет, затем в 1930 был расформирован и вновь воссоздан в 1933.

¹²⁵ Н.Ф.М. – неустановленное лицо; возможно, известный актер Николай Федорович Монахов (1875–1936). О его связях с Украиной и Кавказом см.: *Монахов Н.Ф. Повесть о жизни / Литерат. ред. и введ. ст. С.С.Мокульского; Худож. ред. С.К.Абашидзе. Л., 1936.*

¹²⁶ Ср. в РД: «18-ое <...> потом все вместе (Ованесьяны, К.Н. и я) пошли ужинать к проф. Акуньяну...» (Л.141). Акуньян О.А. (1869–1947) – химик.

¹²⁷ В РД Белый называет следующих участников этой застольной беседы: «Атанасьян, Айвазьян, Простосердов, какой-то армянский филолог, дамы, девицы, живой разговор и споры до 2-х часов ночи, моя дружеская схватка с Айвазьяном» (Л.141).

¹²⁸ Григол (Григорий Титович) Робакидзе (1884–1962) – грузинский прозаик, драматург, философ и публицист; теоретик и один из лидеров объединения «Голубые роги». Еще в 1919 Робакидзе опубликовал очерк «Андрей Белый» (Агс. Ежемесячник искусства и литературы (Тифлис). 1918. №2/3. С.49-61; вошел в кн.: *Робакидзе Г. Портреты: Петр Чаадаев, Лермонтов, Василий Розанов, Андрей Белый. Тифлис, 1919*), а познакомился писатели в Тифлисе 8 мая 1928.

¹²⁹ Ср.: «Душа сознательная в них молчит <...> один Роб<акидзе> подошел к темам самосознания» (Лица 7. С.253-254).

¹³⁰ *Verständes-Séele* (нем.) – душа сознающая.

¹³¹ *Bewußtsein* (нем.) – сознание. Эволюцию человека Белый, вслед за Р.Штейнером, рассматривал как эволюцию человеческого сознания: как развитие души ощущающей к душе сознающей и далее – к самосознающей.

¹³² Тиридат (Трдат I; 66–100) – армянский царь парфянского происхождения, основатель армянской ветви династии Аршакидов; в 76 г. восстановил древнюю крепость, превратил ее в летнюю резиденцию. Языческий храм, единственный в бывшем Советском Союзе памятник древнего греко-римского искусства, построенный римлянами во время правления Трдата I, был разрушен при землетрясении 1679 года; восстановлен в 1969–1975 под руководством А.А.Саиняна.

¹³³ Михаил Алексеевич Фортунатов (1899–1984) – ихтиолог, руководитель Севанской станции по разведению форели.

¹³⁴ Виктор Викторович Гольцев (1901–1955) – критик, литературовед; товарищ председателя Московской ассоциации по изучению творчества А.Блока; позднее входил в оргкомитет СП СССР по связям с литературной Грузией; сын Виктора Александровича Гольцева (1850–1906) – критика, публициста, редактора журнала «Русская мысль» (с 1885). О В.В.Гольцеве Белый упоминает в письме к Иванову-Разумнику от 16 февраля 1924 (Пере-

писка. С.288). В воспоминаниях П.Н.Зайцева (авторизованная машинопись, хранится в музее «Мемориальная квартира Андрея Белого») находим следующую его характеристику: «В.В.Гольцева, который когда-то слушал лекции Бориса Николаевича, увлекался философией, изучал творчество А.Блока, а когда повеяло РАПП'ом и ВАПП'ом, стал полегоньку свертывать паруса и поворачивать свой кораблик по ветру, он <Андрей Белый> с намешкой называет “Мальчик Витя”».

¹³⁵ Павле (Павел Иессеевич) Ингороква (1893–?) – грузинский писатель, литературовед, текстолог, историк-этнограф. О нем см.: Ветер с Кавказа. С.200-206; Лица 7. С.249, 310.

¹³⁶ Вельфинг или Вельзунг – возможно, по ассоциации с псевдонимом, под которым публиковался друг юности Андрея Белого, философ и музыковед, глава издательства «Мусагет» Эмилий Карлович Метнер (1872–1936).

¹³⁷ Железнодорожная станция Джаджур после Ленинанкана по дороге Ереван – Тбилиси; дорога проходит по Джаджурскому перевалу.

¹³⁸ Тамара Григорьевна Яшвили – жена Паоло Яшвили; Нина Александровна Табидзе (урожд. Макашвили; 1900–1965) – жена Тициана Табидзе. Ср. в РД: «22-ое. Тифлис. Остановились в “Националь”. <...> неожиданный заход к нам Н.А.Табидзе и Т.Г.Яшвили (увидели они нас издали, решили, что в “Националь”; и – накрыли с “поличным”») (Л.141об.).

¹³⁹ Ср. в РД: «22-ое. Тифлис. С вокзала к Сильниковой. <...> Вечером ждали Сильникову» (Л.14об.).

¹⁴⁰ Гогла (Георгий Николаевич) Леонидзе (1899–1966) – писатель, народный поэт Грузии, академик, директор Литературного музея. Познакомился с Андреем Белым летом 1927. Ср. в РД: «22-ое. <...> Вечером были у нас Леонидзе и Надирадзе. Леонидзе взялся схлопотать нам “путевки” в Шови...» (Л.141об.). Упомянут Колау (Николай Галактионович) Надирадзе (1895–1990) – грузинский поэт круга Т.Табидзе, автор воспоминаний о В.Маяковском.

¹⁴¹ Тициан Юстинович Табидзе (1895–1937) – грузинский поэт, переводчик, основатель школы грузинских символистов «Голубые роги». Ср. в РД: «23-е. Тифлис. Встречи с Яшвили, Тицианом Табидзе. Вечером расплатились с отелем (ехать в Батум), а оказались перетащенными в квартиру Табидзе (Ниной Александровной); остались, чтобы добиться Шови. Вечером чай с “поэтами”: Леонидзе, Надирадзе, Яшвили, Табидзе, их жены, Шаншиашвили» (Л.141об.). Т.Ю. и Н.А. Табидзе проживали в Тифлисе по адресу: ул. Грибоедовская, 18 (Записная книжка. Л.4об.).

¹⁴² Григол и Елена Владимировна Робакидзе проживали в Тифлисе по адресу: ул. Гурамишвили, 10 (Записная книжка. Л.4об.).

¹⁴³ 12 ноября 1931 Г.Робакидзе писал С.Ю.Судейкину из Берлина: «Моя вторая жена тоже русская. Она сейчас со мной. Мы взяли с собой пятилетнюю девочку (она дочка сестры моей жены: сестра жены сгорела в Москве два года тому назад)...» (РГАЛИ. Ф.947. Оп.1. Ед.хр.236).

¹⁴⁴ Речь идет о романе Григола Робакидзе (на грузинск. яз.: Змеиная рубашка. Тифлис, 1926; на немецк. яз.: Das Schlangenhemd / Вступ. слово С.Цвейга. Берлин, 1928; на русск. яз.: Змеиная рубашка / Пер. с грузинск. К.Коринтэли; Вступ. слово С.Цвейга / Пер. С.Окропиридзе // Литературная Грузия. 1991. №1-4). Отвечая на письмо Андрея Белого с отзывом на это произведение, Робакидзе называет свой роман «Кожа змеи» (письмо от 17 декабря 1928 – РГБ. Ф.25. Карт.22. Ед.хр.6). Герой романа – художник Арчибальд Мекеш – скиталец, чужеземец в родной земле, возвращается после долгих странствий в грузинскую деревню Саирме, где находит могилу своего отца, встречает брата Вамеха и с возлюбленной Матаси остается в доме своего деда Саридана.

¹⁴⁵ Паоло Джибраелович Яшвили (1896–1937) – грузинский поэт, друг Т.Табидзе, один из основателей литературной группы «Голубые роги». П.Д. и Т.Г. Яшвили проживали в Тифлисе по адресу: ул. Джугашвили, 7 (Записная книжка. Л.4).

¹⁴⁶ Николай (Колау) Андреевич Чернявский (1892–1947) – поэт-футурист, входил в группу «41°», собиратель русского и грузинского фольклора, переводчик с грузинского. См. о нем записи за 16 и 18 августа 1929.

¹⁴⁷ Эллис (наст. имя Лев Львович Кобылинский; 1879–1947) – литератор-символист, один из ближайших друзей юности Белого, вместе с ним участвовал в создании кружка «аргонавтов», примкнул к последователям Р.Штейнера; разрыв отношений произошел на почве разочарования Эллиса в антропософии.

¹⁴⁸ Всеволод Николаевич Васильев (1883–1944) – брат П.Н.Васильева, первого мужа К.Н.Бугаевой; инженер-гидролог.

¹⁴⁹ Мцхет – небольшой древний город (основан во 2-й пол. 1-го тыс. до н. э.), районный центр, находится при впадении р. Арагви в р. Кура, на Военно-Грузинской дороге. Близ Мцхета на вершине горы находится храм Джвари (ок. 587–604), к которому примыкает церковь середины VI в. Мцхета Джвари.

¹⁵⁰ Ср. в РД: «28-ое. Уехали из Тифлиса. <...> Познакомились в вагоне с Абашидзе» (Л.142).

¹⁵¹ В Гарцбурге Белый и К.Н.Васильева были в 1923. «Июнь проводим с К.Н. в Гарцбурге; здесь <...> твердо решаю вслед за уезжающей К.Н. вернуться в Россию» (Переписка. С.507).

¹⁵² Fröhliche Landschaft (нем.) – отрадная картина, радостный вид.

¹⁵³ Симфония №6 («Пасторальная»; 1808) Людвиг ван Бетховена (1770–1827).

¹⁵⁴ Участок земли под Адлером был получен Белым в наследство от отца. Ср.: «...хорошо, что лишь теперь я увидел Адлер; иначе я все же жалел бы, что потерял здесь участок земли (в семи верстах от Адлера, в горах); по признакам, мне известным из рассказов отца, я установил: земля находилась в райски прекрасном месте, а я всю жизнь слышал: “Как жаль, что ваш уча-

сток около этого Адлера, а не около Сочи <так!> или Гагр». А Гагры мне менее понравились, чем Адлер» (Переписка. С.634).

¹⁵⁵ Александра Дмитриевна Бугаева (урожд. Егорова; 1858–1922) – мать Андрея Белого.

¹⁵⁶ Николай Васильевич Бугаев (1837–1903) – отец Андрея Белого; математик, профессор и декан физико-математического факультета Московского университета.

¹⁵⁷ Ср.: « всю жизнь у меня было представление, что Адлер – унылое место, окруженное пыльными холмами, и что его значимость в том, что он лежит между Сочами и Гаграми; <...> оказывается: Адлер – чистенькое, милое селение-городок, весь в зелени, с прекрасным пляжем и с видом на цепь снежных вершин неопишуемой красоты; мощи лесов, стволов – неопишуемы...» (Переписка. С.634).

¹⁵⁸ Красная Поляна – курортный поселок в 52 км от Адлера. «Красная Поляна находится к югу от Сочи в расстоянии 75 километров, а от берега моря в 49 километрах. Расположена она в долине верхнего течения реки Мзымты, на высоте над уровнем моря приблизительно от 500 до 600 метров. Долина, на которой находится Красная Поляна, расположена в виде ряда террас на различной высоте до 1000 метров, окружена отрогами Кавказского хребта, высотой до 2500–3000 метров, с севера горой Ачишхо, с юга горой Аибга и с востока горой Чугуш» (Курорты Кавказа: Путеводитель по лечебным местностям и климатическим станциям Кавказа с экскурсионными маршрутами, картой и 34-мя рисунками / Под ред. Б.А.Богословского. Ростов-на-Дону, <1925>. С.185-186. Эта книга из библиотеки Андрея Белого, с его пометами, хранится в Мемориальной квартире Андрея Белого).

¹⁵⁹ Мзымта – река на Западном Кавказе (89 км); впадает в Черное море возле Адлера.

¹⁶⁰ Ср.: «...а 31-го мая оказались в Черноморском округе, в Сочинском районе, в Красной Поляне у грека Харлампия Николаевича Полихронова...» (Переписка. С.633).

¹⁶¹ Имеется в виду рассказ Эдгара Аллана По (Poe; 1809–1849) «Падение дома Эшеров» («The fall of the house of Usher», 1839).

¹⁶² Willkómmen (нем.) – добро пожаловать.

¹⁶³ Ср.: «С непривычки прогулки здешние нас утомляют. И виды, и просто плохие дороги: острые камни и еще более острые кочки. Не знаешь, куда смотреть: кругом или под ноги. От этого нервное напряжение. Нельзя идти и отдаваться гляденью...» (Лица 7. С.286-287).

¹⁶⁴ Санаторий до 1917 был царским охотничьим домиком.

¹⁶⁵ Государственный Кавказский заповедник. Ср.: «...рядом с Поляной – непочатая целина Заповедника (2 600 квад<ратных> килом<етров>), тянущаяся чрез хребет к северным склонам; и там бродят туры, остатки зубров, таятся барсы; и эта дичь и глушь брошена нам с горным ветром в лицо...» (письмо П.Н.Зайцеву, 7 июня 1929. – Минувшее. Вып.14. С.468).

¹⁶⁶ Подразумевается простота естественной жизни на природе, проповедовавшаяся Жаном Жаком Руссо (Rousseau; 1712–1778) – французским философом-просветителем, писателем.

¹⁶⁷ «Каменной болезнью» Белый и К.Н.Васильева называли свое увлечение собиранием камней в местах, где им приходилось бывать (в Коктебеле, Грузии, Армении). См. об этом: Воспоминания. С.144-145, 187-190; Ветер с Кавказа. С.14, 52-53; Переписка. С.304, 369.

¹⁶⁸ Из стихотворения Пушкина «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» (1829).

¹⁶⁹ В Швейцарии (Дорнах, Арлесгейм и др.) Белый жил с февраля 1914 по август 1916 (работал на строительстве антропософского центра – Гетанума).

¹⁷⁰ «Кзаки» – повесть Л.Н.Толстого (1863). В письме к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 Белый также вспоминает «Кзаков» (Переписка. С.637).

¹⁷¹ Известно, что Андрей Белый пользовался изданием: *Анисимов С.С.* Путеводитель по Кавказу. Кавказский край: Книга для туристов, курортных больных и торгово-промышленных деятелей. М., 1924. Ср.: «Зимой, в Кучине, <...> он изучал путеводитель (Анисимова) и карту Кавказа...» (Воспоминания. С.46). Упомянутая здесь «карта Кавказа» находится в музее Андрея Белого: Карта Кавказского края: Приложение к Кавказскому календарю на 1915 г. / Сост. и литогр. в воен.-топогр. отд. Кавказск. воен. окр. в 1903 г.; Печат. в 1914 г.). На обороте имеется надпись К.Н.Бугаевой: «Карта Кавказа, сопровождавшая нас во всех поездках»; здесь же остались следы красочных проб, память об акварельных «зарисовках» во время путешествия. Кроме справочника Анисимова, среди книг из библиотеки писателя, также хранящихся в музее, имеется ряд путеводителей, в том числе упоминавшиеся выше: Курорты Кавказа...; *Лежава Ш.* Курорты Шови (Рачинский уезд ССРГ) / Предисл. Н.Семашко. <М., 1928?>; а также: *Саркизов-Серзини И.* Спутник туриста. Л., 1927; все книги с пометами Андрея Белого.

¹⁷² «O Mensch! erkénne dich!» (нем.) – «О человек, познай себя!» – рефрен из мистерии Р.Штейнера «У врат посвящения» (1910). Фрагмент мистерии Штейнера в переводе Белого см.: *Штейнер Р.* У врат посвящения: Розенкрейцерская мистерия / Публ. С.В.Казачкова // Литературное обозрение. 1995. №4/5. С.69-73.

¹⁷³ Псеа́шхо – перевал через Главный (или Водораздельный) хребт Большого Кавказа.

¹⁷⁴ Из стихотворения Ф.И.Тютчева (1803–1873) «О чем ты воешь, ветр ночной?..» (начало 1830-х).

¹⁷⁵ Из стихотворения Ф.И.Тютчева «День и ночь» (1839).

¹⁷⁶ Антропософское общество (основано в 1913) объединяло последователей немецкого философа и мистика Рудольфа Штейнера (1861–1925).

¹⁷⁷ Ср. в РД: «6-ое. Кр<асная> Пол<яна>. Жара. Сонный перепек. Переживание жути перед мощью природы. Бурлю против М<арии> Я<ков>

левны> Ш<тейнер>» (Л.142). Мария Яковлевна Штейнер (урожд. Сиверс; 1867–1948) – последовательница и ближайшая помощница Р.Штейнера; с 1914 – его жена. Первоначально Белый боготворил Сиверс, подчеркивал ее «огромность в духовном плане», однако потом отношения с ней ухудшились и привели в 1923 к конфликту с немецким антропософским обществом в целом. Об этой травме см.: *Андрей Белый. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л.А.Сугай. М., 1994. С.480–481.*

¹⁷⁸ Риони (Рион) – река в Грузии (327 км), начинается на склоне Большого Кавказа, впадает в Черное море у г. Поты.

¹⁷⁹ Сурамский перевал – через Сурамский (Лихский) хребет в Грузии (высота 494 м). Через Сурамский перевал проходят железная дорога и шоссе.

¹⁸⁰ Ср. в РД: «9-ое. Встреча наша в аптеке с проф<ессором> Шмелевским. Наш чай у него; его дочь...» (Л.142).

¹⁸¹ Белый считал, что М.Я.Штейнер сыграла негативную роль в его отношениях с западными антропософами (поддержала слухи о том, что он будто бы пишет роман «Доктор Доннер» с клеветой на Р.Штейнера) и, в конечном счете, косвенно способствовала его разрыву с первой женой – А.А.Тургеневой. Об истории отношений Белого с М.Я.Штейнер см.: *Спивак М.Л. Андрей Белый – Рудольф Штейнер – Мария Сиверс // Литературное обозрение. 1995. №4/5(252). С.44–68.*

¹⁸² Ср. в РД: «10-ое. Кр<асная> Пол<яна>. Прогулка к деревне Монашенки» (Л.142).

¹⁸³ «In ruhen der Léuchte-Glanz...» (*нем.*) – выше в тексте, по-видимому, дан перевод этой фразы: «Все раскрыто – и все в блеске покоя»; источник цитаты нам не удалось установить.

¹⁸⁴ Здесь и далее приводятся слова из Послания апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно...» (1 Кор. 13, 12).

¹⁸⁵ О пребывании Белого и К.Н.Васильевой в горной дачной местности Коджоры (Коджори) под Тифлисом, где они прожили с 6 июля по 9 августа 1928, см. в письмах Белого П.Н.Зайцеву (Минувшее. Вып.14. С.442–447) и Иванову-Разумнику (Переписка. С.603–605).

¹⁸⁶ Здесь и в других случаях, где идет речь об умении «увидеть» и «познать», используется и развивается теория художника Кузьмы Сергеевича Петрова-Водкина (1878–1939) о «науке видеть». Белый «пользовался этим выражением постоянно: на лекциях, в разговорах, в письмах; развивал и углублял его в книгах...» (Воспоминания. С.293).

¹⁸⁷ «Купина неопалимая» – в библейской мифологии горящий, но не сгорающий куст, в котором бог Яхве явился пророку Моисею, призывая вывести соплеменников в обетованную землю.

¹⁸⁸ Имеется в виду работа над романом «Маски» (1930).

¹⁸⁹ Возможно, несохранившееся открытое письмо и телеграмма от П.Н.Зайцева, на которые Белый отвечает письмом от 15 июня: «...получил и Вашу телеграмму, и Вашу открытку. Жду письма. <...> Вашу открытку, помеченную восьмым, получил уж 12-го» (Минувшее. Вып.14. С.469-471).

¹⁹⁰ Ср. в РД: «14-ое.<...> Неожиданное рождение двух мальчиков (у хозяйки и ее невестки)» (Л.142об.).

¹⁹¹ Ачишхó – горный хребет на Западном Кавказе (высота 2391 м).

¹⁹² Стихотворение В.С.Соловьева «В тумане утреннем неверными шагами...» (1884). Ср. в РД: «17-ое. <...> Жест стихотворения Вл. Соловьева» (Л.142об.). В комментариях к переписке Белого и Зайцева (Минувшее. Вып.14. С.478) высказано предположение, что в РД говорится о часто цитируемом стихотворении Вл. Соловьева «Бедный друг, истомил тебя путь...». Из сообщения К.Н.Васильевой ясно, что в записи под этой датой в РД имеется в виду стихотворение «В тумане утреннем...».

¹⁹³ Скорее всего, имеется в виду сборник рассказов Джека Лондона (наст. имя Джон Гриффит; 1876–1916) «Страшные Соломоновы острова» (Пер. с англ. З.Львовского. М., 1913; след. изд.: 1915, 1918, 1923, 1927); издавались также под названием: «Сказки южных морей» («South sea tales», 1911), в которые входил рассказ «Страшные Соломоновы острова» (см.: *Лондон Дж.* Полн. собр. соч.: В 22 т. / Под общ. ред. Евг. Кавальери. Т.14: Сказки Южных морей / Пер. Е.Уткиной; Под ред. Евг. Ланна. М.; Л., 1925). На Соломоновых островах происходит действие и других произведений Дж. Лондона: «Путешествие на “Снарке”» (1911); «Храм гордыни» (1912); «Джерри-островитянин» (1917); «Майкл, брат Джерри» (1917). Действие ряда произведений Джозефа Конрада также происходит в тех же краях (см.: «Лорд Джим», 1900; «Сердце тьмы», 1902; сборник «Рассказы о непокое», 1858, русск. пер. 1925; рассказ «Ностромо», 1904, русск. пер.1928 и др.).

¹⁹⁴ Андрей Белый и К.Н.Васильева примкнули к числу последователей Р.Штейнера еще до учреждения Антропософского общества и оставались ими до конца жизни, несмотря на то что в 1923 русское Антропософское общество было запрещено.

¹⁹⁵ Имеется в виду «символический» и более значимый, чем последующие разногласия, разговор М.Я.Штейнер с Белым и А.А.Тургеневой, состоявшийся в 1913 в поезде по дороге из Христиании в Берген: «Вагон наш бежал к ледникам; гребенчатая линия пиков сверкала осколками; веяли воздухи в лица; лазурные камни подкинулись к льдам – в ослепительном небе; и дверь отворилась: вошла она – та, кто стояла на гранях духовного мира, звала за собой <...> и, сияя глазами <...> сказала: – Да, Ибсен героев своих бросал в пропасть; он – Солнца не знал. <...> переживание духовного мига отметилось, запечатлелось <...> Странно отметились эти летучие миги» (*Андрей Белый.* Записки чудака // Андрей Белый. Котик Летаев. Крещеный китаец. Записки чудака / Общ. ред. В.М.Пискунова. М., 1997. С.297-298). В Христиании и Бергене, где Белый слушал лекции Р.Штейнера, им было принято решение навсегда связать свою жизнь с антропософией. Этот пери-

од писатель считал кульминацией своего духовного пути. Горные пейзажи, которые он созерцал по дороге из Христиании в Берген, и «горные переживания» были осмыслены им тоже символически – как внешнее выражение возвышенного внутреннего состояния: «все началось в Христиании, поведя через Берген (через горы) к распятию: в Дорнахе. Но эти тернии принимаем; и не кончена сказочность странствий; наш путь – впереди» (Там же). См. также: *Андрей Белый*. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере. М., 2000. С.528-529. В дальнейшем – Воспоминания о Штейнере.

¹⁹⁶ *Harmonische Acht* (нем.) – гармоническая восьмерка; знак бесконечности; в эвритмии – название для определения эвритмической формы (напоминающей восьмерку или лемнискату), по которой выполняется ряд упражнений.

¹⁹⁷ Имеется в виду праздник Рождества святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (день летнего солнцестояния – 24 июня / 7 июля).

¹⁹⁸ О первом впечатлении от Казбека см. запись 4 июля 1927 (Лица 7. С.224-225).

¹⁹⁹ Ср. в РД: «24-ое. <...> Духов день. День зарисовок. Прогулка к Ачишхэ. Прогляды новых вершин. Вишневая гора. Мысли о горах – “горé” – горении...» (Л.142об.). Об этом см.: Переписка. С.637. Набросок Вишневой горы вложен К.Н.Васильевой в ее тетрадь с дневниковыми записями; встречается также в альбомах Белого среди кучинских и московских рисунков 1929–1932 годов (РНБ. Ф.60. Ед.хр.50, 51).

²⁰⁰ В Коджорах и Цихис-Дзири Андрей Белый и К.Н.Васильева были летом 1927 и 1928. Кавказские рисунки и акварели Белого хранятся в ГЛМ и РНБ; их воспроизведение и о них см.: *Кайдалова Н.А.* Рисунки Андрея Белого // Андрей Белый. Проблемы творчества. С.597-605; Рисунки русских писателей XVII – начала XX века / Автор-сост. Р.Дуганов. М., 1988. №259-262.

²⁰¹ О каких письмах идет речь, нам неизвестно. Возможно, среди них было и письмо от П.Н.Зайцева от 11 июня, в котором он сообщал о своих семейных проблемах (Минувшее. Вып.14. С.470).

²⁰² Петр Николаевич Васильев (1885–1976) – врач, антропософ; с 1909 муж К.Н.Васильевой; развод с ним был оформлен только в 1931.

²⁰³ Разумник Васильевич Иванов (псевд. Иванов-Разумник; 1878–1946) – критик, публицист, историк литературы и общественной мысли; близкий друг Андрея Белого. Вероятно, в этом, по-видимому, утраченном письме речь шла о трудностях с изданием его монографии о Салтыкове-Щедрине в издательстве «Федерация». См. ответ Белого 26 июня: «...с самой Москвы киплю волнением, что с Салтыковым “не устроилось”; сохраните же рукопись книги <...> да не смущается сердце Ваше биографической кривой; наше счастье, что молот жизни выковывает в наших душах стойкость: “Ныне плачущие, как неплачущие...” И – “пишущие, как непишущие...”» (Переписка. С.636-637).

²⁰⁴ «Excelsior!» (лат.) – «Выше!»

²⁰⁵ К письму Андрея Белого Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 К.Н.Васильева сделала развернутую приписку (Переписка. С.640-641).

²⁰⁶ Natürmenschen (нем.) – дети природы; люди, живущие в ладу с природой, не отчужденные от нее.

²⁰⁷ Вальс «Лесная сказка» – сочинение Василия Федоровича Беккера, военного капельмейстера, автора популярных вальсов и маршей, фортепьянной и оркестровой музыки. «Возвращение на родину» – возможно, имеется в виду сочинение Франца Шуберта на стихи из цикла «Возвращение на родину» (1823/1824) Генриха Гейне. Впрочем, судя по контексту, речь идет о каком-то популярном сочинении со схожим названием (возможно, марше А.Трофимова «Тоска по родине»).

²⁰⁸ Описание двух сюжетов с носильщиками – на вокзалах в Рионе и Кутаисе см.: Воспоминания. С.265-271.

²⁰⁹ Они – город (с 1846) на р. Риони, райцентр (Рачинский уезд). Через Они можно было добраться до курорта Шови.

²¹⁰ Ср.: «...с Батума до Кутаиса – грозища, бурища; рой исключительных дорожных пакостей обрушивается: с Адлера до Кутаиса...» (Переписка. С.643); см. также письмо Зайцеву от 19 июля 1929 (Минувшее. Вып.14. С.479).

²¹¹ Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – писатель, литературовед. О встрече с ним в Тифлисе 29 июня 1927 см.: Лица 7. С.221. В очерках «Ветер с Кавказа» Белый предсказал возможность новой встречи со Шкловским, подобной той, что состоялась в Тифлисе в 1929: «Я ж люблю натолкнуться на Шкловского <...>. Куда б ни попал – вижу Шкловского <...> судьба занесет в Гималаи меня – с Эвереста сойдет Виктор Шкловский; и, не удивившись нисколько, продлит разговор <...> ответивши репликою на фразу, два года назад мной начатую <...>» (Ветер с Кавказа. С.181).

²¹² Ср. в РД: «З-ье.<...> Был вечером доктор, бывший ассистент Кишкина, лечивший маму; он родом душевец; много слышал о моем дедушке, Бугаеве» (Л.143). Василий Константинович Бугаев – дед Б.Н.Бугаева, служил военным врачом «в маленькой крепостце, близ Душета» (Андрей Белый. На рубеже двух столетий. М., 1989. С.55–56 (в дальнейшем – На рубеже двух столетий); также см.: Ветер с Кавказа. С.203-205). Душет (Душети) – город в Грузии (с 1801), известен с 1215. В РД упоминается Николай Михайлович Кишкин (1864–1930) – московский врач, лечивший А.Д.Бугаеву.

²¹³ Работа по вычислению ритма поэмы «Кавказский пленник» (1821) Пушкина осталась незавершенной; сохранились записи вычислений и наброски «кривых» «Кавказского пленника» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.2. Ед.хр.5, 53). «Кавказский пленник» М.Ю.Лермонтова (1814–1841) – одна из его ранних юношеских романтических поэм (1828). Кроме записи в настоящем «Дневнике», никаких других письменных свидетельств, подтверждающих намерение Андрея Белого заняться ее исследованием, установить не удалось.

²¹⁴ Евгения Константиновна Николаева (1898–1940-е) – поэтесса, ученица Е.И.Васильевой (Дмитриевой) по поэтической студии «Птичник» (Ека-

теринодар, 1921). Белый встречался с ней летом 1924 в Коктебеле у М.Волошина. См.: Переписка. С.304, 307, примеч. 9.

²¹⁵ Запись словесных «натуралистических этюдов» см. в письме Белого к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929 (Переписка. С.639).

²¹⁶ Цитируются слова из поэмы М.Ю.Лермонтова «Демон». У Пушкина в «Кавказском пленнике»: «И на челе его высоком / Не изменялось ничего».

²¹⁷ Мелитон – имя служащего в коджорской гостинице. См. запись за 11 июля 1929 и примеч. 244.

²¹⁸ Ср. в РД: «5-ое. <...> Вечером Яшвили пришел сказать, что машина, на которой должны были ехать в Шови, слетела под откос; много тяжело раненных» (Л.143); см. также письмо Зайцеву от 19 июля 1929 (Минувшее. Вып.14. С.479).

²¹⁹ Имеется в виду группа советских философов и естествоиспытателей (Л.И.Аксельрод-Ортодокс, И.И.Скворцов-Степанов, А.К.Тимирязев и др.), названных механицистами в 1920-е и обвиненных в целом ряде прегрешений: в сведении высших форм движения материи к низшим (к механическим и физико-химическим взаимодействиям), в недолжном, реакционном понимании принципов диалектического материализма, ревизии марксизма и т. п.

²²⁰ Абрам Моисеевич Деборин (Иоффе; 1881–1963) – философ-марксист, с 1922 – главный редактор журнала «Под знаменем марксизма», академик (1929). В 1920-е он и его последователи, деборинцы, вели ожесточенную борьбу с «механицистами», извращавшими, по их мнению, основы марксистско-ленинской философии. В апреле 1929 на 2-й Всесоюзной конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских институтов деборинцы одержали победу над механицистами. Ср.: «Странно: возвращается давно минувшее, как самая животрепещущая современность; и я читаю споры деборинцев с механицистами и переживаю свою психологию студента-первокурсника в былых спорах о механицизме...» (Переписка. С.623). К.Н.Васильева в письме от 15 сентября 1928 сообщала Иванову-Разумнику: «А вечерами Б.Н. все сидит над Дебориным и К°. Интересно» (Там же. С.627, примеч. 12). Также см.: На рубеже двух столетий. С.170-171.

²²¹ Луарсаб Николаевич Андроникашвили (Андроников; 1870–1939) – юрист, адвокат; в 1918–1921 читал курс истории философии в Тульском педагогическом институте; «увлекательнейший рассказчик», по выражению его сына – литературоведа, писателя и мастера устного рассказа Ираклия Луарсабовича Андроникова (1908–1990). И.Л.Андроников вспоминал об этом вечере: «Андрей Белый с женой. Философские разговоры, споры. <...> Кроме него, к Тициану приглашены Шкловский, приглашен отец мой, который и меня взял с собой. Там уже Паоло с супругой. Вдохновенное бормотанье Белого. И очень резкий спор о Гегеле и о Канте с отцом. Помню радостное оживление Тициана! Ему интересно!» (Андроников И.Л. Всё живо...: Рассказы. Портреты. Воспоминания. М., 1990. С.231). Ср. в РД: «5-ое. <...> Вечером у Тициана народ и застольная беседа; Шкловский, Николаева, К.Н., Андроников с сыном, Робакидзе, Паоло с женой, Джавахишвили» (Л.143).

²²² 18-летний Галилео Галилей (1564–1642), студент Пизанского университета, наблюдая в Пизанском соборе за уменьшающимися качаниями люстры и отмечая время биениями своего пульса, пришел к выводу, что продолжительность малых качаний маятника не зависит от величины размахов. Об этом см.: *Андрей Белый*. Между двух революций / Подг. текста и комм. А.В.Лаврова. М., 1990. С.102 (в дальнейшем – Между двух революций); Переписка. С.460, 474, примеч. 52.

²²³ Неточная цитата из стихотворения С.Есенина (1895–1925) «Поэтам Грузии» (1924/1925): «Дрались сонмища племен, / Зато не ссорились поэты...» О пребывании Есенина в Грузии и о дружеском поединке с Г.Леоидзе см.: *Бebutov Г.* Отражения. Тбилиси, 1973. С.53-54.

²²⁴ «Иоанн Дамаскин» (1858), «Дон Жуан» (1859–1860) – поэмы Алексея Константиновича Толстого (1817–1875). «Русские стихи» – очевидно, имеются в виду баллады, былины, притчи, «песни» А.К.Толстого на темы русской старины и фольклора.

²²⁵ Речь идет о книгах Андрея Белого: «Золото в лазури». М.: Скорпион, 1904 (1-я книга стихов); «Первое свидание». Поэма. Пб.: Алконост, 1921; «Пепел». СПб.: Шиповник, 1909 (вышла в декабре 1908); «Пепел». Стихи. 2-е изд., перераб. М.: Никитинские субботники, 1929. В переработанном виде Белый собирался издать их в сборнике «Зовы времен». См.: *Андрей Белый*. Вместо предисловия <к неизданному тому стихов «Зовы времен»> // Андрей Белый. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. и сост. Т.Ю.Хмельницкой; Подгот. текста и примеч. Н.Б.Банк и Н.Г.Захаренко. 2-е изд. М.; Л., 1966. С.560-568; *Андрей Белый*. <Предисловие к неизданному тому стихов «Зовы времен»> // Там же. С.568-569.

²²⁶ Михаил Андреевич Великанов (1879–1964) – ученый-гидролог, профессор, академик (1939); директор Кучинской гидрологической станции.

²²⁷ «Темперация» – один из многих музыкальных терминов, используемых Андреем Белым и К.Н.Васильевой; означает выравнивание (в музыке – интервальных соотношений между ступенями звуковой системы; музыкальный строй; от *лат. temperatio* – правильное соотношение).

²²⁸ «Wohltemperierte Klavier» («Хорошо темперированный клавир») – собрание музыкальных пьес И.С.Баха, утвердившее современный музыкальный строй. Ср. с рассуждением в письме Белого к Иванову-Разумнику от 26 июня 1929: «“Wohltemperierte Klavier” Пушкина – временная “темперация” “шишковщины” ...» (Переписка. С.639).

²²⁹ Речь идет о занятиях эвритмией.

²³⁰ Имеется в виду статья критика, литературоведа Ж.Эльсберга (настоящее имя Яков Ефимович Шапирштейн; 1901–1976) «Творчество Андрея Белого – прозаика» в журнале «На литературном посту» (1929. №11/12. С.34-52).

²³¹ Александр Константинович Воронский (1884–1943) – критик, прозаик, редактор журнала «Красная новь» (1921–1927). Имеется в виду его статья «Мраморный гром (Андрей Белый)» (*Воронский А.* Искусство видеть мир. М., 1928. С.115-150).

²³² Мандро и Лизаша – персонажи романа Андрея Белого «Москва», отец и дочь. Катерина и Колдун – персонажи повести Н.В.Гоголя «Страшная месть» (1832), отец и дочь. Ж.Эльсберг в статье «Творчество Андрея Белого – прозаика» сопоставляет «типичные проявления художественного метода Гоголя и Белого» (С.46). В частности, он отмечает следующее: «Укажем еще как на возможное, хотя довольно курьезное, проявление этого влияния на ситуацию Мандро–Лизаша и Колдун–Катерина в “Страшной мести”. Сходство тут в том, что оба отца, шпионы и предатели своей родины, пытаются изнасиловать своих дочерей. А в характеристике Мандро, как “сине-губого и синебородого мертвеца”, проглядывает и некоторое прямое сходство Мандро с Колдуном-мертвецом Гоголя» (С.49).

²³³ Hüte dich! (нем.) – Чур меня! Берегись!

²³⁴ Сандро Илларионович Шаншашвили (1888–1979) – грузинский писатель, поэт и драматург, заслуженный деятель искусств Грузии (1930); в 1926–1928 входил в литературное объединение «Арифиони».

²³⁵ Алексей Сергеевич Петровский (1881–1958) – ближайший друг Андрея Белого поры студенчества в Московском университете, антропософ; историк, переводчик; работал в Библиотеке им. Ленина. Путешественники условливались «с Петровским встретиться в Шови...» (Переписка. С.643).

²³⁶ У Анико и Котэ Абдушели (Абдушешвили) в поселке Схвители близ Сачхере Белый и Клавдия Николаевна останавливались летом 1928.

²³⁷ В 1927 Белый и К.Н.Васильева снимали в Цихис-Дзири две комнаты на даче Дмитрия Ивановича (1872–?) и Ольги Александровны Ростовцевых (см.: Лица 7. С.199-200).

²³⁸ Сельма Лагерлёф (Lagerlöf; 1858–1940) – шведская писательница, лауреат Нобелевской премии (1909). Здесь, скорее всего, имеются в виду ее «Легенды о Христе» (см.: *Лагерлеф С.* Полн. собр. соч.: В 12 т. / Пер. М.Барсуковой, В.К., А.Койранского и др. М., 1909–1911. Т.9: Легенды о Христе. М., 1911); или – «Сказки и легенды» (Там же. Т.11. М., 1910).

²³⁹ В 1917 Белый работал над исследованием «О ритмическом жесте», которое легло в основу книги «Ритм как диалектика и “Медный всадник”».

²⁴⁰ Американский дирижер Владимир Савич, гастролировавший с оркестром по СССР в 1929, с 9 по 26 июля выступал с симфоническими концертами в Тифлисе. «Чуткий музыкант и большой мастер дирижерского искусства В.Савич» и его оркестр представили во время гастролей «свежую, незнакомую Тифлису программу (произведения И.Брамса, Ф.Листа, К.Вебера, Н.А.Римского-Корсакова и др.) и современные композиции Запада (П.Гренджера, О.Респиги)» (Заря Востока. 1929. 11 июля. С.156). Второе выступление оркестра 11 июля прошло «по смешанной программе: вступление к опере “Риенци” Вагнера, концерт Грига и 4-я симфония Чайковского» (Там же. 13 июля. С.158).

²⁴¹ Речь идет о Владимире Владимировиче Дмитриеве (1900–1948) – театральном художнике, заслуженном деятеле искусств РСФСР; в 1920-е ра-

ботал в ленинградских академических театрах, позднее – художником МХТ; переехал в Москву в 1930; ученик В.Э.Мейерхольда; оформлял ряд спектаклей, поставленных Мейерхольдом; был приглашен оформлять спектакль «Москва» по пьесе Андрея Белого, делал макет декорации к спектаклю. О планах и попытках постановки этой пьесы см.: *Мейерхольд В.Э.* Переписка. 1896–1939. М., 1976. С.265, 269; *Николеску Т.* Андрей Белый и театр. М., 1995. С.145; а также: Лица 7. С.206, 304, примеч.18.

²⁴² На первой странице тетради – не имеющий отношения к дневнику 1929 года текст рукой К.Н.Васильевой:

«Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» – : это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно *мертвому* или совершенно глухому, или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. – Св. Серафим читал Евангелие ежедневно: понеде<ельник> – от М<а>тф<ея>; вт<орник> – от Марка; ср<еда> – от Л<у>ки>; ч<е>тв<ерг> – от И<оанна>; в остальные дни послания и апостолов.

«Внутри вас есть царствие Божие и нудно <так!> есть оно и нудницы е<го> восхищают» (Лук. 17; 21. Мтф. 21; 12), т. е. те люди, которые, несмотря на узы греховные, связывающие их – презирая всю крепость этих связок греховных, нудятся расторгнуть их...

О молитве... всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает блага Духа Св., но более всего их дает молитва... на нее всегда возможность есть и богатому, и бедному... и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику. Молитва более всего приносит Духа Божия, и ее удобнее всего всякому исправлять.

Ниже дано пояснение К.Н.Васильевой: «(Эти выписки были сделаны в 1927 году)». Выписки перемежаются вольным пересказом фрагментов и мыслями К.Н.Васильевой по поводу прочитанного. Полностью текст см.: Святой Преподобный Серафим, Саровский Чудотворец: Его жизнь и подвиги, с приложением наставлений для монашествующих. М., 1990. С.22, 53, 57 и др.).

²⁴³ См. в РД: «11-ое. Тифлис. <...> Заехали поэты с машиной; и мы взлетели с самоваром и чемоданами в Каджоры...» (Л.143об.).

²⁴⁴ См. в РД: «11-ое. Каджоры. Оказались в наших прошлогодних комнатах; радостная встреча с Мелитоном» (Л.143). Ср.: «...мы устроились в Коджорах: в той же гостинице, в тех же 2-х комнатах, при том же нашем друге, Мелитоне» (Переписка. С.643). В письме из Коджор от 27 июля 1928 Белый отмечал: «Прожили в гостинице Наркомзема <...> одни во всей гостинице с уютным служителем Мелитоном...» (Минувшее. Вып.14. С.446); в «Переписке» – название гостиницы другое: «судьба подарила нас двумя чистейшими комнатами гостиницы “*Наркомздрави*”, где мы – одни (гостиница открыта на днях)» (С.604); в 1929 Белый сообщает свой адрес: «Коджоры (близ Тифлиса). Гостиница “*Курорт*”. №8» (Переписка. С.645).

²⁴⁵ Трифон Георгиевич Трапезников (1882–1926) – историк искусства, после революции – сотрудник отдела охраны памятников при Наркомпросе;

один из руководителей и гарантов русского Антропософского общества, близкий друг Белого. Скончался 11 июля 1926 в Германии.

²⁴⁶ Ср. дневниковую запись К.Н.Васильевой от 11 июля 1927: «Вспомнили Т<рифона> Г<ригорьевича>. Сегодня день его смерти. Год тому назад» (Лица 7. С.228). Эта традиция соблюдалась и в дальнейшем. Ср., напр., в письме к П.Н.Зайцеву от 11 июля 1930 из Судака: «сегодня поминаем Трифона Георгиевича» (Минувшее. Вып.14. С.491).

²⁴⁷ Образ, восходящий к Ницше: «О, как же не стремиться мне страстно к вечности, к брачному кольцу колец – к кольцу возвращения!» (Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого / Пер. Ю.М.Антоновского. М., 1990. С.200).

²⁴⁸ Ср. описание Коджор в письмах Белого 1928: «Сейчас живем в Каджорах в 18 километрах от Тифлиса и в 1½ километрах по перпендикуляру вверх. <...> в 15 минутах ходьбы от нас вид уже совершенно географический: на севере – снежный хребет; на юге – горы Армении; на западе – Сурамский хребет; на северо-востоке – весь Кахетинский и из-за него – Дагестан; на юго-востоке <...> земли долины Куры <...> Военно-Грузинская дорога (долина Арагвы) видна почти до... Душета; Тифлис – маленькая рябь в бездне нижней; кругом, ниже, – сращенье хребтов и хребетиков; <...> поднимаемся на маленький холмик над нами, который – вершина огромной горы (Каджоры ютятся при вершине)» (Переписка. С.604); «Немного поднимешься и – сотни верст на ладони: от Казбека до Армении (с севера на юг) и от степей Азербейджана до Сурамского Хребта – с востока на запад <...> ¾ всей Грузии – на ладони...» (Минувшее. Вып.14. С.445).

²⁴⁹ Имеется в виду греческий глагол «λάλέω» (инфинитив – «λάλέιν»).

²⁵⁰ Изображение Удзо см. в альбоме рисунков Андрея Белого за 1929–1932 (РНБ. Ф.60. Ед.хр.50. Л.12); на листе помета К.Н.Васильевой: «Гора Удзо, В<оенно->Гр<узинская> Дорога, Б<ольшой> Хребет. Подарена мне. Моя любимая акварель».

²⁵¹ Имеется в виду начатая 3 июля 1929 в Тифлисе работа над вычислением ритмической кривой поэмы А.С.Пушкина «Кавказский пленник» (1821). Ср.: «По уши влез в счисление жеста кривой «Кавк<азского> Пленника» Пушкина; случилось, как бывает всегда с кривой ритма; вычислил вчерне в пять дней, а потом в месяцах буду пере-про-пере-вычислять и разрешать в полном одиночестве энное количество методолог<ических> вопросов. <...> нет тем по «темам»; все темы (пленник, черкесы, черкешенка) проходят по всем уровням; *верх* и *низ* – в изменении тональности произведения; нет образности, тональностям соответствующей; и еще: около средней (2,3) от 1,9 до 2,7 есть различия верха и низа, а далее – явный парадокс: «*то, что вверху, то и внизу*»; контраст – не в контрасте минимумов и максимумов, а в контрасте минимумов + максимумов с средними уровнями масштаба, что создает движение развертываемой спирали, которая в высших размахах становится восьмеркой» (Переписка. С.644). Там же приводятся некоторые графики.

²⁵² Ср. в «Кавказском пленнике» Пушкина: «О друг мой! – русский во-
зопил, – / Я твой навек, я твой до гроба. / Ужасный край оставим оба, / Беги
со мной...».

²⁵³ Ср. там же: «В Россию дальний путь ведет, / В страну, где пламенную
младость / Он гордо начал без забот...».

²⁵⁴ Речь идет о персонажах пушкинских сказок: звездочет-скопец и ша-
маханская царица («Сказка о золотом петушке», 1834); царица, волшебное
зеркальце, говорящее: «Ты, царица, всех милее, / Всех румяней и белее»,
королевич Елисей, получивший в приданое «Семь торговых городов / Да
сто сорок теремов» («Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», 1833).

²⁵⁵ Слова заключительного хора из оперы «Жизнь за царя» (музыка
М.И.Глинки, либретто Е.Ф.Розена; 1836).

²⁵⁶ Из поэмы Пушкина «Медный всадник» (1833).

²⁵⁷ Ср. соображения Белого, изложенные в письме к Иванову-Разумнику:
«И поднимается, как задание, тема: проследить эволюцию аккомпанемента
кривых смыслам: от “Руслана и Людмилы” через все поэмы к концу; понять
эволюцию эту – понять: кривая пушкинских ритмов – судьба Пушкина»
(Переписка. С.645).

²⁵⁸ «Невольник чести беспощадной» – характеристика героя «Кавказско-
го пленника»; «невольником чести» называет самого Пушкина М.Ю.Лер-
монтов в стихотворении «Смерть поэта» (1937).

²⁵⁹ Со своей первой женой Асей Тургеневой Белый расстался в 1916 в
Дорнахе, где жили Р.Штейнер и его последователи и где строился антропо-
софский центр Гетеанум. Белый, призванный на военную службу, был вы-
нужден вернуться в Россию; Ася осталась «при Штейнере». Только в 1921
Белому удалось получить разрешение на выезд в Германию, где он надеялся
вновь и уже навсегда воссоединиться с Асей. Однако встреча супругов при-
вела к полному разрыву отношений. Пребывая в состоянии крайнего отчая-
ния, Белый вернулся на родину и вскоре осознал, что уже давно любил
«бескорыстной любовью» К.Н.Васильеву (см.: Переписка. С.348).

²⁶⁰ Ср. слова Черкешенки из «Кавказского пленника»: «“Ты волен, – дева
говорит, – / Беги!” Но взгляд ее безумный / Любви порыв изобразил. / Она
страдала».

²⁶¹ Пури (*gruz.*) – хлеб.

²⁶² Над анализом ритмической кривой поэмы Пушкина «Медный всадник»
Белый начал работать еще в 1927. Результаты исследования и методологиче-
ские принципы см. в его книге «Ритм как диалектика и “Медный всадник”».
Ср. также: «“Кавк<азский> Пленник” выдвинул вовсе новую черту в жизни
кривых; кривая поэмы антипод “Медн<ого> Всадника”; в последнем средний
уровень разрезает точки высот на две темы: верх – Евгений; низ – Петр-
Николай–Петербург–Всадник. В “Кавк<азском> Пленн<ике>” – ничего по-
добного; закон кривой явно выпечатан, а логически сформулировать его не
умею: так он хитер и неуловим...» (Переписка. С.645).

²⁶³ Ср.: «Ясно – две темы; и – контрапункт меж ними; т. е. – *отчетливая сонатная форма*, в которой контрапунктирует взаимоотношение уровней...» (Андрей Белый. Ритм как диалектика... С.178).

²⁶⁴ Речь идет о стихотворении А.С.Пушкина «Туча» («Последняя туча рассеянной бури!..», 1835).

²⁶⁵ Ср. наблюдения Пленника за мирной жизнью черкеса: «Ничто его не тяготит, / Ничто не брякнет; пеший, конный – / Всё тот же он...».

²⁶⁶ Ср.: «На деву, молча, смотрит он / И мыслит: это лживый сон, / Усталых чувств игра пустая».

²⁶⁷ Ср. в РД: «17-е. Волнуемся с К.Н. инцидентом с Китаем» (Л.143об.). Имеется в виду инцидент, связанный с борьбой СССР и Китая за право собственности на Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), исторически принадлежавшую России. В «Правде» за 14 июля 1929 в официальной ноте Л.Карахана (зам. наркоминдел) сообщалось: «10 июля, утром, китайские власти произвели налет на Китайско-Восточную железную дорогу и захватили телеграф КВЖД по всей линии, прервав телеграфное сообщение в СССР, закрыли и опечатали без объяснения причин торговое представительство СССР <...>. Затем дубань дороги (председатель правления КВЖД) Люй Чжун-хуан предьявил управляющему КВЖД Емшанову требование передать управление дороги лицу, назначенному дубанем. <...> По всей линии КВЖД были закрыты и разгромлены профсоюзные и кооперативные организации рабочих и служащих дороги, а равно были произведены обыски и аресты, причем было арестовано более 200 граждан СССР <...>. Около 60 советских граждан <...> уже высланы из пределов Китая. Одновременно получены сведения о сосредоточении вдоль советской границы манчжурских войск, которые приведены в боевую готовность и пододвинуты к самой границе». В последующих выпусках «Правды» нагнеталась военная истерия: «Дадим отпор китайской военщине», «Руки прочь – иначе их отобьем!» (16 июля); «Наглая провокация китайских бандитов вызвала крупнейший взрыв негодования трудящихся всего Союза» (17 июля). Отказ Китая освободить арестованных людей и вернуть КВЖД вылился в вооруженный конфликт; равновесие на советско-китайской границе восстановилось в декабре 1929.

²⁶⁸ См. в РД от 17 июля: «Приезд поэтов с Гогоберидзе, Пирумовым и другими “властями”. Меня вовлекли в “беседу”. Речи, панегирики. Компания пьяна (выпили они 65 бутылок Кахетинского). Условились с Табидзе и Яшвили, что они заедут за нами на авто и увезут в Кахетию» (Л.143об.). В РД упоминаются Елена Давыдовна Гогоберидзе-Лундберг (1897–1978) – переводчица, литературовед, жена критика и прозаика Евгения Германовича Лундберга (1887–1965), и Пирумов, государственный чиновник, занимавший, по-видимому, довольно высокий пост. Пирумов, вероятно, приехал в Коджоры навестить отдыхающую здесь супругу, приехавшую одновременно с Белым и К.Н.Васильевой. См. запись в РД от 11 июля: «Заехали поэты с машиной; и мы взлетели с самоваром и чемоданами в Коджоры;

попутчица жена Пирумова» (Л.143об.). Некоторые сведения о Пирумове содержатся в публикации материалов из парижского архива Ильи Зданевича. См., например, письмо (сентябрь 1933 года) его брата Кирилла Зданевича с упреком в том, что Ильязд обратился к Пирумову за помощью: «...для меня было совершенно дико услышать, что ты послал телеграмму Пирум<ову> <...> какое дело ему до нас? Все равно, что послал бы телеграмму Пуанкаре, что ли, чтобы он дал тебе денег, или что-нибудь в этом роде» (Из архива Ильи Зданевича / Публ. и примеч. Р.Гейро // Минувшее. Вып.5. М., 1991. С.155). Возможно, имя этого большого начальника скрыто под литерой «N».

²⁶⁹ *Доржелез Р., Жинью Р.* Машина для прекращения войны: Роман / Пер. с франц. Л.Савельевой. Л., 1926.

²⁷⁰ Ср. в РД: «21-е. <...> Прогулка на вал и зарисовка с вала “Замка Разбойника”» (Л.143об.). См. также рисунок «Замок Разбойника» (РНБ. Ф.60. Оп.1. Ед.хр.50. Л.11). О прогулках к «Замку Разбойника» в 1928 см.: «За пропастью, по направлению Маглиса, замок повис.

– Был он “притчей” для всех: обитателя замка боялись; засел там разбойник: но тронуть не смели его. <...> умер он, перестали бояться его» (Ветер с Кавказа. С.179). См. также: Воспоминания. С.134.

²⁷¹ Михаэль Бауэр (1871–1929) – известный немецкий антропософ, один из ближайших сподвижников Штейнера. «В 1912 году про Бауэра уже говорили, что он один из первых по времени учеников доктора, ставших на самостоятельный путь, т. е. производящих самостоятельные духовные исследования. В период, мной проведенный близ доктора, он был один из *тройки*, руководящей всей деятельностью А<нтропософского> О<бщества> (“Тройка” – президиум); с 1915 года я удостоился счастья ближе узнать Михаила Бауэра, бывать у него, пользоваться его советами <...> то, что я получил от Бауэра, доктор сам мне не мог бы дать» (Воспоминания о Штейнере. С.382).

²⁷² Маргарета Моргенштерн (урожд. Гозенбрух фон Лихтенштерн; 1879–1968) – вдова немецкого поэта и антропософа Кристиана Моргенштерна (1871–1914). М.Бауэр умирал в ее деревенском доме в Баварии. «Станным образом сложилась судьба этой женщины. Еще молодой, выйдя замуж за Моргенштерна, она почти с первых же дней своего замужества превратилась в сестру милосердия: муж ее заболел той же медленно изнурявшей его болезнью легких, что и друг его Бауэр. Много лет провела фрау Моргенштерн у постели больного мужа. Когда он умер, на ее руках оказался русский профессор Т<рапезников>. <...> Но и после смерти Т<рапезникова> фрау Моргенштерн не получила свободы. Снова долгие годы принуждена она была вести жизнь отшельницы, не отходя от постели больного Бауэра» (Чехов М.А. Литературное наследие: В 2 т. М., 1995. Т.1. С.207). См. о ней также: Воспоминания о Штейнере. С.394.

²⁷³ М.А.Чехов в 1928 уехал из России; в Германии он нередко останавливался у М.Моргенштерн, которая не только привечала его у себя дома, но

и субсидировала его театр в Париже. «Иногда перед сном фрау Моргенштерн и я бродили по тихим деревенским улицам. В одну из таких прогулок с фрау Моргенштерн я сказал ей, что еду в Берлин. Я заметил: она хотела мне что-то сказать, какая-то мысль тревожила ее.

– Может быть, вы отложите свой отъезд на два дня... <...> – Михаил Бауэр умрет послезавтра. Я хотела бы, чтобы вы были здесь в это время.

Она давно уже знала от Бауэра о дне его смерти. Даже о часе. Этот день приближался. Я остался. <...> День наступил. Я не мог подавить своего волнения. Приблизился и назначенный час. Чтобы скрыть беспокойство, я на несколько минут вышел в сад, но, вернувшись, уже не застал Бауэра в живых. Фрау Моргенштерн и я обмыли и одели его исхудавшее тело и до утра просидели около его постели. После кремации тела Бауэра я уехал в Берлин» (Чехов М.А. Литературное наследие. Т.1. С.210-211).

²⁷⁴ Лидия Васильевна Каликина (1888–1955?) – близкая подруга К.Н.Васильевой, антропософка.

²⁷⁵ См. примеч. 297, 298 к записи от 1 августа.

²⁷⁶ Цейский ледник (Цей) – один из северокавказских ледников (протяженностью до 9 км), спускающийся с вершины Адай-Хох (ок. 2200 м), в долине реки Цейдона (Ардон).

²⁷⁷ *Geist seiner Seele... (нем.)* – «Дух его души...». Словами «Духи ваших душ, действенные стражи...» Р.Штейнер в период Первой мировой войны нередко начинал свои выступления на разные темы. Впоследствии это обращение к индивидуальным ангелам-хранителям стало использоваться антропософами в качестве заупокойной или поминальной молитвы; в данном случае – за упокой М.Бауэра. «Сделали медитацию» – то есть исполнили ее эвритмически. Текст медитации см.: Rudolf Steiner-Gesamtausgabe. 1955-heuter. Dornach (Schweiz.). Bd.268. S.202.

²⁷⁸ Рудольф Штейнер умер в результате болезни 30 марта 1925. Карл Унгер (1878–1929) – один из ближайших сподвижников Штейнера, председатель штутгартской ветви Антропософского общества – был убит 4 января 1929 душевнобольным человеком, Вильгельмом Кригером. Смерть обоих Белый осмыслял как факт мистический и символический: «Карма Унгера есть карма Гетеанума <...> а карма Гетеанума – в карме Рудольфа Штейнера, принявшего крест за наши болезни» (Воспоминания о Штейнере. С.535); «Пора бы бросить разговор о том, что *а<антропосо>фы* починут: разве зло мира сего не указывает истреблением доктора (почти факт), пожаром “Гетеанума”, убийством Унгера, какой линии “дети” мы...» (Переписка. С.624).

²⁷⁹ Лилей в семье Васильевых-Бугаевых и среди близких друзей называли поэтессу Елизавету Ивановну Васильеву (урожд. Дмитриеву; псевд. Черубина де Габриак; 1887–1928). Она умерла 5 декабря 1928 в Ташкенте, куда была выслана за приверженность антропософии (руководила работой антропософской группы Ильи Пророка в Ленинграде). Е.И.Васильева и К.Н.Васильева были замужем за родными братьями (соответственно – за Всеволодом Николаевичем и Петром Николаевичем Васильевыми).

²⁸⁰ Grundsteinlegung (нем.) – буквально: закладка камня основания. В истории антропософского движения так назывались два важных события. Первое связано с началом строительства Гетеанума и непосредственно с закладкой первого камня в основание здания (20 сентября 1913). Второе – с проведенной Р.Штейнером реорганизацией антропософского движения и учреждением (то есть метафорической закладкой камня основания) Всеобщего антропософского общества на Рождественском собрании 1923. Упомянутый К.Н.Васильевой текст был произнесен Р.Штейнером на заключительном заседании 1 января 1924 и впоследствии стал осмысляться как символическое выражение базовых антропософских представлений о человеке и мире: «Душа человека! / <...> Упражняйся в памятовании о Духе / В душевных глубинах, / Где в правящем / Бытии Создателя мира / Собственное Я (человека) / В Божественном Я / Пребывает; / И ты будешь поистине *жить* / В мировом существе человека / Ибо правит Дух-отец в высях, / В глубинах мира бытие порождая. / Серафимы, Херувимы, Престолы, / Дайте из высот прозвучать, / Что в глубинах найдет эхо; / Оно гласит: / ИЗ БОГА РОЖДАЕМСЯ / <...> / Да услышат это люди / <...> / Оно гласит: / ВО ХРИСТЕ УМИРАЕМ / <...> / Да услышат это люди / <...> / Оно гласит: / СО СВЯТЫМ ДУХОМ ВОСКРЕСАЕМ / <...> / Да услышат это люди...» (См. полный текст в переводе с немецкого Г.А.Бондарева в кн.: *Anthropos: Опыт энциклопедического изложения духовной науки Рудольфа Штайнера: В 2 т. / Сост. Г.А.Бондарев. М., 1999. Т.2. С.577-578*).

²⁸¹ *Mysterienstätte* (нем.) – святилище, священное место, мистериальный центр.

²⁸² На горе Удзо находится древняя церковь; восстановлена в конце XIX в., включает части средневековой постройки.

²⁸³ Подразумевается, по-видимому, тот период жизни Белого в Дорнахе (1915), когда писателю, болезненно переживавшему охлаждение отношений с женой, казалось, что оккультные «черные силы» атакуют его. Тогда Белый считал, что Михаил Бауэр его защищает: «Все чаще ко мне <...> просовывается лик Михаила Бауэра, который меня где-то ждет к себе и издал *тайно помогает*» (*Андрей Белый. Материал к биографии / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып.8. М., 1992. С.462*).

²⁸⁴ Имеется в виду совпадение в 1929 «подвижного» праздника Духовна дня (11/24 июня) и «постоянного» праздника Рождества Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (Иоаннов день), приходящегося на день летнего солнцестояния (24 июня / 7 июля). Белый и К.Н.Васильева отмечали Духовна день по новому стилю (ср. в РД: «24-ое <июня 1929>. Кр<асная> П<оляна>. Духовна день»), а Иванов день, вероятно, по старому.

²⁸⁵ Гора Кер-Оглы названа по имени героя национального эпоса; на ней находится храм Кватахеви рубежа XII–XIII вв., бывший монастырь. В примечаниях к переписке Андрея Белого и П.Н.Зайцева ошибочно – Кер-Очлы (*Минувшее. Вып.14. С.482*).

²⁸⁶ «При втором посещении Коджор рисование стало страстью. “Мастерская” Б.Н. расширилась. Из своей комнаты он уже въехал в мою. На всех столах появились в обилии блюдца с водой, бумажки с пробами красочных пятен, “ассортименты” красок, наборы кистей <...> во время прогулки карандашом набрасывал схему, размечая цвета и оттенки. Колорит же напоминал “наизусть”. Дома доделывал. И на это шли целые дни» (Воспоминания. С.130-131). Ср.: «...чем мы с К.Н. занимались в Каджорах, – с яростью, с самозабвеньем, с бессонными ночами? Зарисовывали и красили. <...> привез ряд “Каджор” (колоритов). <...> И это вовсе не важно, что получилась всякая юмористика (вместо рисунков); важно то, что осознавалось в процессе мазанья и ошупывания красок; <...> тут не искусство, а – познание; эта потребность к краске в нас, – то же, что бывшие потребности к собиранью камушков, листиков...» (Переписка. С.649).

²⁸⁷ Этот разговор передан в мемуарах Белого (*Андрей Белый*. Из воспоминаний. «Начало века» («берлинская» редакция) / Публ. и коммент. М.Л.Спивак // Воспоминания о Штейнере. С.644). Там же (с.636-651) Белый подробно рассказывает про таинственные, мистические события, происходившие с ним и Асей Тургеневой в Брюсселе весной 1912 (спиритические стуки, сны, странные встречи и т. п.), подтолкнувшие их поехать к Штейнеру в Кельн (7 мая 1912).

²⁸⁸ Манглис – грузинский курорт к западу от Тбилиси, «дачная местность для тифлисцев» (Курорты Кавказа... С.234).

²⁸⁹ Уэллс Г. Отец Кристины Альберты: Роман / Пер. с англ. К.М.Жихаревой, А.С.Полоцкой. М., 1926.

²⁹⁰ Профессор Иван Иванович Коробкин, главный герой романа Андрея Белого «Москва», совершил математическое открытие, которое не захотел отдавать в руки тех, кто мог бы использовать достижения науки во зло; после жестоких пыток он попадает в клинику для душевнобольных.

²⁹¹ Из стихотворения А.С.Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829).

²⁹² Образ из стихотворения А.С.Пушкина «...Вновь я посетил...» (1835): «...На границе / Владений дедовых, на месте том, / Где в гору поднимается дорога, / Изрытая дождями, три сосны / Стоят – одна поодаль, две другие / Друг к дружке близко...». Другие образы – из стихотворений «Зимнее утро» («Мороз и солнце; день чудесный!..»; 1829), «Осень» (1833), «Зимняя дорога» (1826).

²⁹³ П.Н.Васильев, видимо, переслал Белому письмо от М.Л.Гофмана (1887–1957) – поэта, критика, литературоведа, который с 1922 жил в Париже и активно сотрудничал в зарубежной прессе. Ср. в РД от 1 августа 1929: «Письмо от Гофмана» (Л.144).

²⁹⁴ Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС) было создано в 1925. Сведения об упоминаемом журнале не обнаружены.

²⁹⁵ «mystische Vorschobenheit» (нем.) – мистический морок.

²⁹⁶ «Ich habe meine Sache auf Nichts gestellt» (нем.) – «Ничто – вот на чем я построил свое дело». Макс Штирнер (наст. имя Каспар Шмидт; 1806–1856) – немецкий философ, автор трактата «Единственный и его собственность» (1844). Цитированная фраза служит заглавием к вводной главе книги и выражает ее главную идею: «Бог и человечество поставили свое дело не на чем ином, как на *себе*. Поставлю же и я свое дело только на себе, ибо я, также как Бог, – ничто всего другого, так как я – мое “все”, так как я – единственный» (*Штирнер М. Единственный и его собственность*. Харьков, 1994. С.9).

²⁹⁷ Фантомом Р.Штейнер называл божественную идею физического тела человека, его «духовный формооблик»; именно в таком «фантоме» явился ученикам воскресший из гроба Иисус Христос (*Штайнер Р. От Иисуса ко Христу*. Калуга, 1994. С.177, 254-255 и др.). Ср. в интерпретации Белого: Воспоминания о Штейнере. С.512-513.

²⁹⁸ Meister Iesus (нем.) – учитель, наставник Иисус. Здесь под тайной мастера Иисуса, по-видимому, подразумевается антропософское толкование евангельских событий, согласно которому вхождение духовного существа Христа в тело Иисуса из Назарета и «мистерия Голгофы» изменили ход человеческого развития и открыли человеку путь к изживанию кармы. Ср. у Белого: «“Иисус” – “мастер” кармы» (Воспоминания о Штейнере. С.531); <...> Иисус – “я”, дошедшее до своей свободы от кармы; и в нем восстановлены все личности-личины в Личность собственно <...>. Вот почему Рудольф Штейнер и форму вечной жизни в Иисусе, не умирающей и пребывающей среди нас, дает в трудно понимаемом образе “Мейстера Иисуса”, пребывающего в многих своих фантомах, в фантомах многих, избравших *свободно* путь, воистину человеческий. “Мейстер” он потому, что он-то и есть водитель в социально-индивидуальной мистерии, и индивидуально-личностной, – всех вместе, и – каждого порознь» (Воспоминания о Штейнере. С.512).

²⁹⁹ Альберт Эдуард Приймби – отец Кристины, главной героини романа Уэллса. В результате занятий спиритизмом он, вообразивший себя воплощением древнего «Саргона», «царя царей», попадает в сумасшедший дом. Будучи вызволен оттуда Кристиной Альбертой, продолжает осознавать себя властелином мира и стремится к получению необходимых для этого знаний, но неожиданно умирает.

³⁰⁰ Обозначение названия третьей мистерии-драмы Р.Штейнера «Der Hüter der Schwelle» (1912) – «Страж порога». Возможно, впрочем, что здесь речь идет о чтении не самой мистерии, а какого-нибудь другого сочинения Р.Штейнера о Страже порога.

³⁰¹ 1 августа – день обретения мощей св. Серафима Саровского.

³⁰² См. рисунок Белого с надписью К.Н. Бугаевой: «Тифлис ночью – вид с шоссе на Тифлис: “импрессия”. – Рисунок по памяти. Коджоры 29 года» (РНБ. Ф.60. Ед.хр.50. Л.13).

³⁰³ Höhepunkt (нем.) – высший пункт, кульминация.

³⁰⁴ Это письмо от Петра Никаноровича Зайцева, по-видимому, не сохранилось. В ответном послании (13 августа 1929, из Тифлиса) Белый благодарит «дорогого, милого Петра Никаноровича» «за сердечнейшее письмо; оно живо радует» (Минувшее. Вып.14. С.481).

³⁰⁵ Это письмо Иванова-Разумника не сохранилось. См. краткий ответ Белого от 13 августа 1929 из Тифлиса: «Дорогой Разумник Васильевич, письмо Ваше большое и открытку получил. Отвечу уже из Кучина» (Переписка. С.646); и подробный – от 30 августа 1929, из Кучина (Там же. С.646-653).

³⁰⁶ Имеются в виду выписки из поэмы Николая Алексеевича Клюева (1884–1937) «Погорельщина» (1928), присланные Ивановым-Разумником в упомянутом выше несохранившемся «большом письме». Белый не разделил восхищение Иванова-Разумника поэзией Клюева и в ответе из Кучина (30 августа 1929) аргументировал свою позицию: «...стихи технически – изумительны, зрительно – прекрасны; морально – “гадостны” <...> идет дух мне неприемлемого, больного, извращенного эротизма <...> разит смесью “трупa с цветущим жасмином” <...> А поэзия его изумительна; только подальше от нее <...> я скорей с Маяковским; люблю его отмеренною, простою любовью: “от сих до сих пор” <...> не сердитесь на мое “нет” Клюеву? Ведь не оспариваю: прекрасно; но мне уже мало прекрасного; на 50<-м> году жизни хочу жить и “хорошим”, как прекрасным» (Переписка. С.650).

³⁰⁷ «Великан Риза» – персонаж произведения Андрея Белого (Северная Симфония (1-ая героическая). М.: Скорпион, 1904): «З. Бледным утром хаживал среди туч великан Риза. 4. Молчаливый Риза опрокидывал синие глыбы и шагал по колено в тучах» (Андрей Белый. Симфонии. Л., 1991. С.51). Ср.: «...“великан Риза” в Симфонии – не облако, а живое, стихийное существо <...> сперва он – “становление”; потом – “ставшая форма”, завершение» (Переписка. С.488).

³⁰⁸ 9-я симфония Людвиг ван Бетховена (opus 125 ре-минор для четырех солистов, хора и оркестра на текст оды Ф.Шиллера «К радости»; 1823).

³⁰⁹ Empfindung (нем.) – ощущение.

³¹⁰ Bewusstsein (нем.) – сознание.

³¹¹ Камалока (санскр.) – термин индийской философии, усвоенный теософией и антропософией – место пребывания астрального тела человека после смерти, аналог католического Чистилища. Для Р.Штейнера и его последователей камалока – область «действенной душевной силы», где «происходит очищение той части души, которая жаждет дела» (Штейнер Р. Духоведение. Дорнах, 1927. С.113-114). Попав в камалоку, бесплотное существо человека, его «Я», осмысляет земную жизнь, явленную в воспоминаниях; от интенсивности и глубины осознания совершенных ранее поступков непосредственно зависят и дальнейшее развитие души, и последующее земное воплощение.

³¹² Подробнее об этом см. в главе «Световая теория Гете и Рудольф Штейнер» в кн.: Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении

современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете» (М., 1917). См. также: Воспоминания о Штейнере. С.39-110.

³¹³ Имеются в виду осложнившиеся отношения с Е.Т. и Н.Е. Шиповыми, хозяевами дома в Кучине, у которых Белый и К.Н.Васильева снимали комнаты. О тягостной «мещанской» атмосфере в Кучине Белый неоднократно писал Иванову-Разумнику (Переписка. С.629-630, 636). Ср. в РД: «Очень трудные напряженные отношения с Шиповыми, ставящие вопрос о том, можем ли мы вообще жить в Кучине» (Л.139).

³¹⁴ См. примеч. 280. Речь идет о грамматических формах (или схемах) – нарисованных на бумаге линиях, фиксирующих движения (хореографию) эвритмиста, изображающего на сцене звуки, ритм, смысл стихотворного или иного текста. Здесь имеются в виду эвритмические схемы на слова медитации «Закладка камня основания».

³¹⁵ См. в РД: «10-е. Каджоры. <...> Неожиданный приезд Паоло и Тициана. Долгий разговор вчетвером до 2-х ночи. Поэты взволнованы моим рассказом о “Брюсселе”» (Л.144об.).

³¹⁶ Подробное описание пребывания Белого и А.А.Тургеневой в Брюсселе весной 1912 см.: *Андрей Белый*. Из воспоминаний... С.636-651.

³¹⁷ Вероятно, имеется в виду Анна Рудольфовна Минцлова (1866–1910?) – одна из первых пропагандистов учения Р.Штейнера в России, близкая знакомая Белого, вдохновившая его идеей розенкрейцерского посвящения. Белый считал, что мистические «брюссельские феномены», приведшие его к Штейнеру, были еще в 1910 предсказаны Минцловой. См.: *Андрей Белый*. Из воспоминаний... С.637, 640; *Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С.106-107.

³¹⁸ Шамше (Симон Константинович) Лежава (1876–?) – профессиональный революционер-большевик (см. его мемуарные книги: *Революционная борьба и партийная работа*. Т.1. Тифлис, 1932; *Октябрьская революция и меньшевики: Воспоминания*. <Тифлис>, 1929); инициатор создания высокогорного туберкулезного и бальнеологического курорта Шови (открылся в 1928). «Среди новых курортов быстро вырастает на наших глазах курорт Шови в Грузии. <...> причина его быстрого роста – энергия основоположника его, д-ра Ш.Лежава. Тов. Лежава узнал и полюбил Шови во время своей подпольной, революционной работы; тут он оценил все достоинства этой лечебной местности и приложил все усилия, чтобы “открыть” его другим, оборудовать и организовать его. Энергией тов. Лежавы эта лечебная местность стала курортом» (*Семашко Н.А.* Предисловие // *Лежава Ш.* Курорты Шови (Рачинский уезд ССРГ). <М., 1928?>. С.3). В 1907–1910 Лежава проживал за границей, где, по-видимому, и получил медицинское образование, досконально изучил курорты Европы и вернулся с идеей организовать аналогичный курорт в Грузии: «Мне на своем веку много пришлось путешествовать пешком по Европе <...> я очень подробно осмотрел много курортов и курортных мест <...> но впечатления, полученные мною на этих известных курортах, не сумели заглушить во мне убеждение о

том, что любое место в Рачинском уезде <...> не хуже, если не лучше названных курортных мест. <...> Вернувшись весной 1910 г. из эмиграции в Рачинский уезд, я энергично взялся за дело» (*Лежава Ш.* Курорты Шови. С.6-8).

³¹⁹ См. запись за 4 июня и примеч. 171.

³²⁰ Ср.: «В прошлом году я, изучая карту Кавказа, открыл название одной местности – Шови <...> и тотчас прочел в газетах: “Первого июля открывается новый курорт *«Шови»*”. Мы решили: надо попасть» (Переписка. С.642 и далее). Попасть в Шови Белому и К.Н.Васильевой не удалось.

³²¹ Покончить с тягостной жизнью в Кучине Белый и К.Н.Васильева смогли только в апреле 1931: они переехали в Детское Село к Иванову-Разумнику.

³²² Из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» (гл. 6, строфа XXI).

³²³ Ср. в РД: «13-ое. <...> вызвали терапевта – проф<ессора> Микеладзе; велел сидеть» (Л.144об.).

³²⁴ Ниже – бóльшая часть листа отрезана; на обороте оставшейся верхней части листа продолжение записи.

³²⁵ Интерпретация работы А.И.Герцена «С того берега» (1848–1849) взята К.Н.Васильевой из труда Иванова-Разумника «История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.» (СПб., 1911): «С этой книги может вести свою эру народничество, так как мы находим в этом произведении не только отрицательную сторону – беспощадную критику западноевропейского мещанства, но и указание на положительные идеалы – веру в возможность иного, немещанского пути развития для России» (Т.1. С.381). Труд Иванова-Разумника в период с 1906 по 1923 выдержал шесть изданий, и не ясно, какое из них было у К.Н.Васильевой под рукой. Нижеследующий текст представляет собой частично конспект, но преимущественно – выписки из «Истории общественной мысли» (см. прежде всего главу «Герцен», а также главы «Содержание истории русской интеллигенции» и «Михайловский»). Приводимые ниже цитаты из различных произведений А.И.Герцена (1812–1870), Н.П.Огарева (1813–1877), Н.К.Михайловского (1842–1904) переписаны оттуда же.

³²⁶ В «Истории русской общественной мысли» Иванова-Разумника далее следовало: «“<...> тело его” (“С того берега”, гл.1). И только одна надежда не покидает Герцена – надежда на возможность особого социально-экономического пути развития в России» (Т.1. С.383).

³²⁷ Лист отрезан.

³²⁸ Имеется в виду М.Джавахишвили (наст. имя Михаил Саввич Адамашвили; 1880–1937) – писатель, в 1926–1928 – глава литературного объединения «Арифони».

³²⁹ Ср. в РД: «15-ое. Утром припадок боли, температура, пульс. Весь день томился. К.Н. в волнении. Телефонировали проф. Микеладзе. <...>

Прервали Джовахишвили <так!>. Потом Тициан. Потом Микеладзе. Пришел Яшвили; вечером веселый разговор впятером. Поэты рассказывали о своей юности, о дуэлях и пр.» (Л.145).

³³⁰ Ср. в РД: «16-е <...> За чаем долгий разговор с Чернявским» (Л.145).
О Н.А.Чернявском см. запись от 27 мая и примеч. 146.

³³¹ *influer* (франц.) – влиять.

³³² Местонахождение рукописи неизвестно. Ср. в РД: «Сентябрь <1929>. <...> Эти “Мысли о Символизме” начал было записывать в Каджорах, продолжив в Тифлисе; и в Кучине настолько увлекся ими, что они грозили оттеснить “Москву”» (Л.146); «...прошлой осенью написал о символизме около 300 страниц; что *есть* символизм, – нельзя сказать: никто не напечатает; чем был – можно» (Переписка. С.664); «Б.Н. записал ряд принципиальных мыслей о символизме. Правда, очень наспех (писал даже в вагоне) и начерно...» (письмо К.Н.Васильевой Иванову-Разумнику от 31 августа 1929. – Переписка. С.653, примеч. 34).

³³³ Архангел Михаил (Михаэль), или Святой Михаил, понимается в антропософии как солнечный дух, дух времени, управляющий (с конца XIX в.) ходом исторического и личного развития; в образе Михаила символически выражен спиритуальный аспект всего антропософского движения. Душевное умиротворение и освобождение от темных страстей, то есть внутреннее состояние, о котором пишет К.Н.Васильева, в антропософии также принято связывать с благим воздействием михаэлических сил, активность которых приходится как раз на осенний период. Здесь, по всей вероятности, речь идет о неозаглавленном стихотворном афоризме «Sonnenmächten Entsprössene...» Р.Штейнера из последней прочитанной им лекции (28 сентября 1924): «Отпрыски солнечных сил – / Светозарные, щедро одевающие миры / Бесплотные силы! Вам предначертано / Помыслом богов служить лучами, облучением Михаила. / Он, Христов посланник, дарует в вашем лице / Носителя природы человека – святую мировую волю. / Вы, пречистые сущности миров эфира, / Вами глагол Христов относим человеку! / Так предстает провозвестник Христа / Жажущим и чающим душам. / В них падает луч светоча вашего глагола / В мировом веке духа человека. / Вы, ученики духовного знания, / Вносите премудрость мановения Михаила, / Вносите любящий глагол мировой воли: / Деятельно – в число горних целей своих душ!» (пер. с нем. С.В.Казачкова).

³³⁴ Ср. у Иванова-Разумника: «Человеческая личность – самоцель: эта формула этического индивидуализма», которая «рельефно и отчетливо ставится Герценом, принимая сейчас же характер, который можно было бы назвать “имманентным субъективизмом” или “философско-историческим индивидуализмом”, выражающимся в формуле: цель исторического процесса – настоящее» (История русской общественной мысли. Т.1. С.399).

³³⁵ Иван Петрович Галахов (1809–1849) – друг Герцена; в работе «С того берега» в форме полемического диалога с ним построена первая глава («Перед грозой»). Далее цитируются суждения спорящих сторон.

³³⁶ Страница вырвана.

³³⁷ Имеются в виду письма Иванова-Разумника. Возможно, о нем и шла речь в уничтоженной К.Н.Васильевой записи.

³³⁸ Sein (нем.) – существование.

³³⁹ Ср. в РД: «18-ое. Весь вечер сидел Чернявский» (Л.145).

³⁴⁰ Здесь имеются в виду «Антропософские руководящие положения» («Antroposophische Leitsätze»), сформулированные перед смертью Р.Штейнером в виде сжатых тезисов и публиковавшиеся в 1924–1925 в приложении к дорнахскому еженедельнику «Goetheanum». Русским антропософам эта работа, воспринимавшаяся как духовное завещание учителя, была известна в «самиздате». Современное издание см.: *Штайнер Р.* Антропософские руководящие положения. Путь познания антропософии. Мистерия Михаила. М., 1996.

³⁴¹ Ср. в РД: «19-ое. <...> Читал Тициану о символизме» (Л.145). См. также письмо Т.Табидзе к Белому от 5 октября 1929: «Вспоминается Ваш “Кавказский Пленник” и последнее чтение о символизме» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.277).

³⁴² Запись за 20 августа в РД подробнее: «Послали 2 телеграммы (Зайцеву, П.Н.Васильеву). Запись о символизме. Дорисовка эскиза к Кер-Оглы. Вечером пришли Е.Д.Гогоберидзе и А.И.Чхеидзе. Вспоминали Ковно, Берлин» (Л.145).

³⁴³ Далее текст обрывается, продолжение дневника отсутствует. Записи за 21–24 августа (отъезд из Тифлиса и возвращение в Москву) находим в РД: «21-ое. Утром явился Яшвили с машиной; поехали на вокзал. Трогательное прощание. Вагон. Уехали: в международном вагоне; пишу о символизме. Читаю том Голичера (автобиографические воспоминания). К.Н. ослабла: ей душно. 22-ое. Вагон. Едем с комфортом: жара – тропическая. Запись о символизме. 23-ье. Вагон. Таганрог – Харьков. Запись о символизме. У американской делегации, едущей с нами, украли часы. За Харьковом выбили камнем стекло вагона. 24-ое. Вагон. Жара – та же. Тула. Подъезжаем к Москве» (Л.145-145об). В тексте упоминается изд.: *Голичер А.* Жизнь современника / Пер. с нем. К.Вейдемюллера и В.Мининой; Под ред., со вступ. ст. и примеч. К.Кейдем. М.; Л., 1929.

Моника Спивак
**АНДРЕЙ БЕЛЫЙ В СЛЕДСТВЕННОМ ДЕЛЕ
АНТРОПОСОФОВ**

«Вскрытие показало...»

В декабрьском докладе Секретно-политического отдела ОГПУ «Об антисоветской деятельности среди интеллигенции за 1931 год»¹ сообщалось о вызывающих тревогу общественных настроениях, а также о контрреволюционных группах и организациях, ликвидированных за последнее время.

Далее в докладе сообщается, что в минувшем году СПО ОГПУ пришлось заниматься «в основном разгромом контрреволюционных организаций интеллигенции, оформившихся в начале реконструктивного периода <...> и выявлением нового типа контрреволюционных формирований интеллигенции, для которых, прежде всего, характерен не только глубоко законспирированный метод антисоветской деятельности, но и сознательная глубокая зашифровка антисоветской деятельности под маской “идеологической непримиримости”, “высокой общественной активности”, “безоговорочной преданности партии”².

Настроения в обществе определенно не радовали сотрудников ОГПУ. В частности, обнаружилось, что «для крайне правого крыла реакционных кругов интеллигенции характерны религиозно-мистические настроения, охватывающие значительную ее часть и по содержанию и организационно уязвляющиеся с философской мистикой буржуазного Запада».

Впрочем, несмотря на трудности, борьба с врагами шла успешно: «В Москве вскрыта подпольная организация антропософов, состоявшая, главным образом, из педагогов средней и низшей школы и нескольких библиотечных работников. <...> Организацией было создано несколько подпольных детских кружков, где дети воспитывались в духе мистики. Организация имела связи с границей и по Союзу».

Имена «педагогов средней и низшей школы и нескольких библиотечных работников» в докладе не фигурировали, так как люди они были, как говорится, маленькие, неизвестные и большого интереса для власти не представляли. Зато персональный интерес представлял Андрей Белый. Его объявили главарем подпольщиков: «Идейным вдохновителем и руководителем организации был писатель-мистик А.Белый». Для иллюст-

---

¹ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике 1917–1953 гг. / Под ред. акад. А.Н.Яковлева; Сост. А.Артизов, О.Наумов. М., 1999. С.160–163.

² Здесь и далее в кавычках приводятся выдержки из этого доклада.

рации этого тезиса в докладе приводились обширные, но весьма вольно отредактированные цитаты из дневника Белого, изъятого при обыске:

*Не гориллам применять на практике идеи социального ритма³. Действительность показывает, что понятие общины, коллектива, индивидуума в наших днях – «очки в руках мартышки», она – «то их понюхает, то их на хвост нанижет»... *Восток гибнет от безобразия своего невежества. Запад гибнет от опухолей «брюха», но не невежественному Востоку оперировать эту опухоль... Оперировать может умеющий оперировать. Не умеющий – зарезает, – и мы зарезаем себя и Запад.**

...Все окрасилось как-то тупо бессмысленно. Твои интересы к науке, к миру, искусству, к человеку – кому нужны в «СССР»?..

Чем интересовался мир, на протяжении тысячелетий... рухнуло на протяжении последних пяти лет у нас. Декретами отменили достижения тысячелетий, ибо мы переживаем «небывалый подъем».

Но радость ли блестит в глазах уличных прохожих? Переутомление, злость, страх и недоверие друг к другу точат эти серые, изможденные и отчасти уже деформированные, зверовидные какие-то лица. *Лица дрессированных зверей, а не людей.*

Ближе к друзьям, страдающим, горящим, обремененным. Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, с наслаждением щелкая нашими жизнями, с тем различием, что мы не клопы, *мы – действительная соль земли, без которой народ – не народ.* Нами гордились во всех веках, у всех народов, и нами будут гордиться в социалистическом будущем...

Мы – люди нового сознания, – как Ной, должны строить ковчег, он в усилиях распахнется в Космос. Даже гибель земли – не гибель вселенной, а мы – люди вселенной, ибо мы – вселенная...

Приведенные цитаты, по мнению ОГПУ, давали полное представление о том, каковы «политическое лицо организации и ее руководство».

В комментарии к публикации этого важного документа даются следующие пояснения:

В середине 1920-х – начале 1930-х гг. 4-е и 5-е отделения СПО ОГПУ, отвечавшие за работу с творческой и научной интеллигенцией, составляли подобные доклады, как правило, ежегодно. Эти доклады в обязательном порядке направлялись в ЦК ВКП(б), а также руководящим работникам центрального и местных аппаратов ОГПУ. Доклад за 1931 год был отпечатан в количестве 60 экземпляров и разослан всем членам Коллегии ОГПУ, всем полномочным представителям ОГПУ, всем начальникам 4-х отделений СПО местных аппаратов ОГПУ. В ЦК ВКП(б) были отправлены четыре экземпляра: «г. Постышеву для т. Сталина, т. Кагановичу, т. Постышеву, т. Молотову»⁴.

³ Здесь и далее курсивом выделены подчеркивания в цитируемых текстах.

⁴ Власть и художественная интеллигенция... С.752.

Итак, в декабре 1931 «писатель-мистик А.Белый» был официально объявлен идеологом и руководителем разоблаченной контрреволюционной организации антропософов, ее «антисоветским» лицом и ее устами. Без сомнения, Белый являлся членом русского антропософского общества, причем самым известным его членом. Но более чем сомнительно, что он осуществлял практическое руководство нелегальной работой. Впрочем, как оно было на самом деле – в данном случае не важно. Значимо то, что именно Белый в докладе начальника СПО ОГПУ фигурировал в качестве единственного лидера разоблаченной антисоветской группировки и что об этом было сообщено всем, кому следовало.

Примечателен следующий факт. Андрей Белый остался на свободе, а члены руководимой им и «вскрытой» органами ОГПУ «подпольной организации антропософов» были арестованы.

«Катакомбный» период русской антропософии

В том, что московских антропософов в 1931 арестовали, не было ничего удивительного. Многих ленинградцев арестовали еще раньше. Русское антропософическое общество, объединившее последователей немецкого философа и мистика Р.Штейнера, просуществовало на легальных основаниях десять лет. Общество было учреждено в 1913, перед Первой мировой войной. В 1923 обществу было отказано в перерегистрации, что означало запрет на все формы деятельности и закрытие⁵. Однако антропософы от этого не перестали быть антропософами. И своей деятельности не прекратили, а лишь изменили ее формы. Причем это изменение было согласовано с руководством антропософского общества и лично с самим Штейнером. Видимо, именно для такого согласования отправилась в 1923 в Германию К.Н.Васильева. Результатом ее поездки стало не только всем известное возвращение в Россию из эмиграции Андрея Белого, но и получение инструкций о дальнейшем развитии антропософии в России. Было решено отказаться от всяких публичных акций и сократить до минимума прозелитический компонент в работе. Оставалось ждать лучших времен, сохранять верность убеждениям и ограничиваться в антропософском общении узким кругом проверенных, давно известных лиц. То есть – законспирироваться, уйти в подполье. Это и было сделано.

Сведения о «катакомбном» периоде истории антропософского общества весьма скудны. Материалы следственного дела о контрреволюционной антропософской организации, конечно, не могут заменить ни хроники, ни

---

⁵ Ценные сведения по истории русского антропософского движения см. в работе Ренаты фон Майдель «“Спешу спокойно...”»: К истории оккультных увлечений Эллиса» (Новое литературное обозрение. 2001. №51(5). С.214-239), а также в примечаниях С.В.Казачкова и Т.Л.Стрижак в кн.: *Волошина М. (М.В.Сабашникова). Зеленая змея: История одной жизни / Пер. с нем. М.Н.Жемчужниковой.* М., 1993 (далее – Зеленая змея) и других статьях и публикациях последнего времени.

отчетности самого общества, но до некоторой степени способны восполнить пробелы в знаниях об истории русской антропософии.

В ходе долгих и обстоятельных допросов арестованных органами ОГПУ антропософов были выявлены и структура антропософской организации, и формы ее деятельности, и состав участников. Об этом подробно говорится в публикуемых ниже документах. Всего по делу проходило 27 человек. Конечно, членов общества было больше. Но, вероятно, список лиц, подлежащих задержанию, определили заранее. В показаниях обвиняемых не раз всплывали имена и фамилии соратников, оставшихся на свободе. Но никого из них потом не задержали. Целью акции явно не было выявление и истребление поголовно всех лиц, связанных с антропософией.

Трудно определить, что послужило конкретным поводом к массовым арестам. Белый считал, что «виновники процесса» – В.М. и Н.М. Моисеевы, брат и сестра, вступившие в общество в начале 1920-х: «...только они образовали кружок <...> <зачеркнуто: в агитацию>; и подвели под процесс 20 с лишним людей»⁶. Трудно сказать, насколько обоснованы были эти упреки Белого. Кружков антропософских в Москве, как оказалось, было немало. Но В.М.Моисеев действительно вел кружок для тех, кто еще только начинал интересоваться учением Штейнера, то есть для не вполне проверенных лиц, для новичков, а Н.М.Моисеева занималась с детьми эвритмией, причем в числе ее учеников были не только дети «надежных» антропософов, но и дети родителей, с антропософией никак не связанных. Кроме того, Моисеевых арестовали раньше остальных.

П.Н.Зайцев вспоминал⁷, что его квартира, где происходили антропософские сходки, давно была под наблюдением и что он сам потерял бдительность, пригласив как-то раз на занятия эвритмией непроверенных людей. Вероятно, в подобном легкомыслии могли упрекнуть себя многие из арестованных. Однако похоже, что, будь антропософы и во сто крат осторожнее, им вряд ли удалось бы укрыться от ока советских правоохранительных органов.

Аресты продолжались с конца апреля по конец мая 1931. В мае и июне шли допросы. Обвинительное заключение датировано 29 июня. Приговор – 8 сентября. Большую часть антропософов наказали ссылкой на три года. Многих освободили до истечения срока наказания.

В этом деле, вполне обычном для того времени, есть тем не менее несколько моментов, обращающих на себя внимание и заставляющих задуматься. Все они связаны, в конечном счете, с Андреем Белым: с его собственной судьбой, с судьбой его любимой женщины, с судьбой его рукописей. И все они позволяют сделать вывод о том, что дело о контрреволюционной организации антропософов было изначально и прежде всего направлено против «писателя-мистика Андрея Белого».

---

⁶ Последняя осень Андрея Белого. Дневник 1933 г. / Публ. М.Л.Спивак // Новое литературное обозрение. 2000. №46(6). С.191-192 (запись 20 сентября).

⁷ См.: Зайцев П.Н. Воспоминания об Андрее Белом / Публ. В.П.Абрамова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С.99-100.

Когда начались аресты, Белый находился у своего ближайшего друга, критика Иванова-Разумника в Детском Селе. Писатель перебрался туда на жительство 9 апреля 1931 вместе с Клавдией Николаевной Васильевой – своей гражданской женой. Белый именовал ее близким другом и секретарем: она хоть и жила давно с Белым, но официально была замужем за другим человеком, Петром Николаевичем Васильевым, против развода с которым выступала мать Клавдии Николаевны.

Первая волна арестов произошла 27 апреля. В тот день взяли четверых деятелей антропософского движения, которые были в наименьшей степени связаны с Белым. Зато дальнейшее течение событий затронуло писателя непосредственно. 8 мая арестовали еще четверых. Среди задержанных было несколько очень близких Белому людей: актер и режиссер В.Н.Татаринов, подруга К.Н.Васильевой – Е.В.Невейнова и, самое главное, – П.Н.Васильев, муж Клавдии Николаевны, который уже давно воспринимался Белым не столько как соперник, сколько как друг и член семьи. Однако забеспокоился тогда Белый не только и не столько о друзьях и «родственниках». В квартире Васильевых хранился сундук с его рукописями и деловыми бумагами. Этот сундук был изъят и увезен. Можно сказать, что Б.Н.Бугаев остался на свободе, тогда как Андрей Белый оказался полностью в руках ОГПУ.

Белый узнал о произошедших в Москве событиях от своего друга, литератора и антропософа П.Н.Зайцева, специально приехавшего для этого в Детское. Через Зайцева же Белый передал в Москву письмо-прошение к Горькому как к влиятельному «человеку, которому близки интересы писателей»:

На днях в Москве при обыске, произведенном на квартире моего старинного друга и постоянного секретаря Клавдии Николаевны Васильевой (с которой мы бывали у Вас в 1923 году зимой), вскрыли сундук, где были собраны мои рукописи-уникумы <...>, книги-уникумы, заметки и все наработанное за десять лет, – агенты ГПУ, хотя на нем была надпись, сделанная моей рукой, что он принадлежит мне; весь материал увезен в ГПУ <...>. Без этого материала, я, как писатель, выведен из строя, ибо в нем – компендиум 10 лет <...> труда.⁸

В этом письме, датированном 17 мая 1931, отражено не только страстное и вполне естественное желание писателя Белого вернуть свою интеллектуальную собственность. В нем изложено также первое по времени и, на наш взгляд, интуитивно правильное представление о сути случившегося: «Сижу в Детском, куда мы с Клавдией Николаевной уехали полтора месяца назад для отдыха от неустройств <...> подмосковной жизни; сижу и не пускаю Кл<авдию> Никол<аевну> в Москву, где вместо нее увезен в ГПУ ее муж

⁸ Из «секретных» фондов в СССР / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.12. М.; СПб., 1994. С.350.

доктор Петр Николаевич Васильев (брат покойной жены Менжинского)»⁹. Белый говорит здесь об ошибочном, по его представлению, аресте Васильева. Действительно, арестовывать за антропософскую деятельность следовало прежде всего Клавдию Николаевну, а не ее мужа. Васильев тоже был известным и авторитетным антропософом, но Клавдия Николаевна в антропософской иерархии занимала значительно более высокое положение. Не пуская ее в Москву, Белый, видимо, отчасти надеялся на то, что тучи пройдут стороной, что московские аресты (Белый не знал тогда, что они будут столь массовыми) их минуют. Изъятые рукописи волновали Белого тоже не только потому, что в них содержались «наброски к ряду работ». Арест бумаг, арест друзей, возможный арест Клавдии Николаевны и его самого – все это воспринималось как звенья одной цепи: «...между мной и К<лавдией> Н<иколаевной> – нет грани в идеологии; если приехали за ней, почему – не за мной? Если не за мной – при чем изъятие моей литературной работы?»¹⁰.

Ответов на эти вопросы Белый, естественно, не дождался. Пока он ломал над ними голову, в Бутырской тюрьме оказалось практически все его ближайшее окружение: забрали подруг К.Н.Васильевой и ее сестру – Е.Н.Кезельман; забрали старых друзей Белого – А.С.Петровского и Б.П.Григорова; забрали и ходатая по его московским делам – П.Н.Зайцева.

А через несколько дней настал черед и Клавдии Николаевны. Ее и актрису М.А.Скрябину арестовали 30 мая. Но Скрябина была в Москве, а Васильева – в Детском Селе. В Москву ее доставили несколькими днями позже – 2 июля. То есть в распоряжение следователей, ведущих дело, К.Н.Васильева поступила последней. На этом аресты прекратились. Началась пора допросов.

После ареста Клавдии Николаевны Белый по совету Иванова-Разумника остался в Детском Селе «до точного узнания адреса К<лавдии> Н<иколаевны>»¹¹. Но он продолжал хлопотать – теперь уже не только о своих рукописях, но и о своих близких. И прежде всего – о Клавдии Николаевне. Действенную помощь оказал Мейерхольд, через которого был найден «путь к Агранову»¹². 24 июня Белый вернулся в Москву, 26 июня написал заявление «В коллегия ОGPU»¹³ и уже на следующий день, 27 июня, получил часовую аудиенцию у видного чекиста Я.С.Агранова, являвшегося в то время начальником Секретно-политического отдела Центрального аппарата и членом Коллегии ОGPU (то есть органа, выносящего приговор). Этой встречей Белый был очень доволен и считал ее поворотным пунктом в судьбе Клавдии Николаевны, которую вскоре – 3 июля – выпустили на во-

⁹ Из «секретных» фондов в СССР. С.351.

¹⁰ Там же. С.350.

¹¹ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и коммент. А.В.Лаврова и Дж. Малмстада. СПб., 1998. С.680 (письмо Белого к З.Н.Райх от 8 июня 1931).

¹² См.: Из переписки Андрея Белого: Письма В.Э.Мейерхольду и З.Н.Райх / Публ., вступ. ст. и коммент. Дж. Малмстада // Новое литературное обозрение. 2001. №51(5). С.163 (письмо Белого к В.Э.Мейерхольду от 4 сентября 1931).

¹³ Из «секретных» фондов в СССР. С.352-354.

лю: «...без Агранова я не мог бы, вероятно, надеяться на скорое освобождение К<лавдии> Н<иколаевны>»¹⁴; «мой разговор (часовой) с А<грановым> способствовал частично освобождению К<лавдии> Н<иколаевны>»¹⁵.

Однако между изъятием рукописей Белого (8 мая), арестом большинства антропософов (27 мая), задержанием Клавдии Николаевны (30 мая) и «счастливой» встречей Белого с Аграновым (27 июня) прошло достаточно много времени. Следствие шло своим чередом: активно велись допросы арестованных, изучалось содержание рукописей Белого и составлялось обвинительное заключение по делу о контрреволюционной организации антропософов.

Нам представляется, что публикуемое ниже обвинительное заключение отражает тот изначальный «сценарий», который планомерно разыгрывался репрессивными органами до того момента, как его логичный ход был изменен после встречи Белого с Аграновым.

«Виновным себя не признал, но полностью уличается...»

В ходе допросов выяснилось «антисоветское лицо» контрреволюционной организации московских антропософов. Обвинение строилось по нескольким направлениям. Основными были следующие: факт существования запрещенной организации; связь с Западом (то есть выезды за границу и общение с немецкими последователями Штейнера); дурное влияние на молодежь и прежде всего детей (занятия эвритмией); чтение, распространение, переводы, перепечатка нелегальной антропософской литературы; собрания, на которых велись антисоветские разговоры. Кроме того, определилась персональная причастность каждого из арестованных к нелегальной деятельности. Обвиняемые были поделены на три категории – по степени вовлеченности в деятельность «контрреволюционной антропософской организации»: участники, активные участники и руководители. П.Н.Васильев в списке обвиняемых – на четвертом месте, и его фамилией начинался перечень «активных участников».

В соответствии с тяжестью вины список обвиняемых открывался «руководителями». Их оказалось трое. Все – из ближайшего окружения Белого. Под номером 3 в списке фигурировал Б.П.Григоров. Перед ним, под номером 2, числился А.С.Петровский. Оба – из антропософов «первого призыва», они лично знали Штейнера, работали на строительстве Гетеанума в Дорнахе, стояли у истоков русского антропософского движения. К.Н.Васильева фигурировала в деле как «одна из руководителей нелегальной к<онтр>/ р<еволюционной> организации антропософов» – под номером 1. Именно ее фамилией открывался список обвиняемых. Тем самым она оказывалась и главной среди руководителей, и самой виновной из обвиняемых.

Виновнее ее, судя по материалам следствия, был только Андрей Белый. Его имя как руководителя всей антропософской деятельности в СССР фи-

¹⁴ Из переписки Андрея Белого... С.163.

¹⁵ Письма Андрея Белого А.С.Петровскому / Публ. Р.Кийза // Новый журнал (Нью-Йорк). 1976. №122. С.162.

гурировало (наряду с именами Васильевой, Петровского и Григорова) практически во всех показаниях арестованных. Кроме того, он упоминался не просто как руководитель, но – как вдохновитель русских антропософов. В ходе допросов были также выявлены и разоблачены как антисоветские его выступления на тайных собраниях. Все это было суммировано и отражено в обвинительном заключении.

«Руководителями организации являются лица, стоявшие во главе бывшего антропософского общества в России, закрытого органами Сов. власти в 1923 г., идеологом же их является писатель АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (Бугаев Борис Николаевич)», – говорится уже на второй странице документа, в преамбуле к обвинению. «Идеологом антропософов в СССР является писатель Андрей Белый (Б.Н.Бугаев). Руководителями всей деятельности антропософов являлись основоположники бывшего Общества антропософов в России – Васильева К.Н., Петровский А.С., Григоров Б.П., – во главе с А.Белым», – так описывается «Схема организационного построения к/р организации» во втором разделе обвинения. Далее внимание также фокусируется прежде всего на фигуре Белого: «На основе документов и показаний обвиняемых установлено, что основоположник и идеолог русских антропософов – писатель Андрей Белый (Бугаев)...». В разделе, посвященном социальному составу и политической характеристике участников подпольной организации, детально описывается только неприглядная «политическая физиономия А.Белого», дается только его подробная биография.

Изъятым рукописям Белого также нашлось применение в следственном деле. Сам Белый полагал, что их использование может принести пользу арестованным, и настаивал на их приобщении к материалам следствия. Такую позицию Белый занял с самого начала и пишет об этом еще 17 мая 1931 в письме к Горькому: «Я надеюсь, грамотный разгляд моих бумаг выяснит полную нашу с К<лавдией> Н<иколаевной> непричастность к политике»¹⁶. До конца жизни он продолжал уверять себя и окружающих в том, что «грамотный разгляд» его бумаг должен сыграть в судьбе арестованных исключительно положительную роль. Трудно сказать, лукавил Белый или действительно верил в то, что на основании увезенных из квартиры Васильева рукописей агенты ОГПУ сделают положительные выводы и об антропософском движении в целом, и о его «очень сложной, идейно-литературной физиономии»¹⁷ в частности.

Больше всего Белый уповал на работу «Почему я стал символистом...»¹⁸ (1928). Описанный в ней конфликт с немецкими антропософами мог, по мнению Белого, нейтрализовать выдвинутые против русских антропософов обвинения в преступной зависимости от Запада:

---

¹⁶ Из «секретных» фондов в СССР... С.350.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Андрей Белый. Почему я стал символистом и почему не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития // Андрей Белый. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. ст. и примеч. Л.А.Сугай. М., 1994. С.418-496.*

«Считаю нужным ознакомить следствие, ведущее дела моих арестованных друзей <...>, с отобранной у меня личной рукописью <...>. Полагая, что аресты некоторых из моих друзей, увоз моих бумаг стоит в связи с делом об “Антр<опософском> Обществе”, – решительно ставлю на вид: <...> “Почему я стал символистом” – итог опыта жизни в западном обществе и разочарования в нем <...>. Прошу <...>, ознакомившись с рукописью “Почему я стал Символистом” (антропософии посвящена 2-ая часть), решить, совместим ли тон рукописи, разделяемой К.Н.Васильевой и некоторыми моими друзьями, с “опасной” политикой и вытекающими из нее следствиями, – единственным поводом, по-моему, к аресту моих друзей»¹⁹.

Изо всех конфискованных материалов Белый акцентировал внимание следствия именно на этой работе. «В числе рукописей <...> есть одна, которая должна заинтересовать цензора и которая озаглавлена “Почему я стал символистом” <...> если бы прочли в числе 10-ов рукописей одну эту – “цензуре” бы стало ясно, что бессмысленно видеть “нос” там, где нарисованы “уши”; ведь все неприятности – сущее недоразумение! Я боюсь, что месяцы будут изучать неинтересные литературные материалы моего сундука, а то, что надо прочесть в первую голову, – отложат на последний срок: ведь месяцы – не шутка! Мне хотелось бы лично видаться с цензорами; и им объяснить, где в моем множестве бумаг, дневников и лит<ературных> материалов ответы на их занимающие вопросы; или: мне хотелось бы кому-нибудь из видных партийцев лично передать это и многое другое; или: чтобы кто-нибудь из друзей это передал...»²⁰, – делился Белый своими фантазиями с Мейерхольдом.

О своем желании видеть рукопись «Почему я стал символистом...» приобщенной к делу Белый заявлял неоднократно – и письменно, и устно. Своеобразным отчетом о проделанной в этом направлении работе может служить письмо Белого к А.С.Петровскому (март 1932): «И в разговоре с А<грановым>, и в бумаге, поданной в Коллегию, и в разговоре с Пешковой, и в бумаге, поданной К<атаняну>, я, сколько мог, говорил и писал о Тебе, давая характеристику моих друзей; я просил приобщить к делу “Почему я стал символистом”; рукопись была в Коллегии, а потом ее читал К<атанян>; сделал я это ввиду того, что там полная картина “самобытности” бывшей московской группы»²¹. Агранов обещал Белому выполнить его просьбу, и Белый радовался. «Было отрадно узнать, что рукопись моя “Почему я стал символистом” по моему ходатайству изъята из сундука и прикреплена к делу (сейчас она в прокуратуре, где выносятся приговор); есть надежда, что приговор будет мягче, чем мог бы быть», – писал Белый Зайцеву в сентябре 1931²².

¹⁹ Из «секретных» фондов в СССР... С.354-355 (заявление Белого в Коллегию ОГПУ от 26 июня 1931). Здесь и далее выделено Белым.

²⁰ Из переписки Андрея Белого... С.161 (письмо Мейерхольду от 18 июня 1931).

²¹ Письма Андрея Белого А.С.Петровскому. С.162.

²² А.Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып.15. М.; СПб. 1994. С.306.

И Агранов не обманул. Фрагменты работы «Почему я стал символистом...» были действительно приобщены к делу, но, по-видимому, сыграли они роль прямо противоположную той, на которую Белый рассчитывал. Антисоветские взгляды писателя иллюстрировались цитатами из этой работы.

В число заинтересовавших следствие бумаг попала статья Белого о принципах собственного творчества, написанная для сборника «Как мы пишем» (Л., 1930). Трудно сказать, чем эта опубликованная, то есть прошедшая цензуру, работа привлекла внимание «грамотных людей». Для характеристики писателя Андрея Белого она годилась, но об антропософии в ней не говорилось ни слова. В следственное дело статью подшили, но в обвинительном заключении не процитировали и не упомянули ни разу.

Значительно более важным «уловом» следствия оказалось неотправленное письмо Белого к Иванову-Разумнику от 24 ноября 1926. В нем, в частности, выражались озабоченность конфликтной атмосферой, воцарившейся в антропософской среде, и готовность «вступить за поруганное дело доктора», то есть – Р.Штейнера. Рассказывалось в письме также и о погруженности К.Н.Васильевой в антропософскую деятельность: «Полнедели она в Кучине и полнедели в Москве, где сплошь все время тратится на уроки ритмики и занятия кружков»²³.

Однако ударную роль в обвинительном заключении сыграли выдержки из личного дневника Белого – самого интересного и уникального из утраченных текстов писателя²⁴. Выдержки оказались действительно столь выразительными, что не только были обильно процитированы в обвинительном заключении, но и попали в годовой доклад СПО ОГПУ. На их основе были сделаны следующие выводы: «В философии, политике, литературе Белый представляет ярко выраженную к/р фигуру. Успехи социального строительства, борьба за классовую выдержанность в литературе и искусстве, все основные мероприятия партии и Сов. власти вызывают в нем открыто к/р реакцию».

В общем, Белый напрасно опасался, что сотрудники ОГПУ не смогут самостоятельно найти в содержимом сундука ответы на интересующие их вопросы. Напрасно боялся он также и того, «что месяцы будут изучать неинтересные литературные материалы <...>, а то, что *надо прочесть в первую голову*, – отложат на последний срок». Месяцев не потребовалось. Сундуком Белого заинтересовались в ночь обыска на квартире Васильевых – с 8 на 9 мая. На исследование его содержимого ушло всего несколько дней. Необходимые следствию документы и прежде всего дневниковые записи и письмо

---

²³ Из архивов ОГПУ. Письмо Андрея Белого Иванову-Разумнику и завещание Андрея Белого / Публ. А.В.Лаврова и С.В.Шумихина // Новое литературное обозрение. 1995. №14. С.158. Об этих и других обнаруженных в архивах ФСБ материалах Андрея Белого см. также: *Шенталинский В. Дробь человека* // Шенталинский В. Донос на Сократа. М., 2001. С.222-234.

²⁴ Полный текст дневника Белого 1920-х годов найти пока не удалось. К следственному делу «подшито» только 25 машинописных страниц документа. Они готовятся сейчас нами к публикации. В обвинительном заключении использована примерно треть этого материала.

были обнаружены, перепечатаны и приобщены к делу уже 15 мая. То есть задолго до того, как Белый начал донимать следствие своими рекомендациями, и гораздо раньше, чем произошла его встреча с Аграновым. Остается поражаться оперативности и хватчивости сотрудников ОГПУ.

Кроме текстов Белого к обвинительному заключению прикреплены только фрагменты книги Р.Штейнера «Основные черты социального вопроса» (1919)²⁵. Да и их, как кажется, выбрали исключительно за то, что в заглавии книги есть слово «социальный». Перепечатанные фрагменты, уместившиеся на 15 страницах, отражают большую и не очень успешно проделанную сотрудниками ОГПУ работу по осмыслению и тематической сортировке весьма сложных для понимания штейнеровских цитат. Выделили опорные, базовые понятия, на которых могло бы строиться обвинение: «Отрицание марксизма», «Проповедование незыблемости капиталистической системы производства», «Абсолютное отрицание классовой борьбы», «Признание в попытке спасти капиталистическое общество» и т. п. Однако книга была посвящена другим вопросам, и выразительных высказываний Штейнера на эти темы не набралось. Поэтому в обвинительном заключении только указывается, что эта книга играла важную роль в формировании антропософского мировоззрения и составляла политическую платформу организации. Цитаты же из нее не приводятся. Сотрудникам ОГПУ пришлось ограничиться только цитатами из Белого, явно превзошедшего Штейнера по силе контрреволюционного потенциала.

Все это весьма странно и нелогично. Книгу Штейнера читали безусловно все антропософы. Работа Белого «Почему я стал символистом...» хотя и перепечатывалась в антропософских кругах, но была известна лишь некоторым из арестованных (Зайцеву, Невейновой, Васильевым и др.). Очевидно, что никто, кроме Белого, не мог знать содержания ни писем к Иванову-Разумнику, ни дневника. Тем не менее именно тексты Белого послужили основой для общих выводов об антисоветском характере антропософской организации и для иллюстрации общих антропософских взглядов на мир и советскую действительность – то есть для подкрепления обвинения.

В результате виновнее всех в деле о контрреволюционной организации антропософов оказался Андрей Белый. В судебной практике нередко встречается следующая формула: «виновным себя не признал, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями». Эту формулу можно легко применить к Белому: в ходе следствия он был полностью уличен как показаниями антропософов, так и рукописями, изъятыми сотрудниками ОГПУ. Документированного ответа на вопрос, почему самый виновный остался на свободе, у нас нет. Но материалы следственного дела подталкивают к выводу о том, что пребывание Белого на свободе планировалось как временное и недолгое. В финальных строках обвинительного заключения сообщается: «Материал предварительного следствия в отношении гр-на Бугаева Бориса

---

²⁵ См. современное издание: *Штейнер Р. Основные черты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего* / Пер. с нем. М.Н.Жемчужниковой. Ереван, 1992.

С.М.Алянский. 1920-е.
(Музей-квартира А.А.Блока)

4/21
Перед ветром с действительностью. Был в долине.
Курортный сдвиг — по 10 р. с человека. Молодой красавец
архивист 25 лет. "Дарю!" — да! но сестра
старше в 25 р. А это там приходится для Вад
Курорт в Берне морского воздуха. "Он ушел от нас.
"Присяди и ужидайся. Только, конечно, не спи.
"Куда в Швейцарии? Опять будет сдвиг? Там, ведь, ты себе
настроил область! "... Все же, это лишь может.
Прощай, опять поехали. К Геттополью поехали.
Но там не было так много не хотелось. Там был. Там
там все грубо. Включили, дали да, и по
рядом четким. Опять камни, ручьи, ветер, сол
нце и тени. Но все равно — прекрасный. Препор
сказки. Верно Брус с моря. — После обеда оба са
мужья. И вечером не пошла далеко. Долго сидели на
лавочке у костра, как бы то зрелище — старухи.
Кто-то вдалеке разговаривал, а потом усталые снего
перелета. Прям восточнее отсюда, в Швейцарии.

Стало очень светло. Або огни стались. К ночи вы
ступили ярким звездами. — "Это то, что мне не
полюбили Швейцарии — восточнее смысле." — по
ветру Б.М. "Там на каждом шагу там же
грозит. Только — еще раз образно..." — "А мне по
тому то восточнее." "Катаки" "Ата Талого
Тогда на стрессе — так же можно выводить
не тронуть природу. Там же хотелось как
все вать." — Каждый день беру с собой Бумагу
и карандаш для зарисовки. Но там и много не
хотел. На все время, пока свет воспринимать
Там же противно мрачные воспринимать
места. И для этого нужно верить. Первое же —

Страница из дневника К.Н.Бугаевой. 1929 г.

В.С.Срезневская. 1930-е.
(Музей А.Ахматовой
в Фонтанном доме)

М.Б.Кеммер
(около 1925 г.).
Архив В.А.Мануйлова
(РО ИРЛИ)

Н.К.Шведе-Радлова. 1930-е.
(Музей А.Ахматовой в Фонтанном доме)

А.Н.Энгельгардт. Из архива Л.В.Горнунга.
(Музей А.Ахматовой в Фонтанном доме)

Г.А.Гуковский, Н.В.Рыкова. 1928 г.
(Музей А.Ахматовой в Фонтанном доме)

И.И., О.И., Л.Я.Рыбаковы. 1926 г. Царское Село.
(Музей А.Ахматовой в Фонтанном доме)

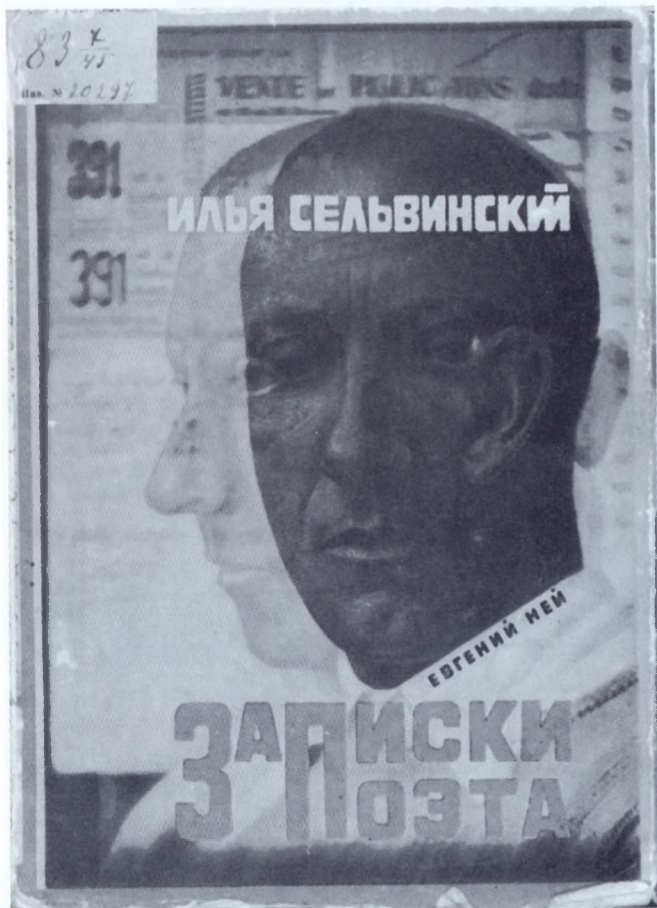

В.П. и В.А. Белкины.
(Музей А.Ахматовой в Фонтанном доме)

М.М.Казмичев. 1950-е.
(Архив В.А.Мануйлова. РО ИРЛИ)

И.Сельвинский. «Записки поэта»
(М.; Л., 1928). Обложка.

Н.А.Шишкина.

Фотография атрибутирована: «Nappelbaum. 1925».
Дарственная надпись: «Лучшему мальчику на свете
Павлику Лукницкому от “Уистити”. 28 октября 1925».
(Коллекция П.Н.Лукницкого. РО ИРЛИ)

Групповой снимок ленинградских лигерагов. Стоят (слева направо): В. Азов, К. Чуковский, И. Рабинович, Дм. Четвериков, В. Смиренский, К. Федин, М. Козаков, неизв. лицо, М. Шкапская, Н. Барщев, Вс. Рождественский, И. Груздев, М. Слонимский, Кривенко (?). Сидят (слева направо): неизв. лицо, Ф. Сологуб, К. М. Жихарева, В. Я. Шишков, А. В. Ганзен, неизв. лицо. Сидят на полу: М. Борисоглебский, Б. Лавренев. (Музей А. Ахматовой в Фонтанном доме)

Николаевича (А.Белый) выделить из настоящего дела и передать СПО ОГПУ». Очевидно, персональное дело известного писателя-мистика и идеолога русских антропософов должно было быть в скором времени открыто и что материалы для этого процесса, более громкого, чем процесс 27 антропософов, были уже собраны и переданы кому надо. Вероятно, это дело должна была вести более высокая инстанция, чем Секретно-политический отдел ОГПУ Московской области.

«...нас навсегда соединило с Клодей ГПУ»

Напомним, что обвинительное заключение, в котором акцентировалась вина супругов Васильевых и еще в большей степени – контрреволюционная роль Белого, датировано 29 июня 1931. За два дня до этого состоялся устроенный Мейерхольдом разговор Белого с Аграновым. Приговор Особого совещания при Коллегии ОГПУ, в котором каждому в соответствии с персональной виной и порядковым номером в списке обвиняемых определялась мера наказания, был вынесен только 8 сентября. В этот промежуток времени события стали разворачиваться не по логике процесса, а вопреки ей, словно по мановению волшебной палочки (которой, по-видимому, Агранов и дирижировал). Логика, связующая меру преступления с мерой наказания, оказалась вопиющим образом нарушена в отношении четы Васильевых. Так, 8 сентября всех «активных участников» антропософского движения постановили сослать – за исключением П.Н.Васильева. Руководителей приговорили к более суровой мере наказания – трем годам концлагерей. Это касалось Григорова и Петровского, но не относилось к К.Н.Васильевой.

И Клавдия Николаевна, обвиняемая №1, и Петр Николаевич, обвиняемый №4, были приговорены Особым совещанием всего-навсего к лишению «права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок первой с 30/5–31 г., и второму с 8/5–31 г.». Более того, «постановили приговор считать условным, из-под стражи освободить». Наиболее же примечательно в этой истории даже не то, что Васильевым вынесли нелогично мягкий приговор. Поразительно, что их освободили задолго до того, как была определена мера наказания всем остальным членам антропософского общества – до завершения следствия.

Освобождали Васильевых очень оперативно. 3 июля 1931 уполномоченный 4-го отделения СПО ПП ОГПУ Андреевко, «рассмотрев следственное дело <...> о нелегальной контрреволюционной организации антропософов, нашел, что гр<ажданка> Васильева К.Н. <...> и гр<ажданин> Васильев П.Н. <...>, находясь на свободе, не могут повлиять на ход следствия». «На основании вышеизложенного» он «постановил гр. гр. Васильеву К.Н. и Васильева П.Н. из-под стражи освободить, отобрав у них подписку о невыезде из гор. Москвы», а «дело следствием продолжить». Постановление было одобрено и подписано начальником 4-го отдела СПО и начальником всего Секретно-политического отдела ОГПУ Московской области. В тот же день начальник внутренней тюрьмы, в которой содержались супруги Васильевы

(причем отдельно от прочих антропософов), получил две почти идентичных бумаги: в одной предписывалось «немедленно освободить из-под стражи Васильеву Клавдию Николаевну», в другой – «немедленно освободить из-под стражи Васильева Петра Николаевича». Тогда же К.Н.Васильева поставила свою подпись на бумаге следующего содержания: «1931 года. Июля. 3<-го> дня. Я, нижеподписавшаяся – Васильева Клавдия Николаевна, даю настоящую подписку 4<-му> Отд. СПО ПП ОГПУ МО в том, что обязуюсь не выезжать из гор. Москвы и его окрестностей до окончания следствия и суда). Такую же подписку уполномоченный 4-го отделения СПО «отобрал» и у П.Н.Васильева. В тот же день супругам отдали всякие мелочи, изъятые при задержании (Клавдии Николаевне вернули «удостоверение личности, ключ, английские булавки – 7 штук, кольцо желтого металла – 6 гр., браслет желтого металла – 12 гр.)). В тот же день сняли печать с опечатанной квартиры П.Н.Васильева. И в тот же день, 3 июля 1931, обоих выпустили на волю. До вынесения приговора по делу о контрреволюционной организации антропософов оставалось еще более двух месяцев. Но четы Васильевых это, по сути, почти не касалось: они получили возможность жить своей отдельной, не связанной с дальнейшим ходом следствия жизнью. Клавдия Николаевна быстро развелась с мужем и 18 июля вступила в новый брачный союз, сменив фамилию Васильева на фамилию Бугаева. Вскоре супругам Бугаевым удалось освободиться от подписки о невыезде, обрекавшей на неудобную для них жизнь в Москве, и уехать в Детское Село. Отъезд состоялся 6 сентября – за два дня до вынесения приговора по делу, в котором главной обвиняемой была Клавдия Николаевна...

Уже в самом конце жизни, вспоминая пережитое, Белый по-прежнему испытывал благодарность к Агранову и к возглавляемой им организации – за чудесное освобождение четы Васильевых и за собственное семейное счастье. «Странно, но арест <...> Клоди в <19>31 году и моя вынужденность говорить с Аграновым *на чистоту*, – шаги, определившие развод для К.Н. и “Закс” <так!> со мною; собственно, – нас навсегда соединило с Клодей ГПУ»²⁶, – писал он в дневнике 1933 года.

Дела против Андрея Белого, как известно, не начали. Почему? Пока остается лишь гадать – до обнаружения новых материалов. Не исключено, что процесс против Белого был не отменен, а отложен. И К.Н.Васильеву выпустили только для того, чтобы вновь арестовать, но уже в паре с Белым... Трудно сказать, что же спасло Белого: личное ли благодеяние Агранова, очередное кратковременное изменение курса партии и правительства (либерализацией была отмечена середина 1931) или же скорая (в январе 1934) смерть. А может, все было еще проще: решили, что в данный момент арестовывать Белого нецелесообразно – он и так был достаточно напуган и подконтролен.

* * *

Следственное дело о контрреволюционной организации антропософов было передано из ФСБ в ГАРФ (Ф.10035. Оп.2. Д.27006). Ниже публикуют-

---

²⁶ Последняя осень Андрея Белого. Дневник 1933 г. С.190.

ся Обвинительное заключение и список лиц, проходивших по этому процессу. В документах содержится огромное количество ошибок и опечаток (преимущественно – в именах собственных). Большая их часть нами исправлена. Оставлены и специально оговорены лишь те, которое представляют, на наш взгляд, некоторый культурологический интерес. Сняты фамилии свидетелей, проходящих по делу, и ссылки на те номера страниц и томов дела, откуда были взяты фрагменты показаний обвиняемых. Для удобства чтения список лиц, проходивших по делу, помещен в начало публикации. Краткие сведения о них – в конце публикации.

Выражаю огромную признательность Галине Петровне Зайцевой и Татьяне Владимировне Нориной: без их содействия доступ к публикуемым документам был бы невозможен. Благодарю С.В.Казачкова, В.В.Нехотина, Д.Ч.Нодия за помощь в работе и консультации.

Список сокращений, употребляемых в документе:

А/с, а/сов. – антисоветский; б., быв. – бывший; б/п – беспартийный; гр. – гражданин; г. р. – год рождения; д-р – доктор; др. – другие; инж. – инженер; ин-т – институт; к/р – контрреволюционный; л. – лет; о-во – общество; с/хозяйство – сельское хозяйство; Сов. Власть – Советская власть; служ. – служащий; с/р – социалист-революционер; чел. – человек.

СПИСОК ЛИЦ, ПРОХОДЯЩИХ ПО СЛЕДСТВЕННОМУ ДЕЛУ №10040

Васильева Клавдия Николаевна	арестована	30/V- 31 г.	Содержится в изоляторе дома №14
Петровский Алексей Сергеевич	арестован	20/V- 31 г.	В Бутыр<ском> изоляторе
Григоров Борис Павлович	арестован	27/V- 31 г.	— " — " — "
Васильев Петр Николаевич	арестован	8/V- 31 г.	В изоляторе дома №14
Моисеев Владимир Михайлович	арестован	27/IV- 31 г.	— " — " — "
Моисеева Наталия Михайловна	арестована	27/IV- 31 г.	В Бутыр<ском> изоляторе
Татаринов Владимир Николаевич	арестован	8/V- 31 г.	— " — " — "
Татарина Надежда Николаевна	арестована	28/V- 31 г.	— " — " — "
Скрябина-Татарина Мария Александровна	арестована	30/V- 31 г.	— " — " — "

Зайцев Петр Никанорович	арестован	27/V- 31 г.	— " — " — "
Михин Георгий Александрович	арестован	27/V- 31 г.	— " — " — "
Шанько Татьяна Борисовна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Шанько Екатерина Александровна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Красновский Констан- тин Николаевич	арестован	13/V- 31 г.	— " — " — "
Красновский Михаил Константинович	арестован	8/V- 31 г.	— " — " — "
Каликина Лидия Васильевна	арестована	28/V- 31 г.	— " — " — "
Другач Роза Владими- ровна (Вульфовна)	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Рудакова Евгения Николаевна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Выборнова Татьяна Андриановна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Твердова Маргарита Александровна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Иконникова Магдалина Александровна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Невейнова Елена Васильевна	арестована	8/V- 31 г.	— " — " — "
Кезельман Елена Николаевна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Клименкова Надежда Степановна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Голенищева Анна Ивановна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Краснушкина Евгения Николаевна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "
Анненкова Ольга Николаевна	арестована	27/V- 31 г.	— " — " — "

Оперуполномоченный 4<-го> Отд<еления> СПО ПП
<подпись – С.Белышев¹>

29 июня 1931 г.
ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 10040
о нелегальной контрреволюционной
организации антропософов, по обвинению:
1) Васильевой К.Н., 2) Петровского А.С.,
3) Григорова Б.П., 4) Моисеева В.М.,
5) Татарина В.Н., 6) Зайцева П.Н.
и др. по ст. 58/10 и 11 УК².

СПО ПП ОГПУ МО в мае месяце 1931 г. ликвидирована нелегальная к/р организация антропософов, *ставящая конечной целью своей деятельности изменение существующего строя и реставрацию капитализма в СССР.*

Организация имела разветвленную сеть кружков, объединяемых единым центром, производила вербовку новых членов (главным образом из среды чуждых и а/с настроенных кругов интеллигенции). В члены организации также входила преимущественно а/с интеллигенция, не могущая воспринять революцию и по своим убеждениям являющаяся ярко выраженными противниками существующего строя.

В основу своей к/р деятельности организация положила учение Германского антропософа – Р.ШТЕЙНЕРА³, которое по существу являлось политической платформой организации.

Сущность этого учения сводится в основном к идейному обоснованию незыблемости и необходимости капиталистического общества, отвлечению пролетариата от политической борьбы против капитализма и его остатков в СССР, к развитию хозяйственных и идеологических тенденций, направленных против установления диктатуры пролетариата на Западе и подрыву ее в СССР, к подрыву на идеологических и хозяйственно-практических участках классовой пролетарской организации, к подготовке почвы для того, чтобы силой провести путь, «могущий вывести человечество из запутанности современного социального положения», т. е. к подготовке почвы *для свержения существующего строя и реставрации капитализма.*

Для достижения этой цели организацией проводилось воспитание соответствующих а/сов. кадров в *кружках*, где наряду с пропагандой антимарксистских установок в философии обсуждались и подвергались резкой критике все основные хозяйственно-политические мероприятия Соввласти. Само существование Советского государства

рассматривалось как явление незакономерное, и Соввласть, как выражение диктатуры пролетариата, отрицалась.

Для нужд организации членами ее переводилась, размножалась и распространялась получаемая из-за границы нелегальная литература.

Организация, в лице руководящей головки, имела нелегальную связь с антропософическим Обществом в Германии⁴.

Московские антропософы представлялись на съездах антропософов за границей, где давали информацию о своей работе. От немецкого же об-ва организация получала установки на развертывание и активизацию нелегальной работы в СССР.

Помимо деятельности в Москве, организация имела связь с антропософами в Ленинграде и др. городах СССР.

Свою нелегальную деятельность к/р организация проводит с 1923 года. Руководителями организации являются лица, стоявшие во главе бывшего антропософического общества в России, закрытого органами Соввласти в 1923 г., идеологом же их является писатель АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (БУГАЕВ Борис Николаевич).

1. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

С 1913 г. в г. Москве существовало легально Русское Антропософическое О-во, которое после революции также добилось своей легализации и было зарегистрировано в Главнауке как научное о-во.

Первое время общество имело в своем составе весьма ограниченный круг лиц, интересующихся антропософическим учением. Впоследствии же, когда на устраиваемых открытых собраниях общества стали затрагиваться политические вопросы с критикой действий Сов. Власти и вокруг этого общества стали группироваться люди инакомыслящие и недовольные Сов. Властью, это Общество за свою вредную деятельность и как ничего общего с наукой не имеющее было закрыто⁵.

Если в начале революции при легальном существовании общества антропософы, хотя и не были согласны с Советской системой, все же мирились с ней, т. к. имели возможность вести идейную борьбу, то после закрытия Общества, лишившись этой возможности, вынуждены были перейти на нелегальное существование, т. к. отказаться от борьбы с Сов. Властью, будучи убежденными ее противниками, — не могли.

«В начале революции, когда о-во антропософов имело легальное существование, мы, антропософы, хотя и не были согласны с Советской системой, все же мирились с ней, т. к. имели возмож-

ность вести идейную борьбу с советскими идеями. После же закрытия общества, мы, естественно, этой возможности лишились и примириться с таким положением не могли и продолжали самосовершенствоваться в нелегальных кружках. Видя, что вся советская система воспитания направлена к тому, чтобы воспитывать массы в определенном, нужном для Соввласти духе, и считая такое воспитание неверным, однобоким, мы своей работой в кружках вели борьбу с этой системой».

(показ<ания> обв<иняемой> Невейновой, от 17/V).

После ликвидации О-ва, руководители такового на специальном совещании обсуждали вопрос о дальнейшей работе в нелегальных условиях, где было решено перестроить работу по принципу небольших групп с соблюдением необходимой конспирации в работе, для чего в эти группы решено было допускать только лишь лиц, хорошо проверенных и знакомых старым антропософам. Там же был решен вопрос о необходимости делегировать на предстоящий Съезд антропософов в Германии одну из руководительниц общества – ВАСИЛЬЕВУ К.Н. со специальным поручением получить установку о нем, как строить и вести работу в СССР в нелегальных условиях.

Руководителем германских антропософов Р.ШТЕЙНЕРОМ была дана установка на необходимость продолжения работы в СССР и в нелегальных условиях. Исходя из этой установки общество и перестроило свою работу сначала в небольшие группы, которые впоследствии вылились в кружки – имеющие между собой связь и работающие регулярно, объединяемые и руководимые единым центром.

«Когда было ликвидировано наше общество, среди старых членов общества обсуждался вопрос о том, как же быть дальше: мною, ТРАПЕЗНИКОВЫМ и ВАСИЛЬЕВОЙ выдвигался вопрос о необходимости продолжения работы, но в силу того, что мы не имели возможности делать это открыто и в массовом виде, нами было предложено проводить работу в нелегальных кружках, каковые должны были строиться по принципу знакомства».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 24/V).

«Еще при жизни ШТЕЙНЕРА было получено от него указание о необходимости перехода общества на нелегальные формы работы и впоследствии или через него, или через Совет, или через ШТЕЙНЕР Марию Яковлевну⁶ русскому антропософическому обществу давались указания о работе».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 17/V).

«Быв<ший> пред<седатель> общества – ТРАПЕЗНИКОВ⁷, во время своего пребывания за границей, предполагая о предстоящем закрытии общества, обращался к Р.ШТЕЙНЕРУ за разъяснением, каким образом вести работу русским антропософам после закрытия общества, на что получил ответ, что т. к. нелегально общество не может быть, то работа может вестись путем общения от человека к человеку.

На последнем собрании членов общества задавались вопросы о том, как быть дальше и значит ли это, что занятия антропософией прекращаются? На что было разъяснено, что если общество ликвидируется, то это не значит, что антропософии не должно быть.

Исходя из этого разъяснения и получились сначала группировки антропософов, которые встречались по принципу личных знакомств, впоследствии же эти группировки вылились в кружки, собиравшиеся более или менее регулярно».

(пок<азания> обв<иняемой> Каликиной, от 7/VI).

«К моменту моей первой поездки в 1923 г. за границу было известно, что в Германии должен состояться общеделегатский съезд антропософов, поэтому мне были даны указания посетить этот съезд, а также переговорить с д-ром ШТЕЙНЕРОМ о нашей будущей работе. В разговоре с д-ром ШТЕЙНЕРОМ я изложила ему положение нашего общества, на что получила указания, что работа может быть продолжена при всяких условиях. Когда я вернулась в Россию, общество было уже закрыто и среди членов общества шли толки о будущей работе. Среди части антропософов намечалось желание сохранить общественные формы работы, несмотря на то, что общество официально было закрыто. Против такой точки зрения выступила я и ПЕТРОВСКИЙ. Мы предлагали проводить работу в отдельных маленьких группах.

Поэтому, сохраняя в основном директиву ШТЕЙНЕРА, мы перестроили работу общества применительно к нашим условиям – в работу в маленьких кружках, каковые составлялись или по родственным отношениям, или по близким дружеским взаимоотношениям».

(пок<азания> обв<иняемой> Васильевой, от 7/VI).

2. СХЕМА ОРГАНИЗАЦИОННОГО ПОСТРОЕНИЯ К/Р ОРГАНИЗАЦИИ

Идеологом антропософов в СССР является писатель Андрей БЕЛЫЙ (Б.Н.Бугаев).

Руководителями всей деятельности антропософов являлись основоположники бывшего Общества антропософов в России – ВАСИЛЬЕВА К.Н., ПЕТРОВСКИЙ А.С. и ГРИГОРОВ Б.П., во главе с А.БЕЛЫМ. Эта группа лиц представляла собою организационно-политический центр организации, руководила всей деятельностью имеющихся кружков в Москве, поддерживала связь с границей и другими городами СССР.

В Москве имелось два руководящих кружка, первый во главе с ВАСИЛЬЕВОЙ, второй – во главе с ТАТАРИНОВЫМ, под руководством каждого из них *имелась группа других кружков*, как-то: антропософических, христианских, музыкальных и т. п. *Вся система этих кружков в общем была направлена на воспитание идеологически чуждых Советскому строю людей. Строились эти кружки по принципу личных связей и знакомств и комплектовались исключительно из числа а/с интеллигенции и молодежи.*

По вопросу об организованном построении к/р организации антропософов руководители таковой дали следующие показания:

«Общее руководство работой русских антропософов принадлежало ШТЕЙНЕРУ при его жизни и Совету – после его смерти. Это руководство осуществлялось через наш центр в лице ПЕТРОВСКОГО, А.БЕЛОГО, ГРИГОРОВА и ВАСИЛЬЕВОЙ К.Н.

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 17/VI).

«Во время пребывания за границей ТРАПЕЗНИКОВА Т.Г. последний являлся представителем русских антропософов там. После его смерти мы считали представителем наших интересов в Германском обществе – К.Н.ВАСИЛЬЕВУ».

(пок<азания> обв<иняемой> Кезельман, от 9/VI).

«В Москве работа антропософов проходила под руководством двух групп.

Под руководством первой группы, возглавляемой ВАСИЛЬЕВОЙ К.Н., ПЕТРОВСКИМ, А.БЕЛЫМ и др., работали кружки христианский, кружок НЕВЕЙНОВОЙ, кружок ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ⁸, кружок ЗАЙЦЕВА, кружок детской эвритмии, руководимый НЕВЕЙНОВОЙ.

Под руководством второй группы во главе ТАТАРИНОВА, меня и др. работали кружки: кружок эвритмии, руководимый моей сестрой, кружок театрального искусства, под руководством Татаринова, кружок детской эвритмии и кружок детский, музыкальный, руководимый моей сестрой.

Кроме Москвы работа антропософов велась и в др. городах. Например, в Ленинграде имелось общество, которое работало под руководством Московского центра. Руководящим центром работы всех антропософов не только в Москве, но и в Союзе – являлась группа антропософов в лице А.БЕЛОГО, ПЕТРОВСКОГО, ГРИГОРОВА и ВАСИЛЬЕВОЙ К.Н.»

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 17/VI).

«Когда было ликвидировано наше общество, мы получили указания от д-ра ШТЕЙНЕРА через ТРАПЕЗНИКОВА и, положив их в основу, перестроили работу общества на сеть мелких кружков, которые перешли на нелегальную работу.

Антропософические кружки в Москве делились на две группы. В первую группу входили кружок НЕВЕЙНОВОЙ, христианский кружок, эвритмический кружок – руководимый ВАСИЛЬЕВОЙ, и другие. Руководство работой всех этих кружков принадлежало и кружку старых антропософов в составе: ВАСИЛЬЕВОЙ, ВАСИЛЬЕВА, А.БЕЛОГО, КАЛИКИНОЙ, АННЕНКОВОЙ, ТРАПЕЗНИКОВОЙ⁹, КУЛТАШОВОЙ¹⁰ и меня.

В другую группу входили: кружок молодежи – руководимый МОИСЕЕВЫМ, детский кружок – руководимый МОИСЕЕВОЙ и др. Руководство этих кружков принадлежало кружку, возглавляемому ТАТАРИНОВЫМ, в который кроме него входили: ТАТАРИНОВА Н.И., МОИСЕЕВА, МОИСЕЕВ и СКРЯБИНА.

Общее руководство работой как этих кружков, так и всех антропософов по Союзу принадлежало группе старейших и наиболее авторитетных антропософов, каковыми являлись: А.БЕЛЫЙ, ГРИГОРОВ, ВАСИЛЬЕВА К.Н. и я.

В Москве имелись антропософы одиночки, как-то: МИХИН, ШАНЬКО <Т.Б.>, ШАНЬКО Е.А. и ФЕЛЬДШТЕЙН¹¹, которые поддерживали связь или со мною или с ВАСИЛЬЕВОЙ. МИХИН в кружках не состоял, но в курсе о деятельности антропософов и их кружков – был. С деятельностью антропософов его познакомили я и ВАСИЛЬЕВА.

Как Ленинградское общество, так и отдельные антропософы в других городах СССР поддерживали связь со мною, ВАСИЛЬЕВОЙ или А.БЕЛЫМ».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 8/VI).

«Среди антропософов в России имеется группа в составе: меня, А.БЕЛОГО, ПЕТРОВСКОГО и ГРИГОРОВА, которая представляет из себя антропософов всего Союза.

В Москве имелись две руководящие группы – это кружок, который собирался на квартире у меня в составе: меня, ВАСИЛЬЕВА П.Н., БУГАЕВА Б.Н., КАЛИКИНОЙ Л.В., АННЕНКОВОЙ, ТРАПЕЗНИКОВОЙ, КУЛТАШОВОЙ и ПЕТРОВСКОГО. Другая группа состояла из ТАТАРИНОВА В.П., ФИНКЕЛЬШТЕЙНА <так!>¹², ТАТАРИНОВОЙ П.Н., МОИСЕЕВА Н.М.<так!>, СКРЯБИНА <так!> и МОИСЕЕВОЙ.

Под руководством нашей группы имелись следующие кружки:

Кружок НЕВЕЙНОВОЙ – в составе: Невейновой, Васильевой, Каликиной, Назаревской¹³, Жемчужниковой, Фаворской¹⁴ и Машковцевой¹⁵.

Кружок ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ – в составе: Жемчужниковой, Клименковой, Иконниковой, Чернявского¹⁶.

Кружок ЗАЙЦЕВА – в составе: Зайцева, Павловой, Твердовой, Красновской и Домогацкой¹⁷.

Христианский кружок – в составе: Васильева, меня, Каликиной, Трапезниковой, Култашевой, Моисеева, Кезельман¹⁸, Татариновой и Краснушкиной.

Детский кружок – в котором занимались: Зайцева Светлана, Жемчужникова Нина, Анисимов Борис¹⁹ и др. Руководила кружком НЕВЕЙНОВА.

Кроме того, я занималась прежде всего эвритмией с НАЗАРЕВСКОЙ, КАЛИКИНОЙ, ФАВОРСКОЙ, МОИСЕЕВОЙ, СКРЯБИНОЙ, НЕВЕЙНОВОЙ, ТВЕРДОВОЙ, МАШКОВЦОВОЙ и ПАВЛОВОЙ.

Под руководством группы, возглавляемой ТАТАРИНОВЫМ, МОИСЕЕВЫМ и др. работали следующие кружки: *кружок молодежи*, которым руководил МОИСЕЕВ, *эвритмический кружок* – под руководством МОИСЕЕВОЙ и *кружки детские*, которыми руководила МОИСЕЕВА.

Кроме перечисленных антропософов, входящих в кружки, имелись антропософы, как-то: Михин, Шанько, Шанько, Фельдштейн Е.А., которые не входили ни в какие кружки, но поддерживали связь или со мною, или с ПЕТРОВСКИМ.

Общее руководство работой всех антропософов и кружков было за Петровским, А.Белым, Григоровым и мною.

Кроме Москвы антропософы имелись и в других городах Союза, например: в Ленинграде имелись – ЛЕБЕДЕВ²⁰, ЛЕБЕДЕВА²¹, ЩУЦКИЙ²², БРЮЛЛОВА-ВЛАДИМИРОВА²³, СПАСКИЙ²⁴, СПАССКАЯ²⁵, ВЕЛИКАНОВА²⁶.

В Воронеже – ГЕРЦ Г.²⁷, в Харькове КИСЕЛЕВА А.Н.²⁸, в последнее время она переехала в Воронеж, в Тифлиссе – СИЛЬНИКОВА Лидия Павловна²⁹ и до последнего времени в Ташкенте – ВАСИЛЬЕВ В.Н.³⁰ Указанные лица имели связь или с ПЕТРОВСКИМ, или с А.БЕЛЫМ, или со мною».

(пок<азания> обв<иняемой> Васильевой, от 8/VI).

Участие в работе кружков всех проходящих по делу лиц, полностью доказано как личным признанием обвиняемых, так и свидетельскими показаниями.

3. СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧАСТНИКОВ

Социальный состав к/р организации антропософов следующий: из 27 чел. арестованных участников организации 10 чел. дворян, 2-е из семьи купцов, 1 – дочь белогвардейского полковника – дворянка, 1 быв. мировой судья – сын попа и 3 чел. из семьи быв. судебных работников царского времени. Остальные арестованные – выходцы из кругов разночинной интеллигенции.

Будучи по своему соц<иальному> происхождению чуждыми рабочему классу, члены организации и по своим убеждениям являлись ярко выраженными противниками Советской власти. Являясь идеалистами, они не признают классовой борьбы, диктатуры пролетариата и отрицают Советскую государственность. Поэтому все мероприятия Соввласти, вытекающие из классовой сущности этой власти – ими отвергаются. Пополнение рядов организации, главным образом, шло точно так же за счет а/с интеллигенции, не могущей воспринять революцию и диктатуру пролетариата.

На основе документов и показаний обвиняемых установлено, что основоположник и идеолог русских антропософов – писатель Андрей БЕЛЫЙ (Бугаев), с 1912 по 1916 г. находился в Германии³¹, где активно участвовал в работе центра германских антропософов под непосредственным руководством д-ра ШТЕЙНЕРА. По приезде из-за границы БЕЛЫЙ ведет активную работу в России. В 1920–21 гг. состоит председателем «Вольно-философской ассоциации»³², одновременно руководя и деятельностью антропософов.

Свои политические установки этого времени БЕЛЫЙ в труде «Почему я стал символистом»³³ характеризует следующим образом:

«Моя концепция не двух, а трех революций (политической, социальной, духовной) ставила меня вне государственного коммунизма и государственной демократии, ставшей вскоре во вра-

ждебном коммунизму лагере; я был за принцип Советов, как за рычаг переворота, еще с 1905 г. и в 1917 г. я надеялся, что в этом принципе найдет себе развитие и духовный переворот. Таково было мое настроение и в 1917–28 гг.; свободное развитие снизу вверх социально-индивидуальных коммун, отрицание политического ига; на этой платформе я сходилась и с иными свободными людьми того времени, среди них были и коммунисты... Диктатуру я принимал лишь в необходимости защищать советизм от ударов извне, а не в необходимости направлять самое содержание советской жизни, сфера которой – многообразие символизаций; власть видел я лишь в моменте советской продукции* (снизу вверх); и жаждал раскрытия принципа текуче-моментальной власти, верней властей, поднимаемых и утопляемых, как гребни волн, в недрах стихии живо-властных Советов. Таковы были мои переживания революции...»

«Когда же мне стало ясным, что средняя часть триады (совет-власть-ритм), или власть-лозунг, перерождается в обычную власть и в этом перерождении становится из власти Советов советской властью, стало быть, властью обычною, ибо суть государственной власти не в прилагательных (“Советская”, “Не Советская”), а в существительном, старом, как мир, я был выброшен из политики туда, где я пребывал вечно: в антигосударственность»³⁴.

В 1921 г. БЕЛЫЙ уезжает за границу (в Германию), где принимает активное участие в работе антропософов. В Россию возвращается в 1923 г. и здесь стоит на точке зрения активизации нелегальной работы антропософов (официально общество было уже закрыто). В своем письме от 1926 г. ИВАНОВУ Р.В.³⁵ БЕЛЫЙ характеризует активность русских антропософов и, говоря о некотором идейном разброде, наблюдающемся в это время в среде германских антропософов, заявляет о своем убеждении в необходимости «вступиться за поруганное дело доктора» (Штейнер).

«Полнедели К.Н.ВАСИЛЬЕВА в Кучино³⁶ и полнедели – в Москве, где *сплошь все время тратится на уроки эвритмии и занятия кружков*. В нашей маленькой семье ряд волнений в связи с невозможным положением большой семьи, где уже происходит, по-моему, полный развал внутренней жизни. Чем глаже идет работа “в предприятиях” (школа эвритмии, драмкурсы и т. д.),

---

* В тексте Белого – «индукции».

тем хуже дух общества, которое, видимо, уже раскалывается на две группы.

Фактически цельности о-ва нет. Нам это особенно мучительно. *Во мне зреет убеждение, что нужно вступить за поруганное дело доктора».*

Политическая физиономия Белого в настоящем с достаточной полнотой характеризуется приводимыми выдержками из его дневника за 1930/31 г.

В философии, политике и литературе Белый представляет собой ярко выраженную к/р фигуру.

Успехи социалистического строительства, борьба за классовую выдержанность в литературе и искусстве, все основные мероприятия партии и Соввласти вызывают в нем открыто к/р реакцию.

«Каждый номер “Литер<атурной> газеты” – расплев кого-нибудь, геволт, матерная ругань, обещания стереть с лица земли всеми усовершенствованными орудиями ГПУ и всею силой мирового пролетариата. Прочтя очередной залп статей, начинает кружиться голова и охватывает ужас за того, кого оплевали: жив ли он, не расстрелян ли он, не покончил ли он самоубийством...

Как у плевателей хватает слюней. Нива – для оплева – богатая. Не пусти пулю в себя Маяковский, была бы новая тема. После оплевания “Бани”³⁷ – оплевание Маяковского. Как жаль, что он поспешил, мог бы застрелиться оплеванным, не дождал, и вся та слюна, которая готовилась для него, вылетела в каких-то умопостижимых клеветников, которые де будут распространять слухи о причинах его смерти (никто не распространял), просто слюну, приготовленную для Маяковского, надо было извергнуть под лозунгом “За Маяковского” (им же все равно, в кого плевать, только бы были плевательницы). Плевательница – воистину огромна: вся литература, вся живопись, вся музыка и т. д. ...

Действительно “Литературная газета”, которой каждый следующий номер есть “осрамление” кого-нибудь (все равно кого), даже не может служить бумажкой для нужника, ибо она сама г..., и утираешься, его размазывая.

Кому нужно это позорище? Верхам власти? Они, брезгливо зажимая носы, проходят мимо этого нужника, часто весьма умывая руки: “Это – не мы”. Рабочему классу? Но рабочий класс очень заинтересован в том, чтобы под его знаменем не устраивали “срамоты”. Если рабочий класс посвятить в подоплеку всего написанного, он, как и “правительство”, зажмет нос, только он не

пройдет мимо, а расправится с плевателями. Нельзя же в самом деле...».

(запись от 12/V-30).

«Окончен огромный труд³⁸.

Ты им доволен ли, вздыхательный художник?³⁹ Нет, нет – недоволен, написанное кажется мне тягучим, жалким, а главное – написанным в Торричеллеву пустоту⁴⁰, для “масок” в теперешней России – нет читателя».

(запись от 3/VI-30).

«Восток погибает от невежественного топорного применения идей коммунизма. Эти идеи – венец жизни, но до этого венца жизни надо дозреть. Не гориллам применять на практике идеи социального ритма. Действительность показывает, что понятия общины, коллектива, индивидуума в наших днях – “очки в руках мартышки”, она – “то их понюхает, то их на хвост нанижет”⁴¹. Без культурной революции и взрыва сознания⁴² высота и глубина опрокидываются безобразием, восток гибнет от безобразия своего невежества.

Запад гибнет от опухолей “брюха”. Капиталистическое брюхо – гигантская раковая опухоль на теле Запада, и не невежественному востоку оперировать эту опухоль, Восток в лучшем случае может оглушить Запад, может даже убить Запад, срезая с него гнилостную опухоль. Но этой операцией себя не спасет. Пока не достигнет высот интеллектуальной культуры, которую он так варварски топтит в себе. Оперировать может умеющий оперировать: “Не умеющий” – зарезает, и мы зарезаем – себя и Запад. Так, между Востоком, разбивающим верно им угаданную ценность, и гниющим Западом раскалывается наша планета и, может быть, гибнет. Но мы, люди нового сознания, как Нои, должны строить Ковчег, он в условиях* распахнется в Космос, гибель земли не гибель вселенной, а мы – люди вселенной, ибо мы – вселенная...»

(запись от 23/VI-30)⁴³.

«Все окрасилось как-то тупо бессмысленно. Твои интересы к науке, к миру, искусству, к человеку – кому нужны в СССР. Мне кажется, чем интересовался мир, на протяжении тысячелетий, в чем Платон, Аристотель, Эвклид, Виргилий перекликались с Кантами, Гегелями, даже с Марксом (были же истины, развивающие свои мысли**), на протяжении тысячелетий). И все это,

---

* В подшитых к делу выдержках из дневника – «в усилиях».

** В подшитых к делу выдержках из дневника – «смыслы».

чем доселе интересуется земной шар, – рухнуло на протяжении последних пяти лет у нас. Декретами отменили достижения тысячелетий, ибо мы переживаем “небывалый подъем”. Но почему в иные минуты я, отзывавшийся на всякие подъемы радостно, я, чуждый предвзятости и умеющий, где нужно, вылезать из своей кожи, этого подъема не ощущаю? Радость ли блестит в глазах уличных прохожих? Переутомление, злость, страх и недоверие друг к другу точат эти серые, изможденные и отчасти уже деформированные, зверовидные какие-то лица. Лица дрессированных зверей, а не людей. Трамваи на улицах Москвы не ходят, то и дело закупаются в пути. На железных дорогах катастрофа за катастрофой. Старые мосты, старые шпалы, старые рельсы. Сейчас читал доклад Сталина⁴⁴ о том, что во всем мире неблагополучно, и лишь мы лопаемся от довольства, достижений, развития промышленности, продукции. Где же продукты продукции? Почему нет кожи для сапог, и я не мог при всем усилии купить себе ботинки, нет хлеба, нет мяса, нет штанов, нет сахара, нет папирос, нет тканей, нет медикаментов (скипидара, хины, нафталина, камфорного спирта и целого ряда необходимых для всякой домашней аптеки лекарств). Нет мыла (значит, грозит эпидемия, вши), нет бумаги, периодически исчезают спички, нет дров, нет... Я не знаю, что есть. Кооперативы – пусты.

Пишут о необычайном литературном подъеме. Где он?

Продукция и здесь – невероятная. Вместо разработки литературы какие-то пролетарские литературные группочки ищут себе подобных. Пишут о великом размахе культурной революции, о молодежи. Мы здесь в Судаке под боком с “кубучем”⁴⁵, насчитывающим сейчас не менее 500 отдыхающих студентов и студентов. Студенты – они жалки, как покинутые, слоняются туда и сюда, не зная, что с собой делать. То, что они бренчат на рояли, – ужасно. Сплошной – “собачий вальс”, если это не фокстротик, или не “кирпичики”⁴⁶. Можно сказать, ну и вкусы же у совре<еменного> студенчества»...

(запись от 2/VII-30).

«Хочется скорее в Кучино, чтобы усесться на покое и быть ближе к друзьям, страдающим, негодующим*, обремененным. Огромный ноготь раздавливает нас, как клопов, с наслаждением – щелкая нашими жизнями, с тем различием, что мы не клопы, мы – действительная соль земли, без которой народ – не народ. Нами

---

* В подшитых к делу выдержках из дневника – «недугующим».

гордились во всех веках, у всех народов, и нами будут гордиться в будущем*. Только в подлом, тупом бессмыслии теперешних дней кто-то, превратив соль земли в клопов, защелкал нами: щелк, щелк – Гумилев, Блок, Андрей Соболев, Сергей Есенин, Маяковский⁴⁷. Щелкают револьверы, разрываются сердца, вешаются, просто захиревают от перманентных гонений и попреков. И мое сердце, мужественно колотившееся, ослабевает. Не могу, не могу вынести тупого бессмыслия, раздавливающего лучших вокруг меня.

Это – не отчаяние, это – смертельное изнеможение от усилий бодрить себя и других.

Дышат на ладан Соловьев, Иванов-Разумник, Волошин, Орешин, Пастернак⁴⁸ – сколько, щелк, щелк – “клоп за клопом”! Скоро мы, аллегорические “клопы”, будем все передавлены. Не видят, что от одних “клопов”, расплодившихся мириадами, не аллегорических, а только настоящих, грозят беды.

После бракования 2-го тома “Москвы”⁴⁹ до такой степени потерял вкус писать что-либо, ибо бездарное стало – гениальным, а талантливое выкидывается за ненужностью, что уже и силы <не> позволяют. Сдал сразу ... диктую милой⁵⁰. Так легче.

(запись от 15 сентября 1930).

«Утром впечатление: 48 расстрелов вредителей⁵¹, а почему не расстреляли вредителей жизни, всего Московского населения, посадивших население без дров в ужасный холод? Деревья целы, их никто не вредил, головы у коммунистов на плечах: могут додуматься до необходимости отопления...»

Далее известили: арестованы Егоров, Готье, Любарский⁵², т. е. историки. Арестованы Чаянов⁵³, Громан⁵⁴, Базаров⁵⁵ и ряд лиц как вредители.

Далее слухи – де арестован Пильняк, Пантелеймон Романов⁵⁶.

Не записываю всего узнанного за двое суток, но записанного достаточно, чтобы понять настроение, с каким набрасываю эту запись.

Какое-то странное легкомыслие от озлобленности, избитости, вытолкнутости.

“Плачущие, как не плачущие”⁵⁷.

Да, я не плачущий. Мы не плачем, мы только – надломлены...»

(запись от 24 сентября 1930⁵⁸).

---

* В подшитых к делу выдержках из дневника – «в социалистическом будущем».

«Я готов скорее голодать, чем объясняться*, ибо дух, который разит от многих “чиновников”, играющих роль коммунистов, — действует на меня, как синильная кислота. С этими людьми возможны только два жеста: или — хватить палкой по голове, или махнуть рукой: “грабьте, сколько влезет!”»

(запись от 25 сентября 1930).

«<19>30 год кончается явной агонией. Боже, сил больше нет, опять подкатывают ужасы 19-го года, уже в деревне тиф, Москва полна больными, света нет, топлива нет, пищи нет. Какое-то дьяволово колесо. Для чего люди пережили лишения 19-го года, чтобы через 10 лет без всяких видимых мотивов опять попасть в ужасы голода, холода и болезней.

Полгода гоняют писателей по заводам. Редакции полны ничемными очерками. Художественной продукции нет. Наконец, Сталин сказал: “Я читал Шекспира, Шекспир хороший писатель”. И вдруг — стой: не гнать писателя от письменного стола. Для чего же было городить чепуху полгода? Какие-то Митрофанушки⁵⁹: не верят умам мировым, до всего доходят “своим умом”, производя нелепейшие опыты, стоящие жизни, здоровья, на чужих костях решают простенькие логические задачи.

Надо было Есенину повеситься, Маяковскому застрелиться, чтобы вспомнить, что и Шекспир имеет право на письменный стол...»

(запись от 28 декабря 1930).

«Кончатся 12 дней, за все эти дни — тошнило от мысли, что мы в зоне праздников⁶⁰. Какие праздники? Для 150 миллионов населения СССР праздников нет, ни во внешнем, ни во внутреннем смысле».

(запись от 5 января 1931).

«Вот кто наша сельская власть, перед кем мы стоим, как дрожание твари⁶¹, кому платим, кого ловим в учреждениях, кто нас пасет в Салтыковке и Кучине.

Идешь в учреждение и дрожешь, ибо на внятный вопрос получаешь ответ на обезьяньем языке. Я понимаю язык русский, язык газетный, язык литературный, язык декадентов, язык Маяковского, язык крестьянина любой губернии, ибо с крестьянами всюду говорил, я понимаю язык рабочих. Но когда со мной начинают говорить на обезьяньем языке, я не понимаю и пугаюсь, ибо

---

* В подшитых к делу выдержках из дневника — «объясняться с этой компанией».

не знаю, что происходит под черепной коробкой переряженных в коммунистов зубров, мне любезно подставленных, как моя ближайшая власть, от которой зависит меня ограбить или наградить.

30 лет задумываюсь я над – Россией, и решаю: Россия – не русский народ, данная нам Россия была искусственным созданием, и я, ее полагая в будущее, вслед за Достоевским говорил ей “буде, буде”⁶². Но это “буде” оказалось интеллигентской мыслью, осуществилась не Россия, а “СССР”.

Русский народ оказался в национальном разрезе никудашным. Кудышным оказался не народ, а класс, народ – вместо него вылезли заклепанные в самодержавной Империи вятичи, радимичи, кривичи. “Кривич” в XX веке, переряженный в чиновника от Советской власти, оказался следующей за гориллой высшей формой обезьяны».

(запись от 9 января 1931).

«Реутово»⁶³ покрыто великолепными каменными корпусами, за счет всей окрестности, в которой все хилое сгнивает, ибо люди боятся ремонтировать. Новых каменных корпусов, допустим, – 1000, а сгнивающих, превращающихся в гниль домов – сотни тысяч, корпуса для сотен тысяч, а гнилье всему прочему населению – в чем жить? Рабочих, дай бог, от 5 до 8 миллионов, а всего населения 150 миллионов, значит, ценой устройства жизни одного – разваливается 30 жизней.

Сегодня урезали хлеб, завтра отняли керосин, послезавтра – сахар, помаленьку, полегоньку – локотком подталкивают к срыву в голодную смерть, в тифозное заболевание или замерзание.

Нечто эпическое звучит в нашей катастрофе, мы на грани того, чтобы стать голытьбой.

(запись от 17 января 1931).

«Начался процесс меньшевиков⁶⁴, страшно читать, на скамье подсудимых фигурирует как главный вредитель ШЕР⁶⁵, которого я помню еще студентом, и Володя Иков⁶⁶, которого помню приготовишкой – ПОЛИВАНОВЦЕМ, в 7<-м> и 8<-м> классе я с ним дружил, тогда он напоминал мне юношу Белинского, он был уже убежденный марксист, мои первые бои против материализма за социализм* – с ним. Просто не могу себе представить его в качестве “вредителя”».

(запись от 4 марта 1931).

---

* В подшитых к делу выдержках из дневника – «против материализма за символизм».

«Теперь всюду вопрос: “К чему прикреплены, где работаете?”, т. е. крепостное право проводится во все сферы жизни. Так и писатель, если не сумеет доказать, к чему он прикреплен, т. е. чей “крепостной”, – лишается продовольствия».

(запись от 17 марта 1931).

Добытыми в процессе следствия материалами и показаниями самих обвиняемых, характеризуется с достаточной полнотой а/с лицо и др<угих> участников этой организации.

«Как было указано ранее в моих прежних показаниях, наше о-во состояло, а кружок интересующихся антропософией комплектовался за счет а/советски настроенных людей, поэтому все время это а/с настроение проявлялось в настроениях и жизни нашего об-ва».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 6/V).

«В антропософическое о-во входила преимущественно анти-советская интеллигенция, как по своим идеологическим убеждениям, так и по своей работе».

(пок<азания> обв<иняемой> Невейновой, от 12/V).

«Поскольку считаю себя идеалисткой, не могу принимать материализма. Принимаю советский строй как переходящий момент».

(пок<азания> обв<иняемой> Кезельман, от 30/V).

«Как лица с антисоветской идеологией, меня не могла удовлетворить современная советская действительность, поэтому я искал удовлетворения в учении антропософии, которое по своей сущности являлось а/советским».

(пок<азания> обв<иняемого> Васильева, от 17/V).

«Ко всем основным мероприятиям Соввласти и современной действительности, т. е. к проведению диктатуры пролетариата, классовой борьбе, ликвидации кулака как класса, террору, смертной казни и всем другим, противоречащим моим идеалистическим мировоззрениям, я относился не сочувственно и их не разделял».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 23/V).

«Причиной моего вступления в антропософическое о-во послужило, с одной стороны, влияние а/с среды, в которой я вращался, с другой стороны, являясь сам лицом анти-советски настроенным, я не находил удовлетворения в общественной советской ра-

боте, а поэтому я пошел в антропософическое о-во, каковое являлось по своей сущности – антисоветским и отвечало моим запросам. По таким же причинами шли в это общество и др. лица, поскольку оно комплектовалось за счет той части интеллигенции, которая не смогла смириться с фактом существования Соввласти и искала путей и форм, отражающих их реакционные мировоззрения».

(пок<азания> обв<иняемого> М.Красновского, от 17/V).

«Октябрьскую революцию я встретил неприязненно, т. к. являясь по идеологии реакционером, не мог в лице Соввласти видеть приемлемую моему мировоззрению форму государственного управления. Но поскольку Соввласть представляла определенную силу, с которой приходилось считаться, постольку и я признавал и мирился с существованием Советской власти. Развитие социалистического строительства шло по пути ломки всех старых основ быта и общества, каковые для меня являются священными. Поэтому с развитием социалистического строительства во мне все больше и больше развивалась неприязнь к Соввласти. Репрессии власти по отношению к моему брату послужили тем решающим фактором, поставившим меня в положение лица с явно выраженной а/сов. идеологией. Моя жена представляет из себя такое же лицо по идеологии а/советское, как и я».

(пок<азания> обв<иняемого> К.Красновского, от 17/V).

«Среди некоторых кругов интеллигенции были люди, которых не удовлетворяла окружающая их действительность и которые стояли на пути искания чего-то. Эти искания в результате привели их к антропософии. Я лично росла в советских условиях, и меня также советская действительность ни в коей мере удовлетворить не могла, и также в результате исканий я пришла к антропософии, которая сейчас для меня является целью моей жизни, от чего я никогда в жизни не откажусь. Зная, что по своим убеждениям и своей деятельности я являюсь а/с человеком, все же я им и хочу быть, т. к. мыслить иначе, по-советски, я не могу и считаю свои убеждения и свое поведение абсолютно правильными».

(пок<азания> обв<иняемой> Невейновой, от 17/V).

Кроме того, приведенные выписки из дневника К.Н.КРАСНОВСКОГО, обнаруженного у него при обыске, подтверждают его антисоветское лицо:

«Мы живем под впечатлением приговора по делу Ипполита (брат Красновского – священник, осужден Коллегией на 10 лет). Сейчас только начинаем осознавать ужас и всю тяжесть пригово-

ра и его чудовищную антисоциальную несправедливость. Эта расправа сильного – над бесправным, слабым, угнетенным. Диктатура пролетариата – копия царизма с самыми дурными придатками. Сколько горя, мучений причинили, сколько крови пролито, и для чего? Для торжества хамов – неумытого рыла».

«Вспоминаются былые старые – времена, богатые яствами, широкие по настроениям и чувствам. Тихое вечернее время... И Христос у всех в сердцах, и злобы и ненависти в сердцах не было, а большевики разбудили ее и потому торжествуют, властвуют и радуются. Будь они прокляты со своим умом и железной дисциплиной».

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА ОРГАНИЗАЦИИ

Являясь последователями германского антропософа – Р.ШТЕЙНЕРА, члены организации целиком и полностью разделяли все установки, вытекающие из сущности этого учения, представляющего собой ярко выраженную контрреволюционную идеологию.

Трактовка социальных – политических вопросов Р.ШТЕЙНЕРОМ изложена в специальной книге – «Основные черты социального вопроса»⁶⁷. Трактовка этих вопросов в основном сводится к отрицанию классовой борьбы и революции, незыблемости и необходимости капиталистического хозяйства, к отрицанию пролетарской государственной организации, социализма и марксизма. В этой же книге дается установка на идейное разоружение пролетариата и т. д. Эта книга ШТЕЙНЕРА и являлась политической платформой организации.

«О том, что антропософы были не чужды политики, свидетельствует тот факт, что основоположник антропософического учения – Р.Штейнер написал книгу – “Основные черты социального вопроса”, которая по своему содержанию является трактовкой политических вопросов с антропософской точки зрения и по существу является политической платформой антропософов».

(пок<азания> обв<иняемого> Григорова, от 5/VI).

«Книгу Штейнера “Основные черты социального вопроса” – я читал. Издана эта книга была на немецком языке, но я эту книгу видел также и переведенной на русский язык. Эта книга в свое время прорабатывалась членами общества. Положение, выдвигаемое в этой книге Штейнером, безусловно выходит из его антропософических установок, которые нами – антропософами, разделялись. Сам факт выпуска этой книги говорит за то, что ан-

тропософы занимаются и политическими вопросами. Эта книга для антропософов являлась как бы политической платформой».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 4/VI).

Приводимые ниже показания обвиняемых МОИСЕЕВА, ГРИГОРОВА, ПЕТРОВСКОГО и др. с достаточной полнотой характеризуют к/р сущность политической платформы организации и ее отношение к политике Соввласти и партии.

«Антропософия классовую борьбу отрицает. В области духовной жизни антропософия считает, что духовное воспитание человека должно быть отделено от политического воздействия государства. В условиях Советской действительности это значит, что работа учебных заведений, вопросы воспитания – должны идти вне воздействия класса пролетариата, т. е. вне воздействий государства. Антропософическое о-во, отрицая классовую борьбу, не может разделять и не разделяло и методов, вытекающих из сущности политики Соввласти. Проблема отказа от всякой собственности является одним из пунктов антропософического учения. Но этот отказ мыслится как процесс добровольный, а не насильственный. Исходя из этого методы раскулачивания и ликвидацию кулачества как класса я считаю неправильными и отношусь к ним отрицательно».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 11/V).

«Идеалистическое учение в своей основе покоится на том, что мысль является не производимой функцией, а самостоятельным началом, т. е. в условиях развития материального мира лежит духовное начало, путь к которому ведет через внутренние усовершенствования человека. Исходя из этой точки зрения антропософия противопоставляет себя марксизму, утверждающему, что сознание определяется бытием. Чтоб осознать свое бытие, человек должен работать над собой, ставя целью освобождение себя от всех требований, связанных с эгоистическим началом. Таким образом, устройство общества мыслится не как результат борьбы классов, а как следствие, вытекающее из работы человека над самим собой. Возможность переустройства капиталистического общества через классовую борьбу – антропософией отрицается. Антропософия считает, что капиталистическое общество должно быть переустроено, что существующая система производственных отношений, т. е. то положение, когда владелец средств производства и рабочий противопоставлены друг другу и находятся

в состоянии антагонизма, – должна быть изменена. Путь к этому ведет не через революционную борьбу, а, как это уже указано выше, через работу человека над самим собой. Другими словами, владелец средствами производства должен осознать, что существующее положение вещей, когда рабочий только продает свою рабочую силу, является неправильным и не совместимо со свободой личности человека. Вместе с этим и рабочие должны идти к переустройству общества также через усовершенствования самих себя, а не путем насилия. Пролетариат, при существующем капиталистическом обществе, не получил стимулов своему внутреннему усовершенствованию, и поэтому идеологией его является классовая борьба против капиталистического общества. Антропософия же, отрицая классовую борьбу, заменяет ее внутренним усовершенствованием человека. Отрицая революционное переустройство о-ва, заменяя классовую борьбу внутренним путем человека, антропософия тем самым отвлекает пролетариат от его революционной борьбы с капиталистическим обществом.

К Советскому государству пролетариат пришел путем революционным, т. е. методами, которые антропософией отрицаются. Диктатура пролетариата является насилием над другими классами и тем самым чужда антропософическому учению. Методы борьбы: насильственное отчуждение средств производства, террор, отсутствие свободы слова, печати и т. п., – антропософией также не разделяются. Подчинение всей духовной жизни государству является условием, препятствующим духовному развитию человека. Поэтому с ликвидацией антропософического общества перед нами, членами его, и встала необходимость продолжать эту работу в нелегальных кружках.

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 6/VI).

«Я заявляю, что антропософия контрреволюционна и деятельность ее направлена к спасению капиталистического общества и подрыву Советской власти. Антропософия, отрицая классовую борьбу, отрицая пролетарскую революцию, выдвигая вместо революционного рабочего движения политику стремления к умеренным реформам, что по существу является подменой революционного движения буржуазным, признавая незыблемость частной собственности на средства производства, – направлена к спасению капиталистической системы и общества, отвлечению пролетариата от его борьбы с капитализмом, а у нас в СССР – к подрыву Советской власти и реставрации капитализма».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 17/VI).

«Считаю необходимым заявить, что антропософия контрреволюционна, деятельность ее направлена к спасению капиталистического общества и к подрыву Советской власти. Антропософия в силу этого стремится идейно обосновать необходимость и неизбежность капиталистического общества.

Сущность этого учения – отвлечь пролетариат от его политической борьбы и направлена против установления диктатуры пролетариата на Западе и к подрыву ее в СССР.

1) Пролетарское движение рассматривается как оторванное от вызвавшей его капиталистическо-эксплуататорской системы, что это движение искусственно насаждается людьми, не присуще рабочему классу и не вытекает из соответствующих экономических и политических отношений.

2) Пролетарская революция антропософией не признается как исторически необходимая и неизбежная закономерность, а считается делом рук людей с их волевыми импульсами. Антропософия считает, что рабочее движение должно идти к своей цели только путем политически умеренных стремлений и реформ. То, что экономическая борьба пролетариата неразрывно связана с политической борьбой за власть – абсолютно отрицается. Таким образом, антропософия предлагает, по существу, подмену пролетарского движения буржуазным, основанным на либерализме и соглашательстве.

3) Считаая, что революционная борьба пролетариата приносит с собой только разрушение, антропософия отрицает всякие созидательные и творческие начала, заложенные в самом существе пролетарской революции.

4) Отрицая классовую борьбу, придерживаясь политики “Мир в промышленности”, антропософия предлагает ряд социальных реформ, по существу своему направленных к закреплению власти эксплуататоров в промышленных предприятиях капиталистических стран.

5) В своих социальных реформах антропософия ищет путей на сближение пролетариата с предпринимателями посредством духовного их сближения, в то же время не только оставляя частную собственность на средства производства, но считает таковую движущим рычагом творчества и инициативы. Отрицая классовую борьбу пролетариата и революцию как явление закономерное – антропософия в теории терпимо относится только к политике социал-демократии, признавая ее как явление закономерное и исторически обусловленное. По существу антропософия под-

держивает с<оциал>-д<емократов>, т. к. деятельность последних направлена также к спасению капиталистического общества.

Таким образом, антропософия является прямой противоположностью социальных задач пролетариата и направлена к отвлечению последнего от революционной борьбы с капиталистическим строем. Антропософия, являясь современным учением, рассматривает существование Соввласти как явление незакономерное и захват власти пролетариатом объясняет некультурностью русских рабочих и крестьян. Отрицая классовую борьбу, рассматривая рабочее движение как политику умеренных стремлений к реформам, антропософия считает неправильным насильственный захват власти рабочими и установление диктатуры пролетариата.

Уничтожение частной собственности в Советском Союзе антропософией рассматривается как экспроприация, влекущая за собой падение инициативы в творчестве и обществе и тем самым толкающая хозяйство на разорение. При существующих ныне условиях развития совхозно-колхозного движения в деревне, наличие сплошной коллективизации, обуславливающей переход к политике ликвидации кулака как класса, антропософия представляет собой кулацкую идеологию. В области экономического устройства антропософия предлагает создание свободного от вмешательства государства сотрудничества потребителей, торговцев и производителей, при необходимости оставления частной собственности на средства производства, а отсюда и сохранение капиталистической эксплуатации. Считая обязательной необходимостью невмешательство государства в хозяйственную жизнь, антропософия предлагает передать всю промышленность в ведение этих ассоциаций, построенных по принципу руководства со стороны частной предпринимательной <так!> инициативы. Таким образом, антропософия стоит на точке зрения восстановления в Советском Союзе частной собственности и вместе с ней – капиталистической эксплуатации».

(пок<азания> обв<иняемого> Григорова, от 16/IV).

«Встав на путь нелегальной деятельности, антропософическое общество тем самым превратилось в к/р организацию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Этому способствовало то обстоятельство, что в члены общества входила, преимущественно, советская интеллигенция как по своей идеологии, так и по соц. положению не могущая воспринять пролетарскую революцию. Кроме того, сама сущность антропософического учения, ко-

торая всеми членами о-ва безоговорочно принимается, резко противоположна современности и в конечном итоге направлена на защиту капитализма от пролетарского движения. Отрицая классовую борьбу и признавая, что пролетарское движение не является следствием экономических и политических отношений, а искусственно насаждается людьми, антропософия тем самым предлагает, по существу, подмену пролетарского движения буржуазным, основанным на либерализме и соглашательстве, а отсюда, как следствие, антропософия считает неправильным захват насильственным путем власти русскими рабочими и установление диктатуры пролетариата в СССР. Исходя из этих основных установок антропософы относятся отрицательно ко всей политике и ко всем мероприятиям Соввласти, вытекающим из сущности диктатуры пролетариата.

Встав на путь нелегальной деятельности, антропософы повели борьбу со всеми мероприятиями Соввласти, поскольку считали их безусловно неверными и несоответствующими их идеологии. Не ставя перед собой непосредственно задачи изменения существующего строя путем вооруженного восстания, антропософы считают для себя приемлемым такой строй, при котором была бы возможность свободно проповедовать свое учение и в данном случае наше отношение к интервенции таково, что тогда свобода антропософического учения была бы обеспечена, поскольку сущность этого учения не идет против капитализма».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 17/VI).

«Антропософия не признает классовой борьбы, а поэтому политика Соввласти и партии во всем вопросам, по нашим убеждениям, считается неверной. По нашему учению мы не можем согласиться с ликвидацией кулака как класса, т. к. нельзя насильственным порядком отказаться человеку от собственности, а нужно его перевоспитать и убедить, чтобы он отказался сам. Точно так же политика коллективизации в деревне, когда крестьян, не желающих идти в колхоз, загоняют туда насильно, – является неверной политикой. Лишение политических прав и различные материальные притеснения всех лишенцев, что является следствием классовой политики Соввласти, вытекающей из марксистских установок, которыми руководствуется партия, также с нашей точки зрения являются неприемлемыми, поскольку все эти лица, лишившись власти и всех привилегий, не могут быть опасны в данное время. Контрреволюц<ионная> вредительская деятельность интеллигенции, которая повела к процессам Рамзина⁶⁸ и других,

нами оправдывается тем, что эти люди действовали исходя из своих убеждений, считая свои действия абсолютно правильными».

(пок<азания> обв<иняемой> Невейновой, от 12/V).

5. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ К/Р ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДЫ РАБОТЫ

Будучи в своей практической работе неразрывно связана с германскими антропософами, организация нелегально имела регулярную с ними связь, посылала своих делегатов на происходившие за границей съезды, где давалась соответствующая информация о состоянии работы организации в СССР. Центром германского антропософского общества давались директивные указания на развертывание и активизацию нелегальной работы. Из заграницы же <так!> получалась литература для нужд организации и т. д.

Об этой организационной и идеологической связи с заграницей, которая в процессе следствия бесспорно доказана, обвиняемые дают следующие показания.

«В 1923 и 24 гг. я имел переписку с САБАШНИКОВОЙ Маргаритой Васильевной⁶⁹, она была член немецкого о-ва и проживала в Штудгарте <так!>. С ней имел переписку и ТРАПЕЗНИКОВ. При поездках членов нашего о-ва за границу последними устанавливалась связь с немецким антропософическим о-вом, в частности, при первой поездке ЧЕХОВА и ТАТАРИНОВА за границу, кажется в 1924 г., они встречались с д-ром ШТЕЙНЕРОМ и присутствовали на его лекциях⁷⁰. В последующих своих поездках они также устанавливали связи с обществом, и ими же была привезена из Германии антропософическая литература. При поездках за границу ВАСИЛЬЕВОЙ и МОИСЕЕВОЙ, они тоже имели связь с немецким антропософическим обществом».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 24/V).

«При жизни Штейнера антропософы, ездившие за границу, устанавливали связь с ним, а с его смертью – связь устанавливалась с Советом через Марию Яковлевну Штейнер. С нашей стороны заграничные связи устанавливались через руководящую группу в составе меня, А.Белого, Григорова и Васильевой К.Н. В 1927 г. или 1928 г. ездил за границу из ленинградского о-ва ЛЕБЕДЕВ. Он также имел связь с немецким обществом и знакомился с постановкой антропософического медико-фармацевтического института в Штудгарте».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 8/VI).

«До 1927 г. кружки имели постоянную связь с немецким о-вом антропософов через лиц, ездивших за границу. Мне известно следующие члены нашего о-ва, которые ездили за границу. В 1923 и <19>26 гг. в Германии была моя жена⁷¹, в первую поездку она встречалась с Штейнером и его женой; во вторую поездку – только занималась в Берлине эвритмией у ЗЕЛЛИНГА⁷². В 1924 и <19>26 гг. за границу ездили Татаринов и Чехов, которые также имели связь с Германским антропософическим о-<в>ом, и Чехов привез с собою антропософическую литературу. В 1927 г. в Германию ездила Моисеева, которая занималась там эвритмией. В 1924 г. в Германию уехал Трапезников, где прожил до смерти своей, т. е. до 1926 г., тоже встречался с германским обществом».

(пок<азания> обв<иняемого> Васильева, от 12/V).

«Я был в курсе всех заграничных поездок. При последней поездке за границу ЛЕБЕДЕВА, последний рассказал мне, что он в Штудгарте работал в антропософической библиотеке над новыми книгами и имел свидание с УНГЕРОМ⁷³ – председателем Штудгартской антропософической группы. Всего же ЛЕБЕДЕВ ездил за границу раза три».

(пок<азания> обв<иняемого> Григорова, от 10/VI).

«В мое пребывание в Штудгарте был съезд антропософов, куда съехались антропософы других городов. На этом съезде я познакомилась с фрау Штейнер Марией Яковлевной. Мария Яковлевна, интересуясь положением дел русского антропософического общества, спросила меня: “Дают ли нам возможность работать?” – на что я ответила, что общество закрыто. Там же мне рекомендовали д-ра фрау ВЕГЕМАН – антропософку, с которой я виделась. Там же виделась с антропософами: ВРЕДЕ, СТЕФФЕН⁷⁴ и др. По приезде в Россию я делилась своими впечатлениями с Татариновыми, Васильевыми и братом».

(пок<азания> обв<иняемой> Моисеевой, от 24/V).

«В одну из моих поездок в Германию, мне пришлось быть на общеделегатском съезде антропософов в Штудгарте. Из заграничных антропософов знаю Марию Яковлевну Штейнер, Зеллинга и его жену. При разговорах с ними я говорила, что мы в России не имеем возможности работать открыто и встречаемся в частном порядке».

(пок<азания> обв<иняемой> Васильевой, от 5/VI).

«Мне известна связь нашей организации с Германским обществом с 1921 г. Из поездок за границу я знаю: в 1923 г. выезжали

Татаринов и Чехов, в 1927 г. также выезжала за границу моя сестра – Моисеева Н.М. Все перечисленные лица, с ведома нашей организации, имели связь с Германским обществом. Мне известна только Штейнер (Сиверс) Мария Яковлевна, с которой поддерживали связь в Германии. При поездках Татаринова и Чехова за границу им адрес для связи с Германским обществом дала Васильева, а когда ехала моя сестра, то адрес получила уже от Татаринова. При поездках за границу Васильевой, Чехова и Татаринова последними была привезена литература из Германии антропософического содержания. С тех пор как Чехов уехал за границу и остался там, член нашей организации – Татаринов поддерживал письменную связь с Чеховым, о которой знали члены общества. Все лица, ездившие за границу, по возвращении оттуда делились своими впечатлениями о работе германского общества, но только в узком кругу нашей организации. Мне известен только один случай, когда информация была поставлена среди большинства нашей организации, это было после приезда Белого из Германии».

(показания обвиняемого Моисеева, от 4/V).

На основании добытых в процессе следствия материалов, также по показаниям самих обвиняемых установлена связь московских антропософов с Ленинградским О-вом и антропософами в других городах СССР.

«В Ленинграде имелось тоже общество антропософов, которое с запрещением легального существования так же, как и наше, перешло на нелегальное положение. Наиболее активными были ВАСИЛЬЕВА Елизавета Ивановна⁷⁵, – жена брата Петра Николаевича ВАСИЛЬЕВА, – и ЛЕМАН⁷⁶. Оба были высланы в 1929 г. за принадлежность к нелегальному антропософическому обществу. Из оставшихся в Ленинграде антропософов мне известны ЩУЦКИЙ Юлиан – работает в Азиатском музее, специалист по китайскому языку, ЛЕБЕДЕВ Алексей Дмитриевич – инженер, и ДЕПП Мария Николаевна – преподавательница языков⁷⁷.

Связь с Ленинградским обществом поддерживалась мною и ВАСИЛЬЕВОЙ К.Н. через ЛЕМАНА и ВАСИЛЬЕВУ Е.И. С высылкой их у меня связь была через ЩУЦКОГО и ЛЕБЕДЕВА, а через кого имела связь ВАСИЛЬЕВА, мне было уже <не> известно.

Ленинградское Общество пользовалось сведениями, которые получали мы, так, в частности, им была передана ВАСИЛЬЕ-

ВОЙ К.Н. часть литературы, привезенной из-за границы. Эту литературу получили ЛЕМАН и ВАСИЛЬЕВА Е.И.».

(пок<азания> обв<иняемого> ПЕТРОВСКОГО, от 24 мая).

«Из Ленинградского Общества антропософов мне известны: ВЛАДИМИРОВА Лидия Павловна, ВЕЛИКАНОВА Ал<ексан>дра Анатольевна – жена инженера, ШУЦКОЙ Юлиан, филолог, ЛЕБЕДЕВ – химик.

Прездом из-за границы через Ленинград моя жена два раза встречалась с отдельными членами Ленинградского антропософического общества. Связь с Ленинградским обществом была».

(пок<азания> обв<иняемого> ВАСИЛЬЕВА, от 5 июня).

«Я видел ЛЕМАНА летом, кажется, 1925 года, когда он, во время своего отпуска, заезжал ко мне на дачу под Москвой, из его слов я вывел, что во время его отсутствия из Ленинграда большинство членов прежнего общества растерялись и появляются люди, интересующиеся идеями антропософии, с которыми он беседует, вел какие-то беседы с несколькими учеными».

(пок<азания> обв<иняемого> ГРИГОРОВА, от 29 мая).

«Из Ленинградских антропософов я знаю: 1) БРЮЛЛОВУ Лидию Павловну, 2) ШУЦКОГО Юлиана Константиновича, 3) ЛЕБЕДЕВА Алексея Дмитриевича, 4) его жену – имя и отчество не помню.

В мое пребывание теперь в Детском Селе с писателем А.Белым из Ленинграда приезжал ШУЦКОЙ, который рассказал мне, что по месту его службы в Ленинграде в стенной газете появилась статья с просьбой к нему, как антропософу, изложить в стенной же газете свои мировоззрения, и говорил примерно, что он должен будет написать в ответ на эту статью».

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 4 июня).

«Во время моего последнего пребывания в Детском Селе, я встречалась с СПАССКИМИ, которые были у меня в Детском 2–3 раза, и я заезжала один раз к ним в Ленинград.

Там же в Детском я виделась с ВАСИЛЬЕВЫМ В.Н., который вернулся из Ташкента и был у меня 2 раза».

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 8 июня).

«В Ленинграде работа антропософов носила характер организованной работы».

(пок<азания> ВАСИЛЬЕВА, от 15 июня).

«В России, поскольку мне известно, антропософы имелись в следующих местах: в Москве, Ленинграде, на Северном Кавказе,

в Ростове-на-Дону и в Краснодаре, в Сибири – в Иркутске, на Украине – в Харькове, в Средней Азии – в Ташкенте. Из Ленинградских антропософфов я знаю: ЛЕБЕДЕВА Алексея Дмитриевича и его жену, ШУЦКОГО Юлиана Константиновича, БРЮЛЛОВУ Лидию Павловну, ВЕЛИКАНОВУ Ал<ексан>дру Антоновну <так!>, СПАССКОГО Сергея Дмитриевича и его жену. СПАССКИЙ и его жена скорее хорошие знакомые БЕЛОГО, чем мои.

В Краснодаре знала ВАСИЛЬЕВУ Елизавету Ивановну и ЛЕМАНА Бориса Алексеевича; в Краснодаре с ними познакомился МИХИН.

В Иркутске знаю, что была какая-то учительница музыки, но имя, отчество и фамилию ее не помню.

В Харькове была КИСЕЛЕВА Анна Никифоровна, которая года 2–3 тому назад переехала в г. Воронеж, там же живет антропософ ГЕРЦ Георгий. Оба они в феврале текущего года к нам заезжали в Кучино. КИСЕЛЕВА занимается музыкой, чем занимается ГЕРЦ – не знаю.

Во время моей поездки по Грузии с БЕЛЫМ в Тифлисе мы виделись с антропософкой СИЛЬНИКОВОЙ – сестрой МИХИНА.

В Ташкенте знала ВАСИЛЬЕВА Всеволода Николаевича, брата моего мужа и его жену».

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 5 июня).

Нелегальные условия работы выдвигали необходимость размножения литературы для нужд организации. С этой целью получаемая из-за границы нелегальная литература членами организации переводилась, размножалась на имевшихся специально для этой цели пишущих машинках и распространялась среди членов организации и «интересующихся». Обвиняемые, участники организации, об этом дали следующие показания:

«Я знала о том, что ввиду невозможности приобрести антропософическую литературу некоторыми лицами делались переводы с немецкого языка книг Штейнера, а также эти книги перепечатывались в нескольких экземплярах».

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 4/VI).

«Мне было известно, что антропософическая литература переводилась с немецкого языка. Это делалось Васильевой. От А.Белого и Васильевой я знал, что антропософическая литература размножалась, но кто это делал – неизвестно. Также было известно, что такая же литература привозилась из-за границы».

(пок<азания> обв<иняемого> Зайцева, от 7/VI).

«Лично я делал переводы с немецкого языка следующих книг: 1) “Философия свободы” – Р. Штейнера, 2) “Основные черты теории познания Гете” – Р.Штейнера, и 3) еще одну брошюру о Гете – название точно не помню⁷⁸. Помимо меня в Москве занималась переводом Васильева К.Н. В Ленинграде переводами занималась Васильева Е.И. Перепечатывались эти переводы Васильевой К.Н. и Невейновой Е.А.»

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 4/VI).

«После ликвидации общества отдельные члены такового взяли на себя инициативу объединить антропософов для нелегальной работы. В частности, я, с ведома К.Н.Васильевой, взяла к себе на квартиру пишущую машинку о-ва для перепечатки литературы.

На пишущей машинке я перепечатывала в нескольких экземплярах нелегальную антропософическую литературу, которую распространяла между членов кружка. Литературу для размножения на машинке мне приносила Васильева, иногда же я сама брала такую или у Васильевой, или еще у кого-либо из членов общества».

(пок<азания> обв<иняемой> Невейновой, от 18/V).

«Находясь в условиях режима Советской власти, запретившей легальное существование общества, организация перешла на активную борьбу с этими мероприятиями Советской власти. Кроме перехода на нелегальное существование организации, мы вынуждены были перейти на размножение необходимой для нашей работы литературы, запрещенной и изъятой Соввластью.

Мне известно, что размножением данной литературы занималась Рудакова, от которой я получил изъятый у меня экземпляр. В каком количестве и кто давал об этом указания Рудаковой, а равно кто еще занимался размножением литературы, мне неизвестно. Один раз я просил Рудакову перепечатать для меня лекцию “Илья и Моисей”⁷⁹, что и было сделано Рудаковой».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 4/V).

«Признаю себя виновной в том, что размножала на пишущей машинке нелегальную литературу, которую для размножения приносил мне Михин Георгий Александрович, по профессии – юрист, являющийся братом Шанько Екатерины Александровны. Помню, что Михин приносил мне для перепечатки следующие вещи: “Загадки философии”⁸⁰, “Моисей и Илья”, какую-то лекцию о воспитании и еще что-то, но что именно – не помню.

Я считаю, что размножение антропософической литературы, за-
прещенной Соввластью, а потому являющейся нелегальной, а также
и работа антропософов после закрытия о-ва – является одним из ме-
тодов противодействия отдельным мероприятиям Соввласти».

(пок<азания> обв<иняемой> Рудаковой, от 4/V).

Организация черпала пополнение своих рядов <так!> исключи-
тельно из среды той части интеллигенции, которая ближе всего по
своим убеждениям подходит к ее к/р идеологии. Имевшийся рост
организации, что подтверждают нижеприведенными выдержками из
показаний сами обвиняемые, – и был, главным образом, из этой сре-
ды кругов а/с интеллигенции.

«Наша организация росла за счет интеллигенции а/советски
настроенной, т. к., находясь в нелегальных условиях, мы могли
вербовать только лиц, на которых можем положиться. Несмотря
на то, что я лично и высказывал точку зрения, что нам вовлекать
новых лиц не следует, все же, когда таковые приходили или при-
водились другими, я их принимал. Этим самым я давал возмож-
ность другим лицам из нашей организации заниматься вербовкой».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 4/V).

«Антропософы, являясь лицами антисоветски настроенными,
искали как по служебной, так и по линии близких знакомств об-
щения с лицами одинаковой идеологии. Поэтому имевшийся рост
нашей организации шел по этим путям за счет антисоветски на-
строенной интеллигенции».

(пок<азания> обв<иняемой> Васильевой, от 15/VI).

«В нашем обществе рост имелся, но очень незначительный,
т. к. не было тех легальных возможностей, которые бы обеспечи-
вали рост. Пополнялось наше общество исключительно за счет
знакомых членов общества».

(пок<азания> обв<иняемого> ПЕТРОВСКОГО, от 24 мая).

«Пополнение рядов нашего общества было за счет антисовет-
ски настроенной интеллигенции».

(пок<азания> обв<иняемого> ВАСИЛЬЕВА, от 15 июня).

В противовес очевидным успехам нашего культурного роста, ук-
реплению Соввласти, организация усилила свою к/<r> деятельность.
Об этом обвиняемая НЕВЕЙНОВА дает следующее показание:

«Наряду с укреплением Советской власти, с очевидными ус-
пехами системы классового воспитания, мы также усиливали

свою борьбу, поскольку могли, исходя из наших сил и возможностей. Если после ликвидации О-ва занимались в кружках только антропософы – самосовершенствуясь, то впоследствии в кружках появилась молодежь, в частности, в кружке МОИСЕЕВА, а также был организован детский кружок, где детям в возрасте от 3 до 6 лет прививались определенные взгляды».

(пок<азания> от 17 мая).

Усиливая свою деятельность, организация основной упор давала на подготовку новых кадров для борьбы с Соввластью. Применительно к этим новым условиям и была построена работа кружков. Все занятия кружков были пропитаны а/с содержанием. Наряду с пропагандой антимарксистских установок в философии, подвергалась обсуждению и резкой критике вся политика Сов. Власти и партии. Актив организации стоял на точке зрения, что Соввласть не может существовать, т. к. пролетарская революция – явление незаконное и как таковое – проходящее. Исходя из этой точки зрения, сущность установок, даваемых в кружках, сводилась к отрицанию Совласти.

«Работа, проводимая в кружках МОИСЕЕВЫМИ по вербовке и воспитанию молодежи, проводилась в антисоветском духе, противопоставляя себя современному строю. На собраниях прорабатывалась философия с идеалистическим уклоном.

В первых же встречах с В.М.МОИСЕЕВЫМ у нас шел разговор о чистой философии, а затем в дальнейших беседах познакомился с философией идеалистической. На одном из собраний, примерно, в начале апреля присутствовало около 15 чел., преимущественно молодежь, которая была предварительно путем соответствующих бесед обработана. На этом собрании в моем присутствии МОИСЕЕВ доказывал о существенной разнице и преимуществе идеализма над материализмом, говоря, что пока в Советском Союзе преобладает неправильное материалистическое воззрение и что поэтому мы противопоставляем себя Советскому обществу. Припоминаю, что кроме указанных Рудаковой и Шанько Т. присутствовали на собраниях – ВЫБОРНОВА Татьяна и ТАТАРИНОВА Н.Н.».

(пок<азания> обв<иняемого> Красновского М., от 10/V).

«Работа МОИСЕЕВА В.М. по воспитанию молодежи в идеалистическом направлении, а также занятия МОИСЕЕВОЙ Н.М. с молодежью эвритмией, являлось нелегальной антисоветской дея-

тельностью, поскольку молодые люди воспитывались в идеалистическом, не советском духе. Предоставление мною Моисеевой своей квартиры для занятий с молодежью, а также мое участие на вечере, устроенном на рождестве у меня на квартире, где я с др. антропософами принимал участие в эвритмии для присутствовавшей на этом вечере молодежи, также считаю антисоветским действием, т. к. это способствовало закреплению идеалистических мировоззрений у этой молодежи, которые прививались Моисеевым»...

(пок<азания> обв<иняемого> Татаринова, от 11/V).

«Занятия нашего кружка носили явно антисоветский характер, это проявлялось в том, что преподносимое нам Моисеевым учение, отрицающее не только отдельные мероприятия Соввласти, но отрицало самую сущность Соввласти.

Характеризует это <...> установка, выдвигаемая на занятиях Моисеевым о том, что Соввласть не может быть близка и воспринята антропософами, т. к. основана на материалистическом учении.

Вследствие таких установок, даваемых Моисеевым, все занятия нашего кружка были пропитаны а/с содержанием и направлены к воспитанию из среды членов об-ва людей с а/сов. настроениями».

(пок<азания> М.Красновского, от 12/V).

«Среди нас существовала точка зрения о том, что Соввласть не может существовать, так как мероприятия ее идут вразрез с идеологическими убеждениями, каковые мы считали единственно правильными. Таковую точку зрения высказывали ПЕТРОВСКИЙ А.С., ТАТАРИНОВ В.Н., ТАТАРИНОВА Н.Н. и я».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 4/V).

Конкретно наша деятельность была направлена на воспитание а/с кадров, путем работы в кружках, где людям прививалась соответствующая идеология, исходящая из сущности нашего учения».

(пок<азания> обв<иняемого> Петровского, от 17/VI).

«В кружке “интересующихся антропософией” я стал работать примерно с <19>28 г. Первоначально кружок имел чисто литературный характер (изучалась русская и иностранная литература). При своих беседах я исходил из антропософической точки зрения и тем самым, в процессе проработки, прививал слушателям соответствующую идеологию».

(пок<азания> обв<иняемого> Моисеева, от 3/V).

«Участие мое в этом кружке заключалось только в том, что я посещала его собрания, выслушивая лекции В.М.МОИСЕЕВА. Вне этого кружка я ничего не делала, даже не работала над собой, хотя эта работа рекомендовалась МОИСЕЕВЫМ. Я знала, что, помимо этого кружка, были еще подобные кружки, хотя участников и их руководителей я лично не знала, т. к. каждый руководитель не информировал об этом своих кружковцев. Собрания кружка устраивались приблизительно один раз в две недели и носили конспиративный характер. На собраниях, кроме лекции по антропософии, происходили разговоры, затрагивающие современную действительность. Дальнейший прогресс и развитие культуры МОИСЕЕВЫМ и кружковцами совершенно отрицался, т. к. считал, что развитие возможно только на духовной основе, материалистические же пути ведут культуру к деградации. На этих занятиях кружковцам прививалось идеалистическое мировоззрение, отрицающее материалистическое миропонимание. В связи с этим подвергались критике и опровержению мероприятия Советской власти, как-то: коллективизация с/хозяйства, ликвидация кулака как класса, и т. д. Собрания кружка созывались путем оповещения друг друга по инициативе руководителя МОИСЕЕВА, и в целях предосторожности после окончания собрания участники расходились не все сразу, а по одному.

На собраниях кружка отдельные участники высказывались по вопросам текущей политики Советской власти: Н.Н.ТАТАРИНОВА говорила: «Стало жить очень тяжело под гнетом Молотова и Сталина». ДЛУГАЧ, по поводу доклада Каменева, в котором он назвал генерала Лукомского стопроцентной сволочью⁸¹, сказала: «Еще неизвестно, кто из них сволочнее». МОИСЕЕВ же часто высказывал, что у нас везде развал, куда посадят коммуниста, там все валится, в школах же творится что-то ужасное, бедные дети выйдут совершенно опустошенные.

Кроме того, попутно с разбором антропософического понимания вещей, подвергались беспощадной критике все установки материализма. Процессы вредителей, в частности процесс меньшевиков, истолковывался, что все это инсценировка для того, чтобы оправдать неудачную политику. Такую точку зрения разделяла ДЛУГАЧ.

В общем, вся деятельность кружка сводилась к воспитанию молодежи в духе, противном Советской власти и материалистическому пониманию, к увеличению числа лиц с а/советским настроением. Состав кружков был почти исключительно из а/совет-

ской интеллигенции. Признаю, что деятельность нелегального антропософического общества сводилась к отрицанию всей сущности и политики Советской власти и коммунистической партии. Таким образом, это нелегальное общество под флагом аполитичности, по существу, являлось контрреволюционной организацией – школой а/советских кадров для противодействия социалистическому строительству».

(пок<азания> свид<етеля> ***, от 13 мая).

Критика мероприятий Сов. Власти, которая проводилась на занятиях кружков, была рассчитана, главным образом, на то, чтобы участники кружков, получив соответствующие установки, могли переносить их в массы и применять в практике своей работы по месту службы. Участники кружков вели антисоветскую агитацию, как на службе в кругу своих сослуживцев, так и среди своих знакомых, подвергая резкой критике все хозяйственно-политические мероприятия Соввласти и партии.

По месту своей работы, со стороны участников к/р организации, если не было элементов непосредственного вредительства, то все же даваемые в кружках установки на качество их работы сказывались. Один из активных участников организации ГРИГОРОВ был вычищен с работы по 1-й категории, КАЛИКИНА также была вычищена из школы⁸². Режиссер ТАТАРИНОВ давал рабочему зрителю идеологически и классово невыдержанную продукцию и т. д. Кроме того, участники организации использовали свое служебное положение для нужд своей организации.

Обвиняемые по этому вопросу дали следующие показания:

«На занятиях наших антропософических кружков обсуждались мероприятия Советской власти в плоскости их критики. Постановка обсуждения мероприятий Советской власти в антисоветском духе вызывалась потребностью в этом самих кружковцев как лиц антисоветски настроенных и рассчитана была на то, что ими будет проводиться дальше среди лиц, имеющих с ними общение».

(пок<азания> обв<иняемого> МОИСЕЕВА, от 21 июня).

«Поскольку антропософы были недовольны мероприятиями Советской власти, постольку при встречах они при обсуждении этих мероприятий выражали свои недовольства. У отдельных антропософов их антисоветские настроения отражались и на продуктивности работы в тех аппаратах, где они работали».

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 15 июня).

«Среди нас были школьные работники, как КАЛИКИНА, НА-ЗАРЕВСКАЯ, которые, занимаясь воспитанием детей, могли прививать им идеалистические мировоззрения. Точно так же библиотечные работники, как ПЕТРОВСКИЙ и МОИСЕЕВ, в своей практической работе могли делать несоветское дело, рекомендуя читателям литературу идеалистического порядка, чем также действовали на антисоветское воспитание. Точно так же работники искусства и литературы, как ТАТАРИНОВ, БЕЛЫЙ и ЗАЙЦЕВ, также способствовали несоветскому идеалистическому воспитанию, проводя свою идеологию.

Однажды ШАНЬКО <Т.Б.> в разговоре со мной узнала*, что ее родители также являются антропософами и что необходимую антропософическую литературу она достает из Ленинской библиотеки, где она работает».

(пок<азания> обв<иняемого> М.Красновского, от 17 мая).

«В практической деятельности по месту своей работы со стороны отдельных членов нелегального о-ва если и не было элементов непосредственного вредительства, то все же их взгляды и убеждения не сказаться на качестве работы, безусловно, не могли. В частности, я, работая в биб<лиотеке> им. Ленина, брал из этой б-ки антропософические книги, которые давал для чтения антропософам, занимающимся в кружках, т. е. использовал свое служебное положение и доверие, оказанное мне Соввластью, во вред последней, давая литературу для воспитания кадров против Соввласти. ГРИГОРОВ, работая во “Всехимпроме”, был вычищен по 1-й категории. КАЛИКИНА также была вычищена из школы. ТАТАРИНОВ с женой, работая в театре и по своим убеждениям считая, что искусство должно быть совершенно свободно от политики, не мог как режиссер давать доброкачественную, идеологически и классово выдержанную продукцию своего творчества для рабочего зрителя. Помимо этого, все мы, поскольку не разделяли политику Соввласти, сторонились всякой обществ<енной> работы и, будучи людьми высокообразованными, намеренно не помогали Соввласти в проведении тех или иных общественных начинаний. При обсуждении различных мероприятий Соввласти все мы подходили к ним с точки зрения своих убеждений, – в результате чего все мероприятия подвергались резкой критике. Наша связь с заграницей, получение указаний на развертывание работы в СССР, что нами принималось и прово-

---

* По смыслу должно быть – «сказала».

дилось в жизнь, также является фактом нашей бесспорно контрреволюционной деятельности. Желая чистосердечно раскаяться в своих действиях против Соввласти, считаю своим долгом об этом заявить, дабы тем самым доказать ошибочность своей деятельности и получить возможность работать по мере моих сил и возможностей на пользу рабочему классу».

(пок<азания> обв<иняемого> ПЕТРОВСКОГО, от 17 июня).

«Между мною и антропософами, которые занимались в моем кружке, бывали разговоры о политике Советской власти. Конкретно, на какие отдельные темы велись эти суждения, – сейчас не помню. Знаю, что по моей инициативе было суждение о темпах социалистического строительства, которые мы считали непосильными и которые, по нашему мнению, необходимо было снизить.

Точно так же имелись суждения об организации колхозов и о политике ликвидации кулачества как класса. Эту политику Соввласти мы считали безусловно неверной и находили, что вести борьбу с капиталистическими элементами не следует.

Все лица, которые присутствовали при подобных суждениях – приходили к общему мнению о неправильной политике Соввласти. Помимо антропософов по вопросам политики Соввласти лично я говорила и с другими людьми, ничего общего с антропософией не имеющими. В частности, у себя на службе со своими сослуживцами, с которыми я, почти со всеми, в весьма хороших отношениях. Допускаю возможность, что и другие антропософы также по этим вопросам имели суждение при общении со своими знакомыми не антропософами и, конечно, при этом исходили из наших антропософических установок».

(пок<азания> обв<иняемой> НЕВЕЙНОВОЙ, от 22 июня).

Имеющиеся в деле документы и свидетельские показания также с достаточной ясностью характеризуют, каким образом даваемые установки в кружках – участниками последних применялись в их практической работе.

«За поверхностное, безынициативное отношение и чиновничий подход к делу текущего планирования, выразившееся в штамповании трестовских и заводских цифр без соответствующего анализа и корректив, за вредную политику, проводимую при составлении пятилетнего плана химпромышленности, которая вела к сокращению капиталовложений к концу пятилетия в фармацевтической промышленности, идущую вразрез с правительственными директивами.

Как не имеющего ни теоретической, ни практической подготовки в области планирования химической промышленности, как социально чуждого Советской власти – снять т. ГРИГОРОВА из аппарата Всехимпрома по 1-й категории⁸³».

(Выписка из протокола заседания комиссии по чистке аппарата «Всехимпрома» от 27/VII-30 г.).

«ГРИГОРОВ Борис Павлович – муж Надежды Афанасьевны ГРИГОРОВОЙ⁸⁴, бывшей дочери миллионера Бурышкина⁸⁵, фабрикантши, помещицы, домовладелицы (особняк) дом №6 по Садово-Кудринской.

Во время пребывания его в составе непролетарского Правления Жилтоварищества – в 1922 году, всячески тормозил изъятие 10% площади у “бывших”, которыми в то время был заселен весь дом, препятствовал вселению коммунистической и рабочей части 10%-ков. После вывода его из состава Правления (когда руководство домом взяла коммунистическая и рабочая часть) он долгое время активно на собраниях членов жилтоварищества агитировал, голосовал и проводил враждебную нам линию, стараясь вместе с другими “бывшими” людьми взять руководство органами жилтоварищества в свои руки.

В общественной жизни никакого участия не принимает, проводит враждебную нам агитацию (игра на хлебных затруднениях и т. п.). Гр. ГРИГОРОВ был представлен Домоуправлением к лишению избирательных прав, причем до сего времени сведений о восстановлении его в правах не имеется.

(Выписка из отношения фракции Правления ЖАКТа⁸⁶ за №2228/4 с).

«По общему впечатлению группы ответственных работников Союза гр. ТАТАРИНОВ является человеком идеологически чуждым и не имеющим большой ценности для театра».

(Выписка из характеристики ТАТАРИНОВА – Председателем Обл.астного Отд.еления Союза рабис⁸⁷).

«Режиссер ТАТАРИНОВ преподавал в студиях Пролеткульта. Отдельные задания ученикам часто носили болезненный характер. Чрезмерное копание в психологии молодых студийцев.

Темы заданий были неактуальны, несвоевременны. В общественной работе участия не принимает.

Как деталь, можно указать, что постановка им пьесы для агитбригады, направляемой на весенне-посевную кампанию, первоначально не была принята Художественно-Политическим

Советом и Реперткомом, ввиду того, что фигура кулака была там выведена добродушной и безвредной; по указанию этих организаций пьеса была переделана».

(Выписка из характеристики ТАТАРИНОВА руководителем театральной группы Облбраса).

«Знаю ТАТАРИНОВА – режиссера МХАТа с 1922 г. как одного из ближайших друзей уехавшего за границу артиста МХАТа ЧЕХОВА. ЧЕХОВ, пытаясь создать свой театр, в котором предполагал отобразить жизнь и дать соответствующую, с мистическим уклоном трактовку апостолам и событиям из евангелия, думал привлечь к этой работе ТАТАРИНОВА, как своего единомышленника; что касается режиссерской деятельности ТАТАРИНОВА, то нужно сказать, что все вещи, в постановке которых он принимал участие (“Гамлет”, “Хижина дяди Тома”⁸⁸) носили явный отпечаток мистицизма и идеологической* философии. Несомненно, что как режиссер ТАТАРИНОВ в нашей советской действительности, с материалистическими установками, является совершенно неприемлемым и вредным. Наряду с систематическим внедрением идеалистической философии в некоторые постановки МХАТа, ТАТАРИНОВ оказывал большое влияние в этом смысле и на артистический молодежный театр. Это влияние проводилось на репетициях и занятиях артистов, путем разъяснения им содержания и формы той или иной постановки исключительно в мистическо-идеалистическом направлении. Татариновым готовились актеры по методу, от которого большинство театров давно уже отошло. Этот метод явно сказался в постановке Чехова–Татаринова “Гамлета”⁸⁹. Трактовка Чеховым всей пьесы и роли Гамлета, в свое время получив заслуженную оценку печати и советской общественности, с точки зрения идеалистической с большим уклоном в мистицизм – безнадежность. Для того, чтобы подготовить актеров к этой постановке, ТАТАРИНОВ и ЧЕХОВ прибегали к особенным для нас чуждым методам работы не только над ролью, но и моральным состоянием душевного равновесия актера-участника спектакля.

Основная их установка при работе над “Гамлетом” была та, что для того, чтобы передать верно трактовку пьесы – обреченность в образах, – актеры должны освободиться как бы от всего земного и окружающего, быть более свободными духом для овладения необходимым настроением.

---

* По смыслу должно быть – «идеалистической».

Достигалось это следующим образом:

Мне известно, что в течение подготовительных репетиционных работ над “Гамлетом” участники спектакля почти ежедневно под руководством ТАТАРИНОВА и ЧЕХОВА упражнялись с “мячом”⁹⁰. Делалось это так: актеры ставились в круг, перебрасывались мячом, причем это делалось с установкой такой – не просто перебрасываться для каких-то упражнений, а для достижения внутренней гармонии между участниками. После некоторого времени этой работы с перебрасыванием мяча, актер как бы при посредстве ритма освобождает свое душевное состояние от постороннего и всего мешающего ему сегодня в жизни. Освобожденный актер, находясь в этом творческом трансе, может легко и в нужном им, режиссерам, направлении уже репетировать над текстом “словом”.

Таким образом подготовлялась работа над “Гамлетом”. Совершенно естественно, что такие методы работы с живыми людьми совершенно калечили людей, а не подготовляли нужные нам художественные кадры с твердыми материалистическими установками. Все вышесказанное мною заставляет меня прийти к выводу, что деятельность ЧЕХОВА и ТАТАРИНОВА, а впоследствии одного ТАТАРИНОВА в МХАТе 2-м была деятельностью вредительской на фронте искусств. Считаю, что ТАТАРИНОВ был достаточно политически грамотен и понимал, и знал, что всей своей работой он приносит нам не пользу, а вред. А делал это он потому, что, как мне представляется, – это вытекало из всей его антисоветской установки и убеждений.

Лишним штрихом для характеристики настроений ТАТАРИНОВА является участие и довольно активное в группировке Остроградского, проводившего в доме по Брюсовскому пер. при пере выборах Правления установку срыва окоммунизации Правления дома».

(пок<азания> свид<етеля> ***).

«ПЕТРОВСКИЙ антиобщественник. ПЕТРОВСКИЙ в своей библиотечной работе советской инициативы не проявлял. Ответственные организации относились к нему с подозрением. В повседневной жизни к коммунистам в биб<лиоте>ке ПЕТРОВСКИЙ относился неприязненно, часто были столкновения со мной, как с секретарем парт<ийной> ячейки относительно коммунизации аппарата. И последнее, что хочу отметить о ПЕТРОВСКОМ, – его подбор работников в своем отделе, где из 6–7 сотрудников 5 бывших дворян, но при всем нажиме местной ячейки

и месткома в отделе комплектования (завом был Петровский) не могли провести на работу не только коммунистов, но и общественников из беспартийных».

(Выписка из характеристики ПЕТРОВСКОГО – секретаря <так! т.е. составленной секретарем. – М.С.> парт. ячейки).

«Следует отметить, что периодическая литература на немецком языке соц<иал-?> фашистов и др., где имеются антисоветские контрреволюционные статьи, всегда задерживается <так!>. Например, январский номер получаю позже, чем февральский, заметно, что он читал. Такие случаи повторялись и повторяются до сих пор. ПЕТРОВСКИЙ коммунистов в свой отдел не допускал».

(пок<азания> свид <етеля> ***).

Отрицая систему классового воспитания, организация всеми имеющимися в ее распоряжении возможностями противодействовала советской системе воспитания детей.

Считая, что воспитание в СССР должно быть вне государственного влияния, организация уделяла большое внимание работе детских кружков, где детям дошкольного возраста прививались идеалистические навыки.

Эвритмия, как один из методов «воспитания» детей, антропософами был перенесен в СССР из Германии по указаниям руководителей Германского О-ва. Занятия с детьми эвритмией антропософами широко практиковалось, что является одной из разновидностей их нелегальной работы, направленной на борьбу с советской системой воспитания, в целях подготовки будущих а/с кадров.

«Эвритмия является методом гармонического развития человека и тем самым – способствует его внутреннему усовершенствованию. Таким образом, эвритмия входит в общую систему духовного развития человека как составная часть антропософического мировоззрения».

(пок<азания> обв<иняемого> МОИСЕЕВА, от 6 июня).

«Не разделяя советское воспитание детей, антропософы путем создания детских эвритмических кружков прививали детям духовные идеалистические мировоззрения».

(пок<азания> обв<иняемого> ВАСИЛЬЕВА, от 15 июня).

«Во вторую поездку мне также было поручено ознакомиться с работой немецкого общества и с эвритмией.

При поездке МОИСЕЕВОЙ за границу последняя получила указания от Марии Яковлевны ШТЕЙНЕР о необходимости пе-

ренесения детской эвритмии в Россию. МОИСЕЕВА по приезде из-за границы приступила к созданию детской эвритмической группы»).

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 7 июня).

«Моей сестре было передано указание о необходимости введения в России детской эвритмии. Эти указания давались ШТЕЙНЕР М.Я. У нас детская эвритмия была введена после приезда моей сестры из-за границы и разговора ее с М.Я.ШТЕЙНЕР. Цель детской эвритмии – привить детям идеалистические мировоззрения»).

(пок<азания> обв<иняемого> МОИСЕЕВА, от 17 июня).

«По желанию антропософов предполагалось организовать занятия эвритмией с детьми антропософов. С таким предложением к моей сестре, МОИСЕЕВОЙ Наталии Михайловне, обратилась антропософ ЖЕМЧУЖНИКОВА Мария Николаевна.

Впоследствии НЕВЕЙНОВА говорила моей сестре, что она будет руководить занятиями по эвритмии с детьми антропософов. Про эти занятия мне ничего не известно. Моя сестра в своих занятиях по музыке с детьми не членов антропософ<ского> об-ва практиковала метод введения в занятия элементов эвритмии»).

(пок<азания> обв<иняемого> МОИСЕЕВА, от 16 мая).

«Считая, что воспитание должно развивать духовное мировоззрение, мы в советском воспитании детей видели противоположные установки нашим понятиям воспитания, поэтому пришли к необходимости дать детям эвритмическое воспитание. В этих эвритмических детских кружках, наряду с эвритмией, проводились беседы идеалистического направления, все это взятое вместе развивало в детях идеалистическое мировоззрение»).

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 15 июня).

«Помимо указанной своей нелегальной контрреволюционной деятельности я занималась эвритмией с детьми. В кружке у меня были следующие дети: 1) ЗАЙЦЕВА Светлана – 6 л, 2) ЖЕМЧУЖНИКОВА Нина – 3 л., 3) АНИСИМОВ Борис – 4 л. и 4) ШМЕРЛИНГ Михаил – 5 лет⁹¹. Из них ЗАЙЦЕВА Светлана отказалась впоследствии посещать мои занятия, т. к. воспитание, преподанное ей в детском садике, где она занималась, очевидно, взяло верх над моим преподаванием эвритмии. Этот детский кружок занимался на квартире у ЖЕМЧУЖНИКОВОЙ Нины Петровны⁹²»).

(пок<азания> обв<иняемой> НЕВЕЙНОВОЙ, от 15 мая).

«Знаю антропософку НЕВЕЙНОВУ Елену Васильевну, которая была у меня несколько раз и раз на репетиции моих учеников. С этими учениками я занималась у себя на квартире. Ученики следующие: МАЛИНИНА Лидия – 8 л., СИМАКОВ Борис – 10 л., Георгий – 8 л., отец их инженер, ЕРМАКОВА Нина – 8 л., СТАРОСТИНА Валентина – 8 л., дочь служ., ГУТНЕР Галина, дочь служ., 9 л., ЛИСАГОРОВСКАЯ Нина – 8 лет, дочь инж., ТРАУБЕНБЕРГ Николай – 11 л., сын служ., ТУРТЫГИНА Анна – 11 л., дочь служ., ТЕРЕБУШКО Елена – 11 л., дочь инж., ПОНОМАРЕВА Тамара – 9 лет., дочь служ., СУВОРОВА Элеонора – 10 лет, дочь служ., ГРИШКОВА Ал. Евд. Занятия с этими детьми велись мною 2–3 раза в неделю».

(пок<азания> обв<иняемой> МОИСЕЕВОЙ, от 24 мая).

«Лично я руководила детским кружком, в который входили: АСПЕЛУНД Юрий, 3-х лет, отец его не антропософ; ПАВЛОВ Платон, 3-х лет, отец его ПАВЛОВ Александр Федорович – антропософ; БУМАКОВ Игорь, 6 лет, родители не антропософы; ГЛЕБО-КОШАНСКИЙ Владимир, 6 лет, его мать ГЛЕБО-КОШАНСКАЯ Ольга Анатольевна, по профессии врач, – антропософка, живет в Банковском пер.⁹³. Остальных детей, бывших на кружке, не помню, т. к. состав их был текучий и собиралось их иногда до 12 человек. Были и из провинции».

(пок<азания> обв<иняемой> МОИСЕЕВОЙ, от 24 мая).

«Кажется, в 1929 году у меня обучались эвритмии БРЮЛЛОВА-ВЛАДИМИРОВА и ЛЕБЕДЕВА, каковые впоследствии имели эвритмический кружок в Ленинграде».

(пок<азания> обв<иняемой> ВАСИЛЬЕВОЙ, от 15 июня).

РЕЗОЛЮТИВНАЯ ЧАСТЬ

На основании материалов предварительного следствия по настоящему делу,

О Б В И Н Я Ю Т С Я :

1) *ВАСИЛЬЕВА Клавдия Николаевна*, 1886 г. р., русская, происходящая из станицы Усть-Медведицкой, дворянка, дочь члена Судебной палаты, с незаконченным высшим образованием, б/п, со слов – не судима, по профессии литературный работник, проживающая

до ареста временно в Ленинграде, имеющая постоянное место жительства в Москве, Плющиха, д. 53, кв. 1,

в том, что являлась одной из руководителей нелегальной к/р организации антропософов, представляла на заграничных съездах антропософов, руководила работой антропософов других городов СССР. Переводила и распространяла нелегальную литературу, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновной себя признала⁹⁴.

2) *ПЕТРОВСКИЙ Алексей Сергеевич*, 1881 г. р., русский, происход<ит> из г. Москвы, сын дворянина, с высшим образованием, б/п, в запасе РККА⁹⁵ не состоит, со слов – не судим, по профессии научный библиотечный работник б<ibliote>ки им. Ленина, проживавший до ареста по адресу: Москва, Моховая, д. 3, кв. 10,

в том, что, являясь одним из руководителей нелегальной к/р организации, активно участвовал в ее работе, переводил и распространял нелегальную литературу. Использовал свое служебное положение в интересах к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновным себя признал⁹⁶.

3) *ГРИГОРОВ Борис Павлович*, 1883 г. р., русский, происх<одит> из г. Москвы, сын служащего крупной частной фирмы, с высшим образованием, б/п, в запасе РККА не состоит, со слов – не судим, по профессии юрист, в настоящее время преподаватель немецкого языка в Моск<овском> энергетическом ин<ституте>, проживавший до ареста в Москве по Садово-Кудринской ул., д. 7, кв. 2. До работы преподавателем немецкого языка работал во «Всехимпроме», оттуда был вычищен по 1-й категории, при поступлении в Ин-т это обстоятельство скрыл,

в том, что, являясь одним из руководителей нелегальной к/р организации, имел связь с заграницей и филиалами этой организации в других городах СССР. Занимался переводом нелегальной к/р литературы, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновным себя признал⁹⁷.

4) *ВАСИЛЬЕВ Петр Николаевич*, 1885 г. р., русский, происходит из г. Ленинграда, сын врача, с высшим образованием, б/п, в запасе РККА не состоит, со слов – не судим, по профессии врач, проживал до ареста по адресу Плющиха, д. 53, кв. 1,

в том, что являлся активным участником нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновным себя признал⁹⁸.

5) *МОИСЕЕВ Владимир Михайлович*, 1897 г. р., русский, происходит из г. Москвы, сын служащего бухгалтера, с высшим образованием, б/п, в запасе РККА не состоит, со слов – не судим, по профессии библиограф, работает старшим библиографом Научно-исследовательского ин-та с/х экономики при академии им. Ленина, проживавший до ареста по Пятницкой ул., д. 42, кв. 1,

в том, что, являясь активным участником нелегальной к/р организации, участвовал в работе нелегальных кружков и руководил кружком молодежи. Вел а/с агитацию, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновным себя признал⁹⁹.

6) *МОИСЕЕВА Наталия Михайловна*, 1901 г. р., русская, происх<одит> из г. Москвы, дочь бухгалтера, с высшим образованием (специальным), б/п, со слов – не судима, по профессии преподавательница музыки, проживала до ареста по Пятницкой ул., д. 42, кв. 1,

в том, что являлась активной участницей нелегальной к/р организации. Руководила детскими кружками, являлась участницей съезда антропософов в Германии, где делала информацию о работе нелегального антропософического О-ва в СССР и получила указание на усиление работы, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновной себя признала¹⁰⁰.

7) *ТАТАРИНОВ Владимир Николаевич*, 1879 г. р., русский, происх<одит> из г. Москвы, сын купца, с высшим образованием, б/п, со слов – не судим, режиссер 2-го МХАТа, проживал до ареста по Брюсовскому пер., д.12, кв. 15,

в том, что, являясь активным участником нелегальной к/р организации, руководил нелегальным кружком. Имел связь с границей, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п.10 и 11 УК. Виновным себя признал¹⁰¹.

8) *НЕВЕЙНОВА Елена Васильевна*, 1902 г. р., русская, происходит из г. Иркутска, дочь служащего-бухгалтера, со средним образованием, б/п, со слов – не судима, техн<ический> секретарь Академии им. Ленина, проживала до ареста по Каляевской ул., д. 29, кв. 104,

в том, что, являясь активной участницей нелегальной к/р организации, участвовала в работе нелегальных кружков. Руководила детским кружком. Занималась размножением и распространением нелегальной литературы, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновной себя признала¹⁰².

9) *КЕЗЕЛЬМАН Елена Николаевна*, 1889 г. р., русская, происх<одит> из ст. Усть-Медведицы, дворянка, дочь члена Судебной

палаты, со средним образованием, б/п, со слов – не судима, дом<о-> хозяйка, проживавшая до ареста по Земледельческому пер., д. 12, кв. 8,

в том, что являлась активной участницей нелегальной к/р организации, принимала участие в работе нелегальных кружков, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновной себя признала¹⁰³.

10) *КЛИМЕНКОВА Надежда Степановна*, 1894 г. р., русская, происходит из г. Москвы, дочь врача, с высшим образованием, б/п, со слов – не судима, по профессии преподавательница музыки, проживавшая до ареста по <ул.> Спиридоновке, д. 36, кв. 12,

в том, что являлась участницей нелегальной к/р организации, принимала участие в работе нелегальных кружков, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновной себя не признала, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹⁰⁴.

11) *ТВЕРДОВА Маргарита Александровна*, 1896 г. р., русская, дочь б. городского судьи, с высшим образованием (специальным), со слов – не судима, инструктор трудотерапии при психоклинике, проживавшая до ареста на Петровке, д. 20, кв. 2,

в том, что, являясь участницей нелегальной к/р организации, принимала участие в работе нелегальных кружков, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК. Виновной себя признала¹⁰⁵.

12) *ЗАЙЦЕВ Петр Никанорович*, 1889 г. р., русский, происх<одит> из г. Иваново-Вознесенска, сын ремесленника, имеет незаконченное высшее образование, с 17–18 сочувствовал с/р, в настоящий момент б/п, по профессии литератор, проживавший до ареста: Арбат, Старо-Конюшенный пер., д. 5, кв. 45,

в том, что являлся участником нелегальной к/р организации, руководил нелегальным кружком, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновным себя признал частично, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями, как самих обвиняемых, так и свидетелей¹⁰⁶.

13) *ДЛУГАЧ Роза Владимировна (Вульфовна)*, 1899 г. р., русская, происх<одит> из г. Москвы, дочь служащего частных торговых фирм, имеет незаконченное высшее образование, б/п, со слов – не

судима, по профессии библиотечный работник, безработная, проживавшая до ареста по Ульяновской ул., д. 34, кв. 21,

в том, что, являясь участником нелегальной к/р организации, активно участвовала в работе нелегальных кружков молодежи, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями, как самих обвиняемых, так и свидетелей¹⁰⁷.

14) *КАЛИКИНА Лидия Васильевна*, 1888 г. р., происх<одит> из г. Минска, дочь члена Окружного суда, с высшим образованием, б/п, со слов – не судима, по профессии педагог, пенсионерка, до ареста проживала Сокольники, 6-й Лучевой просек, д. 21,

в том, что, являясь активной участницей нелегальной к/р организации, принимала участие в работе нелегальных кружков, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями, как самих обвиняемых, так и свидетелей¹⁰⁸.

15) *СКРЯБИНА-ТАТАРИНОВА Мария Александровна*, 1901 г. р., происх<одит> из г. Москвы, дворянка, со средним образованием, б/п, артистка 2-го МХАТа, со слов – не судима, до ареста проживала по Брюсовскому пер., д. 12, кв. 15,

в том, что, являясь активной участницей нелегальной к/р организации, принимала участие в работе нелегальных кружков, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями, как самих обвиняемых, так и свидетелей¹⁰⁹.

16) *ТАТАРИНОВА Надежда Николаевна*, 1880 г. р., происходит из г. Москвы, дочь купца, с высшим образованием, б/п, со слов – не судима, по профессии библиотечный работник, проживала по Брюсовскому пер., д. 12, кв. 15,

в том, что являлась активной участницей нелегальной к/р организации, участвовала в работе нелегальных кружков, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя признала частично, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями, как самих обвиняемых, так и свидетелей¹¹⁰.

17) *ВЫБОРНОВА Татьяна Андриановна*, 1893 г. рождения, происходит из кр<естьян>н Тульской губернии, имеет незаконченное среднее образование, б/п, со слов – не судимая, по профессии артистка, до ареста проживала – Гранатный переулок, д. 18, кв. 4,

в том, что являлась участницей нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но полностью уличается имеющими в деле показаниями как самих обвиняемых, так и свидетелей¹¹¹.

18) *ИКОННИКОВА Магдалина Александровна*, 1894 г. рождения, происходит из г. Севастополя, дочь полковника-дворянина, имеет незаконченное высшее образование, б/п, со слов – не судимая, чертежница Гостехиздата, до ареста проживала по Арбату, Трубниковский пер., д. 11, кв. 7,

в том, что являлась участницей нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала и отказалась от дачи всяких показаний, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями других арестованных и свидетелей¹¹².

19) *ШАНЬКО Татьяна Борисовна*, 1909 г. рождения, происходит из г. Краснодара, дочь дворянина, имеет специальное высшее образование, б/п, со слов – не судимая, по профессии – библиотечный работник, до ареста проживала по Домниковской ул., д. 37, кв. 57,

в том, что являлась участницей нелегальной к/р организации, участвовала в работе нелегального кружка молодежи, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями других арестованных и свидетелей¹¹³.

20) *ШАНЬКО Екатерина Александровна*, 1879 г. рождения, происходит из г. Краснодара, дворянка, со средним образованием, б/п, со слов – не судимая, дом<о>хозяйка, до ареста проживала по Домниковской ул., д. 37, кв. 57,

в том, что являлась участницей нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹¹⁴.

21) *КРАСНОВСКИЙ Михаил Константинович*, 1912 г. рожд., происходит из г. Москвы, сын мирового судьи, со средним образованием, б/п, со слов – не судимый, учащийся Музтехникума, до ареста проживал – Таганка, Б. Каменщики, д. 4, кв. 11,

в том, что являлся участником нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновным себя не признал, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹¹⁵.

22) *ГОЛЕНИЦЕВА Анна Ивановна*, 1888 г. рождения, из мещан, дочь быв. приказчика, с высшим образованием, б/п, со слов – не судимая, делопроизводитель ф<абри>ки «Госзнак», до ареста проживала – Трубецкой пер., д. 10, кв.14,

в том, что являлась участницей нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹¹⁶.

23) *КРАСНОВСКИЙ Константин Николаевич*, 1884 г. рожд., сын священника, б. мировой судья с высшим образованием, б/п, со слов – не судимый, в запасе РККА не состоит, по профессии юрист, работает экономистом во Всенарпите, до ареста проживал – Таганка, Б. Каменщики, д. 4, кв. 11,

в том, что являлся участником нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58, п. 10 и 11 УК.

Виновным себя признал¹¹⁷.

24) *КРАСНУШКИНА Евгения Николаевна*, 1880 г. рождения, дочь железнодорожного служащего, с высшим образованием, б/п, со слов – не судимая, по профессии – библиотекарь, до ареста проживала – Б. Левшинский пер. д. №13, кв. 8,

в том, что являлась участницей нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹¹⁸.

25) *МИХИН Георгий Александрович*, 1892 г. рождения, происходит из г. Краснодара, дворянин с высшим образованием, б/п, в запасе РККА не состоит, со слов – не судим, зав. техн<ической> редакцией Учебно-педагогических издательств, до ареста проживал по Арбату, д. №40, кв. 4,

в том, что являлся участником нелегальной к/р организации, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновным себя не признал, но уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹¹⁹.

26) *АННЕНКОВА Ольга Николаевна*, 1884 г. рождения, происходит из г. Ленинграда, дворянка с высшим образованием, б/п, со слов – не судимая, по профессии преподавательница иностранных языков, до ареста проживала в Хлебном пер., д. №17, кв. 2,

в том, что, являясь участницей нелегальной к/р организации, принимала участие в работе нелегальных кружков, имела связь с организацией, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновной себя не признала, но уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹²⁰.

27) *РУДАКОВА Евгения Николаевна*, 1907 г. рождения, происходит из г. Краснодара, дочь дворянина-полковника белой армии, убитого в бою с Красной армией, скрывала свое происхождение, со средним образованием, б/п, со слов – не судимая, машинистка «Союзнефть», до ареста проживала по адресу – Чистый пер., д. 3, кв. 2,

в том, что, являясь участницей нелегальной к/р организации, участвовала в работе нелегальных кружков, занималась размножением и распространением нелегальной литературы, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 п. 10 и 11 УК.

Виновной себя признала частично, но полностью уличается имеющимися в деле показаниями других обвиняемых и свидетелей¹²¹.

ПОСТАНОВИЛ :

Настоящее дело представить на рассмотрение Судтройки при ПП ОГПУ МО¹²², возбудив ходатайство о конфискации всей отобранной антропософической литературы и 3-х пишущих машин, на которых производилась перепечатка нелегальной литературы.

Арестованных по настоящему делу перечислить содержанием за Судтройкой ПП ОГПУ МО.

Материал предварительного следствия в отношении гр-на Бугаева Бориса Николаевича (А.Белый) выделить из настоящего дела и передать в СПО ОГПУ.

Оперуполномоченный
<подпись> (Белышев)

«Согласны»:

Нач<альник> 4<-го> отд<еления>
СПО ПП ОГПУ МО
<подпись> (Рогожин¹²³)

Нач<альник> СПО ПП ОГПУ МО
<подпись> (Зибрак¹²⁴)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дело вело 4-е отделение Секретно-политического отдела Полномочного представительства Объединенного Главного политического управления Московской области. В его ведении находилась агентурно-оперативная работа по печати, зрелищам, артистам, литераторам и гуманитарной интеллигенции. Сергей Константинович Бельшев (1900-?) – в партии с 1919, в органах – с 1920. Указано В.В.Нехотиным.

² В Уголовном кодексе РСФСР (1926 года) статья 58 предусматривала наказания за контрреволюционные преступления, которыми признавались всякие действия, направленные «к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов <...>, к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции». В разделе 58/10 предусматривались «пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания». В разделе 58/11 предусматривались «всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей статье преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей статьей».

³ Рудольф Штейнер (1861–1925) – немецкий философ, мистик, сначала теософ (председатель немецкой секции Теософского общества), затем идеолог и создатель антропософского учения и Антропософского общества (1913).

⁴ Центр антропософского движения находился и до сих пор находится в Дорнахе (Швейцария) – небольшом местечке недалеко от немецкой границы. Однако встречи русских антропософов с их западными коллегами проходили преимущественно в Германии, где антропософское движение было особенно развито. С 1921 Правление общества работало в Штутгарте.

⁵ Подробнее о процедуре закрытия Русского антропософического общества см.: *Жемчужникова М.Н.* Воспоминания о Московском антропософском обществе (1917–1923) / Публ. Дж. Мальмстада // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.6. М., 1992. С.51-53. Далее – Воспоминания о Московском антропософском обществе; а также примеч. С.В.Казачкова и Т.Л.Стрижак в кн.: *Зеленая змея*. С.379.

⁶ Мария Яковлевна Штейнер (урожд. Сиверс; 1867–1948) – ближайшая помощница Р.Штейнера, с 1914 – его жена; после смерти Р.Штейнера – влиятельный член Правления Всеобщего антропософского общества.

⁷ Трифон Георгиевич Трапезников (1882–1926) – искусствовед, первый председатель Московского антропософского общества; за несколько лет до смерти уехал в Германию.

⁸ Мария Николаевна Жемчужникова (1899–1987) – экономист, переводчица, автор «Воспоминаний о Московском антропософском обществе». Ее арестовали в 1933, но через 2 месяца выпустили; в 1935 на два года выслали из Москвы, а в 1938 приговорили к 10 годам лагерей (после срок сократили до 5 лет).

⁹ Любовь Исааковна Трапезникова (урожд. Красильщик; 1885–1964) – ближайшая подруга К.Н.Бугаевой (похоронена вместе с ее матерью, братом и другими родственниками), преподаватель музыки. Принадлежала к антропософам так называемого «первого призыва», ездившим, как и Белый, за границу слушать лекции Р.Штейнера; некоторое время была женой Т.Г.Трапезникова. О ней см.: Воспоминания о Московском антропософском обществе. С.30.

¹⁰ Лидия Викторовна Култашова фигурирует в списке членов антропософской группы им. М.В.Ломоносова в 1926 (указано С.В.Казачковым).

¹¹ Ева Адольфовна Фельдштейн (урожд. Леви; 1886–1964) – художница, подруга М.В.Сабашниковой и М.А.Волошина, первая жена известного московского юриста Михаила Соломоновича Фельдштейна (1884–1944).

¹² Имеется в виду Варвара Дмитриевна Финкельштейн (урожд. Синайская; 1872–1940?) – педагог, жила на Украине (в Харькове, в Крыму), считала себя большевичкой с 1903, приятельница М.А.Волошина (он написал пре дисловие к ее повести «Нерасцветшая» (М., 1924)); в 1925 переехала в Москву. Летом 1931 ее квартира была опечатана. В следственном деле имеется ее заявление от 4 июля 1931 с жалобами на то, что она, инвалид, «лишена угла», и с просьбой распечатать квартиру. Просьба была удовлетворена 11 июля 1931.

¹³ Галина Алексеевна Назаревская (1901–1957) – художница, приятельница Белого и М.А.Волошина.

¹⁴ Мария Алексеевна Фаворская (? –1930). Ср. запись в «Ракурсе к дневнику» за 21 апреля 1930: «Операция Марии Алексеевне Фаворской (рак)» (РГАЛИ. Ф.53. Оп.1. Ед.хр.100. Л.149об. Далее – РД, с указанием только номера листа). О ее смерти см. в письме Белого к П.Н.Зайцеву от 11 июля 1930 из Судака: «Радость в том, что в ее светлой кончине видишь смысл самих страданий, хотя бы в том, что над последними часами ее жизни близкие ей, встретясь с ней, встретились еще, может быть, по новому друг с другом; она, уходя, как бы соединила. <...> 10 июля мы с К<лавдией> Н<иколаевной> поминали ее» (А.Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып.14. М.; СПб., 1993. С.490–491).

¹⁵ Анна Александровна Машковцева – жена Николая Георгиевича Машковцева (1887–1962), антропософа, искусствоведа, сотрудника Третьяковской галереи; в РД (запись за январь 1918) упоминается среди активных членов антропософского движения (Л.90об.); то же – в письме Белого к А.А.Тургеневой от 21 февраля 1918 (Cahiers du Monde russe et soviétique. 1977. V.XVIII(1-2). S.140).

¹⁶ Николай Павлович Чернявский (1872–1931) – юрист; до революции – товарищ прокурора Московского окружного суда; упоминается в «Воспоминаниях о Московском антропософском обществе» М.Н.Жемчужниковой (С.23), переписке Белого с П.Н.Зайцевым (Минувшее. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.241, 244), РД (Л.130 и др.).

¹⁷ Весь этот кружок проходил в 1935 по вновь открытому делу о контрреволюционной организации антропософов. Тогда повторно были репрессированы Зайцев и Твердова (а также Т.Б.Шанько и М.К.Красновский); впервые: Анна Михайловна Красновская (1889–?) – преподавательница музыки, жена К.Н.Красновского, мать М.К.Красновского, и Глафира Дмитриевна Домогадская (1888–?) – преподаватель немецкого языка. Домогадскую постановили заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет, Красновскую сослали на три года в Казахстан. Близкая подруга П.Н.Зайцева, педагог Дора Дмитриевна Павлова арестована по этому делу не была, но «следственные материалы в отношении Павловой Д.Д.» признали требующими «дальнейшей разработки» и постановили их «выделить в особое делопроизводство». См. письмо Белого к Мейерхольду с характеристикой А.М.Красновской и просьбой об устройстве ее на работу (письмо написано 4 сентября 1931, то есть после вынесения обвинительного приговора мужу и сыну А.М.Красновской):

Моя хорошая знакомая (и Клавдии Николаевны) Анна Михайловна Красновская, человек внутренне (и внешне) очень музыкальный, лично знакомый с Чеховым, работавшая с Громовым и участвовавшая в студиях (на характерных ролях), просила меня, чтобы я рекомендовал ее Тебе; ей крайне нужна та или иная работа при театре, ибо работы у нее нет, а отсутствие работы ставит ее сейчас в очень трудное социальное положение; я ее не видал как артистку; но я знаю ее, как человека: зная ее музыкальность, ритм, такт; и потому: *верю всячески в ее способности.* <...> Поэтому всемерно ходатайствую за нее.

(Из переписки Андрея Белого:
Письма В.Э.Мейерхольду и З.Н.Райх. С.163.)

¹⁸ Елена Николаевна Кезельман (урожд. Алексеева; 1889–1945) – сестра К.Н.Васильевой.

¹⁹ Светлана Петровна Зайцева (род. 1925) – дочь П.Н. и М.С. Зайцевых; Нина Ивановна Жемчужникова (род. 1928) – дочь М.Н.Жемчужниковой и известного художника-авангардиста И.Клюна (наст. имя Иван Васильевич Ключков, 1873–1943); Борис Анисимов – сын поэта и переводчика Ю.П.Анисимова (1889–1940) и писательницы В.О.Анисимовой (урожд. Станевич; 1890–1967), о ее участии в антропософском движении см.: Воспоминания о Московском антропософском обществе. С.17-19.

²⁰ Алексей Дмитриевич Лебедев (1888–1974) – химик; увлекся учением Р.Штейнера в начале 1910-х; входил в ленинградскую антропософскую группу, называемую группой Ильи Пророка. В 1938 был арестован, до 1944

был в ссылке (Нарым). Подробнее о нем см.: Рассказы о себе Алексея Дмитриевича Лебедева, записанные с его слов в последние годы его жизни // Зеленая змея. С.405-406.

²¹ Лидия Семеновна Лебедева (урожд. Вуколова; 1893–1965) входила вместе с мужем в группу Ильи Пророка, отбывала ссылку в Коми АССР. Подробнее о ней см.: Зеленая змея. С.406-407.

²² Юлиан Константинович Щуцкий (1897–1938) – востоковед, синолог, переводчик, антропософ; в 1937 арестован, расстрелян. См. о нем: *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982. С.89-97, 371-388.

²³ Лидия Павловна Владимирова (урожд. Брюллова; 1886–1954) – ээтесса, внучатая племянница Карла Брюллова, мать поэта-обэриута Ю.Владимирова; входила в антропософскую группу Ильи Пророка; в 1935 была сослана в Ташкент.

²⁴ Сергей Дмитриевич Спасский (1898–1956) – поэт, прозаик, издательский работник, антропософ; с 1951 по 1954 находился в лагере (пос. Абезь).

²⁵ Софья Гитмановна Спасская (урожд. Каплун; 1901–1962) – скульптор; первая жена С.Д.Спасского. В 1938 отправлена в Красноярский край в лагерь сроком на 8 лет; в 1948 вновь арестована и сослана на бессрочное поселение. Ее резкие критические замечания о работе «Почему я стал символистом...» см. в ее письме Белому от 20 октября – 7 ноября 1928 (*Богомолов Н.А.* Русская литература начала XX века и оккультизм. М., 2000. С.421-429).

²⁶ Александра Анатольевна Великанова – жена Михаила Андреевича Великанова (1879–1964), чл.-корр. АН СССР (с 1939), старшего гидролога Государственного гидрологического института, заведующего Кучинской гидрологической станцией. По ее приглашению Белый и К.Н.Васильева переехали в 1925 жить в Кучино (РД. Л.121).

²⁷ Герц Георгий.

²⁸ Ср. запись в дневнике П.Н.Зайцева за 1931: «21 января <...> Вечером ко мне пришла Анна Никифоровна Киселева, привезла письмо от Бор<иса> Ник<олаевича>. Он просил меня приехать в Кучино 22-го утром...» (*Зайцев П.Н.* Из дневников 1926–1933 гг. / Публ. В.П.Абрамова, М.Л.Спивак // Москва и «Москва» Андрея Белого. М., 1999. С.507). В мае 1928 Белый и К.Н.Васильева встречались с Киселевой в Харькове: «5/V. Утро. 6 часов. Харьков. Встретила Аня. Измучена украинизацией. Стремится в Москву» (*Бугаева (Васильева) К.Н.* Дневник. 1927–1928 / Предисл., публ. и примеч. Н.С.Малинина // Лица: Биографический альманах. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.244).

²⁹ А.Белый и К.Н.Васильева посещали Л.П.Сильникову весной 1929: «29-ое <апреля>. Тифлис. Остановка в Тифлисе у Лидии Павловны Сильниковой» (РД. Л.139об.); «22-ое <мая>. Тифлис. С вокзала к Сильниковой. <...> Вечером ждали Сильникову» (Там же. Л.141об.).

³⁰ Всеволод Николаевич Васильев (1883–1944) – инженер-гидролог, с середины 1920-х работал в Ташкенте; брат П.Н.Васильева.

³¹ В 1912 Белый познакомился с Р.Штейнером и вступил на путь антропософского ученичества. До марта 1914 он ездил за Штейнером по различным городам Европы, слушая лекции учителя и занимаясь под его руководством эзотерической практикой. С марта 1914 по август 1916 он жил в Дорнахе, где работал на строительстве здания антропософского центра – Гетанума.

³² О деятельности этой организации см.: *Иванова Е.В.* Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.3-77; *Белоус В.Г.* Петроградская Вольная философская ассоциация (1917–1924) – антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране. М., 1997.

³³ Работа была написана в 1928 и при жизни автора не публиковалась. См. публикацию по рукописи: *Андрей Белый.* Почему я стал символистом... С.418-496.

³⁴ Там же. С.474-475.

³⁵ Разумник Васильевич Иванов (псевд. Иванов-Разумник; 1878–1946) – литературный критик, философ; ближайший друг и постоянный корреспондент Белого. Упомянутое письмо датировано 24 ноября 1926. См.: Из архивов ОГПУ. Письмо Андрея Белого Иванову-Разумнику и завещание Андрея Белого. С.158. См. также: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.415-419.

³⁶ Подмосковный поселок, где Белый и К.Н.Васильева с 1925 снимали комнаты.

³⁷ Имеется в виду негативная реакция критики на театральные постановки пьесы В.В.Маяковского «Баня» (1929): в театре Народного Дома в Ленинграде (премьера 30 января 1930); в филиале Ленинградского Большого драматического театра (премьера 17 марта 1930) и, прежде всего, – на постановку «Бани» в театре В.Э.Мейерхольда (премьера 16 марта 1930). См.: *Катаян В.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. М., 1985. 5-е изд., доп. С.481-482, 480-492, 591-592 и др. Считается, что поток отрицательных рецензий на пьесу послужил одной из причин самоубийства поэта 14 апреля 1930.

³⁸ Ср.: «1-ое <июня 1930>. Кончил роман “Маски”, над которым работал с сентября <...> 2-ое. <...> Написал предисловие к роману “Маски”» (РД. Л.150об.).

³⁹ Из стихотворения А.С.Пушкина «Поэту» (1930).

⁴⁰ Торричеллева пустота – безвоздушное пространство над свободной поверхностью жидкости в закрытом сверху сосуде, то есть вакуум. Объяснение этому явлению было дано итальянским физиком и математиком Эванджелиста Торричелли (1608–1647).

⁴¹ Из басни И.А.Крылова «Мартышка и очки».

⁴² См. развитие этой идеи в брошюре Белого «Революция и культура» (М., 1917) и других работах 1920-х годов.

⁴³ Запись сделана в Судаке, куда Белый с К.Н.Васильевой приехали отдыхать в 14 июня 1930; в Крыму они пробыли до 20 сентября.

⁴⁴ Имеется в виду сделанный Сталиным 27 июня 1930 «Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). См.: Правда. 1930. 30 июня.

⁴⁵ Комиссия по улучшению быта ученых. Учреждена в 1919. Ведала распределением путевок, жилплощади, промтоварных карточек и других материальных благ.

⁴⁶ «Ни с чем не сравнимая популярность песни в быту 1920-х гг. породила эстрадные инсценировки, экранизации и т. п., а также бесчисленное количество подражаний, перепевов и переделок, в которых “Кирпичики” сдвигались в сторону жестокого романа. <...> только в фольклористической коллекции Ю.М.Соколова насчитывается около 20 вариантов “Кирпичиков”» (Русский роман на рубеже веков / Сост. В.Мордерер, М.Петровский. Киев, 1997. С.359-360). Ср., например: «На окраине где-то города / Я в убогой семье родилась, / Горе мыкая, лет пятнадцати / На кирпичный завод нанялась...» (Там же. С.300).

⁴⁷ Белый перечисляет тех, кто умер насильственной смертью: расстрелянного по обвинению в антиправительственном заговоре поэта Н.С.Гумилева (1886–1921); застрелившегося писателя Андрея Соболя (наст. имя Юлий Михайлович; 1888–1926), повесившегося С.А.Есенина (1895–1925), застрелившегося В.В.Маяковского (1893–1930). К насильственно изгнанным из жизни жертвам режима Белый причислял и умершего от болезни А.А.Блока (1880–1921).

⁴⁸ Из перечисленных здесь друзей и приятелей Белого были репрессированы Сергей Михайлович Соловьев (1885–1942), Иванов-Разумник и Петр Васильевич Орешин (1887–1938), последний расстрелян. Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932) и Борис Леонидович Пастернак (1890–1960) умерли «в своей постели».

⁴⁹ Роман «Маски», являющийся вторым томом романа «Москва», был сдан Белым в издательство «Федерация». В августе Белый получил от П.Н.Зайцева письмо, в котором сообщалось, «что Ред-Совет “Федерации”, обнюхивая “Маски Москвы”, порешил: произведение цензурно приемлемо, – но, но, но необыкновенная сложность и утонченность произведения ставит вопрос о том, принять ли его?». Свое возмущение Белый выразил в письме от 25–26 августа к Иванову-Разумнику: «...утонченно, ново – не-ль-зя, ни-как не-ль-зя печатать; еще не решено окончательно, но мы с Вами знаем, что значит это “еще не...”; а я 9 месяцев сдирал с себя шкуры и приехал в Судак, дыша на ладан: от перутомления <...> знаете, что значит лукавая формула “цензурно, но тонко”; она на языке критике значит: “Врешь, брат: мы тебя – твоим оружием; не дадим тебе венца Нецензурности, а провалим под другим флагом: ник-чем-но!”» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.662-663). Роман «Маски» вышел в московском издательстве ГИХЛ в 1932.

⁵⁰ Имеется в виду начатая в июле работа над мемуарами «Начало века».

⁵¹ Газета «Правда» за 25 сентября 1930 открывалась сообщением о том, что «Коллегия ОГПУ, рассмотрев <...> дело о контрреволюционной вредительской организации в области снабжения населения продуктами питания», постановила «активных участников вредительской организации и непримиримых врагов Советской власти – РАССТРЕЛЯТЬ». Здесь же перечислялись 48 фигурантов дела (в основном известные инженеры и экономисты) и говорилось, что «приговор приведен в исполнение». Этой потрясшей общество массовой казни предшествовало подробное освещение процесса в сентябрьской периодике. Сообщалось, что по заданию империалистических держав «вредители» стали сознательными организаторами «продовольственных затруднений» (пачкали сало, убивали лошадей, подмешивали в консервы ворон и белок, зубы, губы, волосы, глазное яблоко и т. д.) и вообще делали «ставку на голод <...>, чтобы вызвать возмущение рабочего класса и свержение рабочей власти» (Правда. 1930. 22 сентября). В письмах с мест народ требовал «беспощадно раздавить вредительскую гадину» (Правда. 1930. 23 сентября и ранее).

⁵² Крупные отечественные историки – чл.-корр. АН СССР Дмитрий Николаевич Егоров (1878–1931), чл.-корр. Юрий Владимирович Готье (1873–1943), академик Матвей Кузмич Любавский (1860–1936) и многие другие (более ста человек) – были арестованы в 1930 по делу о контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» (так называемое «Академическое дело»), в котором главным обвиняемым выступал академик Сергей Федорович Платонов (1860–1933) (см.: Академическое дело 1929–1931: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып.1: Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993). Готье был приговорен к высылке на 5 лет в Самару, но ему разрешили вернуться в Москву до отбытия срока наказания; в 1933 он уже работал в Историко-архивном институте, в 1939 стал действительным членом АН ССР. Любавский был сослан на 5 лет в Уфу; умер в ссылке.

⁵³ Александр Васильевич Чаянов (1888–1937) – экономист, основатель и директор (1922–1928) первого НИИ сельскохозяйственной экономики и политики, писатель. В декабре 1929 Сталин в докладе на конференции аграриев-марксистов обвинил экономистов-«чаяновых» в пропаганде «устойчивости мелкокрестьянского хозяйства» и «борьбе с крупным хозяйством» (Сталин И.В. Сочинения. Т.12. М., 1952. С.150-151). В июле 1930 Чаянов был арестован по обвинению в принадлежности к «Трудовой крестьянской партии» и приговорен к ссылке в Алма-Ату, продленной в 1935 еще на три года. В 1937 вновь арестован и расстрелян.

⁵⁴ Владимир Густавович Громан (1874–1940) – экономист, статистик; в 1920-х – член правления Госбанка, ответственный работник Госплана (занимался вопросами текущего планирования). Был арестован и осужден как вредитель по делу о контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». В 1931 «приговорен к 10 годам лишения свободы и с поражением в правах <...> сроком на 5 лет» (Правда. 1931. 10 марта).

⁵⁵ Владимир Александрович Базаров (наст. фамилия Руднев; 1874–1939) – экономист, философ, активный участник революционного движения. После революции заведовал отделом в Госплане, был одним из организаторов Комакадемии. Арестован как вредитель в 1930. Осужден в 1931 по делу о контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». В 1932 освобожден, в 1937 вновь арестован, погиб в заключении.

⁵⁶ Борис Андреевич Пильняк (наст. фамилия Вогау; 1894–1938) и Пантелеймон Сергеевич Романов (1884–1938) в 1930 арестованы не были, но оба подвергались травле. На Б.Пильняка набросились за публикацию в издательстве «Петрополис» (1929) повести «Красное дерево» (подробнее см.: *Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина»: Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине / Под. ред. Л.Геллера. М., 1997. С.89-148). Поводом к нападкам на Пантелеймона Романова послужил роман «Товарищ Кисляков» (Недра: Лит.-худ. сборник. Кн.18. М., 1930). Впоследствии Пильняка расстреляли, Пантелеймон Романов умер своей смертью.

⁵⁷ «Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ мира сего» (1 Кор. 7, 29-31). Ср. в письме Белого от 8 сентября 1930 к П.Н.Зайцеву, которого «вычистили» со службы: «...меня успокаивают слова: *“Имеющие, как неимеющие... Плачущие, как неплачущие”*. На то нам дан упор в самосознании, чтобы *“плача не плакать”*» (А.Белый и П.Н.Зайцев. Переписка. Минувшее. Вып.14. С.495).

⁵⁸ Запись сделана после возвращения из Крыма 23 сентября 1930.

⁵⁹ Митрофанушка Простаков – герой комедии Д.И.Фонфизина «Недоросль» (1782).

⁶⁰ Согласно антропософской концепции, «космические силы, которые поочередно управляют ходом года в течение его двенадцати месяцев, один раз в году, в период между 25 декабря и 6 января <...>, становятся по своему духовному содержанию как бы концентрированным отображением духовных сил, формирующих из макрокосма весь годичный кругооборот. “Двенадцатью священными силами Универсума <...> которые символически представлены в двенадцати знаках Зодиака”, “двенадцатью универсальными силами космоса” – называет их Рудольф Штайнер, а затем указывает на то, что именно для углубления в них и “поставлены Двенадцать Священных Ночей между праздником Христа (Рождеством) и <...> Богоявлением”». В это время перед человеком «каждый год открывается возможность единственного в своем роде прозрения в иерархический космос, в мировую деятельность ведущих нашу Землю высших иерархий» (*Прокофьев С.О.* Двенадцать Священных Ночей и духовные иерархии. Ереван, 1993. С.8).

⁶¹ Образ из романа Ф.М.Достоевского «Преступление и наказание» (1866).

⁶² В романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы» (1879–1880): «буди, буди». Ср.: «Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный ал-

маз всему миру... Буди, буди!») (глава «Из бесед и поучений старца Зосимы»). Белый цитирует эту формулу Достоевского в статье «Россия» (Утро России. 1910. №303, 18 ноября; Интеллигент. 1911. №1/2. С.127-128).

⁶³ Реутово – районный центр, в ведении которого находился поселок Кучино.

⁶⁴ Имеется в виду начавшийся 1 марта 1931 судебный процесс по делу о контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевик)». Его ход ежедневно освещался в прессе: печатались показания подсудимых (в основном ими были экономисты, которым инкриминировалось вредительство) и свидетелей, пламенные речи государственного обвинителя, многочисленные гневные письма с мест с требованием применить к обвиняемым высшую меру наказания. Однако все 14 участников процесса были приговорены не к расстрелу, а к тюремному заключению и к поражению в правах (см.: Правда. 1931. 10 марта. С.1-2).

⁶⁵ Василий Владимирович Шер (1883–1940) – социал-демократ, меньшевик, участник революционного движения с 1902, с 1905 – член РСДРП; после Февральской революции – секретарь Совета солдатских депутатов в Москве, потом – начальник политуправления военного министерства. Работал в Центросоюзе, был членом правления Госбанка, перед арестом – заместитель заведующего архивом Института Маркса и Энгельса (см.: Правда. 1931. 2 марта). Приговорен «к 10 годам лишения свободы и с поражением в правах <...> сроком на пять лет» (Там же. 10 марта). Умер в заключении.

⁶⁶ Владимир Константинович Иков (партийная кличка Вадим; псевдоним В.Миртов; 1882–1956) – публицист, экономист, профессиональный революционер; начал заниматься подпольной деятельностью в 17 лет, в 1902 был сослан за участие в общемосковской тайной гимназической организации. В своих мемуарах Белый вспоминал о «спорах с шестиклассником Володей Иковым, убежденным марксистом, участвующим в нелегальных кружках» (*Андрей Белый. На рубеже двух столетий.* М., 1989. С.374); «...мы спорим о Белинском и Туган-Барановском» (Там же. С.208). До революции не раз арестовывался и высылался, примыкал к оборонческому правому крылу и группе правых меньшевиков. После революции работал в системе кооперации и тоже неоднократно арестовывался (в 1924 сослан на три года в г. Камышов). С 1928 работал редактором в «Большой Советской Энциклопедии», автор книг о Некрасове, Чернышевском, Добролюбова. В январе 1931 арестован по делу о контрреволюционной организации «Союзное бюро ЦК РСДРП (меньшевик)»; приговорен «к 8 годам лишения свободы и с поражением в правах <...> сроком на три года» (Правда. 1931. 10 марта). В 1951 вновь осужден на 5 лет.

⁶⁷ См.: *Штейнер Р.* Основные черты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего. Ереван, 1992.

⁶⁸ Рамзин Леонид Константинович (1887–1948) – известный инженер-теплотехник, один из разработчиков плана ГОЭЛРО, в 1920-е – директор первого Всесоюзного теплотехнического института, лауреат Госпремии СССР (1943). В конце 1930 был главным обвиняемым по громкому и широ-

ко освещавшемуся в прессе процессу Промпартии: группа инженерно-технических работников уличалась во вредительстве в промышленности и на транспорте с целью свержения существующей власти. Рамзин, согласно обвинительному заключению, прочил себя в премьер-министры будущего правительства. Главные виновники были сначала приговорены к расстрелу, который на следующий день заменили 10 годами тюремного заключения.

⁶⁹ Маргарита Васильевна Сабашникова (1882–1973) – художница, первая жена М.А.Волошина; эмигрировала из России в Германию в 1922. О ее антропософской биографии см.: Зеленая змея.

⁷⁰ Михаил Александрович Чехов (1891–1955) – актер, режиссер, руководитель театра-студии МХАТ-2. Летом 1924 он отдыхал и лечился в Германии, где, по свидетельству М.О.Кнебель, Чехов вместе со своим коллегой по работе режиссером В.Н.Татариновым впервые (24 июля) встретился с Р.Штейнером (*Чехов М. Литературное наследие: В 2 т. / Сост. И.И.Аброскина, М.С.Иванова, Н.А.Крымова. Т.2. М., 1995. С.487*). Тогда же, по свидетельству М.А.Скрябиной, Чехов и Татаринов прослушали курс лекций «Карма антропософского движения» (Зеленая змея. С.402). Впоследствии Чехов ездил в Германию летом 1925 и летом 1926; в 1928 эмигрировал.

⁷¹ В 1923 К.Н.Васильева была в Германии с января по июль; встреча с Р.Штейнером происходила, по-видимому, в Штутгарте, куда она ездила в феврале и в марте. В 1926 К.Н.Васильева была в Германии с марта по июль: «21 марта: Горестный отъезд К.Н. за границу (едет лечиться). <...> Июнь <...> 15-го: Радостное возвращение К.Н.: встреча» (РД. Л.123об., 124).

⁷² Вильгельм Зеллинг (1869–1960) – немецкий антропософ, один из ближайших сподвижников Р.Штейнера. См. его характеристику в кн.: *Андрей Белый. Воспоминания о Штейнере // Андрей Белый. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Под ред. В.М.Пискунова. М., 2000. С.409-413. Далее – Воспоминания о Штейнере.*

⁷³ Карл Унгер (1878–1929) – немецкий антропософ, один из ближайших сподвижников Р.Штейнера. См. его характеристику в: *Воспоминания о Штейнере. С.400-405 и др.*

⁷⁴ Ита Вегман (1876–1943), Врзде Элизабет (1876–1943) – члены правления Всеобщего антропософского общества; Стеффен (Штеффен) Альберт (1884–1963) – его председатель (с 1925). Об этих членах «нового “форштанда”» см.: *Воспоминания о Штейнере. С.425 и др.*

⁷⁵ Елизавета Ивановна Васильева (урожд. Дмитриева; 1887–1928) – поэтаесса (псевд. Черубина де Габриак), драматург, руководитель ленинградской антропософской группы Ильи Пророка; с 1911 замужем за Всеволодом Николаевичем Васильевым (см. о нем примеч. 29). В 1927 была арестована и выслана этапом в Екатеринбург; получив приговор о высылке из Ленинграда («минус 6 городов») на три года, выезжает к мужу в Ташкент; умерла в ссылке. См. о ней: *Черубина де Габриак. Исповедь / Сост. В.П.Купченко, М.С.Ланда, И.А.Репина. М., 1998. С.334-335.*

⁷⁶ Борис Алексеевич Леман (1880–1945) – поэт (псевд. Б.Дикс), критик, руководитель ленинградской антропософской группы Бенедиктуса. В 1927 арестован, сослан в Среднюю Азию; умер в Алма-Ате.

⁷⁷ См. сделанный М.Депп перевод книги Майбл Коллинз «Когда солнце движется на север» (М.: Духовное знание, 1914).

⁷⁸ В современных изданиях Р.Штейнера, как правило, используется машинописный «самиздат» того времени. Имя Петровского в качестве переводчика нам не встречалось. См.: *Штайнер Р.* Философия свободы. Основные черты одного современного мировоззрения. Результаты душевных наблюдений по естественному методу / Пер. Б.П.Григорова; Сверка и ред. К.А.Свасьяна. Ереван, 1993; *Штейнер Р.* Очерк теории познания Гетевского мировоззрения, составленный, принимаемая во внимание Шиллера / Разрешенный автором пер. Н.Боянуса. М., 1993. Под забытой брошюрой Р.Штейнера имеется в виду скорее всего «Мирозозерцание Гете» (1897) или же «Умственный строй Гете – как он раскрывается в его “Фаусте” и “Сказке о змее и лилии”» (1918).

⁷⁹ Лекция «Моисей и Илия» была прочитана Р.Штейнером 22 сентября 1912 и входила в цикл «Евангелие от Марка» (15–24 сентября 1912); раздел «Илия и Моисей в образе двух колонн» есть в лекции 26 июня 1908 из цикла «Апокалипсис Иоанна» (17–30 июня 1908). В современном издании (*Штайнер Р.* Апокалипсис Иоанна: Доклады для членов Антропософского общества. Калуга, 1999) фамилия переводчика не указана.

⁸⁰ Перевод (машинопись) книги Р.Штейнера «Загадки философии» (1914) сохранился в частных антропософских собраниях.

⁸¹ Александр Сергеевич Лукомский (1868–1939) – генерал-лейтенант, занимал высокие воинские посты, участник корниловского мятежа, один из создателей Добровольческой армии; в 1918–1919 – помощник А.И.Деникина, начальник военного и морского управления; эмигрировал. Не исключено, что «стопроцентной сволочью» Лукомского мог считать не Лев Борисович Каменев (1883–1936), чья карьера в это время уже заканчивалась, а Сергей Сергеевич Каменев (1881–1936), занимавший с 1927 высокие посты заместителя председателя Реввоенсовета СССР и заместителя наркома по военным и морским делам.

⁸² На XVI конференции ВКП(б) 23–29 апреля 1929 была принята резолюция «О чистке и проверке членов и кандидатов в члены ВКП(б)», предполагавшая проверку и перерегистрацию членов и кандидатов в члены ВКП(б) с целью освобождения («вычищения») партии от «чуждых», то есть от «мелкобуржуазных», «ненадежных, неустойчивых и примазавшихся элементов». «Чистка» подразумевала проверку работы коммуниста специальной комиссией, его критику и самокритику на открытом собрании и могла грозить исключением из партийных рядов, смещением с должности и т. п. Вслед за партийной резолюцией в 1929 был принят ряд постановлений «О чистке аппарата государственных органов, кооперативных и общественных организаций», согласно которым той же процедуре должно было подверг-

нуться практически все работающее население. «Вычищенные» (то есть уволенные) по 1-й категории вообще лишались права работать «в советских, хозяйственных, кооперативных и прочих предприятиях социалистического сектора» (Правда. 1929. 4 июля), исключались из профсоюза и таким образом теряли возможность получать продуктовые карточки, пенсию и пр. «Вычищенные» по 2-й категории сохраняли членство в профсоюзе и право на работу в советском учреждении, но другого типа и в другом месте. «Вычищенные» по 3-й категории могли устроиться на работу в любом месте, но на низшие должности.

⁸³ Б.П.Григоров, занимавший должность экономиста, был действительно «вычищен» (то есть уволен) 30 августа 1930 сначала по 1-й категории, но затем приговор смягчили и заменили на увольнение по 3-й категории.

⁸⁴ Надежда Афанасьевна Григорова (урожд. Бурышкина; 1885–1964) – жена Б.П.Григорова, врач-хирург, принадлежала к антропософам так называемого «первого призыва», участвовала в строительстве Гетеанума в Дорнахе (см. о ней: Воспоминания о Московском антропософском обществе. С.14). В 1931 Григорова работала врачом в районной страховой кассе.

⁸⁵ Афанасий Васильевич Бурышкин (1853–1912) – купец 1-й гильдии, предприниматель, отец Н.А.Григоровой.

⁸⁶ Жилищно-арендное кооперативное товарищество.

⁸⁷ Союз работников искусств.

⁸⁸ Спектакли театра-студии МХАТ-2: по трагедии В.Шекспира «Гамлет» (преьера 20 ноября 1924) и по роману Г.Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома» (преьера 5 декабря 1929).

⁸⁹ М.А.Чехов исполнял в спектакле главную роль и осуществлял общее руководство постановкой. Режиссерами «Гамлета» были В.Н.Татаринов, В.С.Смышляев, А.И.Чебан, художником – М.В.Либаков.

⁹⁰ Использование упражнений с мячом, принципиально важных для новаторской актерской техники М.А.Чехова, зафиксировано в протоколах репетиций «Гамлета». См. протоколы №7 от 9 октября 1923 – №30 от 10 ноября 1923 в кн.: *Чехов М.* Литературное наследие. Т.2. С.392-430.

⁹¹ Михаил Маркович Шмерлинг – сын Марка Владимировича Шмерлинга (?–1981) – поэт, переводчика, педагога, активного антропософа, трижды репрессированного (см. о нем: Воспоминания о Московском антропософском обществе. С.35-38, 40-42).

⁹² Н.П.Жемчужникова (1877–1944) – мать М.Н.Жемчужниковой.

⁹³ Платон Александрович Павлов (род.1924) – сын Александра Федоровича Павлова (1891–?) – экономиста, филолога, с конца 1940-х – ученого секретаря Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина; в его доме также проходили занятия эвритмией. Ольга Анатольевна Глебокошанская посещала вступительный кружок В.М.Моисеева. Сведениями об остальных упомянутых здесь лицах мы не располагаем.

⁹⁴ Согласно протоколу Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 8 сентября 1931 в отношении К.Н.Васильевой и П.Н.Васильева постанови-

ли: «лишить права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному местожительству сроком на три года, считая срок: первой с 30/5–31 г., и второму с 8/5–31 г. Приговор считать условным, из-под стражи их освободить».

⁹⁵ Рабоче-Крестьянская Красная Армия.

⁹⁶ А.С.Петровского (1881–1958) постановили «заключить в концлагерь сроком на три года, считая срок <...> с 20/5–31 г.». Был отправлен этапом на строительство Беломоро-Балтийского канала (Белбалтлаг, ст. Медвежья гора). О его аресте в 1924 (находился под стражей с 8 марта по 19 сентября) см.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С.306, примеч. 2 (письмо Белого Иванову-Разумнику от 8 декабря 1924).

⁹⁷ Б.П.Григорова (1883–1945) постановили «заключить в концлагерь сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». По-видимому, он отбывал наказание там же, где и Петровский.

⁹⁸ О приговоре ему см. примеч. №94.

⁹⁹ В отношении В.М.Моисеева постановили: «выслать через ПП ОГПУ на Урал сроком на 3 года, считая срок <...> с 27/5–31 г. Направить <...> этапом». Отбывал ссылку в Тобольске.

¹⁰⁰ В отношении Н.М.Моисеевой (1901–1987?) постановили: «выслать через ПП ОГПУ на Урал сроком на 3 года, считая срок <...> с 27/4–31 г. Направить <...> этапом». Отбывала ссылку в Тобольске.

¹⁰¹ В отношении В.Н.Татарина (1879–1966) постановили: «выслать через ПП ОГПУ в Восточную Сибирь сроком на 3 года, считая срок <...> с 8/5–31 г. Направить этапом». Выслан в Иркутск.

¹⁰² Е.В.Невейнова (1902–1988) была выслана в Казахстан «сроком на три года, считая срок <...> с 8/5–31 г.». Отбывала ссылку в Чимкенте, потом в Туркестане.

¹⁰³ В отношении Е.Н.Кезельман постановили: «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». Местом жительства избрала г. Лебедянь.

¹⁰⁴ В отношении Н.С.Клименковой (1896–1973) постановили: «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». 3 ноября 1931 приговор ей был пересмотрен, постановили «разрешить свободное проживание по СССР».

¹⁰⁵ Художница М.А.Твердова (1896–1983) неоднократно арестовывалась в 1920-е по подозрению в связи с Белым движением (сообщено ее племянником А.С.Твердовым). В 1931 она была выслана в Казахстан «сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». Вскоре ей, вероятно, удалось перебраться в Орел (ср. запись в дневнике Белого за 10 сентября 1933: «Была Маргарита Твердова, приехавшая из Орла лечиться от предполагаемого рака <...>. Была у трех докторов; рака, по-видимому, никакого нет; опухоль

на нервной почве от истощения, недоедания и нервной измученности; уходила ея мытарства с паспортной неудачей весной: в Москве <...> уезжает обратно в Орел, где она получила хорошее место».хлопоты М.А.Твердовой по возвращению в Москву в конце концов увенчались успехом, но в апреле 1935 она была вновь арестована и приговорена к трем годам исправительно-трудовых лагерей (отбывала наказание в Карагандинском лагере). Вероятно, потом последовали годы ссылки и запрета на проживание в крупных городах. Последние годы провела в Рязани, где и похоронена.

¹⁰⁶ П.Н.Зайцев (1889–1970) впервые попал на Лубянку летом 1924, но через пять дней был отпущен. В 1931 он был приговорен к высылке в Казахстан «сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». Отбывал ссылку в Алма-Ате. В 1932 смог вернуться, но в 1935 был вновь арестован и приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей (Сиблаг – Новосибирск). После «ему запретили проживание в Москве, и он живет в Ефремове, Детчине, Иванове, в Дугне Калужской области». В Москву возвращается только в 1946 (*Зайцев П.Н.* Воспоминания о Белом / Публ. В.П.Абрамова // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С.77).

¹⁰⁷ В отношении Р.В.Другач постановили: «выслать в Казахстан сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». В результате прошений ссылка в Казахстан была заменена ссылкой на Южный Урал.

¹⁰⁸ В отношении Л.В.Каликиной (1888–1955?) постановили: «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». Местом жительства избрала г. Орел.

¹⁰⁹ В отношении М.А.Скрябиной-Татариновой (1901–1976), жены В.Н.Татарина, постановили: «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 30/5–31 г.». Местом жительства избрала г. Лебедянь.

¹¹⁰ Н.Н.Татарина (1880–1950), сестра В.Н.Татарина, была выслана в Казахстан «сроком на три года, считая срок <...> с 28/5–31 г.».

¹¹¹ В отношении Т.А.Выборновой постановили: «из-под стражи освободить, зачтя в наказание срок предварительного заключения».

¹¹² М.А.Иконникова была выслана в Казахстан «сроком на три года, считая срок <...> с 8/5–31 г.». Отбывала ссылку в Чимкенте, потом в Туркестане.

¹¹³ В отношении Т.Б.Шанько (1909–1981?) постановили: «выслать через ПП ОГПУ в Казахстан «сроком на три года, считая срок с <...> 27/5–31 г.; приговор <...> считать условным, из-под стражи освободить». В 1935 была снова арестована и выслана на 3 года в Казахстан.

¹¹⁴ В отношении Е.А.Шанько постановили: «выслать через ПП ОГПУ в Казахстан сроком на три года, считая срок с <...> 27/5–31 г.; приговор <...> считать условным, из-под стражи освободить».

¹¹⁵ В отношении М.К.Красновского постановили: «выслать через ПП ОГПУ на Урал сроком на 3 года, считая срок <...> с 13/5–31 г. Направить

<...> этапом». В 1935 был вновь арестован, приговорен к 3 годам исправительно-трудовых лагерей.

¹¹⁶ В отношении А.И.Голенищевой постановили: «из-под стражи освободить, зачтя в наказание срок предварительного заключения».

¹¹⁷ В отношении К.Н.Красновского (1884–1934) постановили: «выслать через ПП ОГПУ в Казахстан «сроком на три года, считая срок с <...> 28/5–31 г.; приговор <...> считать условным, из-под стражи освободить». Умер по возвращении из ссылки.

¹¹⁸ В отношении Е.Н.Краснушкиной постановили: «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». Местом жительства избрала г. Орел.

¹¹⁹ В отношении Г.А.Михина постановили: «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». Отправился в Вологду. В 1934 вернулся. В 1937 был вновь арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1948 был опять арестован и освобожден только в 1954.

¹²⁰ В отношении О.Н.Анненковой (1884–1949) постановили: «из-под стражи освободить, лишив права проживания в 12 п<унктах> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.». Местом жительства избрала г. Орел.

¹²¹ Е.Н.Рудакова была выслана в Казахстан «сроком на три года, считая срок <...> с 27/5–31 г.».

¹²² Судебная тройка Полномочного представительства ОГПУ выносила приговор заочно; присутствие обвиняемых не требовалось; с итогами рассмотрения дела их знакомили *post factum*, в индивидуальном порядке.

¹²³ Михаил Васильевич Рогожин (1901-1939) – член ВКП(б) с 1926, образование низшее; с 1931 по 1934 – начальник 4-го отделения СПО ПП ОГПУ по Московской области; с 1937 – старший лейтенант ГБ, помощник начальника УНКВД Восточно-Сибирского края; расстрелян (указано В.В.Нехотиным). Рабочий телефон Рогожина был дан Белому, когда тот хлопотал по поводу освобождения арестованных друзей и возвращения изъятых рукописей и пишущей машинки. См. об этом в его письме к П.Н.Зайцеву (сентябрь 1931): «В июле я был в Обл-ОГПУ <...> можно звонить прямо: Обл-ОГПУ, Кабинет Рогожина...» (А.Белый и П.Н.Зайцев. Переписка // Минувшее. Вып.15. С.307).

¹²⁴ Зибрак Эмиль Александрович (1902 – 08.10.1937) – член ВКП(б) и сотрудник ОГПУ с 1928, в период с 01.07.1931 по 27.09.1931 – начальник СПО ПП ОГПУ по Московской области, дослужился до должности начальника Управления особого строительства НКВД СССР, был удостоен звания «старший лейтенант ГБ» (1936) и наградного знака «Почетный работник ВЧК–ГПУ». Арестован в августе 1937; приговорен к высшей мере наказания; расстрелян. В Обвинительном заключении вместо Зибрака расписался некто Нагорный.

П.Н.Лукницкий
ДНЕВНИК 1928 ГОДА
АСУМИАНА. 1928–1929*
Публикация и комментарии
Т.М.Двинятиной

Дневниковые записи Павла Николаевича Лукницкого (1902–1973) были переданы Институту русской литературы (Пушкинский Дом) в составе так называемой Коллекции (далее – *Коллекция*), в которую вошли материалы по жизни и творчеству Н.С.Гумилева, А.А.Ахматовой, О.Э.Мандельштама и некоторых других поэтов и писателей.

Дневники Лукницкого, связанные с Ахматовой и Мандельштамом, в значительной части уже опубликованы. Они охватывают в основном период наиболее частых и насыщенных встреч Лукницкого с ними в 1924–1927¹.

---

* Произведения (дневник и другие тексты) публикуются с разрешения В.К.Лукницкой.

Вступительная статья, публикация и комментарии © Т.М.Двинятина; 2002.

¹ См.: *Лукницкая В.К.* Из двух тысяч встреч: Рассказ о летописце. М., 1987; *Лукницкая В.К.* Перед тобой земля. Л., 1988. С.330-345; О Гумилеве: Из дневников Павла Лукницкого / Публ. В.К.Лукницкой; Примеч. К.М.Поливанова // Литературное обозрение. 1989. №6. С.82-90; *П.Н.Лукницкий.* Дневник / Публ. В.К.Лукницкой; Примеч. А.Маньковского // Наше наследие. 1989. №3. С.68-83; *Лукницкая В.К.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990; *Лукницкий П.Н.* Из дневников / Публ. В.К.Лукницкой // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания / Сост. М.М.Кралин. Л., 1990. С.128-169; *Лукницкий П.Н.* Из дневника и писем // Воспоминания об Анне Ахматовой. М., 1991. С.142-178; Осип Мандельштам в дневниковых записях и материалах архива П.Н.Лукницкого / Публ. В.К.Лукницкой; Комментар. А.Г.Меца // Звезда. 1991. №2. С.110-129; Мандельштам в архиве П.Н.Лукницкого / Публ. В.К.Лукницкой; Предисл. и примеч. П.М.Нерлера // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С.111-148; *Лукницкий П.Н.* Асумиана. Встречи с Анной Ахматовой. Т.1: 1924–1925. Paris, 1991; Т.2: 1926–1927. Париж; М., 1997; и др. В эти издания включена некоторая часть предлагаемого ниже материала. Необходимо отметить, что публикации записей Лукницкого уже традиционно вызывают множество текстологических и фактологических нареканий (достаточно того, что запись о выходе в свет «Дневников» А.Блока в них регулярно относится к 1925, на самом же деле – 1928). Полнее всего были до сих пор представлены записи 1928 года о Мандельштаме; они являются все же наиболее выверенными, хотя также не лишены текстологических огрехов.

Совсем недавно появились в печати некоторые записи Лукницкого конца 1940-х – 1960-х, связанные с Ахматовой².

Однако при этом остается еще довольно большой массив неопубликованных материалов, относящийся к концу 1920-х – 1960-м. Публикуемый здесь дневник за 1 января – 11 ноября 1928 и подборка ахматовских материалов, сделанная Лукницким в 1928–1929, частично восполняют этот пробел. Дневниковыми записями Лукницкого конца 1928 – 1929 (как и записями начала 1930-х) мы не располагаем. Некоторые записи 1929 года, наравне с другими, опубликованы в книге В.К.Лукницкой «Перед тобой земля».

События 1928–1929 годов были переломными в судьбе Лукницкого. Изменение его настроения и отношения к литературной и общественной жизни Ленинграда ясно чувствуется и в дневнике 1928 года: радостное восприятие происходящего все более уступает место усталости и разочарованию. Тревожное время наступило для тех, чьи имена так или иначе были связаны для Лукницкого с Ахматовой. В сентябре 1928 был снят с должности директора издательства «Земля и фабрика» В.И.Нарбут и исключен из партии. В конце того же месяца в этом издательстве вышла книга Шарля Де Костера «Легенда об Уленшпигеле и Ламме Гудзаке», и вслед за этим развернулся скандал из-за того, что на обложке О.Э.Мандельштам был обозначен как переводчик, хотя на самом деле он был редактором-обработчиком переводов А.Г.Горнфельда и В.Н.Карякина; к лету 1929 скандал перерос в травлю Мандельштама³.

Можно предположить, что усиливающийся нажим на писательскую общественность⁴ заставлял Лукницкого задуматься над опасностью, угрожавшей и его собственной литературной и собирательской деятельности. 28 мая 1929 Лукницкий в числе других литераторов ставит свою подпись под письмом в «Литературную газету» в защиту Мандельштама⁵. И меньше чем через месяц, 22 июня 1929, Лукницкий был арестован «по обвинению в контрреволюционной деятельности, выразившейся в факте хранения архива

---

² Полян П., Нерлер П. Летописец: К 100-летию П.Н.Лукницкого // Русская литература. 2000. №4. С.183-194; Из записных книжек Павла Лукницкого: Смерть и похороны Анны Ахматовой / Публ. В.К.Лукницкой // Русская литература. 2001. №3. С.198-204. Кроме того, значительная часть записей 1920–1960-х входила в книги, опубликованные В.К.Лукницкой (см. примеч. 1).

³ См.: Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т.4. М., 1999. С.115-132; Осип Мандельштам в дневниковых записях и материалах архива П.Н.Лукницкого. С.129 (примеч. 45); Мандельштам в архиве П.Н.Лукницкого. С.136-143; Михайлов А.Д., Нерлер П.М. Комментарии // Мандельштам О.Э. Соч. в 2 т. Т.2. М., 1990. С.412-416, и др. Параллельно развивался конфликт Мандельштама с новым руководством «ЗИФа» из-за переводов Т.Майн Рида – его апогей пришелся на зиму 1929 (подробнее см. примеч. 11 к разделу III).

⁴ Подробнее см.: Kemp-Welch A. Stalin and the literary intelligensia. 1928–1939. London, 1991, а также публикации материалов кампании против Пильняка и Замятина (см. примеч. 21 к разделу I).

⁵ Kemp-Welch A. Stalin and the literary intelligensia... С.138.

врага народа Николая Гумилева» (по сообщению сына писателя, С.П.Лукницкого)⁶. Этот арест был кратковременным: за три дня до этого Лукницкий – в Москве, где встречается с Б.Пастернаком, О.Э. и Н.Я. Мандельштамами, П.Антокольским, а уже 25 июня помечена его встреча с Ахматовой⁷, 26 июня датировано письмо Лукницкого Антокольскому из Ленинграда⁸. Меньше чем через месяц Лукницкий пишет родителям с Кавказа⁹ и приезжает в Ленинград только в конце сентября.

Октябрь 1929 оказывается для Лукницкого месяцем самых важных решений. Начавшаяся в конце августа кампания против Б.Пильняка и Е.Замятина превратилась в масштабную чистку общественных и писательских объединений и стала «литературной параллелью тем социальным процес-

---

⁶ Лукницкий С.П. «Дело» Гумилева. М., 1997. С.5. Дело самого П.Н.Лукницкого пока не найдено; вполне возможно, что из-за кратковременности ареста (задержания) оно и не было заведено. Данные о сотрудничестве Лукницкого с КГБ и о его роли в деле Ахматовой (см.: *Калугин О.* Дело КГБ на Анну Ахматову // *Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР)*. М., 1994. С.74) не обладают, на наш взгляд, «последней убедительностью» (наиболее взвешенную позицию см.: *Черных В.А.* Предисловие // *Черных В.А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1918–1934. М., 1998. Ч.2. С.4–5, а также: *Попова Н.И., Рубинчик О.Е.* Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб., 2000. С.139), и обстоятельства ареста 1929 года ждут особого комментария.

⁷ Запись о ней см.: Мандельштам в архиве П.Н.Лукницкого. С.143. В Коллекции П.Н.Лукницкого в РО ИРЛИ отсутствует. В этой записи в полной мере проявилась характерная для «Acumiana» Лукницкого манера значимого умолчания:

В половине девятого вечера А<нна> А<ндреевна> звонила, предложила пойти с ней погулять. Зашел за ней, сыграл партию в шахматы с Пуниным, дал ему мат. Ходил с А<нной> А<ндреевной> – гуляли по Неве, до Адмиралтейства, сильный ветер с востока. Зимний дворец похож на бал XIX века – толпится, толпится колоннами... А как ужасен был бы мир, если б в нем вовсе не было ветра – никогда!

Говорили спокойно, раздумчиво: о Пунине, о Москве и литературе, о Мандельштаме, обо всем...

Не обладай Мандельштам исключительной трусостью, он давно после всей этой истории покончил бы с собой. Тогда начался бы гвалт: «затравили поэта». А его травят, травят! Пяст рассказал А<нне> А<ндреевне>, что существует группа: сторонники Горинфельда, В.Фигнер и другие, которые заявляют: «Надо травить Мандельштама, пока он во всем не сознается!» Тоже – честные люди! А спросить их: взяли бы они на себя ответственность, если бы с Мандельштамом случилась катастрофа?

⁸ См.: *Лукницкая В.К.* Перед тобой земля. С.83.

⁹ Там же. С.83–105. Видимо, как своеобразное напутствие можно расценивать дарственную надпись, сделанную Ахматовой Лукницкому на ее фотографии: «Павлу Николаевичу Лукницкому с лучшими пожеланиями. Ахматова. 5 июля 1929» (РО ИРЛИ. Коллекция П.Н.Лукницкого. Снимок сделан 2 марта 1926 в Мраморном дворце).

сам, которые переломили историю советского общества в 1929 г.»¹⁰. Лукницкий возвращается в Ленинград в разгар этих событий. 12 октября, в день своего рождения, Лукницкий принимает у себя в гостях Ахматову¹¹. 13 октября проходит решающее собрание Союза писателей по делу Пильняка и Замятина; тем же числом датировано заявление Ахматовой о ее выходе в связи с этим из Союза писателей. Лукницкий, которому поручено было передать это заявление, медлит, – заявление зарегистрировано только 16 октября¹². 18 октября Ленинградское отделение Союза поэтов утратило самостоятельность и было преобразовано в отдельную секцию Ленинградского отделения Союза писателей, при этом Лукницкий был избран секретарем Бюро этой секции¹³.

События последующих дней неизвестны. Наконец, к концу октября 1929 Лукницкий решает уехать из Ленинграда, объясняя для себя этот шаг желанием быть нужным своей стране, активно участвовать в новом строительстве: «За эти два последних года я сильно переменялся, и самому интересно наблюдать за собой. Я понял: мировая коммунистическая революция, которая сейчас совершается, – права, и дело ее священное. <...> И я рад, что могу быть полезным. Теперь мне горько, что я так поздно завершил круг моего развития. <...> Сколько драгоценного времени, энергии и сил потеряно. Все никак не мог уйти “из барских садоводств поэзии”, из “соловиного сада»¹⁴.

С этими настроениями совпадает и ощущение внутренней истощенности прежних отношений с Ахматовой. 8 декабря 1929, в пятую годовщину знакомства, Ахматова и Лукницкий в последний раз приходят в Мраморный дворец разбирать вещи после окончательного отъезда в Москву В.К.Шилейко¹⁵. Видимо, тогда Лукницкий просит Ахматову написать ему несколько слов. Она пишет: «Нельзя же заставлять писать мудрые или чувствительные изречения человека, который спит от усталости. Ахм<атова>. 8 дек<абря> 1929»¹⁶.

31 декабря 1929 Лукницкий записывает: «Бываю там <у Ахматовой> редко и ненадолго. Выходит так. Хотел бы видеть А<нну> А<ндреевну> и чаще, но уже не так тянет, как прежде. А если по совести, то почти и не тянет...»¹⁷ В апреле 1930 Лукницкий уезжает с геологоразведочной партией

---

¹⁰ Галушкин А. «Дело Пильняка и Замятина»: Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Под ред. Л.Геллера. М., 1997. С.142.

¹¹ Лукницкая В.К. Перед тобой земля. С.106.

¹² См. примеч. 21 к разделу I.

¹³ Лукницкая В.К. Перед тобой земля. С.105-106.

¹⁴ Там же. С.108-109.

¹⁵ Подробную запись Лукницкого об этом посещении см.: Лукницкий П.Н. Из дневника и писем // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я.Виленин, В.А.Черных; Коммент. А.В.Курт. М., 1991. С.177-178.

¹⁶ РО ИРЛИ. Коллекция П.Н.Лукницкого.

¹⁷ Лукницкая В.К. Перед тобой земля. С.120. О возможных причинах и обстоятельствах расхождения Лукницкого и Ахматовой в конце 1920-х см.: Дви-

на Памир – так открывается новая страница его жизни, связанная с исследованием неизведанных пространств, далеких от эпицентров социальных потрясений 1930-х.

Дневник первой половины года (до отъезда на юг) – это, главным образом, хронологически последовательные записи в обычной тетради в линейку. Последний период, с 10 по 23 июня, представлен (дополнительно) в виде сводной таблицы, расчерченной по дням, а внутри дней – на 24 графы, по числу часов в сутки. Впоследствии на полях этой таблицы, занявшей развернутый лист, вырванный, видимо, из большой тетради в клетку, Лукницкий сделал примечание: «Такой “дневник” я вел 3 года, без перерыва. Потом – сжег все. П<авел> Л<укницкий>». Не имея возможности воспроизвести здесь эту таблицу целиком, мы приводим из нее все наиболее значительные записи после дневниковых записей первой половины года.

В 1970 Лукницкий перепечатал записи из этой таблицы, не сохранив, однако, последовательного проведения «почасового» принципа и дополнил их своими воспоминаниями (или записями, взятыми из неизвестного нам источника). Эти позднейшие фрагменты опубликованы (в части, относящейся к Ахматовой)¹⁸ и могут быть сопоставлены с приводимыми здесь.

Записи путешествия на юг и затем по возвращении в Ленинград велись Лукницким в отдельном блокноте с листами разного формата (листы большего формата сложены по формату меньших). Зачастую события дня излагались в двух вариантах: в дневниковом повествовании (как правило, карандашные записи микроскопическим и отчетливым почерком) и в виде таблицы (пользуясь определением самого Лукницкого – *tablo*); в отличие от описанной выше таблицы, здесь каждому дню уделялся отдельный лист. Таким образом Лукницкий, подчиняясь выработанным для себя правилам самодисциплины, фиксировал свои занятия, встречи, мысли. Над таблицей он часто записывал основные события и «темы» дня; справа приводил финансовые самоотчеты; внизу, под таблицей, помечал получение и посылку писем, открыток и телеграмм – во время своего пребывания на юге, телефонные звонки – в Ленинграде. В настоящей публикации приведены записи как из повествовательной, так и из «графической» и сопряженных с ней частей дневника (с соответствующими указаниями в угловых скобках). При этом в блокноте отсутствуют листы с записями за 2, 6–11, 29 октября (Лукницкий, расчерчивавший свой блокнот на таблицы вперед, не мог их пропустить – очевидно, они были впоследствии вырваны); листы, датированные 18–26 октября, остались незаполненными.

Следует оговорить, что не все записи 1928 года воспроизводятся здесь с равной степенью полноты. Записи первой половины года (до отъезда на юг) приводятся полностью, ибо представляют яркие картины писательской жизни Ленинграда той поры, дают уникальные свидетельства о жизни Ах-

---

нятина Т.М. Коллекция П.Н.Лукницкого: История и состав // Ахматова и ее окружение: Сб. ст. (в печати); здесь же о преломлении этой ситуации в поэтическом творчестве Лукницкого.

¹⁸ Лукницкая В.К. Перед тобой земля. С.11-14.

матовой, выразительно характеризуют и стиль самого Лукницкого. Записи путешествия Лукницкого на юг¹⁹ представляют самостоятельный интерес, в основном не связанный с ленинградскими литературными встречами и событиями. Вместе с тем встреча в августе в Крыму с Мандельштамами и эпизодические записи об Ахматовой продолжают магистральную для тех лет тему дневников Лукницкого. Эти фрагменты, выбранные из общего массива записей той поры, здесь и публикуются. Кроме того, в текст публикации включены записи о встречах Лукницкого с Вс. и И. Рождественскими в Ялте и Гаспре – совместные летние путешествия Лукницкого и Вс. Рождественского были во второй половине 1920-х своеобразной традицией. При этом имеющиеся в дневнике записи о Н.Тихонове, В.Каверине и других оставлены в большинстве своем за пределами данной публикации и приводятся только для сохранения общей сюжетной канвы.

После возвращения в сентябре 1928 в Ленинград Лукницкий продолжает вести дневник в том же блокноте до 11 ноября; на этом блокнот кончается. В блокноте лета–осени 1928 записи об Ахматовой вплетены в общий поток подневных самоотчетов. При этом частично дневниковые записи, касающиеся Ахматовой, продублированы на отдельных «четвертушках» бумаги, которые потом, в работе над биографией и творчеством Ахматовой, могли различным образом комбинироваться им по хронологии или темам (в настоящей публикации они составили раздел «Acumiana. 1928–1929»). Кроме того, приводятся фрагменты, относящиеся к деятельности Ленинградского отделения Союза писателей. За немногими исключениями не воспроизводятся записи о частных встречах Лукницкого, его распорядке дня, круге чтения и собственных литературных занятиях – их введение значительно расширило бы ограниченный объем публикации.

В Коллекции П.Н.Лукницкого сохранилась часть его переписки с Ахматовой, в том числе письма 1928 года. Ее планируется опубликовать отдельно, и в комментарии к дневнику 1928 года она не вошла.

Часть записей за 1928–1929 дублирована Лукницким в его письменных ответах на вопросы Ахматовой, составленных им по ее просьбе в январе 1962 (ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.1788). В то же время некоторые из «восстановленных» записей 1962 года не находят отражения в дневнике и записях за 1928–1929 и приведены нами в комментариях. Кроме того, комментарии дополнены сведениями о пропущенных в дневнике собраниях и вечерах Ленинградского отделения Союза поэтов (РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.1690) и биографическими материалами об упоминаемых в дневнике лицах из архива Всероссийского Союза писателей (РО ИРЛИ. Ф.291).

Примечательной иллюстрацией к записям Лукницкого, касающимся литературной жизни Ленинграда, могут служить «Записки для себя» И.М.Басалаева. Во время своего пребывания в Ленинграде в 1926 Басалаев знакомится и общается со многими поэтами и писателями (одним из наиболее

---

¹⁹ Частично они опубликованы в: *Лукницкая В.К.* Перед тобой земля. С.66-76.

ценных свидетельств является запись Басалаева об Ахматовой, с которой он познакомился в то же время), в его следующий приезд осенью 1928 литературные знакомства продолжают. При этом если Лукницкий фиксирует встречи и разговоры, то Басалаев дает внешние и психологические портреты: в тетради 1926 года²⁰ – Вс. Рождественского, М.Фромана, М.Слонимского, Н.Баршева, П.Медведева, М.Козакова, Б.Лавренева, Н.Тихонова; в неопубликованной тетради 1928 года²¹ – Е.Замятина, М.Фромана, П.Лукницкого, Б.Лавренева, В.Шишкова, О.Форш, А.Толстого, К.Федина и др. Среди прочих Басалаев дает и несколько портретов Лукницкого, выдержанных приблизительно в одном ключе. Приведем запись 1926 года: «Павла Лукницкого все называют запросто “Павликом”. Он и действительно еще мальчик. Пристраивается к литературе. Пока рифмует строчки – безобидно, незатейливо, не мудрствуя лукаво. Для солидности – собирает биографию Гумилева: записывает, вклеивает, нумерует. Что из этого выйдет – аллаху известно. Во всяком случае, не он напишет биографию этого поэта. Но он послушный, услужливый, исполнительный. Что-то вроде мальчика на побегушках у современной ленинградской поэзии»²².

Библиографические сведения о ленинградских литераторах, приведенные в комментарии, могут быть в ряде случаев значительно дополнены при обращении к биобиблиографическому справочнику «Писатели Ленинграда. 1934–1981» (Авт.-сост. В.Бахтин и А.Лурье. Л., 1982).

В комментарии широко использованы летописные своды жизни и творчества Ахматовой, составленные В.А.Черных²³. Ссылки на них даны и в тех случаях, когда в самой «Летописи» имеются указания на первопубликации используемых сведений (такие случаи оговариваются), – это сделано для определения более локального и «близкого» источника необходимой информации.

Текстологические особенности публикации следующие:

Лукницкий по-разному обозначает в своих записях Ахматову: то как «АА», то как «А.А.», – мы унифицируем эти обозначения по второй форме как наиболее частотной.

При публикации сохраняются сокращения: Ш.Д., Шер. Дом, Шерем. Дом – Шереметевский дом; Мр. Дв. – Мраморный дворец; Н.Г. и Н.С. –

---

²⁰ Басалаев И. Записки для себя / Предисл. А.И.Павловского, публ. Е.М.Царенковой, примеч. А.Л.Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.359-494.

²¹ Басалаев И.М. Записки для себя. Тетрадь 2-я. 1928 год // ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.23.

²² Басалаев И. Записки для себя. С.385. Большой фрагмент «Записок» Басалаева о Лукницком в 1928 см. в примеч. 35 к разделу IV.

²³ Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Часть I: 1889–1917. М., 1996; Часть II: 1918–1934. М., 1998; Часть III: 1935–1945. М., 2001. См. также дополнение к ним в рецензии: Тименчик Р.Д. О трудах и днях Ахматовой // Новое литературное обозрение. 1998. №29. С.409-428.

Н.С.Гумилев; Л.Г. – Лев Гумилев; В.К.Ш. – Вольдемар (Владимир) Казимирович Шилейко; А.И., А.И.Г. – Анна Ивановна Гумилева; А.Н. – Анна Николаевна Гумилева (Энгельгардт); А.Е. – Анна Евгеньевна Аренс-Пунина.; Н.В., Н.В.Р. и Н.В.Г. – Н.В.Гуковская (Рыкова); Л.Н. и Л.Н.З. – Л.Н.Замятина; Е.И., Евг. Ив. и Е.И.З. – Е.И.Замятин; О.М., О.Э. и О.Э.М. – О.Э.Мандельштам; Н.Я. и Н.Я.М. – Н.Я.Мандельштам; ПЛ – Павел Лукницкий.

Без дальнейших оговорок унифицируется написание дат по наиболее частому для Лукницкого образцу.

В дневниковых записях видны следы их использования для составления подборки материалов по биографии и творчеству Ахматовой: как правило, это отчеркивания со словами «от» и «до» и в ряде случаев контекстуальные замены отдельных слов; такие пометы оговариваются в подстрочных примечаниях.

Исправления, делавшиеся Лукницким по ходу записывания, не оговариваются, за исключением тех случаев, когда информация, содержащаяся в зачеркнутой записи, имеет самостоятельную ценность и не повторяется в дальнейших записях.

Орфография приближена к современным нормам, пунктуация во многих случаях сохраняется авторская: в обилии запятых и тире выражен индивидуальный стиль Лукницкого. Исправлено написание имен собственных и названий (Лукницкий пишет Кузмины-Караваевы вместо Кузьмины-Караваевы, Кублицкая-Пиотух – вместо Кублицкая-Пиоттух, Орбелли вместо Орбели, Ширвинский вместо Шервинский, Машков переулком вместо Мошков; другие случаи оговариваются в комментариях).

В квадратные скобки помещен зачеркнутый Лукницким текст, восстановленный в публикации.

Текстологические особенности публикации раздела «Acumiana. 1928–1929»:

У Лукницкого каждая запись помещена на отдельном листке бумаги, так называемой «четвертушке». При этом вперемешку даны записи о событиях текущего – 1928 года и событиях, относящихся к прошлому, о которых Лукницкому стало известно в тот или иной день этого года. Следуя уже сложившейся практике публикации записей Лукницкого, мы не сочли удобным разделять их по хронологическому признаку и даем в том порядке, в каком они представлены у Лукницкого.

На некоторых карточках Лукницкий делал пометы «Творч.», на некоторых – «Биограф.», на некоторых помет нет. Вероятно, он собирался дальше систематизировать свои записи по этим направлениям. Эти пометы здесь не воспроизводятся.

Перед записью – дата, к которой она относится, дата события, после нее – внизу справа – дата, когда Лукницкий узнал и/или записал то, о чем идет в ней речь, дата записи, а также, зачастую, источник информации: как правило, Ахматова, но может быть, например, и А.Н.Гумилева, и Н.Н.Пунин. Иногда одна из дат отсутствует. Это происходит либо в том случае, когда запись сделана непосредственно в день события, либо если датировка события может

быть установлена только приблизительно, что обычно отражается и в самой записи. Среди записей встречаются дубли, они не воспроизводятся.

Мы искренне благодарны Т.А.Кукушкиной за предоставленную возможность включить в комментарий материалы Архива Всероссийского Союза писателей (ИРЛИ), за регулярную помощь и консультации. Мы также выражаем свою признательность всем, чьими справками и указаниями мы пользовались: Ю.Е.Галаниной, Н.Я.Грякаловой, А.Л.Дмитренко, Н.Л.Елисееву, М.В.Захаровой, И.Г.Ивановой, Л.Н.Ивановой, Н.И.Крайневой, Т.И.Краснобородько, А.Я.Лапидус, О.В.Миллер, М.М.Павловой, Г.С.Покшишевской, Т.В. и М.В. Рождественским, О.Е.Рубинчик, В.А.Черных, М.Д.Эльзону; особая благодарность – А.Г.Мецу, прочитавшему работу в рукописи и сделавшему ряд ценных уточнений.

В примечаниях приняты следующие сокращения:

Acumiana I – Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т.1: 1924–1925. Paris, 1991.

Acumiana II – Лукницкий П.Н. Acumiana: Встречи с Анной Ахматовой. Т.2: 1926–1927. Париж; М., 1997.

Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка – Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. ст. и комм. А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада; Подгот. текста Т.В.Павловой, А.В.Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998.

Анна Энгельгардт – жена Гумилева – Анна Энгельгардт – жена Гумилева: По материалам архива Д.Е.Максимова / Публ. К.М.Азадовского и А.В.Лаврова // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография / Сост. М.Д.Эльзон, Н.А.Грознова. СПб., 1994. С.358–398.

Басалаев – Басалаев И. Записки для себя / Предисл. А.И.Павловского; Публ. Е.М.Царенковой; Примеч. А.Л.Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.359–494.

Блок – Александр Блок: Новые материалы и исследования: В 5 кн. / Отв. ред. И.С.Зильберштейн, Л.М.Розенблюм. М., 1980–1993 (Лит. наследство. Т.92).

Воспоминания – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я.Вилленкин, В.А.Черных; Комментар. А.В.Курт. М., 1991.

Галушкин – Галушкин А.Ю. Из истории литературной «коллективизации» // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. Т.2, №2. СПб., 1996. С.437–478.

Гумилев 1994 – Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография / Сост. М.Д.Эльзон, Н.А.Грознова. СПб., 1994.

Дмитренко – Грудцова О. Довольно, я больше не играю...: Повесть о моей жизни / Публ. Е.М.Царенковой; Предисл. и примеч. А.Л.Дмитренко // Минувшее: Исторический альманах. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.7–132.

Дневник Ал. Блока – Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / Под ред. П.Н.Медведева. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928.

Замятин – Рукописные памятники. Вып.3: В 2 ч. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина / Сост. и подгот. текста Л.И.Бучиной, М.Ю.Любимовой; Предисл. и коммент. М.Ю.Любимовой. СПб., 1997.

ЗК – Записные книжки Анны Ахматовой / Сост. и подгот. текста К.Н.Суворовой; Вступ. ст. Э.Г.Герштейн; Науч. консульт., вводные заметки к записным книжкам, указ. В.А.Черных. М.; Torino, 1996.

Из переписки Анны Ахматовой – Тименчик Р.Д. Из переписки Анны Ахматовой // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Л.Флейшмана. Stanford, 1994. С.453-462 (Stanford slavic studies. Vol.8).

Кобринский, Устинов – Дневниковые записи Даниила Хармса / Публ. А.Устинова и А.Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. Вып.11. М.; СПб., 1992. С.417-587.

Летопись. Ч.1-3 – Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. Ч.1: 1889–1917. М., 1996. Ч.2: 1918–1934. М., 1998. Ч.3: 1935–1945. М., 2001.

Лит. обозрение – Литературное обозрение. 1989. №5 (К 100-летию со дня рождения А.А.Ахматовой).

Лукницкий–Горнунг – Н.С.Гумилев в переписке П.Н.Лукницкого и Л.В.Горнунга / Публ. И.Г.Кравцовой (при участии А.Г.Терехова) // Н.Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С.491-563.

Мандельштам. Письма – Мандельштам О.Э. Собр. соч.: В 4 т. Т.4: Письма / Сост. и коммент. П.Нерлера, А.Никитаева, Ю.Фрейдина. М., 1999.

Мануйлов – Мануйлов В.А. Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н.Ф.Будановой. СПб., 1999.

Напельбаум – Нпельбаум И. Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни. 2-е изд. СПб., 1999.

Павлова – Данько Е.Я. Воспоминания о Федоре Сологубе. Стихотворения / Вступ. статья, публ. и коммент. М.М.Павловой // Лица: Биографический альманах. Т.1. М.; СПб., 1992. С.190-261.

Перед тобой земля – Лукницкая В.К. Перед тобой земля. Л., 1988.

Петров – Петров В.Н. Из «Книги воспоминаний» // Сурис Б.Д. Николай Андреевич Тырса. Жизнь и творчество. СПб., 1996.

Писатели Ленинграда – Писатели Ленинграда: Биобиблиографический справочник. 1934–1981 / Авт.-сост. В.Бахтин и А.Лурье. Л., 1982.

Полян, Нерлер – Полян П., Нерлер П. Летописец: (К 100-летию П.Н.Лукницкого) // Русская литература. 2000. №4. С.183-194.

Пунин – Мир светел любовью. Н.Пунин. Дневники, письма / Сост., предисл., примеч. и коммент. Л.А.Зыкова; Подбор илл. А.Г.Каминской. М., 2000.

Пяст – Пяст Вл. Встречи / Сост., вступ. статья, науч. подгот. текста и коммент. Р.Тименчика. М., 1997.

Распятыя. 1-6 – Распятыя: Писатели – жертвы политических репрессий. / Авт.-сост. З.Л.Дичаров. СПб., 1993–2000. Вып. 1-6.

Рубинчик – Рубинчик О.Е. Комментарии // Анна Ахматова: Последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова. СПб., 2001. С.98-221.

Русские писатели – Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.1-4. М., 1989–1999.

Русские писатели 20 века – Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М., 2000.

Серапионовы братья – «Серапионовы братья» в собраниях Пушкинского Дома: Материалы. Исследования. Публикации / Авт.-сост. Т.А.Кукушкина и Е.Р.Обатнина. СПб., 1998.

Справочник – Театрально-музыкальный справочник на 1928 г. М.; Л., 1928.

Тименчик, Лавров – *Тименчик Р.Д., Лавров А.В.* Материалы А.А.Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976. С.53-82.

Тименчик, Черных – Ахматова Анна. Автобиографическая проза / Вступ. статьи, примеч. Р.Д.Тименчика, В.А.Черных // Литературное обозрение. 1989. №5. С.3-17.

Толстяков – *Толстяков А.П.* Из личной библиотеки Анны Ахматовой // Книга: Исследования и материалы. Сб.58. М., 1989. С.168-196.

Хейт – <Ахматова А.А. Автобиографическая проза> // Хейт А. Анна Ахматова. Поэтическое странствие; Дневники, воспоминания, письма А.Ахматовой / Предисл. А.Наймана; Комментар. В.Черных и др. М., 1991. С.212-258.

Чуковская. Т.1-3. – *Чуковская Л.К.* Записки об Анне Ахматовой. 5-е изд., испр. и доп. М., 1997.

Чуковский – *Чуковский К.И.* Дневник (1901–1929) / Подгот. текста и коммент. Е.Ц.Чуковской; Вступ. ст. В.А.Каверина. М., 1991.

Чуковский Н. – *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания / Сост. М.Н.Чуковская. М., 1989.

Анкеты... писателей – Анкеты Всероссийского союза писателей. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Анкеты... поэтов – Анкеты Всероссийского союза поэтов. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Афиши – Афиши и сведения о собраниях Союза поэтов. – РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.1690.

Книги – РО ИРЛИ. Коллекция П.Н.Лукницкого. Книги.

Книги записей – Книги записей посещения вечеров в Союзе писателей. 1928–1930 гг. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Коллекция – РО ИРЛИ. Коллекция П.Н.Лукницкого.

Отчет 1928–1929 – Отчет о деятельности ЛО ВСПоэтов за время с 1 января 1928 г. по 1 января 1929 г. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Протоколы заседаний Правления... писателей – Протоколы заседаний Ленинградского отдела правления Всероссийского союза писателей. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Протоколы заседаний Правления... поэтов – Протоколы заседаний Правления Ленинградского отдела Всероссийского Союза поэтов. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Протоколы заседаний секретариата ФОСП – Протоколы заседаний секретариата ФОСП. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Протоколы общих собраний... писателей – Протоколы общих собраний членов Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей. – РО ИРЛИ. Ф.291.

Протоколы общих собраний... поэтов – Протоколы общих собраний членов Ленинградского отдела Всероссийского союза поэтов. – РО ИРЛИ. Ф.291.

ВКИ – Высшие курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств.

ВСП – Всероссийский союз писателей.

ВСПоэтов – Всероссийский союз поэтов.

ЛО – Ленинградское отделение.

I

1928. Январь – июнь

1928. Новый год встречал в кружке друзей камерной музыки¹. Было человек 300, – много писателей. Все пили, пили, пили... Возвращался домой в 7-м часу утра – на Невском и Садовой было такое же хождение, какое бывает обычно днем. Страшно было подумать, что вся эта толпа, – все без исключения – *пили* всю ночь.

1 января. Вечером А.А. была у меня.

2 января. Случайно в месткоме попалась мне в руки бумажка, из которой я узнал, что издательство «ЗИФ» предполагает издать том избранных стихотворений Гумилева², со вступительной статьей Зонина³, и статьями о творчестве Н.Г. – Геннадия Фиша⁴ и Бориса Соловьева⁵ – молодых лапповцев⁶. Позже выяснилось, что об этом известно и Н.Тихонову⁷ и М.Фроману⁸, но мне об этом никто не сказал. Все дело с изданием возникло, по-видимому, по инициативе Г.Фиша, кот^{орый} был в Москве и договаривался с Нарбутом⁹. Тот, имея в виду издательские выгоды, согласился, а Фиш все это придумал только для того, чтоб заработать – 300 рублей за составление сборника. В сборник предположено включить 3000 строк, а тираж должен быть от 1500 до 3000 экземпляров.

4 января. Говорил с Мандельштамом.

15 января. Воскресенье. В пятницу ездил в Кронштадт¹⁰ – читать стихи, в Центральной библиотеке. К удивлению – аудитория больше чем наполовину состояла из женщин. Аудитория интересуется пролетарской литературой. Но начальник Пубалта¹¹ жаловался мне, что среди матросов очень много увлекающихся Есениным и что бы-

ло два-три случая, когда последователи Есенина пустили себе пулю в лоб.

Большой интерес к Лавреневу. Недавно был диспут о «Разломе»¹². Меня принимали хорошо.

После вечера – заседание литературного кружка – матросы и культработники. Решили войти в ЛАПП. Ночевать отправился в гостиницу – по дороге матрос рассказывал о Ларисе Рейснер¹³ – у которой в отряде воевал. Один из «поэтов» – служит в угрозыске.

Пришел в гостиницу ко мне и до двух часов не давал спать, настойчиво предлагая пить пиво. А утром явился в 7 часов, с дюжиной пива, разбудил меня. Я озлился, пива не пил, конечно, но пришлось встать.

Город – понравился – компактный и тихий. Сообщение с Кронштадтом – по льду, на санях и автомобилях, из Ораниенбаума. При въезде – застава – будто в 17 веке. Большие строгости с пропусками.

Пубалт сказал мне, что танцы в городе – запрещены.

В субботу – вечером – общее собрание Союза Писателей и выборы Правления¹⁴. Борисоглебский¹⁵, которому пришлось недавно уйти из Правления из-за своей недобросовестности, а также Жихарева¹⁶, Кублицкая-Пиоттух¹⁷ и Ганзен¹⁸, которые ушли из Правления из солидарности с Борисоглебским, – баллотировались снова. Борисоглебский организовал старушек, типа М.Ватсон¹⁹, и получил 53 голоса.

В новое Правление вошли:

Федин²⁰ (93 голоса), Замятин²¹ (92), Шишков²² (86), Евгеньев-Максимов²³ (85), О.Форш²⁴ (84), А.Толстой²⁵ (77), П.Медведев²⁶ (77), Кублицкая-Пиоттух (77), А.В.Ганзен (57), Борисоглебский (53), Жихарева (50) и М.Козаков²⁷ (48).

В кандидаты: Л.Раковский²⁸ (48), Н.Баршев²⁹ (47), М.Фроман (46), В.Каверин³⁰ (45), И.Садофьев³¹ (42) и Н.Тихонов (42)³² *.

Если не уйдет Борисоглебский, – Правление вероятно все откажется от работы.

Председательствовал П.Е.Щеголев³³.

Доклады Борисоглебского, Ганзен, Козакова, А.Эфроса³⁴ (приехавшего из Москвы) и Лаганского³⁵ длились больше 2-х часов³⁶. Пьяный Вас. Андреев³⁷ спал на стуле в середине комнаты, против стола председателя, и громко храпел.

---

* На следующий день – 1-ое засед<ание> Правления. М.Борисоглебский и Жихарева отстранились. Вместо них – Н.Баршев и Л.Раковский. Последний – стал секретарем Правления. – *Примеч. Лукницкого.*

Всю неделю в городе, в клубах, библиотеках, учебных заведениях, – всюду, устраиваются вечера памяти Некрасова (8.I – минуло 50 лет со дня его смерти)³⁸.

Н.Тихонов написал стихотворение памяти Некрасова³⁹, но когда я (по обязанности – я секретарь Литбюро Федерации⁴⁰) предложил ему прочесть его на Некрасовском вечере в Доме Печати⁴¹, Тихонов сказал мне, что это немыслимо, что, написав 15 строк, отдав дань Некрасову, – он сделал все, что от него требовалось, но больше ничего делать не будет – не может, не хочет.

Всеv. Рождественский⁴² – заявляет Евгеньеву-Максимову, что любит Некрасова⁴³ и поэтому просит прислать ему приглашение на заседание памяти Некрасова – но только на те, которые состоятся в Академии Наук или в Пушкинском Доме. Но Боже мой! – даже такими путями, Рождественский ищет славы!⁴⁴

[30 января. Рождественский сегодня женился церковным браком на]

31 января. Работа в Литбюро Федерации Писателей и Союзе Поэтов доведет меня до острой неврастении. Трудно работать, нудно, и неинтересно⁴⁵.

«Записки Поэта» Сельвинского. Портрет Е.Нея на обложке (в профиль) очень похож, странно похож на Гумилева. А.А. подтвердила это⁴⁶.

Вчера в кружке Друзей Камерной музыки читал стихи. Читали: Н.Клюев⁴⁷ и Л.Попова⁴⁸.

На днях вышел 1-й том дневников Ал. Блока⁴⁹ (в продажу еще не поступил). Жду его с нетерпением. Пока только перелистывал. Кажется, об Н.Г. нет ничего плохого. Враждебность – еще в зачатке⁵⁰.

1 февраля. В Ак<адемической> Капелле вечер памяти Сологуба⁵¹. По глупости устроителей на афишах имя Андрея Белого было напечатано несоразмерно крупно. А он заболел, прислал телеграмму. Замятин в Москве договорился с Чулковым, чтобы тот выступил вместо Белого. Чулков сегодня приехал сюда, увидел афиши, обиделся, что его имени нет, а имя А.Белого напечатано громадными буквами, и отказался выступать. Замятины уговаривали его долго, вызвонили к себе А.А., чтоб она тоже его уговаривала... Уговорили⁵². Но известно было, что Чулков в своих воспоминаниях говорит гадости о Чеботаревской⁵³. Приятно ли Черносвитовой⁵⁴ и другим родственникам, боготворящим Чеботаревскую, слушать это? Уговорили Чулкова не читать о Чеботаревской. Хорошо.

Но публика, оказывается, шла на вечер памяти Сологуба не для того, чтоб почтить его память, а только чтоб посмотреть А.Белого. Очень много билетов возвращено в кассу. Замятины пытались уговорить А.А. выступить тоже. А.А., конечно, отказалась. Публики было мало. Было очень скучно. Чулков читал долго и хвалил себя – какой-то старик с искусственной ногой не выдержал и стал пробираться к выходу, ужасно скрипя ногой в гробовой тишине. Пумпянский бездарен, как всегда⁵⁵, но умникам вроде Козакова понравился очень. Артоболовский⁵⁶ – чтец из самой паршивой, манерной породы актеров, ломая руки у груди, читал стихи Сологуба. Потом читал А.Шварц⁵⁷. Прочел стихотворение «Наташе Медведевой»⁵⁸. Медведев сидел сзади меня, и я слышал, как он делал «биографические примечания» своей соседке, потом принимал поздравления: «Ваша дочь так рано прославилась!» – «Помилуйте, да как же, как же, так уж вышло, знаете ведь, Федор Кузмич <так!>, незабвенный...»

Отвратно.

Поэтов в зале почти не было. Были К.Вагинов⁵⁹, Н.Браун⁶⁰ да Садофьев – «маститый поэт». Замятины, М.Лозинский⁶¹, Е.Данько⁶², Н.К.Радлова⁶³, Н.Гуковская⁶⁴. Все спрашивали, почему нет Ахматовой⁶⁵. О Сологубе никто не думал.

Вечер дал дефицит.

2 февраля. Весь день провел у А.А. – в Ш.Д.

Днем к ней приходила какая-то отвратительная личность – по фамилии Данилов – читать стихи. Знает он, что Жуковский жил в 20-м веке, доказывал, что поэзия не искусство, и сказал А.А., что если б у нее была сила воли, она должна была бы перевоспитать себя в пролетарскую поэтессу. А.А. очень остро ответила. Личность эта испортила ей настроение.⁶⁶

26 февраля. 24-го вечером был в Ш.Д. – там собрались художники – Тырса⁶⁷, Лебедев⁶⁸, Лев Бруни⁶⁹ и др.⁷⁰ Крюшон.

Вчера с утра уехал в Токсово⁷¹ с Изергинными⁷². Там на лыжах, с Тотей ходил по горам и озерам с 12 до 7 часов.

Токсово – красиво. Очень. Приключения. Вернулись – в 11 часов, усталые и довольные.

Сегодня, – перед обедом ходил с А.А. на лыжах по Фонтанке. Солнце. Сегодня день Красной армии (парад, эскадрильи аэропланов) и последний день масленицы. А.А. с Пуниным⁷³ была у меня на блинах (обедала). Кира⁷⁴ пришел с парада во время обеда, спорили лениво.

Лежал, читал газету и дневник Блока и курил хорошую сигару.

Все эти дни аккуратно работаю (книга «Биограф<ическая> канва Н<иколая> Г<умилева>»⁷⁵ – заканчиваю). Ходил на каток, ходил на лыжах, занимаюсь гимнасти<кой>.

В прошлое воскресенье – свадьба В.Мануйлова⁷⁶. Очень звал. Я ездил с А.А. в Ц<арское> С<ело>. Со свадьбы А.А. пошла к Мандельштамам⁷⁷, а я поехал со всеми в Павловск к обеду у матери Вс. Рождественского⁷⁸. Стихи. 1-й разговор с Ириной Рождественской⁷⁹. Балаганили на снегу. Вернулись в город и у В.Р<ождественского> – с Казмичевыми⁸⁰ я приканчивал (именно: «при-») вечер.

Известие о самоубийстве Мани Кеммер⁸¹, бросившейся под поезд 28 января. Все эти дни вспоминаю о ней. Я ее оправдываю и... все-таки это ужасно, и неверно. Стихи ее памяти.

Блок в 30 лет устал. Мы устали гораздо раньше. Мы имеем на это право.

Ночь. Вчера к А.А. заходил В.Мануйлов и просил ее сегодня вечером прийти к нему для важного разговора с Софьей Андреевной Толстой⁸².

Вечером я с А.А. приехал к Мануйловым, Толстая была уже здесь, и мы обо всем с ней переговорили. Кроме того, она рассказала об октябрьской выставке, организованной Федерацией в Герценовском доме⁸³.

Разительно и многозначительно.

Позже стали собираться гости: оказалось – сегодня В.Мануйлов устроил у себя новоселье. Пришли – Казмичевы, Рождественские, Нина Мануйлова⁸⁴, Антон Шварц. Пили чай. Общие разговоры. Я – с Толстой много говорил (отдельно) о С.Есенине и об интересующих меня предметах.

Обещали друг другу – что можно: я обещал ей дать воспоминания о последних минутах и похоронах Есенина и записку из больницы (список вещей и белья С.Есенина)⁸⁵.

А.Шварц стал декламировать, – читал А.Белого, Онегина и «Гондлу»⁸⁶.

Все восторгались. Я видел, что А.А. очень не нравится, но она старается не показать этого. (После она сказала мне, что чтение Шварца было «ужасно».)

А.А. скучала, и вечер оставил по себе неприятное впечатление ([разумеется,] и сообщения Т<олстой?>).

Толстая очень мила и горячо принимает к сердцу...

---

* Следующий лист, вероятно, вырван.

Все они, кроме Толстой, державшейся просто, сегодня разговаривали с А.А. (как всегда) со смущением и робостью, происходящим<и> от великого уважения к ней и чувства ее превосходства. А это-то и делает ее замкнутой и молчаливой.

Всеволоду Рождественскому – как нож в сердце то, что А.А. второй раз была у Мануйлова, а у него (у «Него»!) не была ни разу⁸⁷. Ему это особенно неприятно, ибо он несомненно не раз рассказывал окружающим его людям о своей «былой дружбе» с Ахматовой. Он понимает, конечно, что теперь («так некстати!») вранье его изобличается.

Всеволод Рождественский несчастная и (– если задуматься всерьез) трагическая фигура. Бессильный, безвольный, лживый, наивный и добрый человек.

Он вызывает к себе жалость – худший вид отношения человека к человеку.

Нина Мануйлова рассказывала мне подробно о Мане Кеммер. Жестокая судьба. Мне тяжело думать обо всем этом.

Возвращались – в трамвае с Казмичевыми, а потом – одни. А.А. передала мне свои впечатления.

---

28 февраля. Позавчера – неприятность – открытка от А.Н.Гумиловой⁸⁸ с просьбой принести ей рукопись «Отравленной Туники»⁸⁹.

Вчера был у нее. – «Тунику» на верное исчезновение, на пропажу, принес ей. Она все так же ужасна – кукла с коротким заводом. И труслива и идиотична.

Вчера вечером был у А.А., а после – до 4 ночи у Казмичевых и Ольги Олаф⁹⁰ – балаганил, и это мне тоже неприятно.

---

6 марта. Дневник Блока (1-й том) вышел из печати совсем недавно, и уже весь распродан. Он был прочитан жадно, прочитан всеми. Невежество, вопиющая безграмотность Медведева, редактировавшего книгу, сильно ей повредили.

Каким принципам следовал «сей повар», редактируя дневник, известно ему одному: если, производя изъятия, он имел в виду предотвратить обиды еще живущих, то почему не изъять суждения Ал. Блока о В.Иванове, о В.Брюсове (вдова-то ведь прочтет дневник!) и целый ряд других. Почему, зашифровав звездочками собственные имена тех людей, о которых А.Блок говорит дурно, он ставит звездочку в таком, например, случае: ...«Вчера вечером не пошел ни слушать рассказ Ясинского, ни к матери жены ***, где собралось

“Гумилевско-Городецкое общество”»... (стр. 37). Что может быть обидного Пиленко, матери жены Кузьмина-Караваева⁹¹, скрытой под этой звездочкой, в том, что ее фамилия будет произнесена?

А.А. догадалась, что Медведев, всюду скрывая фамилию режиссера Кузьмина-Караваева, с которым у Люб<ови> Дм<итриевны> Блок был роман, не разобрал, что тот Кузьмин-Караваев к этому не имеет никакого отношения⁹²; вычеркивая злополучное имя всюду, Медведев сдуру вычеркнул такое же (но не то же) – и здесь.

Примечания составлены бездарно, неполно, неверно. Так в примечании к тем же, упомянутым мною строкам (о «Гумилевско-Городецком обществе»), Медведев пишет: «...Имеются в виду так называемые акмеисты, во главе которых в те годы стояли Н.Гумилев и С.Городецкий. Их статьи – манифесты посвященные акмеизму, были напечатаны в журн<але> “Аполлон” 1913 г., кн. 1».

Во-первых, «так называемые»! а во-вторых, никакого акмеизма в 1911 году (запись сделана 11 ноября 1911 г.) не было, слова «акмеизм» не было. Акмеизм, как известно, возник в 1912 году⁹³.

Примечание 124 гласит: «Этот замысел остался неосуществленным. Вечер, посвященный *памяти** Судейкина, не состоялся». (Блок здесь – на стр. 118, имеет в виду вечер, посвященный 100-летию взятия русскими Парижа, проведение которого взял на себя Судейкин*.) Медведев, когда ему указали на эту ошибку, с «очаровательной» улыбкой ответил: «Ну помилуйте, это же опечатка – всякий понимает, что речь идет о вечере *памяти Сапунова* (!)⁹⁴».

Вот, примеры. Их можно множить бесконечно. Повторяю, рука Медведева сделала все, чтоб опоганить дневник.

А дневник интересен, дает много материала для понимания личности Ал. Блока, да и литературной жизни того времени. Мнения о дневнике различны. А.А., отдавая должное дневнику, считает все же, что дневником Блок «разоблачает» свои стихи, показывает нити, скрепляющие их с реальным, с земным, с будничным⁹⁵. Дневник дает возможность судить о непонятном простодушии Блока, считавшем, например, Клюева, этого бога фальши, – своей совестью⁹⁶, всерьез воспринимавшего Грааль Арельского, враля всем хорошо известного⁹⁷; принимавшего у себя Г.Иванова (впрочем – раз Блок «не принял» его) и записывающего разговоры с ним⁹⁸... А Городецкий⁹⁹, а письма к девушкам (А.Блок считал, что, отвечая на письма неизвестным девушкам, он выполняет общественный долг)¹⁰⁰.

---

* Выделено Лукницким.

** К этому вечеру заказы были даны всем: так, Н.Г. именно для этого вечера написал пьесу «Игра». – *Примеч. Лукницкого.*

Я говорил о дневнике со многими знавшими и не знавшими Блока. Одни считают, что издание дневника было преждевременным, другие доказывают своевременность издания, утверждая, что дневник следует читать, пока не исчез в памяти живой образ поэта. Думаю, что через 30 лет я с тем же интересом прочел бы этот дневник, напечатанный без пропусков, без звездочек, без Медведева¹⁰¹.

Работа в литературном бюро Федерации Писателей меня совсем замучила¹⁰². Неприятная работа, сумбурная и умаляющая мое достоинство, – превращающая меня в жалкого канцеляриста.

Помимо всего – моя работа в литературном Бюро – вид самой беспощадной эксплуатации человеческого труда: доказательств искать не надо: за то, что ежедневно я просиживаю в Доме Печати с 3½ до 7 до 8 часов вечера (иногда – до 11–12), за то, что все часы остального дня отравлены беспрерывными телефонными звонками и беспокойством о том, не сорвется ли каждодневный литературный вечер, за то, что я в течение 5 месяцев организовал и провел 60 литературных вечеров и организовал еще штук 40 сорвавшихся по вине клубов или писателей, за недовольства, сыпавшиеся со всех сторон, я получал по *12 рублей 58 коп.* в месяц (это точный расчет; вся сумма, полученная мною за время работы в литбюро, разделена на 5 – число месяцев работы).

В течение 3 последних месяцев я добивался заседания Федерации, чтобы отказаться от работы, и заседание все откладывалось, а бросить работу на произвол судьбы, уехав куда-нибудь на две – на три недели, мне не позволяла совесть, да и куда уедешь без денег!

Наконец, на днях заседание Совета Федерации состоялось, и отказа моего не приняли, доказывая мне, что кроме меня некому вести эту работу.

Конечно, я не стану работать больше. Следовало бы довести дело до суда, но, к сожалению, мы – «интеллигенты» не любим таких методов действий.

Хочу уехать в Токсово, на две недели, плюнуть на все.

В субботу, 3 марта, в Русском Музее – вернисаж: выставка «4 искусства»¹⁰³. Тырсе, такому благополучному, такому все оправдывающему, пришлось попотеть над получением разрешения на эту выставку¹⁰⁴, и добиться так ничего и не удалось, пришлось просить Пунина¹⁰⁵ взять эту выставку в Русский Музей, чтобы он взял выставку под свою эгиду и в свое помещение. Пунин и Лебедев встретились на вернисаже с Гол<л>ербахом. Лебедев не подал ему руки.

Пунин удержался от того же желания и все же руку Гол<л>ербаху подал¹⁰⁶.

Союз Писателей безнадежно нищ. Чтобы раздобыть денег для уплаты в ЖАКТ за помещение Союза, Правление решило устроить закрытый, платный вечер памяти Сологуба¹⁰⁷. Организацию вечера взяли на себя Замятины. Л.Н. энергично принялась за дело. Решили устроить чтение неопубликованных стихотворений Сологуба поэтами и писателями. Составили такую программу:

Иванов-Разумник – доклад о Сологубе¹⁰⁸.

А.Ахматова, М.Кузмин, О.Мандельштам, А.Толстой, Н.Тихонов, В.Рождественский, М.Лозинский и Е.Замятин – читающие стихи Сологуба¹⁰⁹.

Затем стали приглашать участников.

А.А. была дана тетрадь неопубликованных стихов Сологуба, чтобы она выбрала десять стихотворений^{110*}. К А.А. за тетрадь пришел М.Лозинский. На следующий день А.А. зашла в Публичную библиотеку, взяла тетрадь и отнесла ее Л.Н. Потом Л.Н. с Е.И. сами выбрали стихи для всех остальных участников, и Л.Н. их переписала для них. Стихи были розданы. Я присутствовал при том, как Н.Тихонов с несчастным, недоуменным видом примерялся глазами и голосом к этим стихам, совершенно чуждым ему, бросал, принимался снова и, наконец, из 5 стихотворений одолел 3, покорившись необходимости прочесть их.

Я знаю, что О.Мандельштам, получив в четверг (1.III) письмо с приглашением, а потом – в городе – стихи от Л.Н. (был у А.А., и она по просьбе Л.Н. передала их ему), обиделся и воспылал возмущением – на то, что поэту, ему, Осипу Мандельштаму, писатель – Замятин посмел *выбирать*, назначать стихи. Я видел, как вечером в пятницу в гостях у Фромана Мандельштам петухом налетел на случайно пришедшую туда Л.Н. (пришла по поводу вечера), стал торжественно и резко с ней спорить и заявил, что неопубликованных стихов читать не будет и согласится выступить только со стихами старыми, которые выберет сам. Едва удалось избежать скандала.

Здесь же он стал требовать, чтоб пригласили Пяста¹¹¹. Л.Н. ответила уклончиво. После, провожая Л.Н., я говорил с ней о Пясте, она решила не приглашать его: Пяст декламирует ужасно¹¹². Однако, когда я рассказал об этом А.А., она посоветовала Л.Н. Пяста пригласить, чтобы не обидеть его. О.Мандельштам на следующий день прислал письмо, в котором повторял просьбу пригласить Пяста

---

* Выбрала следующие: – *Примеч. Лукницкого*. (Далее оставлено место. – Т.Д.).

(О.Мандельштам) заявил, что Пяста необходимо пригласить, поэтому <то> ему стихи Сологуба ближе, чем кому бы то ни было, что у них некое «сродство душ» и пр.). Пяст был приглашен, но выступить отказался, заявив, что стихи Сологуба ему совершенно чужды, и он не представляет себе, как он стал бы их читать¹¹³.

В понедельник (5.III) вечер состоялся. А.А. была утомлена – после целого дня, проведенного в шумной компании, возглавляемой Пильняком¹¹⁴. Я зашел за ней, проводил ее в Союз Писателей. Билеты были распроданы все (– обиды членов Союза, не доставших билеты, – А.В.Ганзен и др.), народу – много, человек сто. А.А. все время была в задней, маленькой комнате, разговаривала здесь с Н.Комаровской (артисткой)¹¹⁵ и др. Здесь О.Н.Черносвитова, Ал. Толстой, Никитины¹¹⁶, Лозинский, Зоценко, Сутугина¹¹⁷, Н.Тихонов и множество других.

Выступали: 1) Иванов-Разумник с докладом (я с А.А. и пришел во время доклада), 2) М.Лозинский, 3) Вс. Рождественский (читал плохо. Лозинский, смотря на него, шептал мне на ухо смешные слова), 4) Е.Замятин – <читал> отрывки из поэмы. Затем – антракт, минут 15, потом 5) Н.Никитин, 6) Ал. Толстой (совершенно пьяный. Никитин уморительно передразнивал его в маленькой комнате, где в это время оставались только А.А., я, Н.Тихонов и Фроман). Толстой растягивал слова, делал угрожающие паузы, откашливался, останавливался и читал снова. Публика, кажется, не заметила, что он пьян.

Перед Толстым читал Фроман и Н.Тихонов (читал хорошо, ибо читал с иронией, которой никто из других не дал).

В самом начале вечера принесли письмо от О.Мандельштама, извещавшее, что он не придет¹¹⁸. «Просто не пришел» – М.Кузмин. А.А. посоветовала заменить их М.Фроманом и Н.Никитиным и дала Фроману два стихотворения из числа тех, которые сама должна была читать. Фроман был на верху блаженства.

Последней читала А.А. – сидя за столиком. На столе стояли две свечи и электр<ическая> лампа; в черном платье, в огненном, с драконами платке. Читала тихо и очень внятно. Хорошо. Глаза были опущены. [Мне почему-то показалось, что она худее, чем обычно.] Прочла 3 стихотворения, и после уговоров Замятина – 4-ое.

Разошлись сразу после вечера – А.А. домой проводила Н.Гуковская. Я пошел скорее, пришел раньше А.А. в Ш.Д. Пили чай вчетвером – А.А., я и Пунины. Часа полтора говорили о Пильняке, о всех, с кем А.А. за эти два дня встретилась, обо всем.

В воскресенье приехал Пильняк – на два дня, и два дня тихая жизнь А.А. и Пунина была перевернута и взбудоражена.

В воскресенье днем он был в Ш.Д. Вечером А.А. и Пунин были у него, в Европейской гостинице. Пильняк начал с того, что он никого не хочет видеть, кроме А.А., и никому даже не сообщает о своем приезде. Однако сразу же выяснилось, что о приезде своем он оповестил всех. У него вечером собралась куча народу – были: Зощенко, Н.Никитин, С.Семенов¹¹⁹, Санников¹²⁰, М.Слонимский¹²¹, дамы – и др. В этот же вечер А.А. с Пуниным, Пильняком и многими другими была на «Крыше» Европ<ейской> гостиницы. (Кстати: последний раз А.А. была на Крыше ровно 11 лет, без недели, тому назад – в феврале 1917 года, – была с Б.В.Анрепом¹²².)

В понедельник – время с 2 часов дня до 8 вечера А.А. и Пунин опять провели с Пильняком – были у него, ездили с ним куда-то – на Гороховую ул<ицу> – в автомобиле, потом обедали в ресторане. В тот же день скорым поездом Пильняк уехал в Москву.

Вернувшись в Ш.Д., А.А. с омерзением рассказывала мне об этом обеде в ресторане. Там были: Пильняк, Ал. Толстой, С.Буданцев¹²³, Медведев (!) и др., говорились пошлости. Во всем, что говорил Буданцев, было самое последнее хамство.

Вообще, от этих двух дней, проведенных в компании Пильняка, у А.А. осталось самое безобразное впечатление. Московское хамство, близорукость, угар, бесцеремонность, богемность, ничем не оправдываемые. Вот несколько фраз этих людей: москвичи говорили о том, кто сколько тысяч в месяц зарабатывает. Буданцев, обращаясь к А.А., сказал: «Вам, вероятно, странно слышать о таких больших цифрах?»

Толстой заговорил о Н.Гумилеве. Буданцев сказал, что в 1920 г. он вместе с Н.Г. ехал в трамвае, видел его всего полчаса в жизни, но «за эти полчаса понял Гумилева насквозь, разобрался в нем до глубины, может утверждать, что знает Н.Г. прекрасно и что Н.Г. – до седых волос (!) остался гимназистом», и, услышав, что Н.Г. умер 35 лет, добавил, – «ну все равно, сейчас у него были бы седые волосы».

Буданцев, разговаривая, *не слышит* не только других – но даже самого себя. «Если б он *услышал* хоть одно слово из сказанных им тогда, он пошел бы и повесился».

Медведеву А.А. сказала все, что думала о редакции Блоковского дневника. Медведев ерзал и говорил, что все это опечатки. Вообще Медведев вел себя очень тихо и пытался подлизываться ко всем. Толстой рассказывал всякие грубости...

С.Семенов говорил, что «очень хочет, чтоб А.А. пригласила его к себе, по-настоящему, что он хочет бывать у нее...»

А.А. к Пильняку относится хорошо. Этот сумбурный человек очень талантлив, стихийен; он плывет – над всем, он ни на минуту не задерживается перед глазами – маячит. Талант искупает и сравнительно малую культурность и очень извилистую линию его поведения. Талантливость человека лучше всего всегда можно определить по тому, *как* он говорит. Конечно, он «делает» себя таким, но это не меняет сути.

Эти два дня Пильняк подчеркивал свое почтительное и хорошее отношение к А.А., проявлял заботливость, «делал вид, что влюблен»¹²⁴ ...

Звал ее в Москву и заказал для нее отдельное купе в международном вагоне... А.А., конечно, от поездки в Москву отказалась. (А ведь как все просто делается: если б А.А. поехала в Москву и немножко там – по ее же выражению, – «помяукала», – ей, конечно, достали бы и заграничный паспорт и устроили бы поездку за границу и вообще, из поездки в Москву она могла бы извлечь любые выгоды, ценой проявления хотя бы самой наималейшей сделки со своей совестью. Но... А.А. не поступает своей совестью, никогда, и ни в какой степени, руководствуясь принципом, что из этого удовольствия мало бывает, а позор все тот же, большой.)

Вместе с Пильняком приехал какой-то, говорят, видный коммунист – Федор Коннор¹²⁵. Когда А.А. была у Пильняка, Коннор вел долгий разговор с тремя дамами о том, «не убивают ли проявления нежности – любовь», и так увлекся этим разговором, что не обращал внимания ни на автомобиль, который приехал за ним и ждал его у подъезда, ни на телефонные звонки, от которых отмахивался.

На следующий день (вчера – 6.III) я с А.А. полдня ходил по городу – искали картофель к обеду. Ни в одном магазине, ни в одном кооперативе картошки не нашли. Взяли извозчика, и только на Мальцовском <так!> рынке, в крошечном ларьке частника нашли картофель. Всюду очереди. Нет яиц, нет картофеля, нет масла, нет чая.

8 марта. Ездил в Токсово (в поезде встретился с Изергиными). Взял лыжи и пошел искать комнату. Решил переехать в Токсово на две недели. Снял комнату у финки – Елизаветы Рэно. 15 рублей за комнату, освещение, отопление и приготовление пищи, в течение 2-х недель. Вернулся домой вечером.

9 марта. Был у А.А. Она рассказывала о Пушкинском Доме¹²⁶, который осматривала сегодня с В.А.Щеголевой¹²⁷. Вечером – в Союзе Поэтов. Закрытое собрание, руготня, скука. Не мог дожидаться конца, и сбежал к А.А.

11 марта. Меня вызвал Моргулис¹²⁸ и сообщил мне, что Тата Казмичева в меня влюблена и «больна любовью». Решили охладить ее пыл. В разговоре участвовала О.Н.Олаф, в качестве подруги Таты, но неожиданно расплакалась. Было явно, что с ней то же, что с Казмичевой. Скучно.

12 марта. Ездил с А.А. в Детское Село – взяли с собой лыжи. В поезде ехали вместе с Н.В.Гуковской; в Детском Селе она пошла к мужу в санаторию, а мы поехали к Мандельштамам. Не застали их, зашли к Рыбаковым¹²⁹ переодеться. Часа два ходили на лыжах; вторую половину дня провели у Мандельштамов. О.Э. нежится в постели под предлогом болезни.

Вернулись в город в 7 часов.

13 марта. Хлопоты об отъезде в Токсово, – покупки и пр. Наконец объяснился с Татой Казмичевой, желал, чтоб она, «оставив надежды», перешла на простые отношения. Ох, глупо все!

Казмичева не глупа, но злобная истеричка и, конечно, – ребенок. Вечером был у А.А., попрощался и звал ее в Токсово.

14 марта. Переехал в Токсово. Здесь тихо, безлюдно, спокойно. Глубокие сверкающие снега, лиловые дали озер и лесов.

Мечтаю о настоящем отдыхе, от суеты, от людей, от нервного города.

15 марта. Ходил в деревню Кавголово на лыжах. Устал смертельно.

20 марта. Отдыхаю блаженно. Хожу много на лыжах, скатываюсь с гор, учусь брать трамплины. В субботу ко мне приехали Изергины, на 3 дня. Вчера уехали. С ними весело и легко, но нечего и думать о работе. А без них хорошо работалось.

Здесь у меня только один знакомый – местный житель – тип из Джека Лондона: рыбак, охотник, сам делает лодки, буера, лыжи, – высокий, тощий, прекраснодушный и хороший простой человек.

22 марта. Вчера вечером уехал в город, рассчитывал вернуться с А.А. Она, однако, не приехала. Сегодня утром вернулся один. Весь день работал. Вечером, в темноте бродил по горам на лыжах. Жутко и хорошо. Сочинил (бродя в горах) стихотворение «Одиночество», вернулся домой и сразу же написал второе: «Другим любовь весела и проста...»

Сегодня грустно, одиноко, я в мире один, один...

24 марта. Ко мне приезжала А.А. Встречал ее на станции, потом – кофе у меня; приехала в туфельках, и на лыжах не пошли. Бродили по дорогам с норвежскими санками, катались с гор. Потом у меня, отдыхала. Рассказывала мне подробно о том, как Щеголев предложил ей работу по Лермонтову¹³⁰ и что из этого вышло. (А.А. отказалась от этой крайне срочной работы, не желая халтурить. Замятины истолковали отказ ее – иначе, – и это горько и неприятно А.А.)

Сегодня А.А., как всегда, была благостная, добрая и простая... Уехала вечером.

25 марта. Ко мне приезжали Казмичевы. Старался быть гостеприимным хозяином. Они хорошие люди – но ужасно скучны и не приспособлены к жизни.

Кончились мои хорошие дни. Завтра приедет О.Н.Олаф, настойчиво меня добывающаяся. Будет мука.

Она собиралась приехать сюда одновременно со мной и поселиться здесь на те же две недели. С великими трудностями я отговорил ее от такого предприятия, – я хочу отдыха и покоя, и не романов с «достоевщиной».

Теперь все же она приедет – слава богу, не больше, чем на три дня (я уеду в четверг).

28 марта. Позавчера приехала Олаф. Конечно, и она истеричка, только уже не ребенок и лучше владеет собой. Дни – позавчера и вчера – сбиты в пресный студень. Ночи... О, как активны женщины... Приходила ко мне, говорила: «если Магомет не идет к горе – гора идет к Магомету».

О, Господи! Мне никого и ничего не нужно. Из упрямства ли, из духа ли противоречия, просто ли потому, что она мне не нравится, – я был упорным и близости не случилось. Она ошарашена и атакует меня уж совсем яростно.

Вчера днем получил телефонограмму от А.А.: «Приехал Лева, Ахматова просит приехать»^{131*}... Объявил Олаф, что уезжаю (не объясняя, почему именно). Она совсем бешеной стала, а потом притихла и отчаялась. Мне жалко ее. Может, она хороший человек? Наверное даже хороший – я знаю, она одинока и ей трудно жить. Она все еще любит мужа, с которым недавно разошлась. Она, кажется, любит искусство. Но она и примитивна очень, и грубой организации. Из самолюбия – она решила остаться в Токсово еще на два дня.

---

* Это предложение отчеркнуто на полях.

Сегодня утром я уехал из Токсово. Приехав в город, сразу же пошел к А.А. У них все по-прежнему. * А.И.Гумилева¹³² слевой¹³³ приехали, оказывается, еще в субботу (в тот день, когда А.А. была у меня в Токсове). А.А. узнала об их приезде только в воскресенье и очень досадовала. Телефонogramму мне послала сразу, но по понедельникам в Токсове почта закрыта, поэтому и получилось, что телефонogramму я прочел только вчера, во вторник.

Пошли с А.А. к Кузьминым-Караваевым, где остановились А.И. и Лева¹³⁴, там их не застали – они ушли в магазин Сойкина¹³⁵. Поехал с А.А. им навстречу, и на Владимирском встретились с ними. **

Весь день провел слевой. Он очень вырос – едва не выше меня ростом, но все еще такой же ребенок. Увлекается приключенческой литературой, мыслит наивно, далек от жизни и от понимания жизни. У него пылливо блуждающее воображение, сильно развитая фантазия. И все же он развивается быстро: он спрашивает, он вступает в период первой переоценки ценностей... Он с безграничным доверием относится ко мне^{***}, он понимает, что я хочу разрушить его детские представления, именно потому что они – детские, но мир этих представлений еще крепко владеет им, и он не может собственным пониманием преодолеть его. Поэтому он верит мне на слово – только на слово. И хорошо – пусть хоть так (пока). Важно заронить в его юный ум сомнения, важно вызвать борьбу противоречий. Надо, чтоб он захотел смотреть в себя и вокруг себя. Захочет смотреть – значит, увидит. Время и рост помогут ему разобраться во всем самому.^{****} Надо только незаметно направлять его на правильную дорогу.

Это было бы легко, живи он здесь... К сожалению, глухая провинция, Бежецк – не благоприятная для быстрого и правильного умственного развития обстановка. Благодатно влияние Анны Ивановны – высокого духа, благостного и благородного человека. Увы – совсем не такова А.С.Сверчкова: лживая, фальшивая, лицемерная, тщеславная, глупая и корыстная женщина. Ее влияние, несомненно, исключительно вредно¹³⁶. Лева – прекрасный мальчик – доверчивый, честный, прямой, добрый, талантливый... И врожденные хорошие качества – очень сильное противоядие от всяких дурных влияний. И

---

* Последующий текст (до конца абзаца) отчеркнут на полях и снабжен пометами «от» и «до».

** Последующий текст (до слов «сильно развитая фантазия») отчеркнут на полях и снабжен пометами «от» и «до».

*** Эта часть предложения отчеркнута на полях.

**** Два следующих предложения отчеркнуты на полях с пометами «от» и «до».

по некоторым особенностям разговоров об А.С.Сверчковой я знаю, что Лева многое отрицательное в ней понятно, и он очень критически (да, здесь он уже достаточно взросл) относится к ней.

И все же, страшно и больно, что такой человек, как А.С.Сверчкова, находится в непосредственной смежности с Левушкой и старается на него влиять.

Лева – робкий и тихий. Ему надо стать более мужественным, более внутренне самостоятельным, – иначе ему трудно будет бороться со всяким злом.

Весь день сегодня провел слевой, вечером хотел пойти с ним в театр, но всюду идет дрянь; пошли в кинематограф. Левка остался доволен.

Проводив его домой, зашел к А.А. Часа полтора говорил с нею о Лева; она очень тревожится за его судьбу, болеет душой за него и негодует на приемы А.С.Сверчковой.

(Сегодня Лева рассказывал, что А.С.Сверчкова учила его лгать, доказывая, что «не обманешь – не продашь, не соврешь – не проживешь»). Мне больно было смотреть в светлые, правдивые, широко открытые миру глаза Левы, когда он рассказывал это.)

29 марта. Опять весь день – слевой [Гумилевым]. В Эрмитаж – осматривали залы рыцарей и оружие, Египет, древности. Показал Леву камей и геммы. Он никогда их не видел и был доволен, увидев.

После Эрмитажа повел Леву к А.Н.Гумилевой, – чтобы он повидался с Леной¹³⁷, с которой не виделся с 1921 года. (Последний раз Лева видел Лену в Бежецке в 1921 г., когда за А.Н. и Леной приехал Н.С.). Лена не узнала брата, но когда ей сказали – очень обрадовалась. Трогательно болтала с ним в течение часа, показывала ему книжки, игрушки. Я разговаривал с Анной Николаевной, отвлекал ее, чтоб дети хорошенько поговорили друг с другом. Анна Николаевна была обрадована тем, что я привел к ней Леву, и подарила мне портфель Н.С. – «faux-gothique»¹³⁸.

У Левы было поручение Анны Ивановны – привести Лену к Кузьминым-Караваевым; но Анна Ивановна ни за что не хотела видеть Анны Николаевны¹³⁹. Лева здесь сказал Лене, что бабушка очень хочет ее видеть и просит прийти. Анна Николаевна вмешалась в разговор: «А меня Анна Ивановна хочет видеть или не хочет?» Пришлось сказать, что хочет. Решено было, что Анна Ник<олаевна> с Леной сегодня же вечером придут к Кузьм<иным>-Карав<аевым>.

---

* Абзац отчеркнут на полях и снабжен пометами «от» и «до».

После этого я слевой ушел.* Привел его к себе, обедать. Перед обедом я заговорил слевой о его стихах. Левка пыжился, пыжился, да наконец прямо и выложил мне, что «тетя Шура» вмешивается в его творчество, исправляет ему стихи против его желания, пишет сама за него стихи и заставляет его переписывать их его рукой, подписываться и выдавать за свои. И когда Левка в таких случаях противится, она грозит ему и устраивает скандалы; Левка жаловался бабушке, но бабушка не в силах что-либо сделать. Левка жалобно говорил мне: «Павел Николаевич, сней (с А.С.Сверчковой) ничего нельзя поделаться, если б вы пожили у нас, вы б тоже ничего не могли поделаться, она очень нехорошая...»** В заключение Лева указал мне построчно во всех своих стихах, которые у меня имеются, те места, которые написаны Сверчковой, а не им.

Я ему объяснил значение всего этого, да он и сам понимал его хорошо. Леве надо много мужества и умения, чтоб постоянно преодолевать влияние этой стервы.

Вечером у Кузьминых-Караваевых была Анна Николаевна с Леной. А.И. и А.Н. не виделись также с весны 21<-го> года.

Внешность в сегодняшних разговорах была соблюдена – никаких эксцессов не было. Но А.И. с большим напряжением сохраняла спокойствие. Лена играла слевой.

Я вышел вместе с А.Н. и Леной. Здесь А.Н. дала волю своему языку, и без единой паузы, всю дорогу осуждала А.И. и весь род Гумилевых. Я не слушал, и не возражал... Ну ее!

30 марта.*** Утром слевой в Александровском рынке, у букинистов.

В 5 часов А.И. слевой уехали в Бежецк, я провожал их, вместе с А.А.Лампе¹⁴⁰ и А.Д.Кузьм<иным>-Караваевым¹⁴¹. А.А. на вокзал не поехала, а прощалась слевой и А.И. у Кузьм<иных>-Караваевых (А.А. плохо чувствует себя сегодня, после всех этих разговоров об Сверчковой).

Вечером – был у А.А. – говорили о Леве.

31 марта. Был у А.А.

Выступал, вместе с Н.Клюевым¹⁴², Н.Баршевым¹⁴³, В.Рождественским и др<угими> в Клубе Губстатотдела. Нас угощали вином.¹⁴⁴

---

* Последующий текст (до слов «в его творчество») отчеркнут.

** Последующий текст до слов «преодолевать <это. – вставлено сверху Лукницким> влияние» отчеркнут и снабжен пометами «от» и «до».

*** Последующий текст до слов «А.А. на вокзал не поехала» (вставлено потом Лукницким) отчеркнут и снабжен пометами «от» и «до».

6 апреля. Вчера написал стихотворение «Моя лазутчица». Сегодня читал его А.А. Вопреки моим ожиданиям – стихотворение ей понравилось: она прочла его несколько раз вслух, а когда пришел Пунин, прочла и ему. Он тоже одобрил. Некоторые детали посоветовала исправить. Я доволен: из всех прочитанных ей моих стихов ей нравились очень немногие.

Вечером – заседание Правления и ужасное закрытое собрание Союза Поэтов, с поэмой Заводчикова¹⁴⁵, с пьяным В.Андреевым и с черной тоской и скукой в моей груди. Собрание вел я, и только поэтому не мог сбежать.

7 апреля. Макабрный вечер М.Лозинского в Союзе Писателей. А стихи М.Лозинского, хорошие – лучше стихов «Горного ключа»¹⁴⁶, но какие далекие от нашей современности, символическо-парнасские и ужасные по тому чувству отрезанности, обреченности и смерти, какое их наполняет.

Вместе с участниками и администраторами и самим Лозинским в зале было 39 человек, и – никого из авторитетных для него критиков¹⁴⁷.

8 апреля. Несколько часов провел на линейном корабле «Парижская коммуна» (бывший «Севастополь»), вместе с Н.Тихоновым, В.Ричиотти¹⁴⁸, Л.Раковским, Л.Поповой и др. Осматривали корабль (патетика машинных отделений, радио и электростанций, кочегоарок и башенных орудий!). Потом читали и прозу на «право-коммунальной палубе», – где матросы – амфитеатром и где – совсем иной мир. Очень доволен. Отсюда – поехал к А.А. и увлек Пунина рассказами.

9 апреля. Весь вечер – у А.А., остроты и серьезная, вдумчивая беседа.

10 апреля – вечер. Скучное собрание в Доме Печати – «смычка графиков и писателей»¹⁴⁹. Здесь Н.Тихонов, О.Олаф, Хивинский джаз-банд¹⁵⁰. Приставанья Е.Анненковой¹⁵¹.

11 апреля. Весь день головная боль, день пропащий; вечером лучше. Пошел к А.А., оттуда – к Рождественскому. С ним и с Ириной пили вино, разговаривали.

---

* Вся эта запись отчеркнута на полях.

** Текст от начала записи отчеркнут, в конце помета «до».

*** Последующий текст (до конца записи) отчеркнут, в начале помета «от».

12 апреля. На днях получил от А.Н.Гумилевой письмо – очень неприятное. Вот оно:

«6-ое апреля.

Мне очень хотелось, Павел Николаевич, взглянуть на матерьял о Гумилеве, собранный Вами, кажется, за 5–6 лет. Я знаю Вашу работу только по слуху; а мне бы хотелось узнать ее. Если Вы не против, то я бы хотела зайти к Вам на днях, когда-нибудь. Напишите, когда? Мне удобно 7–8 ч. вечера. Я давно собиралась посмотреть Вашу работу, о которой Вы так много говорите и даже благодаря ей создали себе некоторое имя, конечно, там, где знают Гумилева.

Итак, жду ответа!

Привет!

Анна Энгельгардт-Гумилева.

(Слово «Гумилева» тщательно зачеркнуто ею. ПЛ)

Мне очень жаль, что я не повидала Леву еще раз. Почему он не пришел?»

Письмо это я показывал А.А.¹⁵², В.К.Шилейко и М.Лозинскому. Все они согласились, что письмо и крайне дерзкое и невежливое, и написанное, несомненно, по чьему-либо наущению, в тревоге о том, что я в своей работе говорю о ней, в желании проконтролировать работу с этой стороны.

Вчера заходил к А.Н., чтоб условиться с ней о ее приходе. Условились на сегодня.

Сегодня в 9 часов веч^{ера} Анна Николаевна пришла ко мне. Какова же была моя неожиданность, когда ровно через две минуты после прихода она, взглянув на мой диван, сказала: «Ах, здесь так удобно делать кюльбюты» <так!> , и вслед за тем стала кувыраться на диване, обнажая ноги до основания. Затем, заметив: «Ах, а вы не знаете мое новое па? Я в трико – хотите покажу?», сняла платье и оказалась совершенно голый, если не считать белого, мятого полотняного комбине, обнажавшего поминутно ее груди и плохо скрывавшего все остальное.

В течение полутора часов она совершала передо мной телодвижения, целью которых не могло не быть желание возбудить меня.

На один момент ей удалось это, но брезгливое чувство одолело (от нее при этом пахло потом), и я остался сидеть в кресле, стараясь поддерживать «академический» разговор о пластике и ритмике.

Через полтора часа она оделась, села к столу и сказала: «Вы знаете, я так увлекаюсь, что мне совсем не бывает стыдно – ведь это же

искусство. Если б вы мне сказали – “снимите трико”, я бы могла снять его совсем!» Я ничего ей не ответил. После паузы она вспомнила: «А ведь я хотела посмотреть вашу работу – мне это очень интересно. Я давно хотела ознакомиться с ней».

До ее ухода оставалось 20 минут (я, когда она пришла, сразу же извинился и сказал, что ровно в 11 часов мне нужно будет уехать – «в клуб, на выступление»). Эти двадцать минут прошли в перебирании карточек и в попутных рассказах ее об ее любовнике-композиторе.

В 11¼ мы вместе вышли из дому. Я не пошел ее провожать и поспешил в Ш.Д.

14 апреля. Позавчера я выдержал нападение А.Н.Гумилевой. Вчера на меня совершила нападение О.Н.Олаф – пришла ко мне, сидела до утра и старалась меня соблазнить.

Сознаюсь, – я никогда не прочь завести новый роман. Но только не в тех случаях, когда женщина мне физически неприятна – как неприятны мне обе вышеназванные. А в этих случаях – меня соблазнить трудно.

15 апреля. 1-й день Пасхи. С утра зашел к А.А. – принес ей розы, а потом вместо визитов оказался в Новой Деревне у Н.Брауна и М.Комиссаровой¹⁵³ и провел у них весь день. Много говорили о поэзии, о литературе, о людях, много пили и закончили день уже совсем интимными дружескими разговорами о взаимоотношениях окружающих нас людей между собой и об их отношении к нам. Осуждали фальшь, подхалимство и карьеризм. Потом читали стихи. Вернулся домой около часу ночи и не пошел ни на «dancing» Литфонда в Доме Искусств, ни к тетке, у которой сегодня «бал». Лег спать.

20 апреля. Все эти дни – пустые. По вечерам ходил по знакомым, – пил у Дыман¹⁵⁴ в понедельник, во вторник – у Фромана, в среду – у Рождественского, в четверг у Губеров¹⁵⁵ (где Зинаида Вербова¹⁵⁶). С А.А. видался по-прежнему.

Настроение у меня отвратительное: дома семейные неприятности, на этической почве между мамой и папой¹⁵⁷. Не стану разбирать сущности их. Мама уходила из дому, папа страдал из-за оскорбленного самолюбия и чувства обиды.

Я с трудом уладил конфликт сегодня только, в конец изнервничавшись сам.

22 апреля. Эти дни читаю Свифта – «Гулливера» (полный перевод, только что выпущенный изд<ательством> «Academia») ¹⁵⁸. Чу-

десное чтение. Как современен Свифт! Гулливер словно вчера написан.

Настроение все поганое. Во мне цветет злоба; от этого еще приятнее читать Свифта.

Сегодня с утра попробовал работать. Хотел заставить себя. Не мог. Совсем ужасное состояние. Вышел из дому куда глаза глядят, вскочил в первый попавшийся трамвай. Оказался – в гавани. Бродил по болотам и пустырям часа два – злой и отчаянный, пытаюсь преодолеть душевную пустоту, сознание своей никчемности, и тоску по самостоятельности – духовной и материальной. Захотелось к морю. Это вечное весеннее мое состояние. Скорей бы, скорей на юг, к Черному морю. А где деньги на это?

Вернулся домой, читал Свифта, потом поплелся к А.А. Она отзвучивая, чуткая и добрая, хорошо меня поняла, без расспросов, и душевной простотой и хорошей беседой несколько успокоила меня.

Проводил ее к Радловым¹⁵⁹ и отправился в Дом Печати, на юбилейный ужин «Стройки»¹⁶⁰.

23 апреля. Вчера в Доме Печати пили полночи. Сегодня утром гулял с А.А. Вечером она неожиданно зашла ко мне, застала у меня М.Изергину, которая возмутила ее безответственностью своих суждений.

Вышли вместе – я с М.Изергиной пошел в Модпик¹⁶¹ на концерт Дебюсси, А.А. – к Гуковским¹⁶².

24 апреля. Утром гулял с А.А. Встретили К.Чуковского, которого А.А. не видела 4 года¹⁶³. Получил от Горнунга¹⁶⁴ письма Н.Г. к Л.Рейснер¹⁶⁵.

26 апреля. Я простудился; но полдня простоял в очередях, по служебным делам и платя за право езды на велосипеде. Лег спать в 10 часов.

28 апреля. Эти два дня работал: собирал хронику и писал заметки для газеты Ф<едерации> С<оветских> П<исателей>¹⁶⁶.

Вчера вечером мне понравился органнйй концерт в Консерватории, на который я был приглашен Лид<ией> Аверьяновой¹⁶⁷. Сегодня часа два гулял с А.А. – ходили в единоверческую церковь, чтоб послушать пение (А.А. хотела, а мне было – все равно), но опоздали: служба уже кончилась. Возвращаясь домой, говорили о православии. А.А. сказала, что ей, несмотря на нежелание изменять православию, хочется перейти в единоверчество¹⁶⁸, потому что в нем она чувствует неизменную крепость, чего нет в православии.

Вернувшись в Ш.Д., застали тут Пунина, Лебедева и Тырсу с женой¹⁶⁹, пьющих вино. Сегодня был vernissage (выставка Лебедева), и сегодня же вышла книжка Пунина о Лебедеве¹⁷⁰. Все они оттуда отравились, как водится, пить в «Кавказ», а потом явились сюда – продолжать. Мы приняли участие – пили белое вино, шутили и смеялись, а впрочем, говорились умные и тонкие вещи...

(А.А. на vernissage'е не была, – и из-за отсутствия приличного туалета, и чтоб не ходить с ними в «Кавказ», куда неминуемо ее затащили бы.)

30 апреля. Вчера тосковал один в кинематографе, а вечером, узнав, что Н.Тихонов у Олаф, зашел за ними, – и вместе пошли к Тихонову. Маруся Неслуховская¹⁷¹ здесь делала куклу, а мы (Н.Т., Олаф, Ира с мужем¹⁷² и Юра¹⁷³) пили пиво. Возвращался в трамвае с Олаф, в час ночи, она настойчиво хотела прийти ко мне или затащить меня к себе. Отбоярился.

Сегодня встретил В.Рождественского с Ириной и затащил их к себе. Всеволод ушел раньше, а я с Ириной купили наливки и часа два, сидя у меня, говорили о Всеволоде, разбирая общую линию его поведения и выдумывая способы его исправить. Ирина умная, и хорошая.

Проводив ее до трамвая, зашел в Ш.Д., к А.А., а потом, вернувшись домой, сочинил окончание песенки «Валинька».

1 мая. Днем – хорошая погода, демонстрации. Гулял с А.А., Пуниным, Ирккой¹⁷⁴.

В Неве купался какой-то юноша.

Вечером проводил А.А. к Орбели¹⁷⁵ (Каменноостровский, 63). На обратном пути не мог удержаться, чтоб не зайти в дом 54 по Каменноостровскому пр<оспекту> – здесь я провел детство. Вошел в подъезд, поднялся в 6<-й> этаж. На дверях нашей квартиры: «Васильев А.П. Звонить 4 раза». Спустился вниз и пошел прочь. Все такое знакомое и так безвозвратно отошедшее!

Проезжал через Троицкий мост, увидел фейерверки и прожекторы¹⁷⁶. Остался здесь и целый час смотрел на изумительную Неву. Шел Ладожский лед, – кругляшами, салом. Синий свет «юпитеров» театризовал все зрелище и превратил в призрак Петропавловскую крепость. Лед шуршал. Мир огней и отсветов отражался в черной воде. Снизу пробирался, разрезая встречные льдины, буксир с баржой с белыми буквами по борту – «Дантон»; подождал, пока он прошел подо мной, любовался его точеным, органическим корпусом и пыхтеньем поршней.

Отправился домой и дома читал «Мудрость Хикара»¹⁷⁷.

26 мая скончалась Наталья Викторовна Гуковская, урожденная Рыкова¹⁷⁸. Она была другом А.А. – бескорыстным, преданным, верным и – за последние годы – единственным. Она была единственной женщиной, по уму, культурности, тонкости душевной организации и высокой мере своих дел и поступков – достойной этой дружбы.

А.А. перенесла, переборола и эту смерть. Собрала, сомкнула – как смыкают уста – всю силу своего духа и осталась величественной и молчащей. Страшным напряжением своей ясной мудрости – сохранила в себе и вокруг себя спокойствие. Ей дорого далось это – она была больна, – не лежала, не принимала лекарств, – нет, болела иначе, не падая, продолжая ходить и ни в чем не меняя течение своего обычного дня – как птицы в воздухе – не теряя высоты.

Мне случилось быть ближайшим свидетелем этих событий. При мне А.А. получила первое известие о смерти Н.В. – через час после того, как это случилось – на Николаевском вокзале, в 10 часов вечера, где мы встретили Г.А.Гуковского, ослепшего душой и спасающегося бегством от трупа жены, от себя и от мира (он уехал в Москву и оттуда на аэроплане – на Кавказ). Я видел А.А. на всех панихидах, в маленькой церкви возле храма Воскресения. Я вместе с А.А. ездил в Шувалово на похороны – там, над озером, между высоких сосен, на крутом склоне зеленого кладбища, – навсегда порвались земные связи с той, после которой уже никто не будет звать А.А. милым прозвищем «Акума»¹⁷⁹, – «Акумушка»...

Было страшно и больно видеть А.А. раненой, с рассеченной душой, и несущей свою муку с трагическим, необщим спокойствием.

«Гораздо легче выполнять нравственные обязанности, чем бежать от них», – тихо сказала А.А., когда ей, усталой и измученной после посещения родных Рыковой, я заметил, что она всегда выбирает себе самую тяжелую долю...

И все эти три недели А.А. почти ежедневно бывает там, делит со стариками общее горе, несет им силу, мужество и благодать, своим примером учит их умиротворенности и спокойствию. Вот почему отец Н.В. – Виктор Иванович¹⁸⁰ – сказал, что из всех, кто навещает его, – дороже всего, легче всего ему видеть А.А.

И мне странно, что дома, у себя, в Шереметьевском особняке, – окружающие не берегут А.А., – особенно теперь, в эти страшные минуты ее жизни. Там все по-прежнему – суэта и торопливость. Не знаю, понимает ли легкомысленный Пунин состояние А.А., – вероятно, понимает, но не находит в себе внимания задуматься и внести гармонию в их общую жизнь. Встает позже всех, убегает в музей,

флиртует там (впрочем, невинно) с девушками, прибегает домой, обедает, после обеда ложится спать, к вечеру опять исчезает – на лекции в Институт, или к брату¹⁸¹ для уничтожения драгоценного времени за игрой в шахматы, – и кто его знает куда еще... Возвращается к ночи, – и опять спит. Хорошо еще, когда он во благорасположении духа, – он дурачится, шумит, егозит, шутит и весело болтает. Хуже, когда он приносит домой скверное настроение. Тогда он угрюмо молчит, злится на всех без поводов и, уж конечно, – больше всех страдает от его нервозности А.А. – в которой слишком много самоиронии, способности испытывать стыд за других, собственного достоинства и нравственного превосходства, – чтоб не быть безответной и все переносящей.

Пунин всегда поверхностен, – и в этом его основная вина перед окружающими. Минуты вдумчивости, тонкости душевной и умения проникать в суть вещей приходят к нему, как приходит вдохновение – редко и неожиданно. И вот этими минутами, а не строем своей всегдашней жизни, он бывает достоин А.А., и нужно его хорошо знать, чтоб уметь находить золото в медных стружках. Иногда он бывает отвратителен – как на днях, когда в моем присутствии он стал кричать на А.А., что она ничего в доме не делает, что она обещала заменить Аннушку (прислугу Пуниных) на время отъезда той в деревню, что если б он знал, что А.А. так плохо будет выполнять все Аннушкины обязанности, он бы не отпускал Аннушку на лето в деревню. В первую минуту я не мог поверить, что он не шутит. Но я увидел и злые его глаза, и напряженный, злобный, срывающийся голос, и я надолго запомню мое возмущение и негодование. А.А. не ответила ему ни словом, только смотрела на него удивленным, негодующим и презрительным взором... А.А. было стыдно за него, и через полчаса, дав ему опомниться, она, – никто другой, – возобновила прежний разговор на постороннюю тему, – спокойно, словно ничего и не случилось. Любовь для А.А. – высокая, священная тайна, и мелкие хозяйские заботы, и уход за Ирой, и роль сторожа, остающегося дома, с девочкой, когда все уходят, А.А. взяла на себя, потому что считает это своим нравственным долгом, потому что ставит высоко свое отношение к Пунину, и Пунин не должен, не смеет быть мелкодушным обывателем.

Самое непонятное – это неумение жаловаться. А.А. не знает, что такое жалоба, потому что жалоба – слабость духа, желание переложить часть своей тяжести на плечи другому. А.А. все несет на своих плечах, и не только свои тяжести, не жалея себя, она возлагает себе на плечи и все, что обременяет тех, к кому она хорошо относится. На

днях к ней приходила А.И.Ходасевич¹⁸² и жаловалась ей на свою тяжелую жизнь, на обременительное покровительство Чулковых, на то, что Г.И.Чулков не позволяет ей принимать всех, кого она хочет видеть, всех *ее* знакомых... А.А. была втайне удивлена, для нее было открытием, что можно облегчать свои тяготы, жалуясь на них другим, даже не близким, даже мало знакомым... Ей этот способ облегчения существования незнаком. А.А. не умеет жаловаться.

И – кстати: разве А.А. может принимать *своих* знакомых? Разве Пунин не испортил ее отношений со всеми, разве он не делает из своего дома – темницу? Разве не обошлось без яростных его нападков на А.А. хоть одно посещение А.А. кем угодно: будь то Маршак¹⁸³, Орбели, Федин, Срезневская¹⁸⁴, Грюнвальд¹⁸⁵ или кто угодно другой? Только два-три человека – Л.Н.Замятина¹⁸⁶, сестры Данько¹⁸⁷, – да вот и все < кто > милостиво «прощаются» А.А.... Или уж те, – не ее – его собственные знакомые, может быть, вовсе чуждые и неинтересные А.А. – те художники: Тырса, Лебедев и др.<угие>. О! этих А.А. должна принимать хорошо, должна быть радушной и ласковой с ними, – потому что это друзья Пунина. Пунин не плохой человек, больше того, – он хороший человек, он горячий, вспыльчивый, ревнивый, но не злой, но честный и порядочный. И все же он непоправимо «земной», он неизмеримо ниже А.А., и достоин А.А. – повторю – не будничной своей жизнью, а только минутами своего вдохновения, пререзающими его легкомыслие, «незадуманность» и поверхностность.

А.А. не бывает в личной обиде. Она воспринимает ее как нечто объективное, существующее в мире как некое очень мелкое зло, некая тень из той тьмы теней, населяющих мир и существующих самостоятельной жизнью, а не рожденных качествами и характерами людей. Как всякое объективно существующее зло, всякую обиду надо обойти мимо, не загрязняясь соприкосновением с ней. Надо уметь ее не заметить, не счесть ее порождением человека, ибо «человек» – высокое, светлое и незапятнанное понятие.

Я уезжаю на Кавказ, вместе с Ник. Тихоновым, его женой и В.Кавериным¹⁸⁸. Едем до Баталпашинской, оттуда пешком или на мажарах¹⁸⁹ – в Тиберду, там пробудем недели две, и пойдем пешком в Сухум, по Военно-Сухумской дороге. Пробудем некоторое время на побережье, может быть, побываем в Батуме и Тифлисе, и приедем в Новороссийск (где живет мать жены Н.Тихонова). Лично мне хочется из Новороссийска проехать морем в Одессу и вернуться сюда уже из Одессы.

---

* Далее часть листа с текстом оторвана.

<С деньгами?> приблизительно устроился: 100 рубл. <...> <с>судил Литфонд, да из Союза Поэтов, <...> «Звезды»¹⁹⁰, и с литер<атурной> страницы «Правды» <...> то набрал еще рублей 100¹⁹¹. На переписку биографической канвы Н.Г. (сделал ее до 1918) истратил 35 рублей... Осталось мало, да авось папа рублей 50 даст.

Ехать очень хочется – с нетерпением считаю дни до отъезда, стараюсь прожить их наспех, как-нибудь, не заметить. Жалко очень отрываться от работы, очень трудно не видеть А.А. несколько месяцев, но ехать надо, надо...

Набраться здоровья, сил, впечатлений, предаться размышлениям, обдумать все – жизнь, мир.

Каверин мне совсем чужой человек. Жена Тихонова тоже чужая (и нудная она очень!). Легко с Н.Тихоновым, простым и хорошим. Ну да ладно, я уживчивый, обойдется.

Я за последнее время и вовсе оторвался от людей. Уже никуда не тянет по вечерам, всех знакомых – побоку; и если бываю где, то только по необходимости, и всегда с напряжением. Только с А.А. мои встречи все те же – радостные для меня, уже не могу сказать, что дружественные, – искренние и простые. Она учит меня душевной чистоте, достоинству, чести, честности...

Темное мое отходит, я очищаюсь, встречаясь с ней... Да будет она благословенна!

Только бы здоровья ей больше, только бы сил!

Все полтора месяца много работал по Н.Г. – заканчивал биографическую канву, сделал ее до 1918 года. Это работа только для меня, – чтобы привести ее в окончательный вид, надо еще много повозиться, надо исправить ее со стороны методологической. Работа эта зовет за собой следующую: надо также привести в окончательный вид все воспоминания, характеристики, материалы для биографии, письма. Только после этого (и прочитав всю литературу) можно будет приступать к биографии.

То же и со стихами – текстами, библиографией и всем прочим, – чтобы можно было приступить к изучению творчества.

Стихов я почти не писал, а очень хочется скорее испытать новые пути, те, которые я начинаю нащупывать¹⁹².

Волнует судьба Нобиле, да не только меня, кажется, всех¹⁹³. Даже странно: мы так привыкли ко всяким трагедиям, так спокойны к слову – смерть. И все же эта – трагедия чуждых, далеких, неизвестных нам людей всех нас волнует и трогает. Их восемнадцать – а сколько десятков тысяч людей погибли на наших глазах. И родных, близких, понятных нам, как мы сами.

Холодное лето – ветры, дожди, суровый год. И нет хлеба, ни здесь, нигде в стране. За хлебом очереди – давно их не приходилось видеть. Опять приближается страшное... И война, война – у всех на устах, военные приготовления, торопливые, тревожные... Учения, маневры...

20 июня. Вот, записал о Пунине плохо. А ведь я к нему хорошо отношусь: но человечески.

И если я *так* говорю о Пунине – то только потому что сравниваю его с А.А. – а такое сравнение – очень тяжелое испытание. И, конечно, девять десятых меня окружающих стоят на столько ступеней ниже Пунина (я уж не говорю об А.А.), что о них вообще не следует говорить.

Вот, комната в беспорядке, сумбур, спешка. Уезжаю завтра.

Сегодня папа уезжает в Москву, – до осени его не увижу. Мама была у Арьева¹⁹⁴, и тот не сказал утешительного ничего: плохо с сердцем.

И у папы сердце стало пошаливать. Беспокоюсь за них, тревожит это меня. Перед разлукой всегда острее любишь. И ехать хочу, хочу, а все же грустно уезжать.

Сейчас иду к А.А.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О Кружке друзей камерной музыки, созданном в 1922 (со второй половины 1920-х – Общество друзей камерной музыки, просуществовало до 1937), см.: Музыкальная энциклопедия. Т.3. М., 1976. С.66-67; Музалевский В.И. Записки музыканта. Л., 1969. С.92-100. Кружок располагался на углу Невского пр. и Садовой ул. (пр. 25 Октября, 52), в зале бывшего депо роялей фирмы «Шредер» – видимо, там же проходила и встреча Нового года (тогдашний адрес Лукницкого: ул. 3 Июля (Садовая), д. 8, кв. 6).

* На этом записи в первой тетради заканчиваются.

² Другое упоминание об этом несостоявшемся издании – в письме Л.В.Горнунга Лукницкому от 12 февраля 1928: «Я в этом издании участия не принимаю. Авторских (наследникам) “ЗИФ” платить не собирается. Будут вступительные статьи, вероятно, напостовцев. Зенкевича об этом издании спрашивать напрасно: его не посвятили в курс дела» (*Лукницкий–Горнунг. С.549-550*).

³ Александр Ильич Зонин (1901–1962) – критик, прозаик. В 1920-е занимался партийной и журналистской работой; к 1928 – автор книг «У истоков пролетарской литературы» (Л., 1927) и «За пролетарский реализм» (<Л.>, 1928). Член РАПП. См. о нем: *Зонин С.* Из того поколения // *Распятые. 2. С.42-54*.

⁴ Геннадий Семенович Фиш (псевд. Геф, Генрих Барш, Piscis; 1903–1971) – поэт, прозаик, переводчик, драматург. В анкете ВСП о своем участии в революционном движении и общественной работе писал: «Организатор комсомола в Новороссийске 1920. Работа в подпольной организации в Херсоне 1918 г. <...> Работа в Пролеткульте 1922–1925 гг.» (*Анкеты... писателей*). Выпускник Института истории искусств (1924) и факультета общественных наук ЛГУ (1925), печатался с 1920 (*Анкеты... поэтов*; в анкете ВСП указан 1922). Член ЛО ВСПоэтов с 1924, член ЛАПП (см. ниже, примеч. 7) и группы «Стройка». К 1928 выпустил два стихотворных сборника: «На Неве» (1926) и «Разведка» (Л., 1927); с 1930-х перешел на прозу, главным топом которой стали Карелия и Скандинавия. К истории отношений Лукницкого с Фишем см. дарственную надпись на книге Г.Фиша и В.Ходакова «Зима на фронте» (Петрозаводск, 1941): «Павлу <Лукницкому>, на этот раз “со-фронтнику”, от Геннадия. Август 1941 г. 7 армия» (*Книги*). См. также: *ЗК. С.415*.

⁵ Борис Иванович Соловьев (1904–1976) – поэт, прозаик, критик. Выпускник факультета общественных наук ЛГУ (1926), печатался с 1922 (в анкете ВСПоэтов 1925 года указал адрес своего литературного дебюта: Литературный Еженедельник. 1924. №1. – *Анкеты... писателей*). Член ЛО ВСПоэтов с 1925, член ЛАПП. Первый сборник – «Вехи: Стихи. Июль 1924 – июнь 1927» (Л., <1927>), затем – «Лирический репортаж: Стихи. 1926–1928» (М., 1929). См.: *Басалаев. С.378* и др. Впоследствии – автор еще нескольких прозаических книг, главная тема которых – Гражданская и Советско-финляндская войны, автор ряда сборников критических работ, в том числе книги «Поэт и его подвиг: Творческий путь А.Блока» (М., 1965 и др. изд.). С 1964 – зам. главного редактора издательства «Советский писатель».

⁶ ЛАПП – Ленинградская Ассоциация пролетарских писателей, отделение Всероссийской Ассоциации пролетарских писателей – объединяла литературные группы «Алые вымпела», «Смена», «Резец», «Стройка», «Красная Звезда»; в актив ЛАПП входили как литературные группы, так и отдельные писатели.

⁷ Николай Семенович Тихонов (1896–1979) – поэт, прозаик. В 1920 познакомился с Гумилевым, высоко оценившим его стихи, посещал занятия третьего «Цеха поэтов» и «Звучащей раковины», но к творчеству участни-

ков этих групп остался равнодушен (Тихонов Н. Устная книга. <I>. Двадцатые годы // Вопросы литературы. 1980. №6. С.104-134; см. также: Полян, Нерлер. С.186-187). Вместе с тем в раннем творчестве Тихонова современники видели продолжение традиций Гумилева, см., например: «Объявился замечательный поэт – Николай Тихонов. Лучше Гумилева» (Письмо М.Л.Слонимского М.Горькому от 10 февраля 1922 // *Серапионовы братья*. С.154). Ахматова числила его в ряду учеников Гумилева (ЗК. С.139); ее мнение о Тихонове см. также: *Acumiana I*. С.48, 154; *Acumiana II*. С.248. В начале 1920-х входил в содружество «Островитяне» (см.: *Дмитренко А.Л.* К истории содружества поэтов «Островитяне» (машинописный альманах) // Русская литература. 1995. №3. С.209-224); сведения о том, что Тихонов возглавлял его, см.: *Полонская Е.* Письмо из Петербурга // *Гостиница для путешественников в прекрасном*. 1922. №1 (страницы не нумерованы); затем входил в группу «Серапионовы братья» (автобиографию 1923 года см.: *Серапионовы братья*. С.152-153). К 1928 – автор восьми поэтических и прозаических книг, в том числе поэтических сборников «Орда: Стихи. 1920–1921» (Пб., 1922) и «Брага: Вторая книга стихов. 1921–1922» (М.; Пб., 1922). Сообщения о текущей творческой работе Тихонова см.: Ленинградская правда. 1928. №6, 24 марта. С.8. (Лит. прилож.). Подробнее об отношениях Ахматовой и Тихонова см.: *Рубинчик*. С.120-121.

⁸ Михаил Александрович Фроман (наст. фам. Фракман; 1891–1940) – поэт, прозаик, переводчик с немецкого (Г.Гейне, Л.Фейхтвангер), английского (Р.Киплинг), с других языков и языков народов СССР. Литературное наследие Фромана см. в его книге: *Избранное: Проза. Стихи. Переводы*. СПб., 1997. В анкете ВСПоэтов 1924 года (как и в анкетах ВСП) определил свое социальное происхождение: «мещанин из Ташкента».

В Ташкенте познакомился с Лукницким, вместе с ним и Б.А.Лавреневым входил в литературную группу «Арахус» (Ассоциация работников художественного слова). С конца 1922 – в Петрограде. Печатался с 1923, в 1920-е был более известен как поэт и детский писатель. Член ЛО ВСПоэтов с 1924. В 1927 вышла его единственная книга стихотворений «Память» (Л.; факсимильное издание: Tel-Aviv, 1969). Первый муж И.М.Наппельбаум (с 1925). С 1925 – член ЛО ВСП, с января 1928 – секретарь Правления. В 1928, как пишет Басалаев, Фроман «уже переходил к прозе» (ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.23. Л.7). См. о нем: *Наппельбаум*. С.91-94 и др.; *Басалаев*. С.368-369; также: *Басалаев И.М.* Воспоминания о М.А.Фромане. – ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.30. Здесь, в частности, читаем: «<1926.> К Фроману ходило много народу. Он всех знал. И многие его знали. Он был членом каких-то литературных групп и обществ. Там заседал, тут секретарствовал, там читал, а здесь докладывал. Он писал тогда только стихи. <...> Я помню у него Павла Лукницкого – белобрысого вихрастого юношу, выпустившего только что свою первую книгу стихов...» (Л.4-5). Действительно, Лукницкий неоднократно упоминает в «Acumiana» о своих посещениях Фромана (используя сокращение «МАФ»); к истории их отношений см. также дарственную надпись на сб. «Память»: «С настоящей и потому взыскательной любовью

Павлику Лукницкому. 18.V.<19>27. М.Фроман. Ленинград» (*Книги*). Дарственная надпись Фромана Ахматовой на том же сборнике: «Анне Андреевне Ахматовой – малый знак моего глубокого уважения. М.Фроман» (*Толстяков*. С.193). Ахматова впервые узнала о Фромане от Лукницкого в декабре 1924, см.: *Acumiana I*. С.21; о визите Ахматовой к Фроману и И.М.Напельбаум в августе или сентябре 1927 см.: *Acumiana II*. С.289-290.

⁹ Владимир Иванович Нарбут (1888–1938; репрессирован) – поэт, критик, издательский деятель. Печатался с 1908 (первый сборник – «Стихи (Год творчества первый)»). СПб., 1910), входил в первый «Цех поэтов», был среди шести первых акмеистов. Автор одиннадцати поэтических сборников, из которых наиболее известен «акмеистический» «Аллилуйя» (СПб., 1912, запрещен цензурой; 2-е изд. – Одесса, 1922). С 1922 – в Москве, с 1924 – заместитель заведующего отделом печати при ЦК РКП(б), с января 1927 – один из руководителей ВАПП, являлся директором организованного им издательства «Земля и фабрика» («ЗИФ»). В сентябре 1928 исключен из партии. Подробнее см.: *Тименчик Р.Д.* Русский поэт Владимир Нарбут // *Распяты*. 5. С.155-156. Его памяти посвящено стихотворение Ахматовой «Про стихи» («Это – выжимки бессонниц...», 1940), подробнее: А.А.Ахматова в письмах Н.И.Харджиева (1930–1960-е гг.) / Вступ. ст., публ. и коммент. Э.Г.Бабаева // *Вопросы литературы*. 1989. №6. С.226; *Рубинчик*. С.200-202.

¹⁰ Поездка в Кронштадт состоялась 13 января, вместе с Лукницким ездил Г.Фиш (см.: *Отчет. 1928–1929*).

¹¹ Пубалт – Политическое управление РВС Балтийского моря.

¹² Борис Андреевич Лавренев (наст. имя – Борис Андреевич Сергеев; 1891 (при вступлении в ЛО ВСП в 1929 в анкете указал: 1892 (*Анкеты... писателей*) – 1959) – поэт, прозаик, драматург. Печатался с 1911. В 1920-е входил в группу «Содружество» (Н.Баршев, М.Борисоглебский, Н.Браун, М.Козаков, Вс. Рождественский, А.Свентицкий, А.Чапыгин, Д.Четвериков), см. о ней, например: *Саянов В.М.* Современные литературные группировки. <Л.>, 1928. С.27-28. Обзор творческого пути Лавренева к 1928 году см.: *Медведев П.* Первый том собрания сочинений Б.Лавренева // *Ленинградская правда*. 1928. №9, 6 мая. С.8. (Лит. прилож.). Лукницкий был знаком с ним еще по Ташкенту (1921–1922), где Лавренев совмещал военную службу с литературной деятельностью (главным образом, журналистской); оба входили в литературную группу «Арахус», затем – «Чугунное кольцо» (см.: *Перед тобой земля*. С.44, 46). Главные темы пьесы «Разлом» (1927) – взаимоотношения интеллигенции и революции и участие флота в революции. Пьеса стала событием в культурной жизни Ленинграда: поставленная к 10-летию Октября, она с успехом шла в Большом драматическом театре (реж. см.: *Б.М.* «Разлом» // *Красная газета*. 1927. 10 ноября. №256 (утр. вып.). С.8; *Юдин*. «Разлом» // Там же. 1927. 12 ноября. №258 (утр. вып.). С.6); в 1929 по ней был снят фильм. О Лавреневе в 1928 см. также: *Басалаев*. С.384 и др. К истории отношений Лукницкого с Лавреневым см. дарственную надпись последнего на его книге «Портрет» (М., 1943): «16.I-<19>46.

Дорогому Павлу, старому, верному и милому другу. Пусть дружба наша и остается такой до конца. И плевать нам на помойку, которая кругом. Жму твою руку. Борис» (*Книги*). Свод данных об отношении Лавренева к творчеству Гумилева и Ахматовой см.: *Лукницкий–Горнунг*. С.525-526.

¹³ Лариса Михайловна Рейснер (1895–1926) – поэт, журналист, общественный деятель. В годы Гражданской войны воевала в составе Волжско-Камской (позднее – Волжско-Каспийской) флотилии, была старшим флаг-секретарем комфлота, затем – заведующей политпросветотделом флотилии, комиссаром разведывательного отряда; с конца 1919 – комиссар Военно-Морского Генерального штаба. Ее выдающаяся храбрость и самоотверженность снискали ей большой авторитет у матросов, подробнее см., например: Соловей Э.С. Лариса Рейснер: Очерк жизни и творчества. М., 1985. С.43-48; Лариса Рейснер в воспоминаниях современников. М., 1969. С.77-102.

¹⁴ Лукницкий входил в комиссию по подсчету голосов при выборах нового состава Правления.

¹⁵ Михаил Васильевич Борисоглебский (наст. фам. Шаталин; 1896–1942) – прозаик, художник. Входил в «Ассоциацию неоклассиков» (В.В.Смиренский, Л.И.Аверьянова, Е.Я.Данько, А.Р.Палей, В.С.Алексеев, А.Н.Рашковская, Н.Я.Рославлева, Л.В.Пумпянский, Н.Ф.Белявский; почетные члены – А.Ахматова, М.А.Кузмин, М.В.Ватсон, Ф.К.Сологуб. Об Ассоциации см.: Павлова. С.193-194; *Устинов, Кобринский*. С.517-518; *Дмитренко А.Л.* <Вступ. ст. к публ.: Из поэтического архива В.С.Алексеева (1903–1942)> // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С.405-406. С 1924 – секретарь Бюро Секции прозаиков и поэтов при ВСП; до января 1928 – секретарь Правления ЛО ВСП. К 1928 – автор нескольких книг рассказов, повести «Джангыр-бай» (Л., 1926 и 1928), романов «Топь» (Л., 1927) и «Кальва» (Л., 1928), подробнее см.: *Писатели Ленинграда*. С.39-40. Контакты Борисоглебского с Ахматовой отражены в: *Acumiana II*.

¹⁶ Ксения Михайловна Жихарева (1879 или 1876 – 1950) – переводчик научных и художественных текстов, автор книги «Райпродукт: Поэма в прозе» (Пг., 1921). До 1928 – делопроизводитель ЛО ВСП.

¹⁷ София Павловна Кублицкая-Пиоттух (псевд. – С.Глаголева; Сфинкс; 1873 – после 1929) – переводчица. «С 1902 <по> 1908 г. работала в П.К. РСДРП(б), была арестована в принадлежность к партии <так!>, административно выслана из С<анкт>П<етер>б<урга>» (*Анкеты... писателей*). Первый перевод опубликовала в 1909 («Сказки Природы» К.Эвальда), переводила К.Буссе (двухтомная «История мировой литературы»), Ч.Истмэна, Дж. Лондона и др.; библиография и послужной список см.: *Анкеты... писателей*. Член ЛО ВСП с 1924, в 1926–1929 – член Правления.

¹⁸ Анна Васильевна Ганзен (урожд. Васильева; 1869–1942) – переводчик Х.-К.Андерсена, Г.Ибсена, многих других скандинавских писателей, В.Шекспира и Ф.Шиллера. В 1919–1925 – член редколлегии издательства «Всемирная литература», в 1927–1928 – казначей ЛО ВСП, часто выполняла в нем и секретарскую работу.

¹⁹ Мария Валентиновна Ватсон (урожд. Де Роберти де Кастро де ла Серда; 1848–1932) – поэт, переводчик, историк литературы. Ей, в частности, принадлежит перевод романа М.Сервантеса «Остроумно-изобретательный идальго Дон-Кихот Ламанчский» (СПб., 1907 и др. изд.). Близкий друг С.Я.Надсона и издательница его сочинений. См.: *Иванова Л.Н. Ватсон Мария Валентиновна // Русские писатели*. Т.1. С.397.

Характеризуя Е.И.Замятина во второй части своих «Записок» (1928), Басалаев передает эпизод («о старушках»:

В жизни Замятин великодушен и мягок. Так однажды шел спор в союзе писателей о... старушках. На всех писательских собраниях торчит много ветхозаветных переводчиц, столетних родственниц покойных корифеев, бывших писательниц из дореволюционных «Пчелок» и «Путеводных огоньков». Они – завсегдатаи всех диспутов, докладов, громкочтений. С их стульев летят самые горячие аплодисменты. Они дольше других трясут руку докладчику и уходят с собраний последними. Но они – тот самый балласт, который сбрасывают с воздушного шара, когда хотят подняться выше. И вот кто-то предожил изгнать из союза этих живых носителей покойного мира.

– Мы не каннибалы, – возразил заместитель председателя правления союза Замятин.

И старухи остались.

(ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.23).

Более язвительная и жесткая характеристика «литературных старух» содержится в мемуарах Н.К.Чуковского, и здесь также самой характерной личностью оказывается М.В.Ватсон (*Чуковский Н. С.64, 77*).

²⁰ Константин Александрович Федин (1892–1977) – прозаик. В начале 1920-х входил в группу «Серапионовы братья». С 1923 входил в Правление ЛО ВСП, с 1926 по сентябрь 1929 был одним из заместителей председателя (вторым заместителем до мая 1929 был Е.И.Замятин). К 1928 – автор книги рассказов «Пустырь» (М.; Пб., 1923), романов «Города и годы» (Л., 1924 и др. изд.), «Братья» (Л., 1928 и др. изд.), ряда повестей и рассказов, см. его Собрание сочинений (В 4 т. Л., 1927–1928). Познакомился с Ахматовой в 1922 (*Acumiana II. С.240*). К истории отношений Ахматовой и Фебина см.: *Acumiana* (по указ.), их дарственные надписи друг другу 1922 года, приведены в: *Летопись. Ч.2. С.45-46*.

²¹ Евгений Иванович Замятин (1884–1937, Париж) – прозаик, критик, драматург. Его произведения 1910 – 1920-х см. в его Собрании сочинений (В 4 т. М., 1929). По записям Лукницкого (см. ниже), знаком с Ахматовой с 1918, их многолетние дружеские отношения можно проследить по: *Летопись. Ч.2* (см. по указ., в том числе – дарственные надписи разных лет Ахматовой и Замятин друг другу – с.43, 63); *Acumiana I и II; Замятин. С.248, 530* (дарственные надписи Ахматовой Замятину); см. также: А.А.Ахматова и Е.И.Замятин. Переписка (1922–1924) / Вступ. ст., публ. и коммент. Е.Ю.Литвина // Евгений Замятин и культура XX века: Исследования и публикации. СПб., 2002. С.248-259. В 1929 Замятин стал, наряду с Б.Пиль-

няком, объектом политических нападок за опубликование за рубежом романа «Мы» (1919–1922), см. об этом: *Любимова М.Ю.* Е.И.Замятин и Б.А.Пильняк: Материалы к биографиям // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры: Сб. научных трудов. СПб., 1994. С.98–108; *Андроникашвили-Пильняк Б.* Два изгоя, два мученика: Б.Пильняк и Е.Замятин // Знамя. 1994. №9. С.123–153; *Галушкин; Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина»: Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине: Сб. материалов / Под ред Л.Геллера. М., 1997. С.89–146. В знак протеста против травли Замятина и Пильняка Ахматова написала и отдала для передачи Лукницкому заявление о своем выходе из Союза писателей (см. запись за 13 октября 1929 в дневнике Лукницкого: *Перед тобой земля.* С.105); зарегистрировано в Правлении Союза писателей 16 октября 1929. – РО ИРЛИ. Ф.291 (сообщено Т.А.Кукушкиной); см. также: *ЗК.* С.28: «В 1929 г. после “Мы” и “Красного дерева” и я вышла из союза» (ср.: Там же. С.508, и в др. местах). Наряду с Ахматовой заявления о выходе из Союза подали М.Булгаков и Б.Пастернак. 10 марта 1964 Ахматова записывает: «Сегодня день смерти Замятина (1937), Булгакова (1940), ареста Левы (1938) и приговора Данте...» (*ЗК.* С.445; аналогичная запись в тот же день – с.308).

²² Вячеслав Яковлевич Шишков (1873–1945) – прозаик, драматург. Печатался с 1908. К 1928 – автор ряда повестей и рассказов, в том числе повести «Тайга» (Пг., 1918 и др. изд.), романов «Ватага» (Л., 1924 и др. изд.), подробнее см. его Полное собрание сочинений (В 12 т. М., 1926–1929). Его литературный портрет 1927–1928 годов см.: Новое о Сергее Гедройц / Предисл., публ. и комм. А.Г.Меца // Лица: Биографический альманах. Вып.1. М.; СПб., 1992. С.303.

²³ Владислав Евгеньевич Евгеньев-Максимов (1883–1955) – литературовед, критик, профессор Ленинградского университета, автор многочисленных работ по творчеству Н.А.Некрасова, его современникам, русской журналистике XIX в.

²⁴ Ольга Дмитриевна Форш (урожд. Комарова; 1873–1961) – прозаик. К 1928 – автор 17 книг, в том числе исторического романа «Одеты камнем» (М., 1925 и др. изд.), см. ее Собрание сочинений (В 7 т. М.; Л., 1928–1930). В 1930 состоялась журнальная публикация ее романа «Сумасшедший корабль» о петроградском «Доме искусств» (отд. изд. – Л., <1931>).

²⁵ Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) – прозаик, драматург, публицист. Печатался с 1905 и к 1928 опубликовал множество поэтических и прозаических книг. Об отношениях с Ахматовой см. примеч. 56 к разделу V.

²⁶ Павел Николаевич Медведев (1892–1938; репрессирован) – критик, литературовед, в 1920-е – автор работ о А.Блоке, Д.Бедном, С.Есенине, В.Шишкове, А.Толстом. См. также: *Басалаев.* С.380; *Acumiana. II.* С.40.

²⁷ Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954) – прозаик, инициатор создания журнала «Литературный современник», сотрудник газеты «Литературный Ленинград» и Издательства Писателей в Ленинграде. К 1928 выпустил восемь книг. Наиболее полно произведения Козакова 1920-х пред-

ставлены в его Собрании сочинений (В 4 т. Л., 1929–1930). См. о нем также: *Басалаев*. С.380.

²⁸ Леонтий Иосифович (Осипович) Раковский (1896–1979) – прозаик, в январе 1928 избран секретарем Правления ЛО ВСП, затем председатель правления Литературного фонда. К 1928 – автор трех книг повестей и рассказов, в дальнейшем написал ряд исторических романов: «Генералиссимус Суворов» (Л., 1941 и др. изд.), «Адмирал Ушаков» (Л., 1952 и др. изд.), «Кутузов» (Л., 1960 и др. изд.) и др.

²⁹ Николай Валерьянович Баршев (1888–1938; репрессирован) – прозаик, драматург, поэт. К 1928, помимо публикаций в ленинградских журналах (стихи в альманахе «Стожары»), являлся автором ряда пьес и книг «Гражданин вода», «Прогулка к людям: Книга рассказов» (обе – Л., 1926), «Большие пузырьки: Книга рассказов» (М.; Л., 1928), «Обмен веществ» (Л., 1928). Кроме художественных произведений, ему принадлежит работа «Техническая и коммерческая эксплуатация железных дорог» (М.; Л., <1926>, в соавторстве с П.Я.Гордиенко). См. также: *Басалаев*. С.378-379, 479.

³⁰ Вениамин Александрович Каверин (наст. фам. Зильбер; 1902–1989) – прозаик. Начал печататься в 1921; в начале 1920-х входил в группу «Серapiоновы братья» (автобиографию 1923 года см.: *Серapiоновы братья*. С.148-149). К 1928 – автор шести книг рассказов, неоднократно переиздававшихся повестей «Вперед всем», «Осада дворца», романа «Девять десятых судьбы» (все – 1926) и многих других. Основные произведения 1920-х годов см. в его Собрании сочинений (В 3 т. Л., 1930).

³¹ Илья Иванович Садофьев (1889–1965) – поэт. Печатался с 1912 в рабочих газетах с революционными стихами. Член ЛАПП. К 1928 – автор шести поэтических сборников (первый поэтический сборник «Динамостихи» (Пг., 1918; выдержал 6 изданий) и книги «Окровавленная лестница. Рассказы (1915–1919)» (Пг., 1920).

³² После перепроверки голосов выяснилось, что Тихонов набрал 39 голосов и в кандидаты в члены Правления не прошел; список пополнился Вс. Рождественским и Е.М.Лаганским (по 41 голосу); кроме того, Лукницким пропущен Н.Н.Никитин, набравший 43 голоса. См.: *Протоколы общих собраний... писателей*. Протокол от 14 января 1928.

³³ Павел Елисеевич Щеголев (1877–1931) – литературовед-пушкинист, историк революционного движения, один из основателей Музея революции в Ленинграде, общественный деятель, прозаик, автор популярных киносценариев (в том числе пьесы «Заговор императрицы» (Берлин, 1925 и др. изд., в соавторстве с А.Н.Толстым, см. о пьесе: *Асимiana Д.* Ахматова была знакома с П.Е.Щеголевым, по крайней мере, с апреля 1914 (см.: *Тименчик, Лавров*. С.58); об ее отношении к Щеголеву-пушкинисту см., например: *Мануйлов*. С.299. Отношения Ахматовой с П.Е. и В.А. Щеголевыми отражены: *Асимiana; Летопись* (по указ.); *Из переписки Анны Ахматовой*. С.456.

³⁴ Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) – критик, искусствовед, переводчик. Подробнее см.: *Эфрос А.М.* Мастера разных эпох: Избранные историко-художественные и критические статьи / Предисл. М.В.Толмачева. М.,

1979. С.309-321 (Список научных, критических и литературных работ А.М.Эфроса). К истории его отношений с Ахматовой см.: *Чуковский*. С.225; *Acutiana* (по указ.). Редактор и автор предисловия к «Письмам» Рубенса (М.; Л., 1933), помог Ахматовой получить заказ на их перевод (*Марков А. Ф.* Заметки библиофила: Инскрипты Анны Ахматовой и Николая Гумилева // Книга: Исследования и материалы. Сб.71. М., 1995. С.300).

³⁵ Еремей Миронович Лаганский (1887–1942) – прозаик, драматург. К 1928 автор книги «На просторе: Очерки заграничного плавания Красного Балтийского флота» (Пг., 1922), в дальнейшем – ряда книг по военной тематике.

³⁶ Кроме перечисленных Лукницким докладов: М.В.Борисоглебского (о деятельности ЛО Правления ВСП за 1927), А.В.Ганзен (доклад казначея и содоклад Хозяйственной комиссии), М.Э.Козакова (о работе в Федерации СП), А.М.Эфроса («о работе Правления в последнее время и в частности об изменении авторского права, о жилищном строительстве, об издательстве Союза и проч.»), были заслушаны доклады А.А.Добронравова (от Ревизионной комиссии), Е.М.Лаганского (о работе Литературного фонда), М.А.Фромана (о работе месткома). В протоколе зафиксировано время закрытия собрания: 1 ч. 30 мин. ночи.

³⁷ Василий Михайлович Андреев (1889–1942; погиб в заключении) – прозаик. К 1928 – автор семи книг, см.: *Писатели Ленинграда*. С.19-20. Ср. с записью в дневнике К.Чуковского от 30 января 1928: «В Драмсоюзе был писатель Василий Андреев, пьяный, который сидел в первом ряду и, когда Ник. Урванцев декламировал стихотворения Некрасова, кричал: “плохо!”, “перестаньте!” и пр. Я пробовал его урезонить – он ответил: “Но ведь действительно плохо читает!” Но во время моего чтения он крикнул: “Видишь, я молчу, потому – хорошо!» (*Чуковский*. С.436).

³⁸ В этой связи см. письмо В.Е.Евгеньева-Максимова в ЛО ВСП от 30 ноября 1927 с напоминанием о необходимости как-то откликнуться на 50-летие смерти Некрасова. В нем среди желательных вариантов издания сборника «Писатели – Некрасову», «Памятка о Некрасове», «Некрасовская газета-однодневка»; нежелательным названо устройство «шаблонного литературного вечера, посвященного Некрасову». На заседании ЛО Правления ВСП 19 декабря 1927 по письму Евгеньева-Максимова было принято решение устроить вечер в Доме печати с участием его, а также К.И.Чуковского, Ю.Н.Тынянова и П.В.Быкова (*Протоколы заседаний Правления... писателей*. Протокол №17 от 19 декабря 1927). Среди городских мероприятий также – торжественное заседание, устроенное Отделом народного образования 9 января в помещении кино «Гранд-Палас», выставка в Некрасовском музее (ср. о самом музее: «Некрасовский музей в Ленинграде должен стать Некрасовским Домом, таким же, как Пушкинский Дом». – *Лерский И.* Дом Некрасова // *Известия*. 1928. №7, 8 января. С.5) и др.

³⁹ Стихотворение Н.С.Тихонова «Некрасов (отрывок)», насколько нам известно, не опубликовано. Его текст сохранился в фонде Н.А.Некрасова (РО ИРЛИ. Ф.202. Оп.3 (фонд Музей Н.А.Некрасова). №41), приведем его:

НЕКРАСОВ

(отрывок)

Между двух России, меж враждебных двух
Стиховых стихий, между разных жен,
Беснуясь от слабости, пророчествует вслух
Отчаянностью темной, как лесом, окружен.
Стиховой Бастилией два века не прожить,
Стоит ли высоким слогом дорожить?
Стоит ли выписывать, как Фет, вензеля –
Разве не хозяйева крестьянская земля.
Вот он бороздит ее – зайцу вдогонку,
Лошадь полосую. Ату его! Кончай –
Это всем понятно: бабе и ребенку,
Мужику и зайцу, летящему мыча,
Но заяц обернулся, садится на корточки,
Ширится до неба – и ворона сама
Царева Россия – стиховую клячу
Хватает за гриву – шершавая тьма.
Кончена свобода и песня простая,
Те, что, как в сказке, текли по усам,
Тогда распрямляясь, из седла вылетая –
Он хлещет плоскозубый, самодержавный призрак.
Он хлещет, беснуясь, нарочно по глазам...

Отношение Тихонова к Некрасову см.: *Тихонов Н.* <Что говорят о творчестве Некрасова. Анкета «Резца»> // *Резец.* 1928. №2. С.8.

⁴⁰ Бюро по организации литературных вечеров (Литбюро) при Федерации Объединения Советских Писателей (ФОСП) было утверждено на заседании Секретариата ФОСП 14 ноября 1927 в составе: А.Тверяк (председатель), Ив. Васильев (член бюро), П.Лукницкий (секретарь) (*Протоколы заседаний секретариата ФОСП.* Протокол №9). Собственно в ЛО ВСП Лукницкий вступал дважды: первый раз, в феврале 1926, – безуспешно; второй раз – в декабре того же года, после выхода в свет первого сборника стихотворений «Волчек». При вступлении обозначил свой литературный дебют: «стих<отворение> “Экскаватор” <в> газ<ете> “Красн<ый> Весьегонск” 1918 (или 1919); дальнейшие публикации – в альманахах “Вечера” (Л., 1923) и “Ларь” (Л., 1927), “Собрание стихотворений” Ленинградского союза поэтов (Л., 1926) и др.» (*Анкеты... писателей*). Член ЛО ВСПоэтов с февраля 1925 (отметка из Протокола приемной комиссии №5 от 23 февраля 1925. – *Анкеты... поэтов*).

⁴¹ Вечер памяти Н.А.Некрасова в Доме печати (Фонтанка, 21) состоялся 17 января 1928. Выступали: Л.Мелковская, В.Рождественский, И.Васильев, Е.Панфилов (см.: *Отчет 1928–1929*).

⁴² Всеволод Александрович Рождественский (1895–1977) – поэт, переводчик. К 1928 выпустил шесть поэтических сборников (всего – больше 30). Рождественскому второй половины 1920-х – 1930-х посвящены многие страницы «Записок для себя» И.М.Басалаева и «Записок счастливого чело-

века» В.А.Мануйлова. Переписка Рождественского с Лукницким частично опубликовано: *Перед тобой земля*. См. также дарственные надписи Рождественского Лукницкому на его книгах: 1) «Федя-поводырь: Поэма для юношества» (Л., <1926>): «Павлу Лукницкому – ко дню Рождения. / Хоть ты и Павле (а не Федя) – / Дарю, тебе же на беду, / Тулуп, ученого медведя, / Трещотку, бубен и дуду. / Слова и сердце тратя даром, / Меняя песни на горох, / Всю жизнь с медведем по базарам / Ходи, вихрастый скоморох! / Всеволод Рождественский сам такой же. Октябрь 1926 г. Петербург»; 2) «Поющая земля: География в стихах» (Л., 1929): «“Ничего нет на свете прекрасней дороги!” Павлу Лукницкому – милому другу. В.Р. 12.X.<19>29 г.» (ср. посвящение второго сборника стихов Лукницкого «Переход»: «Всем, находящимся в пути, посвящаю»), а также 3) на книге «Избранные стихи» Т.Готье (Пер. Вс. Рождественского, со ст. Н.С.Гумилева «Теофиль Готье». Пг., 1923): «Милому Павлу Николаевичу Лукницкому с надеждой, что у нас много еще будет хороших встреч и разговоров. “Блажен, кто ведал сладострастье высоких мыслей и стихов!” Вс. Р. Петербург. 1923. Весна. 14/III. После “Севильского цирюльника”». Кроме того, в книжном собрании Лукницкого имеется книга Рождественского «Гимназические годы: Стихи юности» (СПб., 1914), на первой странице которой под именем автора им же написано: «(Ей Богу, это не я. Кто-то другой.) В.Рождественский (настоящий). Первый снег. 1923 г.» и внизу страницы владельческая надпись Лукницкого: «ПЛ. сент.<ябрь> 1923» (*Книги*).

Настороженное, недоверчивое отношение «царскоселов» (Голлербах, Оцуп, Ахматова) к Рождественскому в связи с его воспоминаниями о Блоке прослеживается и в «*Acumiana*» Лукницкого 1920-х (см. напр. *Acumiana I*. С.18; *Acumiana II*. С.318 и др.), и в записных книжках Ахматовой 1960-х годов (см. указ. имен). Рождественский входил в третий «Цех поэтов», однако был исключен из него (см., например: *Чуковский Н.* С.31, 87, 103-104). В критике 1920-х Рождественский назывался учеником «Кузмина – и вместе Ахматовой», в его стихах видели выучку «Цеха поэтов» (*Оксенов И.А.* Письма о современной поэзии // Книга и революция. 1921. №1. С.31). И в 1929 в обзоре деятельности ЛЮ ВСПоэтов и его группировок Рождественский наряду с Е.Полонской и «отчасти М.Фроманом» был причислен к наследникам акмеизма, сохраняющим верность его традициям (*Фроман М., Оксенов И.* Пять лет Ленинградского Союза Поэтов // Жизнь искусства. 1929. №15, 7 апреля. С.7). Рождественский – автор стихотворений «В альбом Ахматовой» (ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.613); «На книге А.Ахматовой “Белая стая”» (1933) и «Все выше к свету по долине лилий...», посвященного памяти Ахматовой (1966).

⁴³ См., например, стихотворение В.А.Рождественского «Некрасов» (Ленинградская правда. 1928. №6, 24 марта. С.2 (Лит. прилож.)), заканчивающееся словами: «И мог ли я думать, что близким навек / Мне станет вот этот, сгоревший до пепла / В азарте и страсти большой человек!». В дальнейших вариантах стихотворения эти строчки были изменены.

⁴⁴ 20 января, в промежутке между этой записью и следующей, в Союзе поэтов в Доме печати состоялось закрытое собрание, посвященное разбору

книги стихов Н.Рославлевой «Ветер и ночь» (Л., 1927), председательствовал Лукницкий (РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.1690).

⁴⁵ Наряду с работой секретаря Литбюро ФОСП, Лукницкий, начиная с декабря 1926 и до сентября 1929 (до вхождения во ВСП), являлся техническим секретарем ЛО ВСПоэтов, а в 1929 и секретарем созданного в начале этого года Коопбюро – был делегирован туда от Союза поэтов (*Протоколы заседаний Правления ... поэтов*. Протокол №67/10 от 8 февраля 1929). Даты заседаний Правления ЛО ВСПоэтов в 1928: 6 и 27 января, 10 февраля, 2 марта, 6 апреля, 18 мая, 7 и 26 октября, 9 ноября, 5 и 11 декабря. Тяжелое впечатление Лукницкого от работы в ФОСП, скорее всего, усугубилось после 13 декабря 1927, когда на заседании Совета этой организации при обсуждении доклада Правления Литфонда, прочитанного Е.М.Лаганским, возник, и, очевидно, не в первый раз, вопрос о материальной помощи «семье Гумилева» (к сожалению, пока не удалось выяснить, от кого именно поступило ходатайство). Лукницкий присутствовал на этом заседании. Председательствовал М.Я.Карпов. Приведем фрагмент стенограммы:

ЧУМАНДРИН. – Как решен вопрос с Гумилевым.

ЛАГАНСКИЙ. – Поскольку наш фонд безвозвратных ссуд исчерпан – отказать...

ЧУМАНДРИН. – Остановливаясь на общей оценке деятельности Литфонда, нужно сказать, что Литфонд работает так, как нужно. Работа его идет вполне успешно. Но наряду с этим имелись кое-какие детали, которые не всегда производят хорошее впечатление. Первый момент – это вопрос о секретаре и казначее Правления, работа которых далеко не удовлетворительна. Второй момент – это сегодняшнее заседание Литфонда, где был экзамен Литфонду, политический экзамен. Это значит история с Гумилевым. Разрешить вопрос о выдаче пособия семье Гумилева, которого фактически расстреляли, иначе нельзя было. Из этого испытания Правление Литфонда вышло с честью.

ФЕДИН К.А. – Что касается доклада Еремея Мироновича <Лаганского> о той работе, которую проделал Литфонд, то должен сказать, что впечатление получилось вполне благоприятное. <...> Одно маленькое замечание: по безвозвратным ссудам из 1500 рублей выдано почти все, осталась весьма ничтожная сумма. Этот пункт послужил поводом для отклонения одного из ходатайств, предоставленных в Литературный Фонд. Я понимаю, насколько этот вопрос стоит остро, и понимаю горячность т. Чумандрин, но должен сказать, что я лично смотрю с совершенно другой точки зрения. Конечно, Гумилев – контрреволюционер, но он и поэт. Расстреляли Гумилева-контрреволюционера, но не расстреляли Гумилева-поэта. Книги его распространяются, вышли уже после его смерти. По-видимому, поэт Гумилев не казнен, никаким гонением не подвергнут, тем более не могут быть подвергнуты гонениям старуха и ребенок, которому едва исполнилось 14 лет. Конечно, 7 лет тому назад, когда отец был расстрелян, мальчик и мать старуха не могли отвечать. Мне кажется, не давать, по существу

ву, неверно. Мы стоим перед фактом: был поэт Гумилев, значение которого признается всеми – и в школах, и в кружках ЛАПП'а Гумилев проходится. По-видимому, формальная сторона дела должна была бы обстоять гладко. И здесь, по существу, стали вдаваться в такие подробности, которым фактически не следовало бы придавать значения, которые не должны были бы иметь место. Совет Федерации мог бы перерешить этот вопрос в том смысле, чтобы пересмотреть еще раз, тем более что другой пункт, который здесь приводился, я считаю как вполне законченное постановление. Из этого постановления видно, что деньги еще есть, и небольшую сумму, в размере хотя бы 60 рублей, можно было бы выдать... Пересмотреть же это постановление можно потому, что не все члены Правления Литературного Фонда присутствовали на заседании, этот вопрос можно было бы поднять еще раз и пересмотреть его в более расширенном собрании.

ТИХОНОВ. – Сын Гумилева – сын Ахматовой, нельзя ли перелючить.

ФЕДИН К.А. – Вопрос этот настолько серьезен, что его следовало бы еще пересмотреть при полном собрании членов Правления.

КАМЕГУЛОВ А.Д. – Посobie семье Гумилева не может быть выдано по уставу Литфонда. Пункт 10 гласит: «Теряют право членства Литфонда: а) писатели, переставшие отвечать какому-либо из условий §6», а в §6 говорится, что членами Литфонда не могут быть писатели, участвующие в зарубежной антисоветской прессе или активно враждебные советской власти»...

ФЕДИН К.А. – Второй половины фразы в Уставе нет. Пункт «г» §6 – «членами Литфонда не могут быть писатели, участвующие в зарубежной антисоветской прессе» – и все.

БРЫКИН. – <...> Теперь т. Федину. Я был удивлен, когда Федин выступил в защиту Гумилева. Я помню, когда мы были на фронте. В 1920 г. я был в 7<-й> действующей армии. Федин же был редактором в той же 7-й армии. Армия боролась против белых и уничтожила контрреволюцию. В это время в тылу Гумилев организовывал восстание против сов<етской> власти, и если бы восстание удалось, Гумилев повесил бы и меня и Федина в числе еще двух тысяч человек. Какая же тут может быть речь о гуманности. Ее нет и не может быть.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. – Я вполне согласен с теми, кто приветствует постановление об отказе в выдаче пособия семье Гумилева.

<...>

ЧУМАНДРИН. – Я полагаю – если завтра Ахматова обратится за помощью для ее малолетнего сына – то ей дадут».

(Протоколы заседаний Совета ФОСП.

Протокол №3 от 13 декабря 1927 г.)

Михаил Федорович Чумандрин (1905–1940; погиб в Советско-финляндскую войну) – прозаик, член Правления ЛАПП, участник травли Замятина в 1929 (см.: *Галушкин. С.467*). Печатался с 1927 и к 1928 уже был

автором трех книг, в том числе романа «Фабрика Рабле» (Л., 1928 и др. изд.). См. о нем, например: *Чуковский Н. С.* 220-231.

Николай Александрович Брыкин (1895–1979) – прозаик. В феврале 1928 вошел в новое Правление Ленинградского отделения Всероссийского общества крестьянских писателей (см.: Ленинградская правда. 1928. №3, 11 февраля. С.8 (Лит. прилож.)). Подробнее о нем см.: *Писатели Ленинграда. С.* 47-48.

Анатолий Дмитриевич Камегулов (1900–1937; репрессирован) – критик, литературовед. Научный сотрудник ИРЛИ.

На следующий день Лукницкий рассказывает об этом заседании Ахматовой: «А.А. несколько не удивлена отказом – А.А. ожидала, что будет именно так» (*Acutiana II. С.* 329).

⁴⁶ *Сельвинский И.Л.* Записки поэта. Повесть. <Стихи.> М.; Л., 1928. Евгений Ней – литературная мистификация Ильи Львовича Сельвинского (1899–1968) – «автор» повести «Записки поэта», стихотворений, составивших пятую главу сборника «Шелковая луна», и объект критико-биографического очерка, подписанного также вымышленным именем – «Н.Галинский».

Сходство «Портрета Е.Нея» работы художника Эль Лисицкого (наст. имя Лазарь Маркович; 1890–1941) с Гумилевым было замечено не только Лукницким и Ахматовой, но и, например, В.А.Рождественским (*Басалаев. С.* 407). Как указывает А.Дмитренко, Рождественский считал, что портрет на обложке – «замаскированное посвящение Ник. Гумилеву» (что следует из пометы Рождественского на полях «Записок» Басалаева), однако настоящим прототипом Евгения Нея Дмитренко называет С.Нельдихена (Там же. С.485). По наблюдению М.Д.Эльзона (высказанному устно), в имени Евгения Нея присутствует целый комплекс подтекстов, ближайшим по времени из которых можно считать роман И.Эренбурга «Любовь Жанны Ней» (1924), ср. также отсылки к маршалу Нею, Евгению Богарне и Евгению Онегину.

⁴⁷ Ключев Николай Алексеевич (1884–1937) – поэт, прозаик. О Ключеве в 1920-е см.: *Азадовский К.М.* Жизнь Николая Ключева. СПб., 2002, а также: *Мануйлов. С.* 271, 291-293 (в частности, о посещении Ключевым 15 октября 1927 «литературной субботы» у Л.М.Поповой). О Ключеве и Ахматовой см.: *Acutiana II. С.* 110, 339-349; *Азадовский К.М.* «Меня назвал “китежанкой”»: Анна Ахматова и Николай Ключев // *Лит. обозрение. С.* 66-70.

⁴⁸ Людмила Михайловна Попова (1898 (при приеме в ВСПоэтов в 1924 и в ВСП в 1926 в анкетах указала: 1901)–1972) – поэт, журналист. Печаталась с 1916; дебют: стихотворение «Цветы» (Лукоморье. 1916. №28. С.6). Член ВСПоэтов с 1921 (*Анкеты... писателей*). В 1923–1930 училась на словесном отделении ВКИ (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.932). Первый стихотворный сборник «Разрыв-трава» вышел в 1925; в сохраненной Лукницким (*Коллекция*) рецензии (подпись – Мот.) Попова названа «типичным эпигоном акмеистической школы», а сама книга – не имеющей «идеологической ценности, с ее мотивами любви и буржуазно-мещанской психологии» (Красная газета. 1925. 24 декабря, №311 (веч. вып.). С.7). Во второй половине 1920-х у Л.М.Поповой собирались «литературные субботники». См. об этом:

Мануйлов. С.271, 291-292. См. дарственные надписи Поповой Лукницкому на ее книгах: 1) «Разрыв-трава» (М.; Л., 1925) – «На память Павлику о комнатемансарде на Моховой, и дожде загнавшем его в дом “ампир” на Мойке перед моим отъездом в Тифлис. Люда Попова. 12.VII.<19>25 г.»; 2) «Берега и улицы» (Л., 1930) – «Дорогому Павлику Люда. Мир праху твоему Союз поэтов! Ленинград 18.X.1929 г.» (*Книги*). На вечере поэзии А.А.Ахматовой в Союзе писателей 30 апреля 1927 Попова читала стихотворение, посвященное Ахматовой (*Acumiana II*. С.245; найти его текст не удалось).

⁴⁹ *Дневник Ал. Блока*. В том же году вышел второй том «Дневника» Блока (1917–1921). Дальнейшие замечания Лукницкого относятся к первому тому (второй вышел в начале лета; см. сообщение Лукницкого в письме И.М.Басалаеву от 4 июня 1928: ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.296). Отрывки из дневника Блока публиковались и до выхода в свет отдельного издания, см.: Ленинградская правда. 1928. №6, 24 марта. С.5-6. (Лит. прилож.).

Любопытно отметить, что записи Лукницкого о литературной жизни Ленинграда октября–ноября 1928 перекликаются с блоковскими оценками современной ему ситуации; так, у Блока ср.: «Происходит окончательное разложение литерат<урной> среды в Петербурге. Уже смердит» (*Дневник Ал. Блока*. С.20; запись от 17 октября 1911), ср. далее записи Лукницкого.

⁵⁰ Ср. запись Лукницкого от 20 ноября 1925: «Заговорили о Николае Степановиче – об его взаимоотношениях с Блоком. Я спросил об основных причинах их вражды. А.А. сказала: “Блок не любил Николая Степановича, а как можно знать – почему? Была личная вражда, а что было в сердце Блока, знал только Блок и больше никто. Может быть, когда будут опубликованы дневники Блока, что-нибудь более определенное можно будет сказать”» (*Acumiana I*. С.260).

⁵¹ Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927) – поэт, прозаик, драматург, критик. В 1925–1927 был председателем ЛО ВСП. Программу вечера, посвященного его памяти, см. в справке, представленной в Областной финансовый отдел:

В ОБЛФО

Представляя программу вечера памяти СОЛОГУБА, по которой явствует, что суть вечера заключается в докладах о творчестве СОЛОГУБА, Правление Союза Писателей убедительно просит Вас освободить данный вечер от местного сбора и Красного Креста

ПРОГРАММА

вечера памяти ФЕДОРА КУЗЬМИЧА СОЛОГУБА

I. Вступительное слово Е.И.ЗАМЯТИН.

II. Доклад АНДРЕЯ БЕЛОГО – «О творчестве СОЛОГУБА».

Сологуб и русская литература. Сологуб, как художник. Проза и стихи Сологуба (музыкальные иллюстрации отрывки из произведе-

ний Сологуба проф. М.И.Бриан и Н.Н.Рождественский <так! без знаков препинания. – Т.Д.>, у рояля проф. М.В.Юдина). Мировоззрение и мироощущение Сологуба. Сологуб и наша эпоха.

III. Л.В.ПУМПЯНСКИЙ: – «Сологуб как поэт».

Строение стиха Сологуба. Творческий путь поэта. Новейшие и посмертные стихи (исполнение стихотворений Г.В.АРТОБОЛЕВСКИЙ, В.С.МЯСНИКОВА и А.И.ШВАРЦ). Сологуб, как крупнейший представитель Сологуба <так! очевидно, имелось в виду: символизма. – Т.Д.>.

Начало в 8 час<ов> веч<ера>

Председатель:

Секретарь: <подписи отсутствуют>

(РО ИРЛИ. Ф.291. Там же см. афишу вечера.)

Хлопоты об устройстве памятных вечеров начались сразу после кончины Сологуба 5 декабря 1927 и являлись частью целого ряда мероприятий и начинаний, посвященных покойному писателю. Первоначально предполагалось устроить «большой открытый вечер в Академической Капелле совместно с Союзом Поэтов и обществом Драматических Писателей (Драмсоюзом)» и «интимный вечер в помещении Союза <писателей>», устройство обоих вечеров было доверено П.Н.Медведеву (*Протоколы заседаний Правления... писателей*. Протокол №16 от 12 ноября 1927). Проведение открытого вечера планировалось то в Большом драматическом театре (протокол №15 от 5 декабря 1927), то в Филармонии (протокол №18 от 5 января 1928), также менялась и дата проведения вечеров – открытого: первая половина января, 30 января; закрытого: 26 декабря, 23 января (протоколы №16 от 12 ноября 1927 и №1 от 15 января 1928). В конце концов, как и указывает Лукницкий, вечер состоялся 1 февраля в Капелле. См. также: *Галушкин А.Ю., Любимова М.Ю.* Ф.Сологуб и Е.И.Замятин. Переписка / Вступ. ст, публ. и коммент. А.Ю.Галушкина и М.Ю.Любимовой // *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М.М.Павловой и А.В.Лаврова. М., 1997. С.387-388 (на основании материалов, хранящихся в ИМЛИ: Ф.157. Оп.1. Ед.хр.10 – ср. коррективку по приводимым ниже материалам РО ИРЛИ).

Кроме вечеров памяти Сологуба 1 февраля и 5 марта, 2 апреля состоялся еще один, «интимный вечер» в Союзе писателей: в извещении, направленном Союзом писателей в исполком Центрального района, он обозначен как «вечер, посвященный чтению посмертных произведений Сологуба» (РО ИРЛИ. Ф.291). В нем приняли участие А.Радлова, Е.Данько, М.Кузмин, К.Федин, О.Форш, Б.Лившиц (*Книги записей*; объявление о вечере см.: *Жизнь искусства*. 1928. №13, 27 марта). Наконец, 5 декабря 1928, в годовщину смерти Сологуба, прошел четвертый вечер его памяти (см. также запись от 17 февраля 1928 в разделе V).

Среди различных мероприятий, посвященных Сологубу, значилось, в частности, издание сборника его памяти, составление которого было поручено специальной комиссии, в которую от ЛО ВСП были включены А.А.Ахматова (без ее ведома), Е.И.Замятин и Р.В.Иванов-Разумник (о судь-

бе сборника см.: *Галушкин А.Ю., Любимова М.Ю.* Ф.Сологуб и Е.И.Замятин. Переписка. С.388). Те же и Д.М.Пинес в апреле 1928 были избраны в комиссию по изданию сочинений Сологуба (извещение об этом см.: РО ИРЛИ. Ф.291).

⁵² Переговоры с Андреем Белым о его участии в вечере были поручены Иванову-Разумнику (см.: *Протоколы заседаний Правления... писателей.* Протокол №17 от 19 декабря 1927, также: *Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка.* С.552-561). В письме Иванова-Разумника от 21 декабря 1928 говорится, что при согласии Белого Союз писателей «устроит этот вечер в зале Филармонии <...> если нет – то в значительно меньшей зале Капеллы» (Там же. С.555). Последнее обстоятельство смутило Белого: «...бывают минуты, когда хочется сжаться, быть неярким, онеметь, молчать; и я в таком настроении; кроме того – страшно измучен...» (С.557), но на вопрос о своем участии он ответил согласием, мотивировав желание приехать в Ленинград так: «пожить с Вами и исполнить долг перед тем, кого ощущаю своим учителем» (Там же. С.556, письмо от 25 декабря 1927). Приезду Белого помешала ангина. В связи с «заменой» Андрея Белого на Чулкова см. телеграмму, текст рукой А.В.Ганзен:

Москва площадь Свердлова МХАТ второй Готовцеву
для Замятина

Примите старания приезду Белого если невозможно устройте выступление Чулкова тех же условиях ответ Людмиле Николаевне <Замятиной> Правление

(РО ИРЛИ. Ф.291)

⁵³ Анастасия Николаевна Чеботаревская (1876–1921) – критик, переводчик. Жена Сологуба. В опубликованном тексте мемуаров Г.И.Чулкова «Годы странствий: Из книги воспоминаний» (М., 1930) явно оскорбительных выпадов против нее нет, тем не менее общая характеристика дана в сдержанно-негативном тоне.

⁵⁴ В семье своей свояченицы Ольги Николаевны Черносвитовой (урожд. Чеботаревская; 1872–1943) Сологуб жил после смерти жены.

⁵⁵ Лев Васильевич Пумпянский (1891–1940) – литературовед, автор работ по истории русской и немецкой литературы XVIII–XX вв., подробнее см.: *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П.Чудаков; Сост. Е.М.Иссерлин, Н.И.Николаев; Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.И.Николаева. М., 2000. Тезисы доклада Пумпянского на вечере памяти Сологуба см. выше, примеч 51. Невысокое мнение о Пумпянском-лекторе Лукницкого и, по-видимому, Ахматовой см. также: *Acumiana II.* С.140. О столкновениях Пумпянского со студентом Львом Гумилевым незадолго до его ареста в марте 1938 и роли «жалоб» Пумпянского в ходе следствия см.: «Повода для ареста не давал...» <Беседа с Л.Н.Гумилевым Л.Э.Варустина> // *Распятыє.* 6. С.75.

⁵⁶ Георгий Владимирович Артоболевский (1898–1943; погиб) – тещ. Приехав в Ленинград из Киева, в 1924–1927 учился на словесном отделе-

нии *ВКИ* (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.546). В 1928 – преподаватель на Государственных курсах художественного слова, научный сотрудник Гос. института научной педагогики им. А.И.Герцена. Автор ряда книг по технике художественного чтения, а также по естествознанию и зоологии (см., например, его книгу: *К экологии стрекоз Теберды. Владикавказ, 1930*). Жил в Ленинграде с 1925. Подробнее о нем см., например, во вступ. заметке к его статье «Художественное чтение – искусство исполнительское...» в сб.: *О мастерстве художественного слова. Временник секции мастеров художественного слова Ленинградского отделения Всероссийского театрального общества. Вып.1. Л., 1938. С.28* (там же его фотография); см. также: *Лубенская К. Пропагандист: О Г.В.Артоболевском // Театр. 1969. №10. С.90-93* (там же шесть фотографий Артоболевского).

⁵⁷ Антон Исаакович Шварц (1896–1954) – чтец, мастер слова, двоюродный брат Е.Л.Шварца. См. о нем, например: *Чуковский Н. С.248-249*.

⁵⁸ В связи с этим стихотворением см. письмо Н.П.Медведевой к Ф.Сологубу от 29 июля 1926: «Многоуважаемый и дорогой Федор Кузьмич! очень благодарю Вас за Ваше прекрасное стихотворение. Я больше не буду прыгать в окошко – “ни для чего и ни за чем”. Еще раз благодарю. Любящая Вас Наташа Медведева» (РО ИРЛИ. Ф.289 (Архив Сологуба). Оп.3. Ед.хр.450). Закавыченные слова – цитата из стихотворения Сологуба; см. его, например, в сборнике стихотворений Сологуба с пометами Ахматовой (см. примеч. 109 к разделу I): РО ИРЛИ. Собрание М.С.Лесмана.

⁵⁹ Константин Константинович Вагинов (до 1915 – Вагенгейм; 1899–1934) – поэт, прозаик. Печатался в альманахах и сборниках «Абрассас», «Цех поэтов», «Звучащая раковина», «Островитяне», «Ушкуйники» и др. К 1928 – автор двух поэтических книг: «Путешествие в Хаос» (Пб., 1921) и «Стихотворения» (Л., 1926) и романа «Козлиная песнь» (Л., 1928); в анкете ВСПоэтов в 1924 обозначил готовую книгу стихов «Петербургские ночи» (была готова в 1922, издана: *Вагинов К. Петербургские ночи / Подгот. текста, послесловие, коммент. А.Л.Дмитренко. СПб., 2002*). О неоднозначном восприятии Ахматовой и восторженном восприятии Мандельштамом поэзии Вагинова см.: О Вагинове: Из дневника П.Лукницкого / Публ. и подгот. текста В.Лукницкой; Послесловие Т.Никольской // *Лит. обозрение. С.71-72*; также: *Acutiana II. С.63, 79, 82-87, 140-141* и др. Гумилев выделял творчество раннего Вагинова среди поэтов «Звучащей раковины». См.: *Наппельбаум. С.22*; также свидетельство Г.В.Адамовича (Звено. 1923. №32), цит. в: *Никольская Т. <Послесловие к публ.: О Вагинове...>. С.72. К истории отношений Вагинова с Лукницким см. его дарственные надписи: на сборнике «Путешествие в Хаос»: «Павлику Лукницкому – вернувшийся из Хаоса Вагинов. 15/1 <19>25», на сборнике стихотворений 1926 года – «Павлу Николаевичу Лукницкому, хранителю храма Гумилева. Вагинов. 26/III <19>26»; в книжном собрании Лукницкого сохранился и другой экземпляр «Стихотворений» Вагинова с вложенной туда запиской: «Читал вместе с Ахматовой, – замечания на полях и отчерки сделаны ее рукой. ПЛ» (*Книги*).*

⁶⁰ Николай Леопольдович Браун (1902–1975) – поэт, переводчик. Печатался с 1923 в ленинградских газетах и журналах, входил в группу «Мастерская слова» (существовала, вероятно, до 1925; в ноябре 1925 Лукницкий упоминает о ее «бывш<их> членах», см.: *Acumiana I*. С.282); в нее входили Н.П.Вагнер, М.И.Комиссарова, П.Н.Лукницкий, Г.Э.Сорокин). Член ЛО ВСПоэтов с 1924. К 1928 – автор стихотворных сборников «Мир и мастер» (Л., 1926) и «Новый круг» (Л., 1928); всего – более 30 поэтических книг. В речи на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934) назвал Гумилева в числе «враждебных нам поэтов» (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М., 1990 (репринт изд.: М., 1934). С.648). Выступал вместе с Ахматовой 2 апреля 1946 в Колонном зале Дома Союзов в Москве. Автор стихотворения «Анне Ахматовой» (1966). См. упоминания о нем в «Acumiana» и «Записных книжках» Ахматовой последних лет.

⁶¹ Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955) – поэт, переводчик (Гос. премия СССР 1946 года за перевод «Божественной Комедии» Данте), автор работ по теории перевода. Член «Цеха поэтов», симпатизировавший в 1910-е акмеистам, на всю жизнь сохранил дружеские отношения с Ахматовой (о нем мемуарные заметки Ахматовой «Лозинский», см.: *Ахматова А.А.* Соч.: В 2 т. Т.2. М., 1999. С.138-143), редактор ее ранних сборников, адресат ряда ее стихотворений; подробнее см.: *Платонова-Лозинская И.* Летом семнадцатого года...: О дружбе А.Ахматовой и М.Лозинского // *Лит. обозрение*. С.64-66. Автор поэтического сборника «Горный ключ» (1916, 1922); дарственную надпись Ахматовой на издании 1922 года см.: *Летопись*. Ч.2. С.52. В 1914–1938 работал в Публичной библиотеке (главный библиотекарь, консультант, заведующий отделом изящных искусств; подробнее см.: Сотрудники Российской Национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т.1: Императорская публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С.327-329 (статья М.Д.Эльзона); *Чуковская. Т.2*. С.289-290). В 1920–1930-е несколько раз подвергался непродолжительным арестам: в августе 1921, в 1927 (об этом см.: <*Телетова Н.К.* Примечания к публ.> *Оношкович-Яцына А.И.* Дневник 1919–1927 // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып.19. М.; СПб., 1996. С.451-452), в 1932. К истории отношений Лозинского с Лукницким см. его дарственную надпись на журнале «Гиперборей» (1913. №9-10, ноябрь–декабрь): «Павлу Николаевичу Лукницкому с приветствием его благородному труду. М.Лозинский. 18.V.1924», а также подаренные им в 1920-е Лукницкому книги Т.Готье «Эмали и камни» (Пер. Н.Гумилева. СПб., 1914), М.Зенкевича «Четырнадцать стихотворений» (Пг., 1918), а также комплект журнала «Гиперборей» за 1912–1913 (*Книги*).

⁶² Елена Яковлевна Данько (1898–1942) – художница (на Ленинградском фарфоровом заводе – до 1924), детская писательница (в том числе пьесы для кукольных театров), член ЛО ВСП, вела в нем общественную работу (комиссия по проведению субботников), входила в «Ассоциацию неоклассиков»; автор цикла стихотворений «К Ахматовой» (опубл.: Об Анне

Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания. Л., 1990. С.115-118); ей принадлежат наброски портрета Ахматовой (РО ИРЛИ. Ф.679. Ед.хр.20), в 1930-е написала несколько искусствоведческих работ по истории русского искусства и литературы XVIII века. См.: *Тименчик, Лавров*. С.65. Подробнее о ней см.: *Павлова*. С.190-196.

⁶³ Надежда Константиновна Радлова (урожд. Плансон, в первом браке Шведе; 1894–1944) – художница, с конца 1923 – жена художника Н.Э.Радлова (1889–1942), автор портрета Н.Гумилева (1919–1920. См.: *Лукницкий–Горнунг*. С.545; ср., однако, замечание о том, что портрет был сделан «в последние месяцы перед арестом поэта и трагическим его концом»: *Наппельбаум*. С.146). Подробнее о ней: *Дмитренко*. С.118-119; *Наппельбаум*. С.67-68, о судьбе портрета – Там же. С.146; воссозданный Ф.Л.Вязменской портрет – Там же (вклейка между с.128 и 129).

⁶⁴ Наталия Викторовна Гуковская (урожд. Рыкова; 1897–1928) – жена Г.А.Гуковского, подруга Ахматовой. Литературовед, с 1923 – научный сотрудник Публичной библиотеки (Ахматова помогла ей при устройстве на работу, см.: *Acutiana II*. С.251). Подробнее о ней см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т.2: 1918–1930. СПб., 1999. С.225 (статья М.Д.Эльзона); *Лукницкий–Горнунг*. С.559, а также: *Acutiana* (по указ.). Ей посвящено стихотворение Ахматовой «Все расхищено, предано, продано...» (1921); на путанице его адресата с Н.С.Рыковой, женой председателя Совнаркома А.И.Рыкова основано курьезное толкование Н.Осинским этого стихотворения как революционного (*Осинский Н. Побег травы: Заметки читателя // Правда*. 1922. 4 июля. С.3); см. об этом: <*Курт А.В., Поливанов К.М.* Комментарий к:> *Чуковский К.* Из воспоминаний. Из дневника // *Воспоминания*. С.690.

⁶⁵ Свод свидетельств об отношениях Ахматовой и Сологуба (их знакомство состоялось в 1910) см.: *Тименчик, Лавров*. С.53-58; *Acutiana* (по указ.); *Рубинчик*. С.187-189. Сохранился текст выступления Ахматовой на праздновании 40-летия литературной деятельности Сологуба 11 февраля 1924 в Александринском театре:

Дорогой Федор Кузьмич!

Петербургские поэты хотели бы выразить Вам <вставлено: сегодня> свою безграничную [благодарность] признательность. Никогда Вы не были для них только наставником в ремесле и образцом для литературных подражаний; Вы были и Вы будете всегда чем-то бесконечно большим: высоким примером, высоким воплощением поэзии. У Вас не только учились писать стихи, у Вас учились быть поэтом. Вот почему поэты полюбили Вас; они полюбили Ваш мир, тот, который Вы создали – беззаконный, хрупкий и волшебный; они верят в него, они знают, что в нем правда и что она сильнее всякой действительности. И они приносят Вам не холодное восхищение, не профессиональную дань Вашему несравненному мастерству, но иную глубокую веру, иное, безусловное согласие. Всему неисчер-

паемому богатству Вашего искусства, всему, что в нем не перестанет радовать, волновать и мучить, всему что в нем живет и будет жить, они хотели бы ответить сегодня своей благодарностью и своей любовью.

(Коллекция)

На обороте листа помета Лукницкого: «Слово, сказанное А.Ахматовой на юбилее Ф.Сологуба. [подарено мне А.А. 8.XII.1927 утром в Мр. Дв., при разборе бумаг]». Накануне, 7 декабря 1927, состоялись похороны Сологуба. Текст был записан самим Сологубом и, вероятно, был подарен Ахматовой О.Н.Черносвитовой (предположение М.М.Павловой). Подробнее о чувствовании Сологуба в 1924 см.: Ф.Сологуб и Е.И.Замятин. Переписка С.391-392.

⁶⁶ Данилов – неустановленное лицо.

В промежутке между этой записью и следующей:

9 февраля – «На открытом заседании Совета Художественного отдела 9 февраля 1928 г. Н.Н.Пуниным сделан доклад: “Выставка <Н.А.>Удальцовой и <А.Д.>Древина и пути современного искусства”, вызвавший оживленный обмен мнений» (Отчет Государственного Русского музея за 1928 год. Л., 1928. С.9).

17 февраля – Ахматова переводит А.И.Гумилевой в Бежецк 30 рублей (испорченный бланк см.: Коллекция);

18 февраля – общее годовое отчетное и перевыборное собрание ЛО ВСПоэтов. На нем, в частности, Лукницкий был утвержден техническим секретарем организации (*Протоколы общих собраний... поэтов*). Сообщение о собрании см.: В литературных организациях: Хроника // Ленинградская правда. 1928. №4, 25 февраля. С.8 (Лит. прилож.).

25 февраля – приглашение Ахматовой на Торжественное заседание, посвященное 10-летию Красной Армии и Красного Флота (Дом научных работников – Мойка, 94), за подписью ответственного секретаря Секции научных работников Ленинградского отделения профсоюза работников просвещения СССР В.Зеленко (*Коллекция*).

⁶⁷ Николай Андреевич Тырса (1887–1942; скончался по дороге в эвакуацию) – график, живописец. В 1960-е, в который раз упорядочивая свою иконографию, Ахматова неизменно помечает три своих портрета работы Тырсы, датированных 1927 (ЗК. С.602, 707, 729). Всего Тырсе принадлежит восемь портретов Ахматовой 1926 и 1927 годов и шесть – 1928 года (см.: Анна Ахматова в портретах современников: Интернет-каталог <http://www.collections.spb.ru/akhmatova/catalog1/catalog.htm>). В 1928 Тырса – сотрудник Русского музея, Ленинградской редакции детского отдела Госиздата. «Пунин был дружен со многими художниками, но, пожалуй, теснее и ближе всех с Николаем Андреевичем Тырсой» (*Петров*. С.215).

⁶⁸ Владимир Васильевич Лебедев (1891–1967) – график, живописец. Активный сотрудник Ленинградской редакции детского отдела Госиздата. Автор коллажа со стихотворением Ахматовой «Сразу стало тихо в доме...» (начало 1920-х), воспроизведен: *Маркаде Ж.-К.* Ахматовский коллаж Владимира Лебедева // Русская мысль. 1989. 23 июня. С.VII (Лит. прилож.).

⁶⁹ Лев Александрович Бруни (1894–1948) – художник, график, друг Пунина; брат Н.А.Бруни, входившего в первый «Цех поэтов». Автор акварельного портрета Ахматовой (1922; см.: *ЗК*. С.602) и портрета О.Мандельштама (1916). Один из адресов, где собирался «Цех поэтов», – квартира отчима Л.А.Бруни, помощника хранителя музея Академии художеств С.К.Исакова (Академия художеств, кв. 5). О семье Бруни и собраниях художников в их доме во второй половине 1910-х см., в частности, мемуарную заметку Н.Н.Пунина «Квартира №5» (*Пунин*. С.105-106); полностью опубл.: *Панорама искусств*. Вып.12. М.; Л., 1989.

⁷⁰ «В 1920-х годах <...> в одном из ленинградских художественных кружков сложилась следующая традиция: Н.А.Тырса, Н.Н.Пунин, В.В.Лебедев, Н.Ф.Лапшин и А.Ф.Пахомов каждую неделю собирались друг у друга для принципиальных бесед об искусстве. <...> В тридцатых годах эти встречи стали редки, а в последние предвоенные годы совсем прекратились. Молодость участников кружка миновала, и жизненные пути их далеко разошлись» (*Петров*. С.220). См. также: *Пунина И.Н.* «Под кровлей Фонтанного Дома...» // Попова Н.И., Рубинчик О.Е. Анна Ахматова и Фонтанный дом. СПб., 2000. С.139.

⁷¹ Токсово – курортный поселок под Ленинградом.

⁷² Вероятно, имеются в виду сестры Антонина (Тотя) и Мария (Муся) Изергины. Антонина Николаевна Изергина (1906–1969) – искусствовед. В 1923 окончила Симферопольский общеобразовательный техникум, приехала в Ленинград и поступила на изобразительное отделение *ВКИ*, однако из-за болезни вынуждена была уехать в Крым, по возвращении откуда в январе 1926 продолжила учебу на курсах (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.266). Ученица Н.Н.Пунина, сотрудница Эрмитажа, специалист по западноевропейской живописи. В 1920-е – жена К.И.Шейдта (химик, в середине 1920-х – ассистент Крымского педагогического университета), затем И.А.Орбели. Многолетняя знакомая Ахматовой. О ее романе с Пуниным в 1931 см.: *Чуковская*. Т.1. С.399-400 (Из «Ташкентских тетрадей», 1942). Мария Николаевна Изергина (1904–1998) – певица, пианистка.

⁷³ О Н.Н.Пунине см. примеч. 105 к разделу I.

⁷⁴ Кирилл Николаевич Лукницкий (1904 – после 1935; репрессирован) – экономист, брат П.Н.Лукницкого. Комсомолец с 1923, всегда бывший для Лукницкого «образцом воли, честности и идейности» (*Перед тобой земля*. С.111). В конце 1932 арестован, в 1933 сослан на три года в Ташкент, в 1935 арестован вторично. Подробнее о нем см.: Там же. С.111-112.

⁷⁵ Имеются в виду составленные Лукницким «Труды и дни Николая Гумилева», занявшие два тома: 1886–1917и 1918–1921 (*Коллекция*).

⁷⁶ Виктор Андроникович Мануйлов (1903–1987) – литературовед, критик, профессор Ленинградского университета, автор многочисленных работ о творчестве Лермонтова. Ему принадлежат воспоминания «Записки счастливого человека» (СПб., 1999) и поэтический сборник «Стихи разных лет. 1921–1983» (Л., 1984); разбор юношеских стихов Мануйлова см. в письмах к нему С.Н.Покшишевского (РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова) – в свою

очередь, Мануйлов посвятил Покшишевскому стихотворение «Художнику». Автор мемуаров об Ахматовой (полный текст: *Мануйлов*. С.295-315), стихотворений «Памяти А.А.Ахматовой» (1966) и «Анне Ахматовой» (1980). См. также дарственную надпись Ахматовой на ее сборнике «Из шести книг» (Л., 1940): «Дорогому Виктору Андрониковичу Мануйлову – на память о наших общих хлопотах о людях – дружески. Анна Ахматова. 1 ноября 1945» (РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова).

Жена Мануйлова – Лидия Ивановна Сперанская. До знакомства с Мануйловым работала в Библиотеке им. В.И.Ленина в Москве. Их свадьба состоялась 19 февраля 1928 в Знаменской церкви Детского Села, там же, где незадолго перед этим и свадьба Вс. Рождественского; рассказ об этом см.: *Мануйлов*. С.274, 278. См. также примеч. 6 к разделу V.

По-видимому, Лукницкий узнал о Мануйлове из письма к нему В.Рождественского от 23 июня 1926: «Дорогой Павлик! Вчера был в Геленджике <...>. Здесь нашел Мануйлова (издатель альманаха “Норд”, бакинский студент), который весьма похож на тебя не только возрастом, разговорами, но и литературными интересами» (опубл.: *Перед тобой земля*. С.65). Встреча Мануйлова и Лукницкого состоялась 21 июля 1926 в Геленджике; вот описание Лукницкого, данное Мануйловым: «Наше внимание привлек молодой человек, удивительно похожий на портреты императора Павла, с той только разницей, что лицо юноши было привлекательно и полно жизни и доброжелательства. <...> Мы быстро подружались. Лукницкий оказался интереснейшим человеком. Он обладал удивительной памятью, знал наизусть и охотно читал множество стихотворений не только современных поэтов, был очень общителен и легко сходил с людьми» (*Мануйлов*. С.257-258); см. также далее о совместном пребывании в Геленджике, общих творческих начинаниях и дальнейших отношениях с Лукницким, толчком к которым послужило совместное участие в альманахе «Норд» (Баку, 1926). В книжном собрании Лукницкого имеется экземпляр «Норда» с дарственной надписью Мануйлова: «Дорогому Павлу Николаевичу Лукницкому в напомяние о Черноморских скитаниях и веселых ветрах лета 1926 года. Виктор» (*Книги*). О Мануйлове, очевидно, идет речь в черновике письма Лукницкого Ахматовой от 12 августа 1928 из Геленджика: «Вы только подумайте, что здесь со мной делают: сегодня местные литераторы (есть такие!) устраивают “вечер стихов Лукницкого”. Ведь это невыносимо до предела и смешно и глупо» (*Коллекция*).

Через Лукницкого Мануйлов осенью 1927 познакомился с Ахматовой; ей он, в частности, обязан знакомством с П.Е.Щеголевым, которое вскоре переросло в сотрудничество. Не исключено, что между Лукницким и Мануйловым было определенное, пусть шуточное, соперничество за внимание Ахматовой; см. в письме Пунина Лукницкому от 1 сентября 1927 на юг: «Мануйлов сидит на диване и с жаром разговаривает о “Графе Нулине” и “Онегине”, по-моему, это серьезный соперник и зря Вы его сюда посылали. До Вашего приезда обещаю уберечь, а там уж смотрите сами. Пушкинчанцев вообще следует попридержать, почва слишком благодатная!..» (*Перед тобой земля*. С.321).

⁷⁷ Очевидно, Ахматова присутствовала не только на венчании, но и на праздничном обеде. См.: Мануйлов. С.274.

⁷⁸ Мать В.А.Рождественского – Анна Александровна Рождественская (урожд. Казанская; ?–1942); погибла в блокаду), см. о ней: *Рождественский В.А.* Страницы жизни. Изд. 2-е. М., 1974. С.38-51.

⁷⁹ Ирина Павловна Рождественская (Стуккей; 1906–1979) – вторая жена Вс. Рождественского (в 1928 и далее с 1936). О ней и их браке см., в частности: Мануйлов. С.273, 278.

⁸⁰ Михаил Матвеевич (1897–1960) и Татьяна Матвеевна (Тата) Казмиचовы (Казмичевы; написание у него и у нее варьируется) – поэты, переводчики. М.Казмичов происходит «из провинциальной разночинной интеллигенции» (*Анкеты... писателей*). Он, его сестра Татьяна и брат Юрий (1907–1980) были детьми нотариуса и литератора Матвея Матвеевича Казмичова, племянниками юриста и литератора Павла Петровича Казмичова, писавших под псевдонимами, соответственно, М.Скальдов и М.Борецкий (в 1914 в Новочеркасске вышла их драма «На богатырском распутье», в 1919 там же – стихотворный сборник П.П.Казмичова «Ковыльный сказ»). В 1910–1920-е жили в Ростове-на-Дону и Новочеркасске («ростовская молодежь», по определению Лукницкого. – *Acutiana II*. С.317, запись от 21 ноября 1927). Сохранились их рукописные журналы 1916–1928 годов, оформленные Ю.Казмичовым (по профессии художник, график), со стихами и рассказами: однодневный рождественский журнал «Огни елки» (25 декабря 1916), «Декабрьские сборники» 1918 и 1928 годов (вероятно, были ежегодными), «Синяя лампа» (Ростов, 1924), «Журнал любителей искусства» (июнь 1921 – «второй год издания»), а также машинописный сборник из 10 стихотворений Казмичова с предисловием В.Луизова (см.: РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова). Кроме того, известно и о рукописном сборнике М.Казмичова «Стихи: 1924–1926», подаренном М.А.Фроману (собрание А.Л.Дмитренко).

Вместе с П.П.Казмичовым М.М.Казмичов входил в редколлегию неосуществленного стихотворного сборника «Жатва», который замышлялся в Ростове-на-Дону; впоследствии его материалы перешли в альманах «Норд», вышедший в Баку в 1926, об этом см.: Мануйлов. С.127-128, 170, 253-254. В переписке М.М.Казмичова с В.А.Мануйловым, в частности, упоминается о гипотетическом участии в «Норде» Ахматовой: «Когда писал Рождественскому, большое было искушение попросить через него стихов у Ахматовой и Тихонова, но отринул самоуправство» (письмо Казмичова Мануйлову от 29 октября 1925. – РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова). Вероятно, в 1926–1927 М.М. и Т.М. Казмичовы переехали в Ленинград. М.М.Казмичов учился на историко-филологическом и юридическом факультетах Ленинградского университета; не окончил последнего курса; некоторое время работал в библиотеках, в 1929 готовил к печати сборник стихотворений (*Анкеты... писателей*). До 1942 жил в Ленинграде, после войны – в Москве. В 1930–1950-е выпустил несколько переводов П.Кальдерона (драма «Саламейский алькальд» (1939) вышла под ред. М.Л.Лозинского) и А.Морето-и-Каванья; о его переводческой деятельности см. во вступ. ст. Е.Колат к одной из немно-

гих публикаций его стихов: День поэзии. 1969. М., 1969. С.279-280. Значительное количество его оригинальных стихотворений (самые ранние – 1904) сохранились в архиве Мануйлова (РО ИРЛИ). По свидетельству Мануйлова, поэзию Казмичова ценили Ахматова, Мандельштам, Волошин, Пяст (о том, что у Казмичовых «Пяст бывает ежедневно», см.: *Acumiana II*. С.318). Особую роль в судьбе Казмичова сыграли его дружеские отношения с Вс. Рождественским: специально для Казмичова, «умного садовника гиперборейских роз и милого друга», Рождественский переписал свою первую книгу стихов «Лето» (Музей Ахматовой. Ф.5. Оп.1. Д.44) и другие свои произведения; в письме Казмичову от 19 ноября 1926 он писал: «Вы поэт настоящий и тонкий <...>. Стихи Ваши я понимаю до конца и люблю <выделено Рождественским>» (РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова); в письме от 27 февраля 1927: «...мы люди единой культуры, позволяющей нам часто понимать друг друга с полуслова» (Музей Ахматовой. Ф.5. Оп.1. Д.45. Л.1). Благодаря хлопотам Мануйлова Казмичов был принят в ЛО ВСПоэтов (конец 1926). Казмичов поддерживал хорошие отношения и с М.А.Волошиным, гостил у него (по крайней мере, в 1930) в Коктебеле, посвятил ему несколько стихотворений. Одно из них («И мне явился лик твой львиный...», 27 июня 1930) опубликовано В.П.Купченко (*Волошин М. Жизнь – бесконечное познание: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения*. М., 1995. С.489-490; *Образ поэта. Максимилиан Волошин в стихах и портретах современников*. Феодосия – Москва, 1997. С.92-93). О М.М.Казмичове см. также: *Басалаев*. С.426-427.

Т.М.Казмичева – автор книги «В садах Саади: Стихи, басни, переводы» (1945) и нескольких книг переводов с таджикского для детей (все известные нам книги вышли в 1940-е в Сталинабаде). Большая подборка стихотворений Т.Казмичевой сохранилась в архиве Мануйлова; там же – обширная семейная переписка Казмичовых и их многолетняя переписка с Мануйловым.

⁸¹ Мария Борисовна Кеммер (1906–1928). Выросла в Новочеркасске, с ранней юности была знакома с В.А.Мануйловым, его сестрой Н.А.Мануйловой, С.Н.Покшишевским (см. о нем примеч. 23 к разд. II), его сестрой Татьяной. В 1923 поступила на агрономический факультет Донского института сельского хозяйства и мелиорации (предпочла его педагогическому техникуму, желая получить высшее образование; ее отец Б.Н.Кеммер много лет преподавал в этом институте), однако учебой в нем тяготилась (из ее письма В.А.Мануйлову от 28 февраля 1925: «...мне совершенно не интересно достоинство кормов, улучшение пород животных, определение сортности пшеницы и т. д.»). – РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова). В декабре 1924 приехала в Ленинград, пробыла здесь полтора месяца (восторженное описание города см. в ее письме Мануйлову от 28 февраля 1925. – Там же), осенью 1925 переехала в Ленинград, поступила на изобразительное отделение ВКИ (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.119). Начавшийся, по-видимому, зимой 1924–1925 роман с С.Н.Покшишевским был сопряжен с трудными отношениями Покшишевского с его первой женой Феофанией

(Фаней), – их дочь Галина родилась в феврале 1925. Некоторая тень неодобрения М.Кеммер была, видимо, и со стороны Мануйлова («...ты близко стоишь ко всему этому, хотя многое понимаешь неверно», – пишет ему Покшишевский 26 марта 1926. – РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова). Тем не менее союз М.Кеммер и Покшишевского был прочным и счастливым («...наши пути уже давно идут вместе, и о М<ане> я могу сейчас говорить только как о самом близком и дорогом мне человеке». – Там же), и ее самоубийство – 28 января 1928 в Челябинске она бросилась под поезд – было неожиданным; об этом говорит и записка Покшишевского Мануйлову на почтовой карточке от 3 февраля 1928 с сообщением о ее смерти (Там же).

Лукницкий входил в число немногих ленинградских друзей и гостей Покшишевского и Кеммер в 1926–1927. См. в письме Покшишевского Мануйлову от 31 декабря 1926 – 2 января 1927: «Нас мало кто посещает – был как-то Павлик Лукницкий, вчера была Нина <Мануйлова>, но все это как-то случайно, определенной “компании” <...> нет и это меня часто гнетет»; «У Лукницкого слышал Гумилева, он меня сильно взволновал» (Там же).

⁸² Подробнее этот визит описан: *Мануйлов*. С.274–275. Софья Андреевна Толстая-Есенина (в первом браке Сухотина; 1900–1957) – внучка Л.Н.Толстого, дочь А.Л. и О.К. Толстых, с весны 1925 – жена С.А.Есенина; собирала литературное наследие Есенина. Приятельские отношения с Ахматовой сохранялись и в 1930-е, см.: *Летопись*. Ч.2. С.138 (записи Ахматовой в ее альбоме 1932 года); Ч.3. С.28, 47. Отношение Ахматовой к С.А.Есенину см.: *Асумиана I*. С.37, 312 и др.; *Асумиана II*. С.339–340; см. также: *Чуковская*. Т.2. С.645; *Рубинчик*. С.193–194.

⁸³ Речь идет о выставке «Искусство национальностей СССР», организованной Федерацией писательских организаций и Государственной Академией художественных наук (ГАХН) к 10-летию Октябрьской революции и открытой 4 ноября 1927 в Москве, в Доме Герцена (Тверской бульвар, 25).

⁸⁴ Нина Андрониковна Мануйлова (1906 – нач. 1980-х) – сестра В.А.Мануйлова. Работала библиотекарем в библиотеках Ленинградского университета.

⁸⁵ Записи Лукницкого о похоронах Есенина см.: *Коллекция*; Музей А.А.Ахматовой в Фонтанном доме. Опул.: Глазами очевидца / Подгот. текста В.К.Лукницкой // Аврора. 1988. №2. С.40–44. Свидетельства Лукницкого можно сопоставить со сводом эпистолярных и дневниковых отзывов на смерть Есенина, приводимых В.А.Мануйловым (*Мануйлов*. С.129–140); имя Лукницкого здесь не упоминается. В этой связи интересна реакция Лукницкого на воспоминания Вс. Рождественского о первых днях после смерти Есенина, в которых имя Лукницкого также опущено (см.: *Полян, Нерлер*. С.188).

⁸⁶ «Гондла: Драматическая поэма в 4 действиях» Н.С.Гумилева впервые опул.: Русская мысль. 1917. №1. С.67–97. Первое отд. изд.: Берлин: Петрополис, 1923.

⁸⁷ См.: «Через неделю после нашей свадьбы, 26 февраля <1928>, в воскресенье, Анна Андреевна впервые посетила нас и охотно бывала потом»

(Мануйлов. С.298). О многолетних дружеских отношениях Мануйлова и Рождественского см.: Мануйлов. С.253-290 («Всеволод Александрович Рождественский»).

⁸⁸ Анна Николаевна Гумилева (урожд. Энгельгардт; 1894 или 1895 – 1942; погибла в блокаду) – актриса, вторая жена Гумилева (с 1918). О ней см.: Анна Энгельгардт – жена Гумилева. По-видимому, Лукницкий познакомился с ней в 1924.

⁸⁹ «Отравленная туника: Трагедия в 5 действиях» впервые опубликована Г.П.Струве: Гумилев Н. Отравленная туника и другие неизданные произведения. Нью-Йорк, 1952.

⁹⁰ К сожалению, сведений об Ольге Николаевне Олаф найти не удалось.

⁹¹ Пиленко София Борисовна (урожд. Делоне; 1863–1962) – мать Е.Ю.Кузьминой-Караваевой (урожд. Пиленко; 1891–1945, Равенсбрюк), теща Д.В.Кузьмина-Караваева, жила в 1911 на Малой Московской ул., д. 4.

⁹² Имеются в виду 1) Константин Константинович Кузьмин-Караваев (псевд. К.Тверской; 1890–1944?) – драматический актер, режиссер, театральный критик, близкий знакомый Л.Д.Блок и 2) Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев (1886–1959) – юрист, историк, «стряпчий», он же «казначей» «Цеха поэтов»; о нем, например: Пяст. С.307 (коммент.). Блок часто встречался с ним осенью 1911 – весной 1912 (дарственные надписи Блока этого времени см.: Блок. Т.3. С.93). П.Н.Медведев, оговорив в предисловии, что в книге выпущено «все, что касается чисто личных отношений поэта к его супруге» (*Дневник Ал. Блока*. С.13), последовательно изъясил все фрагменты с упоминанием К.К.Кузьмина-Караваева, а Д.В.Кузьмина-Караваева, за исключением тех случаев, когда инициалы не оставляли сомнений, заменил знаком ***. Догадки Лукницкого о возможных причинах подобной редакции см.: *Acumiana I*. С.319.

⁹³ Точная дата рождения акмеизма – ноябрь 1912. Обоснование датировки см.: Черных В.А. Блоковская легенда в творчестве Анны Ахматовой // Серебряный век в России: Избранные страницы. М., 1993. С.288-291: первое употребление Гумилевым слова «акмеист» по отношению к С.М.Городецкому в рецензии на его сборник «Ива» (Аполлон. 1912. №9; Гиперборей. 1912. №2), тогда же появление термина «акмеизм» в критике и т. д. Однако Ахматова регулярно относила возникновение акмеизма к концу 1911 (точнее – осень) – «на 3–4<-м> собрании Цеха» (ЗК. С.82, 131, 452, 612). 1911 год как ту «грань развития русской поэзии, с которой начинается школа акмеизма», называет и С.М.Городецкий (цит. по: *Тименчик Р.Д.* Заметки об акмеизме. <I> // *Russian Literature*. 1974. V.7/8. P.24; в другом месте, однако, Городецкий указывает 1913, видимо, имея в виду опубликование манифестов, – ср.: P.29). Манифесты акмеизма Н.Гумилева и С.Городецкого опубликованы в журнале «Аполлон» (1913. №1).

⁹⁴ Вечер, назначенный на 13 декабря 1912, был перенесен на февраль 1913, но так и не состоялся. Основание для двойного/ошибочного прочтения крылось, в том числе, в самом тексте Блока: «Люба просит написать ей

монолог для произнесения на судейкинском вечере в “Бродячей собаке”...» (*Дневник Ал. Блока*. С.118). Николай Николаевич Сапунов (1880–1912) – живописец, театральный художник. Утонул в Териоках 14 июля 1912.

⁹⁵ Отношение Ахматовой к дневникам Блока см., например: *ЗК*. С.671; *Чуковская. Т.1*. С.40, 184, 414. Ср. также: «Блок был совсем не похож на свои стихи...» (Там же. С.77).

⁹⁶ Осень – зима 1911 – период большого влияния Клюева на Блока (см., например, записи от 17 октября и 27 ноября 1911: *Дневник Ал. Блока*. С.18, 46 и дальнейшие записи). О Блоке и Клюеве см.: Письма Н.А.Клюева к Блоку / Вступ. ст., публ. и коммент. К.М.Азадовского // *Блок*. Кн.4. С.427–523.

⁹⁷ Грааль-Арельский (наст. имя Стефан Стефанович Петров; 1888, по другим сведениям: 1889 – 1938?, репрессирован) – поэт, прозаик. В 1911 выпустил первый сборник стихотворений «Голубой ажур», пришел с ним к Блоку. После первого неприятного впечатления от псевдонима и внешности визитера в дневнике следует подробная запись его рассказов (в публикации Медведева Грааль-Арельский отмечен ***), переходящая в размышление: «Все-таки хорошая, хорошая молодежь. Им трудно, тяжело чрезвычайно. Если выживут, выйдут в люди» (*Дневник Ал. Блока*. С.43). В книжном собрании Лукницкого имеется книга Грааль-Арельского «Голубой ажур: Стихи» (СПб., 1911), вышедшая под маркой «Цеха поэтов» и относящаяся к недолгому периоду сближения автора с акмеизмом; на ней дарственная надпись: «Анне Андреевне Ахматовой. Автор. 20-III-1912» и помета Лукницкого: «Подарено А.А. 5/XII.1929» (*Книги*). Состоял в ЛЮ ВСПоэтов с 1924. В 1920-е считал себя последователем Рене Гиля, исповедовал сциентизм. Служил редактором в издательстве «Прибой», затем в Госиздате (*Анкеты... поэтов*). Подробнее о его литературной деятельности в 1920-е см.: *Бернев С., Гендриков В.* Грааль-Арельский – поэт минувшего // *Распяты*. 5. С.166–169.

⁹⁸ Георгий Владимирович Иванов (1894–1958) – поэт, прозаик, мемуарист. Блок не принял его 29 декабря 1911 (*Дневник Ал. Блока*. С.63). Запись разговора с Г.Ивановым – одна, от 18 ноября 1911 (Там же. С.42). Дополнительным раздражителем для Лукницкого, вероятно, послужило примечание П.Н.Медведева: «Поэт, ученик Н.Гумилева» (Там же. С.219). Ср. также слова Ахматовой в передаче Лукницкого: «Жора <Г.Иванов> допускался к Блоку один раз в год. Так уж было заведено: раз в год он звонил Блоку и просил разрешения прийти. Блок разрешение давал, и Жора шел к нему» (*Асиміана I*. С.289).

⁹⁹ Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) – поэт, прозаик, критик; наряду с Гумилевым один из «синдиков» «Цеха поэтов» и основателей акмеизма. В дневнике Блока есть только одна дружественная запись о нем – от 17 октября 1911 и беглое теплое упоминание Городецкого в записи от 29 сентября того же года. В остальных случаях записи о Городецком либо слишком коротки, либо выражают, по меньшей мере, двойственное отношение Блока к нему. См. об этом: Переписка <А.А.Блока> с А.А. и С.М. Го-

родецкими / Вступ. ст. и публ. В.П.Енишерлова; Комментар. В.П.Енишерлова и Р.Д.Тименчика // *Блок*. Кн.2. С.5-62. О деятельности Городецкого в 1920-е и свод свидетельств об отношении Ахматовой к Городецкому см.: *Рубинчик*. С.197-199.

¹⁰⁰ В замечании в скобках, вероятно, надо видеть отражение мнения Ахматовой.

¹⁰¹ Вопрос о своевременности публикации дневника Блока, как и принципы его редактирования, обсуждаются в предисловии Медведева (*Дневник Ал. Блока*. С.7-17) в той же последовательности, в которой спорит с ними Лукницкий.

¹⁰² В докладе Лукницкого на заседании Совета ФОСП 29 февраля 1928 говорилось:

За 1½ месяца, с 1-го октября 1927 г. (с момента своей организации) по 15-е февраля (включительно) 1928 г., Литбюро организовало и провело 46 литературных вечеров и вечеров рабочей критики в районах, клубах, вузах и учреждениях г. Ленинграда и области. В литературных вечерах приняли участие 55 писателей, поэтов и критиков – членов ФОСП, сделавших в общей сложности 134 выступления, из которых 101 было платным, а 33 выступления – бесплатных.

Примечание: За время с 15 февраля по 28-е февраля включительно было проведено еще 10 лит<ературных> вечеров, на которых было сделано 26 выступлений.<...>

Помимо указанного, Литбюро организовало еще 42 выступления, которые не состоялись, причем 33 из них не состоялись вследствие отмены литературных вечеров делавшими на них заявку организациями, а 9 – вследствие отказа участников, последовавшего в последний момент, уже после переговоров с ними и получения от них согласия. <...> В порядке прений выяснилось, что работу Литбюро было вести чрезвычайно трудно: с одной стороны – недисциплинированность выступавших товарищей, с другой – неорганизованность учреждений и организаций, устраивавших литвечера. В своей работе Литбюро не имело достаточной поддержки со стороны Федерации.

<...> Выступавшие в прениях товарищи отметили слабую работу Литбюро, <во-первых,> в отношении систематического учета настроения и потребностей слушателей на вечерах, во-вторых, в отношении пропаганды литвыступлений. Высказано пожелание о передаче Литбюро в ведение Литфонда – по линии его Бюро Подсобных предприятий.

(*Протоколы заседания Совета ФОСП*.
Протокол от 29 февраля 1928.)

¹⁰³ См.: Выставки советского изобразительного искусства: Справочник. Т.1: 1917–1932. М., 1965. С.261; Каталог выставки Общества художников «4 искусства». Л., 1928 (Государственный Русский музей, Художественный

отдел). «Четыре искусства» – художественное объединение, существовавшее в 1924–1931 и объединявшее Н.А.Тырсу, Л.А.Бруни, П.В.Митурича, П.И.Львова. См. также: *Пунин*. С.284.

¹⁰⁴ По свидетельству В.Н.Петрова, «Тырса играл не только очень заметную, но и, по ряду признаков, совершенно исключительную роль в жизни ленинградского Союза художников. Он состоял членом множества художественных советов и комиссий, он появлялся на всех вернисажах, участвовал во всех творческих дискуссиях. <...> Тырса не шел на компромиссы, не поступался своими взглядами и убеждениями. Его неуступчивая принципиальность не могла не производить глубокого впечатления. Мало к кому прислушивались так внимательно, как к Тырсе, и мало кто так много влиял на общественное мнение, складывавшееся в художественной среде» (*Петров*. С.219).

¹⁰⁵ Николай Николаевич Пунин (1888–1953) – искусствовед, музейный деятель, идеолог и исследователь авангардного искусства (в частности, в 1928 вышел второй выпуск его очерка «Новейшие течения в русском искусстве» («Предмет и культура»)). Сотрудник Русского музея (1913–1933), организатор отдела новейших течений, его заведующий и хранитель (1926–1931). Преподаватель (в 1928 вел занятия с группой слушателей *ВКИ*). Третий муж Ахматовой (1922–1938; брак официально зарегистрирован не был) и адресат ряда ее стихотворений. Подробнее: *Чуковская*. Т.1. С.285–286. Среди книг Лукницкого есть два издания Русского музея с дарственными надписями Пунина: 1) «Карев» (Л., 1927), со статьей Пунина «А.Е.Карев»: «Павлику – грозе дельфинов в лето 2-го <Геленджика?>». Н.Пунин. 1926. 6 окт<ября>» («Грозой дельфинов» Пунин называет Лукницкого и в письме от 1 сентября 1927 на юг, прибавляя при этом в скобках: «узнаете стиль?») (*Перед тобой земля*. С.320); очевидно, это прозвище имело свою «домашнюю историю»); 2) «Искусство народностей Сибири» (Л., 1930): «Павлику – врагу в одних делах – по пустякам. Н.Пунин. 1929. 30 ноября».

¹⁰⁶ Эрих Федорович Голлербах (1895–1942; погиб по дороге в эвакуацию) – литературовед, искусствовед, составитель антологии «Образ Ахматовой» (<Л.>, 1925; два издания подряд; реакцию на нее Ахматовой см.: *Acutiana I*. С.87), автор двух поэтических сборников: «Чары и таинства: Тетрадь посвящений» (Пг., 1919) и «Портреты» (Л., 1926, 2-е изд. – 1930) и ряда философских работ, книги «Город муз: Детское Село как литературный символ и памятник быта» (Л., 1927; уничижительный отзыв о ней см.: *Acutiana II*. С.319) и др. В середине 1920-х заведовал художественным отделом Госиздата. Резко отрицательное отношение Ахматовой и людей ее круга к Голлербаху было вызвано тем, что он, женившись на Е.В.Колесовой, бывшей второй женой С.В. фон Штейна (1882–1955), первым браком женатого на сестре Ахматовой Инне Андреевне (1885–1906), и став обладателем писем Ахматовой к Штейну, опубликовал отрывок одного из них, от 13 марта 1907 (о Гумилеве и журнале «Сириус»; адресат при этом был обозначен N.N.). См.: *Голлербах Э.* Из воспоминаний о Н.С.Гумилеве // Новая русская книга. 1922. №7. С.37–41; расширенный вариант перепеча-

тан: Гумилев 1994. С.579-592 (подгот. текста Е.А.Голлербаха, предисл. и коммент. Ю.В.Зобнина); см. также: Голлербах Э.Ф. Встречи и размышления / Сост., подгот. текста и коммент. Е.Голлербаха. СПб., 1998. С.119-129; письма Ахматовой к фон Штейну опубл.: Десять писем Анны Ахматовой / Публ., вступ. ст. и примеч. Э.Г.Герштейн // Анна Ахматова: Стихи. Переписка. Воспоминания. Иконография / Сост. Э.Проффер. Анн Арбор, <1977>. С.89-102; то же: Новый мир. 1986. №9. С.199-207. Помимо самого факта опубликования фрагмента частного письма, Ахматову возмутил общий развязный тон заметки и подбор воспоминаний; экземпляр статьи с многочисленными замечаниями Ахматовой, записанными на полях Лукницким, см.: Коллекция. История с заметкой Голлербаха стала известна Лукницкому уже в первый месяц его знакомства с Ахматовой, см.: *Asiatica I*. С.20 (декабрь 1924); в связи с темой Голлербаха см. особенно: *Asiatica II*. С.254 (запись от 20 мая 1927).

Голлербах принес Ахматовой свои извинения в письме от 14 ноября 1922:

Многоуважаемая Анна Андреевна.

П.Е.Щеголев передавал мне, что Вы очень огорчены и раздосадованы опубликованием нескольких строк из Вашего письма в моей статье о Н.С.Гумилеве.

«Разве можно делать такие вещи», говорил П.Е.<Щеголев>, добродушно прижимая меня к стене своим необъятным туловищем, – «Вы хоть извинитесь, А.А. крайне опечалена».

Извиняюсь. (Я написал это месяца два тому назад, но все носил письмо в кармане, а потом потерял.)

Я позволил себе привести несколько слов из Вашего письма, не видя в этих словах ничего «интимного» или «компрометирующего». Может быть, тут важна принципиальная сторона? Но, перефразируя Розанова, должен признаться, что я не знаю даже, как пишется принципиальность – через *и* или через *е*.

«Надеюсь, Вы не хотели обидеть А.А-ну?» (Щеголев)

В голову не приходило.

Я думаю, что эта моя неловкость по отношению к Вам есть совершенно *бессознательная* и беззлобная реакция на ту острую, темную, почти непрерывную боль, которую мне причиняет самое Ваше существование.

Оттого, вероятно, и о стихах Ваших я пишу совсем не то, что думаю (в разных статьях, по разному поводу).

Еще раз – прошу простить меня. Право, это пустяки по сравнению с вечностью. А если, по-Вашему, не пустяки, – обещаю никогда больше не цитировать Ваших писем.

У Вас ироническая улыбка. Это гораздо менее простительно. Ирония – чудовищная вещь, а в иных случаях – прямое убийство.

Э.Голлербах
14 ноября 1922

Сделав копию письма (ее дата – 14 июля 1925; см.: *Коллекция*), Лукницкий здесь же записывает суждение Ахматовой о Голлербахе, которое можно считать реакцией на данное письмо: «Э.Голлербаха А.А. считала дрянью и пошляком, относилась к нему всегда с отвращением и считала, что его не следует пускать даже на порог любого приличного дома. ПЛ»; это отношение Ахматовой закреплено как в других местах «*Acumiana*», так и в мемуарной литературе. Стоит отметить, что слова Ахматовой, переданные Лукницким в несколько усиленном варианте, практически повторяют те, которые, как пишет в своей мемуарной заметке сам Голлербах, он услышал от Гумилева после опубликования своей рецензии на альманах «Дракон» («не джентльмэн», «во всех изданиях, где вы работаете, <я> буду настаивать на том, чтобы вас не печатали, – во всяком случае, вместе со мной» (Новая русская книга. 1922. №7. С.41). Подробнее об этом конфликте Голлербаха и Гумилева см.: *Сажин В.Н.* Гумилев и Голлербах: Материалы к биографии поэта // *Русская мысль*. 1989. 23 июня. С.XIV (Лит. прилож.); *Зобнин Ю.В., Петрановский В.П.* К воспоминаниям Э.Ф.Голлербаха о Н.С.Гумилеве (Суд чести) // *Гумилев 1994*. С.592-605. Кроме рецензии на «Дракон», Голлербаху принадлежит выдержанная в «ироническом» стиле рецензия на сборник Гумилева «Шатер» (1921), по стечению обстоятельств вышедшая практически одновременно с публикацией списка расстрелянных по делу «Петроградской боевой организации» (Жизнь искусства. 1921. 30 августа; подпись «Его»), – об этом Голлербах пишет в своей мемуарной заметке.

Еще одним моментом, осложнившим отношения Ахматовой и Голлербаха, стало экспонирование материалов, относящихся к Ахматовой, как пишет Лукницкий, «без ее ведома» (*Acumiana II*. С.312-313), на выставке «Работа ленинградских писателей за 1917–1927 гг.», подготовленной к 10-летию Октябрьской революции и проходившей 7–21 ноября 1927 в ЛО Союза писателей. Голлербах был председателем выставочной комиссии. В связи с этим см. также письмо к Ахматовой за подписью К.А.Федина (тогда – председатель Правления ЛО ВСП), но инициированное, вероятно, Голлербахом, с предложением «пополнить уже имеющиеся на выставке экспонаты <...> новейшими произведениями или портретами...» (РО ИРЛИ. Ф.219).

¹⁰⁷ Вечер состоялся 5 марта в закрытом заседании ЛО ВСП (Фонтанка, д. 50, кв. 26).

¹⁰⁸ Иванов-Разумник (наст. имя Разумник Васильевич Иванов; 1878–1946) – критик, публицист, журналист. О его отношениях с Сологубом см.: *Павлова*. С.227, а также: *Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка* (по указ.).

¹⁰⁹ В собрании М.С.Лесмана (РО ИРЛИ) хранится экземпляр последнего неопубликованного сборника стихотворений Ф.Сологуба (сшитая машинопись) с карандашными пометками Ахматовой: рядом со стихотворениями, читавшимися на вечере, проставлены инициалы чтецов (М.А.Кузмина, А.Н.Толстого, М.Л.Лозинского, Н.С.Тихонова, В.А.Рождественского); сти-

хотворения, избранные Ахматовой для себя, помечены «+», и их перечень совпадает с приводимым Лукницким ниже (см. раздел «Acumiana. 1928–1929»); инициалы О.Э.Мандельштама и Е.И.Замятина в сборнике отсутствуют. Однако зафиксированная Ахматовой дата этого вечера – 5 декабря 1928 – позволяет предположить, что пометы были сделаны в связи с другим вечером, проходившим в годовщину смерти писателя, программа которого повторяла программу вечера 5 марта.

¹¹⁰ См. раздел V, запись от 4 марта 1928.

¹¹¹ Владимир Алексеевич Пяст (Пестовский; 1886–1940) – поэт, переводчик, мемуарист. Письмо Замятина Мандельштаму с приглашением на вечер см.: *Мандельштам. Письма*. С.97 (№122). В нем Мандельштам говорит о необходимости чтения на вечере не только неизданных, но и «всем известных, старых стихов» и настаивает на приглашении В.А.Пяста, «одного из самых близких по духу и поколению к Ф<едору> К<узьмичу>, *кровного поэта*». Об отношениях Пяста и Мандельштама см.: *Пяст*. С.309, 322 (коммент.). Пяст – автор стихотворения «...Здравствуй, желанная дочь...» (1913), посвященного Ахматовой, и критического отклика на «Четки» (1914). См.: *Пяст*. С.321-322 (коммент.).

¹¹² Видимо, имеются в виду не столько дефекты, сколько особенности декламации Пяста. О занятиях Пяста теорией и практикой декламации см., например: *Тименчик Р. Рыцарь-несчастье // Пяст*. С.16. Подспудно мотив пястовской декламации присутствует в стихотворении О.Э.Мандельштама «Мы напряженного молчанья не выносим...» (об этом: Там же. С.6). Особенности произношения Пяста составляли часть его поэтического облика, ср. в письме Вс. Рождественского М.М.Казмирову от 27 февраля 1927: «Пяст для меня всегда являлся лучшим воплощением (внешне!) того вечно-го облика Поэта, который завещан нам сказаниями всех народов и веков. Эта трудная спутанная речь, этот королевский профиль, этот голос умирающего Тристана, эта царственная нищета труверов и миннезингеров!» Здесь же наблюдение над отношениями Пяста и Гумилева: отмечая, что пястовское определение поэзии как особого рода душевного недуга – «теория (как бы там Пяст ни обижался), целиком зарожденная в недрах Символизма», Рождественский продолжает: «(По Гумилеву – как Вы знаете – Поэзия это только трезвые очки, улучшающие и поправляющие обычное человеческое зрение...) И Пяст при жизни Гумилева упорно его не любил. Но теперь, кажется, глаза его раскрылись. Гумилев же – помню – относился к нему с почтительностью трезвого благородного Горацио к безумному Гамлету» (Музей А.А.Ахматовой в Фонтанном доме. Ф.5. Оп.1. Д.45. Л.2-2об.).

¹¹³ В.Пяст был знаком с Сологубом с 1905 (более точная датировка обсуждается: *Пяст*. С.296 (коммент.)), часто бывал на его «воскресеньях» (см.: Там же. С.296 и др.). Во второй половине 1920-х работал над мемуарной книгой «Встречи» (М., 1929), в которой Сологубу уделено значительное место.

¹¹⁴ Борис Пильняк (наст. имя Вогау Борис Андреевич; 1894–1938, репрессирован) – прозаик. Печатался с 1909. К 1928 – автор нескольких сбор-

ников рассказов, романов «Гольый год» (Берлин; Пб.; М., 1922 и Берлин; Пб., 1922) и «Машины и волки» (Л., 1925), «Повести непогашенной лунь» (Новый мир. 1926. №5; конфискован) и многих других. Произведения 1910 – 1920-х см. в его Собрании сочинений (В 8 т. М.; Л., 1929–1930). Знакомство Пильняка с Ахматовой состоялось в 1922 в Петрограде в гостях у Замятина, об их отношениях см.: *Андроникашвили-Пильняк Б.* Два изгоя, два мученика: Б.Пильняк и Е.Замятин. С.139 и в опубликованных там же письмах Пильняка к Замятину; также: *Летопись. Ч.2* (по указ.; дарственные надписи Ахматовой Пильняку – Там же. С.65); *Масенко Т.* У Пильняка: Непубликованные страницы автобиографического романа «Вита почтовая» / Вступ. ст., публ. и примеч. Е.М.Ольшанской // *Лит. обозрение. С.73-75; Герштейн Э.Г.* Тридцатые годы // *Воспоминания. С.254; Чуковская. Т.2. С.187* (запись 29 февраля 1956) и др. В 1929, будучи председателем ВСП и московского его отделения, из-за публикации в берлинском издательстве «Петрополис» повести «Красное дерево» стал, наряду с Замятиным, жертвой первой организованной травли писателей, завершившейся разгромом Союза писателей. О реакции на эти события Ахматовой см. примеч. 21 к разделу I. Его памяти посвящено стихотворение Ахматовой «Все это разгадаешь ты один...» (1938).

¹¹⁵ Надежда Ивановна Комаровская (урожд. Секевич; 1885–1967) – драматическая актриса, играла в Художественном, Малом, Александринском, после 1917 – в Большом драматическом театрах. В 1931 оставила сцену, занималась преподавательской и режиссерской деятельностью, выступала на эстраде с художественным чтением; в 1935 получила звание заслуженной артистки РСФСР. О Н.И.Комаровской см., например, в книге ее соученицы по Школе Московского Художественного театра В.П.Веригиной «Воспоминания» (Л., 1974; по указ.); также во вступительной заметке в статье Комаровской («Искусство тчеца близко к искусству трибуна...») в сб.: О мастерстве художественного слова: Временник секции мастеров художественного слова Ленинградского отделения Всесоюзного театрального общества. Л., 1938. Вып.1. С.54. Автор ряда мемуарных очерков и книг: «О Константине Коровине» (Л., 1961) и «Виденное и пережитое» (М.; Л., 1965); в последней, в частности, описала свое знакомство и встречи с А.А.Блоком в 1916–1921 (другой вариант в кн.: Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т.2. С.334-351). См. также: *Блок. Кн.3. С.86*; упоминание о фотографии Комаровской работы М.С.Напельбаума (*Напельбаум. С.30*); приглашение на заседание коллегии «Всемирной литературы» (празднование Рождества) 7 января 1922 (*Замятин. С.494*). Одной из предыдущих встреч Комаровской и Ахматовой могла быть встреча на панихиде по Блоку 8 августа 1921 (ср.: *Комаровская Н.И.* Виденное и пережитое. С.156; *Летопись. Ч.2. С.29-30*). О Н.И.Комаровской см., например, послесловие «Об авторе этой книги» в ее книге «О Константине Коровине» (с.122-123).

¹¹⁶ Николай Николаевич Никитин (1895–1963) – прозаик. В начале 1920-х посещал студию Дома искусств, входил в группу «Серапионовы

братья». К 1928 вышла 21 его книга и два тома Собрания сочинений. Зоя Александровна Никитина (урожд. Гацкевич, в первом браке Кази; 1902–1973) – литературный редактор, секретарь издательства «Прибой» и Издательства писателей в Ленинграде, в 1920-е – жена Никитина (упоминается в связи с прохождением в Госиздате двухтомника Ахматовой; см.: *Тименчик, Черных*. С.5); впоследствии жена М.Э.Козакова. О ней в книге: *Козаков М.М.* Фрагменты. М., 1989.

¹¹⁷ Вера Александровна Сутугина (в замужестве Кюнер; 1892–1969) – секретарь издательства «Всемирная литература», после его закрытия – секретарь Ленинградского отделения Госиздата. Об ее отношениях с Ахматовой см.: *Тименчик, Лавров*. С.72-75. О В.А.Сутугиной см. вступ. ст. Т.А.Кукучкиной к публ.: Из литературного быта Петрограда начала 1920-х гг. (Альбомы В.А.Сутугиной и Р.В.Пуры) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С.348-352.

¹¹⁸ Текст данного письма Мандельштама не обнаружен.

¹¹⁹ Сергей Александрович Семенов (1893–1942) – прозаик. Активно участвовал в работе Пролеткульта, заведующий литературно-художественным отделением Ленгослитиздата, редактор альманаха «Ковш», сотрудник «Ленинградской правды» и «Красной газеты». К 1928 – автор двенадцати книг, в том числе романов «Голод» (М., 1922 и др. изд.) и «Наталья Тарпова: Кн. 1-2» (Л., 1927; <М.>, 1929 и др. изд.). О популярности последнего говорит тот факт, что в декабре 1927 пьеса по роману «Наталья Тарпова» была поставлена на сцене театра Дома печати, объявление об этом см.: Красная газета. 1927. №262, 17 ноября (утр. вып.). С.5. Произведения 1920-х см. в его Собрании сочинений (В 2 т. Л., 1925–1927); Собрании сочинений (В 4 т. М.; Л., 1928–1931). Участник трех полярных экспедиций и Советско-финляндской и Великой Отечественной войн.

¹²⁰ Григорий Александрович Санников (1899–1969) – поэт, один из основателей и руководителей литературного объединения «Кузница». К 1928 – автор четырех поэтических сборников: «Дни» (Вятка, 1921), «Лирика» (М., 1921), «Молодое вино» (М.; Л., 1927), «На память океану» (Тифлис, 1928); всего издал 17 поэтических книг.

¹²¹ Михаил Леонидович Слонимский (1897–1972) – прозаик. В начале 1920-х работал в издательстве «Всемирная литература», входил в группу «Серапионовы братья» (автобиографию 1923 года см.: *Серапионовы братья*. С.150-152). В 1926–1928 – заведовал литературно-художественным отделом издательства «Прибой». С конца 1920-х занимал видные административные посты, был секретарем Ленинградской писательской организации. К 1928 – автор восьми сборников рассказов, романов «Лавровы» (М.; Л., 1927 и др. изд.) и «Средний проспект» (М.; Л., 1928 и др. изд.). См.: *Басалаев*. С.375-376.

¹²² Борис Васильевич Анреп (1883–1969) – поэт, художественный критик (печатался в «Аполлоне»), художник-мозаичист. Адресат многих стихотворений Ахматовой. См. также примеч. 23 к разделу V.

¹²³ Сергей Федорович Буданцев (1896–1938; репрессирован) – поэт, прозаик, близкий к Лефу. Широко печатался в 1920-е, в 1928–1929 издал собрание сочинений в трех томах (М.; Л.), в 1930 начало выходить следующее.

¹²⁴ Ср.: «У него <Пильняка> дым коромыслом: Анна Ахматова [как смешно он за ней ухаживал <...>], Пунин, Никитин с женой, критик Медведев, Толстой» (из письма С.Ф.Буданцева В.Ильиной от 6 марта 1928, цит. по: *Тименчик, Черных*. С.9).

¹²⁵ Вероятно, имеется в виду Федор Михайлович Конар (Полашук; ?–1933, репрессирован). В 1923 – помощник зав. Госиздатом, зав. издательством журнала «Красная новь», председатель правления «контрагентства печати» (сообщено А.Г.Мецем). Затем – зам. наркома земледелия, председатель украинского Совнархоза; был знаком с Мандельштамом (*Мандельштам Н.Я.* Воспоминания. М., 1999. С. 480, 537).

¹²⁶ Об отношении Ахматовой к Пушкинскому Дому см., например: *Тименчик, Лавров*. С.81–82; *Тименчик Р.Д.* Анна Ахматова и Пушкинский Дом // *Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Публикации. Библиография*. Л., 1982. С.106–118. О том, что это отношение не было безоблачным, говорят другие записи Лукницкого (*Acutiana II*. С.44).

¹²⁷ Валентина Андреевна Щеголева (урожд. Богуславская; 1878–1931) – драматическая актриса, жена П.Е.Щеголева, подруга Ахматовой. Адресат стихотворения Ахматовой «Прочитание» («Господеви поклонитесь...», 1922). Записи о ней см., в частности, в *ЗК* (по указ.). См. также: *Из переписки Анны Ахматовой*. С.456. Одно из писем Щеголевой к Ахматовой (от 11 сентября 1925) см.: *Коллекция*.

¹²⁸ Александр Осипович Моргулис (1898–1938; репрессирован) – переводчик, в конце 1920-х – сотрудник Госиздата и ряда газет. Адресат и персонаж «маргулет» О.Мандельштама. Подробнее о нем см.: *Григорьев А., Петрова И.* Мандельштам на пороге тридцатых годов // *Russian Literature*. 1977. Vol.5, №2. P.189–190; *Ханцин-Моргулис И.* Воспоминания о Мандельштаме / Вступ. ст. и публ. В.Швейцер // *Вестник русского христианского движения*. 1980. №132, III–IV. С.140–144.

¹²⁹ Рыбаковы: Иосиф Израилевич (1880–1938; репрессирован) – юрист, коллекционер; Лидия Яковлевна (урожд. Гальперина; 1885–1953) – его жена, филолог; Ольга Иосифовна (1915–1998) – их дочь, в дальнейшем инженер, переводчица. И.И.Рыбаков познакомился с Ахматовой в 1922–1923 через сестер Н.Я. и Е.Я. Данько (*Рыбакова О.И.* Грустная правда // *Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания*. Л., 1990. С.224). Отношения Ахматовой с Рыбаковыми отражены: *Acutiana* (по указ.); дарственные надписи Ахматовой И.И. и Л.Я. Рыбаковым разных лет см.: *Летопись*. Ч.2. С.79, 93, 97 (из собрания О.И.Рыбаковой), 100, 140; *Летопись*. Ч.3. С.20, 24, 27, 42, 44, 107, 108.

¹³⁰ Речь идет о работе над сводом мемуарных и документальных свидетельств о поэте, в которой впоследствии принимал участие В.А.Мануйлов: *Щеголев П.Е.* Книга о Лермонтове. Вып.1–2. Л., 1929.

¹³¹ Телефонограмма: «Приехал Лева Ахматова просит приехать в Ленинград» была отправлена 26 марта, получена Лукницким на другой день (см.: *Коллекция*).

¹³² Анна Ивановна Гумилева (урожд. Львова; 1854–1942) – мать Н.С.Гумилева, жила в Бежецке, воспитывала Л.Н.Гумилева до 1929.

¹³³ Лев Николаевич Гумилев (1912–1992) – сын Ахматовой и Гумилева, впоследствии историк, культуролог.

Письма Л.Н., А.И.Гумилевых и А.С.Сверчковой из Бежецка Ахматовой и Лукницкому, а также некоторые копии писем, телеграмм и почтовых переводов Ахматовой в Бежецк за 1924–1928 хранятся в: *Коллекция*, в настоящее время готовятся к публикации А.И.Павловским в сборнике «Анна Ахматова и ее окружение». Более ранние письма Л.Гумилева Ахматовой см.: ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.1846. См. также частично опубликованную переписку 1954–1963 годов: Переписка А.А.Ахматовой с Л.Н.Гумилевым / Публ. Н.В.Гумилевой и А.М.Панченко; Вступ. ст. А.М.Панченко // Звезда. 1994. №4. С.170–188. Одно из ответных писем Ахматовой (от 4 февраля 1927) опубликовано: *Acumiana II*. С.232–233; см. там же телеграммы и приписки Ахматовой на почтовых переводах; тема переводов не раз обсуждается в «*Acumiana*». Несколько беллетризованное описание приезда Ахматовой в Бежецк в декабре 1921, когда было решено оставить Л.Гумилева у А.И.Гумилевой, и о пребывании его в Бежецке см. в беседе Л.Н.Гумилева с Л.Э.Варустиным: «Повода для ареста не давал...» (*Распяты*. б. С.71–72).

¹³⁴ В семье двоюродной сестры Н.С.Гумилева Констанции Фридольфовой (урожд. Лампе; 1861–?) и Александра Дмитриевича (1862–?) Кузьминых-Караваевых, их сына Сергея Александровича (1888–?) и невестки (?) Анастасии Густавовны Л.Гумилев, А.И.Гумилева и А.С.Сверчкова останавливались во время своих приездов в Ленинград (Фурштадтская ул., д. 11). Видимо, в письмах К.Ф.Кузьминой-Караваевой (Коти) в Бежецк передавались и сведения об Ахматовой; см. в недатированном письме А.И.Гумилевой Ахматовой (получено 24 апреля 1924): «Котя теперь стала писать очень редко и мы о тебе ничего не знаем». (Еще одним источником сведений об Ахматовой были письма Лукницкого.) Об отношениях Ахматовой с ней см.: *Acumiana II* (по указ.).

¹³⁵ Очевидно, имеется в виду книжный магазин при издательстве П.П.Сойкина (Стремянная ул., д. 8).

¹³⁶ Александра Степановна Сверчкова (урожд. Гумилева; 1872 (в различных источниках приводятся разные варианты года ее рождения, этот указан в составленной Лукницким Родословной Н.С.Гумилева; см.: *Коллекция*) – 1952) – сводная сестра Н.С.Гумилева. О неблагоприятном влиянии А.С.Сверчковой на Леву речь идет и в записях Лукницкого 18 и 20 июня 1926 (*Acumiana II*. С.188, 190, 193–194), 21 декабря 1927 (Там же. С.336–337). См. более ранние дружеские дарственные надписи Ахматовой: *Acumiana II*. С.76, 106. О Сверчковой см. также: *Acumiana* (по указ.).

¹³⁷ Елена Николаевна Гумилева (1919–1942; погибла в блокаду) – дочь Н.С.Гумилева и А.Н.Гумилевой (Энгельгардт). О ней см.: *Анна Энгельгардт – жена Гумилева*.

¹³⁸ Т. е. выполненный в ложно-готическом (неоготическом) стиле, новый всплеск которого пришелся на эпоху модерна. 2 апреля 1928 Лукницкий писал: «На днях я получил несколько автографов напечатанных стихотворений Н.С. с текстами, отличающимися от известных. Получил в подарок портфель, принадлежавший Н.С. Мне обещаны новые, частью не напечатанные стихи, надеюсь скоро их получить» (*Лукницкий–Горнунг*. С.550). Сам портфель сохранился с запиской Лукницкого: «Это – портфель Н.Гумилева, он его называл “faux-gothique” <ложно-готический (франц.)>. Мне его подарила Анна Ник<олаевна> Энгельгардт в 1925 <так, но явная ошибка. – Т.Д.> году. ПЛ» (*Коллекция*).

¹³⁹ Об отношениях А.И.Гумилевой и А.Н.Энгельгардт см.: *Acumiana II*. С.78.

¹⁴⁰ Вероятно, здесь упоминается Александра Алексеевна Лампе (урожд. Димидова), жена Ивана Федоровича Лампе, брата К.Ф.Кузьминой-Караваевой (*Коллекция*. Родословная Н.С.Гумилева).

¹⁴¹ Александр Дмитриевич Кузьмин-Караваев (1862–?) – инженер, в то время – служащий Мурманской железной дороги.

¹⁴² См. о нем выше, примеч. 47.

¹⁴³ См. о нем выше, примеч. 29.

¹⁴⁴ В промежутке между записями Лукницкий встречался с Ахматовой 2 апреля. О встрече в этот день с Ахматовой и Лукницким на Марсовом поле пишет В.А.Мануйлов (*Мануйлов*. С.299).

¹⁴⁵ Заводчиков Владимир Павлович (1904 (в анкете ВСП в 1929 указывает: 1905; см.: *Анкеты... писателей*) – 1969) – поэт. Добровольно участвовал в Гражданской войне, в 1925–1928 учился на факультете общественных наук Ленинградского университета. К 1928 – автор трех стихотворных сборников: «Думы юности» (Новониколаевск, 1922), «Горький мед» (М., 1925), «Седое время: Вторая книга стихотворений» (<Л.>, 1928) и поэмы «Сказ о партизане» (<М., 1928>). Здесь речь идет о его «стихотворной повести в шести поэмах» «Лошадь и человек», датированной «Март 1925 г. – Ноябрь 1927 г.», отрывок из нее опубликован в «Звезде» (1928. №6. С.76–77), отд. изд. (1929) с предисл. Б.М.Эйхенбаума. См. экземпляр с дарственной надписью Лукницкому: «Павлу Николаевичу Лукницкому. Моему первому слушателю терпеливому, но злому. Вл. Заводчиков. 29.III.1929. Ленинград» (*Книги*). На собрании Союза поэтов Лукницкий участвовал в прениях по поэме Заводчикова (РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.1690. Л.20).

¹⁴⁶ «Горный ключ» – поэтический сборник М.Л.Лозинского (М.; Пг., 1916; 2-е изд. – Пг., 1922).

¹⁴⁷ По-видимому, речь идет о вечере в Союзе писателей, программа которого в «Книге записей посещения вечеров в Союзе писателей. 1928–1930» (РО ИРЛИ. Ф.291) обозначена так:

Н.Тихонов,
К.Вагинов,
Лозинский,
Фроман
Концертное отделение
Бычков <?>, виолончель,
у рояля

На вечере присутствовало 42 человека, что, по сравнению с аналогичными вечерами, не так мало.

¹⁴⁸ Владимир Ричиотти (наст. имя Турутович Леонид Осипович; 1899–1939) – поэт, прозаик. Окончил рабфак, затем (в 1927) правовое отделение Ленинградского университета. Печатался с 1922 (дебют в журнале «Вулкан» – органе студенчества рабфака ЛГУ (№1); см.: *Анкеты... писателей*), входил в группу молодых пролетарских поэтов «Стройка» и в «Орден воинствующий Имажинистов» (*Анкеты... поэтов*); принят в ВСПоэтов в 1924. Центральная тема прозаического творчества (с конца 1920-х) – Ледовый поход Балтийского флота 1918 года, участником которого он был. В 1928 вышло два самостоятельных поэтических сборника и один – совместный с И.Васильевым и Е.Панфиловым – «Певучая банда» (Пг., 1923), а также поэма «Коромысло глаз» (Пг., 1923). К истории отношений В.Ричиотти с Лукницким см. дарственную надпись на его книге «Без маски» (М.; Л., 1928), состоящей из этнографических (с особым акцентом на морскую тему) очерков о Голландии, Германии и Англии: «Заслуженному секретарю б<ывшего> Союза Поэтов, а ныне Бюро секции поэтов ВССП Павлу Николаевичу Лукницкому. P.S. Все-таки лучше было бы тебя называть по-простецки Павликом или еще сердечней “Павлушкой”. Так вот – жму твою крепко лапу и желаю самых пышных успехов. Ричиотти. Порт Ленинград. 24/X-<19>29 г.» (*Книги*).

¹⁴⁹ Ср. объявление в «Красной газете» (1928. №85, 10 апреля. С.4 (утр. вып.)): «Дом Печати (Фонтанка, 21). Книжная ассоциация. Заседание президиума – в 8 ч<асов> в<ечера>. Группа по изучению бюллетеня и каталога – в 8 час. веч. Курсы актива ЛАПП’а – в 8 ч. в. Литгруппа “Резец” – в 8 ч. веч.». Трудно сказать, какое из этих собраний посетил Лукницкий.

¹⁵⁰ Видимо, речь идет о гастролировавшем джаз-банде из Хивы, о каком именно – выяснить не удалось. В Ленинграде в 1928 существовал лишь один джазовый оркестр – Первый концертный джаз-банд Л.Я.Теплицкого; второй – группа Г.В.Ландсберга – оформился в оркестр (Ленинградская джаз-капелла) в 1929. До 1927 джаз-бандов в Ленинграде не было; появившись в 1928, они сразу стали очень популярны. Интерес Лукницкого к камерной и джазовой музыке одновременно был вполне в духе конца 1920-х. В качестве примера можно указать на несколько концертов ансамбля «Ленинградская джаз-капелла» под руководством Г.Ландсберга и Б.Крупышева, прошедших в 1929 в Обществе друзей камерной музыки. См. также: *Баташев А.Н.* Советский джаз: Исторический очерк / Под ред. с предисл. А.В.Медведева. М., 1972. С.26-32; *Фейертаг В.* Джаз от Ленинграда до Петербурга. СПб., 1999. С.21-33.

¹⁵¹ Елена Борисовна Анненкова – известная эстрадная танцовщица-босоножка, ученица А.Дункан, актриса (театры «Летучая Мышь», «Кривое Зеркало», Театр им. В.Ф.Коммиссаржевской). Первая жена художника, театрального критика, мемуариста Юрия Павловича Анненкова (1889–1974). Ее портрет (1917) работы Анненкова использован в оформлении обложки его книги «Дневник моих встреч: Цикл трагедий» (Т.1. М., 1991; репринт. изд. 1966). См. о ней, например: *Васильев И.* «Ее удивительное лицо...»: Письмо Ю.П.Анненкова // *Лит. обозрение*. С.85–86. Из встреч Анненковой с Ахматовой можно отметить совместное участие в вечере поэтов Союза деятелей искусств в Круглом зале Академии художеств 16 декабря 1917, где танцевала также и О.А.Глебова-Судейкина (см.: *Тименчик Р.Д.* О трудах и днях Ахматовой // *Новое литературное обозрение*. 1998. №29. С.428).

¹⁵² Об отношении Ахматовой к А.Н.Гумилевой см., например: *Acutiana I.* С.22–23 (запись Лукницкого от 1 января 1925).

¹⁵³ Мария Ивановна Комиссарова (1904; в анкете ВСПоэтов в 1924 указала: 1901–1994) – поэт, переводчик (украинская и белорусская поэзия). Жена Н.Л.Брауна. Печаталась с 1921, входила в группу «Мастерская слова». С 1924 работала в библиографическом отделе «Красной газеты». В 1925–1926 училась на словесном отделении *ВКИ* (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.772). В 1928 вышел ее первый поэтический сборник «Первопутюк». На этот сборник Лукницкий обратил внимание И.М.Басалева в письме от 6 октября 1928 (ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.296). Браун и Комиссарова вместе с Ахматовой присутствовали на банкете 9 мая 1945 в Ленинградском Доме писателей (см.: *Серебровская Е.* Дочь своей Родины // *Звезда*. 1988. №1. С.179; то же: *Летопись*. Ч.3. С.111). В «Резолюции общегородского собрания ленинградских писателей по докладу тов. Жданова» (1946) упоминаются «упаднические, наполненные тоской и пессимизмом стихи Садофьева и Комиссаровой» (*Звезда*. 1996. №8. С.2 обложки). После смерти Ахматовой Браун и Комиссарова поехали из Ленинграда в Москву, затем вместе с Лукницким вернулись в Ленинград на похороны (Из записных книжек Павла Лукницкого: *Смерть и похороны Анны Ахматовой* / Публ. В.К.Лукницкой // *Русская литература*. 2001. №3. С.198–204).

¹⁵⁴ Вероятно, имеется в виду Ольга Ивановна Дымман, в 1928 – сотрудница Большого драматического театра (*Справочник*. С.111).

¹⁵⁵ Петр Константинович Губер (1886–1941; репрессирован) – прозаик, критик, литературовед, переводчик. Впечатления Первой мировой войны, в которой он принимал участие, отразились в его первой книге «Дела и люди военного времени» (Пг., 1915, под псевд. П.Арзубьев). В 1920-е выпустил три книги: «Анатоль Франс: Критико-биографический этюд» (Пг., 1922; годом позже вышел его перевод романа А.Франса «Восстание ангелов»), «Донжуанский список Пушкина: Главы из биографии» (Пг., 1923), «Кружение сердца: Семейная драма Герцена» (Л., 1928). Об отношениях Ахматовой с Губером см.: *Acutiana I.* С.52. Губер жил в писательском общежитии: наб. р. Карповки, д. 23.

¹⁵⁶ Зинаида Давыдовна Вербова – преподаватель пластики, руководитель Студии пластического движения (*Справочник*. С.141).

¹⁵⁷ Мать П.Н.Лукницкого – Евгения Павловна Лукницкая (урожд. Бобровская) – художница, рисовальщица по фарфору, одна из первых женщин-автомобилистов Петербурга, летала на аэроплане с С.И.Уточкиным, в 1900–1910-е много путешествовала по Европе. См. о ней прежде всего: *Перед тобой земля*. С.21-22.

Отец П.Н.Лукницкого – Николай Николаевич Лукницкий (1876–1951) – член-корреспондент Академии архитектуры, доктор технических наук, инженер-генерал-майор; в советское время – преподаватель Военно-инженерной академии РККА, затем Высшего инженерно-технического училища; организатор и научный руководитель Ленинградского института механизации строительства; один из главных руководителей строительства Волховской ГЭС и Свирьстроя; принимал участие в строительстве Днепростроя и многих других крупнейших гидроэнергетических объектов в СССР; автор многих изобретений и книг. См. о нем прежде всего: *Перед тобой земля*. С.20-21. О научной деятельности Н.Н.Лукницкого см. во вступ. ст. в: Сборник научно-исследовательских работ. №19. К 75-летию со дня рождения Н.Н.Лукницкого. Л., 1951 (Управление Военно-морских учебных заведений ВМС). Сборник составлен из последних работ Н.Н.Лукницкого.

¹⁵⁸ *Свифт Дж.* Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лэмюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей / Пер. под ред. А.Франковского, с вступ. ст. Э.Л.Радлова, с предисл. П.С.Когана и 402 илл. Ж.Гранвилля. Л.: Academia, 1928. 660 с.

¹⁵⁹ Вероятнее всего, речь идет о Н.Э.Радлове (1889–1942) – художнике, графике, художественном критике – и его второй жене Н.К.Шведе-Радловой. Они жили на ул. Халтурина (Миллионной), д. 13, кв. 4. В их доме бывали и Е.И.Замятин, и М.А.Булгаков (см.: *Замятин*. С.359). С Н.Э.Радловым Ахматова была знакома с начала 1910-х (*Тименчик Р.Д.* Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1979. Л., 1980. С.140). В 1928 Радлов, как и Пунин, состоял членом Совета Художественного отдела Русского музея.

¹⁶⁰ Ближайшее по времени объявление о собрании «Стройки» в Доме печати относится к 11 апреля (Красная газета. 1928. 11 апреля, №86 (утр. вып.). С.6); о других собраниях этой группы (в том числе «юбилейных») ничего не известно.

¹⁶¹ Модпик – Московское общество драматических писателей и оперных критиков. Существовало в 1904–1930.

¹⁶² Наталья Викторовна и Григорий Александрович Гуковские. Гуковский Григорий Александрович (1902–1950; репрессирован) – литературовед, критик, профессор Ленинградского университета. Специалист по русской литературе XVIII в., по творчеству Пушкина и Гоголя. О его отношениях с Ахматовой см.: *Acumiana* (по указ.). В записях Ахматовой 1950–1960-х годов имя Гуковского связывается с «началом пушкинизма», при-

шедшимся на 1924 (*Мандрыкина Л.А.* Ненаписанная книга. «Листки из дневника» А.А.Ахматовой // Книги. Архивы. Автографы: Обзоры. Сообщения. Публикации. М., 1973. С.67).

¹⁶³ Видимо, последняя перед этим встреча Чуковского с Ахматовой (или одна из последних) – его визит к ней 3 сентября 1924. Ср. в «Дневнике» Чуковского: «Был вчера у Ахматовой. Не знаю почему, она встретила меня с таким грустным лицом, что я спросил: “Неужели вам так неприятно, что я пришел к вам?” <...> она, видимо, ждала, когда я уйду. До сих пор она <была> очень ко мне дружелюбна» (*Чуковский*. С.286-287).

¹⁶⁴ Лев Владимирович Горнунг (1902–1992) – поэт, переводчик, коллекционер. Ему принадлежат «Записки об Анне Ахматовой» (*Воспоминания*. С.179-218). Занимался собиранием материалов о Н.Гумилеве, при посредстве Ахматовой познакомился с Лукницким, состоял с ним в переписке, см.: *Лукницкий–Горнунг*; см. также: *Acumiana* (по указ.). Подробнее о Горнунге в 1920-е см.: *Поливанов К.М.* <Вступ. ст. к публ.> / *Горнунг Л.В.* Встреча за встречей // *Литературное обозрение*. 1989. №6. С.67. Просьба Лукницкого скопировать и прислать письма Гумилева к Рейснер «для работы по биографии <Гумилева> <...> и <...> истории возникновения “Гондлы”» содержится в его письме Горнунгу от 2 апреля 1928 (*Лукницкий–Горнунг*. С.550, см. также с.551-556).

¹⁶⁵ Переписка Гумилева с Л.М.Рейснер опубл.: *Гумилев Н.* В огненном столпе / Вступ. ст., сост., лит.-ист. коммент., имен. указ. В.Л.Полушина. М., 1991. С.259-271. Об отношениях Ахматовой и Рейснер см.: *Acumiana* (по указ.); творческие и личные контакты (без рассмотрения, однако, «темы Гумилева») освещены в статье: *Кудряшова Е.И.* Анна Ахматова и Лариса Рейснер // *Творчество писателя и литературный процесс: Нравственно-философская проблематика в русской литературе XX в.: Межвуз. сб. науч. трудов*. Иваново, 1991. С.38-47.

¹⁶⁶ Имеется в виду «Однодневная Литературная газета Федерации объединений советских писателей и Дома Печати», вышла 5 мая 1928. Вероятно, Лукницкому принадлежит хроника «В литературных организациях» (с.8), подпись отсутствует.

¹⁶⁷ Лидия Ивановна Аверьянова (в замуж. Дидерихс; 1905–1942?) – поэт, переводчик, музыкант, актриса. Сведения о ней см.: *Тименчик Р.Д.* Тынянов в стихах современницы // *Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения*. Рига, 1990. С.247-249; *Устинов, Кобринский*. С.518, 519; *Тименчик Р.Д.* О стихах-эмигрантах <Вступ. ст. к публ.> / *Аверьянова Л.* Стихи о Петербурге // *Звезда*. 1995. №2. С.123-126. Выпускница Петроградской консерватории, давала частные уроки музыки, имела широкие знакомства в музыкальном мире. С 1921 – член ЛО ВСПоэтов (вторично принята в 1926), печаталась с 1923, входила в «Ассоциацию неоклассиков» (см. ее запись о «Вторнике неоклассиков» 16 ноября 1926 у Ф.Сологуба. – РО ИРЛИ. Ф.355. Ед.хр.3). В шуточной автобиографии, записанной В.В.Смиренским в 1926, сообщала: «Читаю я на шести языках: на немецком, французском, английском, итальянском, испанском и русском».

<...> Написано у меня две книги стихов: “Vox Humana” и “Вторая Москва”. Хочу написать третью» (РО ИРЛИ. Ф.355. Ед.хр.5; названные книги изданы не были). Вероятно, в начале 1927 познакомилась с Ахматовой, входила в круг ее общения, подробнее см.: *Тименчик Р.Д.* Тынянов в стихах современницы.

¹⁶⁸ Единоверчество – форма воссоединения старообрядцев-раскольников с Русской православной церковью, по которой им разрешается совершать богослужения по старопечатным, дониконовским книгам и по своим обрядам при условии иерархического подчинения Православной церкви и принятия ими священнослужителей от православных архиереев. В Ленинграде Никольская единоверческая церковь находилась на ул. Марата, д. 24; в настоящее время перестроена.

¹⁶⁹ Елена Александровна Тырса (урожд. Лейферт) – художница, жена Н.А.Тырсы. Справку о ней и ее мемуарный очерк о Тырсе «Молодые годы» см.: *Сурис Б.Д.* Николай Андреевич Тырса. Жизнь и творчество. СПб., 1996. С.168-186, 233-237.

¹⁷⁰ *Пунин Н.Н.* Владимир Васильевич Лебедев. Л., 1928. См. также издание Русского музея «В.Лебедев» (Л., 1928) с дарственной надписью Ахматовой Лукницкому: «Палику <так!> . Вместо автографа – Ахматова. 1928» (*Книги*).

¹⁷¹ Мария Константиновна Тихонова (урожд. Неслуховская; 1891–1975) – жена Н.С.Тихонова. О.А.Савинов вспоминает, что изготовление художественных кукол было любимым делом М.К.Неслуховской (*Савинов О.А.* Полвека в мире механических колебаний: Записки инженера-исследователя. СПб., 1992. С.42). Дом Тихоновых (они жили на Зверинской ул., д. 2) был одним из литературных центров Ленинграда 1920–1930-х. См. также: *Хренков Д.Т.* Николай Тихонов в Ленинграде. Л., 1984. С.34-41. Тихоновы были дружны и с Лукницким, см., например: *Asutiana I.* С.290, 294 (о встречах Ахматовой с М.К.Неслуховской), 302 и др.

¹⁷² Вероятно, И.П.Стуккей и В.А.Рождественский.

¹⁷³ Неустановленное лицо.

¹⁷⁴ Ирина Николаевна Пунина (род. 1921) – дочь Н.Н.Пунина и А.Е.Аренс. Лукницкий сохранил рисунки И.Пуниной и Ахматовой «К занятиям Ахматовой с маленькой Ирой Пуниной» (*Коллекция*).

¹⁷⁵ Рубен Абгарович Орбели (1880–1943) – ученый, специалист по подводной археологии, его жена Ольга Владимировна. Ахматова познакомилась с Р.Орбели летом 1927 в Кисловодске; об их отношениях см. в записях Лукницкого, опубл.: *Воспоминания.* С.169 (запись от 1 августа 1927; в *Asutiana II* отсутствует). См. также в записях Ахматовой 1960-х: *ЗК.* С.664.

¹⁷⁶ «Ночью на Неве устраивается факельная прогулка на лодках», – общала «Ленинградская правда» (1928. №101, 1 мая. С.4).

¹⁷⁷ *Мудрость Хикара / Пер. И.П.Кузьмина; Басни Лукмана / Пер. М.А.Салье; Под ред. и с предисл. И.Ю.Крачковского.* Пг., 1920 (Всемирная литература. Арабы. Вып.54).

В промежутке между записями Лукницкий дважды, 10 и 18 мая, участвует в литературных вечерах Союза поэтов. 10 мая он ведет большой открытый вечер в Областном доме Народного просвещения (наб. р. Мойки, д. 94), на нем читали стихи: Н.Браун, Н.Клюев, Е.Полонская, М.Фроман, В.Рождественский, А.Крайский, Л.Попова, прозу – Н.Баршев, К.Федин, А.Толстой, а кроме того, выступал баритон В.Беспалов, автор книги «Театры в дни революции» (Л., 1927). 18 мая выступает на закрытом собрании в Доме печати, там же – Н.Заболоцкий, Е.Рысс, А.Иванова, В.Заводчиков, И.Синельников, В.Алексеев, В.Соловьев, П.Лукницкий, гости – А.Ситковский и К.Каладзе (*Отчет 1928–1929*; РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.1690. Л.19).

¹⁷⁸ Следующие фрагменты дневника частично вошли в письмо Лукницкого Горнунгу 1-й половины июня 1928 (*Лукницкий–Горнунг. С.557–559*). Похороны Н.В.Гуковской, умершей в родах, состоялись 29 мая на Шуваловском кладбище (ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.1788. Л.16). Некролог и сообщение о похоронах: Ленинградская правда. 1928. 29 мая. С.6.

¹⁷⁹ Прозвище «Акума», присвоенное Ахматовой В.К.Шилейко, получило объяснение во время поездки Н.Н.Пунина в Японию в 1927: по-японски оно значит «злой демон, дьяволица», подробнее см. в письме Пунина Ахматовой от 28 июня 1927: *Пунин. С.291–292*.

¹⁸⁰ Виктор Иванович Рыков (1865–1937) – профессор Ленинградского сельскохозяйственного института, отец Н.В.Гуковской. Рыковы жили на ул. Чайковского, д. 1, кв. 4.

¹⁸¹ Вероятно, имеется в виду Лев Николаевич Пунин. Менее вероятно, что речь идет о другом брате Н.Н.Пунина – Александре Николаевиче Пунине (1890–1942) – биологе, педагоге.

¹⁸² Анна Ивановна Ходасевич (урожд. Чулкова, в первом браке Гренцион; 1887 (в анкете при приеме в ЛО ВСПоэтов указала: 1889) – 1964) – сестра Г.И.Чулкова, жена В.Ф.Ходасевича в 1911–1922. Поэт, переводчик (псевд. София Бекетова). В 1918–1919 состояла в Московском отделении ВСПоэтов, с 1925 – в ЛО ВСПоэтов (пометы на приемной анкете: «Безусловно принять. Прекрасные стихи. А.Кр<айский>», «Принять. В.Р<ождественский>», «Будем принимать. Такой случай. Н.Т<ихонов>», «Что делать? Примем. Полонская». – *Анкеты... поэтов*). Ахматова была знакома с ней с начала 1910-х (см.: *Acumiana I. С.38, 59*); к истории их отношений см. запись Ахматовой в альбоме А.И.Ходасевич 1921 года: *Летопись. Ч.2. С.26*. Об отношениях Лукницкого с А.И.Ходасевич см. его запись 6 апреля 1925 (*Acumiana I. С.120*) и надпись на книге В.Ф.Ходасевича «Путем зерна: Третья книга стихов» (М., 1920): «П.Н.Лукницкому на добрую память от жены автора. А.Ходасевич. 29/1.<19>25» (*Книги*). Кроме того, в Коллекции П.Н.Лукницкого в ИРЛИ находятся другие материалы, подаренные А.И.Ходасевич Лукницкому в 1925.

¹⁸³ Самуил Яковлевич Маршак (1887–1964) – поэт, переводчик, драматург. В 1920-е известен как детский писатель. В 1924–1937 руководил ле-

нинградской редакцией детского отдела Госиздата (см.: *Чуковская Л.К.* В лаборатории редактора. 2-е изд., испр. и доп. М., 1963. С.219-334). Заведовал литературно-репертуарной частью ТЮЗа, писал для него пьесы-сказки в стихах. Познакомился с Ахматовой летом 1927 в Кисловодске; об их отношениях см., например: *Чуковская. Т.2. С.633-634.*

¹⁸⁴ Валерия Сергеевна Срезневская (урожд. Тюльпанова, 1888–1964) – соученица Ахматовой по царскосельской Мариинской гимназии, подруга Ахматовой, адресат стихотворений «Жрицами божественной бессмыслицы...» (1910-е), «Вместо мудрости – опытность, пресное...» (1913) и «Памяти В.С.Срезневской» (9 сентября 1964), автор воспоминаний об Ахматовой и Гумилеве (Дафнис и Хлоя // *Воспоминания. С.5-18*). См. также: *Пунина И.Н.* Об Анне Ахматовой и Валерии Срезневской // *Воспоминания. С.20-27.*

¹⁸⁵ Маргарита Константиновна Грюнвальд (1891–1968) – историк. О ней см.: *Acutiana II* (по указ.). Осенью 1927 М.К.Грюнвальд вернулась из Парижа, где встречалась с О.А.Глебовой-Судейкиной (см. запись Лукницкого от 8 ноября 1927: *Acutiana II. С.311*).

¹⁸⁶ Людмила Николаевна Замятина (урожд. Усова; 1883–1965) – жена Е.И.Замятина, подруга Ахматовой, врач. Об истории отношений с Ахматовой см., например: «А.А. любит Людмилу Замятину. Отзывается о ней с большой теплотой, рада ее присутствию и благодарна ей за уход и заботы» (*Acutiana I. С.84*; запись от 1 апреля 1925). См. также комментарий М.М.Кралина к стихотворению Ахматовой «Здравствуй, Питер! Плохо, старый...» (1922): *Ахматова А.А. Сочинения: В 2 т. М., 1999. Т.2. С.321-322; Из переписки Анны Ахматовой. С.456-457. Дарственные надписи Ахматовой Замятиной см.: Летопись. Ч.2. С.88; Замятин. С.533.*

¹⁸⁷ Наталья Яковлевна Данько (1892–1942) – скульптор, автор фарфоровой статуэтки Ахматовой (1924), работала на Фарфоровом заводе. О ней см.: *Овсянников Ю.М.* «Если бы Наталья Данько вела дневник...» // *Панорама искусств. №6. М., 1983. С.30-84.*

¹⁸⁸ См. примеч. I к разделу III.

¹⁸⁹ Мажары (маджары, можары) – большие повозки с решетчатыми боковыми стенками, запряженные волами или лошадьми (в Крыму, на Украине и на Северном Кавказе).

¹⁹⁰ В 1928 Лукницкий опубликовал в журнале «Звезда» стихотворение «Наводнение в Аджаристане» (№6. С.53-54).

¹⁹¹ Имеется в виду литературное приложение к газете «Ленинградская правда». На его страницах в 1928 Лукницкий опубликовал стихотворение «Веселая жизнь» («На последние деньги купил я табак...») (№3, 11 февраля. С.6) и рассказ «Подарок Иокшида» (№11, 2 июня. С.6-7).

¹⁹² Ср. в письме Лукницкого И.М.Басалаеву от 4 июня 1928: «Вы спрашиваете о моих стихах? Я написал их много, и у меня готов 2-й сборник “Время ветров”, но раньше осени издавать не буду, а вернее всего, не издам раньше будущего года» (ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.296). Второй поэтический сборник Лукницкого «Переход» вышел в 1931.

¹⁹³ Умберто Нобиле (1885–1978) – итальянский конструктор дирижаблей и полярный исследователь; в 1928 руководил экспедицией к Северному полюсу на дирижабле «Италия». 25 мая, возвращаясь с Северного полюса, потерпел катастрофу под Шпицбергом. 9 июня была восстановлена связь с группой, в которой находился сам Нобиле. 18 июня норвежский полярный исследователь Руаль Амундсен на гидросамолете «Латам» вылетел на помощь Нобиле, но его самолет погиб в Баренцевом море. Сообщениями о поисках экспедиции и о мерах, предпринимаемых для ее спасения, были полны первые полосы советских газет (в Коллекции Лукницкого в ИРЛИ представлено несколько газетных вырезок на эту тему). СССР послал на помощь Нобиле ледоколы «Малыгин» и «Красин», гидрографическое судно «Персей». Из оставшихся в живых восьми членов экипажа (вся группа Нобиле) семь были спасены «Красиным», сам Нобиле – норвежским летчиком Лундборгом. В письме И.М.Басалаеву от 6 октября 1928 Лукницкий сделал приписку: «Вчера вернулся ледокол “Красин” – я осматривал его» (ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.296).

¹⁹⁴ Моисей Яковлевич Арьев (1885–?) – семейный врач Лукницких, специалист по внутренним болезням, болезням органов кровообращения и дыхания. В 1930-е – старший ассистент 1-й терапевтической клиники 2-го Ленинградского медицинского института, заведующий терапевтическим отделением больницы им. 5-летия Октябрьской революции.

II

Запись времени с 10 по 23 июня 1928 года*
<Сводная таблица>

10 июня

<...> 11-12, 12-1, 1-2, 2-3, 3-4 <часа>. Дома. Работа Н.Г. (редактировал стихи и пр., переписывал на машинке и делал биографическую канву «1917–1918 гг.»).

4-5, 5-6 <часов>. Обед. Дома. Работа Н.Г. («1917–1918»). Путь Т<рамвай>.

5-6, 6-7 <часов>. У А.И.Ходасевич. Разговоры. У нее Игн<атий> Игн<атьевич> Бернштейн¹. Пришел Гарри².

7-8, 8-9 <часов>. У Н.Тихонова. У них: С.Колбасьев³, О.Н.Олаф, Рахтанов⁴, В.Эрлих⁵ и др. Маджанка <?>. Я делаю (работа Н.Г.) выписки из «Аполлона» за 1914–1917 годы.

9-10 <часов>. В нижней квартире. Здесь – домашний спектакль и масса народу (и – Мира Глинка <?> и Зенгер⁶ и пр. и пр.).

---

* На нижних полях таблицы: «Такой “дневник” я вел 3 года, без перерыва. Потом, – сжег все. ПЛ».

10-11, 11-12, 12-1 <час вечера>. Путь Т<рамвай>. В Ш.Д. А.А. нет (она у Рыковых). Ждем ее. Пьем чай. Здесь Пунин и Н<иколай> К<онстантинович>⁷. А.А. пришла. Сидим в столовой. Говорим о недостатках продуктов (нет хлеба). Говорим о Нобиле и пр. <...>

У А.А. днем была А.И.Ходасевич (и принесла ей книжку Г.Чулкова о Тютчеве⁸).*

11 июня

<...> 3-4, 4-5 <часов>. <...> У А.А. в Ш.Д. Говорим на разные темы. <...>

5-6 <часов>. <...> У А.Н.Гумилевой. <...>

7-8 <часов>. Дома. <...> Звонил А.А. Сказала, что Пунин получил письмо от Н.Гончаровой, которая обещает прислать фотографию триптиха Н.Г.⁹

8-9, 9-10 <часов>. <...> У Б.Лавренева на набережной. Он – один, говорим о литературе, о Наташе¹⁰, об Н.Г. (об изд<альстве?> «Зиф», и рассказ о последних событиях). Говорим о разных вещах. Б.Л.<аврениев> дал поручительство за меня в Литфонд, для ссуды. <...>

10-11, 11-12, 12-1, 1-2, 2-3 <часа ночи>. Дома. У меня Ольга Берггольц (жена Б.Корнилова)¹¹. Показываю ей книги Н.Г. Чай. Читаю «Гондлу». Сильная гроза и ливень. Ольга Берггольц переживает ее. Говорим о стихах и песенках. <...>

12 июня

<...> 9-10, 10-11 <часов>. У меня Н.Тихонов. Рассматриваем работу Н.Г. (канву). У меня В.Каверин. <...>

1-2, 2-3 <часов>. <...> В ред<акции> «Звезды» и в Госиздате¹². Здесь Н.Тихонов, В.Каверин, В.Эрлих, Моргулис¹³, Б.Соловьев¹⁴, А.Шварц¹⁵, В.Рождественский и др. <...>

Вечером был у А.А.**

13 июня

<...> 12-1, 1-2, 2-3, 3-4 <часа>. Зашел в Ш.Д. Гулял с А.А. и детьми (Марина¹⁶ и Ира) и встретили Срезневскую с Люлькой¹⁷ – были в Летн<ем> Саду и на Марсов<ом> Поле. Разговор на «общую» тему.

3-4, 4-5 <часов>. В Ш.Д. у А.А. <...>

Почти весь день – работа Н.Г.***

---

* Приписка на полях.

** Приписка на полях.

*** Приписка на полях.

14 июня

<...> 1-2 <часа>. С А.А. гулял.

<...> 7-8, 8-9, 9-10 <часов>. У А.А. в Ш.Д. Гуляли – пешком вдоль канала, по Миллионной на Дворцовую площадь. Тут сели в автобус (№7) и поехали через Ц<арско>с<ельский> вокзал <?> на Никол<аевский> вокзал. Отсюда в трамвае к Садовой, зашли в магазин Елисеева, купили к чаю – икры, шоколада, вино.

10-11, 11-12 <часов вечера>. У меня А.А. Много и хорошо говорили об Н.Г., обо мне, обо всем, что меня волнует. Я прочел стих<отворение> «26 мая 1928»¹⁸. Говорили на многие темы. Пили чай. А.А. звонила Пунину.

12-1 <час ночи>. Провожал А.А. в Ш.Д. Говорили о Пунине. Дружественный разговор, искренний и теплый. Путь п<ешком> один.

1-2, 2-3, 3-4 <часа ночи>. У Н<адежды> Рыковой¹⁹. Здесь Тотя Шейдт²⁰, Берковский²¹, Цезарь²², Покшишевский²³, О.А.Немировская²⁴. <...>

15 июня

<...> 3-4, 4-5 <часов>. В Союзе Поэтов. Работа по Союзу Поэтов. Здесь М.Фроман, С.Михайлов²⁵, Е.Панфилов²⁶ и др. <...>

4-5, 5-6 <часов>. У Т.Казмичевой²⁷. Взял «1914–1915»²⁸ и др. Та-та Казмичева ужасна. <...>

5-6, 6-7, 7-8, 8-9, 9-10 <часов>. Дома. Работа Н.Г. <...> Корректирую переписанные на машинке (отрывок «Дракона»²⁹, «Карты (causerie*)»³⁰, и др.)

10-11, 11-12, 12-1, 1-2, 2-3 <часа ночи>. У А.А. в Ш.Д. Дома Пунины и Н<иколай> К<онстантинович> (который принес вино). Пунин злится на меня за то, что я говорил вчера А.А. о Тоте Шейдт. Ходил в магазин. Пьем вино, я, Пунины и Н<иколай> К<онстантинович> (А.А. не пьет и ушла к себе в комнату в половине второго – но не спала). Я пою «Валиньку» и др. <...>

16 июня

<...> 8-9, 9-10 <часов>. <...> У А.А. в Ш.Д. Путь п<ешком> с А.А. Проводил ее к Рыковым. <...>

9-10, 10-11, 11-12 <часов>. У Иды Наппельбаум³¹. (Фромана нет дома.) Разговор – Ида сообщила мне о сплетнях обо мне, впрочем, мне уже известных. Путь п<ешком>.

---

* Разговор, болтовня (франц.).

11-12, 12-1 <час ночи>. В Ш.Д. Жду А.А. Здесь А.Е.Пунина³². Пунина нет дома. Пришла А.А. У А.А. Говорим о Рыковых (А.А. устала) и о пр. <...>*

<...> Сегодня днем у Пунина в Ш.Д. в гостях была Елизавета Петровна Невгина³³.

17 июня

<...> 11-12, 12-1, 1-2, 2-3, 3-4 <часа дня>. Дома. Работа Н.Г., сборы в дорогу и пр. <...>.

5-6 <часов>. У А.А. Она спит. Пунин дома.

6-7 <часов>. Путь п<ешком>. У М.Кузмина. Здесь Арбенина и Юркун.³⁴ Болтали. Путь п<ешком>.

7-8, 8-9 <часов>. У А.А. в Ш.Д. Разговариваю с ней в столовой. Пунин здесь. У нее Л.Н.Замятина³⁵ (дал ей 3 р.).

9-10, 10-11 <часов>. Она одна. У нее В.Мануйлов. Разговор о Лермонтове и о пр., о Волошине. Мануйлов – ветрогон. Путь п<ешком> с В.Мануйловым.

10-11, 11-12, 12-1 <час ночи>. У Н.Ш<ишкиной>³⁶ в квартире ее подруги (Кирочная, 32). Здесь ее подруга. Болтали. <...>

18 июня

<...> 9-10 <часов>. <...> Мне звонила А.А.

<...> 3-4 <часа>. В Доме печати. Работа по Союзу Поэтов. Здесь Всев. Рождеств<енский>, О.Берггольц и др. <...>

4-5, 5-6 <часов>. У А.А. в Ш.Д. Ее нет дома. Встретил ее на Фонтанке с Ирккой. В Ш.Д. Обед. Пришел Пунин. В столовой. Пунин отдал ½ долга – 20 р. <...>

6-7, 7-8 <часов>. У И.Оксенова³⁷ по делам Союза Поэтов. Он спрашивал о Л.Рейснер и Н.Г. <...>

9-10, 10-11, 11-12 <часов>. Дома. Работа Н.Г. Корректировал биограф<ическую> канву (переписанную). <...>

12-1, 1-2 <часа ночи>. У Н<адежды> Рыковой. Здесь Муся и Тотя, Лиза Шишмарева³⁸, Миня³⁹, Сеня Залкинд⁴⁰, Тося Бобович, Пух. <так!>. Пили чай, болтали. <...>

19 июня

<...> 11-12, 12-1, 1-2 <часа>. Работа Н.Г. Корректировал биограф<ическую> канву (переписанную).

<...> 9-10 <часов>. У А.А. – не застал ее. <...>

10-11, 11-12 <часов>. У А.А. в Ш.Д.

---

* Приписка на полях.

1-2, 2-3, 3-4 <часа ночи>. Дома. Работа Н.Г. Корректировал биограф<ическую> канву, переписанную. <...>

20 июня

<...> 12-1 <час дня>. У А.А. в Ш.Д. Принес ей Н.Г. Она одна.

1-2 <часа>. Путь п<ешком> с А.А. и Ирккой. Ходили на почту (Лит<ейный> пр<оспект>), отправила 69 р. В.К.Ш. Потом проводил ее к Кузьминым-Караваевым.

<...> 6-7, 7-8 <часов>. Дома. Укладка вещей, обед. Мне звонила А.А. В аптеке зел<еная?> мазь для Тапа⁴¹. У А.А. в Ш.Д. Дома. <...>

10-11, 11-12, 12-1, 1-2, 2-3 <часа ночи>. У А.А. в Ш.Д. Вдвоем в кабинете. Читала письма от Горнунга и В.К.Ш. Говорим о стихах О.Мандельштама (гадаем по ним в шутку). Чай. Я принес вино, А.А. не пьет ни глотка, А.Е.Пунина тоже почти не пьет. Вызываю Пунина от Рыбаковых. Пришел Пунин. Пьем с ним. Разговоры. «Валинька». Чай. <...>

Я надписал А.А. подаренную мной книгу О.Мандельштама – «Анне Андреевне Ахматовой. – “Я забыл свое прежнее «я»”⁴². Неисправимый Плукицкий».

А.А. надписала «Белую стаю» – «Павлу Николаевичу Лукницкому от разрушительницы Ахматовой. 20 июня 1928»⁴³.

Сегодня или вчера А.А. получила письмо от В.К.Ш. с ответом на сообщение о смерти Н.В.Рыковой. Сегодня А.А. получила письмо Горнунга.

21 июня

<...> 12-1 <час дня>. В ред<акции> «Звезды». Здесь Н.Тихонов, В.Каверин, В.Эрлих, Ант. Шварц, Б.Соловьев и др.

<...> 2-3, 3-4, 4-5, 5-6 <часов>. У А.А. в Ш.Д. Принес ей розу, папку автогр<афов> Н.Г. и известие о том, что Нобиле⁴⁴ обнаружен. Рассм<атривали> карту географ<ическую>. В кабинете, А.А. на диване, я в кресле. Пришли А.Е.Пунина, потом – Пунин. Обед. В столовой. Разговоры. Дошли до Симеон<овского> моста, вернулись, сидели в саду Ш.Д. у парадной. Вдвоем. <...>

---

* Последующие записи приписаны на полях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Игнатий Игнатьевич Бернштейн (псевд. Александр Ивич; 1900–1979) – прозаик, автор многочисленных книг для детей, издатель, совладелец издательства «Картонный домик» (Пг., 1921–1923). См. о нем: *Acumiana II*. С.296; там же эпизод, характеризующий отношение Бернштейна к Ахматовой.

² Эдгар Евгеньевич Гренцион (1907? – ?) – сын А.И.Ходасевич от первого брака, актер (псевдоним – Э.Гаррик). Наиболее известная роль – Карл XII в фильме «Петр Первый» (1937–1938).

³ Сергей Адамович Колбасьев (1898–1937; репрессирован) – поэт, прозаик, морской офицер, один из основоположников советского джаза. См. о нем: *Кондрьяненко В.* «...Ветер отвечает кораблю» // Литературное обозрение. 1987. №10. С.108-109; *Баташев А.Н.* Советский джаз: Исторический очерк / Под ред. и с предисл. А.В.Медведева. М., 1972. С.36-38, 50; *Колбасьева Г.С.* Сергей Колбасьев // Жизнь Николая Гумилева. Л., 1991. С.315-317; *Она же.* Сергей Адамович Колбасьев // *Распятые*. 2. С.143-153, и др.

⁴ Исай (Исаай) Аркадьевич Рахтанов (1907, Шанхай – 1979) – прозаик, историк литературы (см.: *Анкеты... писателей*). В 1926–1930 учился на словесном отделении ВКИ (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.962). Печатался с 1927, с 1929 – член ЛО ВСП. В 1930-е сотрудничал в журналах «Чиж» и «Еж». Основные произведения (повести и рассказы, главным образом для юношества) вышли в 1930–1950-е. Автор мемуарной книги «Рассказы по памяти» (1966 и др. изд.).

⁵ Вольф Иосифович Эрлих (1902–1937; репрессирован) – поэт, член «Ордена воинствующих имажинистов» (1922–1925). Член ЛО ВСПоэтов с 1924. В 1928 выпустил первый стихотворный сборник – «Волчье сердце» (Л.); до этого писал для детей (см.: *Басалаев*. С.369). См. дарственные надписи Лукницкому на книгах Эрлиха: 1) «В деревне» (Л., 1926): «Павлу Лукницкому книжку, недостойную ни меня, ни его, но принесшую автору ни пито ни едено 150 р.– Эрлих»; 2) «Софья Перовская» (Л., 1929): «Павлу Николаевичу Лукницкому в знак дружеского расположения. Автор» (*Книги*).

⁶ О ком из семьи Зенгеров идет речь, установить не удалось.

⁷ Николай Константинович Миронич (1901–1951; репрессирован) – филолог, лингвист-востоковед, друг Пуниных. См. о нем, в частности: *Пунин*. С.487-488 (коммент.).

⁸ По всей вероятности, имеется в виду книга Г.И.Чулкова «Последняя любовь Тютчева (Е.А.Денисьева)» (Л.; М., 1928).

⁹ См. письмо Н.Н.Пунина Н.С.Гончаровой от 7 июля 1927, посланное из Токио, в котором, в частности, содержалась просьба сообщить местонахождение сделанного ею портрета-триптиха Гумилева и прислать его фотографию: «Всем этим интересуется Анна Андреевна Ахматова и один молодой биограф Николая Степановича, – т. к. из России писать затруднительно, то я и воспользовался своим пребыванием в Японии, чтобы просить Вас об этом» (*Пунин*. С.292-293).

¹⁰ Неустановленное лицо.

¹¹ Ольга Федоровна Берггольц (1910–1975) – поэт, прозаик, журналист, мемуарист. Дебютировала в 1925 в газете «Ленинские искры». В 1925–1928 входила в литературную группу «Смена», училась на ВКИ, работала курьером в «Красной газете». Член ЛО ВСП с 1929. Познакомилась с Ахматовой в 1927 или 1928 (*Рубинчик*. С.171). Выступала вместе с Ахматовой 2 апреля 1946 в Колонном зале Дома Союзов в Москве. В своих воспоминаниях о блокаде посвятила несколько страниц Ахматовой (см.: *Воспоминания*. С.347–348), автор цикла стихотворений «Анне Ахматовой» (1967–1970; полностью см.: *Берггольц О.Ф. Прошлое – нет!:* Стихи. Поэмы. Из рабочих тетрадей / Сост. М.Ф.Берггольц. М., 1999. С.142–145). В «Попытке автобиографии» писала: «Клянюсь Анне Андреевне Ахматовой: я имела счастье быть ее другом – с того дня, когда девчонкой с косами пришла к ней, до дня ее смерти» (*Берггольц О.Ф. Собр. соч.:* В 3 т. Л., 1988. Т.1. С.39). Подробнее об их отношениях: *Чуковская*. Т.2. С.678–680; *Рубинчик*. С.171–172, также: *Толстяков*. С.177–178. Сопоставление Ахматовой и Берггольц, двух ленинградских поэтесс см., например, в статье Вс. Рождественского «Два поэта» (*День поэзии*. 1986. Л., 1986. С.359–362).

Борис Петрович Корнилов (1907–1938; репрессирован) – поэт. Печатался с 1925, в конце 1920-х – участник литературного объединения при журнале «Смена» (Ленинград), член ЛО РАПП. В 1927–1928 учился на словесном отделении ВКИ (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.777). В 1928 выпустил первую книгу стихов «Молодость» (Л.). В 1928–1930 – муж О.Ф.Берггольц.

¹² Визиты Лукницкого в ленинградские редакции связаны с его денежными хлопотами накануне отъезда на юг; см.: *Дневник 1928 года*.

¹³ См. примеч. 128 к разделу I.

¹⁴ См. примеч. 5 к разделу I.

¹⁵ См. примеч. 57 к разделу I.

¹⁶ Марина (1923–1979) – дочь Александра Николаевича Пунина (1890–1942; погиб в блокаду), брата Н.Н.Пунина, и его жены Зои Евгеньевны (урожд. Аренс).

¹⁷ Валерия Сергеевна Срезневская и ее дочь Ольга Вячеславовна (Люля).

¹⁸ Текст стихотворения неизвестен. Дата в заглавии – день смерти Н.В.Гуковской (Рыковой). См. запись «Май – июнь 1928» в разделе I.

¹⁹ Надежда Яннуарьевна Рыкова (1901–1996) – поэт, переводчик, литературовед, критик. В 1925 окончила факультет языкознания и материальной культуры Ленинградского университета, тогда же опубликовала свой первый перевод (*Виванти А. По газетному объявлению* / Пер. с итал. Н.Я.Рыковой и Г.В.Рубцовой. Л., 1925). Ее первые стихи вошли в сб. «Ларь» (Л., 1927); в анкете ВСП в 1929 отметила: «Имеется в рукописи сборник стихов» (*Анкеты... писателей*). С 1928 публиковала статьи о зарубежных писателях, постоянный сотрудник журнала «На литературном посту». Работала библиотекарем, редактором, подробнее см.: *Писатели Ленинграда*. С.268.

²⁰ Антонина Николаевна Изергина. См. примеч. 71 к разделу I.

²¹ Наум Яковлевич Берковский (1901–1972) – литературовед, критик. Специалист по европейскому романтизму и русской литературе XIX в. Печатался с 1926, в частности, публиковал заметки о современной литературе в литературном приложении к газете «Ленинградская правда» (ему принадлежит, например, рецензия на «Зависть» Ю.Олеши (*Берковский Н. Юрий Олеши // Ленинградская правда. 1928. №3, 11 февраля. С.4. (Лит. прилож.)*), упоминание о которой см. в дневниковой записи Лукницкого от 25 августа: В 1928 – аспирант Ленинградского университета (впоследствии – профессор).

²² Цезарь Самойлович Вольпе (1904–1941; погиб при переправе через Ладогу) – литературовед, критик. Выпускник Бакинского университета (1925), с 1926 – в Ленинграде. Печатался с 1927, в 1930-х подготовил и выпустил в «Библиотеке поэта» стихотворения В.А.Жуковского (1936; в 2 т. – 1939–1940), А.Белого (1940), И.Козлова и А.Подолинского (1936; совместно с Е.Купреяновой) и др. Подробнее: *Чуковская. Т.1. С.304-305.*

²³ Вероятнее всего, речь идет о Сергее Николаевиче Покшишевском (1902 или 1903 – 1942; погиб в блокаду) – художнике, архитекторе, по профессии – инженер-строителе, поэте и прозаике, авторе повести о судьбе донского казачества «Последние гусары» (РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова). Покшишевский – одноклассник В.А.Мануйлова по частной классической гимназии Е.Д.Петровой в Новочеркасске и адресат его стихотворения «Художнику» (*Мануйлов В.А. Стихи разных лет. 1921–1983. Л., 1984. С.57*). С весны 1924 жил в Ленинграде, по окончании Института гражданских инженеров некоторое время работал в Челябинске, далее – в Ленинграде, занимался также преподавательской деятельностью. Менее вероятно, что здесь имеется в виду его двоюродный брат Вадим Вячеславович Покшишевский (1905–1984) – эконом-географ, «поклонник твоих стихов», как аттестовал его С.Н.Покшишевский в письме к В.А.Мануйлову от 23 ноября 1926 (РО ИРЛИ. Архив В.А.Мануйлова).

²⁴ Ольга Александровна Немеровская (1904–1951) – литературовед. Выпускница Ленинградского университета (1927; факультет общественных наук, литературно-лингвистическое отделение), с конца 1920-х писала статьи о советской и зарубежной литературе, преподавала немецкий язык, вместе с Ц.С.Вольпе составила книгу «Судьба Блока: По документам, воспоминаниям, письмам, заметкам, дневникам, статьям и др.» (Л., 1930).

²⁵ Семен Родионович Михайлов (1900–?) – поэт. Печатался с 1922 в провинциальных изданиях, член ЛО ВСПозтов с 1924, член Правления Литфонда. Определяя, к какому направлению в поэзии принадлежит, написал: «Вне групп. Ближе всего к ЛЕФ» (*Анкеты... поэтов*).

²⁶ Евгений Андреевич Панфилов (1902–1941; погиб) – поэт. Занимался в литературной студии Пролеткульта, печатал стихи с 1920, совместно с И.Васильевым и В.Ричиотти участвовал в сборнике «Певучая банда» (Пг., 1923), выпустил сборник «На рубеже: Стихи и поэмы, 1921–1925» (Л., 1926). Отзыв Ахматовой о его поэзии см.: *Acumiana II. С.173.*

²⁷ См. прим. 79 к разд. I.

²⁸ Раздел хроники «Труды и дни Николая Гумилева», составившейся Лукницким.

²⁹ Копия (машинопись с рукописными вставками) чернового отрывка поэмы Н.С.Гумилева «Дракон», сделанная Лукницким (см.: *Коллекция*). Как указано в сопроводительном примечании, копия была снята с автографа Гумилева, предоставленного А.Н.Гумилевой, являвшегося черновым наброском неоконченной поэмы. Опубл.: Дракон: Альманах стихов. Пб., 1921. Вып. I. С.32-43.

³⁰ Рукописная и машинописная копии рассказа Н.С.Гумилева (в скобках указан псевдоним – Анатолий Грант) «Карты (causerie)», сделанные Лукницким, хранятся в: *Коллекция*; снабжены примечанием: «Переписано с текста, напечатанного в двухнедельном журнале искусства и литературы “Сириус”. №2, Париж, 1907. <...> “Карты” написаны Н.Гумилевым в Париже между декабрем 1906 и январем 1907 года». Рассказ также опубликован (без подзаголовка): Гумилевские чтения. Wiener Slawistischer Almanach. Bd.15. Wien, 1984. P.45-51.

³¹ Ида Моисеевна Наппельбаум (1900–1992) – дочь фотографа-художника М.С.Наппельбаума (1869–1958), поэтесса. Лукницкий – свидетель ее «злых сплетен про А.А.», рассказываемых «милым и простодушным голосом» (см.: *Acumiana I*. С.32 и др.). См. ее дарственные надписи Лукницкому: 1) на альманахе «Ушкуйники» (Пб., 1922): «Павлику Лукницкому мои первые печатные строки в кругу таких же неопытных и менее всего похожих на ушкуйников людей. Ида Наппельбаум. Январь 1925 г.»; 2) на сборнике ее стихотворений «Мой дом» (Л., 1927): «Милому Павлику ко дню ангела лишнюю книжку в веселенькой обложке. Ида Наппельбаум. 1927 г.» (*Книги*). Сборник «Мой дом» был подарен автором и Ахматовой, см.: *Наппельбаум*. С.78-79. О знакомстве Ахматовой с сестрами Наппельбаум см.: *Acumiana I*. С.269; впечатления Ахматовой о собраниях у них см.: *Acumiana I*. С.57 и др. См. также примеч. 40 к разделу IV.

³² Анна Евгеньевна Аренс-Пунина (1892–1943) – врач, первая жена Н.Н.Пунина.

³³ Сведений о Е.П.Невгиной обнаружить не удалось.

³⁴ Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) – поэт, драматург, критик, переводчик, композитор. Арбенина (Гильдебрандт) Ольга Николаевна (1897–1979) – актриса, художница; жена Ю.Юркуна. Юркун (Юркунас) Юрий Иванович (1895–1938; репрессирован) – прозаик, друг М.Кузмина. В записных книжках Ахматовой 1960-х годов есть сведения о том, что в 1920-е Арбенина давала Лукницкому читать обращенные к ней письма Гумилева (*ЗК*. С.731).

³⁵ См. прим. 186 к разд. I.

³⁶ Нина Алексеевна Шишкина Цур-Милен – певица из известной цыганской династии певцов Шишкиных, ей посвящено стихотворение Гумилева «У цыган» (первоначальное название «Цыганский табор»). Сохранив подаренные ей автографы Гумилева, Н.А.Шишкина в начале 1920-х передала их Лук-

ницкому. Об ее отношениях с Гумилевым, затем с Лукницким см.: *Лукницкая В.К.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С.6; *Богомолов Н.А.* Комментарии // Гумилев Н.С. Соч.: В 3 т. Т.1. М., 1991. С.546 (цитируется дневниковая запись М.А.Кузмина от 28 октября 1920); *Дмитренко.* С.111. В Коллекции Лукницкого в ИРЛИ сохранились некоторые материалы, связанные с отношениями Лукницкого и Н.А.Шишкиной: его стихи, ей посвященные («И тебя – не Евой веселой...»), «То было в первых месяцах войны...», «Не в комнате, – такой в ней не бывает дружбы...»), фотографии Н.Шишкиной с дарственными надписями Лукницкому и отдельные его записи. См. надпись Лукницкого на обороте одной из фотографий Шишкиной: «Нина Алексеевна Шишкина. Мой роман – яростный – 1923 и первая половина 1924 года»; его же надпись на пустом конверте: «Нина Шишкина. 1923. Роман. Страстно, сумасшедше была влюблена в меня. Я ушел от нее в 1923 – начале 1924 г. Сожгли всю переписку». На отдельном листе «корректирующая» запись В.К.Лукницкой: «Роман продолжался до конца 1925 года, но более “сдержанный” (Ахматова протестовала)», – это косвенно подтверждается дарственными надписями Шишкиной на своих фотографиях (см. вклейку). К роману Шишкиной и Лукницкого см. также: *Acumiana I.* С.67-68 (запись 20 марта 1925).

Кроме того, «Е. и Н. Шишкиным» посвящено также стихотворение В.А.Мануйлова «Цыганская судьба» (1929) (см.: *Мануйлов В.А.* Стихи разных лет. 1921–1983. Л., 1984. С.63).

³⁷ Иннокентий Александрович Оксенов (1897–1942) – поэт, критик, переводчик (см.: *Басалаев.* С.377). См. дарственную надпись на его книге «Лариса Рейснер» (Л., 1927): «Павлу Николаевичу Лукницкому с лучшими чувствами. Автор. 26.IV 27» (*Книги*).

³⁸ Неустановленное лицо.

³⁹ Неустановленное лицо.

⁴⁰ Возможно, Семен Яковлевич Залкинд (1903–?) – врач, в 1930-е – научный сотрудник Рентгенинститута, ассистент 1-го Ленинградского медицинского института.

⁴¹ Тап – сенбернар В.К.Шилейко и Ахматовой, жил у них с 1922. После окончательного переезда Шилейко в Москву в 1927 остался на попечении Ахматовой, часто болел. Лукницкий помогал в лечении Тапа.

⁴² Неточная цитата из стихотворения «Отчего душа – так певуча...» (1911). У Мандельштама: «Я забыл ненужное “я”».

⁴³ Ахматова сделала надпись на книге: Белая стая. Стихотворения Анны Ахматовой. Второе издание. СПб.: Кн<игоиздательств>во «Прометей» Н.Н.Михайлова, 1918. Дарственный экземпляр см.: *Книги*. См. также фотографию Ахматовой (в виде сфинкса), очевидно, подаренную тогда Лукницкому, на обороте надпись: «Анна Ахматова. 1928. 21 июня».

⁴⁴ См. прим. 193 к разд. I.

III

1928. Июнь – сентябрь

22 июня

<Дневник:>

<...> Уезжаю, как всегда, охотно и легко¹. Но грустно расставаться со своими, и с оленем². <...>

13 августа

<Таблица:>

<...> 8-9 <часов>. Ходил на почту, и путь в «Орлиное Гнездо», к Мандельштамам³.

9-10 <часов>. Путь к Мандельштамам. В «Орлином Гнезде» застал Мандельштам<ов?>. Путь к морю.

<...> 11-12 <часов>. Путь к Мандельштамам. В «Орлином Гнезде». Здесь Н.Я.

12-1, 1-2, 2-3 <часа>. У Н.Я.Мандельштам на даче «Орлиное Гнездо». Сидим в комнате. Завтрак. Рассказы. Разговор об А.А. и всякие другие разговоры.

3-4 <часа>. У Н.Я. Путь в Ялту. Встретил О.Э., вернулся с ним в «Орл<иное> Гнездо».

4-5 <часов>. Путь в город.

<...> 6-7, 7-8, 8-9 <часов>. <...> Путь в «Орлиное Гнездо». У Мандельштамов на даче «Орлиное Гнездо».

7-8 <часов> С О.Э. в саду и на горке. Разговор о литературе.

8-9 <часов> В комнате и в саду с О.Э. и Н.Я. История с их хозяевами. Ужин. Путь в базу. Один. <...>

14 августа*

<Дневник:>

Уговорился встретиться с О.Э. у его переписчика-машиниста – Платона Львовича⁴ .....^{**}, где он <с?> 7 <часов> утра д<олжен> б<ыл> работать. Пришел в 10, и О.М. пришел туда через несколько минут с Н.Я., страшно взволнованный, в панике. Хозяин (получив с него на днях 370 р. в счет долга – все деньги О.М.) отказал ему от комнаты и пансиона, надеясь сдать комнату дороже. (О.М. платил по 120 р. за все – на двоих 240 р. в месяц, а хозяин теперь сдает по 160.) О.М. остался без копейки на улице. Следующая получка от ЗИФ будет только в сентябре.

---

*Рядом с числом надпись: «Разговор О.М. с хозяином происходил сегодня утром».

** Многоточия в автографе.

Начались бестолковые панические обсуждения происходящего, изыскания способов существовать до сентября, проекты самые фантастические, поиски всех могущих помочь людей. Надо достать комнату и пансион в долг, с уплатой в сентябре. Весь день в сумасшедшей беготне по городу, все начинания рушатся одно за другим (священник Петр, столовая Мариино⁵, помещение в здравнице через Курортн<ое> Управл<ение>, отъезд в Одессу и пр. и пр.). Отчаянная телеграмма Лившицу Б.К.⁶ – кстати, разговор о нем – (отзывался о нем О.М., приоткрывая свое недружелюбие, показывая эгоистичность и неблагодарность Лившица⁷). Попытки продать шубу, отмена заказа сапожнику и получение от него 5 рублей задатку. У О.Э. повышена температура – непрерывно мерит ее. Влияние белого костюма на разговоры, на отношение людей. Торгашество ялтинцев. Усталость физическая, и упадок духа, и ощущение безвыходности у О.М.

Мое содействие, поиски комнаты, успех – найдена комната (прекрасная) за 40 рубл. с уплатой в сентябре, – дача Халтурина («Красн<ая> Заря») – очень высоко. Найдена вечером. Окрыление надеждами найти деньги на питание. Вечером О.М. и Н.Я. отправились в «Орлиное Гнездо» на линейке. <...>

<...> Я – «Комитет спасения Мандельштамов»*.

Ялта. «Трагедия» Мандельштамов. Предложение службы в п/о Благоустройства.**

<Таблица:> <...> 10-11, 11-12 <часов>. У Платона Львовича с О.М. и Н.Я. и беготня по городу.

12-1, 1-2 <часа>. Беготня по городу с О.М. и Н.Я. Ходил на дачу «Красн<ая> Заря», узнавал о комнате для Мандельштамов. Ходил с Мандельшт<амом> на почту, отправлял рукописи и телеграмм<у?>.

2-3 <часа>. Беготня по городу.

3-4, 4-5 <часов>. На даче «Красная Заря» с О.М. и Н.Я. Ожидание коменданта. Путь вниз с О.М. и Н.Я.

5-6 <часов>. У Плат<она> Львовича с О.М. и Н.Я. Обед в «Мариино» с О.М. и Н.Я.

6-7 <часов>. Обед в «Мариино» с О.М. и Н.Я. В кафе Федина мороженое. С.И., В.С. и Г.Л.

7-8 <часов>. <Апониковы?> в кафе Федина. Путь с О.М. и Н.Я. на «Красн<ую> Зарю». Ожидание коменд<анта>. Устройство комнаты (осмотр ее) на даче Халтурина. <...>

<Из финансовых подсчетов дня:> <...> В долг О.М. – 1.00 <...> За обед О.М. – 0.80 <...>

---

* На левом поле.

** Над таблицей.

15 августа

<Таблица:>

<...> 3-4, 4-5 <часов>. <...> На даче «Орлиное Гнездо» у О.Э.Мандельштама и Н.Я. Пришел в момент разгара скандала с хозяином, крики, удары кулаком по столу, ругательства, бешенство О.М. и хозяина. Вмешиваюсь, стараюсь наладить спокойный разговор.

5-6 <часов>. У Мандельштамов. Скандал улегся. Стало тише⁸.

6-7 <часов>. У Мандельштамов. Хозяин ушел. Разговоры о прошедшем. Нервное состояние. <...>

<Из финансовых подсчетов дня:> <...> Дал О.М. – 1.00. <...>

16 августа

<Таблица:>

<...> 8-9 <часов>. Зашел к Пл<атону> Льв<овичу>, чтоб сказать О.М. о решении плюнуть на Ялту и ехать с «Озирисом»⁹. О.М. и Н.Я. уцепились за меня. Уговаривают остаться. <...>

10-11, 11-12 <часов>. Брожу по набережной от Пл<атона> Льв<овича>, в учреждения, то с Мандельштамами, то с техниками¹⁰. Мечусь. Хочу уехать. Мандельштамы уговаривают остаться, чуть не со слезами. Мне жалко их, и я, обессиленный, сдаюсь. Оставляю решение уехать. <...>

3-4, 4-5, 5-6 <часов>. У Плат<она> Львовича. Здесь О.М. Обед в столовой «Мариино». Один. У Платона Львов<ича>. Здесь О.М. и блуждания. С О.М. Ходил с О.М. по базару, пытаюсь продать его боты. Продать не удалось.

6-7 <часов>. Блуждания с О.М. Страшная усталость. Заходили в кафе Федина, где техники, ели мороженое. Отсюда – путь с О.М. в «Орлиное Гнездо». Заходили на почту.

7-8 <часов>. В «Орл<ином> Гнезде». О. и Н.Я. Мандельштамы. Физическая и душевная усталость. Разговор о деньгах, о хозяине, о переводах Майн-Рида¹¹. <...>

<Из финансовых подсчетов дня:> <...> Мороженое у Федина (и за О.М.) – 0.40. <...> Дал О.М. на его книгу статей – 1.00. <...>

17 августа

<Дневник:>

Разговор с О.М. о призвании поэта. («Поэт» – позорная кличка, неизвестно кем на посмешище выдуманная. Есть мастер, есть мыслитель, но поэта – нет. А если есть мастер, значит, есть начало и конец его работе. Стул сделан, чего еще вы хотите?) – (это к тому, что О.М. бросил писать стихи и хочет иметь другую, не литературную специальность).

О.М. получил телеграмму: «Надеюсь выслать вторично пятьдесят, успокойся, выкупи бокал целую» (без подписи, неизвестно от кого).*

<Таблица:>

<...> 10-11 <часов>. <...> У Плат<она> Львов<ича> оставил чемодан. Здесь О.Э.Мандельштам. У Плат<она> Львов<ича>. Жду О.М. (он здесь). Пишу открытки.

11-12 <часов>. Ходил с О.М. на базар. О.М. продал боты за 3 рубля. Потом завтракал с ним у Фелиди. Завтрак с вином. Потом О.М. покупал чуваки за 4 р. 00.

12-1 <час>. Встреча с Григор<ием> Петниковым¹², едущим в Гурзуф. Путь п<ешком> с О.М. На почте с О.М. Разговор по телефону (в Симферополь к Шенгели¹³, кот<орого> нет). В отд<еле> Благоустройства с О.М. у Д<митрия> О<сиповича>¹⁴. Путь на пляж, один. <...>

<Из финансовых подсчетов дня:> За завтрак за меня заплатил О.Мандельштам – 0.65. О.Мандельштаму (на чуваки) – 1 р. 40 <...> О.Мандельштаму на телефон – 0.50 <...>

18 августа

<Таблица:>

<...> 6-7, 7-8, 8-9, 9-10, 10-11 <часов вечера>. С Осипом Мандельштамом.

6-7 <часов вечера>. Встретил О.Мандельштама. Бродил с ним по городу. Он опять в панике. Я выслушиваю все его безнадежн<ые> проекты и разговоры о долгах.

7-8 <часов вечера>. Бродим. Он все жалуется.

8-9 <часов вечера>. У него в «Орлином Гнезде». Здесь Н.Я. и все те же разговоры. Мысль об устройстве литер<атурного> вечера.

9-10, 10-11 <часов вечера>. Опять пошел с ним в город, в клуб 1-го мая, артистка сумасшедшая, потом клуб<ный> библиотекарь, разговор об устр<ойстве> вечера, потом с О.М. – в курзал в поисках Марадудиной¹⁵, потом бродили, и в кафе. Я ел чебуреки, он – пил кофе. Потом – путь в «Орл<иное> Гнездо».

11-12 <часов вечера>. Путь в «Орлиное Гнездо» с О.М. По дороге читал ему стихи. Обсуждение их. У О.М. и Н.Я. <...>

<Из финансовых подсчетов дня:> <...> Взял у О.М. – 2 рубля. (Он получил из Ленинграда – 70.00.) <...>

19 августа

Мысль о лит<ературном> вечере (я и О.М.), и хлопоты.**

---

* Над таблицей.

** Над таблицей.

<Таблица:> <...> 11-12, 12-1, 1-2, 2-3 <часа>. С Осипом Мандельштамом.

11-12 <часов>. Брожу по городу, ищем редактора газ<еты> «Красный Крым».

12-1, 1-2, 2-3 <часа>. В клубе 1-го мая.хлопоты об устройстве литер<атурного> вечера. Ожидание в клубе, обсуждение предлож<енного?> литературным кружком. Я жду в клубе, а О.М. – на улице. <...>

20 августа

<...> Встреча с Рождественскими. В Ялте – М.Светлов и И.Уткин¹⁶ (в Доме отдыха Печатников).*

<Таблица:> <...> 9-10, 10-11, 11-12 <часов>. <...> Встреча на набережн<ой> с Всеволодом Р<ождественским> и Ириной. В городск<ом> саду. Разговор, рассказы, планы лит<ературного> вечера. <...> Ходили в Райпрофбюро, и на Малярийн<ую> станцию – узнавать о возможности вечера. Путь п<ешком>.

12-1 <час>. У Фелиди. С Всевол<олодом> и Ириной. Обед. ½ бут<ылки> вина. На набережн<ой>. Знакомство с их спутниками и путь.

1-2, 2-3 <часа>. Путь п<ешком>. Я сидел на скамейке, морожен<ое>. Разговор Всевол<олода> по телефону. Путь п<ешком>. На лечебном пляже. Всеволод (Ирина – на женском). Купанье. Путь п<ешком>. Заходили к Федину. Мороженое и пирож<ное?>. Путь п<ешком>.

3-4 <часа>. На пристани. Провожая Всевол<олода> и Ирину в Мисхор. Путь п<ешком>. Встретил Ос. Мандельштама. Ходили [по городу]. Путь п<ешком> на пляж. О.М. угощает меня кефиром.

4-5, 5-6 <часов>. С Осипом Мандельштамом.

4-5 <часов>. С Ос. Манд<ельштамом> на пляже. Купанье.

5-6 <часов>. Ходили в гостин<ицу> «Франция» искать редак<тора> «Красн<ого> Крыма» и были на почте.

6-7, 7-8 <часов>. Путь на линейке. У Ос. Мандельштама и Н.Я. О.М. обедает. Планы лит<ературного> вечера. Шахматы с Н.Я.

8-9 <часов>. С Осип<ом> Мандельшт<амом>. Ходили в город, искали редактора, были в клубах, в гостиницах, на парт<ийном> собр<ании>, в кафе и ресторанах. Ищем также М.Светлова и Уткина Иосифа. <...>

Всевол<од> Рожд<ественский> уехал из П<етербурга?> – 30 июня или 1 июля. Всевол<од> Рожд<ественский>, через Одессу, при-

---

* Над таблицей.

ехал в Гаспру, в Дом Отдыха, жил там месяц, потом поехал в Коктебель к Волошину, здесь жил 12 дней, сюда приехала Ирина, и из Коктебеля с ней вчера приехал в Ялту. Решил завтра поехать в Гаспру, к Всеволоду> Рождественскому.*

<Из финансовых подсчетов дня:>

Взял у Вс. Рожд<ественского> – 1 рубль.

21 августа

<...> Весь день в утомительных хлопотах о службе¹⁷. Разговоры об устройстве лит<ературного> веч<ера>. Вечером был у Мандельштамов. Вечер решили не устраивать, п<отому> ч<то> fix'a нам не дают, а задарма выступать мы не будем из гордости. <...>^{**}

22 августа

Ялта – теплоход «Зарница» – Мисхор – Кореиз – Гаспра. В гостях у Вс. Рождественского.^{***}

<Таблица:>

<...> 7-8, 8-9 <часов вечера>. Путь, один, в Кореиз, оттуда в Гаспру, и в именье Ай-Тодор: у меня нет адреса Рождественских. Долгие поиски их. Наконец, обзленный, нашел их.

9-10, 10-11, 11-12 <часов вечера>. В Гаспре, в именье Ай-Тодор.

9-10 <часов вечера>. У Всеволода и Ирины Рождественских и у Прилежаевых¹⁸. Разговоры, рассказы, чай. Здесь хорошо.

10-11 <часов вечера>. Ходили вместе в Дом Отдыха Цекубу. Здесь Е.Мустангова¹⁹, здесь певица Афанасьева²⁰. Всеволод читает публично.

11-12 <часов вечера>. Гуляли вместе в темных аллеях. Рассказ Ирины о Волошине²¹.

<Из финансовых подсчетов дня:>

Отдал Всеволоду> Рожд<ественскому> – 0.60.

23 августа

Гаспра. Путь пешком – Ореанда – Ливадия – Ялта.^{****}

<Таблица:>

<...> 8-9, 9-10, 10-11, 11-12 <часов>. В Гаспре. Вместе с Рождественскими и Прилежаевыми, у них. Завтрак и чай, разговоры и пр. Вышли из Гаспры втроем: я, С.С.Прилежаев и Шура .....^{*****}.

---

* Под таблицей.

** По таблице, поперек всех «вечерних» граф.

*** Над таблицей.

**** Над таблицей.

***** Так в тексте (3 раза).

12-1, 1-2, 2-3 <часа>. Путь пешком втроем из Гаспры в Ялту (я, С.С.Прилежаев и Шура²² .....). Идем по Царской тропе, через Ореанду и Ливадию. В Ореанде (на «ротонде») отдыхали, ели орехи. Солнце вовсю жарит. Шел без рубашки. В Ялте. На почте.

2-3, 3-4 <часа>. В Ялте. В городском саду с С.Прилежаевым и Шурой ..... Ждем Ирину Рожд<ественскую>, кот<орая> приехала в Ялту катером.

4-5 <часов>. На пляже, вчетвером – я, Ирина Рожд<ественская>, С.Прилежаев, Шура ..... Купались.

5-6 <часов>. Путь п<ешком>. Обед в гост<инице> «Франция». Ирина Рожд<ественская> не обедает.

6-7 <часов>. На молу. Провожали Ирину, кот<орая> ехала в Гаспру на катере. Путь п<ешком> с С.Прилежаевым и Шурой. Они идут в Гаспру пешком. <...>

Купил Ирине 5 пирожных (послал их в Гаспру с Прилежаевыми).*

24 августа

<...> Встреча с Б.Лавреневым и его женой²³. Б.Л<авренев> с женой в Ялте несколько часов, проездом из Новороссийска в Одессу на «Пестеле». Он был с женой в Эссенуках и там выступал.**

25 августа

<Дневник:>

<...> День был трудным, к вечеру смертельно болит голова. Но все же пошел к Мандельштаму – сегодня 25 августа²⁴, хотелось не быть одному. Писали письмо А.А. (вместе).²⁵

О.Э. успокоился за эти дни, – жизнь его вошла в русло.

А моя?

<...> Вечером читал стихи Н.Г. у Квашнина-Самарина. И он, и его сестра (глупенькая студентка И<нститута> И<стории> И<скусств>), – знают эти стихи.

<Таблица:>

<...> 7-8, 8-9, 9-10 <часов вечера>. У О.Э. и Н.Я. Мандельштам. Пишем письмо А.А., разговоры обо всем понемногу; О.Э. подарил мне свой том «Стихотворения»²⁶, дал читать статьи²⁷ и «Зависть» Олеси²⁸. Угощал грушами. <...>

11-12 <часов>. На даче «Кр<асная> Заря», у С.И.Квашнина-Самарина. Читал стихи Н.Г. и О.Мандельштама. Здесь сестра С<ергея> И<вановича> Люб<овь> Ив<ановна> и Г.Л.Дьяконов.

---

* На полях.

** Над таблицей.

26 августа

<Таблица:>

<...> 1-2, 2-3, 3-4 <часа>. <...> На пляже, один, купался, плавал. Волна. Читал статьи О.М. и газеты. <...>

Послал письмо (вчерашее) – А.А. <...>.

27 августа

<Таблица:>

<...> 8-9, 9-10, 10-11 <часов>. В Гаспре. На даче, у Прилежаевых. Мытье, завтрак, разговоры, кофе. Здесь Рождественские.

11-12 <часов>. Путь п<ешком> с Всев. Рождеств<енским> в Кореиз, на почту <...> Путь один, бегом из Кореиза в Мисхор к пристани.

12-1 <час>. В Мисхоре. Жду катера. Сюда пришли Рождественские. Встреча с Е.Мустанговой. Посадка на шлюпки. Путь на теплоходе «Зарница» в Ялту. <...>

28 августа

<Дневник:>

Утром пошел на «Озирис» в тайной надежде, что Буриус²⁹ передумал идти в Темрюк. Прихожу – «Ваша фортуна действует» – идем на Скадовск. Окрыленный, побегал в город, заканчивать все расчеты с Ялтой. На пляже с О.М., потом был у них. Они завидуют. Отход намечен был в 5–6 часов; когда, вконец усталый, пришел на судно, оказалось, что арбузы еще не выгружены, и пойдем завтра <...>

<Таблица:>

<...> 12-1, 1-2, 2-3 <часов>. <...> На пляже. Здесь О.М. <...>

3-4 <часа>. Путь п<ешком>. У Филиди. Обед и расчеты. Путь п<ешком>.

4-5 <часов>. У О.М. и Н.Я. в «Орлином Гнезде». Они обедали. Надпись на книжке. Путь п<ешком>.

5-6 <часов>. Дома. Укладка вещей. Прощание. <...>

29 августа

<Таблица:>

<...> 9-10, 10-11, 11-12 <часов>. <...> В городе. Ходил на почту, писал открытки, потом на «Красн<ую> Зарю» и в банк, бродил по набережной (на базаре – молоко). Встреча с О.М. <...>

3 сентября

<Таблица:>

<...> 8-9, 9-10 <часов вечера>. <...> Пишу открытки В.Рождественскому и О.Мандельштаму. <...>

4 сентября
<Дневник:>
<...> передал Францу³⁰ открытку (О.Мандельштаму), чтоб он ее бросил в Ялте³¹.

20 сентября³²
<Таблица:>
<...> 1-2 <часа>. На Б<ольшом> Фонтане. Розыски дачи Сорокини³³. Разговоры с местными жителями. <...>
5-6 <часов>. Заходил на почту. Получил открытку от А.А. <...>

21 сентября
<Таблица:>
<...> 3-4 <часа>. Ходил по Люстдорфу, заходил на почту, писал открытки А.А. и себе. Спрашиваю о даче Горенко³⁴.
4-5 <часов>. Путь т<рамвай>. Ищу дачу Горенко. Поселок Цыганское. Отсюда пешком – на Больш<ой> Фонтан (16-ая станция). Разговор с Горенко-рыбаками. <...>

25 сентября*
Послал открытки О.Э.Мандельштаму (в Ялту) и В.Барщевской³⁵ (в Витебск).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 22 июня 1928 Лукницкий уезжает на юг вместе с Н.С.Тихоновым, В.А.Кавериним, М.К.Неслуховской (жена Н.С.Тихонова). Сначала вместе с ними (на какое-то время к ним присоединяется и брат В.Каверина Л.А.Зильбер с женой Зинаидой Виссарионовной; как помечает Лукницкий – «оба биологи»), потом (с конца июля) в одиночестве путешествует по маршруту Баталпашинск (позднее переименован в Черкесск) – Теберда (25 июня – 13 июля) – Сухум (18–24 июля) – Гагры (28–29 июля) – Туапсе (30 июля – 5 августа) – Керчь (7–9 августа) – Ялта (11–28 августа) – Скадовск (31 августа – 12 сентября) – Хорлы (13–15 августа) – Херсон (17–18 сентября) – Одесса (18–26 сентября). На Кавказе он ходит в горы – в дневнике остаются описания горных озер, снеговых вершин, долгих (по 30–40 верст в день) переходов (помимо локальных походов в течение пяти дней совершает пеший переход по Военно-Сухумской дороге до Сухума). Лукницкий нанимается на шхуны, ходит на них вдоль Черноморского побережья Кавказа и Крыма, добирается до Ялты.

Имя Ахматовой встречается в дневнике того времени главным образом в отметках Лукницкого о посланных письмах и открытках. Так, он помечает

---

* Под таблицей.

открытки, посланные им Ахматовой 26 июня, 9, 21, 25 июля, 8, 12, 17, 24, 29 августа, 1, 17 (послано 18-го), 21 сентября, письма – 28 июня (тогда же – письмо А.Е.Пуниной), 31 июля, 9 сентября. 25 августа, в годовщину гибели Н.Гумилева, О.Э. и Н.Я.Мандельштамы и Лукницкий пишут Ахматовой совместное письмо (послано 26-го). 20 сентября Лукницкий помечает получение открытки от Ахматовой. В Коллекции Лукницкого в ИРЛИ сохранились черновики писем Лукницкого Ахматовой от 28 июня из Теберды и от 9 сентября из Скадовска (вместе с другими сохранившимися фрагментами переписки Ахматовой и Лукницкого они, как уже было сказано, ждут отдельной публикации).

Приводимые дальше записи относятся к ялтинскому периоду.

² «Олень» – прозвище Ахматовой. См.: *Acutiana II*. С.253-254; а также: *Гинзбург Л.Я.* Ахматова: Несколько страниц воспоминаний // *Воспоминания*. С.137.

³ О.Э. и Н.Я. Мандельштамы жили в Ялте с июня 1928; вернулись в Ленинград в сентябре. «Орлиное гнездо» – видимо, название частной дачи, где Мандельштамы снимали комнату. См. адреса, приводимые Мандельштамом: «Ялта. “Орлиное гнездо”» (письмо от 25 июня 1928); «Ул. Коммунаров, пансион Лоланова» (письмо от 29 июня 1928). См.: *Мандельштам. Письма*. С.97-100 (№123, 124). В пансионе Лоланова Мандельштамы периодически жили и в 1925–1926 (Там же. С.449-450).

⁴ См. о нем: *Мандельштам Н.Я.* Комментарий к стихам 1930–1937 гг. // *Жизнь и творчество О.Э.Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования.* Воронеж, 1990. С.231.

⁵ Столовая в известной ялтинской гостинице «Мариино», находившейся на набережной (тогда – наб. Ленина). В июле 1928 во время своей поездки по СССР в ней останавливался М.Горький.

⁶ Бенедикт Константинович (Наумович) Лившиц (1886; в анкете ВСП указал: 1882 – 1938; репрессирован) – поэт, прозаик, мемуарист. Печатался с 1909, в 1910-е входил в круг футуристов. С 1922 состоял членом ЛО ВСП, к 1928 выпустил пять поэтических книг. Знаком с Мандельштамом с 1913. Отношение Лукницкого к творчеству Лившица («непоправимо сомнительно как поэтическая ценность» и т. п.) см.: *Лукницкий–Горнунг*. С.558 (письмо Лукницкого 1928 года).

Телеграмму Мандельштама Лившицу см.: *Мандельштам. Письма*. С.100 (№125); хранится в: *Коллекция*.

⁷ Мандельштам напрасно опасался «эгоистичности и неблагодарности» Лившица, – их связывали дружеские и творческие отношения. В соавторстве с Лившицем написана шуточная «Баллада о горlinkках» (1924); в стихотворении «“Ubi bene, ubi patria”...» Мандельштам называет Лившица другом. «Благодарным» Лившиц должен был быть Мандельштаму за устройство переводов В.Скотта и Т.Майн Рида в издательстве «Земля и фабрика».

⁸ Очевидно, договоренность с хозяином была достигнута: в последующие дни Лукницкий продолжает ходить к Мандельштамам в «Орлиное гнездо».

⁹ «Озирис» – шхуна, на которой Лукницкий плыл из Ялты в Скадовск.

¹⁰ «Техниками» Лукницкий называл своих знакомых по Ялте – Д.О.Еронкина, Н.Н.Дубровского, С.И.Квашнина-Самарина, Г.Л.Дьяконова. О них – в дневниковой записи 16 августа:

Мои сожители по комнате:

Еронкин Дм<итрий> Осип<ович> – техник, служит здесь в ОМХ^е (п/о Благоустройства).

Дубровский Ник<олай> Ник<олаевич> – студент Инст<итута> Гражд<анских> Инженеров – из Ленинграда, коренастый, плотный, немного рыхлый.

Квашнин-Самарин – Серг<ей> Иван<ович>, 24 г., из Ленинграда, студент, техник, служит в Крымпайстрое, участк<овым > техником. Человек с бородой и продолговатым лицом, пишет стихи, знает музыку, дилетант в искусстве, немного эстетствующий. Знает литературу (приблизительно) и хороший товарищ. Его жена – Виргиния Сильвиевна – тоненькая, худенькая женщина с чортиками в глазах. Слишком тихая. Любовь Ив<ановна> – его сестра, девушка из Инст<итута> Ист<ории> Иск<усств> (1-й курс) – типичная, наивная, глупенькая, никак не самостоятельная, ни в чем и ничем не оригинальная. Живут на «Кр<асной> Заре» в комн<ате> 25.

Георг<ий> Леонидович Дьяконов – студент, ленинградец, приятель Квашниных-Самариных. Служит в Техбюро. Юноша из «хорошей семьи».

¹¹ Собрание сочинений Томаса Майн Рида вышло в издательстве «Земля и фабрика» в 1928–1929. Мандельштам вместе с Б.Лившицем был в числе основных его переводчиков. Эту работу (перевод с французского перевода) Мандельштам рассматривал как вынужденную литературную поденщину. Подробнее см. в письме Мандельштама И.И.Ионову (с осени 1928 – директору «ЗИФа»), датированному концом января – началом февраля 1929 (после известия о расторжении издательством договора с переводчиками): *Мандельштам. Письма*. С.106-110 (№ 130) и след. (№№ 131, 132).

¹² Григорий Николаевич Петников (1894–1971) – поэт-футурист, участник группы «Лирень», организатор журнала «Пути творчества». Первые стихи – в совместном с Н.Асеевым сборнике «Леторей» (М., 1915), затем в 1918–1920 выпустил три собственных поэтических сборника. Знакомство с Мандельштамом относится, вероятно, к 1919; Мандельштам и Петников вместе работали в это время в Харькове во Всеукраинском литературном комитете при правительстве Украины (сообщено А.Г.Мецем). В 1925–1931 Петников жил в Ленинграде, дружил с Н.Н.Пуниным (см.: *Пунин*. С.472), печатался в журналах, работал в издательствах «Всемирная литература» и «Academia». Под его редакцией вышел сборник «Молодая Германия: Антология современной немецкой поэзии» (Харьков, 1926), в котором были помещены и переводы О.Мандельштама (из М.Бартеля, Ф.Верфеля, А.Лихтенштейна, Р.Шикелэ). Лукницкий знал Петникова по работе в ЛО ВСПоэтов, где Петников 1 апреля 1927 на закрытом заседании читал стихи (про-

токол заседания составлен Лукницким. – РО ИРЛИ. Ф.172. Ед.хр.1690) и куда Петников был принят 15 апреля 1927. В том же 1927 (28 января) в Союз поэтов приняли О.Мандельштама (см.: Отчет о деятельности ЛО ВСПоэтов за время с 1-го января 1927 г. по 1-е января 1928 г. – РО ИРЛИ. Ф.291). Подробнее о Петникове см.: *Парнис А.Е.* Петников Григорий Николаевич // *Русские писатели.* Т.4. С.571-574.

¹³ Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) – поэт, переводчик, стиховед. В 1925–1927 – председатель ВСПоэтов. К 1928 – автор ряда поэтических сборников, драматических поэм, а также «Трактата о русском стихе» (1923) и памфлета «Маяковский во весь рост» (М., 1927), на который Мандельштам откликнулся эпиграммой «Кто Маяковского гонитель...» (*Мандельштам О.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 1995. С.378). Литературное наследие Шенгели представлено в его книге «Иноходец: Собрание стихов; Повар Базилевса: Византийская повесть; Литературные статьи. Воспоминания» (М., 1997). Мандельштама и Ахматову Шенгели «боготворил» (*Луккин С.* Квадрига: Повесть. Мемуары. М., 1997. С.369). К отношениям Мандельштама и Шенгели см. также шуточное стихотворение Шенгели «Мандельштам» («Се киммерийская утаена тоска...», 1925). Об Ахматовой и Шенгели см.: *Постоутенко К.Ю.* Анна Ахматова и Георгий Шенгели: (К истории взаимоотношений) // *Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И.Харджиева.* М., 2000. С.727-735; *Рудин из Брюсовского института: Письма Г.А.Шенгели М.М.Шапской. 1923–1932* / Публ. С.В.Шумихина // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып.15. М.; СПб., 1995. С.259; см. также: *Acumiana* (по указ.), *Чуковская. Т.2.* С.630-631; *Рубинчик.* С.206-207. В 1957 (27 апреля) и 1962 (3 октября) Ахматова и Лукницкий встречались в Москве на квартире Шенгели, в последнюю встречу Ахматова подарила Лукницкому несколько авторизованных копий своих поздних стихотворений (*Коллекция.* Альбом «Acumiana 1962». Л.171-173об.). См. дарственные надписи Лукницкому на поэтических сборниках Шенгели: 1) «Норд» (М., 1927): «Многоуважаемому Павлу Николаевичу Лукницкому, товарищу по общей любви к Н.С.Г. Г.Шенгели. <19>29. 22/VI» и 2) «Планер: Стихи» (М., 1935): «Многоуважаемому Павлу Николаевичу Лукницкому от автора. 3/III.<19>36» (*Книги*).

¹⁴ Д.О.Еронкин, см. выше, примеч. 10.

¹⁵ Мария Семеновна Марадудина – драматическая актриса, рассказчица, конферансье. В 1924–1925 сдавала Мандельштамам во время их приезда в Ленинград две комнаты в своей квартире на Б.Морской ул., д. 49, кв. 4.

¹⁶ Иосиф Павлович Уткин (1903–1944; погиб в авиакатастрофе) и Михаил Аркадьевич Светлов (1903–1964) – поэты. О.Ф.Берггольц вспоминает о приездах в 1925–1928 в Ленинград и выступлениях М.Светлова в группе «Смена», И.Уткина – в Институте истории искусств (*Берггольц О.Ф.* Собр. соч.: В 3 т. Л., 1988. Т.1. С.35-36); возможно, по этим выступлениям их знал и Лукницкий.

¹⁷ Лукницкий в то время, испытывая острую нужду в деньгах, пытается, со многими трудностями, устроиться на временную работу.

¹⁸ Прилежаевы, вероятно, были ленинградскими знакомыми Рождественского; в справочнике «Весь Ленинград» на 1928 год числятся экономист Сергей Васильевич Прилежаев и преподаватель Сергей Сергеевич Прилежаев.

¹⁹ Евгения Яковлевна Мустангова (1905–1937) – критик. Входила в ВАПП (на областной конференции РАПП в апреле 1929 делала доклад о критике), регулярно печатала статьи о советской литературе и критике (см. ее сб.: Современная русская критика. Л., 1929), исследователь творчества Н.А.Некрасова.

²⁰ Возможно, речь идет о Зинаиде Леонидовне Афанасьевой, актрисе Малой студии им. Немировича-Данченко, отдохавшей или гастролировавшей в это время в Ялте.

²¹ В июле 1928 В.А.Рождественский и И.П.Стуккей гостили у М.А.Волошина в Коктебеле; эта была первая встреча И.П.Стуккей с Волошиным.

²² Неустановленное лицо.

²³ Жена Б.А.Лавренева – Елизавета Михайловна Горбаневская.

²⁴ Днем расстрела Гумилева считается 25 августа 1921. Возможно, более точная дата – 23 августа 1921 – зафиксирована в стихотворении Грааль-Арельского «На смерть Гумилева»: *Бернев С., Гендриков В. Грааль-Арельский – поэт минувшего // Распятыя. 5. С.168.*

²⁵ Письма О.Э., Н.Я.Мандельштамов и П.Н.Лукницкого Ахматовой от 25 августа 1928 печатались неоднократно, см., например: *Мандельштам. Письма. С.101 (№126), 391-392.* В Коллекции Лукницкого в ИРЛИ хранится копия, сделанная Лукницким.

²⁶ *Мандельштам О.Э. Стихотворения. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.*

²⁷ Сборник статей О.Э.Мандельштама «О поэзии» вышел в издательстве «Academia» в конце июня 1928.

²⁸ Роман Ю.К.Олеши «Зависть» вышел в издательстве «ЗИФ» в 1928.

²⁹ Дмитрий Николаевич Буриус – владелец шхуны «Озирис».

³⁰ Франц Порчелли – капитан шхуны «Озирис». Поэма «Каботаж (повествование в ямбах)», опубликованная в сборнике Лукницкого «Переход» (Л.; М., 1931), имеет посвящение: «Капитану Францу Порчелли, штурману Ивану Клок и трем матросам шхуны “Озирис”».

³¹ 6 сентября Ахматова пишет Пунину (в Сочи): «Лукницкий сигнализирует из каких-то Скадовсков SOS. Я – нет» (цит. по: *Летопись. Ч.2. С.125.*)

³² 18 сентября Лукницкий приехал в Одессу.

³³ Сорокини (правильно: Саракини – написание Ахматовой) – место рождения Ахматовой. См., например: *Хейт. С.215.*

³⁴ На даче в Люстдорфе под Одессой Ахматова жила летом 1904, 1906 и 1909, см.: *Летопись. Ч.1. С.24, 32.* В 1909 туда к ней приезжал Гумилев.

³⁵ Вера Васильевна Барщевская – знакомая Лукницкого по Скадовску. О ней в дневниковой записи от 10 сентября 1928: «Учится музыке. Пианистка. 21 год».

28 сентября¹

<Дневник:>

Холодно, темно (а в глазах моих – еще горит юг голубым светом). Еду с настроением скверным – в первый раз, без любви к родному городу. И только уже со второй половины дня – нетерпение – скорей бы приехать – надоел путь в поезде, этот неинтересный, ненужный, и обязательный – непреходимый, последний этап путешествия.

За окном снежная мятель <так!>! Вьюга, самая настоящая. Какая гадость. Холодно, холодно. Извозчики у вокзала. Грязная вода со всех сторон. Темнота, придавленность. Еду, один, домой. Улицы пусты и пустынные. Мертвый город. Никакого движения – ни экипажей, ни пешеходов нет. Уткнулся взглядом в спину извозчика, не хочу смотреть по сторонам. Замерзаю.

Дома меня встретили радостно – мама и папа приехали из Кисловодска сегодня утром. До ночи рассказывал о себе.

<...> В 10 ч <асов> веч<ера> звонил А.А. к Рыковым. Она здорова и благополучна. Н.Н.Пунин – в Сочи, приедет 6 октября².*

29 сентября

<Таблица:>

<...> 12-1, 1-2, 2-3, 3-4, 4-5, 5-6 <часов>. У А.А.Ахматовой в Ш.Д.

12-1, 1-2 <часа>. Рассказываю о себе. Разговариваем о Мандельштаме, о Каверине. В Ш.Д. – Н<иколай> К<онстантинович Миронич>, Ира.

2-3, 3-4 <часа>. Гулял с нею по Фонтанке, Симеоновской и Надеждинской ул. Она рассказывала о себе.

4-5 <часов>. А.Е. пришла.

5-6 <часов>. Обедаю с А.А., А.Е., Н<иколаем> К<онстантиновичем> и Ирой. <...>

1 октября

<Дневник:>

Мертвый город, мертвые люди, от всего пахнет трупным запахом, никаких интересов нет, ни спокойствия, ни удачи. Никто в городе не улыбается, у всех задавленные взгляды, и апатия, апатия беспросветная. Люди живут по инерции, встречаются по инерции, разговаривают друг с другом по инерции – и только, чтоб не молчать, мучительно напрягаясь, вытягивая из себя слова. Скука, жи-

---

* На полях таблицы.

вотная скука. Ни у кого никаких признаков энергии, даже на то, чтоб улучшить свои – личные дела. Даже формула – «не до жиру, быть бы живу», звучит нелепо, потому что никто не живет.

Я живым, здоровым, бодрым и энергичным приехал с юга... Мне все это странно и чуждо, словно этот город никогда не был родным... Все, что здесь делается – бессмысленно, и скучно, уныло, мрачно. Как-то неловко разговаривать с людьми бодрым, веселым голосом, неприлично как-то, когда все – такие замогильные. А главное – неврастения, нервность – единственная пища и воздух, питающие здесь людей, – заразны. Я чувствую, как я заражаюсь этим ядом нервности, которым всё, даже камни, пропитаны здесь.

Надо держаться возможно дольше, надо уберечь себя от этой заразы... Но я чувствую, как она входит в меня, я начинаю заболевать бытом этого города. Ужасно, что нельзя быть – отдельным.

Все мы плаваем в черной, липкой и промозглой грязи.

<Таблица:>

<...> 8-9, 9-10 <часов>. <...> У А.А. в Ш.Д. – Здесь А.Е. и Н<иколай> К<онстантинович>. Пили чай. А.А. будет выступать в Тюзе³. Путь с А.А. Она – к Срезневским⁴. Проводил ее.

Узнал (от А.А.), что вышел изданный ГАХН словарь писателей с моей заметкой об Н.Г.⁵ А.А. констатирует, что о ней там написаны какие-то гадости, и недовольна, что составители не указывают, откуда взят материал (можно подумать, что А.А. сама давала сведения, что совершенно неверно)⁶.*

4 октября

<Таблица:> <...> 2-3 <часа>. <...> Заходил в Изд<ательство> Писателей. Взял корректуру изд<ательства> «Петроград»⁷. <...>

7-8, 8-9, 9-10 <часов>. Дома. Переписывал летние стихи, составлял 2-ю книжку стихов (без надежды скоро ее издать)⁸. Писал письмо И.Басалаеву⁹. <...>

А.А. звонила мне вечером с вокзала, сказала, что провожала знакомого. ** Был ли у нее этой осенью (летом?) – роман?***

5 октября

Мне утром звонила Т.В.Аргутинская¹⁰ –знакомилась по телефону (по рек<омендации> Неслуховского¹¹), чтоб говорить об Н.Г. – Она хочет писать работу о нем в У<ниверсите>те.****

---

* На полях таблицы.

** На полях таблицы.

*** На обороте таблицы.

**** На полях таблицы.

<Таблица:>

<...> 2-3, 3-4, 4-5, 5-6 <часов>. У меня Тамара Вас<ильевна> Аргутинская – девушка, на днях приехавшая из Севастополя. Разговаривал с ней об Н.Г., показывал книги Н.Г., читал ей «Гондлу» и др<угие> стихи. Девушка юная и экзальтированная, произвела хорошее впечатление на меня. <...> Подарил ей «Шатер»¹².

8-9, 9-10 <часов>. <...> Дома. Звонил А.А. Путь п<ешком>. У А.А. в Ш.Д. Принес <?> ей коррект<уру> изд<ательства> «Петроград».

По просьбе А.А. я передал Иде Наппельбаум два негатива для ретуширования. Один – снимок Пунина (тот, который А.А. прислала мне в Геленджик), другой – мой снимок – А.А. в постели в Мр. Дв. во время болезни в марте 1925. Эти фотографии А.А. пошлет Оскару Мещанинову¹³ в Париж. (На днях А.А. звонил неизвестный француз и передал просьбу Мещанинова прислать фотографии, т. к. он хочет делать скульптуру А.А.)*

12 октября

<Таблица:>

<...> 6-7, 7-8, 8-9 <часов вечера>. <...> У меня Т.В.Аргутинская. Разговоры об Н.Г. Читал стихи Н.Г. Т.В.А<ргутинская> принесла мне П.Лоти¹⁴ и пр.

9-10 <часов>. Путь п<ешком> с Т.В.Аргутинской. У А.А. в Ш.Д. с Т.В.Аргутинской (знакомство и разговоры).

10-11, 11-12 <часов>. <...> Пришел Пунин. Путь Т<рамвай>. П<ешком>. Ездил провожать Т.Аргутинскую домой (на Вас<ильевский> Остров). Она смущена, взволнована и пр. Потом вернулся в Ш.Д.

11-12, 12-1 <час ночи>. У А.А. в Ш.Д. В кабинете. Она одна. А.А. подарила мне номер «Правды» 1921 года¹⁵. <...>

13 октября

<Таблица:>

<...> 5-6, 6-7 <часов>. У Л.Н.З. Пришел Евг. Ив. Путь п<ешком>. У А.А. в Ш.Д. Принес ей стихотв<орения> Ф.Сологуба¹⁶. <...>

14 октября

<Таблица:>

<...> 1-2, 2-3 <часа ночи>. В Доме Печати (открытие Дома Печати в Мариинском Дворце). Сижу за столиком с Н.Никитиным, его женой, Н.В.Хилькевич и ее братом¹⁷, Ал<ексан>др<ом> Вл<адимировичем> Зейлигером¹⁸. Разговор с последним о «Брод<ячей>

---

* На обороте таблицы.

Собаке» и «Кружке Друз^{<ей>} Кам^{<ерной>} Музыки». Не ем и не пью.

3-4 <часа ночи>. Путь п^{<ешком>} с Н.Никитиным и его женой. Рассказываю о Париже 1914 г. и путешествии из Франции в Одессу. <...>

У А.А. вечером был Мануйлов. Говорил: «Кажется, акмеисты вышли из Лермонтова. Если это так – то я мог бы написать доклад об этом. Так вот – так это или не так?» А.А. ответила, что не видит этого. Тогда В.Мануйлов ответил: «Ну, тогда я не буду писать доклада».*

15 октября

<Таблица:>

<...> 2-3, 3-4 <часа>. Гулял: ходил на почту, отправлял А.И.Г. 25 рубл. <...>

6-7 <часов>. Дома. <...> Мне звонила А.А. Переодевался, брился, пел песни.

7-8, 8-9 <часов>. Путь п^{<ешком>}. У А.Ахматовой в Ш.Д. Она одна в кабинете. Говорили, как обычно. Ходил с А.А. за газетой и папиросами. Проводил ее домой. <...>

Днем мне звонила С.А.Толстая-Есенина, приехавшая из Москвы. Просила прийти к ней завтра по делу.**

17 октября

<Таблица:>

<...> 7-8, 8-9 <часов>. <...> В Шер. Доме у А.Е.Пуниной (А.А. не застал, она у Замятиных, на именинах <так!> Ростислава¹⁹). Разговариваю с А.Е.Пуниной в столовой. Путь п^{<ешком>}.

9-10 <часов>. <...> В Союзе Писателей, в заседании Секции Поэтов²⁰. Сначала разговоры, потом читают и обсуждают стихи. Скучища и тоска смертные.

10-11, 11-12 <часов>. В Союзе Писателей. Заседание Секции Поэтов. Здесь: Л.Аверьянова, Н.Белявский²¹, Н.Дмитриев²², М.Казмичев, А.Туфанов²³, Т.Рогинский²⁴, Вл. Смиренский²⁵, С.Марков²⁶, Л.Подольский²⁷ – тени, а не люди, воняют трупами. Тоска. Что-то замогильное и унылое в этом сборище.

27 октября

<Таблица:>

<...> 7-8, 8-9, 9-10, 10-11, 11-12 <часов>. В Академической Капелле на литературном вечере Союза Поэтов и Союза Писателей²⁸.

---

* На обороте таблицы.

** На полях таблицы.

7-8 <часов>. В кассе. Продаю билеты вместе с Н.Н.Пенчковским²⁹.

8-9, 9-10 <часов>. Ходил к Б.Четверикову³⁰ на Гороховую за книгой для Всев. Иванова.

9-10, 10-11 <часов>. В артистической. Здесь К.Федин, Ал. Толстой, В.Рождественский, Н.Браун, Л.Раковский, Н.Баршев, В.Шишков, О.Форш, И.Садофьев и др.

10-11, 11-12 <часов>. Из читавших я слушал: Всев. Иванова, Ал. Толстого и Н.Брауна. В артистической разговоры с Баршевым, Рождественским, Брауном и др. Из обозначенных в афише не выступали: М.Комиссарова, Н.Тихонов, Ал. Крайский³¹ и Л.Раковский. Зато выступал Всев. Иванов. <...>

28 октября

<Таблица:>

<...> 6-7, 7-8, 8-9, 9-10 <часов вечера>. У А.Ахматовой в Шер. Доме. Чай. Сборы в дорогу, играл с Пуниным в шахматы. Пришли В.Срезневская и Н.Данько.

10-11 <часов>. Чай. В.Срезневская ушла. Путь т<рамваем №> 31 на вокзал. Провожаем: я, Пунин и Н.Данько. Н.Данько ушла.

11-12 <часов>. В поезде на Ник<олаевском> вокз<але>. Провожаем А.А. – я и Пунин. Встреча с Н.Радловым и его женой, и с Я.Назаренко³². <...>

А.А. в курьерском поезде 11.30 веч<ера> уехала в Москву. Там она остановится в общежитии Кубу и будет хлопотать о сестре В.С<резневской>³³. А.А. рассчитывает вернуться через неделю.*

30 октября

<Таблица:>

<...> 10-11, 11-12, 12-1, 1-2 <часа>. У М.Фромана. Здесь Н.Тихонов и Г.Сорокин³⁴. Разговоры о литературе, говорили о 2-й моей книжке стихов (я принес рукопись). Н.Т<ихонов> рассказывал об Амундсене и его книгах; о Фромановых делах и пр. <...>

31 октября

<Таблица:>

<...> 5-6, 6-7, 7-8, 8-9, 9-10, 11-12, 12-1 <часа>. У меня И.М.Басалаев – он читал мне стихи свои, потом дневники, я читал ему стихи, разговаривали о литературе. Обед. Я рассказывал ему о Баршеве, Фромане, Федине, М.Волошине, Вс. Рождественском (как я их представляю себе) и др. <...>³⁵

---

* На полях таблицы.

Мне звонила Л.Н.З. Я звонил В.Щеголевой.*

1 ноября

<Таблица:>

<...> 3-4, 4-5 <часов>. Гулял. Заходил к Федину (3 р<аза>), к Форш (не застал), в изд<ательство> «Academia», в лечебницу для животн<ых> (деньги за Тапа), оттуда к Мусе Изергиной. <...>

2 ноября

<Таблица:>

<...> 3-4, 4-5 <часов>. У А.Н.Гумилевой. Она дала мне картину «Пророк на льве»³⁶. Глупые разговоры, как всегда. <...>

3 ноября

<Таблица:>

<...> 3-4, 4-5 <часов>. Гулял. Заходил к Наппельбаум, за негативами, а потом к Пуниным. <...>

1-2, 2-3 <часа ночи>. В Доме Печати на писательской вечеринке³⁷. В зале идет пьянство, масса народу. Сидел с Тверяком³⁸ и Карповым³⁹, потом с Н.Чуковским⁴⁰ и Саяновым⁴¹, бродил.

3-4, 4-5, 5-6 <часов ночи>. В Доме Печати. Брожу по залам, болтаю со всеми. Разговоры с Семеновым, Зоей Никитиной, флирт с Мустанговой, все пьяны, и я тоже. Пил водку с Крайским, Корниловым и Саяновым.

6-7 <часов ночи>. Путь п<ешком>. С М.Светловым, Б.Корниловым и В.Саяновым. <...>

4 ноября

<...> От А.А. из Москвы нет известий.**

5 ноября

Мне звонил Пунин. От А.А. нет известий. <...>***

6 ноября

<Таблица:>

<...> 2-3, 3-4, 4-5, 5-6, 6-7 <часов>. <...> Работа Н.Г. Просматривал ж<урнал> «Вестник литературы» за 1920 год и делал выписки. <...> Просмотрел за весь год⁴². <...>

7 ноября

От А.А. нет известий.

---

* На полях таблицы.

** На полях таблицы.

*** На полях таблицы.

8 ноября

<Таблица:>

<...> 12-1, 1-2, 2-3, 3-4 <часов>. <...> У А.Ахматовой в Ш.Д.

12-1, 1-2 <часа>. Разговоры о Москве. Впечатления.

2-3, 3-4 <часа>. День рождения Иры. Дети, «парадный обед» (обедаю). Пунин дома. <...>

Сегодня утром А.А. приехала из Москвы. В Москве видалась с Пастернаком (с ним была у Каменевой, по делу⁴³), бывала у него, он у нее. Видалась с Пильняком. Была у Чулковых⁴⁴ (А.И.Х<ода-севич>), у Липскерова⁴⁵ (где был племянник Тагора⁴⁶ и прочие люди), видала Бутомо-Незванову⁴⁷, и многих других. Жила в общежитии Цекубу, в одной комнате с тремя дамами.

Приехала уставшая и похудевшая.*

9 ноября

<Таблица:>

<...> 2-3, 3-4 <часа>. <...> У А.Ахматовой. Лежит. У нее ангина. <...>

Много телеф<онных> звонков. Мне звонила А.А.⁴⁸.**

10 ноября

<Таблица:>

<...> 1-2, 2-3, 3-4 <часа>. <...> На почте. Получил по доверенности А.А. ее деньги из Цекубу за окт<ябрь> (59 р. 50 к.). Путь п<ешком>. У А.Н.Гумилевой. Ужас! Путь п<ешком>. У А.Ахматовой в Ш.Д. Принес ей деньги. Она отдала мне долг – 20 рубл. (папе, вернее). Здесь А.Е. и Н.Н. Пунины. Вчера у нее весь вечер были Замятины. <...>

Получил открытку от А.Н.Г. и письмо от Усова с гонораром (3 рубля) за биограф<ическую> заметку об Н.Г.^{***}

К Пунину приходил утром Рыбаков, с повинной головой. Рыбаков знал, что Пунин стал бы ругать организатора выставки Лебедева в Выборгском Доме Культуры (если б выступил с докладом), выступил под именем Пунина сам и сделал доклад. Аудитория не обнаружила самозванства, и все сошло благополучно для Рыбакова. Пунин узнал об этом, но не счел это возмутительным и даже не ругал Рыбакова.⁴⁹****

---

* На полях таблицы.

** На полях таблицы.

*** На полях таблицы.

**** На полях таблицы.

А.А.Ахматовой все время звонят из издательств «Время», предлагают издать ее стихотворения. А.А. уже связана обещанием в Издательстве Писателей, которое уже (еще!) переписывает ее собрание на машинке и обещает издать в январе⁵⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ День приезда Лукницкого в Ленинград.

² Н.Н.Пунин уехал отдыхать в Сочи в конце августа и вернулся в Ленинград в самом начале октября 1928, см.: *Пунин*. С.298-303.

³ Из записей Лукницкого января 1962 года:

Вечер памяти Ольги Михайловны Артамоновой <...> А.А. читала: 1) «Если плещется лунная жуть...» 2) «Здесь Пушкина изгнание началось...» 3) «Когда я ночью жду ее прихода...» (на bis после десятиминутной овации): 4) «Шепчет: я не пожалею...» Публика – школьная. В публике кроме сестер Данько, Нины и Лидии Мануйловых, я никого из знакомых не видел.

(ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.1788. Л.15).

Ольга Михайловна Артамонова – актриса (с 1922 – ТЮЗа), драматург (ей принадлежит ряд пьес для «театра Петрушки») – умерла 3 октября 1928. Некролог и биографические сведения см.: *Рабочий и театр*. 1928. №42, 15 октября. С.12.

⁴ Срезневские Валерия Сергеевна, ее муж Вячеслав Вячеславович (1880–1942) – врач-психиатр, их дочь Ольга (род. 1924) и сын Андрей (1929–2002). В то время Срезневские жили на Моховой ул., д. 11.

⁵ Писатели современной эпохи: Библиографический словарь русских писателей XX века / Под ред. Б.П.Козьмина. Т.1. М., 1928. Статьи в нем даны без подписей.

⁶ См. также: *Лукницкий–Горнунг*. С.560-561 (письмо Лукницкого от 3 января 1929). В то же время рецензент словаря Ю.Перцович как одно из немногих достоинств издания отмечал само наличие в нем биографии Ахматовой: «Вам попалась биография Ахматовой, о которой вы доподлинно знаете, что она ни в каком предыдущем справочнике не напечатана...» (*Звезда*. 1928. №10. С.176).

Сведения, сообщенные об Ахматовой в словаре «Писатели современной эпохи», можно сопоставить с автобиографией, которую под диктовку Ахматовой записал П.Н.Медведев: «...в этой автобиографии есть неверности: там сказано, что А.А. училась в Смольном институте <...> и что отец А.А. – морской офицер» (*Acumiana II*. С.302) – в несколько смягченном виде они присутствуют и в словарной статье, – возможно, именно Медведев является ее автором.

⁷ Планы издания сборника стихотворений Ахматовой в двух томах в издательстве «Петроград» отражены, в частности, в: *Acumiana I*. С.22. Мате-

риалы по совместной работе Ахматовой и Лукницкого над этим несостоявшимся изданием, а затем над аналогичным изданием в кооперативном Издательстве писателей (1928, также не вышло): списки и тексты добавлений, перестановок и исправлений, памятки переписчику и т. д. см.: *Коллекция*. О судьбе этого двухтомника см. в частности: *Тименчик, Черных*. С.5 (вступ. ст.).

⁸ Вторая книга стихов Лукницкого «Переход» вышла в 1931.

⁹ Иннокентий Мемнонович Басалаев (1897–1964) – поэт, критик, редактор. Второй муж И.М.Наппельбаум. Печатался с 1918, член ВСПоэтов с 1926. До 1932 жил в Ташкенте, переписывался с Лукницким, В.А.Рождественским и другими ленинградскими писателями. Подробнее о нем см.: *Наппельбаум* (в частности, о вписанном в альбом Басалаева «Отрывке» («Не знала б, как цветет айва...»), 1945) Ахматовой – с.79-80); предисловие А.И.Павловского к публикации: *Басалаев*. С.359-361. Работа Басалаева в различных редакциях и издательствах отражена в его послужном списке, составленном И.М.Наппельбаум (ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.10).

Письма Лукницкого И.М.Басалаеву в Ташкент 1928–1929 годов см.: ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.296. Главным образом в них содержится информация о литературных событиях и книжных новинках. Кроме того, Лукницкий не раз зовет Басалаева приехать в Ленинград. «Понимаю Вас – и одиноко, и тоскливо должно быть Вам в Ташкенте. <...> Но неужели же Вы не можете приехать сюда, хоть на время? Не приезжайте летом – никого не застанете. приезжайте в ноябре–декабре, когда все в сборе, когда литературная жизнь полна, когда можно устроить стихи в журналы и побывать на всех литературных собраниях» (письмо от 4 июня 1928).

В данном случае, вероятно, имеется в виду письмо, датированное (переписанное) 6 октября 1928. В нем Лукницкий приводит, в частности, описание своего летнего путешествия:

Милый Иннокентий Мемнонович!

Я только что вернулся с юга и получил Ваше письмо. Рад, что Вы не забываете меня.

Я путешествовал чудесно. Вместе с Н.Тихоновым и В.Кавериним ходил по Кавказу, сделали пешком более 300 верст, прошли Военно-Сухумскую дорогу, были и в других местах. Дышали звездным воздухом, присутствовали при заготовках природы <так!>, в июле – играли в снежки, собирали альпийские розы, слушали гортанные речи туземцев и забывали о северных, зимних тревогах. В Сухуме я покинул своих спутников, обменяв сушу на море: устроился на парусную шхуну. Так начались мои морские странствия – всю вторую половину июля, август и сентябрь я плывал на парусных судах по всему Черному морю, попадал в разные города, в некоторых останавливался вольно и невольно. Был в Батуме, Гаграх, Пицунде, Туапсе, Керчи, Ялте, Скадовске, Хорлах, Херсоне, Очакове, Одессе и в ряде других мест, иногда даже не обозначенных на карте. Попадал в штормы, два раза спасался от беды: раз в шторме, когда мы вышли из Туапсе в Керчь и на 4-е сутки вместо Керчи оказались опять в Туапсе, после

того как выкинули весь груз за борт и потеряли устойчивость, управление и надежду на мирную жизнь. Другой раз – когда на шхуне в море был пожар. И все это было прекрасно.

А теперь я опять здесь, в холоде и унынии. Приехал сюда с большой энергией и желанием работать. Пишу стихи и прозу. <...>

В этом же письме Лукницкий повторяет свое приглашение Басалаеву приехать в Ленинград: «Приезжайте сюда, хоть здесь и уныло. Писателям плохо приходится: Местком Писателей закрыли, и все писатели перестали быть членами Профсоюза. Дом Печати переехал в другое место, и в сущности – развалился. Союз Поэтов существует только на бумаге, но мы его надеемся все же оживить». (О деятельности месткома писателей в Ленинграде и его ликвидации см.: *Галушкин*. С.458, 476. В феврале 1929 решением ВЦСПС писательский профсоюз и местком были восстановлены. См.: *Протоколы заседаний Правления... поэтов*. Протокол №68/11 от 2 марта 1929.)

В конце октября 1928 происходит ряд встреч Лукницкого с Басалаевым в Ленинграде (см. дальнейшие записи).

¹⁰ Точных сведений о Т.В.Аргутинской обнаружить не удалось. Вероятно, речь идет о сестре Мары Васильевны Аргутинской (1906–?), с 1928 учившейся на словесном отделении *ВКИ* (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.1155), до того – студентки Крымского педагогического института. Можно сказать лишь о том, что общение Лукницкого с Т.В.Аргутинской продолжилось: на копии рецензии С.В.Штейна на сборник Н.С.Гумилева «Путь конквистадоров» (Слово. 1906. 21 января. С.7) Лукницкий помечает: «Переписано со списка Т.В.Аргутинской <...> 29.XII.1928». Ср. запись Лукницкого на обороте карточек с библиографическими сведениями о Гумилеве за 1912–1931, приложенными к его выпискам из журнала «Вестник литературы» за 1919–1920 (см. примеч. 42), о том, что эти сведения ему передала М.Аргутинская.

¹¹ Константин Францевич Неслуховский (?–1942; погиб в блокаду) – отец М.К.Неслуховской. До 1910 – полковник, инспектор классов и преподаватель в Владимирском юнкерском пехотном училище, отправлен в отставку и лишился должности из-за поддержки партии большевиков и участия своих детей (Татьяны, Марии, Сергея) в ученической социал-демократической организации; затем занимался картографией; в 1920-е работал заведующим учебной частью школы среднего состава милиции. См. о нем: *Неслуховская Т.К.* Дом на Малой Гребецкой // *Заря надежды: Социал-демократическая организация учащейся и рабочей молодежи Петербурга (1905–1909 годы)* / Сост. В.Ф.Лепетюхин. Л., 1982. С.171-218; *Хренков Д.Т.* Николай Тихонов в Ленинграде. Л., 1984. С.35-36; *Савинов О.А.* Полвека в мире механических колебаний: Записки инженера-исследователя. СПб., 1992. С.45-46.

¹² *Гумилев Н.* Шатер: Стихи 1918 г. Севастополь: Цех поэтов, <1921>.

¹³ Оскар Самойлович Мещанинов (1886, Витебск – 1956, Лос-Анджелес) – скульптор. В 1920-е жил во Франции, в 1928 участвовал в русском отделе выставки «Современное французское искусство» в Москве, посетил также

Ленинград. См. о нем: *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* Художники русского зарубежья: 1917–1939: Биографический словарь. СПб., 1999. С.421-422.

¹⁴ Пьер Лоти (Loti) (наст. имя Луи Мари Жюльен Вио (Viaud); 1850–1923) – французский писатель. Повесть «Исландский рыбак» («Pêcheur d'Islande», 1886), которую читал Лукницкий, входила во все собрания сочинений П.Лоти, изданные в 1910-х (общим числом – 4) и выдержала с конца XIX в. по 1923 восемь отдельных изданий; самое близкое по времени: *Лоти П.* Исландский рыбак. Повесть / Пер. с франц. под ред. Н.Соболевского. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.

¹⁵ Вероятно, речь идет о газете «Петроградская правда» от 1 сентября 1921 (№181), в которой была перепечатана статья из «Правды» от 31 августа 1921 (№192) «Контрреволюционный заговор. Сообщение о раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти от Всероссийской Чрезвычайной Комиссии» и помещен список расстрелянных (№30 – Н.С.Гумилев, с.3). См.: *Acutiana I.* С.53.

¹⁶ См. примеч. 51 к разделу I.

¹⁷ Вероятно, речь идет о Наталье Владимировне Хилькевич, артистке. Кроме того, известен и И.Я.Хилькевич – художественный руководитель Театра-клуба (*Справочник.* С.127).

¹⁸ Александр Владимирович Зейлигер – пианист, в 1928 был кандидатом в члены правления Кружка друзей камерной музыки (см. примеч. 1 к разделу I) (*Справочник.* С.142).

¹⁹ Ростислав (или Растопырка) – одна из двух кукол Замятиных (другая – плюшевый Мишка). Для друзей Замятиных куклы считались полноправными членами семьи (см. например, дарственную надпись Ахматовой Ростиславу на репродукции ее фотографии 1921 года работы М.С.Наппельбаума); подробнее об этом см.: *Замятин.* С.228-229, 533.

²⁰ Протокол этого заседания найти не удалось.

²¹ Николай Фотиевич Белявский (1902–1940-е) – поэт, критик. Учился в Ленинградском университете (не окончил), печатался с 1920, член ВСП с 1926. В анкете при приеме в ВСП на вопрос о неопубликованных работах ответил: «Сборник стихов (3 печатных листа). Статьи: по вопросу музыкальной природы стиха, конструктивных построений романов Сенковского, о “Океане” Л.Андреева и т. п.», о службе – «Студ<ия> Инст<итута> Ис<тории> Ис<кусств>. Работаю в Об<ществе> “Теория и Социология Искусства” при Ленингр<адском> Отд<елении> Главнауки» (*Анкеты... писателей*).

²² Николай Петрович Дмитриев (псевд. Круггель; 1903–?) – поэт, историк литературы. В 1920–1921 слушал лекции Гумилева по теории поэзии в студии Института живого слова (запись лекций 8 декабря 1920 и 18 февраля 1921 см.: *Коллекция*), входил в кружок «Звучащая раковина» (ему же, по воспоминаниям Ф.М.Наппельбаума, принадлежит идея названия кружка, см.: *Дмитренко.* С.115). В 1920 занимался в литературной студии Гумилева «Звучащая раковина», дебютировал в одноименном альманахе. Член ВСПО

этов с 1925, в приемной анкете среди готовых неопубликованных рукописей назвал «две книги статей о Гумилеве и Мандельштаме» (*Анкеты... поэтов*). Негативное отношение Ахматовой к его работе по Гумилеву отражено в «Асцитиана» Лукницкого. Подробнее о нем см.: *Лукницкий-Горнунг*. С.523-525, биографические сведения – в примеч. 1 к письму 13.

²³ Александр Васильевич Туфанов (1877; в анкете при приеме в ВСП-этов в 1924 указал: 1878 – не ранее 1941) – поэт, один из лидеров «левого» искусства в Ленинграде. Область литературы, в которой работает, обозначал так: «Символизм до 1918. Заумь с 1918» (*Анкеты... поэтов*). Выпустил книги: «Эолова арфа: Стихи и проза. Кн.1» (Пг., 1917), «К зауми. Фоническая музыка и функция согласных фонем» (Л., 1924), «Ушкуйники (фрагменты поэмы). Новгород 1471 г.» (Л., 1927). В середине 1920-х заведовал корректорским отделом в производственном секторе издательства «Прибой». См. о нем: *Туфанов А.В. Ушкуйники / Сост. Ж.-Ф.Жаккар и Т.Никольская. Berkeley: Berkeley slavic specialities, 1991 (Modern russian literature & culture; Studeis & texts. Vol.27); Устинов, Кобринский. С.511-513; Морев Г.А. К истории русского авангарда: Статья А.Туфанова «Новый эгофутуризм» // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н.И.Харджиева. М., 2000. С.557-564; Никольская Т.Л. Новатор-архаист («Ушкуйники» Александра Туфанова) // Авангард и окрестности. СПб., 2002. С.239-245.*

²⁴ Видимо, имеется в виду Томас Георгиевич Рагинский-Карейво, в начале 1920-х входивший в кружок «Звучащая раковина» (см.: *Дмитренко. С.121*).

²⁵ Владимир Викторович Смиренский (псевд. Андрей Скорбный и др.; 1902–1977) – поэт, критик. Печатался с 1916. Отзывы Блока, Гумилева и Лозинского при приеме его в Петроградский Союз поэтов в 1920 см.: *Блок. Т.4. С.689*. В 1925–1926 руководил секцией библиографов ЛО ВСП (секция организована 12 мая 1925, состав и деятельность отражены в отчетах ее руководства – *Протоколы общих собраний ... писателей. 1926–1928*). Возглавлял «Ассоциацию неоклассиков». К 1928 издал пять поэтических сборников: «Кровавые поцелуи» (Пг., 1917), «Звенящие слезы» (Пг., 1921), «Болезнь любовь» (Пг., 1922), «Окраинный круг» (1926), «Осень: Стихи. 1921–1926» (Л., 1927), две поэмы – «Птица белая» (Пг., 1922) и «Via Dolorosa» (Пг., 1922), ряд литературоведческих работ, в том числе отдельный труд «Александр Алексеевич Измайлов» (Пг., 1922), среди готовых к изданию указал «книгу о К.М.Фофанове» (*Анкеты... поэтов*) – ср. подготовленный им в «Библиотеке поэта» том «Стихотворения и поэмы» К.М.Фофанова (М.; Л., 1962). Подробнее о нем см. в предисловии Е.Р.Обатниной к публ.: *Смиренский В. Воспоминания об Алексее Ремизове // Лица: Биографический альманах. Вып.7. М.; СПб., 1996. С.161-165. О последнем периоде жизни см.: Белов С.В. Только имя... // Распяты. 5. С.192-193.*

²⁶ Сергей Николаевич Марков (1906; в анкете ВСП 1929 года указал: 1905 – 1979) – поэт, прозаик. Печатался с 1919 в периодике Сибири, с 1926 – член Сибирского Союза писателей. В анкете 1929 года основной для себя указал газетную работу (*Анкеты... писателей*).

²⁷ Лев Исаакович (Ильич) Подольский (1901–?) – поэт. Родился в Херсонской губернии, окончил мужское коммерческое училище г. Николаева. В 1920–1922 служил в Красной Армии. В анкете ВСП в 1929 сообщал о своем образовании – «фак<ультет> общ<ественных> наук ЛГУ (отд<е-ление> языка и литературы; ст<удент> ГИИИ)» (в 1927–1930 учился на словесном отделении ВКИ, личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.923); о первой публикации указал – стихотворение «Вот опять поля, откосы...» в сборнике Ленинградского союза поэтов (Л., 1926), о дальнейших публикациях – в альманахе «Ларь» и сборнике «Костер» (оба – Л., 1927), о ненапечатанных произведениях – «отдельная книга стихов намечена к изданию осенью с<его> г<ода>», «в рукописи имеются две поэмы и ряд лирических стихотворений – всего в количестве около двух тысяч строк»; о службе в настоящее время – «Гос. курсы по подготовке в ВУЗы и техникумы, в качестве преподавателя по литературе» (*Анкеты... писателей*). Член ЛО ВСП с 1923.

²⁸ Афиша вечера: «Вечер-диспут Союза Писателей и Союза Поэтов. председательствует – В.Я.Шишков. I. Доклад П.Н.Медведева. – Пути современной литературы. II. Чтение новых произведений. III. Обмен мнений. Непременно участвуют: Н.Баршев, Н.Браун, Е.Замятин, М.Козаков, Ал. Крайский, М.Комиссарова, Е.Панфилов, Е.Полонская, Л.Раковский, Вс. Рождественский, И.Садофьев, Н.Тихонов, Ал. Толстой, К.Федин, О.Форш, Ал. Чапыгин, В.Шишков» (см.: *Коллекция*).

²⁹ Николай Николаевич Пенчковский (1883–1943) – критик, прозаик. В анкете ВСП в 1925 на вопрос о социальном происхождении ответил: «гражданин г. Ленинграда», о своей профессии в прошлом: «газетно-журнальный работник с 1902 г.», об изданиях, в которых публиковал свои произведения: «до 1914 г. “Нов<ое> время”, юмористич<еские> журналы “Жупел”, “Леший” и др., немного в газ. “Наша жизнь” и др.; с 1914 по 1917 военный корреспондент Юго-Зап<адного> фронта; с 1918 г. соредатор газ. “Веч<ернее> слово” до июня 1918 г. и затем работал в “Вестнике литературы” почти до его закрытия»; о службе в настоящее время: «в производственной артели “Электротресталл”» (*Анкеты... писателей*). Член ЛО ВСП с 1920.

³⁰ Борис Димитриевич Четвериков (1896–1981) – прозаик, поэт. Печатался с 1915 (до 1939 – под псевд. Дмитрий Четвериков) в уфимских, ленинградских и московских изданиях. В 1920, еще до переезда в Ленинград, вышла его пьеса «Антанта» (Омск, 1922), затем, уже в столичных издательствах, еще 21 книга. Член ЛО ВСП с 1925.

³¹ Алексей Петрович Крайский (наст. фам. Кузьмин; 1891–1941; погиб в блокаду) – поэт, прозаик, руководитель литературных студий пролетарского толка. Печатался с 1916, член ЛО ВСПоэтов с 1924, в ЛО ВСП с 1926. Член группы «Стройка». К 1928 вышли его сборники стихов «Улыбки солнца» (4 издания в 1919), «У города-разбойника» (Пг., 1922), рассказов «То, что было» (Пг., 1921), «Повесть о солдатских костюях, похороненных в Турции» (Л., 1927, серия «Новинки пролетарской литературы»), комедия «Жизнь вверх ногами» (Л., 1926), а также пособие «Что нужно знать начинающему писателю» (Л., 1927 и затем до 1930 еще три издания с различны-

ми подзаголовками). См. о нем: *Галушкин*. С.475. Отзыв Ахматовой о стихах Крайского см.: *Acumiana II*. С.173.

³² Яков Антонович Назаренко (1893–?) – литературовед, автор «Истории русской литературы XIX века», выдержавшей в 1925–1931 девять изданий. В 1928 был председателем Комитета социологического изучения искусства в Государственном институте истории искусств (*Справочник*. С.137).

³³ В связи с поездкой Ахматовой в Москву см. телеграмму Ахматовой помощнику управляющего делами ЦЕКУБУ Б.А.Шпаро: «Прошу оставить место общежития на понедельник. Телеграфируйте. Ахматова» (копия Лукницкого в: *Коллекция*; на копии помета Лукницкого: «26/Х.1928. Ответ пришел в этот же день – комната есть»). Адрес общежития ЦЕКУБУ в Москве Кропоткинская наб., д. 5.

Сестра Валерии Сергеевны Срезневской – Зинаида Сергеевна Тюльпанова арестовывалась несколько раз, очередной арест пришелся, очевидно, на лето 1928, см.: *Пунина И.Н.* Об Анне Ахматовой и Валерии Срезневской // *Воспоминания*. С.22; *Летопись*. Ч.2. С.124 (записка Ахматовой Пунину).

³⁴ Григорий Эммануилович Сорокин (1898–1954; репрессирован) – поэт, прозаик, издательский работник. Печатался с 1920, причислял себя к имажинистам, входил в группу «Мастерская слова», выпустил книгу стихов «Галилея» (Л., 1925; первоначальное название: «Галилейская Россия» – см.: *Анкеты... поэтов*). Член ЛО ВСПозтов с 1924, член ЛО ВСП с 1926. В середине 1920-х работал в издательстве «Прибой», в 1928–1935 работал в Издательстве писателей в Ленинграде. К истории отношений с Лукницким см. дарственную надпись: «Павлу Николаевичу Лукницкому, хорошему парню, товарищу. Г.Сорокин» (*Книги*).

³⁵ Отголоски этого вечера ощутимы в «Записках для себя» Басалаева (Тетрадь 2-я. 1928 г.). Они написаны в форме писем, рассказывающих о литературной жизни Ленинграда. Приведем фрагмент, относящийся к Лукницкому:

Уже уходя <от Фромана>, я вспомнил о своем вчерашнем посещении Лукницкого. «Ну и нашли, что Павлик мэтром стал?» – полушутливо спросил угадавший Фроман. Я должен был согласиться. Я забыл Вам сказать, что...

Письмо четвертое

Я забыл Вам сказать, что вчера при встрече с Павлом Лукницким не успел я произнести и десяток слов, как он вытащил одну из своих многочисленных папок, перелистал тщательно пронумерованные письма, какие-то листочки, записочки, нашел среди них мои старые вирши, посланные ему в письмах, и начал длинный «критический» разбор. Я, конечно, доставил ему удовольствие – выслушал все молча и покорно. В благодарность он познакомил меня с одной песней собственного сочинения, в собственном исполнении и собственной же музыки. Я не запомнил ее, а то бы прислал. Было в ней что-то вроде моряка, моря и обязательной разлуки. По-видимому, это какие-то «отходы» летних поездок, навеянные и сдобренные литературной модой. Павел Николаевич – человек молодой, живой, непо-

средственный, любит путешествовать – пешком, в поезде, по воде и с наслаждением молодости отдается дорожным приключениям, невзгодам, радостям и опасностям. Да вот, кстати, отрывок из его письма, как летом этого года он «...путешествовал чудесно <...>» <далее идет фрагмент из письма Лукницкого Басалаеву от 6 октября 1928 – см. примеч. 9 в наст. разделе. – Т.Д.>

Как видите, жизнь его куда интересней и занятней его стихов.

В прошлом году он выпустил книжку стихов и назвал ее «Волчец», по имени какой-то южной травки. Я помню ее. Года два назад, когда я осенью заходил как-то к Фроману, у того лежал огромный лист бумаги размером в полстола, на котором был тиснут весь «Волчец» для авторской корректуры. В сравнении с этими стихами сегодняшняя песенка была полшагом вперед.

«Волчец» – книжка заимствований и подражаний. Только вместо указаний – кому, внизу под стихами слева указаны географические места: Геленджик, Гурзуф, Новороссийск. Однако это никого не обманывает. Вот, например, похоже на Вс. Рождественского: «Перебежал дорогу черный кот, тебе я писем не пишу». А вот что-то напоминающее плохого Гумилева: «Летит паровоз, как взбешенный барс, стрелочником, видно, по пьяному делу пущенный вместо Москвы на Марс». А вот какой-то испорченный Блок: «Нас нежат звонкие кольчуги и тяжесть бронзовых ветров. И пусть поет о славе Рима навек цыганская луна». Или: «Я мчусь на тройке через сны земные к последней станции моей». А вот совсем что-то декадентское: «Я улыбнулся тебе при встрече, но лунно-холодно...» или еще в том же банальном роде: «Я горд. Но мне весело петь, прощая весь мир за твои поцелуи, за счастье в нем умереть».

Конечно, можно представить, хоть и с трудом, паровоз, мчащийся, как барс, но... прямо на Марс – тут что-то от фантазмагии. Чтобы кольчуги и тяжесть «бронзовых ветров» НЕЖИЛИ – это непредставимо. А главное – никого это не смущает – ни редакторов, ни издателей, ни автора. Правда, «издание автора». С него, мол, и спрос.

Может быть, надо установить традицию: каждый начинающий поэт имеет право выпустить первую книжку! Пусть не все впервые написанное останется в веках, как брюсовское: «О, закрой свои бледные ноги!» или нашумевшее «стихотворение» А.Крученых:

Дыр, бул, щыл,
убещур
сум
вы со бу,
р л эз.

Однако можно будет судить – стоит ли издавать следующие книги писателя. Пока что – на мой взгляд – Павел Лукницкий только числится в рядах поэтов, но сам еще не поэт.

Может быть, из него выйдет собиратель? Он похвастался, показав сотни три карточек, на которых им нанесено – где, когда и зачем

был Николай Гумилев, что писал и делал. Вы же знаете, Павел Николаевич собирает биографию этого поэта. Ему для этого приходится ухаживать за женщинами и чуть ли не объясняться им в нежных чувствах, и все только для того, чтобы выудить какое-нибудь письмо, завалившееся за кровать, или проверить какие-то факты. Не всегда это бывает успешно. На каком-то званом обеде он увидел у соседа на тарелке карточку с фамилией бывшего русского чиновника дипломатического ведомства, служившего когда-то в Абиссинии, куда, как известно, Гумилев ездил раза три. Но, увы, сосед по обеде оказался дореволюционным сухарем, на редкость нелюбопытным регистратором: кроме, мол, чисто официального знакомства, он ничего об этом поэте не знает.

Не могу судить, какой выйдет из Лукницкого коллекционер, но поэт он – для домашнего употребления. Такие поэты пишут бессознательно. По инерции. Ясной цели не видят. Музу превратили в знакомую милую барышню. Она ходит в гости то к одному, то к другому. Этакая Муза – напрокат, но ведь у нас идет перестройка мира. И у современной музыки – на лире лежит кирпичная пыль. К чему же тогда эти дореволюционные метафоры, сравнения, эпитеты: «цыганская луна», «любви веретено», «кольчуги бронзовых ветров» и мчащиеся «через сны земные» тройки? И зачем «прощать весь мир за твои поцелуи»?..
(ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.23. Л.38-41).

Позже Басалаев еще раз не менее жестко оценил поэтическое творчество Лукницкого: «...у Лукницкого нет никакой школы как поэта» (Л.58).

³⁶ Фотокопия – *Коллекция*, оригинал – в семейном архиве Лукницких.

³⁷ Возможно, описание именно этого вечера содержится в «Записках для себя» (Тетрадь 2-я. 1928 г.) И.М.Басалаева, приведем фрагмент:

Теперешний Дом печати занял часть б<ывшего> Марининского дворца. Едем в трамвае с Замятиным. Стоим на задней площадке. На ходу в вагон запрыгивает около Аничкова моста Николай Никитин. Он недавно вернулся из заграничной поездки. На нем цветная большая кэпи, короткое аккуратное демисезонное пальто, широкие серые бриджи, чулки и круглые очки. С неподвижным лицом и тонким голосом, в своем цветном наряде, который он носит с непринужденной легкостью, он напоминает мне птичку.

Приехали поздно. Но никто не опоздал: не горело электричество. Когда появился свет, показались и гости. Они скучно ходили по большим комнатам, сумрачно отражаясь в старинных зеркалах: от нечего делать присаживались на обдерганные, обсиженные поколениями диваны. Кто побойчее – носился из кабинета заведующего Дома в закрытый еще буфет.

Постепенно оживала столовая. Вдоль стен пошли четырехногие столики, на средину выплыли две пыльные реденькие пальмы, в воздухе полетели скатерти и тоненько запели протираемые рюмки. Успокоенные зрелищем столовой, гости переходили в залу с колоннами.

Запоздавшие актеры приступали к концерту. Костлявая, забывшая о своем возрасте брюнетка с напудренной до синевы голой спиной, с открытыми локтями спела громоподобным голосом застарелый любовный романс. Ей аплодировали. Потом кто-то что-то продекламировал. Опять аплодировали. Стульев в зале не было – все стояли. Потом вбежали запыхавшиеся двое – он и она. Рояль сразу взбесился. Зрители, моментально удесятерившись в числе, стали кружком.

В середину круга прыгнула <она,> толстая, белокурая, затопала ногой и, махая руками в такт музыке, побежала по кругу. Стараясь схватить ее за талию, за ней бросился ее кавалер. Но он был ниже ее ростом, и ему удавалось обнять ее временами только за полные бедра. Так они бегали, пока ей не надоело. Тогда она с тем же бесстрастным лицом подняла левую ногу и вытянула левую руку. Запыхавшийся кавалер покорно схватил ее руку и ногу и, держа толстушку на весу, закружился на месте. Пышная шевелюра ее то и дело касалась пола, лицо покраснело, платье развевалось, но он, к удовольствию зрителей, не бросал своей опасной шутки. Наконец молодой человек отпустил ее ногу, девица шлепнулась, бодро вскочила и мило поклонилась. Публика с сожалением вздохнула и с остервенением зааплодировала. Концерт кончился. Повалили в столовую. Там всех ждало новое зрелище.

Перед буфетной стойкой на низенькую скамеечку село четверо мужчин неопределенного возраста, одетых в желтые русские рубахи с вышивкой, в черные шаровары и с чудовищно огромными балабайками в руках. Вперед вышел пятый, так же одетый, и, приплясывая и ударяя по струнам маленькой балабайки, спел наглым голосом о молодом дореволюционном купчике, ехавшем на ярмарку. Эти все пятеро назывались хором русских гусяров.

Так развлекались литераторы и их гости.

Пока пели гусяры, гости расселись по столикам. Заговорили. Зашумели. Зазвенели ножами, вилками, рюмками.

Через час ко мне наклонялся с рюмкой З.Штейнман и, вспоминая концерт, не то хвалился, не то иронизировал:

– У вас там, в провинции, поди, не бывает таких штук!

Я поторопился согласиться.

Черный, с полными губами и одутловатым лицом – лицом «убийцы», как сказал о нем один писатель – по-видимому, раскритикованный им, он громко разговаривал и браво пил. Язык нашего столика становился выразительней. Я радовался, что за столиком не было женщин. Разговоры большей частью касались литературных сплетен и анекдотов, где героями выступали общие знакомые.

К двум часам ночи столовая гудела, как разъяренный улей, или, применяя более современной сравнение, как одиннадцать примусов в коммунальной кухне. Делать было, собственно, нечего. Я собрался уходить. Шел и Евгений Иванович Замятин <...>.

(ОР РНБ. Ф.1076. Ед.хр.23. Л.34-36).

Штейнман Зелик Яковлевич (1907–1967) – критик. К 1928 – автор книг «Человек из паноптикума: О творчестве А.Соболя» (Л., 1927) и «Литературные эпизоды: Сб. критических статей» (Л., 1928). Учился на ВКИ.

³⁸ Алексей Артемьевич Тверяк (наст. фам. Соловьев; 1900–1943) – прозаик. Печатался с 1923, участник группы «Стройка», член Всероссийского общества крестьянских писателей. К 1928 – автор пяти книг повестей и рассказов и романа «Передел» (Харьков, 1927 и др. изд.).

³⁹ Видимо, Михаил Яковлевич Карпов (1898–1937; репрессирован) – прозаик. Печатался с 1922. К 1928 вышли его сборник рассказов «Апрельские прели» (1925), повесть «Карбуш» (1926), роман «Пятая любовь» (1927). Публиковался в журнале «Резец» (1928. №41 – повесть «Молодая кровь»), литературном приложении к газете «Ленинградская правда» (1928. №2, 29 января – рассказ «Забывтый пакет») и др. В феврале 1928 вошел в новое Правление Ленинградского отделения Всероссийского общества крестьянских писателей (см.: Ленинградская правда. 1928. №3, 11 февраля. С.8 (Лит. прилож.); там же сообщение о работе Карпова над повестью «Степкина поступь»).

⁴⁰ Николай Корнеевич Чуковский (1904–1965) – прозаик, поэт, переводчик. В 1919–1921 участвовал в работе литературной студии Дома Искусств под руководством Н.Гумилева, входил в кружок «Звучащая раковина», печатал стихи с 1922 (впервые – в альманахе «Ушкуйники», псевд. Н.Радищев), был близок к группе «Серапионовы братья». В 1926–1929 учился на киноотделении ВКИ (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.457). Автор нескольких поэтических и прозаических книг для детей, в 1928 выпустил поэтический сборник «Сквозь дикий рай» (Л.). Написал воспоминания о 1920-х, где, в частности, дал портрет Лукницкого:

С 1923 года напелльбаумовские сборища стали посещать два поэта, только что переехавшие в Петроград из Ташкента – Павел Лукницкий и Михаил Фроман. Лукницкий сидел у Напелльбаумов на ковре, в халате и тюбетейке, скрестив перед собой ноги, и пел узбекские песни. Он даже выдавал себя за узбека, что ему совсем не удавалось, так как он был светлорус, голубоглаз и курнос. В квартиру Напелльбаумов привела его пламенная любовь к Гумилеву, которого он никогда не видел. А Фромана привела сюда не менее пламенная любовь к Ходасевичу. И оба они опоздали. Гумилева уже не было в живых, а Ходасевич находился в Германии.

Любовь Лукницкого к Гумилеву была деятельной любовью. Не застав Гумилева в живых, он стал расспрашивать о нем тех, кто встречался с ним, и заносил все, что они ему рассказывали, на карточки. Карточек набралось несколько тысяч. Эта драгоценная библиографическая картотека хранится у Лукницкого до сих пор.

(Чуковский Н. Литературные воспоминания. М., 1989. С.110).

⁴¹ Виссарион Михайлович Саянов (наст. фам. Махнин; 1903–1959) – поэт, прозаик, критик, член правления ЛАПП, руководитель литературной группы «Смена». Печатал стихи с 1923, к 1928 вышло два его сборника, с энтузиазмом встреченных критикой: «Фартовые года» (Л., 1926 и 1927) и

«Комсомольские стихи» (М., 1928). С 1927 обратился к прозе. См. дарственную надпись Саянова на его книге «Современные литературные группировки» (М.; Л.: Прибой, 1928): «Павлу с лучшими пожеланиями и всяческими извинениями. В.Саянов. 4/IV.<19>28 г.» (*Книги*).

⁴² Выписки Лукницкого из журнала «Вестник литературы» за 1919 и 1920 см.: *Коллекция*.

⁴³ Ольга Давидовна Каменева (урожд. Бронштейн, 1883–1941; репрессирована) – жена Л.Б.Каменева, сестра Л.Д.Троцкого. В 1928 – председатель ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с границей). Визит к ней был, вероятно, связан с хлопотами о сестре В.С.Срезневской З.С.Тюльпановой (см. запись Лукницкого от 28 октября).

⁴⁴ Георгий Иванович Чулков (1879–1939) – прозаик, поэт, критик, автор нескольких статей о творчестве Ахматовой, в том числе рецензии на сборник «Вечер» (Жатва. 1912. Кн.3); Надежда Григорьевна Чулкова (урожд. Петрова; 1874–1961) – переводчица, жена Г.Чулкова. Ахматова ей посвятила стихотворение «Перед весной бывают дни такие...» (первые публ.; в дальнейшем посвящение было снято). О знакомстве (в 1911) и отношениях Г.И. и Н.Г. Чулковых с Ахматовой см.: *Чулков Г.И. Годы странствий / Вступ. ст., сост., подгот. текста, коммент. М.В.Михайловой. М., 1999. С.254-255; Чулкова Н.Г. Об Анне Ахматовой // Воспоминания. С.36-40; Ти-менчик, Лавров. С.66-71; Летопись. Ч.1-3 (по указ.); Асуміана. Есть сведения о том, что в начале 1930-х Чулков ходатайствовал о пенсии для Ахматовой (см. письмо Б.Пастернака к Н.Н.Пунину от 19 октября 1932 и комментарий к нему: *Пунин. С.319, 494*). Дарственная надпись Н.Г.Чулковой на фотографии Ахматовой: *Летопись. Ч.3. С.30*.*

⁴⁵ Константин Абрамович Липскеров (1889–1954) – поэт, переводчик, художник. Автор стихотворения «Ночь... шум за окном...» (1946), посвященного Ахматовой. О Липскерове в связи с приездами Ахматовой в Москву см.: *Асуміана II. С.57-58*.

⁴⁶ Шоумендранатх Тагор – писатель и переводчик, племянник Рабиндраната Тагора. Посетил СССР в 1928, через контакты с ВОКС участвовал в подготовке визита Р.Тагора в Москву (сентябрь 1930) и сопровождал его во время визита. См. в связи с этим письмо ему Р.Тагора от 17 апреля 1928: Рабиндранат Тагор – друг Советского Союза. М., 1961. С.42-43.

⁴⁷ Правильно: Ольга Николаевна Бутомо-Названова (1888–1960) – певица (о ее творчестве см., например: *Бугославский С. По концертам. Вечера камерного пения. Бутомо-Названова. <...> // Зрелища. 1923. №35. С.12*). Вместе с Ахматовой выступала 15 апреля 1916 на вечере современной поэзии и музыки в зале Тенишевского училища (*Летопись. Ч.1. С.84; афиша – с.94*).

⁴⁸ 9 ноября датирована доверенность Ахматовой Лукницкому на получение на почте денег ЦЕКУБУ – 59 р. 50 к. (*Коллекция*).

⁴⁹ См. объявление в «Красной газете» от 7 ноября 1928 (утр. вып.): «7 ноября. Открытие мастерской пролетарских писателей и выставки картин художников Лебедева и Серебряковой, докладчик профессор Бунин <так!>».

⁵⁰ О трудностях прохождения и этого несостоявшегося издания Ахматовой см. в дневниковой записи Д.И.Выгодского: «Сегодня Зоя <Никитина> принесла из Гублита первый том Ахматовой. Выбросили 18 стихотворений. Все, где есть “Бог”. “Молитва”, “Христос” и т. д. Среди них лучшие стихи. Это еще не окончательно. Из второго тома обещают выбросить меньше» (цит. по: *Тименчик, Черных*. С.5). Об издательстве «Время» см., например, в предисловии К.М.Азадовского и А.Г.Меца к публикации: *Мандельштам О.Э.* Внутренние рецензии и предисловие для издательства «Время» // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С.7-10.

В дополнение к дневниковым записям Лукницкого можно указать на вечера Союза поэтов в Доме печати, в которых он участвовал. Это: 1) закрытый вечер 13 ноября, на котором читали стихи Б.Корнилов, А.Чуркин, А.Гитович, П.Лукницкий, Л.Подольский, Н.Рославлева, Л.Попова, М.Казмирович; 2) закрытый вечер 30 ноября, на котором выступили Л.Аверьянова, В.Эрлих, П.Лукницкий, В.Смиренский, Л.Попова и в качестве гостя – С.Варшавский; 3) открытый вечер 10 декабря в Доме печати. На нем стихи читали В.Алексеев, Л.Аверьянова, А.Браун, А.Гитович, Н.Заболоцкий, Б.Лихарев, П.Лукницкий, В.Рождественский, Н.Рославлева, Е.Рысс, И.Садофьев. Кроме того, Лукницкий, возможно, присутствовал на закрытом вечере Союза поэтов 15 декабря 1928 в Доме печати (см. пригласительный билет на имя Ахматовой с его пометой «На двоих»: «В Программе: Концерт. – Джазбанд. – Танцы». – *Коллекция*). 22 декабря Лукницкий вместе с Е.М.Тагер участвовал в вечере литературной молодежи в Союзе писателей (см.: *Книги записей*); 28 декабря вместе с Н.Брауном и Н.Клюевым выступил в клубе Военно-медицинской академии (см.: *Отчет. 1928–1929*). Кроме того, см. экземпляр книги: *Хлебников В.* Отрывок из досок судьбы. М., 1922 – с пометой Лукницкого: «Подарено А.А. 12/ХII.<19>28» (*Книги*).

V

ACUMIANA. 1928–1929

2.I.<19>28

в Шер. доме

Периода «Белой стаи»:

...И черная прелесть бессонниц
Парадных и свежих, как сон,
Таких вот, как я беззаконник
Водили когда-то в полон.

(2.I.<19>28. в Ш.Д.)¹

1910

А.А. помнит, что в Париже, когда к ней приходил Н.Деникер² и ждал у нее Н.С., она вела с ним, по-французски, беседы о поэзии.

Помнит, что владела французским языком очень хорошо – в разговоре не было ни тени затруднения.

(2.I.1928)

Когда жила в Шереметевском Доме с В.К.Шилейко, готовя в общей кухне, встречала там одну из жилищ – француженку (бывшую бонну Шереметьевых). С нею А.А. постоянно, по-французски, говорила о быте, о политике и о прочем. Помнит, что владела французским языком очень хорошо, – словарь ее был богатым, и разговоры велись без тени затруднений.

(2.I.1928)

10–11.I.<19>28

Записать – 10.I о сборнике Волынского³.

о кинематографах – и очередях в них.

1) о дневнике Блока (отрыв<?> 10.I.1928) – о лирич<еском> дневнике и вообще дневн<ике>⁴.

11.I

2) О севообороте с Некрасовым⁵.

(Ругал его Н.Тихонов, – отдал дань 15 строк, М.Козаков – оба 11.I.1928).

3) О себе по поводу «Песни о воен<ных> кораблях».

4) На 2-ю полов<ину> янв<аря> – 18 лит<ературных> вечеров.

5) О том, как А.А. узнает знакомых на улице, при встрече.

6) Об Ал. Толстом, кортике и сабле.

7) Узнал, что Всеволод Рождественский – женился⁶.

8) <так!>

Володя, пришли немедленно доверенность для получен<ия> дополнительных денег из Ин<ститу>та, а то их на днях вернут в казну. Поздравляю с Новым Годом. Жму руку. А.^{**7}

1928. 11 января

Читала книгу Б.Пастернака – «Поверх барьеров»⁸.

У В.Сутугиной есть подаренная А.А. фотография с надписью
Не Елена, другая...⁹

(А.А.: 11.I.1928)

* Ненумерованные строчки написаны сверху, очевидно, позднее других.

** Запись рукой Лукницкого карандашом на обороте, зачеркнуто чернилами, напротив записи помета: «70 рубл.»

1928. 11 января

Послала в Бежецк 25 рублей (ходили на почту вместе).

1928. 12 января

Н.К.Миронич, по доверенности В.К.Шилейко, получил вчера жалованье Шилейко в У<ниверсите>те – 70 рублей (за 2 нед<ели>)¹⁰.

Сегодня А.А. отправила эти деньги в Москву, В.К.Шилейко. Ей надо было удержать 20 рублей, за содержание Тапы. А.А. почему-то сосчитала, что получила 90 рублей, вычитает 20, следовательно, Шилейке надо послать 70. Отправив 70 рубл<ей>, А.А. вспомнила, что получила не 90, а 70, и значит, отправила все деньги, без вычета. А.А. уже второй раз так обсчитывается, и совершенно не понять, почему приходит ей в голову эта цифра 90.

19.I.<19>28

У Пастернака нет людей (и когда они принуждены появляться, он недоволен)¹¹.

1928. 23 января

Вечером в Ш.Д. были Мандельштамы – «великолепные, толстые, здоровые» – после нескольких-то месяцев пребывания в Сухуме¹². О.М. шутил, говорил пустяки, был весел. И только когда разговор зашел об издании книги Н.Г. в ЗИФ'е¹³, О.Мандельштам, тоном величайшего благородства (– «зачем? никто ведь из него этого благородства не выдразнивал...») стал говорить вещи такие, из которых А.А. поняла всю некрасивую роль О.М. в этом деле. Совершенно очевидно, что О.М. хочет заработать и только о своем заработке думает, когда прикасается к этому делу. Было очень тяжело разговаривать с ним, – и очень неприятно. Фальшь, фальшь, и совсем не тонкая.

(24.I.1928)

1928. 24 января

Был с нею в кинематографе «Soleil»¹⁴ (в нем она, кажется, еще никогда не была). Шла немецкая фильма «Дочь Раффке». (Спекулянт. Его дочь выходит замуж за бедного человека. Бедность. Спекулянт всячески изничтожает мужа дочери и всякие истории в связи с этим.) Выяснилось, что видела этот фильм, под другим названием и в немного измененном виде, года 4 тому назад – вместе с Пуниным, в маленьком кинематографе.

Сидели в ложе, вдвоем.

Из кинематографа пошли в кафе – к Федорову (на Невском)¹⁵, здесь – кофе с пирожными. Рассказывала о себе (о 1911 годе). Говорили об О.Мандельштаме, который был у нее вчера. Отсюда проводил ее домой и, попрощавшись в передней, ушел.

1928. 30 января

Играли в домино.

A + 21

П + 14

A + 52

П + 9.

А вечером, после моего ухода – с Пуниным 5 партий и все выиграла.

1911. Париж

Оскар Мещанинов.

<...>* бедный, скульптор.

(1928 янв<арь>. Приехал сюда из Парижа – теперь богат. Антиквар. Был в Рус<ском> Музее.)¹⁶

1928. Январь

Давал А.А. прочесть английскую книгу «Silas K.Hocking. – The heart of man» (London. Frederick Warne and Co and New York)¹⁷ – скучнейшее беллетристическое произведение в 480 страниц. А.А. читала ее для практики в языке и в короткое время прочла всю.

Прочитала мне по книге (переплетенной корректуре):

«Для того ль тебя носила», «За озером луна остановилась», «Вновь подарен мне дремотой», «Небо мелкий дождик сеет» и целый ряд других.

Янв<арь> 1928...

(Когда 2-й раз в январе была у меня).

Слово «рано» – хорошее слово, полные звуки, удобное в стихах. Любит его.

(янв<арь> 1928)

1928. 7 февраля

Получила из Цекубу 59 рубл. 50 к. и сразу же отправила А.С.Сверчковой в Бежецк 20 рублей. В графе «Для письменного сообщения» на почтовом переводе [отправила приблизительно следующее: Дорогая Шура] написала о том, что до вчерашней открытки ничего о болезни А.И. не знала, что очень обеспокоена и идет сейчас к Караваевым в надежде от них узнать о здоровье А.И.

(Ходила к Караваевым после почты, но они ничего не знают, встревожились, узнав от А.А.).

---

* Одно слово густо зачеркнуто.

1928. 7 февраля

Получила письмо от Н.А.Эртель (Duddington)¹⁸, посланное 15 января. Читала его мне. В письме Duddington сообщает о выходе сборника ее переводов стихотворений А.А.¹⁹, о предисловии к нему о том, что из 12 фунтов стерлингов полученных ею, она хочет выслать А.А. 5. Много пишет о себе, о своей семье и пр. Пишет, что недели три назад выслала А.А. заказной бандеролью один экземпляр сборника. (Экземпляр этот до сих пор не получен, и по-видимому задержан цензурой.)

1928. 17 февраля

Послала в Бежецк А.И.Г. 30 рублей, на переводе написала: «Дорогая Мама, это деньги исключительно для того, чтобы ты наняла человека для работы по дому и сама больше ни с чем таким не возилась». (Дальше было еще несколько фраз, – незначительных.)

Послала И.Э.Горенко²⁰ заказное письмо, 5 р. почтовым переводом и заказной бандеролью «Четки» (контрафактное издание), сегодня купила его), которые И.Э.Горенко просила прислать. На «Четках» написала: «Моей дорогой голубке маме от Ани. 17 февраля 1928».

Все – послала с главным почтамта, куда ездила со мной. Пробовала написать письмо еще Ханне (жене брата)²¹, но из письма ничего не вышло, и А.А. порвала его.

- 1) «Дивной жизни преизбытка»
- 2) «Тебя я не устану славить»
- 3) «Растревожил рану, а зачем?»
- 4) «Если б я был себе господином»
- 5) «Моя молитва – песнь правдивая»
- 6) «Еще немного дней добавить»
- 7) «Послушай мое пророчество»
- 8) «Подыши еще немного»

Стихотворения Ф.К.Сологуба, которые А.А. выбрала, чтобы прочесть 5/III.1928, в Союзе Писателей, на вечере памяти Сологуба²². 7 из них (и еще два: «День окутался туманом» и «Подъявший крест мучений жаждет», которые А.А. решила не читать), переписанные на машинке, были даны ей Л.Н.Замятиной. Стихотворение «Подыши еще немного» было дано А.А. – О.Н.Черносвитовой 2.III.1928 (когда А.А. была у нее). Это стихотворение А.А. считает превосходным, и оно ей очень нравится.

Здесь стихотворения записаны в той последовательности, какую А.А. наметила (4.III) для чтения.

(4.III.1928)

У А.А. на столе чистый листок бумаги, и на нем написано (ее рукой, карандашом <так!>):

Из памяти твоей – 4 апр<еля 19>15.

Муза ушла – 15 дек<абря 19>15 г.

(4.III.1928)

1928. 5 марта

Получила письмо от Левы, в котором тот очень огорчается ее открыткой (открытку А.А. послала в ответ на его письмо ей, где он меня называет «таким известным поэтом» и просит А.А. «замолвить» – передо мной – «за него словечко» за то, что он посвятил мне свою драму. А.А. ответила в открытке, что назвать меня «великим поэтом» это значит – посмеяться надо мной и очень меня обидеть, и что вряд ли Левка хотел это сделать).

(Я с А.А. тогда подробно обсуждал все это, и мы уговорились друг с другом о том, как реагировать на это и парализовать вредное влияние А.С.Сверчковой на Леву.)

1917. Конец февраля (ст. ст.) (25?).

Была на крыше Европейской гостиницы с Б.В.Анрепом. Очень дразнила его, он сердился, даже рассерженно сказал ей – «Вы глупая...»²³

(6.III.1928)

1928. Март (2-ая полов<ина>).

Заходила к Макушиной²⁴.

(21.III.1928)

1928. 22 марта

Ездила в Ц<арское> С<ело> к Н.Я.Мандельштам, которая больна, и лежит в постели (О.М. – в отъезде).

Перед поездкой в Ц<арское> С<ело> заходила в Госиздат, к С.Я.Маршаку, чтобы переложить его визит с сегодняшнего дня на завтра.

(24.III.1928)

1928. 23 марта

Вечером у А.А. был С.Я.Маршак.

1928. 24 марта

С поездом 10-<0>5 утра уехала (одна), ко мне в Токсово. Гуляла со мной, катались на норвежских санках с гор, потом – беседовали.

Уехала обратно с поездом 5.16 вечера.

П.Е.Щеголев недавно предложил А.А. собрать, комментировать и проредактировать воспоминания современников о Лермонтове²⁵. За

эту работу А.А. могла бы получить 400 рублей. Работу надо было бы произвести в течение нескольких месяцев – к сроку. А.А., прочитав основные материалы, убедилась, что в такой срок работу выполнить она не сможет (если, конечно, не будет халтурить), ибо недостаточно знакома с эпохой (40-е годы). Поэтому от работы отказалась.

Л.Н.Замятина была на днях у А.А., и несмотря на полученные ею от А.А. разъяснения о причинах отказа последней от работы, намекнув на бедственное положение А.А., сказала, что – «ведь это же все-таки 400 рублей!» Под этой фразой крылось, – что при таком материальном положении, в каком находится А.А., – она для этих 400 р. могла бы пойти и на халтуру.

Если вспомнить, что Л.Н. только что собрала какую-то денежную сумму и послала ее в Бежецк, то слова Л.Н. можно понять и еще хуже – (пользуется для содерж<ания> Левы благотворительностью, а когда предлагают работу – отказывается). Увы, ей не понять, что А.А. ни в какой крайности не пойдет на халтуру, – это во-первых. А во-вторых, что благотворительность оказывается не Леве, а А.И. (которую формально А.А. и не должна содержать). Леве же, сколь<ко> может, – А.А. посылает ежемесячно.

(24.III.1928)

1928. Между 25 и 28 марта

Приходила Н.Данько – лепила статуэтку А.А. – с натурой²⁶.

1921

... Перед Пасхой Митя с Аней* приезжал в Бежецк²⁷. Сказал, вернувшись, Коле, чтоб он взял жену из Бежецка, потому что она меня доведет до смерти. После этого Коля, очень рассерженный и недовольный, приехал в Бежецк, велел жене укладываться и в тот же день увез ее в Петроград. Когда я провожала его на станцию, он сказал мне про А.Н.: «Если она не изменится – я разведусь с нею...»

(А.И.Гумилева. 29.III.1928)

The Genius of J.M.W.Turner, RA. Edited by Ch. Holme Offices of «The Studio» London Paris and New York MCMIII²⁸

(читала весной – в марте – 1928)

1928

А.Эфрос, будучи в Париже²⁹, прочитал какую-то хвалебную статью А.Левинсона на франц<узском> яз<ыке> об А.А.³⁰ Поэтому,

---

* Примечание 1) Митя с Аней – Д.С.Гумилев с А.А.Фрейганг – его женой. – Примеч. Лукницкого.

встретив ее у Замятиных 1.IV.<19>28, он льстил ей тошнотворно; между прочим говорил: «Вы, конечно, знаете эту статью?»

А.А. этой статьи не знает, не интересуется ею. Что статья, если даже книгу Виноградова об ее творчестве, вышедшую несколько лет назад³¹, она не видала ни разу. А прочесть эту книгу интересно было бы – Виноградов хороший ученый.

Я давно искал эту книгу, но и я не видал ее никогда.

2.IV.1928 ПЛ

1928 – 6–8 апреля

Читает М.Пруста (перевод)³² – читает с увлечением.

1928. 9–12 апреля

Плохо себя чувствует. Не выходит из дому. 11 апреля часов в 7 веч<ера> пошла к В.К.Шилейко – чтобы поговорить перед его отъездом (он уезжал в Москву в этот день). В 8¼ вернулась в Ш.Д.

У А.А.Смирнова³³ впервые видела А.Н.Энгельгардт. Вернувшись домой, рассказывала Н.Г., что видела очень интересную девушку. Знакомство Н.Г. с А.Н.Энгельгардт произошло после этого случая.

(13.IV.<19>28)

1921

Комната Н.Г. в Доме Искусств была оставлена А.Н.Гумилевой³⁴. Очень скоро к заведывающему <так!> Домом Искусств – Н.Н.Пунину³⁵ стали поступать заявления о выселении А.Н.Гумилевой из этой комнаты. Заявления основывались на том, что А.Н.Гумилева вела слишком распушенный образ жизни...³⁶

[Н.Н.Пунин. 13.IV.1928]

1928. 14 апреля

Шли по Фонтанке, мимо дома 18. Заговорила о том, что хотела бы очень уехать – безразлично куда, но чтобы ехать «долго и организованно». Взглянув на дом № 18, – добавила – «уехать от этих застывших символов страдания»³⁷ ... – (их много: Мр. Дв., Фонтан-ка 2, Шерем. Дом – со всеми его закоулками...³⁸).

Когда я повторил: «застывших символов страдания», сказала, что можно так, а можно и «символов застывшего страдания» – как угодно.

1928. 15 апреля. 1-й день Пасхи

Вечером – у Замятиных, у которых гости – Федин, Радловы, Толстой и др. Федин проводил ее домой.

1928. 16 апреля

Утром у А.А. были Замятины.

Сегодня же (или вчера?) у нее была В.Сутугина.

1928. 18 апреля

Вечером – у Щеголевых, у которых гости. За столом сидела с П.Е.Щеголевым.

1928. 21 апреля

Вечером была у Белкиных³⁹. Ехала туда очень неохотно, предполагая, что будет нудно и неприятно. Неожиданно было весело. Среди гостей был М.Л.Лозинский и К.Федин, М.Л.Лозинский был веселым и хорошим. После 12 <часов> ночи туда же пришел Пунин. Вернулись домой в 5 часов утра.

Здесь Федин встретился с Лозинским, кажется, впервые.

1928. 22 апреля

Вечером была у Радловых, на Миллионной ул. Среди гостей был Ал. Толстой и др. Здесь говорили о Горьком, обсуждали...⁴⁰

1928. 25 апреля

Получил от Л.Горнунга 4 письма Н.Г. к Ларисе Рейснер. Читал письма, вижу, что они неискренни, что Н.Г. играет в любовь, письма эти несерьезны и надуманны.

Письма эти несомненно являются вещественным доказательством их романа.

А ргггггг: Пьесу «Завоевание Мексики» он собирался писать, но кажется, он сам не думал, что напишет ее⁴¹.

1920. Август или сентябрь

Л.М.Рейснер в разговоре с А.А. об Н.Г. сказала ей, что она считала себя невестой Н.Г., что любила его, а он обманул ее. Говорила об Н.Г. с ненавистью.

(25.IV.1928)

Почему Л.М.Рейснер в 1920 г. отзывалась об Н.Г. с ненавистью? Ведь она его любила, крепкой любовью, до этого. Не верно ли предположение – о том, что ненависть ее возникла после того, как она узнала о романе Н.Г. с А.Н.Энгельгардт в 1916, параллельном ее роману с ним? (А не узнать она, конечно, не могла⁴².)

Весьма вероятно, были и другие причины, которых я не знаю, но не эта ли была главной?

1928. 28 апреля

Гулял с А.А. По ее желанию отправились в единоверческую церковь (на Пушк<инской> или Никол<аевской> ул<ице>), чтоб послушать пение. Но служба там уже кончилась, и мы пошли домой. Дорогой А.А. говорила о православии и сказала, что хочет перехо-

дять в единоверчество, хоть и нехорошо изменять чистому православию⁴³. Но очень уж оно изменило самому себе, а в единоверестве – крепость и неизменность остались прежними. К тому же единоверчество – и измененное, но все же – православие тоже.

1928. 29 апреля

С утра, одна, поехала на Фарфоровый завод, к Данько. Весь день провела там. Очень устала, вернулась домой после 10 ч<асов> вечера.

1928. 30 апреля

По-видимому, из-за вчерашней усталости весь день чувствует себя плохо. Не выходила из дому.

1928. Апрель

Прочитала Свифта «Путешествия Гулливера» (полн.), по английскому изданию⁴⁴.

1928. 1 мая

В городе первомайские демонстрации. Солнечно и тепло. Гуляла вместе – А.А., я, Пунин с Иринкой – по Екатерининской вышли на Невский, протолкались до Садовой, по Садовой прошли к Марсову полю, к Миллионной, с Миллионной вышли на Неву, дошли по набережной до Мошкова⁴⁵. Здесь застава. Вышли на угол Миллионной, встретили Л.Пунина с семейством⁴⁶, поговорили, пошли дальше – на Конюшенную. Заходили здесь в кондитерскую, ели пирожные, вышли на Невский, опять толкались, до Екатерининского канала, по каналу, через мостик к Русскому Музею, и – домой.

1904–1905

Ольга Глушкова училась в одном классе с Анной Андр<еевной> Горенко, в Царскосельской гимназии.

(А.А. 12.V.1928)

О роде А.А. (по линии матери) есть печатные сведения в мемуарной литературе <18>70-х годов⁴⁷.

(А.А. 14.V.1928)

Поэтесса Бунина – приходится теткой деда А.А. Она была фрейлиной, при дворе. Писала очень плохие стихи.

Через нее А.А. в каком-то свойстве, – впрочем, очень и очень далеко, с Буниным и, кажется, с Семеновым Тянь-Шанским...⁴⁸

(15.V.1928)

1928. 15 мая

Пунин читал свой дневник. Там записано:

–... «Вечером Ан сказала: Флобер, Бовари, как труба архангела в день страшного суда, – не может слукавить».

1928. 15 мая

А.А. сегодня поймалась: ее вызванивали из Инст<итута> Ист<ории> Искусств⁴⁹, заранее выяснив, что она здорова, пригласили прийти на чтение приехавшим из Москвы Д.С.Усовым перевода 1-й песни «Art poétique» Буало⁵⁰. Не хотела идти, но все же вышла. Проводил ее в И<нститут> И<стории> И<скусств>. Здесь отстал – в это время подошел М.Л.Лозинский, потом – С.Шервинский⁵¹.

Чтение происходило в каб<инете> совр<еменной> литературы, под председ<ательством> Л.В.Щербы⁵². Были, кроме А.А. и меня: М.Л.Лозинский, Б.Казанский⁵³, В.М.Жирмунский⁵⁴, С.Шервинский. Сидели за большим столом; сзади по стене – еще 4 дамы (неизвестных) и молодой человек. Позже прибежал Г.А.Гуковский. Усов после чтения просил меня и, одновременно, Шервинского, представить его А.А. ... Шервинский его представил.

Усов – типичный москвич, «эстетствующий», дурного тона. Иностранные слова произносит – грассируя. Л.В.Щерба, открывая заседание, сказал: «Мы не будем обременять нашего московского гостя и (указав на нас) наших здешних гостей чтением протокола»... После этого Усов сразу же, вместо Буало, стал читать протоколы всех московских заседаний с перечислением всех докладов на темы о зап<адно>евр<опейской> лит<ературе> – происшедших в Москве. Длилось это – час. Перевод Буало сделан, в общем, довольно точно, но в деталях часто неточен, и грешит против правил самого же Буало.

Из Инст<итута> Ист<ории> Иск<усств> проводил А.А. домой. Пили чай в Ш.Д.: я, А.А. и Пунин, и выпили бутылку белого вина. Пунин читал отрывки из своего дневника.

1928. 19 мая

Получено от О.А.Судейкиной⁵⁵ письмо:

«А.А.Ахматовой для передачи М.А.Кузмину» – а самой А.А. письма нет. А.А. огорчена таким небрежением О.А.Судейкиной.

Письмо М.А.Кузмину я передал в тот же день.

Рассказывала, что первое ее напечатанное в Петербурге стихотворение было напечатано при посредстве Ал. Толстого.

Ал. Толстой отнес его в редакцию журнала, и оно было принято.

Будто, – это относится к зиме 1910–1911 (когда Н.С. был в Африке)⁵⁶.

(24.V.1928)

1928. 24 мая

Получила письмо от О.А.Судейкиной, посланное 13 мая (одно- временно с письмом для передачи Кузмину, полученным, однако, 19 мая). Читала письмо мне.

1928. 28 мая

Получила из Пятигорска от Курортного Управления телеграмму, что контракт (о ее поездке и выступлениях на Кавказе) ей высылает- ся.

На Кавказ А.А. не поедет.

1928. 3 июня

По просьбе А.А. послал телеграмму: «Пятигорск Окрисполком ОУЗП Рогнедову Вынуждена отказаться выступлений больна Ахма- това»⁵⁷.

1915. Октябрь

Уехала в санаторию, в Хювинькуу⁵⁸ с тем, чтобы пробыть там всю зиму. Однако уже через две недели сказала Н.Г., что не может там больше оставаться, и Н.Гумилев увез ее в Царское Село.

(А.А.Ахматова 6.VI.1928)

1914. 25 июля

Вместе с Н.Гумилевым приехала из Слепнева в Петербург. Вме- ненно остановились у В.К.Шилейко в свободной комнате.

(А.А.Ахматова 8.VI.1928)

1914. 26 и 27 июля

Жила у отца, в Петербурге.

Дни проводила вместе с Н.Гумилевым, В.К.Шилейко и М.Л.Ло- зинским⁵⁹.

(А.А.Ахматова 8.VI.1928)

1914. Ок<оло> 27 июля

Вместе с Н.Гумилевым, переехала в Царское Село, на Малую, 63.

(А.А.Ахматова 8.VI.1928)

1928. 12 июня

Пунин вернулся домой в скверном настроении и был надутым. Дома были только А.А. и я – и сами ставили самовар. Не было чаю (чай почти невозможно купить – его нет в магазинах). Без повода накинулся на А.А., крича, что в доме нет порядка, что А.А. ничего не делает, встает поздно, что она обещала заменить уехавшую Ан- нушку, а сама ничего не делает, что если бы он знал это, он не от- пускал бы Аннушку в деревню. Кричал настойчиво и нервно.

А.А. не отвечала ни слова, смотря ему в глаза, удивленно и пренебрежительно. А.А. поднялась и ушла в кухню, спокойно продолжала разжигать потухавший самовар, потом вернулась в столовую. Сидели за столом втроем, молча. Мне было тягостно. Потом заговорили о посторонних вещах – говорили напряженно.

Потом Пунин ушел в кабинет. Я прочел А.А. листки из моей работы и побрел домой.

Рассказывала, как в тринадцатилетнем возрасте «от избытка жизни», в легком платье выскакивала на улицы, в снег, и кувыркалась в снегу. И никогда не простужалась.

(13.VI.1928)

1928. 16 июня

Читала монографию о грузинском художнике Пиросманишвили (изд. 1926, Тифлис)⁶⁰.

1928. 16 июня

Вечером была у Рыковых.

Очень устала.

1928. 16 июня

Сегодня днем в Ш.Д., в гостях у Пунина была Елизавета Петровна Невгина – его подчиненная по Русскому Музею.

16.VI.<19>28

Гораздо легче выполнять нравственные обязанности, чем бежать от них⁶¹.

1905

В Евпатории слышала, как стреляли пушки в Севастополе.

(21.VI.1928)

21 июня 1928*

Пришел к А.А. в 2 ч<аса>. В кабинете (А.А. на диване, я – в кресле), сидели читали газету – о Нобиле (Маддалена сбросил ему продукты)⁶². Потом рассматривали карту Одессы, Евпатории, побережья. А.А. показала, где она жила. Говорили. Я принес Н.Г. – автографы (папку), рассматривали. Потом пришли А.Е.Пунина и Пунин. Обедали. – А.А. условилась утром с Маней Рыковой⁶³, что пойдет в 5 ч<асов> дня на квартиру Н.В.Р., чтоб разбирать ее вещи. А вечером к А.А. должны прийти: Мануйловы и Сироткин (юноша, приехавший из Баку, – прийти по просьбе Мануйлова). Пунины легли спать. Я с А.А. вышел в сад на Фонтанку и <прошли?> до Симеон<овского> моста.

* *Сверху запись: «Принес ей розу красн<ую>».*

А.А. боялась разойтись с Маней Рыковой, кот<орая> обещала прийти к ней, и пошла обратно в сад. Сели на скамейку у двери парадной, в саду («Кто может знать при слове расставанье, какая...» и т. д.). «Вы что-то очень грустно прощаетесь», – шутили... Перекрестила...

Мне: «Чудные прощальные слова!» – (по поводу моих предсказаний о себе).

Была ласковая со мной и добрая.

1928. 27 мая*

С утра не решался идти в Ш.Д., не зная, не лучше ли А.А. быть в одиночестве. Сообщил по телефону Л.Н.З. о смерти Н.В.Гуковской. Она звонила А.А, потом мне – просила меня пойти в Ш.Д. В Ш.Д. тихо и печально. А.А. сидит на диване, и ничего не может делать. Но внешне – спокойна. Она удивительно владеет собой. Пунин здесь же. Старается отвлекать ее посторонними разговорами, не давать ей сосредотачиваться на думах об Н.В.Г. У меня – нет сил делать то же, но пытаюсь... Больше молчим.. Нет-нет, А.А. и заговорит: вспомнит какой-нибудь факт, связанный с Н.В.Г., назовет какую-нибудь деталь ее характера, внешности или ее фразу, – и опять замолчит. Пунин пошел в сад – гулять, звал А.А., но она не пошла.

1913. 8 сентября

Вернулась из Слепнева в Петербург. С вокзала, на извозчике, поехала к своему отцу на Крестовский Остров (проезжала по Фонтанке).⁶⁴

(VI.1928)

К работе об А.А.Ахматовой

21 сентября 1928 года, в Большом Фонтане (в Одессе) мною записано:

1. «В поселке Большой Фонтан живут (жили?) старики:

Федор Горенко,
Трофим Горенко,
Дмитрий Горенко.

В поселке Цыганское — Ануфрий Горенко.

Андрея Горенко никто не знает.

Старики эти, и их дети, – крестьяне и рыбаки».

...В воскресенье 23 сентября, в 12 ч.<асов> дня, – гонки парусных шаланд (объявление в Большом Фонтане)...

ПЛукницкий**

* На обороте предыдущей записи.

** (Переписал 22/VII.<19>70, с листка, найденного мною в архивных моих бумагах 1928 года.) – Примеч. Лукницкого.

1 или 2 окт<ября> 1928

Я принес А.А. корректуру двух томов стихотворений А.А., оставшуюся от издательства «Петроград», чтобы А.А. дополнила и приготовила для перепечатки на машинке, сдачи в Гублит и нового набора собрания ее стихотворений, которое решило издать в 2-х томах Кооперативное Издательство Писателей⁶⁵.

2 или 3 окт<ября> 1928

Прочитала мне стихотворение:

«Если плещется лунная жуть
Город весь в ядовитом растворе...»⁶⁶

(муть?)

6.X.<19>28

Работа над корректурой двухтомника стихотворений. Составил список стихотворений, по поводу которых А.А. сделала какие-либо замечания, – (некоторые выбросить из двухтомника, некоторые включить, иные переставить, даты, и т. п.).

9.XI.1928

В день моих именин (9.XI.28 г.) А.А. подарила мне свой автограф – два стихотворения⁶⁷.

I

Н.В.Н.

И в Киевскомъ храмѣ Прѣмудрости Бога
Припавъ к солѣ я тебѣ поклялась,
Что будетъ моею твоя дорога,
Где бы она ни вилась.
То слышали ангелы золотые
И въ белом гробу Ярославъ,
Какъ голуби вьются слова простыя
И ныне у солнечныхъ главъ.

(Копия автографа. Стихотворение А.Ахматовой. Написано на листе простой бумаги, вырванной из тетради (нижняя половина страницы отрезана). Стихотворение написано чернилами, а посвящение «Н.В.Н.» (Недоброво) – синим карандашом. В правом верхнем углу страницы чернилами проставлена цифра «31».)

II

Справа Днѣпръ, а слѣва клены
Высь небесъ тепла,
Въ день прохладный и зеленый
Я сюда пришла

Безь котомки, безь ребенка,
Даже безь клюки,
Быль со мной лишь голось звонкй
Ласковой тоски.

Не спеша летали пчелки
По большим цвѣтам,
И дивились богомолки
Синимь куполамь.

(Копия стихотворения, написанного на обратной стороне страницы, помеченной цифрой «32». Стихотворение перечеркнуто чернилами, накрест. Страница отрезана снизу так, что последней строки и половины предпоследней (по продольной линии) нет. Эту строку А.А. сообщила мне устно. В 5-й строке слово «безь» – без твердого знака.)

ПЛ

Переписал с другого листка.

28.И.<19>70. ПЛ*

1928. 31 декабря

Новый год встречала в Ш.Д. – здесь собрались художники с женами: Тырса, Л.Бруни, Нерадовский⁶⁸, Лапшин⁶⁹. Устраивали на паевых началах, поэтому было даже шампанское. Тут же был Н<и-колай> К<онстантинович>, от 11½ до 1 был я, позже приехал С.Я.Маршак. Гости разошлись часов в 8 утра.

1928

О В.К.Шилейко.

Брак с В.К.Шилейко – совершен в XII.1918. Расторгнут – 8.IV. 1926⁷⁰. XI-1927 – Шилейко – все <?> в Мр. Дв. I-1928 А. – уже в Шер. Доме.

1928

(Умерла Н.В.Гуковская)

о которой А.А. очень грустила, когда та, в 1928 г., умерла.⁷¹

Об Амундсене и о Нобиле –

1929. 2-го января

Вечером у А.А. была Ан<на> Андр<еевна> Русанова – девушка из Витебска, пишущая стихи (которой я устраивал свиданье с А.А., по просьбе Н.Тихонова). Позже к А.А. пришла Ольга Берггольц.

---

* Позднейшая помета.

1929. 3 января

Вечером была у Белкиных. Здесь были М.Л.Лозинский, К.А.Федин и другие. Вернулась домой в 4 часа ночи.

1929. 4 января

Утром со мной гуляла – ходил в Филармонию (платить за абонемент), заходили в Русский Музей, потом проводил А.А. к В.Срезневской.

1918. Февраль или март

Впервые видела Е.И.З. в феврале или марте 1918 г. на вечере в пользу.....* (где выступала со стихами?)⁷²

(22.I.1929)

11 марта 1929

При мне получила письмо от Б.Пастернака, со стихотворением, посвященным ей, и с просьбой разрешить его напечатать⁷³. Читала мне письмо, – и дала прочесть стихотворение. Б.П<астернак> пишет, что написал также 2 стихотв<орения>, посвященных одно – Маяковскому, другое Мейерхольду⁷⁴.

Письмо очень хорошее, дружественное. А стихи – странно вялые, и для Пастернака – плохие. Мы обсуждали это, А.А. просила меня пока не говорить никому об этом стихотворении. М<ожет> б<ыть>, Пастернак еще передумает его печатать? Или переделает?⁷⁵ В таком виде – оно невыигрышно для него.

1929. 9 апреля

После разговора об «английском» Э.По⁷⁶ А.А. просила меня, при случае, купить ей некоторых англ<ийских> поэтов (англ<ийский> текст). Лежала в постели, больная. Я спросил, кого именно. Сказала (все дальнейшее – записываю буквально):

«Хотела бы... Вордсворт⁷⁷. Кольридж⁷⁸».

(Пауза. Размышляет.)

«Саути⁷⁹ не хочу, черт с ним. Скука...»

(Очень долгая пауза.) –

«Поп, может быть, есть...»

(Затем, с паузами:)

«Драйден... Бэрнс... Елизавета Браунинг⁸⁰... Камбэлл⁸¹...

Крabb...»

(Большая пауза:)

«Стэрна... Вальтер Скотта...»

(Еще пауза:)

---

* Так в автографе.

«Потом кто еще?..» (размышляет) – «Нет, Лонгфелло, Томаса Мора⁸², не хочу... Томаса Мора в комнату бы не пустила... (с нарочитой грубостью:) – ... за рубль!..»

(Пауза) «И потом еще: Барри Корнуэль».

Москва. Волхонка, 14.

Борису Леонидовичу Пастернаку. Благодарю за посвящение. Вторая редакция прекрасна. Печатайте непременно. Простите молчание. Больна. Ахматова.

(Телеграмма, продиктованная мне А.А. 9.IV.1929 и посланная мною в тот же день. Телеграмма – ответ на письмо (второе – этой весной) Пастернака, в котором он прислал 2-ю редакцию своего стихотворения, посвященного А.А., и спрашивал у нее разрешения печатать его⁸³.)

1929. 9 апреля

Разговор об Э.По. Прочитала по-английски «Ворона», и восхищена им, – его силой, [простотой его] тем, что он написал совсем простыми, «комнатными» словами, всем. Прочитала (впервые) сообщение Э.По о том, как он делал эту вещь⁸⁴.

Говорила мне, что «Ворона» никогда не любила, зная его по русским переводам и по французскому переводу Mallarmé⁸⁵. Перевод Mallarmé знала наизусть. Осуждает переводчиков за то, что они перевели «Ворона» – высоким штилем, пафосными словами и пр.

1929. 17 апреля

Вечером у А.А. был Шервинский со своим знакомым, приехавшим из Москвы.

Позже, неожиданно, к А.А. пришел проф<ессор> Этторе Ло-Гато⁸⁶, приехавший из Италии. Был оживленный разговор о поэзии, о литературе, об Италии, о России. Проф. Ло-Гато написаны в Италии 3 статьи об А.Ахматовой. Обещал прислать их. Проф. Ло-Гато приезжает в Россию 2-й раз за эти годы. Говорит, что больше не придет.

Проф. Этторе Ло-Гато – как он сказал – поклонник творчества А.Ахматовой. Здесь он был еще у Клюева⁸⁷. Больше, кажется, ни у кого из писателей и поэтов.*

---

* В правом верхнем углу приклеена вырезка из «Красной газеты» от 21 апреля 1929 (веч. вып.): «В Ленинград прибыл итальянский историк литературы, специалист по советской литературе проф. Этторе Ло-Гато, известный, между прочим, целым рядом переводов русских писателей и исследований о русской литературе» (курсив в газетном тексте).

28 марта 1928*

Встал в 6 ½.

до 7 – дома

7 – 7½ – путь...

7½ – 8-05 вокзал

8-05 – 9 поезд

9 – 9 ½ путь домой

9 ½ – 10 ½ Дома. Звонила А.А. и Казмичева

10 ½ – до 11 ½ у А.А.

11 ½ путь с А.А. к К.К., оттуда т (трамвай) <так!>
на Стремянную. Здесь Л.Г. и А.И.Г.

[Лева Гумилев и Анна Иван. Гумилева]

с ними в Ш.Д. [Шереметевский дом], заходили в магазин.

1 – 3 ½ в Ш.Д. Здесь Л.Г., А.И.Г.; приходила Л.Н.З. [Замятина],
пришел Пунин.

3 ½ – 4 путь с А.И.Г. к К<узьминым>-К<араваевым>.

4 – 4-20 путь п [пешком] домой

4-20 до 6 дома. Сон.

6 – 6 ½ ходил залевой в Ш.Д.

6 ½ – дома. Обед. – 7 ½

7 ½ с левой в кинематограф. «Закон гор»⁸⁸.

Проводил Леву.

11 ½ – 12 у А.А.

12 – 1 ½ у Казмичевых.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. запись этой строфы на листе вслед за этим:

...О, черная прелесть бессонниц,
Парадных и свежих, как сон!
Таких вот, как я, незаконниц
Водили когда-то в полон...

Насколько мы можем судить, четверостишие печатается вперые.

² Никола Деникер – французский поэт, племянник И.Ф.Анненского. Гумилев «сблизился <с ним> в конце 1906 года» во время поездки в Париж (Тименчик Р.Д. Заметки об акмеизме. III // Russian Literature. 1981. Vol.9, №2. P.182). О своем знакомстве с Н.Деникером Гумилев писал В.И.Кривичу 2 октября 1906 из Парижа (см.: Неизвестные письма Н.С.Гумилева / Публ. Р.Д.Тименчика // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т.46, №1.

* Отдельный лист, в правом верхнем углу помета: «Переписал с листа 2/II.1973 ПЛ».

1987. С.52-53). К истории отношений Гумилева с Деникером см. дарственную надпись Деникера на его единственной книге (*Deniker N. Poèmes: le décor, la lumineuse tempête, la venelle douleute, l'ultime clairière*. Paris: L'Abbaye, 1907): «Au poète Nicolas Goumileff en Tèmoignage de sympathie littéraire, Nicolas Deniker. November 07» (*Коллекция*. «Книги из библиотеки Н.С., находящиеся в Пушкинском Доме. Иностранные»). Описание П.Н.Лукницкого). О Деникере см.: *Лавров А.В., Тименчик Р.Д.* Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1981. Л., 1983. С.106, 144.

³ Памяти Акима Львовича Волынского / Сб. под ред. П.Н.Медведева. Л., 1928. В сборник вошли статьи Э.Голлербаха, К.Федина, А.Горнфельда, П.Медведева, Б.Эйхенбаума, Е.Грековой, М.Фромана, А.Гизетти и библиография работ Волынского, составленная Б.Веккером. Очевидно, Лукницкий принимал участие в подготовке этого сборника: на прошении ЛО ВСП в Ленинградский Гублит о разрешении сборника им сделана помета: «Сборник сдан в Гублит мною, 14.III.1927. ПЛ» (*Коллекция*). Ахматова присутствовала на гражданской панихиде по А.Л.Волынскому в Союзе писателей 8 июля 1926 и на его похоронах на Волковом кладбище (*Acumiana II*. С.208, 211).

⁴ См. примеч. 49 к разделу I.

⁵ Вероятно, подразумеваются юбилейные мероприятия и публикации, приуроченные к 50-летию со дня смерти Некрасова.

⁶ Свадьба В.А.Рождественского и И.П.Стуккей состоялась 29 января 1928 в Знаменской церкви Детского Села, шафером был В.А.Мануйлов (см.: *Мануйлов*. С.274; здесь очевидная опечатка: 1918 вместо 1928).

⁷ Обращено к В.К.Шилейко. Письма Ахматовой Шилейко опубликованы: *Ахматова А.А.* Соч.: В 2 т. / Сост. и подгот. текста М.М.Кралина. М., 1999. Т.2. С.192-198; приводимая записка в данную публикацию не вошла.

⁸ *Пастернак Б.Л.* Поверх барьеров. Вторая книга стихов. М.: Центрифуга, 1917.

⁹ Из стихотворения О.Мандельштама «Золотистого меда струя...» (1917).

¹⁰ Доверенность хранится в: *Коллекция*.

¹¹ Ср. с позднейшим отзывом Ахматовой о романе Б.Л.Пастернака «Доктор Живаго»: «Люди неживые, выдуманные. Одна природа живая» (*Чуковская*. Т.2. С.273).

¹² Мандельштамы ездили в Сухуми для лечения Н.Я.Мандельштам, которая болела туберкулезом и не могла оставаться в Ленинграде весной и осенью. Уехали туда не позднее второй половины октября 1927 (сообщено А.Г.Мецем).

¹³ См. примеч. 2 к разделу I.

¹⁴ Кинематограф «Soleil» («Солейль») находился на углу пр. 25 октября и ул. 3 июля (т. е. на углу Невского и Садовой – Невский пр., д. 48).

¹⁵ В бывшем кафе Федорова (ул. Пролеткульта (М.Садовая), 8) Ахматова бывала не раз, см., например: *Пунин*. С.253.

¹⁶ См. примеч. 13 к разделу IV.

¹⁷ Более точное описание книги: *Hocking S.K. The Heart of Man. London: F. Warne and Co, 1895. 480 p.*

¹⁸ Наталья Александровна Даддингтон (урожд. Эртель) – английская переводчица, дочь А.И.Эртеля. Одно из писем Ахматовой к Н.А.Эртель-Даддингтон от 29 января 1926, приложенные к нему письмо Лукницкого (копия) и биографическую справку об Ахматовой (черновик Пунина с поправками Лукницкого и копию Лукницкого) см.: *Коллекция*. В письме Ахматовой – благодарность за подарки (платье и чулки – «это моя единственная обновка за много лет»; впоследствии черное шелковое «Duddington'овское» платье неоднократно упоминается Лукницким в «*Acumiana*») и сообщение о посылке своих «изображений». («Обновки» были привезены Ахматовой М.К.Грюнвальд, см.: *Acumiana I. С.214* и др.) Лукницкий в списке приложений к письму отметил: «1) Фото<графическая> карточка раб<оты> Наппельбаум, в профиль 2) Оттиск из книги Эйхенбаума. Внизу слева: 1926. На обороте: “Милой Наталии Александровне привет с берегов Невы. Ахматова. 4 февраля 1926” 3) Такой же оттиск. Внизу: “Анна Ахматова / 1926”. На обороте: “...И горечи не превозмочь”». См. в связи с этим также: *Acumiana II. С.18-20*.

Ср. также другую запись Лукницкого: «Сборник переводов N.Duddington A.A. получила 15.II.1928 (в день приезда В.К.Ш. из Москвы). Книга в Мр. Дв. пришла значительно раньше (Почт<овый> штемпель на бандероли 3.I.1928, но А.А. долго не была в Мр. Дв.). Из Мр. Дв. А.А. зашла ко мне. Вместе рассматривали и читали книгу» (ОР РНБ. Ф.1073. Ед.хр.1788. Л.7).

¹⁹ *Akhmatova A. Forty Seven Love Poems / Translated and introduced by Natalie Duddington. London, 1927.*

²⁰ Инна Эразмовна Горенко (урожд. Стогова; 1856–1930) – мать Ахматовой. Жила в это время у своего сына Виктора на Сахалине.

²¹ Ханна Вульфовна Горенко (урожд. Райцын; 1896–1979) – жена Виктора Андреевича Горенко, брата Ахматовой. См. о ней, например: *Чуковская. Т.3. С.363*.

²² См. примеч. 110 к разделу I.

²³ Ср.: *Acumiana I. С.96*. Свод свидетельств о Б.А.Анрепе см., в частности: *Тименчик Р.Д.* <Вступ. ст. к публ.: *Анреп Б. О черном кольце*> // *Лит. обозрение. С.57-58; Чуковская. Т.2. С.700-701*. Анреп – автор посвященного Ахматовой стихотворения «Прощание» («За верстами версты, где лес и луг...») (*Лит. обозрение. С.40*).

²⁴ Домработница Ахматовой и О.А.Глебовой-Судейкиной в пору их жизни на наб. Фонтанки, д. 2. См. о ней: *Acumiana II. С.253-254* и др.

²⁵ См. примеч. 130 разделу I.

²⁶ Знаменитая статуэтка «Анна Ахматова» Н.Я.Данько (расписывала Е.Я.Данько) была выполнена в 1924, об этом, например: *Баженов М. Фарфоровые портреты Анны Ахматовой // Декоративное искусство. 1987. №1. С.43; Летопись. Ч.2. С.70*. Но по всей вероятности, были и другие варианты

этой работы. Среди пояснений Лукницкого к сделанным им негативам фотографий имеется следующее: «Глиняная, обожженная медом <статуэтка>: А.А. в профиль, сделанная Данько в одном экземпляре (пробный) и подаренная мне А.А.» (Коллекция). Возможно, в комментируемой записи и этом пояснении речь идет об одной и той же статуэтке, однако ни ее, ни ее изображения (негатива) обнаружить не удалось.

²⁷ Дмитрий Степанович Гумилев (1884–1922) – брат Н.С.Гумилева. Анна Андреевна Гумилева (урожд. Фрейганг; 1887–1965) – его жена. О Д.С.Гумилеве в родословной Н.С.Гумилева, составленной Лукницким, сказано: «Дмитрий Степанович Гумилев. Род<ился> 13 октября 1884, день ангела 26 октября. Умер 10 сент<ября> 1922 в Риге. Женился в 1909, летом, на Анне Андр<еевне> Фрейганг. Поступ<ил> в У<ниверсите>т, ушел оттуда. Пост<упил> в пехотн<ое> юнк<ерское> училище, потом был офицером в пехотн<ом> полку, вышел в отставку в 1910–1911 г. Был на войне 1914–1917, в Березинском полку. Годы 1911–1914 служил земским начальником в Ямбургском уезде. В 1921 г. уехал из Петербурга в Ригу» (Коллекция).

По сведениям, предоставленным А.Н.Гумилевой Лукницкому, она жила в Бежецке с января по июнь 1920 и затем с конца июля 1920 по май 1921. В «Трудах и днях Н.Гумилева» (Т. II. 1918–1921. С.301) имеется запись: «1921. 18 и 20 мая. 18 мая уехал в Бежецк, за женой и дочерью. Утром 19-го мая приехал в Бежецк, и в тот же день уехал с женой и дочерью в Петроград. Примечание: 1. По словам А.И.Гумилевой, причиной переезда А.Н.Гумилевой в Петроград были ее письма, которые она писала Н.Г. – “...ужасные письма, о том, что она повесится, или отравится, если останется в Бежецке...”. 2. Родные Н.Г. свидетельствуют, что в этот период Н.Г. был очень раздраженным. 3. Эта встреча Н.Г. с матерью, сыном и сестрой была последней».

²⁸ Более точное название книги: *The Genius of J.M.W. Turner, R.A.* / Ed. by Charles Holme. London; New-York, etc.: Offices of «The Studio», 1903.

²⁹ За организацию художественной выставки к 10-летию Октябрьской революции А.М.Эфрос был премирован двухмесячной командировкой в Германию и Францию, где, в частности, занимался подготовкой выставки новейшего французского искусства, которая состоялась в Москве в 1928.

³⁰ Вероятно, имеется в виду очерк А.Левинсона «Анна Ахматова – русская Марселина» (русский пер. см.: *Лит. обозрение*. С.52-56). Как сообщает во вступительной заметке к переводу Р.Д.Тименчик, этот очерк вошел в книгу А.Левинсона «Пересечения» (двадцать этюдов о современных русских писателях с предисловием Поля Валери) (Париж, 1928).

³¹ *Виноградов В.В.* О поэзии Анны Ахматовой: (Стилистические наброски). Л., 1925 (Труды Фонетич. ин-та практич. изучения языка под общ. ред. директора ин-та И.Э.Гиллельсона).

³² Непосредственно до и в самом 1928 вышло сразу несколько изданий романа М.Пруста на русском языке, важнейшие из них: 1) *Пруст М.* В поисках за утраченным временем / Пер. с франц. под общей ред. Б.А.Грифцова и А.А.Франковского. Т.1: В сторону Свана; Т.2: Под сенью девушек в цвету; Л.: Academia, 1927–1928. 2) *Пруст М.* В поисках потерянного време-

ни. <Т.>2: Под сенью девушек в цвету / Пер. с франц. Л.Я.Гуревич в сотрудничестве с С.Я.Парнок и Б.А.Грифцовым. М.: Недра, 1927; 3) *Пруст М. Любовь Свана* / Пер. с франц. В.Парнаха. М., 1928. Ср. записку Ахматовой Н.Н.Пунину 1937: «Читаю Пруста с ужасом и наслаждением. Думаю, что мы его любим так, как современники любили Байрона» (*Виленкин В.Я. Воспоминания с комментариями*. 2-е изд. М., 1991. С.460).

³³ Александр Александрович Смирнов (1883–1962) – литературовед, переводчик, критик. Специалист по кельтской и романской филологии, западноевропейской литературе, в первую очередь – по Шекспиру. Впоследствии профессор Ленинградского университета, научный сотрудник ИРЛИ. Познакомился с Ахматовой в 1911 в Париже; ее дарственную надпись Смирнову на втором издании «Четок» см.: *Тименчик Р.Д. Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Публикации. Библиография*. Л., 1982. С.110 (примеч. 22).

³⁴ Н.С.Гумилев переехал в Дом искусств в мае 1921 вместе с женой и дочерью, после их возвращения из Бежецка (см. выше запись Лукницкого «А.И.Гумилева. 29.III. 1928»).

³⁵ По-видимому, ошибка Лукницкого: Пунин не был заведующим Домом искусств. Отношения Н.Н.Пунина с Домом искусств складывались непросто. Будучи заместителем наркома просвещения А.В.Луначарского, заведующим Петроградским отделом изобразительных искусств, он в 1920 пытался подчинить Дом искусств своему ведомству (независимость Дома искусств отстаивал М.Горький; об этом см.: *Чуковский*. С.144-145), безуспешно баллотировался в «Диск». Спустя два года, 30 мая 1922 К.И.Чуковский записывает в дневнике: «Он <Пунин> за пять месяцев окончательно уничтожил Студию, уничтожил лекции, убил всякую духовную работу в “Доме Искусств”. Презирать легко, разрушать легко» (*Чуковский*. С.211).

³⁶ См. также: *Acumiana I*. С.186.

³⁷ В доме 18 по Фонтанке (кв. 28) Ахматова жила с осени 1921 до осени 1923, после ухода от В.К.Шилейко, вместе с О.А.Глебовой-Судейкиной (1885–1945) и А.С.Лурье (1891–1966; уехал из России 17 августа 1922). Весной 1939, гуляя по Фонтанке с Л.К.Чуковской, Ахматова повторяет: «Даль, дома – образы застывшего страдания», и далее: «Я всю Фонтанку обжила...» (*Чуковская*. Т.1. С.23).

³⁸ В Шереметевском дворце (Фонтанном доме) Ахматова жила с сентября 1918 по осень (октябрь?) 1920 со своим вторым мужем В.К.Шилейко, имевшим в нем комнату в северном служебном флигеле. В 1924–1926 она регулярно приходила в Фонтанный дом к Н.Н.Пунину, поселилась у него в конце 1926 (кв. 44, в южном садовом флигеле). Подробнее см.: *Попова Н.И., Рубинчик О.Е. Анна Ахматова и Фонтанный дом*.

На наб. р. Фонтанки, д. 2 (кв. 307) Ахматова жила с О.А.Глебовой-Судейкиной с 28 марта до 3 ноября 1924 (см.: *Acumiana II*. С.77). После отъезда Глебовой-Судейкиной за границу в конце октября 1924 Ахматова переехала в Мраморный дворец, в квартиру Шилейко в служебном корпусе (ул. Халтурина (Миллионная), д. 5, кв.12) (см.: *Летопись*. Ч.2. С.72).

³⁹ Вениамин Павлович Белкин (1884–1951) – художник, график, иллюстратор книг, преподаватель факультета живописи Академии художеств (1921–1946) и Вера Александровна Белкина (урожд. Попова; 1891–1951) – его жена, пианистка, педагог (в 1928 – преподаватель по классу фортепиано в 1-й Государственной художественной студии, см.: *Справочник*. С.139). В.П.Белкин познакомился с Ахматовой в начале 1910-х, он автор нескольких портретов Ахматовой (середина 1910-х, 1922 и 1941; ср.: *ЗК*. С.603; ср. три портрета 1920-х годов, зафиксированных в интернет-каталоге <http://www.collections.spb.ru/akhmatova/catalog1/catalog.htm> «Анна Ахматова в портретах современников»). Кроме того, Белкин использовал черты облика Ахматовой при иллюстрации книг: *Чулков Г.И.* Мария Гамильтон. Пб., 1922 (об этом см.: *Тименчик Р.Д.* А.А.Ахматова: (К 100-летию со дня рождения) // Памятные книжные даты. М., 1989. С.113-117); *Толстой А.Н.* Хожение по мукам. <Ч.1: Сестры.> Л.; М., 1925 (об этом см.: *Молок Ю.* Камера на обложке // *Опыты: Журнал эссеистики, публикаций, хроники*. 1994. №1. С.115-147). Дальнейшие ссылки и дарственные надписи Ахматовой В.П.Белкину на «Белой стае» (3-е изд.) и В.А.Белкиной на «Anno Domini. MCMXXI» см. в: *Летопись*. Ч.2. С.44-45; также: *Летопись*. Ч.1. С.63-64. «Малоопытная ансамблистка В.Белкина-Попова», временный аккомпаниатор тенора Н.Н.Рождественского, выступавшего с романсами, упоминается в «Записках музыканта» В.И.Музалевского (Л., 1969. С.97).

⁴⁰ 28 марта 1928 М.Горький отметил свое 60-летие, 28 мая 1928 он вернулся в СССР.

⁴¹ О начатой Гумилевым работе над исторической пьесой «Завоевание Мексики» см.: *Лукницкий–Горнунг*. С.496, 500, а также с.554.

⁴² Записи Лукницкого о романе Гумилева и Л.М.Рейснер см.: *Лукницкая В.К.* Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С.186-193; *Acumiana* (по указ.). См. также: *Тименчик Р.* «Над седою, вспенною Двиной...»: Н.Гумилев в Латвии: 1916–1917 // Даугава. 1986. №8. С.120-121. О времени знакомства и романе Гумилева и А.Н.Энгельгардт см.: *Анна Энгельгардт – жена Гумилева*. С.361-362 и след.

⁴³ См. примеч. 168 к разделу I.

⁴⁴ Вероятнее всего: The prose works of Jonathan Swift D^{ublin} D^{ean} / With a biographical introduction by W.E.H.Lecky, M.P. Vol.1-10. London: G.Bell and Sons, 1897–1925.

⁴⁵ Мошков переулоч – между наб. р. Мойки и Дворцовой наб.

⁴⁶ Лев Николаевич Пунин (1897–1963) – брат Н.Н.Пунина, Ольга Николаевна Пунина (урожд. Никольская, в первом браке Гофман; 1895–1984) – его жена, их сын Андрей.

⁴⁷ Ср.: *Acumiana II*. С.127. Вероятно, имеются в виду «Очерки, рассказы и воспоминания Э.....ва», т. е. деда Ахматовой, Эразма Ивановича Стогова (1797–1880), печатавшиеся в 1880-е в журнале «Русская старина», а также публикация «Эразм Иванович Стогов, его посмертные записки» (Русская старина. 1886. Т.52. С.77-128) со вступительной редакционной статьей, в

которой содержались биографические сведения об Э.И.Стогове, фрагментом письма его дочери И.Э.Змунчиллы к редактору журнала М.И.Семевскому под заглавием «Последние дни жизни Эразма Ивановича Стогова» и его гравированным портретом работы Г.И.Грачева.

⁴⁸ Ср. запись со слов Ахматовой: «В семье никто, сколько глаз видит кругом, стихов не писал, только первая русская поэтесса Анна Бунина была теткой моего деда Эразма Ивановича Стогова» (*Хейт*. С.216); а также статью об Ахматовой в биобиблиографическом словаре «Писатели современной эпохи» (см. примеч. 5 к разделу IV).

Бунина Анна Петровна (1774–1829) – поэтесса. Дед Ахматовой по матери Э.И.Стогов «называл ее “теткой”, но в действительности она была ему дальней родственницей, а не родной теткой, как полагала Ахматова» (*Черных В.А.* Родословная Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1992. М., 1993. С.74). Отношение Ахматовой к Бунину всегда было резко отрицательным; свод свидетельств см.: *Двинятина Т.М.* Поэзия Ивана Бунина и акмеизм: Заметки к теме // И.А.Бунин: Pro et contra: Антология. СПб., 2001. С.518-543.

⁴⁹ С этим приходом Ахматовой в Институт истории искусств связано, вероятно, и письмо к ней заведующего (с декабря 1927) Кабинетом современной литературы ГИИИ Константина Антоновича Шимкевича (1887–1953). О нем см.: *Кукушкина Т.А.* «Серапионовы братья»: Аннотированный каталог выставки (март – апрель 1995) // *Серапионовы братья*. С.20. Письмо, судя по помете Лукницкого на конверте, Ахматовой принесла О.Ф.Берггольц на следующий день, 16 мая 1928. В нем К.А.Шимкевич обращается к Ахматовой «с покорнейшей просьбой пожертвовать <...> в создающийся Кабинет Современной Литературы» некоторые из ее черновики («которые Вы сами найдете наиболее характерными для Ваших исканий»), а также «с особенною просьбою – передать Кабинету, по возможности, весь оставшийся от Николая Степановича <Гумилева> рукописный материал...» (*Коллекция*). Реакция Ахматовой на эти предложения неизвестна, но о планах только открывшегося Кабинета («у всех писателей забрать их архивы!») ей еще прежде рассказывал Лукницкий (см.: *Асумиана II*. С.318, запись от 22 ноября 1927). О контактах Ахматовой с Шимкевичем см.: *Орнатская Т.И.* Материалы А.А.Ахматовой в архиве К.М.Шимкевича // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.78-88.

⁵⁰ В «Поэтическом искусстве» («L'art poétique», 1674) Никола Буало (Boileau-Despréaux; 1636–1711) сформулированы основные эстетические положения французского классицизма, впоследствии перешедшие в программную статью М.Кузмина «О прекрасной ясности» (1910), а с ней и в эстетическую программу акмеизма. По свидетельству Лукницкого, Ахматова прочла «целиком <...> Буало» в 1927 в связи с работой по Пушкину (цит. по: *Перед тобой земля*. С.362; в *Асумиана II* эта запись по непонятным причинам отсутствует). Ср.: «Она <Ахматова> очень, очень много читает, прочла всего Вольтера, всего Буало, которого она, оказывается, очень любит» (письмо Д.С.Усова Ю.Н.Верховскому от 31 августа 1927; цит. по: *Ту-*

менчик Р.Д. Анна Ахматова и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Публикации. Библиография. Л., 1982. С.113.

Поэт и переводчик Дмитрий Сергеевич Усов (1896–1943), автор рецензии на «Четки» (Жатва. 1915. №6-7), в 1920-е входил в поэтическое объединение имени Иннокентия Анненского «Кифара» (см. *Лукницкий–Горнунг*. С.531). Был ученым секретарем Секции русской литературы и Кабинета революционной литературы ГАХН. По его предложению Лукницкий написал заметку о Гумилеве для библиографического словаря «Писатели современной эпохи» (письмо Усова Лукницкому от 8 марта 1926 см.: *Коллекция*; см. также: *Лукницкий–Горнунг*. С.537). О словаре см. примеч. 5 к разделу IV. По роду своей службы в ГАХН Усов имел отношение к архиву Л.Рейснер, об этом перед его приездом в Ленинград Лукницкого предупреждает Горнунг (*Лукницкий–Горнунг*. С.555). Дальнейших встреч Лукницкого с Усовым в тот его приезд не последовало (Там же. С.557).

⁵¹ Сергей Васильевич Шервинский (1892–1991) – поэт, переводчик, прозаик. Автор воспоминаний «Анна Ахматова в ракурсе быта» (*Воспоминания*. С.281–298). На даче (бывшем имении) его отца, крупного врача Василия Дмитриевича Шервинского (1850–1941), в Старках под Коломной Ахматова гостила в 1936, 1952 и 1956. Подробнее см.: *Чуковская*. Т.2. С.616.

⁵² Лев Владимирович Щерба (1880–1944) – лингвист (фонетист, лексикограф). С 1916 – профессор Петроградского (Ленинградского) университета.

⁵³ Борис Васильевич Казанский (1889–1962) – филолог, критик, переводчик. Печатался с 1913, с 1920 – профессор Ленинградского университета по кафедре классической филологии. К 1928 – автор исследований по античной литературе, театру, языкознанию, поэтике (Поэтика: Сб. статей. Л., 1926), по творчеству Пушкина и его эпохе. Ахматовой могла быть известна его статья «Гибель Пушкина», опубликованная в журнале «Звезда» (1928. №1. С.102–117). См. о нем: *ЗК*. С.118; *Чуковская*. Т.2. С.636. В 1928 – ученый секретарь Государственного института истории искусств.

⁵⁴ Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) – литературовед, лингвист, фольклорист, академик, автор первых работ об акмеизме и Ахматовой, издатель ее сочинений (*Ахматова А.А.* Стихотворения и поэмы. Л., 1976). О его статье «Преодолевшие символизм» (1916) Ахматова отозвалась, что это «первое настоящее об акмеизме» (*ЗК*. С.377); примечательно, что в этой своей оценке работы Жирмунского Ахматова, как не раз бывало, повторяет Гумилева, писавшего: «По-моему, она <статья Жирмунского> лучшая статья об акмеизме, написанная сторонним наблюдателем, в ней так много неожиданного и меткого» (цит. по: Неизвестные письма Н.С.Гумилева / Публ. Р.Д.Тименчика // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. Т.46, №1. 1987. С.75; письмо Гумилева к Л.М.Рейснер от 22 января 1917). В 1928 Жирмунский был членом правления и председателем ЛИТО Государственного института истории искусств.

⁵⁵ Ольга Афанасьевна Судейкина (урожд. Глебова; 1885–1945; Париж) – актриса (играла в Александринском, Драматическом, Литейном театрах, театре В.Ф.Коммиссаржевской, выступала в кабаре «Бродячая собака»),

«Привал комедиантов»), художница. Один из адресатов лирики Ахматовой, ее подруга и «двойник». В октябре 1924 уехала из России. О ней: *Мок-Бикер* Э. «Коломба десятих годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. Париж; СПб., 1993.

⁵⁶ Вероятно, речь идет о публикации в журнале «Аполлон» (1911. №4. С.21-22) стихотворений Ахматовой (первых из опубликованных в России) «Мне больше ног моих не надо...», «Сероглазый король», «Над водой», «В лесу» (вспоминания об этом С.К.Маковского и ответ на них Ахматовой, впрочем, без упоминания А.Толстого в том и другом случае, см.: *Летопись. Ч.1.* С.42-43). Ср. запись суждений Ахматовой о своих ранних стихах: «...их тогда уже хвалили все (Толстой, Маковский, Чулков и т. д.), они были приняты в “Апол<лон>”» (*Хейт.* С.224). Возможно также, что к этому периоду относится дарственная надпись А.Толстого на его книге «За синими реками» (1911): «Анне Андреевне Гумилевой с надеждой на ее дарование. А.Толстой» (*Толстяков.* С.170). А.Толстой поддерживал Ахматову и в 1940, когда ее сборник «Из шести книг» выдвигался на Сталинскую премию, см.: *Летопись. Ч.3.* С.43, 49, 50. Известно также и о помощи А.Толстого Ахматовой во время эвакуации в Ташкенте.

⁵⁷ Копия телеграммы (рукой Лукницкого) см.: *Коллекция* (там же находится Соглашение между Объединенным Управлением зрелищных предприятий Терского округа (Пятигорск) и А.А.Ахматовой об участии Ахматовой в цикле литературных вечеров на курортах Кавказских Минеральных вод с 15 июня и сопроводительное письмо за подписями управляющего ОУЗП Терского округа Х.А.Дикмана и секретаря Дворжеца от 28 мая 1928).

⁵⁸ В туберкулезном санатории Хювинкя (Huvinkaa) в 60 км от Гельсингфорса Ахматова находилась с 15 по 30 октября 1915 (см.: *Хеллман Б.* О Финском доме Ахматовой: Дополнение к публикации // *Русская мысль.* 1989. 23 июня. С. VI (Лит. прилож.)). См. также: *ЗК.* С.587, 664 и др.; *Acumiana I.* С.73; *Acumiana II.* С.50-51.

⁵⁹ См. также: *Acumiana I.* С.100-101.

⁶⁰ Нико Пиросманишвили / Текст Тициана Табидзе, Григория Робакидзе, Геронтия Кикодзе, Кирилла Зданевича и Коллау Чернявского. Тифлис, 1926 (текст на грузинском, русском, французском языках).

⁶¹ Слова Ахматовой, см. дневниковые записи «Май – июнь 1928».

⁶² 22 июня итальянский летчик Маддалена после нескольких бесплодных попыток обнаружил группу Нобиле и сбросил ей продукты. См. также примеч. 193 к разделу I.

⁶³ Мария Викторовна Рыкова (1900–?) – сестра Н.В.Рыковой. В 1919 посещала поэтическую студию при «Всемирной литературе», которой руководил Гумилев. В 1926–1929 училась на изобразительном отделении ВКИ (личное дело: ЦГАЛИ СПб. Ф.59. Оп.2. Ед.хр.207); до того – в Институте сценических искусств. См. о ней: *Acumiana* (по указ.).

⁶⁴ Отец Ахматовой Андрей Антонович Горенко (1848–1915) жил по адресу: наб. Средней Невки, д. 12, кв. 2 (см.: *Летопись. Ч.1.* С.63).

⁶⁵ См. примеч. 51 к разделу IV.

⁶⁶ Стихотворение является характерным для творчества Ахматовой примером двойного посвящения (чему в данном случае способствуют схожие биографические обстоятельства возможных адресатов – смерть в Ялте). О посвящении этого стихотворения М.М.Циммерману (?–1928) см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С.32; *Орнатская Т.И.* Материалы А.А.Ахматовой в архиве К.А.Шимкевича // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб., 1996. С.88. В то же время убедительным представляется мнение об обращенности стихотворения к Н.В.Недоброво (1882–1919): *Крайнева Н.И.* <Комментарий> // Ахматова А.А. Стихотворения. Поэмы. Автобиографическая проза. М., 2000. С.712.

⁶⁷ Оба стихотворения скопированы Лукницким в старой орфографии. О стихотворении «И в Киевском храме премудрости Бога...» см.: *ЗК*. С.671–673. Автограф воспроизведен: *Acumiana I* (между С.154–155).

⁶⁸ Петр Иванович Нерадовский (1875–1962) – художник, искусствовед, музейный деятель. С 1909 – один из хранителей Художественного отдела Русского музея, с 1912 – его заведующий, председатель его Совета (одним из членов Совета был Пунин). Член общества «Цех художников». Автор воспоминаний «Из жизни художника» (Л., 1965).

⁶⁹ Николай Федорович Лапшин (1888–1942; погиб в блокаду) – художник, график, искусствовед. В 1928 заведовал художественно-иллюстративной частью журнала «Жизнь искусства» (см.: *Справочник*. С.153), сотрудничал в журналах «Еж», «Новый Робинзон». См. о нем, например, статью Б.Суриса: Николай Федорович Лапшин. 1888–1942. Выставка произведений. Акварель. Книжная графика. Литография. Сценография. Л., 1989. С.1–3.

⁷⁰ Шилейко Владимир (Вольдемар) Казимирович (1891–1930) – филолог-востоковед, поэт, переводчик. Муж Ахматовой в 1918–1921 (у Лукницкого указан официальный развод в 1926) и адресат цикла «Черный сон» (1913–1921). Полный свод оригинальных стихотворений, биографию и очерк научной деятельности Шилейко см. в: *Шилейко В.К.* Пометки на полях: Стихи / Предисл. А.Г.Меца и И.Г.Кравцовой; Примеч. А.Г.Меца. Л., 1999.

⁷¹ См. записи дневника «Май – июнь 1928» и примеч. 178 к разделу I.

⁷² Возможно, имеет место хронологическая неточность, и знакомство Ахматовой и Замятина произошло на литературном утреннике «Земля у современных русских поэтов» 19 мая 1918 (см. объявления о нем: Дело народа. 1918. №37, 9 мая / 26 апреля. С.4; Новая жизнь. 1918. 6 / 19 мая).

⁷³ Опубл.: Борис Пастернак. Из переписки с писателями / Предисл. и примеч. Е.Б. и Е.В. Пастернаков // Лит. наследство. Т.93. Из истории советской литературы 1920–1930-х гг.: Новые материалы и исследования. М., 1993. С.656–657. Речь идет о стихотворении «Анне Ахматовой» («Мне кажется, я подберу слова...»).

Это письмо Пастернака было отправлено на старый адрес Ахматовой в Мраморный дворец (ул. Халтурина, д. 5, кв. 12), когда Ахматова уже переехала в Фонтанный дом. Письмо, однако, было доставлено, в то время как

Пастернак, не дождавшись ответа и беспокоясь о том, правильный ли адрес он указал, просил Л.Горнунга уточнить его (об этом см.: Там же. С.658). Возможно, второе письмо Пастернак передал Ахматовой через Лукницкого; ср. его недатированную записку: «Милый Павел Николаевич! Не откажите переслать прилагаемое письмо Анне Андреевне. Простите, что утруждаю просьбой, но не знаю ее адреса, т. е. заложил куда-то и не могу разыскать» (*Коллекция*).

⁷⁴ Стихотворение «Маяковскому» («Вы заняты нашим балансом...») – часть дарственной надписи на книге «Сестра моя жизнь») написано в 1922, «Мейерхольдам» («Желоба коридоров иссякли...») – в 1928. Напечатанию стихотворения «Маяковскому» воспрепятствовал редактор «Красной нови» Ф.Ф.Раскольников (см.: *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак: Биография. М., 1997. С.419).

⁷⁵ Об изменениях, сделанных Пастернаком в тексте стихотворения, см.: Борис Пастернак: Из переписки с писателями. С.658.

⁷⁶ По Эдгар Аллан (Рое; 1809–1849) – американский поэт, прозаик и критик. Э.По интересовал Ахматову, в частности, в связи с его влиянием на творчество Гумилева, см.: *Acumiana II*. С.102, 118; *Кравцова И.Г.* Н.Гумилев и Эдгар По: Сопоставительная заметка Анны Ахматовой // Н.Гумилев и русский Парнас: Материалы научной конференции, 17–19 сентября 1991. СПб., 1992. С.51-57. (Заметка Ахматовой датирована «1925–1926», дата рукой Лукницкого.)

⁷⁷ Уильям Вордсворт (Wordsworth; 1770–1850) – английский поэт. Вместе с С.Кольриджем и Р.Саути составил поэтическую группу, названную современниками «озерной школой».

⁷⁸ Самюэл Тейлор Кольридж (Coleridge; 1772–1834) – английский поэт, критик, философ. О чтении Ахматовой Кольриджа и ее мнение о нем см.: *Acumiana II*. С.52-53; ее оценка переводов Кольриджа Гумилевым (Гумилев перевел его «Поэму о старом моряке») (Пг., 1919. Всемирная литература. Англия. №19)) см.: *Чуковский*. С.138-139.

⁷⁹ Роберт Саути (Southey; 1774–1843) – английский поэт. В 1922 сборник «Баллады» Саути под редакцией и с предисловием Н.С.Гумилева вышел в издательстве «Всемирная литература» (Англия. №50); Гумилеву принадлежит также перевод первой баллады сборника «Предостережение хирурга». На экземпляре Лукницкого (владельческая дата: 5.XII.<19>23) есть помета «(АА 28.II.<19>26)», ср. упоминание о чтении Ахматовой Саути 27 февраля 1926: *Acumiana II*. С.52.

⁸⁰ Элизабет Баррет Браунинг (Browning, урожд. Моултон, Moulton; 1806–1861) – английская поэтесса. Сравнение Ахматовой с ней см.: *Левинсон А.* Анна Ахматова – русская Марселина // *Лит. обозрение*. С.52, 54.

⁸¹ Камбэлл – Томас Кэмпбелл (Campbell; 1777–1844) – английский поэт и критик, один из основателей Лондонского университета.

⁸² Томас Мор (More; 1478–1535) – английский поэт, историк, государственный деятель. Однако возможно, что имеется в виду Томас Мур (1779–1852) – английский поэт (Ахматова перебирает поэтов конца XVIII–XIX вв.).

⁸³ Телеграмма Ахматовой – ответ на письмо Пастернака от 6 апреля 1929. Это письмо, в котором Пастернак повторяет свой вопрос о согласии Ахматовой на публикацию, а также следующее, третье, письмо Пастернака от 10 апреля 1929, с благодарностью за телеграмму-ответ, опубликовано: Борис Пастернак. Из переписки с писателями. С.656–659; *Пастернак Б.* Собр. соч.: В 5 т. Т.5. М., 1992. С.267–268. О телеграмме Пастернак писал Ахматовой в письме от 10 апреля 1928: «Дорогая Анна Андреевна! Горячо благодарю Вас за ответ и очень обеспокоен концом телеграммы. <...> Ваша телеграмма, как старшая, смотрит на стихотворенье, и в ней больше содержания, живого и противоречивого, чем в последнем» (Там же. С.268). Надо полагать, что по замыслу Пастернака стихотворение должно было войти в готовившуюся тогда им книгу «Поверх барьеров: Стихи разных лет» (1929). Еще 23 июня 1928 в письме к Е.В.Пастернак Б.Пастернак делился своими планами: «Отделы будут посвящены: Асееву, Маяковскому, Жене, Андр<ею> Белому, может быть другим. <...> Вдруг вспоминаю Ахматову. Что посвятить ей?» (Существованья ткань сквозная. Борис Пастернак: Переписка с Евгенией Пастернак. М., 1998. С.265). Однако книга была сдана в ГИЗ 12 июля 1928, когда стихотворение «Анна Ахматовой» еще не было написано. В письме к Ахматовой от 6 апреля 1929 Пастернак вновь возвращается к своему намерению: «Я хочу написать стихотворение Вам, Мейерхольдам, жене и Ломоносовой <...>. Вам и Мейерхольдам они написаны, и, когда будут сделаны остальные <...>, мне хотелось бы их напечатать» (см. также в письме Пастернака к Р.Н.Ломоносовой от 28 февраля 1929: «Неоценимый подарок»: Переписка Пастернаков и Ломоносовых / Публ. К.Барнза и Р.Дэвиса; Подгот. текста П.Бутчер, Р.Дэвиса и Л.Шоррокс // Минувшее. Вып.16. М.; СПб., 1994. С.151). Стихотворение «Ахматовой» вместе со стихотворениями «Ты вправе, вывернув карманы...», «Мгновенный снег, когда булыжник узрен...» (в обоих по цензурным условиям не было проставлено посвящение М.Цветаевой) и «Мейерхольдам» напечатано в журнале «Красная новь» под общим заглавием «Четыре стихотворения» (1929. №5. С.158–161). Вероятно, с перепиской по поводу этого стихотворения Пастернака связана дарственная надпись Ахматовой на своей фотографии: «Борису Пастернаку – чудесному поэту и самому живому человеку в СССР. Анна Ахматова. 1929. 16 апр<еля>» (Воспр., в частности: *Летопись. Ч.2.* С.129 и др., о самой фотографии см.: *Acumiana. II.* С.59–60, 67).

О знакомстве Пастернака с Ахматовой (в январе 1922 в Петрограде у Наппельбаумов) и их отношениях см.: Борис Пастернак. Из переписки с писателями. С.650–664. Дарственные надписи Пастернака Ахматовой приведены: *Летопись. Ч.2.* С.45. Перечень стихотворений Ахматовой, посвященных Пастернаку, см.: *Чуковская. Т.2.* С.738.

⁸⁴ «Ворон» («The raven», 1845) – стихотворение Э.По. Ср. запись о нем от 30 апреля 1927: «Ворон крикнул: “Nevermore”» (*Acumiana II.* С.247). Некоторыми мотивами «Ворон» перекликается с началом «Поэмы без героя».

⁸⁵ Перечень русских переводов стихотворения «Ворон» см.: *Либман В.А.* Американская литература в русских переводах и критике: Библиография.

1776–1975. М., 1977. С.194. К тому времени были опубликованы переводы С.Андреевского, Л.Пальмина, Д.С.Мережковского, К.Д.Бальмонта, В.Брюсова, В.Жаботинского. См.: Эдгар Аллан По. Ворон. СПб., 1999. С.234-275. Перевод С.Малларме (Mallarmé) «Le Corbeau» был сделан в 1870-е.

⁸⁶ Этторе Ло Гатто (Lo Gatto; 1890–1983) – итальянский литературовед и переводчик. Воспоминания Ло Гатто о его знакомстве с Ахматовой в 1929 и о последующих встречах с ней в 1931 и 1960 см. в его книге «Мои встречи с Россией» (М., 1992. С.65-70). Во время первого посещения Ло Гатто Ахматовой речь шла, в частности, о Рубенсе: «Ахматова сказала, что ее любовь к Риму родилась из писем художника Рубенса, написанных из Рима по-итальянски, и она с итальянского их переводила» (с.66).

⁸⁷ См. об этом: *Ло Гатто Э. Мои встречи с Россией*. С.84-87. Тогда Ло Гатто получил от Клюева «Погорельщину» (машинопись) и «Деревню», впервые опубликованные по этим источникам в изд.: *Клюев Н. Сочинения*. München: A.Neimans. Buchvertrieb und Verlag, 1969. Т.2. С.324-353, 395-398 (примеч.).

В дополнение к записям Лукницкого 1929 года можно перечислить книги, на которых Лукницким сделана помета: «Подарено А.А. 5/XII.<19>29»: 1) *Грааль-Арельский*. Голубой ажур: Стихи. СПб., 1911; с дарственной надписью автора Ахматовой (см. примеч. 97 к разделу I); 2) *Сологуб Ф. Дар мудрых пчел*. Драма в 5 действиях. Пб.; М., (Б.г.); 3) *Бальмонт К. Горящие здания: Лирика современной души*. М., 1900 (*Книги*).

⁸⁸ Фильм «о религиозно-бытовых предрассудках, распространенных в дореволюционное время среди народностей Кавказа» (имеется в виду обычай кровной мести). См.: *Советские художественные фильмы. Аннотированный каталог*. Ч.1. М., 1961. С.194.

Varia

«...Я ИМЕЛ ДОСТАТОЧНО “НАТУРЫ” ВОКРУГ СЕБЯ»
(Новые материалы к ранней биографии Ф.Сологуба)

Известно, что Федор Сологуб (Федор Кузьмич Тетерников; 1863–1927) крайне неохотно сообщал сведения о своей семье, детстве и юности. «Я не говорю, что моя жизнь была бы никому не интересна, – отмечал он в интервью, данном А.А.Измайлову. – Она могла бы быть интересной, но для этого надо написать о ней много и подробно. Может быть, когда-нибудь я это сделаю, и это будет автобиография, а может быть, целый роман, как были же автобиографические романы, хотя бы диккенсовский “Давид Копперфильд”»¹.

Единственный опубликованный при жизни Сологуба биографический документ – краткий очерк, составленный в 1913 его женой, Анастасией Николаевной Чеботаревской, для «Русской литературы XX века»², – был написан при его участии и содержал лишь те немногие сведения, которые он счел возможным сообщить о себе. В этом очерке современникам была представлена внешне благополучная история одаренного мальчика, выходца из «низов», получившего образование и ставшего писателем.

О детстве Сологуба и людях, окружавших его в ранние годы, известно немного.

Мать писателя, Татьяна Семеновна Тетерникова (Тютюнникова; 1832–1894), служила «одной прислугой» у господ Агаповых. Отец, Кузьма Афанасьевич Тетерников (Тютюнников), получивший в 1862 свидетельство на звание мастера портного цеха, смог устроиться с семьей на собственной квартире, но после его смерти в 1867 Татьяна Семеновна снова вернулась к Агаповым и прослужила у них до осени 1882: по окончании Учительского института Сологуб получил место городского учителя в г. Крестцы Новгородской губернии и увез с собой мать и младшую сестру Ольгу.

Чеботаревская писала о роли семьи Агаповых в судьбе Сологуба:

---

¹ Аякс <Измайлов А.А.>. У Ф.К.Сологуба // Биржевые ведомости. 1912. №13151, 19 сентября (веч. вып.). С.6.

² См.: Чеботаревская Ан. Н. Федор Сологуб: Биографический очерк // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А.Венгерова. М.: Мир, 1915. Т.2. Ч.1. С.9-13.

Агаповы <...> были люди интеллигентные, интересующиеся театром и музыкой; отношения с ними были сердечные; мальчика Федора крестила сама старушка Агапова, которую ребенок называл «бабушкой». В их доме приходилось слышать много рассказов о петербургской старине, начиная с 20-х годов; рассказывала старушка Галина Ивановна Агапова. Часто слушал музыку – приходили певцы <...>. Брала в театр; у Агаповых был абонемент в оперу, хотя и наверху, и мальчику часто давали билет, если кто-либо из семьи не мог пойти. Таким образом, 10-летний Сологуб слушал Патти³, пение которой произвело на него неотрашимое впечатление <...>. Сын Агаповых, Мих<аил> Мих<айлович>, был недурной музыкант, часто играл; к барышням Агаповых часто наезжали гости. Одна из дочерей вышла за Витберга, сына знаменитого архитектора; ребенком Сологуб гостил у четы Витбергов в Гатчине, по летам, и здесь присутствовал при беседах историко-художественного характера, читал исторические книги.⁴

Вместе с тем в очерке Чеботаревской вскользь отмечалось, что жизнь «кухаркина сына» в семье «господ» имела и иную сторону: «В этой странной “двойной” жизни, в наблюдениях с первых лет отношений “господ и слуг”, богатых и бедных, таилось немало психологического материала, послужившего впоследствии для изображения быта городской бедноты...»⁵.

Дополнительные сведения о ближайшем окружении писателя в его ранние годы стали известны из составленной им «Канвы к биографии»⁶ и, главным образом, из материалов к его биографии, собранных Ольгой Николаевной Черносвитовой (урожд. Чеботаревская; 1872–1943)⁷, опубликованных не так давно. Отмечая положительную роль семьи Агаповых в судьбе будущего писателя, О.Н.Черносвитова проясняет, в чем именно заключалась обратная сторона «двойной» жизни:

Бабушка и мать были то ласковы, то очень строги. Часто наказывали розгами, ставили на гол<ые> колени, били по щекам, драли за уши. Униженное положение матери, ее постоянный страх перед невзгодами жизни <...>, взбалмошность бабушки и вообще

---

³ Аделина Патти (1843–1919) – выдающаяся итальянская певица (колоратурное сопрано).

⁴ *Чеботаревская Ан. Н.* Федор Сологуб: Биографический очерк. С.9-10.

⁵ Там же. С.10.

⁶ См.: *Сологуб Ф.* Канва к биографии // Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С.250-253.

⁷ См.: *Черносвитова О.Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба / Вступ. ст., публ. и коммент. М.М.Павловой // Там же. С.227-239.

нервная расхлябанность всей семьи не могли не влиять на складывающийся характер мальчика, от природы глубокого, склонного к анализу. <...> Вся эта затаенная душевная работа делала его сдержанным, замкнутым и одиноким. Иногда он прорывался, происходили тяжелые сцены: в основе их лежало полное непонимание ребенка, при котором крик его наболевшей души принимался за грубость. Обычно бабушка с матерью были заодно против него или же мать замолкала и уходила на кухню. Нередко такие вспышки заканчивались наказаниями, которые мать считала необходимым воспитательным приемом для искоренения грубости и дурного характера.⁸

Оба биографа Сологуба – и Ан. Н. Чеботаревская, и ее сестра О.Н.Черносвитова – указывали на почти семейственную близость Тетерниковых и Агаповых. Однако до настоящего времени мы не располагали никакими новыми материалами о людях, оказавших несомненное влияние на формирование личности и культурные интересы юного Сологуба.

Кто же они, эти «господа Агаповы»? Обобщая и дополняя сведения, приведенные в очерках Чеботаревской и Черносвитовой, отметим, что семья Агаповых состояла из «бабушки», Галины Ивановны Агаповой, «дедушки» – Михаила Васильевича Агапова, отставного коллежского асессора, ранее служившего в Санкт-Петербургской Палате государственных имуществ, сына Михаила и двух дочерей: Антонины – «Тонюшки» и Галины – «Лины».

Галина Михайловна в 1869 вышла замуж за Федора Александровича Витберга (1846–1919) – педагога, историка литературы, библиографа, инспектора Гатчинского Николаевского сиротского института, сына Александра Лаврентьевича Витберга – живописца и архитектора, автора неосуществленного проекта московского храма Христа Спасителя на Воробьевых горах. 12 сентября 1876 Г.М.Витберг скончалась вследствие трагической случайности: она по неосторожности выпила ядовитый настой фосфорных спичек, приготовленный мужем для выведения мух в доме⁹. Антонина Михайловна была замужем за Григорием Осиповичем Бороздиным, телеграфистом. М.М.Агапов (1848–1911?) окончил неполный курс классиче-

---

⁸ Черносвитова О.Н. Материалы к биографии Федора Сологуба. С.236.

⁹ См. копию медицинского заключения о смерти (ИРЛИ. Ф.52. Оп.4. Ед.хр.1). По-видимому, этот случай произвел сильное впечатление на юного Сологуба. В набросках к неопубликованному и незаконченному автобиографическому роману «Ночные росы» есть авторское указание, что история Ф.А.Витберга и Галины Агаповой положена в основу сюжета об отравлении жены князем Касаткиным (см.: ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.559).

ской гимназии, служил с 1863, с 1870 – в Государственном контроле¹⁰, с 1883 – в Министерстве путей сообщения¹¹, не позднее 1905 вышел в отставку в чине коллежского советника. В 1880 он женился на Марии Евгеньевне Баумгартен (1855–?), художнице, дочери Евгения Карловича Баумгартена (1817–1880) – генерал-майора, директора Санкт-Петербургской 1-й военной гимназии, племяннице Александра Карловича Баумгартена (1815–1883) – генерал-майора, начальника Академии Генерального штаба, председателя Общества Красного Креста.

Ряд материалов, имеющих в архивах Ф.А.Витберга (ИРЛИ. Ф.52) и Федора Сологуба (ИРЛИ. Ф.289), позволяет не только уточнить уже известные факты биографии Сологуба, но, что особенно важно, дает возможность как бы «изнутри» посмотреть на людей, окружавших его в ранние годы жизни, и хотя бы отчасти воссоздать реальные обстоятельства детских и юношеских лет писателя.

Выясняется, что обстановка и взаимоотношения в семье «господ» были действительно далеко не идиллическими. «Затхлый гнет. Бабушка»¹², – эта сохранившаяся в бумагах Сологуба запись определяет сущность восприятия юным Федей Тетерниковым атмосферы в доме Агаповых.

Ф.А.Витберг в своем дневнике «Записки современного романтика» так отзывался о семье будущей жены: «К сожалению, та жизнь, которую живет ее семья, лишена решительно всякой поэзии – это какая-то мещански-кухарочная жизнь, с неизменным мужемпьяницей, братом-дубиной, (сестрицу пропускаю) и наконец знаменитой матушкой – Кукушкиной». И далее:

Гнет зависимости и несвободы, атмосфера пустоты, ничтожества, мелочности, пошлости, подлости и всяческой лжи и фальши – все это плохое подспорье для жизни. Пошлые, тупые, глупые и даже пьяные лица, зачастую исковерканные злостью и бешенством; чуть что не ежеминутная брань, ссора, крики, вой и вопль из-за пустяков; насилие, принуждение, капризы, упреки, мелочные, но колкие и чувствительные обиды; тупоумные, пошлые и подлые понятия обо всем, о самых святых и заветных сторонах человеческой жизни; решительное отсутствие всего, хоть сколько-нибудь честного, благородного, чистого, прекрасного, целомудренного, высокого; прикрывающие все это, но видимые ложь,

---

¹⁰ См.: Список чинам Государственного контроля. СПб., 1882. С.22.

¹¹ См.: Список личного состава Министерства путей сообщения. СПб., 1902. С.117.

¹² ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.539. Л.173.

фальшь и притворство; и, в конце концов, навязывание всей этой жизни насильно, против воли.¹³

О пагубном влиянии семейной обстановки пишет и Антонина Агапова в «Моей исповеди», посланной Ф.А.Витбергу:

Молодость свою провела я ужасно скучно, нечем мне ее вспомнить, кроме горя и тоски, я ничего не видела, сердце мое постоянно спало, я не знала, что такое любовь, я даже не влюблялась порядочно; я не скажу, чтобы я была такая отверженная, что меня никто не любил, нет, меня любили, и истинно любили, но я этого не ценила, я смеялась над этим чувством (потому что его не понимала), я со всеми кокетничала, потому что я этим заражена была с малолетства. Меня занимало кого-нибудь завлечь и над ним посмеяться, его одурачить. Несмотря на то, что я над всеми смеялась, я страшно скучала, я чего-то ждала, чего-то искала и не находила в людях того, чего мне хотелось, меня всё окружали люди пошлые, пустые (хотя я не исключаяю себя из числа подобных людей, потому что я и сама пропитана пошлостью); но пошлость людей, окружавших меня, переходила границы.¹⁴

В очерке О.Н.Черносвитовой отмечается, что «общее разложение» семьи Агаповых было связано, в частности, с ухудшением ее материального положения.

17 февраля 1869 Галина Михайловна Агапова сделала в дневнике Ф.А.Витберга следующую запись, показывающую, что «широкую» жизнь семье отставного коллежского асессора в былые годы обеспечивал друг и покровитель Галины Ивановны, настоящий отец Галины Михайловны:

Зачем, право, Бог взял моего отца, мы бы не нуждались так, как нуждаемся в настоящее время. Да, если бы отец был жив, мне бы было лучше, потому что он любил меня. Я помню, когда я была еще ребенком, как он баловал меня, он для меня готов был сделать все, что бы я ни захотела, он радовался всегда, когда мне приходила фантазия сидеть у него в кабинете, болтать с ним, дурачиться, шалить. Когда мне было еще семь лет, я приходила к нему учиться писать цифры и азбуку, и так он любил заниматься со мной. Теперь мне жаль его, как я узнала, что он был мой отец, но тогда я бессознательно любила его, и мне жаль, что я узнала эту горькую истину недавно, мне тяжело было узнать ее, но что ж, я тут ни в чем не виновата.¹⁵

---

¹³ ИРЛИ. Ф.52. Оп.2. Ед.хр.4. Л.94, 132.

¹⁴ Там же. Оп.4. Ед.хр.63. Л.1.

¹⁵ Там же. Оп.2. Ед.хр.4. Л.72-73.

Сама «бабушка» описывала в письмах к своему воспитаннику после его отъезда в Крестцы семейные сцены, подобные тем, которые он мог наблюдать еще при жизни в ее доме. К примеру, в письме от 6 декабря 1882 Галина Ивановна жаловалась «внуку»:

Ты спрашиваешь, как я провела 14 ноября¹⁶, очень приятно провела этот день, только две *плюхи* достала от моих почтенных родственников. 1-м, как только пришла, должна была идти в спальню здороваться с ее Превосходительством¹⁷, так как мне сказали, что *они* там, значит, иди, меня покорило, там была Лизка, то есть внучка, и родитель, так как супруга не пришла под предлогом болезни, а на деле вышло то, что все платья заложены, а сестра в новом шелковом платье, как дура. А гостей было только я, Петя¹⁸ и Гастфрейнд. Лизка подходит ко мне (это уже было научно и приготовлено) и говорит: «Зачем вы, Г<алина> И<вановна>, ходите всё с офицером, нам это не нравится». <...> Скажи, что это за люди, приучать ребенка к подобным вещам, хорошо дитяtko будет.¹⁹

В письме от 24 марта 1883 родственная тема развивается следующим образом:

...надо тебе сказать, что бабушка твоя изображает теперь руину <...>, удовольствия жизни моей довели меня совершенно до разрушения. <...> не помню которого числа января мы сидели покойно с Дашей, вдруг является моя невестка, начинается стон, рев и жалобы, что сын мой дурной человек, что он все обманывает, и вместо того, чтобы быть на уроках, гуляет по Невскому. И что я виновата в том, что я не сказала, что у него такая куча долгов. И тому подобное; но надо тебе сказать, что перед свадьбой он брал деньги у Сименки и набрал их четыреста пятьдесят рублей, он все молчал, не просил у него ни векселя, ни расписки. Приезжает он сделать им свадебный визит, его приняли с большим гонором, но не с лаской, Мария Евгеньевна ему даже надерзила. Но ты знаешь, что малороссы насколько добры, настолько и

---

¹⁶ Речь идет о праздновании дня свадьбы М.М.Агапова и М.Е.Баумгартен.

¹⁷ Имеется в виду Елизавета Андреевна Баумгартен (1828–1898) – мать М.Е.Баумгартен.

¹⁸ Петр Евдокимович Дмитриев – штабс-капитан, знакомый Г.И.Агаповой. Сологуб посвятил ему следующие строки из стихотворения «На лестнице не видно никого...», датированного 2 июля 1879: «А Дмитриев из рюмки водку пил, / Он офицер, и очень любит водку. / Вчера, как и всегда, он скромн был, / А все ж луженую имеет глотку» (*Сологуб Ф.* Неизданные стихотворения. 1878–1927 / Вступ. ст., публ. и коммент. М.М.Павловой // Неизданный Федор Сологуб. С.17).

¹⁹ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.907. Л.23–24.

мстительны. Он считал себя обиженным, как человек, которому они обязаны. Через день или два говорит Мише, что долг не движается, что он не обеспечен, заставил Мишу дать вексель. На другой же день протестовал его и подал ко взысканию. Когда прислали исполнительный лист к ним в квартиру генеральскую самого срамного свойства, как-то: описать носильное платье, браслеты, часы и всю мебель, можешь ты представить, Феденька, что там произошло. Но мне жаль было от души Миши. Он очень страдал от всех. Даже мерзавец Николай²⁰ оскорблял его, это была благодарность за то, что мы ухаживали с няней, когда он у нас жил, теперь я наотрез сказала моей невестушке, что у меня нет ее родных и моя нога никогда не будет там, хоть бы они все передохли, подлещи. <...> Мише сейчас приказано было выписаться. И Адама и Еву выгнали из Рая, и они прибежали ко мне, ревут, и у меня сделалось столпотворение вавилонское в доме, рев, стон и скрежет зубов, каждый час из членов их семейства кто-нибудь прибегал ругаться; я старалась уговаривать сначала и говорила, что бояться нечего, как человек в этих делах опытный; но ничто не помогло! В заключение является Серафима²¹, эта мумия подлая, я в это время убежала к Даше на кровать, оставила объясняться двух сестриц, Серафима вдруг начинает ругать Мишу, и так неприлично, что несвойственно генеральской дочери, Марья ревет на всю голову, я потеряла терпенье, выскочила из коридора и обращаюсь к Маше и говорю: «Ты видишь, какие твои родные, сами довели сына моего до такого положения и сами же его ругают <...>, не беспокой меня, будет с меня довольно». Серафима выскочила от меня, как бомба, а та погналась за ней, но та исчезла, боясь, что я покажу ей Бога и двери.²²

Пример того, как Галина Ивановна «воспитывала» своего крестника, можно увидеть в записи одной из бесед с «бабушкой», сделанной Сологубом непосредственно после очередного «урока»:

Мать: «Ну, иди гулять, Федя!»

Бабушка: «Что ты, Бог с тобою, он уж сегодня нагулялся». *Я:* «Где ж я гулял?» *Бабушка:* «Ну, а где ж ты ходил?» *Я:* «Я сидел, а не ходил».

Бабушка: «Ну, а промежут<очные> переходы». (Показывает руками на салфетке.) *Я:* «Так разве это гулянье?» (М<ать> уходит.) *Бабушка:* «Ну, а то как же. Я называю гуляньем каждый раз, как пройдуся, подышу воздухом». (Показывает руками.) *Я:* «Гу-

---

²⁰ Николай Евгеньевич Баумгартен (1848–1906) – брат М.Е.Баумгартен.

²¹ Серафима Евгеньевна Баумгартен (1850 – ?) – сестра М.Е.Баумгартен.

²² ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.907. Л.31-34.

лянем назыв<ается> хождение без цели, не торопясь». *Бабушка*: «Ты, кажется, не тихонько гуляешь». *Я*: «Тихо нет пользы ходить». *Бабушка*: «Да, тихо идти, только устанешь больше». *Я*: «Да это-то и хорошо, что устанешь; для того и гуляют». *Бабушка*: «Ну какая же тут польза, только уст<анешь>, а не сделаешь мотиона; надо промоциониться». (Водит опущ<енной> рукой по воздуху.) *Я*: «Да все равно, какая усталость, только бы устать, ведь одни и те же мускулы работают». *Бабушка*: «Ну, устать стоя, напр<имер>, не все равно, что ходя. Вот твоя сестра вчера с гулянья с ревом пришла, а сегодня опять ходит. А устань она стоя так, так без ног бы теперь была». *Я*: «Потому что, когда стоишь, работают одни мускулы, а как ходишь, многие. Да и одно хождение мало, надо другие движения». (Портные – не двиг<аются>. – Мать – тоже.) *Бабушка*: «По комнате ходить – ничего не значит. Я тут прошла да села, прошла да села, а там все иду». *Я*: «Кто ж вам мешает и тут все идти». *Бабушка*: «Да ведь не все могут так ходить, как я. Я хожу, хожу, потому что от постоянного сиденья заболеешь». *Я*: «А другие предпочитают ходить по улице. Все же лучше воздух, да и движение, люди. А уединение – мать всех пороков». *Бабушка*: «Что ж делать, что я такая порочная, что ж делать». *Я* (про себя): «Дура».²³

Тем не менее именно семья Агаповых в меру своих возможностей старалась помочь Сологубу вырваться из «мира чахлой нищеты». В архиве Ф.А.Витберга сохранился «Шутливый проект просьбы для няни Лилиной, Татьяны», составленный для Татьяны Семеновны Ф.А.Витбергом, который с сентября 1869 по сентябрь 1870 служил воспитателем в Училище человеколюбивого общества и, по-видимому, собирался определить туда Сологуба на учебу:

Муж мой был добрый человек, – дастряслась над ним беда – помер он, вот уж скоро пять лет тому будет, и оставил меня, горемычную, с двумя малолетками-несмышленочками. Муж мой был работающий человек, хоть и попивал иногда и меня с ребятами поколачивал под пьяную руку²⁴. Ну, да что об этом вспоми-

---

²³ ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.539-а. Л.9. Данный сюжет нашел отражение в незавершенной автобиографической поэме «Одиночество». См.: Павлова М.М. «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф.К.Тетерникова (Ранняя поэма и психофизиологический очерк Ф.Сологуба) // Новое литературное обозрение (в печати).

²⁴ В очерке О.Н.Черносвитовой, отражающем сложившийся у Сологуба «миф» об отце, облик отца писателя представлен несколько иначе: «Говорили, что Кузьма Афанасьевич был человек необыкновенно мягкого, доброго характера, изящен...» (*Черносвитова О.Н.* Материалы к биографии Ф.Сологуба. С.228). В черновых набросках к автобиографической поэме «Одиночество» отцу

нать, в нашем быту редкий муж не колотил своей семьи. Зато жила я за ним припеваючи, горя-бедности не знаючи; вместе работали, вместе хлеб наживали и семью свою малую поили и одевали. А как помер он, все из рук пошло: где бабе одной, да еще и с малыыми детьми управиться. Вишь, и господа-то нынче все о себе заботятся: нигде с детьми держать не хотят. Придешь наниматься: и господа хорошие, и жалованье хорошее, и сама им понравишься, да как узнают, что с двумя ребятами, замахают руками: «не надо, не надо, куда нам с ребятами, и своих не оберешься, а тут еще чужих принимай на шею». Так и уйдешь ни с чем. Маялась я, маялась так-то, обеднели мы, обносились совсем; наконец-то Бог послал мне местечко; место-то хоть и не больно красно, да за то спасибо – детей моих приголубили. Понравился господам мой сынишка: он и вправду такой беленький да курчавенький, словно бы и не простого мещанина он сын, а какого ни на есть знатного барина. И умом, и проворством его Бог не обидел. Господа и полюбили его и все-то он с ними, все в комнатах барских. Проходит год и другой; сыночек мой растет да растет; вот и говорят мне господа: «пора Федюшку и за книгу посадить, что ему неучем оставаться». – Я бы и рада была, говорю, да кто его учить станет? – Да я его учить буду, говорит хозяйская дочка. Вот и стали моего Федю учить; и благодарение Господу Богу, добрый разум он ему дал. Мало времени прошло, Федя мой уж умнее матери стал, я до старости дожила, ни читать, ни писать не разумею, а он, поди-ка, и читает и пишет на всех языках: и по-русскому и по-французскому и по-немецкому. Барышня моим Федей не хвалится – такой-то он прилежный да понятливый. «Жаль, говорит барышня, я сама-то не многому учена и сына твоего не могу всему научить. А ты бы его в училище отдала, там из него человека научат. Грех, говорит, тебе будет, коли ты своего ребенка погубишь; Бог не на то ему разум послал, чтоб с тобой, глупой бабой, на кухне сидеть да на побегушках быть». Запомнила я ее слова и стала думать да гадать: как бы пробить сыну дорожку из нашего пошлого, мещанского житья-бытья на свет Божий. Самой мне этого дела не сделать: и рад бы в рай, да грехи не пускают; и рада бы сына учить, да где денег взять; и сама-то я впроголодь живу. Господа мои, может, и рады бы были помочь, да у самих у них – нужда да недостатки. Стала я выведывать да расспрашивать у добрых людей, и надоумили меня добрые люди: свет не без добрых людей. Не все господа скупы, не все про себя богате-

---

героя отводятся такие строки: «И, бедный мастер, пил бы он, / Трудясь с запоя до запоя, / Угрюмым миром окружен, / Не зная счастья и покоя» (ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.33. Л.55).

ют. Находятся люди, что о бедных сиротах радеют, кормят их, одевают, да еще и уму-разуму научают. Поди к ним, они твоего сына не оставят, коли увидят, что награжден он от Бога умом-разумом, что впрок ему пойдут их заботы и благодеяния. Долго я об этом не раздумывала и наконец, помолясь Богу, пришла к Вашему Благородию. Не оставьте сына моего; Бог Вам сторицею воздаст за него. Примите его своим пансионером в Д<ом> Воспит<ательный> Импер<аторского> Челов<еколюбивого> Общ<ества>²⁵. Коли добрые благодетели откажутся от нас, бедных людей, где нам искать тогда помощи и защиты!²⁶

Несомненно, долгие годы, прожитые вместе, вызывали у семей Агаповых и Тетерниковых чувство взаимной привязанности. После отъезда Тетерниковых в Крестцы осенью 1882 Галина Ивановна писала «внуку»:

Дорогой мой, милый мой Внук! Благодарю тебя, мой родной, за твое письмо, от всей души и сердца. Оно меня успокоило и развлекло немного. Я очень беспокоилась за вас, как вы добрались. Господи, какая сделалась страшная тоска, когда я приехала домой, проводивши вас, я думала, что с ума сойду, пустота, тишина. Даша суетилась около меня, а мне все казалось, что я одна, брошенная всеми, и к довершению всех моих горя и тоски у меня пропал коташка 4<-го> числа в четверг. Даша его выпустила утром, и он до сих пор не возвращается, для виду походили по двору, поплакали да так и оставили, я плачу другой день не осушая глаз, куда я пойду сама искать. Кабы мама и Оля, они бы отыскали мне его, мне предлагали другого взять, нет, конечно, и ни к чему больше не привяжусь, новые друзья не заменят старых. Скажи мне, мой друг, как мамина нога, вообще как ее здоровье, мне ее очень было жаль, что она в дороге измучилась. Пожалуйста, напиши мне подробно, как вы живете, как устроились, как провизия, где достаете, что делаете, как твои дела, почему не дали тебе казенной квартиры, ты знаешь, что меня все интересует, что до вас касается, на все мои вопросы отвечай.²⁷

В письме от 31 октября 1882 Галина Ивановна обращалась к матери Сологуба и сестре Ольге:

Няня, милая, дорогая моя, здорова ли ты, что ты поделываешь, мне ужасно скучно, так бы и полетела к вам. <...> Няня, я тебя

---

²⁵ Сологуб был в 1873 определен на учебу в двухклассное Никольское городское училище (Никольская пл., 6); посещал его в 1873/74, 1874/75 учебные годы.

²⁶ ИРЛИ. Ф.52. Оп.4. Ед.хр.6. Л.1-2.

²⁷ Там же. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.907. Л.2.

просила, хоть каракульку какую-нибудь сделай на письме, чтобы я видела, что твоя рука была тут. Оля, друг мой милый, моя крестница, пиши, пожалуйста, все подробно, что вы делаете, что кушаете, что намерены делать, все-все. <...> Мне все кажется, что я вас не видела целую вечность. Плохо живется мне, дорогие мои.²⁸

Судя по письмам Галины Ивановны, Сологуб подробно рассказывал «бабушке» о происходившем в Крестцах. Так, 19 ноября 1882 Галина Ивановна отвечала на его письмо, в котором он, по-видимому, жаловался на притеснения со стороны матери:

Я получила твое письмо вчера, мой родной дорогой Феденька. Господи, что же будет? Ты не можешь себе представить, до какой степени меня оно поразило, мне жаль вас от всей глубины души. Бедняжки вы мои, вы должны знать, как горячо люблю тебя, мой дорогой Федюша, и Олю. Как скоро обнаружился характер, два месяца жизни с родными детьми, я знала, что предстоит вам много горя с ней. Я одна только знала вполне, что это за нрав ужасный. Несла всю тяжесть эту на своих плечах. Ради тебя и Оли, чтоб довести тебя до самостоятельной жизни, данное слово умирающему отцу твоему. Милый дорогой мой Феденька, мой юный друг, мужайся, надо терпеть и стараться вразумить ее, что она подобными глупостями может испортить твою карьеру, что будут думать о тебе сослуживцы и родители детей <...>, ведь она делает то, что будут смотреть на вас, моих бедняжек, как на зверей. Когда она поуспокоится, то начни ее вразумлять, выстави ей всю гнусность ее поступка, ведь весь город будет знать это, что вы будете осрамлены через нее, но если заметишь, что она начинает опять нести вздор, то сейчас замолчи, а то она <нрзб.> делает скандал на весь город, как меня срамила на весь дом, здесь знал один дом мой срам, а там будет знать весь город. <...> ты ее еще ничем не обидел, я в том совершенно уверена, <...> я по себе сужу, ласково ей, бывало, скажешь, а она и пошла. Ты теперь, мой друг, человек самостоятельный, старайся ей выставить все недостатки ее характера и прямо скажи, если будет так продолжаться, то тебя не надолго хватит. Я и то боюсь за тебя, ты молод, здоровье твое незавидное, живешь не в Петербурге, знакомых хороших никого, и к тому же дома будут беспрестанные неприятности, это может довести Бог знает до чего; но я в тебе уверена, что ты останешься тем же хорошим моим любящим Феденькой. <...> Я не мать твоя, но я люблю тебя больше матери и потому, мой дружок, сильно взволновалась и плакала, читая твое письмо.²⁹

---

²⁸ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.907. Л.17.

²⁹ Там же. Л.18-19.

В письме от 6 декабря 1882 «бабушка» продолжала наставлять своего крестника:

Прости меня, мой дорогой и много мною и глубоко любимый внук, за такое долгое молчание. Твое последнее письмо меня тронуло до глубины души моей и заставило еще более, сильнее, глубже к тебе привязаться, еще более сильно любить тебя, мое ненаглядное солнышко, я знала, что ты рано или поздно поймешь меня и полюбишь как старого и неизменного твоего друга. <...> ты мне писал, что понимаешь меня и, значит, хоть сколько-нибудь любишь меня, так послушайся моего совета, ты еще очень молод, людей видел немного и знаком с людьми мало, будь, мое сокровище, осторожней на знакомство, несчастная провинция и глушь портят людей и даже таких, которые не способны были принять что-нибудь дурное, у меня были в глазах страшные примеры, погибли люди за пьянство, карты и разврат по неимению лучших развлечений, с самого начала давай отпор – не пью, не играю, – и тогда тебя оставят в покое. Ты не сердись, дружок, на меня, что я пишу тебе это; но это мой долг, моя святая обязанность охранять тебя советами и данное обещание за несколько часов до смерти твоему честному, благородному и нежно любившему тебя отцу, мною уважаемому от всей души, я чту память его, исполняю его просьбу.³⁰

После смерти Галины Ивановны в сентябре 1883 Михаил Агапов писал Сологубу: «У меня с Машей теперь ты один остался, который от сердца может отозваться о маме. Она и тебе была вторая мать, на ее глазах ты вырос, а мне больше не с кем говорить, поделиться тоской – а все так вспоминается, вспоминается»³¹.

С Михаилом Агаповым Сологуб поддерживал переписку до переезда в Петербург. Например, 8 сентября 1888 Михаил писал в Великие Луки, отвечая на письмо Сологуба с присланными фотографиями:

Спасибо большое тебе, дорогой Федя, что не забываешь меня, действительно мне очень и очень приятно было увидеть тебя с мамой, какие вы стали. Мамино лицо напомнило мне мать мою, напомнило детство, и счастлив ты, что имеешь до сих пор мать с собою, ты можешь с ней вспомнить прошлое, вспоминать свое детство и вспоминать счастливое время полусознания. Ты смотришь совсем профессором, я нашел, что ты совершенно оригинален лицом, ты не напоминаешь ни отца, ни мать. Мне жена, получившая ваше письмо прежде, показала одну твою карточку прежде, чем дать прочесть письмо, и я тебя сразу узнал, а мама, я

---

³⁰ ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.907. Л.22-23.

³¹ Там же. Ед.хр.906. Л.5об.

нашел, что довольно-таки постарела, а я помню ее молодое лицо. Жаль, что ты сидишь все там, трудно выбраться назад, когда судьба толкнет в провинцию, потому я и перебивался и отказывался упорно от места в провинции, чтобы не остаться навсегда. Служба моя до сих пор шла ужасно туго, теперь только получил жалованье 100 руб. в месяц, так что приходилось и приходится до сих пор бегать по урокам.³²

После переезда Тетерниковых в Петербург Михаил Михайлович Агапов с женой периодически их навещали, но с годами все реже³³. 11 сентября 1910 Михаил Михайлович напомнил о себе, вероятно, в последний раз:

Дорогой Федя, не удивляйся и прости, что обращаюсь к тебе (вынужденный обстоятельствами) с большой просьбой. Вероятно, ты слышал от Даши, что я ослеп и должен был выйти в отставку. Дали мне такую ничтожную пенсию за 42 года моей казенной службы, что буквально *есть нечего*. Крайне бедствую. Помощи никакой ниоткуда не имею. Не выручишь ли меня, одолжив мне 100 рублей, крайне необходимые в данную минуту, которые в возможно непродолжительном времени постараюсь тебе возвратить. Кроме слепоты моей, я сильно страдаю астмой. Я серьезно болен, а лечиться не на что, и доктора пригласить даже не могу, платить ему нечем. Пишу тебе сам под указкой верного человека, и потому ты прости мои каракули. Пишу тайком от жены, которая запретила мне обращаться с подобными просьбами к кому бы то ни было. Обращаюсь к тебе, надеясь на твое доброе сердце, что не откажешь и пожалеешь меня ради прежних воспоминаний. Если можешь, ответь скорее и на мое имя. Премного буду тебе благодарен. Твой Михаил Агапов.³⁴

* * *

Жизнь семьи Агаповых стала одним из важных источников впечатлений и наблюдений, нашедших отражение в творчестве писателя. В предисловии ко второму изданию романа «Мелкий бес» Сологуб отметил: «Я не был поставлен в необходимость сочинять и выдумывать из себя; все анекдотическое, бытовое и психологическое в моем романе основано на очень точных наблюдениях, и я имел достаточно “натуры” вокруг себя»³⁵.

³² ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.906. Л.12.

³³ См.: Записи Ф.Сологуба о посещениях разных лиц (его и к нему), театров и литературных вечеров. 1889–1913. – Там же. Оп.6. Ед.хр.81.

³⁴ Там же. Оп.3. Ед.хр.906. Л.14.

³⁵ Сологуб Ф. Собр. соч. Т.6. СПб.: Сирин, 1913. С.8.

Первоначально, в «долитературный» период, семейство Агаповых являлось для него весьма колоритной «натурой», которую он в деталях стремился представить в своих произведениях, оставшихся незавершенными. Так, Сологуб планировал написать роман, прототипами героев которого должны были стать Агаповы, под названием «Паразиты». В одном из сохранившихся набросков к роману Агаповы представлены следующим образом:

М<ихаил> М<ихайлович> А<гапов> – сын развратницы, старой, легкомысленной бабочки – Г<алины> И<вановны> А<гаповой>. Сам такой же взбалмошный, легкомысленный мот, вспыльчивый, обжора, жаден, не лишен добрых порывов, но сильно эгоистичен, рисует, пишет стихи, играет, водит дружбу с артистами и с <нрзб.> увлекательными женщинами. Разорение. Прислуга распускается. Остается одна. Частая смена. Силуэты прислуг: Марфа курносая, Матрена <нрзб.>, Христина, Ганташ, Гавриловна, Григорьевна, Маша Волынская, Анна Павловна etc. Входит в дом богатого коммерсанта. Там лжет (хлестаковщина), обманывает. Благополучие коммерсанта близится к падению. Женильба: М<ихаил> М<ихайлович> А<гапов> надеется на капиталы тестя, тесть – на богатое наследство. Оба обмануты. Тесть вылетает в трубу. Темные предприятия. Трусовость. Убегание от опасности: кредиторы. Роскошь на чужой счет: на счет любовника матери, на счет матери, на счет кредиторов, перехватки – на счет тещи. Обман. Тщеславие: тянется за генеральскими детьми, лезет всюду, где пахнет аристократом. Постепенное совершенствование во лжи. М<ихаил> М<ихайлович> – паразит. Пробуждение человеческого чувства. Мать: женщина добрая, пустая, кокетка, под старость – жалка.³⁶

В набросках автобиографического романа «Ночные росы» Агаповы выведены под именем Азадановых, Николая Владимировича и Глафиры Осиповны:

Старая рухлядь. Влияние на молодежь. Трагизм. Тени прошлого. Злоба. Ее отец – куп<ец>. Детство. Жизнь у отца. Пансион. Обеднение. В 16 лет замуж. Муж – землемер. В деревне. Любownik. Жизнь с 2-м. <так!> Дачи. Зима в городе. Дети. Много умерших. Приемш Маша. Старшая Валентина – от мужа, нелюбимая. Ее детство. Сын Николай – любимец. Его детство. Дочь от люб<имого>. Глафира – люб<имая>. Ее детство. Их взаимные отнош<ения> и отнош<ение> к мат<ери>. Девочки в гимн<азии>, Ник<олай> тоже. Их ученье. Смерть люб<имого>. Дев<очк>и из

---

³⁶ ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.527.

гимн<азии>. Ник<олай> служ<ит>. Мотовство маменьки и сына. Пьянство мужа. Долги. Опись. Постепе<нное> падение. Озлobl<ение> сына и матери. Женитьба сына.³⁷

В черновых набросках к поэме «Одиночество (История мальчика-онаниста)» в тетке героя, Варваре Павловне, явно угадывается «бабушка» Галина Ивановна:

Она мальчишек не терпела,
Но крестника любила так,
Как любят кошек и собак,
И если не было ей дела,
Чуть не носила на руках,
И целовала, и ласкала,
Но знала, что полезен страх,
И баловать не позволяла.
Без многих нынешних затей
Игрушкой новою своей
Она со скуки увлеклася
И воспитанием его
Сперва прилежно занялася.
Конечно, тут важней всего,
Чтоб мальчик был приличен с виду
И чтобы, глядя на него,
Ей не почувствовать обиду,
Сравнивши крестника с другим.
Что ум, ученость? Это дым,
Порой безверия примета.
Необходимое для света
Получит в школе он потом;
К чему же больше? Но о том,
Что можно нравственное чувство
Еще в ребенке развивать,
Когда же было ей понять?
Одно знакомо ей искусство:
Сердца кокетством волновать,
Искусство нравиться мужчине,
Позировать, как на картине,
Казать, с талантами купца
Товар с казового конца:
И быстрый взор, и стройность стана,
И незаметные румяна
За краску нежного лица.

---

³⁷ ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.559. Л.30об.

Полна притворства и обмана,
Молве людской покорена,
Себялюбива и ничтожна,
Могла ль не веровать она,
Что жизнь иная невозможна?³⁸

Кроме того, неопределенное положение Сологуба в семье Агаповых, среднее между воспитанником и «кухаркиным сыном», давало будущему писателю дополнительную почву для размышлений о своем месте в мире, как в социальном, так и в метафизическом плане. Сологуба чрезвычайно волновала проблема собственного происхождения, ему не хотелось видеть себя сыном прислуги и «чахоточного портного».

Один из героев романа «Ночные росы» является внуком старому князю Касаткину, что соответствует отраженному в очерке О.Н.Черносвитовой рассказу Сологуба о том, что его отец был незаконным сыном помещика Полтавской или Черниговской губернии Иванецкого. В ряде планов и набросков незавершенных автобиографических произведений, сохранившихся в архиве писателя, Агаповы выведены в качестве родственников героя, например:

Отец рано умер. Мне был 4-й год. Мать переезжает к своей старшей сестре. Недружелюбная встреча. Постоянные ссоры. Гости. Ребенок-кукла. Дети тетки: любимый сын негодяй, нелюбимая дочь. Их вражда. Грамота. Дом Северова. Игры на улице. Не давай сдачи. <...>³⁹

Он вспомнил свое детство. <...> Из окна кареты, которая качнулась при въезде на маленький мост, он увидел массу зелени, кусты и деревья <...>. Вспоминая это много лет спустя, он догадался, что они ехали тогда на дачу, чего после, в те годы, когда настала бедность, уже не бывало. Он неясно припоминает, кто сидел с ним в карете. Врезались только, где-то в уголке памяти, чей-то длинный нос, чьи-то сердитые глаза и чьи-то недовольные речи. Это была – он так догадался после – его бабушка, т. е. тетка его матери. <...>⁴⁰

Семья. Отец рано умирает. Тетка и мать, зависящая от этой тетки. Возмущающая молодую душу сцена. Характер этой тетки обрисовать (Г<алина> И<вановна> А<гапова>). Сын этой тетки. Сестра его. <...>⁴¹

---

³⁸ Цит. по: Павлова М.М. «Одиночество» и «Об одиночестве» Ф.К.Тетерникова.

³⁹ ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.539. Л.157.

⁴⁰ Там же. Л.206.

⁴¹ Там же. Ед.хр.559. Л.43.

Каких-либо документальных подтверждений родства Сологуба с Иваницкими или Агаповыми обнаружить не удалось. Важно другое: чувствуя себя чужим в мире «господ», начинающий писатель не питал иллюзий и относительно мира «людей». В архиве Сологуба сохранился план романа «Прислуга»:

Люди в общем очень милые, но с совершенно извращенною моралью. Мораль готтентотская. Что не позволительно по отношению к «людям», то позволительно по отношению к «господам». «Чего их не обкрадывать? У них всего много». «Ну, конечно. Им все легко достается». «А сами-то они не ташат». «Пальца в рот не клади». И, оставаясь хорошими людьми, лгут и воруют. Иногда на этом деле наживаются. Чаще остаются голюю.⁴²

Этой же теме посвящена следующая запись: «Старые слуги потому только так любили своих господ, что гордились своим привилегированным положением относительно другой черни. Сам Пушкин своих прислуг называл холопским племенем»⁴³. Позже в автобиографическом рассказе «Мечта на камнях» (1911) Сологуб напишет: «Господа здесь были неприятны и далеки, грубы или презрительно ласковы, а простые люди тоже были грубы и тоже были далеки, и простота их была так же страшна, как и хитрая, непонятная сложность господ»⁴⁴.

---

⁴² ИРЛИ. Ф.289. Оп.1. Ед.хр.539а. Л.66.

⁴³ Там же. Л.88.

⁴⁴ Сологуб Ф. Тяжелые сны: Роман; Рассказы. Л., 1990. С.334.

А.В.Лавров
ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ
В НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ЖУРНАЛЕ
«ИНТЕРНАЦИОНАЛ ИСКУССТВА»

Участие Вячеслава Иванова в культурно-организационных начинаниях первых лет Советской власти до недавнего времени оставалось на периферии внимания исследователей его жизни и творчества. Между тем оно было весьма многоплановым и интенсивным, отражая довольно своеобразную литературно-общественную стратегию, которой придерживался поэт в дни революционных перемен. Позицию, которую он тогда старался занимать, нельзя подвести под какую-то одну из определившихся в ту пору общих идеологических платформ, и А.В.Луначарский, причисливший Иванова к тем «сильным дарованиям», которые придерживались «в большей или меньшей степени “скифских” взглядов, отливающих разными оттенками под влиянием мистики или, по крайней мере, романтики и колеблющихся между признанием и полупризнанием революции»¹, был, по всей видимости, далек от истины. «Скифской» завроженности «мировым пожаром» и революционного энтузиазма, на какое-то время захватившего его «сочувственников» по символизму Александра Блока и Андрея Белого, автор «Песен смутного времени» не разделял; надежды на религиозное преображение России, замерцавшие для Иванова после февраля 1917, к октябрю уже сошли на нет; в статье «Наш язык» (1918), опубликованной в сборнике статей о русской революции «Из глубины», знаменательном продолжении прославленных «Вех», Иванов совершенно недвусмысленно характеризовал переживаемую современность как «дни буйственной слепоты, одержимости и беспамятства»². И в то же время Вячеслав

---

¹ Луначарский А.В. Очерк русской литературы революционного времени (1923) / Публ. и пер. с нем. Л.М.Хлебникова // Лит. наследство. Т.82: А.В.Луначарский. Неизданные материалы. М., 1970. С.221.

² Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т.4. С.677. О негативном отношении Иванова к новой власти сразу же после Октябрьского переворота свидетельствуют также его публицистические статьи, опубликованные в 1917 в газете «Луч правды» (перепечатка: «Совесть народная уже смущена...»: Вячеслав Иванов о событиях семнадцатого года / Вступ. ст. и публ. Г.В.Обатнина и

Иванов не мог не убеждаться, что в новой переворотившейся действительности на свой лад отобразились, как в кривом зеркале, те провиденциальные чаяния, которые составляли суть его мировоззрения и творчества, – чаяния о грядущей органической эпохе, о соборном преодолении индивидуалистической отрешенности, о мистериальном хоровом начале; по словам Ф.Степуна, «эти мысли Вячеслава Иванова осуществились – правда, в весьма злой, дьявольской перелицовке – гораздо быстрее, чем кто-либо из нас мог думать»³.

Разумеется, для Иванова были глубоко неприемлемы в большевистском режиме его атеистическая направленность, тоталитаризм, «буря и натиск» brutальной «пролетарской» идеологии. Однако это не помешало ему в 1918 занять ответственный официальный пост – председателя Бюро Историко-театральной секции в Театральном отделе (ТЕО) Наркомпроса. Л.В.Иванова, сообщая в воспоминаниях о согласии Иванова на приглашение представителей Театрального отдела работать у них, поясняла: «В то время почти все были на какой-то службе. Случалось, что людей, не зачисленных ни в какое учреждение, посылали на тяжелые работы»⁴. Помимо чисто житейских причин – и прежде всего элементарной необходимости выживания в пору повсеместной разрухи – Иванов, конечно, в своем решении руководствовался и другими соображениями. Не принимая нарождавшийся общественный уклад нравственно и религиозно, Иванов постигал – и отчасти принимал – все катастрофические катаклизмы, происходившие на его глазах, как историческую данность, в какой-то мере предопределенную и закономерно осуществившуюся. К тому же сотрудничество с официальными органами приоткрывало ему возможность путем видимого компромисса пропагандировать собственные идеи, развивать свои представления о грядущем всенародном искусстве под сенью государственного уч-

---

А.Л.Соболева // Независимая газета. 1992. 30 сентября. С.5). См. также: *Обатнин Г.В.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. №2. С.227-228.

³ *Степун Ф.* Встречи. Мюнхен, 1962. С.151. Ср.: *Барзах А.Е.* Материя смысла // Иванов Вяч. Стихотворения и поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Кн.1. С.36-37; *Зубарев Л.* Метаморфозы теории «хорового действия» Вячеслава Иванова после революции // Русская филология. Вып.9: Сб. научн. работ молодых филологов. Тарту, 1998. С.140-147. О преломлении «соборного» учения Вяч. Иванова в ранней революционной эстетике см. также: *Мазаев А.И.* Праздник как социально-художественное явление. М., 1978. С.135-159; Проблема синтеза искусств в эстетике русского символизма. М., 1992. С.228-234.

⁴ *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / Подгот. текста и коммент. Дж. Малмстада. Paris, 1990. С.81.

реждения. В различных общественно-политических обстоятельствах просветительские и жизнестроительные установки могут привести к реальному делу или обернуться наивной утопией; не исключено, что до поры до времени Иванов, заняв чиновный пост, надеялся ощутить конструктивные последствия предпринятого начинания.

В работе Л.Д.Зубарева на основании изучения сохранившихся в архиве протоколов заседаний секций ТЕО Наркомпроса, печатных материалов из журнала «Вестник театра» и других источников составлена подробная хроника служебной деятельности Иванова в 1918–1919, свидетельствующая о ее весьма широком размахе и исключительной активности⁵. При этом доминантой всех выступлений поэта, коллегиальных и публичных, была идея коллективного творчества, всенародного действия, обоснованная им задолго до революции и лишь теперь озвученная актуальными обертонами.

Среди публичных акций, отразивших эту сферу деятельности Иванова, было выступление в Бюро художественных коммун 8 августа 1919. Газета «Известия» информировала в этот день: «Сегодня в помещении бюро (Мертвый пер., 1) Вячеслав Иванов прочтет лекцию о коллективном творчестве. В обмене мнений примут участие гг. Балтрушайтис, Луначарский, Рукавишников, Рахманов, Тепер и др.»⁶. В архиве Вячеслава Иванова сохранился машинописный текст «о синкретическом действе», представляющий собой расшифровку стенографической записи его выступления⁷.

7 ав<густа>⁸

7 ч<асов> в<ечера>

Заседание Бюро художественных коммун

*Вячеслав Иванов: Товарищи, коллективное проявление само-
бытных творческих сил... (читает).*

Вы позволите мне здесь повторить те тезисы, которые были высказаны мною на последнем съезде по внешкольному образованию и которые сочувственно были им приняты и вошли в общую резолюцию съезда⁹ (*читает*).

---

⁵ См.: Зубарев Л.Д. Вячеслав Иванов и театральная реформа первых после-революционных лет // Начало: Сб. работ молодых ученых. М., 1998. Вып.4. С.184-216. См. также: Зубарев Л. Вячеслав Иванов в Театральном отделе Наркомпроса // Русская филология. Вып.8: Сб. научн. работ молодых филологов. Тарту, 1997. С.127-133.

⁶ Известия. 1919. №174, 8 августа. С.2.

⁷ РГБ. Ф.109. Карг.5. Ед.хр.54. Л.3.

⁸ Ошибочная датировка; заседание состоялось в пятницу 8 августа 1919.

⁹ Съезд по внешкольному образованию состоялся в мае 1919; тезисы доклада Иванова, прочитанного на съезде, опубликованы в «Вестнике театра» (1919.

Я не могу, конечно, охватить вопрос о коллективном творчестве в целом и ограничусь лишь вопросом о синкретическом действе. Синкретическое действо есть, с одной стороны, музыкальное искусство, но вместе с тем оно, по-видимому, есть наиболее реальное проявление художественной жизни вообще. Коллективное творчество в собственном смысле в чистейшей его форме выражается именно в синкретическом действе, однако по необходимости оно ограничивается сферой искусства музыкального. Следовательно, оно распространяется и на искусство пластическое, изобразительное. Чтобы создать переход от вопроса о синкретическом действе и музыкальном искусстве к вопросам об изобразительных искусствах, я обращаю ваше внимание на один закон, который наблюдается в истории синкретического действия. С незапамятных времен оно стремится к дифференциации в смысле выделения из себя, из своего лона, которое обнимает все народные массы, сошедшиеся на праздниках, цехов, если можно так выразиться, профессионалов или специалистов, – идет ли дело о профессиональном знахарстве или прорицании, т. е., вернее, тут нужно говорить о женщинах-прорицательницах или о певцах-поминальщиках, которые теснейшим образом связаны с ними, т. е., вернее, опять-таки поминальщицах. Здесь, по-видимому, выделяется именно такой определенный класс, цех профессионалов. Во всяком случае, здесь любопытно обратить внимание на то, что гомеровская <...>¹⁰ певцов малоазиатская, так называемых..... как оказывается из новейших изысканий, представляла собою вовсе не слитый с народной массой коллектив, определенным образом отдаленный, оторванный от народной массы. В самом деле, эти цехи в социальном распорядке были причислены к сословию ремесленников и представляли собою совершенно особую корпорацию экстерриториальную, стоявшую вне партий разных отдельных уездных городов или мелких государств, на которые распадалось эллинское население в Малой Азии. Я беру просто примеры, которые приходят мне в голову. Возьмем те артели зодчих, которые поставили миру готический собор. Эти цехи обладали какой-то тайной, каким-то секретом, особенной техникой, которая привела, конечно, в изумление современников, когда они осуществили это чудесное строение. Они были носителями какого-то особого понимания своего ремесла. Весьма вероятно, что это есть особенное религиозное, такое оккультное представление. Большое вероятно есть, что это было именно так. Од-

---

№26. С.4). См.: *Зубарев Л.Д.* Вячеслав Иванов и театральная реформа первых послереволюционных лет. С.206-207.

¹⁰ Пропуск в тексте.

ним словом, и гомеровские певцы, и эти готические строители стояли вне народа, но корни и тех и других лежали глубоко в народе. В чем здесь секрет такого органически живого объединения и в то же самое время отделения, мы не знаем. Секрет этот нами утерян. Если мы прибавим к этому, что гомеровские певцы излагали свои песни на диалекте уже мертвом, не соответствующем ни одному живому говору, на диалекте, который исторически образовался и особенным образом был обработан в целях метрики, то тогда мы увидим, что разделение это было очень существенным, но вместе с тем они были народны, как и те герои, имен которых мы не знаем, потому что они утонули в их коллективах. То же самое можно сказать и о многих других соединениях лирических певцов, которые соединялись в цехи для известных целей. Мы имеем в таком соединении очень поэтическое, загадочное, почти чудесное явление русской культурной старины. Я говорю о строительстве, например, обычных церквей или храмов по обету в благодарность за какое-нибудь счастливое событие или для предотвращения какой-нибудь угрозы, когда в один день надо поставить целый храм, причем начинают с рубки леса и ухитряются всю постройку довести до конца и даже освятить церковь, совсем готовую и украшенную намалеванными иконами. Отсюда многочисленные церкви Николая, Ильи и пр., которые рассеяны по широкой Руси. В таком осуществлении обета мы видим пример дружного содействия. Это есть коллективное творчество, предполагающее огромное содружество между известными артелями вместе с участием миссионера, не принадлежащего ни к какому цеху. Сами цехи, как вы видите, не есть коллективное творчество в широком смысле слова, но тем не менее по своей постоянной связи с народом они имеют характер всенародный. Возможно ли теперь возникновение таких цехов или нет, это решит будущее. Я постараюсь удержаться от слишком поспешного решения этой проблемы. Я имею удовольствие говорить в стенах художественных коммун, но должен откровенно заявить, что я говорю не о художественных коммунах, так как здесь нет ни одного из тех условий, которые при своей совокупности могут создать приближение к этому типу цеха, осуществляющему некое коллективное творчество в изобразительных искусствах. Следовательно, если мы принуждены ограничиться гаданием и предчувствиями, то это лежит в самой природе темы. Если я на этот раз не могу выступить с конкретным предложением и не могу сказать: «Давайте, художники, соединяться в цехи», – то просто потому, что здесь это не выйдет. Это будет соединение коммун, которое не обеспечит коллективного творчества. Этим не дости-

гается это наше внутреннее соединение. Нам остается пофилософствовать и подумать: какие же внутренние условия необходимы для того, чтобы коллективное творчество в цехе осуществилось. Мне кажется, для этого необходимы некоторые простые условия, которые я и укажу. 1) Вообще не должна быть упразднена индивидуальность художника. Отнюдь не должен быть упразднен в этом цехе индивидуальный почин. Как бы ни коллективно было гомеровское творчество, все же печать личного индивидуального гения лежит на некоторых частях этой поэмы. Можно думать, что сцену прощания Гектора и Андромахи написал один поэт, но она проредактирована коллективом, но отнюдь тут нет упразднения индивидуальности, индивидуального почина. Во всяком <случае> индивидуалистическую психологию художника необходимо упразднить, между тем современные художники исполнены такой индивидуалистической психологии. Нужно, чтобы цех в целом признал себя определенно и открыто цехом ремесленников, берущимся выполнять заказы. Это веселое ремесло и веселые заказы и <нрзб.>. Смирение вовсе не препятствует им возводить свое дело и свое назначение в идеальный план, внушающий прямо благоговение, как это мы наблюдаем на тех цехах, о которых имели случай говорить. Итак, кто же здесь заказчиком является? Конечно, народ (*читает*).

Итак, значит, здесь необходима солидарность, но на каких началах она должна быть обоснована? На началах индивидуалистического мирозерцания. Нельзя почерпнуть коллективное вдохновение на переживаемой общей ненависти и вообще в порядке отрицательном. Я не говорю уже о том, что и самое переживание ненависти есть переживание критическое по отношению к другим. Мне думается, если это желательно, чтобы ненависть горела, то во всяком случае это есть лишь болезненное мгновение, и в это мгновение не возникнет творчества, а для этого возникновение творчества нужно, чтобы началось положительное, нужно, чтобы началась положительная любовь. В трагические годы революции культура в значительной степени падает и для творчества создается какая-то среда, которую в известном смысле можно назвать средой стерилизованной. В ней нет каких-то живых зародышей, без которых невозможно цветение, невозможна жизнь и преодоление отрицательных начал, начал критики или начал отталкивания <...>¹¹

Текст не имеет окончания, да и в сохранившейся части явно не отражает выступления Иванова целиком: отсутствуют цитатные фраг-

---

¹¹ На этом текст обрывается.

менты, использованные в речи; кроме того, машинопись, не выправленная автором, содержит многочисленные дефекты стенографической записи. Будучи зафиксированным в столь безупречном виде, текст, однако, все же позволяет убедиться в том, что Иванов, при всех внешне «лояльных» приемах высказывания, ориентированных на восприятие большинства собравшихся в Бюро художественных коммун, ни в малой мере «не отступался от лица»: преподносил в слегка модифицированной на «коллективистский» лад оболочке те самые философско-эстетические убеждения, которые были им всесторонне обоснованы в период расцвета символизма; актуальные же указания на несовместимость «переживаемой общей ненависти» с «коллективным вдохновением» звучали недвусмысленным приговором всем попыткам созидания культурных ценностей в насаждаемых новой властью общественных условиях. Устроители собрания, конечно же, пытались пропустить сказанное писателем сквозь собственное идеологическое сито, перевести ивановский «синкретизм» на понятийный жаргон замешенной на «классовом» коллективизме «пролетарской культуры». Такая тенденция наглядно проявилась в газетном отчете о выступлении Иванова, озаглавленном «Коллективное творчество»:

В пятницу в уютном помещении Бюро художественных коммун т. Вяч. Иванов прочел очень содержательный, полный интересных мыслей доклад о коллективном творчестве. Философ и эрудит, тов. Иванов давно уже работает и мыслит в кругу идей коллективизма, чем снискал себе немало насмешек и издевательств в буржуазной желтой прессе и критике. «Оркестры» и «сборные действия», до невероятности опошленные, обычно связывались с именем этого исключительного поэта. Желтый индивидуализм словно предчувствовал в нем сильного красного врага – коллективиста.

Было радостно наблюдать то почти единомыслие (расхождение лишь в философских тонкостях), которое обнаружилось у докладчика с выступавшим вслед за ним тов. А.В.Луначарским. Коммунист и революционер, т. Луначарский расцвел спокойный реферат философа тов. Иванова яркими и сильными поправками и дополнениями.

Чувствовалось, что пролетариат, владеющий мощной экономикой, в *таких* беседах, в *таком* обмене мнений выковывает свою эстетику, свои формы новой красоты, может быть, новой религии¹².

---

¹² Известия. 1919. №176, 10 августа. С.4. На следующий день после появления этой заметки, 11 августа 1919, с письмом к Иванову обратился руководитель петроградского издательства «Алконост» С.М.Алянский: «Я прочел в воскресном номере «Известий», что Вы делали в «Художественных» Коммунах» доклад о коллективном творчестве. Этот доклад как нельзя лучше подошел бы к

Слова о «новой религии» в этой заметке изобличают автора с его индивидуальными тяготениями и предпочтениями, сказавшимися здесь, и в весьма сочувственном отношении к Вячеславу Иванову. Автор ее (скрывшийся за подписью: В.Аш.) – В.Ф.Ахрамович (Ашмарин), в начале 1910-х – секретарь московского символистского издательства «Мусагет», к которому Иванов имел ближайшее отношение; в советские годы – убежденный коммунист и вместе с тем убежденный католик, один из деятелей-организаторов советской кинематографии, сотрудник ЦК ВКП(б); не найдя в себе сил предпочесть одно из двух своих разнонаправленных убеждений, он застрелился в феврале 1930 после партийной чистки¹³. Ахрамович акцентирует «почти единомыслие» между Ивановым и Луначарским, явно выдавая желаемое за действительное; думается, что «поправки и дополнения» Луначарского, которые в заметке все же упоминаются, звучали в выступлении главного «культуртрегера» страны не менее веско, чем ноты «единомыслия». Частичное «единомыслие», которое готовы были тогда констатировать большевистские идеологи, сами они осознали как вынужденную меру и тактический прием – за отсутствием каких-либо иных точек соприкосновения с интеллигенцией. В статье «Передовой отряд культуры на Западе» (1920) Луначарский, возлагая все надежды на лелеемое им «пролетарское искусство», называл Вячеслава Иванова в числе крупнейших писателей современности, которые в целом «бесплодны» для Советской власти: они «не имели раньше и не имеют теперь почти никаких элементов доктрины, принципиального мировоззрения, художествен-

---

сборнику статей на тему о старом и новом искусстве, разрешенному питерскими властями “Алконосту”. Сборник этот состоит из статей, заслушанных научно-теоретической секцией ТЕО в Питере, и содержит в себе статьи: К.Эрберга, Иванова-Разумника, Штейнберга, В.Пяста, В.В.Гиппиуса и Эйхенбаума, материал крайне интересный, и если бы в этом же сборнике была Ваша статья о коллективном творчестве, большего желать не следовало бы. Если перечисленная компания Вас не шокирует и если Вы по-прежнему расположены к “Алконосту” – Вы дадите эту статью именно в этот сборник, который, быть может, будет назван по заглавию первой статьи К.Эрберга “О догматах и ересях в искусстве”» (ИРЛИ. Ф.607. Ед.хр.390).

В упомянутом сборнике под редакцией Конст. Эрберга, вышедшем в свет под заглавием «Искусство старое и новое» (Пб.: Алконост, 1921), Иванов участия не принял; в письме к Алянскому от 6 октября 1919 он просил передать Эрбергу: «Конст<антину> Ал<ексан>др<ови>чу скажите, что моя статья о коллективном творчестве давно отдана “Изобраз<ительным> Искусствам”» (РГАЛИ. Ф.20. Оп.1. Ед.хр.7).

¹³ См.: А.Белый и П.Н.Зайцев. Переписка / Публ. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып.13. М.; СПб., 1993. С.224.

ного “кредо”, которые послужили бы базой для искусства, идущего в ногу с новыми требованиями. Радуетесь даже расплывчатому коллективизму, так называемой “соборности” Вячеслава Иванова, как чему-то находящемуся в некоем консонансе с нашими днями”¹⁴.

Почти одновременно с выступлением на заседании Бюро художественных коммун предполагалось публикация Вячеслава Иванова сходного содержания в журнале «Интернационал искусства», задуманном в 1919 как теоретическое издание, посвященное проблемам современного искусства. Другим крупнейшим символистом, наряду с Ивановым согласившимся участвовать в журнале, значился Андрей Белый; кроме того, в числе сотрудников был упомянут былой «мусагетец» А.К.Топорков, а подготовкой журнала к печати должен был заниматься С.А.Поляков, в прошлом – глава крупнейшего московского символистского издательства «Скорпион» и издатель журнала «Весы». Основной контингент сотрудников составляли представители литературного и художественного авангарда – К.Малевич, В.Татлин, М.Матюшин, В.Хлебников и другие; патроном всего предприятия был неприменный А.В.Луначарский¹⁵.

---

¹⁴ Луначарский А.В. Собр. соч.: В 8 т. Т.5. М., 1965. С.390 (впервые: Художественная жизнь. 1920. №4/5, май–октябрь). Примечательны в этом отношении свидетельства поэта и историка литературы Ю.А.Никольского:

Меня приглашали работать в театральном отделе комиссариата по просвещению. Я довел до сведения кого надо, что я могу выполнять только общекультурную аполитическую работу. У каждого из искусств была своя великая княгиня-покровительница. Театром ведала О.Д.Каменева, под ней – Вячеслав Иванов и др.

– Ну, быть может, вы еще изменитесь, – сказала она с милой улыбкой, – теперь многие идут к нам. Вот даже Вячеслав Иванович (Иванов) склоняется к историческому материализму.

Оставляю на совести произносившей эти слова. Соборно-христианствовавший Вячеслав, на которого я привык смотреть, как на «царский поезд», по слову поэта, и Маркс вязались во мне плохо. Тут была или безнадежная самоуверенность одной, или... царедворство другого.

(Никольский Ю. В Советской России (По личным впечатлениям) // Русские сборники. Кн.2. София, <1921>. С.83).

Тема взаимоотношений Иванова с большевистским режимом подробно освещена в работе: Бёрд Р. Вяч. Иванов и советская власть (1919–1924): Известные материалы // Новое литературное обозрение. 1999. №40. С.305–331.

¹⁵ Информационные сообщения об организации этого журнала, основанного на заседании Международного бюро при Московском отделе изобразительных искусств 14 марта 1919, появлялись в московской газете «Искусство» (1919. №1–8), издававшейся Отделом изобразительного искусства Наркомпроса. Сведения о несостоявшемся издании собраны в заметке Н.И.Харджиева ««Интерна-

Художница С.И.Дымшиц-Толстая, вторая жена А.Н.Толстого, избранная тогда заведующей организационной частью Изобразительного отдела Наркомпроса, вспоминает: «После того как назначили к нам секретаря и бухгалтера, мне дали большое и серьезное дело – заведовать международным бюро по делам искусства. Была создана коллегия, и было решено издать журнал под названием “Интернационал в искусстве” с обращением к художникам всего мира реорганизовать искусство с запросами широких масс. Были заказаны для журнала статьи Хлебникову, Маяковскому, Топоркову, Татлину, Малевичу, Матюшину и др. С моим дальнейшим переездом в Ленинград и ликвидацией “Международного бюро” журнал так и не вышел в свет»¹⁶. В другом месте своих воспоминаний С.И.Дымшиц-Толстая добавляет: «Я в Ленинграде продолжала работать по издательской секции Наркомпроса. <...> Журнал “Интернационал в искусстве”, начатый в Москве в Международном Бюро по делам искусств, так и застрял, не успев выйти»¹⁷. Основной причиной нереализованности проекта стали «бумажный голод» и разруха в издательском деле¹⁸.

Материалы, связанные с деятельностью С.И.Дымшиц-Толстой в ИЗО Наркомпроса, поступили в июле 1959 в ЦГАЛИ¹⁹. Среди них – эскизы обложки журнала «Интернационал искусства», выполненные А.А.Моргуновым и Дымшиц-Толстой²⁰, также машинописный сборник «Интернационал искусства»²¹, состоящий из статей и тезисов: С.И.Дымшиц-Толстая – «Интуиция – основа живого творчества» (л.1-2), К.С.Малевич – «Новаторам всего мира» (л.3-10), В.Е.Татлин

ционал искусства»: Из материалов по истории советского искусства» (Russian Literature. <1974>. Vol.6. P.55-57; *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде: В 2 т. М., 1997. Т.1. С.257-258) и в статье А.Е.Парниса «Хлебников и Малевич – художники-изобретатели: К истории взаимоотношений» (Творчество. 1991. №7. С.1-3). См. также вступительную заметку А.Е.Парниса к публикации «Ранние статьи Р.О.Якобсона о живописи» (*Якобсон Р.* Работы по поэтике. М., 1987. С.412). Дополнительные сведения и новонайденные материалы, относящиеся к истории этого издания, см. в работе Рашита Янгирова «“Великий красный лик” авангарда: Василий Кандинский и “Интернационал искусств” (Новые материалы и документы)» (*Wiener Slawistischer Almanach.* 1998. Bd.42. S.129-146).

¹⁶ Сектор рукописей ГРМ (Государственного Русского музея). Ф.100. Ед.хр.249. Л.49.

¹⁷ Там же. Л.69.

¹⁸ См.: *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде. С.258.

¹⁹ См.: Центральный государственный архив литературы и искусства СССР: Путеводитель. Вып.3. М., 1968. С.285.

²⁰ РГАЛИ. Ф.665. Оп.1. Ед.хр.35, 36.

²¹ Там же. Ед.хр.32. Л.43.

– «Инициативная единица в творчестве коллектива» (л.11), А.К.Топорков – «Каллистика» (л.12-31), В.Хлебников – «Художники мира!» (л.32-39), «Колесо рождений» (л.40), «Голова вселенной. Время и пространство» (л.41), Д.П.Штеренберг – «Художникам всего мира» (л.42-43). Лишь два текста этого сборника – тезисы Татлина и «Художники мира!» Хлебникова (под первоначальным заглавием «Письменный язык земного шара: система иероглифов, общих для народов планеты») – указаны в анонсе о выходе первого номера «Интернационала искусств», появившемся 5 сентября 1919²². Ни в анонсе, ни в подборке материалов для «Интернационала искусств» не значится работа Вячеслава Иванова «О коллективном творчестве», предполагавшаяся к опубликованию в этом несостоявшемся издании. Между тем текст ее сохранился – в виде конспекта, зафиксированного рукой С.И.Дымшиц-Толстой, – и в 1934 поступил в Рукописный отдел Пушкинского Дома²³. Воспроизводим этот текст (встречающиеся в нем несогласованности и описки исправляются без оговорок, пунктуация приведена в соответствие с современными нормами).

О коллективном творчестве Конспект статьи Вячеслава Иванова

1. Кризис искусств как знак конца вчерашней культуры

Современный кризис искусств есть острое выражение критического и аналитического характера нашей культуры, – этой чрезмерно расчлененной и раздробленной культуры уединенных личностей и обособленных групп, из которых каждая ищет утвердить свое господство над жизнью путем синтетического ее осознания и построения, между тем как сама жизнь течет мимо этих притязательных отвлеченностей, послушная закону своего стихийного процесса.

Современный кризис искусств характеризуется специализацией искусств, стремящейся к предельной точке. Если еще недавно раздробленность культуры породила внутреннее уединение творческого таланта, раскол художника и толпы (которая, нужно заметить, вовсе не была народом), то ныне она привела к уединению каждого отдельного, замкнутого в себе искусства. Живопись, поэзия, сведенные к своим основным конститутивным элементам (чисто и отвлеченно красочное в живописи, отвлеченно-лейтмотивное в рисунке, отвлеченно-словесно-звуковое в поэзии), обращаются в аналитику этих элементов, что противоречит

²² Харджиев Н.И. Статьи об авангарде. С.258.

²³ ИРЛИ. Р.1. Оп.6. Ед.хр.205. Л.1-8.

уже самой природе художественного произведения. Ибо последнее является таковым лишь постольку, поскольку первоначальная сложность преодолевается в нем не отвлеченным из этой сложности преобладающим мотивом, но живою организующею идеей, придающей целому характер синтетического единства; эта организующая идея не обособляет художественного произведения в нечто непроницаемое и отдельное в себе, но, напротив, приводит все в живую внутреннюю связь со всем. Эпоха, лишенная жизненного синтеза, должна была забыть эту старую истину, и на место организующей идеи, раскрывающей связь всего со всем, делала лишь несостоятельные и обезличивающие каждое искусство попытки ложного частичного синкретизма, порождавшего гибридные формы, вроде поэзии-музыки или музыки в живописи.

Единственным выходом из новейшего кризиса искусств кажется коллективное творчество, которое закономерно должно возникнуть, как только процесс культурной дифференциации, достигнув своего предела, сменится процессом культурной интеграции и непосредственною потребностью художества станет выражение вытекающего из этой интеграции духовно-реального синтеза всей жизни.

2. Пережитки коллективного творчества

Пережитками коллективного творчества в наши дни, – правда, лишь в границах художественного исполнения, – являются театр, симфония, хор и хоровой танец. Не удивительно, что всеобщее внимание и ожидание приковывается к этим видам искусства: инстинктивно предчувствуется, что выхода в просторы искусства более полного и действенного должно искать именно в этих остатках стародавнего, соборно-творческого энтузиазма. Но именно театр и нуждается в столь безусловном перерождении, каковое равносильно смерти, по завету Гете: «умри – и стань!». Чтобы действительно обновиться, театр должен весь проникнуться духом музыки, т. е. вернуться к исходным этапам своего исторического пути. Я говорю о *синкретическом действе*, этом чистейшем типе коллективного творчества, этой колыбели всех мусических искусств, но вовсе, однако, не исключительно свойственном эпохе варварски-первобытной, как о том свидетельствует Греция, где синкретизм мусических искусств умирает лишь вместе с трагедией и высокой комедией, когда эллинизм уже сказало в этих важнейших областях свое последнее и величайшее слово.

Народных обрядов не воскресишь, да и не следует смерти придавать видимость жизни. Церковные богослужебные обряды, имеющие теоретически значение огромное, поскольку они про-

должают в существенном широко-синкретические традиции эллинской оркестры и мистерии, вследствие своей принципиальной неподвижности и отрешенности от жизни, составляют живую, но не творческую старину.

3. Виды коллективного творчества

Коллективное творчество, возможное и при высоком уровне общей культуры, кажется логически необходимым при выше указанных предпосылках культурного воссоединения, культурной интеграции, едва ли не неизбежной в результате мирового культурно-общественного сдвига. Создать искусственно образование столь органическое, разумеется, нельзя; но импульсом к его прорастанию и развитию могло бы служить широкое и своеобразное учреждение хоров, которые должны *ставиться* на площадях. Как это бывало в предшествующий трагедии лирический период эллинизма.

Синкретическое искусство издавна стремится породить из своего лона цеховое творчество. Я рассматриваю этот тип как вид коллективного творчества. Весьма поучительны построения т<ак> н<азываемых> «обыденных церквей» в старой Руси всем миром, по обету, в единый день. Здесь соучастие ремесленных обществ между собою с народом дает классический в своем роде пример синкретического искусства при наличности и цехов.

Гомерова и Гесиодова школа – высоко культурные и даже просветительно и воспитательно воздействующие на массу цехи, именующие себя цехами только ремесленников, но притязающие на религиозное почитание. Лирические певцы, лицедеи и в древности, и у нас образуют такие же цехи, более или менее простодушные, более или менее ученые, но всегда понятные народу. Что перечислять скоморо<хо>в, гуслиаров, импровизаторов-актеров в Италии. Цех строителей готических соборов таит не только свое техническое умение, но и свой религиозно-художественный идеал.

Художнические цехи, возникшие для совместно творимой работы, были бы симптомом эры коллективного творчества. Возможность этого возникновения находится, по-видимому, в зависимости от следующих условий:

1) Отмирание отнюдь не индивидуального почина, но индивидуалистической психологии в художнике. Цех в целом чувствует себя союзом ремесленным, берущим на себя выполнить художественные заказы, – что вовсе не мешает ему возводить свое дело и назначение в идеальном плане на внушающую благо-

говение высоты, как это наблюдается на эпических певцах «Гомерова рода».

2) Монументальность задания или заказ, предполагающий в народе-заказчике большую меру единомыслия и единочувствия о том, что главное в жизни, ибо только главное и общее для всех может быть предметом монументального творения.

3) Это главное должно существовать основываться не на отрицательном согласии в критике или ненависти, но на положительных духовно-нравственных началах. Ибо в первом случае мы имели бы не начало интеграции, а сильнейшие утверждения старых принципов критической и аналитической эпохи и в такой стерилизованной духовно среде не могли бы ожидать творчества и вдохновения, всегда, по существу, заключающего в своей глубине некое утверждение.

Вячеслав Иванов

Текст, предназначавшийся для «Интернационала искусств», – еще один вариант той же системы аргументации, с которой Иванов выступал перед аудиторией в Бюро художественных коммун; наглядно сказывается в нем и та же идейно-тактическая установка – использование «актуальной» фразеологии при сохранении прежнего символистского, по сути своей религиозно-теургического, пафоса, толерантность по отношению к новым формам и решительное неприятие новой сути. Говоря о невозможности искусственного порождения «коллективного творчества» «на отрицательном согласии в критике или ненависти», Иванов прочерчивал непереступаемую демаркационную черту между собственными философско-эстетическими убеждениями и нарождающейся «пролетарской» культурой и «социалистической» эстетикой. Не менее отчетливо обозначает Иванов разграничительные линии в предисловии к сборнику статей Р.Роллана «Народный театр»: «...современное искусство для народа и грядущее всенародное искусство суть вещи разные по самой своей сущности: в разных плоскостях лежат они, и последнее никак не может быть продолжением первого»; всенародное действо преображает человеческую общность «в одно многоликое душевное тело», тогда как «искусство для народа» оборачивается декламациями «напыщенно-риторического и ложно-классического пошиба»²⁴ (Иванов указывает при этом на художественные образцы эпохи Великой французской революции, учитывая, безусловно, ее прямую проекцию на переживаемую современность – параллель, бывшую в публицистике тех лет общим местом). Сходные оговорки, предупреж-

---

²⁴ Роллан Р. Народный театр / Предисл. В.Иванова. Пг.; М., 1919. С.8, 9, 11.

дения, опасения – и в докладе Иванова, произнесенном в Доме свободного искусства 6/19 мая 1918: «Как роженица лелеет светлый образ дитяти, так и мы должны лелеять светлый образ должного и чаемого. Я был бы удовлетворен, если бы представил перед вами ошутительный, светлый, вожделенный идеал всенарод<ного> искусства, чтобы не было в наших стремлениях *подмены* (это страшнейшая опасность таких эпох)»²⁵.

Непродолжительный компромисс Иванова с новой властью заключался, по своей сути, лишь в использовании общей или сходной словесной терминологии, при кардинально ином, отличном от официального, ее смысловом наполнении. По словам Ф.Степуна, «народная душа, защищаемая Вячеславом Ивановым, есть ответственный перед Богом за судьбы своего народа ангел, подобный ангелам церковей в откровении Иоанна. Народное искусство Вячеслава Иванова – это искусство Данте, Достоевского, Гете или Клейста, это высокое искусство истолкования и даже создания народной души, не имеющее ничего общего с психологически-социологическими изображениями народной жизни или с требованием, чтобы искусство было доступно народному пониманию»²⁶. Когда-то в религиозно-философском журнале «Новый путь» для статей В.В.Розанова, литератора своеобразного и непредсказуемого, не вписывавшегося в программные «новопутейские» установки, был отведен специальный отдел «В своем углу». Аналогичную экстерриториальность правомерно усмотреть и в выступлениях Иванова первых лет Советской власти – в несостоявшемся «Интернационале искусства», на заседаниях различных секций ТЕО Наркомпроса и в изданиях, патронированных этой влиятельной организацией, в других публичных акциях и коллегиальных совещаниях. Во всех этих случаях соучастия в советских корпоративных начинаниях Вячеслав Иванов неизменно оставался «в своем углу» – даже если выступал с широкоэвangelической проповедью.

---

²⁵ Цит. по: *Обатнин Г.В.* Из материалов Вячеслава Иванова в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С.45. Ср.: *Он же.* Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года. С.228-229. См. также текст речи Иванова на диспуте «Будущее поэзии» в Политехническом музее 27 апреля 1920 (Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы / Публ. и послесловие Н.П.Крохиной. Иваново, 1998. С.240-244).

²⁶ *Степун Ф.* Встречи. С.152.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абашидзе И.В. 118
Абашидзе С.К. 236
Абашидзе, знакомая А.Белого
153, 238
Абдушели (Абдушешвили) А. 118,
187, 188, 247
Абдушели (Абдушешвили) К. 188,
247
Абегян М.Х. 232
Аберьян см. Абегян М.Х.
Абовян Х. 231
Абрамов В.П. 265, 329, 339
Аброскина И.И. 335
Аванесов, врач 118, 224
Аверьянова (в замужестве
Дидерихс) Л.И. 372, 382, 419,
420, 449, 465
Агапов М.В. 501
Агапов М.М. 500-502, 504, 505,
510-512
Агапова (урожд. Баумгартен) М.Е.
502, 504, 505, 510, 511
Агапова А.М. 500, 501, 503
Агапова Г.И. 500-506, 508-510,
512-514
Агапова Г.М. 500, 501, 503
Агаповы, семья 499-503, 506-508,
511-515
Агаян Г. 223
Агранов Я.С. 267, 268, 270-274
Адамович Г.В. 395
Азадовский К.М. 349, 391, 405, 465
Айвазян, литератор 236
Айхенгольц М.Д. 75, 76
Акарский, поэт 39
Аксельрод-Ортодокс Л.И. 245
Акуньян О.А. 118, 144, 221, 236
Алексеев В.М. 329
Алексеев В.С. 382, 465
Алексеев В.Ф. 421
Алексеев Н. 109
Алексеева А.А. 119
*Альвинг А. (Смирнов А.А.) 12-14,
16, 19-21, 26, 28, 32
Алянская Н.Л. 106
Алянский И.М. 107, 108
Алянский С.М. 67-115, 522, 523
Амундсен Р. 423, 450, 480
Ангарский (*Клестов) Н.С. 93, 94,
96
Андерсен Х.-К. 382
Андреев В.М. 353, 369, 386

---

* Курсивом выделены страницы, где данное лицо выступает публикатором или автором текста (кроме авторов писем). Звездочкой (*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Андреев Л.Н. 456
 Андреевский С.А. 495
 Андреевский, сотр. ОГПУ 273
 Андроникашвили Л.Н. 118, 183, 245
 Андроникашвили-Пильняк Б. 384, 411
 Андроников И.Л. 245
 Анисимов Б.Ю. 283, 317, 328
 Анисимов С.С. 240
 Анисимов Ю.П. 27, 32, 33, 328
 Анисимова (урожд. Станевич) В.О. 328
 Анненков А.И. 95, 98, 102
 Анненков Ю.П. 417
 Анненкова В.Г. 92, 95, 96
 Анненкова Е.Б. 369, 417
 Анненкова О.Н. 276, 282, 283, 324, 340
 Анненковы, семья 96, 105
 Анненский И.Ф. 7, 13-15, 25, 32, 39, 483, 484
 Аннушка, прислуга Пуниных 375, 476
 Анреп Б.В. 362, 412, 470, 485
 Антокольский П.Г. 343
 Антоновская А.А. 32
 Антоновский Ю.М. 249
 Анчугова Т.В. 69
 *Арбенина (Гильдебрандт) О.Н. 426, 431
 Аргутинская М.В. 455
 Аргутинская Т.В. 447, 448, 455
 Аренс-Пунина А.Е. 348, 420, 426, 427, 431, 442, 446, 447, 449, 452, 477
 Аристотель 185, 287
 Артамонова О.М. 453
 Артизов А. 262
 Артоблевский Г.В. 355, 393-395
 Архиппов Е.Я. 39
 Арьев М.Я. 378, 423
 Асеев Н.Н. 6, 27, 37, 44, 443, 494
 Аспелунд Ю. 318
 Атаносян (Атаносьян), литератор 118, 233, 236
 Афанасьева З.Л. 438, 445
 *Ахматова (Горенко) А.А. 7, 14, 16, 26, 30, 50, 54, 55, 106, 341-352, 354-358, 360-378, 380-386, 388, 390-415, 417-422, 424-433, 439-442, 444-454, 456, 457, 459, 464-495
 *Ахрамович (Ашмарин) В.Ф. 523
 Бабаев Э.Г. 381
 Багратиды, династия 231
 *Багрицкий Э. (Дзюбин Э.Г.) 224
 Баженов М. 485
 *Базаров (Руднев) В.А. 289, 333
 Базиянц А.П. 226
 Байрон Д.Н.Г. 64, 487
 Балтрушайтис Ю.К. 20, 518
 Бальзак О. де 195
 Калиостро Дж. Б., граф 100, 103
 Бальмонт К.Д. 6, 16, 20, 185, 495
 Банк Н.Б. 246
 Баратынский Е.А. 31, 223
 Барзах А.Е. 517
 Барнз К. 494
 Барсукова М. 247
 Бартель М. 443
 Баршев Н.В. 347, 353, 368, 381, 385, 421, 450, 458
 Барщевская В.В. 441, 445
 Басалаев И.М. 346, 347, 349, 379-381, 383-385, 387, 391, 392, 402, 412, 417, 422, 423, 428, 432, 447, 450, 454, 455, 459-462
 Баташев А.Н. 416, 428
 Баумгартен А.К. 502

- Баумгартен Е.А. 504, 512
 Баумгартен Е.К. 502, 504, 512
 Баумгартен Н.Е. 505
 Баумгартен С.Е. 505
 Бауэр М. 117, 200-202, 207, 252-254
 Бах И.С. 121, 123, 246
 Бахтин В.С. 347, 350
 Бебутов Г.В. 231, 246
 *Бедный Д. (Придворов Е.А.) 384
 Бездомный Н. 47
 Беккер В.Ф. 244
 Белинский В.Г. 291, 334
 Белкин В.П. 488
 Белкина (урожд. Попова) В.А. 488
 Белкины, семья 473, 481
 Белов С.В. 68, 69, 71, 72, 81, 106, 457
 Белоус В.Г. 73, 330
 Белоусов И.А. 28, 47-49
 Белоусов И.И. 47-49
 *Белый А. (Бугаев Б.Н.) 24, 27, 67-
 261, 262-274, 278, 280-291, 300,
 302-304, 311, 325, 327-331, 333-
 335, 338-340, 349, 354, 356, 392,
 394, 409, 430, 494, 516, 523, 524
 Бельшев С.К. 276, 325, 326
 Белявский Н.Ф. 382, 449, 456
 Бениславская Г.А. 35
 Берггольц М.Ф. 429
 Берггольц О.Ф. 424, 426, 429, 444,
 480, 489
 Бердяев Н.А. 102
 *Березов (Акульшин) Р.М. 40
 Берковский Н.Я. 425, 430
 Бернев С. 405, 445
 Бернер Н.Ф. (*Божидар Н.) 5-64
 Бернер Ф. 9
 Бернс Р. 481
 Бернштейн И.И. (*Александр
 Ивич) 423, 428
 Бескин М.М. 233
 Бескин М.Э. 233
 Бескин Э.М. 136, 233
 Беспалов В., баритон 421
 Бетховен Л. ван 62, 123, 154, 238
 Бёрд Р. 524
 Бичер-Стоу Г. 337
 Блаватская Е.П. 102
 Блок А.А. 13, 17, 23, 29, 61, 62, 67,
 68, 70-73, 76-79, 81-83, 86, 93, 94,
 100, 101, 103-106, 108, 136, 187,
 236, 237, 289, 331, 341, 349, 355-
 359, 379, 384, 388, 392, 404, 405,
 411, 430, 457, 460, 466, 516
 Блок Л.Д. 108, 358, 404
 Бобров С.П. 6
 Богарне Е. 391
 Богдановский С.Я. 32
 Богомолов Н.А. 25, 52, 55, 69, 258,
 329, 432
 Богословский Б.А. 239
 Бойчук А.Г. 119
 Большухин Ю.И. 46
 Бондарев Г.А. 254
 *Борисоглебский (Шаталин) М.В.
 353, 382, 386
 Бороздин Г.О. 501
 Боянус Н. 336
 Брамс И. 247
 Брандт Н. 12
 Браун Н.Л. 355, 371, 381, 396, 417,
 421, 450, 458, 465
 Браунинг Э.Б. 481, 493
 Бриан М.И. 393
 Бруни Л.А. 355, 399, 407, 480
 Бруни Н.А. 399
 Брыкин Н.А. 390, 391
 Брюллов К.П. 329
 Брюсов В.Я. 6-8, 11, 16, 17, 19, 20,
 22, 25, 48, 51, 55-57, 61, 136, 232,
 357, 495
 Брюсова И.М. 357
 Буало Н. 475, 489

- Бугаев В.К. 181, 244
 Бугаев Н.В. 154, 155, 204, 238, 239
 Бугаева (урожд. Алексеева, в первом браке Васильева) К.Н. 92, 95, 96, 102, 104, 110, 111, 116-119, 120-221, 221-261, 264, 266-271, 273-275, 277, 279, 280-285, 300-306, 310, 317, 318, 327-331, 335, 337
 Бугаева (урожд. Егорова) А.Д. 87, 89, 90, 92, 97, 154, 181, 239, 244
 Бугославский С. 464
 Буданова Н.Ф. 350
 Буданцев С.Ф. 362, 413
 Булгаков М.А. 384, 418
 Бумаков И. 318
 Бунин, профессор 464
 Бунин И.А. 96, 474, 489
 Бунина А.П. 474, 489
 Буриус Д.Н. 440, 445
 Бурьшкин А.В. 313, 337
 Буссе К. 382
 Бутомо-Названова О.Н. 452, 464
 Бутчер П. 494
 Бучина Л.И. 349
 Быков П.В. 386
 Бычков, музыкант 416
- Вагинов К.К. 355, 395, 416
 Вагнер Н.П. 396
 Вагнер Р. 99, 247
 Вака, шофер 230
 Валери П. 486
 Варенцова Е.М. 96, 116
 Варустин Л.Э. 394, 414
 Варшавский С. 465
 Васильев А.П. 373
 Васильев В., владелец книжного магазина 70, 71
 Васильев В.Н. 153, 238, 253, 284, 302-304, 329, 335
- Васильев И. 387, 416, 417, 430
 Васильев П.Н. 110, 111, 113, 119, 175, 197, 206, 238, 243, 253, 255, 261, 266-268, 273-275, 282, 283, 292, 301-304, 306, 316, 319, 329, 337
 Васильева Е.И. (урожд. Дмитриева, псевд. Черубина де Габриак) 201, 244, 253, 302-305, 335
 Васильева К.Н. см. Бугаева К.Н.
 Васильевы, семья 271-274
 Ватсон (урожд. Де Роберти де Кастро де ла Серда) М.В. 353, 382, 383
 Вебер К. 247
 Вегман И. 301, 335
 Вейдемуллер К. 261
 Веккер Б.Д. 484
 Великанов М.А. 185, 246, 329
 Великанова А.А. 283, 303, 304, 329
 Венгеров С.А. 83, 95, 499
 *Венгров Н. 23
 Веневитинов Д.В. 45
 Венцлова Т. 350
 Вербова З.Д. 371, 418
 Вергилий 287
 Вересаев В.В. 96
 Веригина В.П. 411
 Вермель Ф.М. 28
 Вермишев Г.Х. 222
 Вермишева В.А. 121, 222
 Вертер В.А. 17
 Вертинская Н.Н. 10
 Вертинский А.Н. 9, 46
 Верфель Ф. 443
 Верховский Ю.Н. 17, 28, 32, 489
 Вершинина З.А. 234
 Виванти А. 429
 Виленкин В.Я. 344, 349, 487
 Виноградов В.В. 472, 486
 Витберг А.Л. 500, 501

- Витберг Ф.А. 500-503, 506
 Витберги, семья 500
 Владимиров Ю.Д. 329
 Владимирова (урожд. Брюллова) Л.П. 283, 303, 304, 318
 Волков Н.Н. 37
 Волошин М.А. 221, 245, 289, 327, 331, 335, 402, 426, 438, 445, 450
 Волошина (урожд. Сабашникова) М.В. 264, 300, 327, 335
 Волькенау Н.В. 28
 *Волынский (Флексер) А.Л. 466, 484
 Вольпе Ц.С. 425, 430
 *Вольтер (Аруэ М.Ф.) 489
 Вордсворт У. 481, 493
 Воронский А.К. 187, 246
 Врубель М.А. 62, 143, 203, 235
 Врэде Э. 301, 335
 Выборнова Т.А. 276, 307, 322, 339
 Выгодский Д.И. 465
 Вязменская Ф.Л. 397
- Гагик I, царь 231
 Галанина Ю.Е. 349
 Галахов И.П. 219, 260
 Галилей Г. 183, 246
 Галушкин А.Ю. 333, 344, 349, 384, 390, 393, 394, 455, 459
 Гальперин М.П. 58
 Ганзен (урожд. Васильева) А.В. 353, 361, 386, 394
 Ганин А.А. 35
 Гаспаров М.Л. 13, 15, 23, 31
 Гастфрейнд, знакомый Агаповых 504
 Геворкьян см. Кеоркьян М.А.
 Гегель Г.В.Ф. 183, 185, 245, 287
 Гедройц С.И. 384
 Гейне Г. 244, 380
- Гейро Р. 252
 Геллер Л. 333, 344, 384
 Гендриков В. 405, 445
 Герасимов, знакомый А.Белого 89
 Геродот 128, 227
 Герц Г. 284, 304, 329
 Герцен А.И. 217, 219, 259, 260, 417
 Гершензон М.О. 86, 87, 93-96, 106
 Герштейн Э.Г. 350, 408, 411
 Гете И.В. 99, 161, 183, 213, 223, 231, 243, 257, 305, 335, 336, 527, 530
 Гидони А.И. 118
 Гизетти А.А. 484
 Гиллельсон И.Э. 486
 Гиль Р. 405
 Гинзбург Л.Я. 442
 Гиппиус В.В. 523
 Гиппиус З.Н. 103
 Гитин В.Е. 69
 Гитович А.И. 465
 Глебова-Судейкина О.А. 417, 422, 475, 476, 485, 487, 490, 491
 Глебокошанская О.А. 318, 337
 Глебокошанский В. 318
 Глейзер М.М. 68
 Глинка М.И. 99, 223, 250
 Глубоковский Б.А. 39
 Глушкова О., одноклассница А.Ахматовой 474
 Гоген П. 140
 Гогоберидзе-Лундберг Е.Д. 118, 251, 261
 Гоголь Н.В. 55, 61, 99, 111-115, 161, 187, 247, 418
 Голенищева А.И. 276, 324, 340
 Голицын И. 235
 Голичер А. 261
 Голлербах Е.А. 408
 Голлербах Э.Ф. 359, 360, 388, 407-409, 484

- Гольцев В.А. 236
 Гольцев В.В. 148, 236, 237
 Гомер 99
 Гончар Н. 116, 222
 Гончарова Н.С. 424, 428
 Горбаневская Е.М. 439, 445
 Гордеев Б.П. (*Божидар) 44, 45
 Гордиенко П.Я. 385
 Горенко Ануфрий 478
 Горенко А.А. 476, 478, 491
 Горенко В.А. 469, 485
 Горенко Д. 478
 Горенко И.А. (в замужестве – фон Штейн) 407
 Горенко (урожд. Стогова) И.Э. 469, 485
 Горенко Т. 478
 Горенко Ф. 478
 Горенко (урожд. Райцын) Х.В. 469, 485
 Горнунг Б.В. 26-28, 32, 37
 Горнунг Л.В. 26, 32-34, 40, 350, 372, 379, 382, 397, 415, 419, 421, 427, 442, 453, 457, 473, 488, 490, 493
 Горнфельд А.Г. 342, 343, 484
 Городецкая (урожд. Козельская) А.А. 405
 Городецкий С.М. 22, 358, 404-406
 *Горький М. (Пешков А.М.) 106, 266, 269, 380, 442, 473, 487, 488
 Готье Т. 15, 388, 396
 Готье Ю.В. 289, 332
 Гофман М.Л. 255
 *Грааль-Арельский (Петров С.С.) 358, 405, 445, 495
 Гранвилль Ж. 418
 Грачев Г.И. 489
 Грекова Е.А. 484
 Гренджер П. 247
 Гренцион Э.Е. (*Э.Гаррик) 423, 428
 Гречишкин С.С. 73, 95, 108, 109
 Гржебин З.И. 102, 107, 108
 Григ Э. 247
 Григоров Б.П. 102, 267-269, 273, 275, 277, 281, 282, 294, 295, 298, 300, 301, 303, 310-313, 319, 336-338
 Григорова Н.А. 313, 337
 Григорьев А. 413
 Грифцов Б.А. 486, 487
 Гришкова А.Е. 318
 Грознова Н.А. 349
 Громан В.Г. 289, 332
 Громов, актер 328
 Грудцова О.М. 349
 Грузинский А.Е. 94, 97
 Грюнвальд М.К. 376, 422, 484
 Грякалова Н.Я. 349
 Губер П.К. (*П.Арзубьев) 417
 Губеры, семья 371
 Гуковская (урожд. Рыкова) Н.В. 348, 355, 361, 364, 374, 397, 418, 421, 427, 429, 477, 478, 480, 491
 Гуковские, семья 372
 Гуковский Г.А. 374, 397, 418, 475
 Гумилев Д.С. 471, 486
 Гумилев Л.Н. 348, 365-368, 370, 384, 389, 390, 394, 414, 470, 471, 483, 486
 Гумилев Н.С. 14, 15, 19, 22, 26, 32, 33, 50, 289, 331, 341, 343, 347-350, 352, 354, 356, 358, 362, 367, 370, 372, 377, 380, 381, 386, 388-392, 394-396, 399, 403-405, 407-410, 414, 415, 419, 422-428, 439, 442, 444, 445, 447, 448, 451, 452, 455-457, 460, 461, 463, 465, 467, 471-473, 475-477, 483, 484, 486-491, 493
 Гумилева (урожд. Львова) А.И. 348, 366-368, 389, 398, 414, 415, 449, 451, 452, 469, 471, 483, 486

- Гумилева (урожд. Фрейганг) А.А.
471, 486
- Гумилева (урожд. Энгельгардт) А.Н.
348, 349, 357, 367, 368, 370, 371,
404, 415, 417, 424, 431, 451, 452,
471-473, 486-488
- Гумилева Е.Н. 367, 368, 415, 487
- Гумилева Н.В. 414
- Гуревич Л.Я. 487
- Гусев Н.И. 35
- Гутнер Г. 318
- Даддингтон (урожд. Эртель) Н.А.
469, 485
- Данте Алигьери 384, 396, 530
- Дантес (Геккерн) Ж.-К. 194
- Данько Е.Я. 350, 355, 376, 382,
393, 396, 397, 413, 450, 453, 485
- Данько Н.Я. 376, 413, 422, 450,
453, 471, 474, 485, 486
- Дарий I 128
- Даша, прислуга Агаповых 504,
508, 511
- Двинятина Т.М. 341-495
- Дворжец, секретарь ОУЗП
Терского округа 491
- *Деборин (Июффе) А.М. 245
- Дебюсси К. 372
- Дейссен (Deussen) П. 105
- Дейч А.И. 6, 11-13
- Декарт Р. 183
- Дельвиг А.А. 223
- Деникер Н. 465, 483, 484
- Деникин А.И. 336
- Денисьева Е.А. 428
- Депп М.Н. 302, 336
- *Джавахишвили М. (Адамашвили
М.С.) 118, 218, 245, 259, 260
- Джугашвили см. *Джавахишвили М.
- Дикман Х.А. 491
- Дичаров З.Л. 350
- Диэсперов А.Ф. 6
- Длугач Р.В. 276, 309, 321, 339
- Дмитренко А.Л. 347, 349, 380, 382,
391, 395, 397, 401, 432, 456
- Дмитриев В.В. 190, 247
- Дмитриев Н.П. (*Круггель) 449,
456, 457
- Дмитриев П.Е. 504
- Добкин А.И. 87
- Добролюбов Н.А. 334
- Добронравов А.А. 386
- Домогадская Г.Д. 283, 328
- Доржелез Р. 197, 252
- Достоевский Ф.М. 61, 187, 291,
333, 334, 530
- Драйден Дж. 481
- Древин А.Д. 398
- Дубровский Н.Н. 435-443
- Дуганов Р. 243
- Дункан А. 417
- Дымман О.И. 371, 417
- Дымшиц-Толстая С.И. 525
- Дьяконов Г.Л. 435, 439, 443
- Дэвис Р. 494
- Евгеньев-Максимов В.Е. 353, 354,
386
- Евклид 287
- Евреиннов, поэт 39
- Егоров Д.М. 289, 332
- Елисеев Н.Л. 349
- Емельянов Б.И. 35, 39
- Емшанов, управляющий КВЖД 251
- Енишерлов В.П. 406
- Ермакова Н. 318
- Еронкин Д.О. 435, 443, 444
- Есенин С.А. 24, 35, 61-63, 136, 183,
246, 289, 290, 331, 352, 353, 356,
384, 403

- Жаботинский В. 495
Жаккар Ж.-Ф. 457
Жданов А.А. 417
Жемчужникова М.Н. 264, 272, 281,
283, 317, 326-328, 337
Жемчужникова Н.И. 283, 317, 328
Жемчужникова Н.П. 317, 337
Животов Н. 12
Жинью Р. 197, 252
Жирмунский В.М. 475, 490
Жихарева К.М. 255, 353, 382
Жуковский В.А. 355, 430
- Заблоцкая А.Е. 82
Заболоцкий Н.А. 421, 465
Завалишин В.К. 46
Заводчиков В.П. 369, 415, 421
Зайцев П.Н. 27, 32-34, 111, 118,
210, 232, 233, 236, 239, 241-245,
249, 254, 257, 261, 265-267, 270,
272, 276, 277, 281, 283, 304, 311,
321, 327-329, 331, 333, 339, 340,
523
Зайцева Г.П. 275
Зайцева М.С. 328
Зайцева С.П. 283, 317, 328
Залкинд С.Я. 426, 432
Замятин Е.И. 83, 333, 342-344,
347-349, 353, 360, 361, 383, 384,
390, 392-394, 398, 410, 418, 448,
456, 458, 461, 462, 492
Замятина (урожд. Усова) Л.Н. 348,
360, 376, 394, 422, 426, 448, 451,
469, 471, 478, 481, 483
Замятины, семья 354, 360, 449,
456, 472
Захаренко Н.Г. 246
Заяцкий С.С. 32
Зданевич И.М. (*Ильезд) 252
Зданевич К.М. 252, 491
- Зейлигер А.В. 448, 456
Зеленецкий С. 25
Зеленко В.А. 398
Зеллинг В. 301, 335
Зенгер, знакомый П.Лукницкого 423
Зенгеры, семья 428
Зенкевич М.А. 7, 14, 379, 396
Зибрак Э.А. 325, 340
Зилов Л.Н. 28
Зильбер З.В. 441
Зильбер Л.А. 441
Зильберштейн И.С. 349
Зимин С.И. 223
Златовратский Н.Н. 47
Змунчила И.Э. 489
Зобнин Ю.В. 408, 409
Зонин А.И. 352, 379
Зонин С. 379
Зошенко М.М. 361, 362
Зубарев Л.Д. 517-519
- Ибсен Г. 242, 382
Иваницкие, семья 515
Иваницкий, помещик 514
Иванов А.А. 99
Иванов Вс. В. 450
Иванов Вяч. И. 23, 24, 27, 68, 71, 72,
93, 96, 106, 357, 516-524, 526-530
Иванов Г.В. 22, 358, 405
*Иванов-Разумник (Иванов) Р.В. 67,
68, 70, 72-75, 77, 79-83, 89, 94, 95,
99, 101-103, 107-111, 114, 115, 117-
119, 175, 176, 185, 210, 211, 219,
221, 224, 236, 240, 243-246, 250,
257-261, 266, 267, 271, 272, 285,
289, 330, 331, 338, 349, 360, 361,
393, 394, 409, 523
Иванова А. 421
Иванова Е.В. 330
Иванова И.Г. 349

- Иванова Л.В. 517
 Иванова Л.Н. 349, 383
 Иванова М.С. 335
 Иваск Ю.П. 46, 53
 *Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 23
 *Игнатъев (Казанский) И.В. 45
 Игумнов К.Н. 35
 Изергина А.Н. 355, 363, 364, 399,
 425, 426, 430
 Изергина М.Н. 355, 363, 364, 372,
 399, 426, 451
 Измайлов А.А. (*Аякс) 457, 499
 Иков В.К. (*В.Миртов) 291, 334
 Иконникова М.А. 276, 286, 323,
 339
 Ильина В. 413
 Ингорквa П.И. 148, 237
 Иоаннисян И.М. 117, 118, 143,
 231, 234, 235
 Иоаннисяны, семья 236
 Ионов И.И. 443
 Исаакян А.С. 118, 125, 225, 231
 Исакиан см. Исаакян А.С.
 Исаева Ю. 9
 Исаков С.К. 399
 Исидор 227
 Иссерлин Е.М. 394
 Истмэн Ч. 382
- Кавальери Е. 242
 *Каверин (Зильбер) В.А. 46, 346,
 351, 353, 376, 377, 385, 424, 427,
 441, 454
 Каганович Л.М. 263
 Казанский Б.В. 475, 490
 Казачков С.В. 119, 240, 260, 264,
 275, 326, 327
 Казмичов (Казмичев) Матв. М. 401
 Казмичов (Казмичев) Мих.М. 401,
 402, 410, 449, 465
 Казмичов (Казмичев) П.П. 401
 Казмичов (Казмичев) Ю.М. 401
 Казмичова (Казмичева) Т.М. 364,
 401, 402, 425, 483
 Казмичовы (Казмичевы), семья
 356, 357, 365, 402, 483
 Кайдалова Н.А. 243
 Каладзе К.Р. 421
 Каликина Л.В. 118, 200-202, 253,
 276, 280, 282, 283, 310, 311, 322,
 339
 Калугин О. 343
 Кальдерон П. 401
 Камбэлл см. Кэмпбелл Т.
 Камегулов А.Д. 390, 391
 *Каменев (Розенфельд) Л.Б. 69,
 112, 113-115, 309, 336, 464
 Каменев С.С. 336
 Каменева (урожд. Бронштейн) О.В.
 452, 464, 524
 Каменский А. 235
 Каминская А.Г. 350
 Камкин В.П. 36
 Кампанелла Т. 131, 230
 Кандиев Ю.Я. 41
 Кандинский В.В. 525
 Кант И. 183, 245, 287
 Карахан Л.М. 251
 Карев А.Е. 407
 Карпов М.Я. 389, 390, 451, 463
 Карякин В.Н. 342
 Катанян В.А. 330
 Катанян Р.П. 270
 Качалин Н. 39
 Квашнина-Самарина В.С. 443
 Квашнина-Самарина Л.И. 439
 Квашнин-Самарин С.И. 435, 439, 443
 Кезельман Е.Н. 114, 224, 267, 276,
 281, 283, 292, 320, 328, 338
 Кейдем К. 261
 Кеммер М.Б. 356, 357, 402, 403

- Кеоркьян (Кеворкьян) М.А. 118,
 126, 225
 Кийз Р. 268
 Кикодзе Г. 491
 Киплинг Р. 380
 Кирнарский М. 9
 Киселева А.Н. 284, 304, 329
 Кишкин Н.М. 244
 Клейст Г. фон 530
 Клименкова Н.С. 276, 283, 321,
 338
 Клок И. 445
 Клоев Н.А. 48, 211, 257, 354, 358,
 368, 391, 405, 421, 465, 482, 495
 *Клюн И. (Клюнков И.В.) 328
 Кнебель М.О. 335
 Кнорре Г.Ф. (*Алексей Кириллов)
 69, 70, 72, 77, 78, 84, 87, 92, 93, 101
 Кнорре Е.А. 78
 Кнорре Ф.Ф., отец 70
 Кнорре Ф.Ф., сын 70
 Кобринский А.А. 350, 382, 419, 457
 Коган П.С. 418
 Кожебаткин А.М. 80, 81, 84-86,
 101, 104
 Козаков М.Э. 347, 353, 355, 381,
 384, 386, 412, 458, 466
 Козеев М.С. 135, 231
 Козлов И.И. 430
 Козловский А.А. 57
 Козьмин Б.П. 453
 Койранский А.А. 247
 Колат Е. 401
 Колбасьев С.А. 423, 428
 Колбасьева Г.С. 428
 Колесова Е.В. 407
 Коллинз М. 336
 Колонтар см. Мелик-Калантар А.
 Кольридж С.Т. 481, 493
 Комаровская (урожд.
 Секевич) Н.И. 361, 411
 Комиссарова М.И. 371, 396, 417,
 450, 458
 *Конар (Полашук) Ф.М. 363, 413
 Кондрьяненко В. 428
 *Коневской (Ореус) И.И. 45
 Коннор Ф. см. *Конар Ф.М.
 *Конрад Дж. (Коженёвский
 Ю.Т.К.) 170, 227, 242
 Копельман С.Ю. 97, 102
 Коплан Б.И. 17
 Копяткевич А.А. 112, 113
 Коринтэли К. 238
 Корнилов Б.П. 424, 429, 451, 465
 Корнилов Н. 35
 *Корнуолл Б. (Проктер Б.У.) 482
 Коровин К.А. 411
 Костер Ш. де 342
 *Котлин А. (Елгунов Ал. Н.) 45
 Котрелев Н.В. 25, 104
 Крабб Дж. 481
 Кравцова И.Г. 32, 116, 350, 492,
 493
 Крайнева Н.И. 349, 492
 *Крайский (Кузьмин) А.П. 421,
 450, 451, 458, 459
 Кралин М.М. 341, 422, 484
 Крандиевская Н.В. 20
 Краснобородько Т.И. 349
 Красновская А.М. 283, 328
 Красновский И.Н. 293
 Красновский К.Н. 293, 324, 328,
 339
 Красновский М.К. 293, 276, 307,
 308, 311, 324, 328, 339
 Краснушкина Е.Н. 276, 283, 324,
 340
 Красовский Н. 36
 Крачковский И.Ю. 420
 Крейд В.П. 41
 *Кречетов С. (Соколов С.А.) 6
 Кривин Ф.Д. 5

- Кривич В.И. 483
Кривулин В.Б. 350
Кривцова А.В. 227
Кригер В. 253
Крохина Н.П. 530
Крученых А.Е. 460
Крупышев Б. 416
Крылов И.А. 330
Крымова Н.А. 335
Ксенофонт 128, 227
Кублицкая-Пиоттух А.А. 108
Кублицкая-Пиоттух С.П. 348, 353, 382
Кудашева М.П. 40
Кудряшова Е.И. 419
Кузмин М.А. 7, 14, 17, 18, 19, 25-28, 40, 360, 361, 382, 388, 393, 409, 426, 431, 432, 475, 476, 489
Кузьмин И.П. 420
Кузьмин-Караваев А.Д. 414, 415
Кузьмин-Караваев Д.В. 358, 404
Кузьмин-Караваев К.К. (*К.Тверской) 358, 404
Кузьмин-Караваев С.А. 414
Кузьмина-Караваева (урожд. Лампе) К.Ф. 414, 415
Кузьмина-Караваева (урожд. Пиленко) Е.Ю. 14, 404
Кузьмина-Караваева А.Г. 414
Кузьмины-Караваевы, семья 348, 366-368, 427, 468, 483
Кукушкина Т.А. 349, 350, 384, 412, 489
Култашова Л.В. 282, 283, 327
Кумминг (*Комнин) Е. 46
Купреянова Е. 430
Куприн А.И. 12
Купченко В.П. 221, 335, 402
Курт А.В. 344, 349, 397
Кустов А. 54
Кутузов М.И. 385
Кушнер Б.А. 79
Кэмпбелл Т. 481, 493
Кюхельбекер В.К. 29
*Лавренев (Сергеев) Б.А. 19, 347, 353, 380, 381, 382, 424, 439, 445
Лавров А., типограф 71, 76
Лавров А.В. 18, 67-69, 73, 87, 95, 108, 109, 118, 246, 267, 271, 349, 351, 385, 393, 397, 412, 413, 464, 484, 516-530
Лаганский Е.М. 353, 385, 386, 389
Лагерлёф С. 188, 247
Лазаревы, семья 226
Лампе (урожд. Димидова) А.А. 368, 415
Лампе И.Ф. 415
Ланда М.С. 335
Ландсберг Г.В. 416
Ланн Е. 242
Лapidус А.Я. 349
Лапшин Н.Ф. 399, 480, 492
Лебедев А.Д. 283, 300-304, 328, 329
Лебедев В.В. 355, 359, 373, 376, 398, 399, 420, 452, 464
Лебедева (урожд. Вуколова) Л.С. 283, 318, 329
Левинсон А. 471, 486, 493
Левинтон Г.А. 25
Левонян Г. 118, 125, 137, 224, 225
Лежава Ш. 215, 240, 258, 259
Лейкинд О.Л. 456
Леман Б.А. (*Б.Дикс) 302, 304, 336
Лемке М.К. 83
*Ленин (Ульянов) В.Л. 112
Леонидзе Г.Н. 118, 151, 208, 237, 246
Лепетюхин В.Ф. 455

- Лермонтов М.Ю. 8, 29, 182, 223, 236, 244, 245, 250, 365, 399, 413, 426, 449, 470
- Лерский И. 386
- Лесман М.С. 395, 409, 492
- Лобаков М.В. 337
- Либман В.А. 494
- Лившиц Б.К. 12, 15, 16, 23, 24, 26-28, 37, 393, 434, 442, 443
- Лидин В.Г. 28
- Лиза, внучка Е.А. и Е.К. Баумгартенов 504
- Лимбах И.Ю. 96
- Линч Г.Ф.Б. 128, 227
- Липкин С.И. 444
- Липскеров К.А. 452, 464
- Лисагоровская Н. 318
- Лисицкий Л.М. (*Эль Лисицкий) 391
- Лисовский М.И. 106
- Лист Ф. 247
- Литвин Е.Ю. 383
- Литвин, прозаик 39
- Лихарев Б.М. 465
- Лихтенштейн А. 443
- Ло-Гато Э. 482, 495
- Лозина-Лозинский А.К. 45
- Лозинский М.Л. 355, 360, 361, 369, 370, 396, 401, 409, 415, 416, 457, 473, 475, 476, 481
- Лоланов, владелец пансиона 442
- Ломоносова Р.Н. 494
- Ломоносовы, семья 494
- Лонгфелло Г.У. 482
- *Лондон (Гриффит) Дж. 170, 242, 364, 382
- Лордкипанидзе К. 118
- *Лоти П. (Вио Л.М.Ж.) 448, 456
- Лубенская К. 395
- Луизов В. 401
- Лукницкая (урожд. Бобровская) Е.П. 371, 378, 418, 446
- Лукницкая В.К. 341-346, 350, 381, 384, 388, 395, 399, 400, 403, 407, 417, 432, 488, 489
- Лукницкий К.Н. 355, 399
- Лукницкий Н.Н. 371, 377, 378, 418, 446, 452
- Лукницкий П.Н. 32, 341-350, 352-378, 378-423, 423-427, 428-432, 433-441, 441-445, 446-453, 453-465, 465-483, 483-495
- Лукницкий С.П. 343
- Лукомский А.С. 309, 336
- Луначарский А.В. 94, 103, 106, 487, 516, 518, 522, 524
- Лундберг Е.Г. 82, 83, 251
- Лундборг, летчик 423
- Лурье А.Н. 347, 350
- Лурье А.С. 487
- Львов П.И. 407
- Львовский З. 242
- Любавский М.К. 289, 332
- Любимова М.Ю. 349, 384, 393, 394
- *Ляшко (Лященко) Н.Н. 48
- *Маари Г. (Оджемян Г.Г.) 136, 231, 232
- Маврикий, имп. 131, 229
- Маддалена, летчик 477, 491
- Мазаев А.И. 517
- Мазурин К.М. 21
- Майдель Р. фон 264
- Майн Рид Т. 342, 435, 442, 443
- Маккавейский В.Н. 7, 23, 24, 37
- Маковский С.К. 491
- Максимов Д.Е. 349
- Макушина, домработница А.Ахматовой 470, 485
- Малевич К.С. 524, 525
- Малинин Н.С. 116, 329
- Малинина Л. 318

- Малларме С. 495
Малмстад Дж. 67-115, 116, 118,
232, 233, 254, 266, 267, 270, 326,
327, 349, 517, 523
Манандян Я.А. 143, 235
Мандельштам И.Е. 111, 113
Мандельштам Н.Я. 34, 58, 343,
348, 413, 433-437, 439, 440, 442,
445, 470, 484
Мандельштам О.Э. 22-26, 31, 34,
40, 50, 54, 58-60, 225, 228, 229,
341-343, 348, 350, 352, 360, 361,
364, 395, 396, 399, 402, 410, 412,
413, 427, 432-437, 439-446, 457,
465, 470, 484
Мандельштамы, семья 346, 356,
364, 433, 435, 438, 442, 467, 484
Мандрыкина Л.А. 419
Мануйлов В.А. 350, 356, 357, 385,
388, 391, 399-404, 413, 415, 426,
430, 432, 449, 477, 484
Мануйлова Л.И. 400, 453
Мануйлова Н.А. 356, 357, 402, 403,
453
Мануйловы, семья 477
Маньковский А. 341
Марадудина М.С. 436, 444
Мари см. *Маари Г.
Маркаде Ж.-К. 398
Марков А.Ф. 386
Марков В.Ф. 46
Марков С.Н. 449, 457
Маркс К. 183, 287, 524
Марр Н.Я. 227, 230-232
Марцелл 227
Маршак С.Я. 376, 421, 422, 470,
480
Масенко Т. 411
Маслов Г.В. 17
Матюшин М.В. 524, 525
Махров К.В. 456
Машковцев Н.Г. 327
Машковцева А.А. 283, 327
Маштоц М. 229
Маяковский В.В. 136, 211, 224,
231, 232, 237, 257, 286, 289, 290,
330, 331, 444, 481, 493, 494, 525
Медведев А.В. 416, 428
Медведев П.Н. 347, 353, 355, 357,
359, 362, 381, 384, 393, 404-406,
413, 453, 458, 484
Медведева Н.П. 355, 395
Мейерхольд В.Э. 79, 94, 97, 136,
233, 248, 267, 270, 273, 328, 330,
481
Мейерхольды, семья 493, 494
Мекк фон, железнодорожный
деятель 35
Мелик-Калантар А. 118, 129, 227,
229, 230
Мелитон, служащий гостиницы
183, 188, 190, 194, 196, 206, 215,
245, 248
Мелковская Л.М. 387
Менжинский В.Р. 267
Мережковский Д.С. 495
Метнер Э.К. 237, 258
Мец А.Г. 341, 349, 384, 413, 443,
465, 484, 492
Мешков Н.М. 28, 32, 48
Мещанинов О.С. 448, 455, 456, 468
Микеладзе, профессор 118, 259,
260
Миллер О.В. 349
Минина В. 261
Минцлова А.Р. 214, 258
Мирзоян Л.Л. 235
Миронич Н.К. 424, 425, 428, 446,
447, 467, 480
Мисникевич Т.В. 499-515
Митурич П.В. 407
Михайлов А.Д. 342

- Михайлов Н.Н. 432
 Михайлов С.Р. 425, 430
 Михайлова М.В. 464
 Михайловский Н.К. 217, 259
 Михин Г.А. 276, 282, 283, 304, 305, 324, 340
 Могэм В.С. см. Моэм У.С.
 Моисеев В.М. 265, 275, 277, 279, 281-283, 292, 295, 296, 301, 302, 305-311, 316, 317, 320, 337, 338
 Моисеева Н.М. 265, 275, 282, 283, 300-302, 307, 308, 316-318, 320, 338
 Мок-Бикер Э. 491
 Мокульский С.С. 236
 Молок Ю. 488
 *Молотов (Скрябин) В.М. 263, 309
 Монахов Н.Ф. 236
 Мор Т. 482, 493
 Моравская М.М. 22
 Моргенштерн К. 252
 Моргенштерн М. 200, 252, 253
 Моргулис А.О. 364, 413, 424
 Моргунов А.А. 525
 Мордерер В. 331
 Морев Г.А. 457
 Морето-и-Каванья А. 401
 Моцарт В.А. 41, 123
 Моэм У.С. 140, 234
 Мравян А.А. 118, 224, 225
 Музалевский В.И. 378, 488
 Мур Т. 493
 Муравьев В. 350
 Мустангова Е.Я. 438, 445, 451
 Мясникова В.С. 393
- Набилков Н.В. 71
 Набоков В.В. 46
 Нагорный, сотрудник ОГПУ 340
 Надеждин М. 45
- Надирадзе К. 118, 237
 Надсон С.Я. 45, 383
 Назаревская Г.А. 283, 311, 327
 Назаренко Я.А. 450, 459
 Найман А.Г. 351
 Накоряков Н.Н. 113-115
 Налбандян М. 231
 Нансен Ф. 126, 225
 Наппельбаум И.М. 350, 380, 381, 395, 397, 411, 425, 431, 448, 451, 454
 Наппельбаум М.С. 411, 431, 456, 485
 Наппельбаум Ф.М. 456
 Наппельбаумы, семья 463, 494
 Нарбут В.И. 28, 342, 352, 381
 *Нароков Н. (Марченко Н.В.) 46
 Наседкина Е.В. 116-261
 Наумов О. 262
 Невгина Е.П. 426, 431, 477
 Невейнова Е.В. 266, 272, 276, 279, 281-283, 292, 293, 300, 305-307, 312, 317, 318, 320, 338
 Недоброво Н.В. 479, 492
 *Ней Е. см. Сельвинский И.Л.
 Ней М. 391
 Некрасов К.Ф. 58
 Некрасов Н.А. 161, 334, 354, 384, 386-388, 445, 466, 484
 *Нельдихен (Ауслендер) С.Е. 391
 Немеровская О.А. 425, 430
 Нерадовский П.И. 480, 492
 Нерлер П.М. 34, 341, 342, 350, 380, 403
 Неслуховская Т.К. 455
 Неслуховский К.Ф. 447, 455
 Неслуховский С.К. 455
 Нехотин В.В. 275, 326, 340
 Никитаев А.Т. 350
 Никитин Н.Н. 361, 362, 385, 411-413, 448, 449, 461

Никитина (урожд. Гацкевич,
в первом браке Кази) З.А. 412,
413, 448, 449, 451, 465

Никитины, семья 361

Николаев Н.И. 394

Николаева Е.К. 118, 182, 244

Николай I, имп. 99, 194

Николай Константинович,
вел. кн. 221

Николеску Т. 248

Никольская Т.Л. 395, 457

Никольский Ю.А. 524

*Никулин (Ольконицкий) Л.В. 23

Ницше Ф. 249

Нобиле У. 378, 423, 424, 427, 477,
480, 491

Новиков Л.А. 119, 221

Нодия Д.Ч. 275

Норина Т.В. 275

Обатнин Г.В. 516, 517, 530

Обатнина Е.Р. 351, 457

Ованесян О. см. Иоаннисян И.М.

Овсянников Ю.М. 422

Оганесян Л.А. 125, 224

Огарев Н.П. 217, 259

Одоевский В.Ф. 29

Окропиридзе С. 238

Оксенов И.А. 388, 426, 432

Олаф О.Н. 357, 364, 365, 369, 371,
373, 404, 423

Олеша Ю.К. 430, 445

Ольшанская Е.М. 411

Оношкович-Яцына А.И. 396

Орбели И.А. 399

Орбели О.В. 420

Орбели Р.А. 348, 373, 376, 420

Орешин П.В. 289, 331

Орнатская Т.И. 489, 492

Осинский Н. 397

Отроковский В. 13, 16

Оцуп Н.А. 388

Павел I, имп. 400

Павлов А.Ф. 318, 337

Павлов П.А. 318, 337

Павлова Д.Д. 283, 328

Павлова К.К. 29

Павлова М.М. 349, 350, 382, 393,
397, 398, 500, 504, 506, 514

Павлова Т.В. 67, 118, 349

Павловский А.И. 347, 349, 414, 454

Палей А.Р. 382

Пальмин Л.И. 495

Панфилов Е.А. 387, 416, 425, 430,
458

Панченко А.М. 414

Парнах В. (Парнок В.Я.) 487

Парнис А.Е. 69, 444, 525

Парнок С.Я. 27, 28, 32-34, 40, 487

Пастернак Б.Л. 6, 27, 34, 37, 48,
221, 289, 331, 343, 384, 452, 464,
466, 467, 481, 482, 484, 492-494

Пастернак Е.Б. 492, 493

Пастернак Е.В. 492, 494

Пастернаки, семья 494

Патти А. 500

Пахомов А.Ф. 399

Пашуканис В.В. 67

Пенчковский Н.Н. 450, 458

Перелешина Н.М. 28

Перетц В.Н. 13

Перовская С.Л. 428

Перцович Ю. 453

Петников Г.Н. 23, 24, 44, 436, 443,
444

Петрановский В.П. 409

Петров В.Н. 350, 398, 399, 407

Петрова Е.Д. 430

Петрова И. 413

- Петров-Водкин К.С. 79, 83, 241
 Петровский А.С. 92, 93, 96, 187, 247, 267-270, 273, 275, 277, 279-284, 292, 295, 299, 300, 303, 305-308, 311, 312, 315, 316, 319, 336, 338
 Петровский М. 331
 Петровский М.С. 9, 22
 Петровский П.Н. 28
 Пешкова Е.П. 270
 Пиленко (урожд. Делоне) С.Б. 358, 404
 *Пильняк (Boгау) Б.А. 48, 289, 333, 342-344, 361-363, 383, 384, 410, 411, 413, 452
 Пинес Д.М. 104, 114
 Пиросманишвили Н.А. 477, 491
 Пирумов, сов. чиновник 118, 251, 252
 Пискунов В.М. 242, 335
 Платон Львович, знакомый О.Э.Мандельштама 433-436
 Платонов С.Ф. 332
 Платонова-Лозинская И.В. 396
 Плиний 227
 Плутарх 227
 По Э.А. 239, 481, 482, 493, 494
 Подолинский А.М. 430
 Подольский Л.И. 449, 458, 465
 Подушкин (*Иренев) С.С. 32
 Покшишевская Г.С. 349, 403
 Покшишевская Т.Н. 402
 Покшишевская Ф. 402, 403
 Покшишевский В.В. 430
 Покшишевский С.Н. 399, 400, 402, 425, 430
 Полибий 227
 Поливанов К.М. 5, 15, 20, 29, 32, 34, 40, 52, 341, 397, 419
 Полихронов Х.Н. 239
 Полихроновы, семья 155-157, 167, 176, 188
 Полонская Е.Г. 380, 388, 421, 458
 Полоцкая А.С. 255
 Полошкин Г. 46
 Полушин В.Л. 419
 Поляков Г.И. 224
 Поляков С.А. 524
 *Полян П. см. Нерлер П.М.
 Пономарева Т. 318
 Поп А. 481
 Попова Л.М. 354, 369, 391, 392, 421, 465
 Попова Н.И. 343, 399, 487
 Порчелли Ф. 441, 445
 Поскребышев А.Н. 263
 Постоутенко К.Ю. 444
 Постышев П.П. 263
 Прегель С.Ю. 5, 11, 50, 52-60
 *Приблудный И.П. (Овчаренко Я.П.) 35
 Прилежаев С.С. 438, 439, 445
 Прилежаевы, семья 438, 440, 445
 Прокопий Кесарийский 227
 Прокофьев С.О. 333
 Простосердов, знакомый А.Белого 236
 Проффер Э. 408
 Пруст М. 472, 486
 Птолемей 227
 Пуанкаре Р. 252
 Пумпянский Л.В. 355, 382, 393, 394
 Пунин А.Л. 474, 488
 Пунин А.Н. 421, 426, 429
 Пунин Л.Н. 375, 421, 474, 488
 Пунин Н.Н. 79, 343, 348, 350, 355, 359, 360, 369, 373-376, 378, 398-400, 418, 420, 421, 424-429, 443, 445, 446, 448, 450-453, 459, 464, 467, 468, 472-478, 483-485, 487, 488, 492
 Пунина (урожд. Аренс) З.Е. 429
 Пунина (урожд. Никольская, в первом браке Гофман) О.Н. 474, 488

- Пунина И.Н. 373, 375, 399, 420, 422, 424, 426, 427, 446, 452, 459, 474
 Пунина М.А. 424
 Пунины, семья 361, 425, 428, 451
 Пушкин А.С. 17, 29, 30, 61, 99, 100, 117, 136, 161, 170, 181, 183, 192, 194, 195, 205, 207, 223, 231, 232, 240, 244-246, 249, 250, 251, 255, 259, 330, 417, 418, 489, 490, 515
 Пушкина (урожд. Гончарова) Н.Н. 194
 *Пяст (Пестовский) В.А. 343, 350, 360, 361, 380, 402, 404, 410, 523
- Рабинович И.М. 19, 24
 Рагинский-Карейво Т.Г. 449, 457
 Радко Н. 35
 Радлов Н.Э. 397, 418, 450
 Радлов Э.Л. 418
 Радлова (урожд Плансон, в первом браке Шведе) Н.К. 355, 397, 450
 Радлова А.Д. 393
 Радловы, семья 372, 472, 473
 Райх З.Н. 97, 233, 328
 Раковский Л.И. 353, 369, 385, 450, 458
 Рамзин Л.К. 299, 334, 335
 *Раскольников (Ильин) Ф.Ф. 493
 Ратгауз М.Г. 17
 Рахманов, литератор 518
 Рахтанов И.А. 423, 428
 Рашковская А.Н. 382
 Рейснер Л.М. 353, 372, 382, 419, 426, 432, 473, 488, 490
 Рембрандт Х. ван Рейн 62
 Ремизов А.М. 82, 83, 94, 97, 457
 Ренье А.Ф.Ж. де 17
 Репина И.А. 335
 Респиги О. 247
 Римский-Корсаков Н.А. 223, 247
- *Ричиотти В. (Турутович Л.О.) 369, 416, 430
 Робакидзе Г.Т. 117, 118, 144, 153, 181, 184, 185, 187, 236-238, 245, 491
 Робакидзе Е.В. 118, 152, 237
 Рогнедов, сотр. Пятигорского окрисполкома 476
 Рогожин М.В. 325, 340
 Рождественская (урожд. Казанская) А.А. 356, 401
 Рождественская (урожд. Стуккей) И.П. 346, 356, 369, 373, 401, 420, 437-439, 445, 484
 Рождественская М.В. 349
 Рождественская Т.В. 349
 Рождественские, семья 437, 438, 440
 Рождественский В.А. 346, 347, 354, 356, 357, 360, 361, 368, 369, 373, 381, 385, 387, 388, 391, 400-404, 409, 410, 420, 421, 424, 426, 429, 437, 438, 440, 445, 450, 454, 458, 460, 465, 466, 484
 Рождественский Н.Н. 393, 488
 Розанов В.В. 236, 408, 530
 Розанов И.Н. 92, 95
 Розанов М.Н. 95
 Розанова О.В. 24
 Розен Е.Ф. 250
 Розенблюм Л.М. 349
 Роллан Р. 529
 Романов П.С. 28, 289, 333
 Ромм А.И. 27, 28, 30-33, 37, 38, 41
 Рославлева Н.Я. 382, 389, 465
 Ростовцев Д.И. 247
 Ростовцева О.А. 247
 Ростовцевы, семья 188
 Рубенс П.П. 386, 495
 Рубинчик О.Е. 343, 349, 350, 380, 381, 397, 399, 403, 406, 429, 444, 487

- Рубинштейн Н. 35
 Рубцова Г.В. 429
 Рудакова Е.Н. 276, 305-307, 325, 340
 Рукавишников И.С. 518
 Рура Р.В. 412
 Русаков, поэт 39
 Русанова А.А. 480
 Руссо Ж.Ж. 158, 240
 Рыбаков И.И. 413, 452
 Рыбакова (урожд. Гальперина) Л.Я. 413
 Рыбакова О.И. 413
 Рыбаковы, семья 364, 427
 Рыков А.И. 397
 Рыков В.И. 374, 421
 Рыкова М.В. 477, 478, 491
 Рыкова Н.С. 397
 Рыкова Н.Я. 425, 426, 429
 Рыковы, семья 424, 425, 446, 477
 Рысс Е.С. 421, 465
 Рэнно Е. 363
- Савельева Л. 252
 Савинов О.А. 420, 455
 Савич В. 189, 247
 *Садовской (Садовский) Б.А. 15, 19
 Садофьев И.И. 353, 355, 385, 417, 450, 458, 465
 Сажин В.Н. 409
 Саинян А.А. 236
 Сакулин П.Н. 92, 95
 Салтыков-Щедрин М.Е. 243
 Салье М.А. 420
 Сандомирский М.В. 14, 17, 21
 Санников Г.А. 362, 412
 Сапунов Н.Н. 358, 405
 Саркизов-Серазини И.М. 240
 Сарьян Л.Л. 118, 122, 141, 146, 223, 234
- Сарьян М.С. 116-118, 121, 122, 125-129, 131-133, 135-137, 139-143, 145-147, 150, 175, 188, 222-225, 227, 229, 231, 232, 234, 235
 Саути Р. 481, 493
 Сахновский В.Г. 17, 21
 Саянов В.М. 381, 451, 463, 464
 Свасьян К.А. 336
 Свентицкий А.Л. 381
 Сверчкова (урожд. Гумилева) А.С. 366-368, 468, 470, 486
 Светлов М.А. 437, 444, 451
 Свифт Дж. 371, 372, 418, 474
 Северюхин Д.Я. 456
 *Северянин И. (Лотарев И.В.) 57, 58
 Сельвинский И.Л. 354, 391
 Семашко Н.А. 240, 258
 Семевский М.И. 489
 Семенов С.А. 362, 412, 451
 Семенов Тян-Шанский 474
 Семирамида 228
 Сенковский О.И. 456
 Серафим Саровский, св. 207, 248, 256
 *Серафимович (Попов) А.С. 49
 Сервантес С.М. де 383
 Серебровская Е.П. 417
 Серебрякова З.Е. 464
 Сиверс М. см. Штейнер М.Я.
 Сильникова Ляля 118, 151
 Сильникова Л.П. 118, 120, 151, 222, 237, 284, 304, 329
 Симаков Б. 318
 Симаков Г. 318
 Сименко, знакомый Агаповых 504, 505
 Синельников И. 421
 Синкевич В. 36, 41, 45, 46
 Ситковский А. 421
 Скворцов-Степанов И.И. 245
 Скотт В. 442, 481

- Скрябина М.А. 267, 282, 283, 322, 335, 339
- Скрябина-Татарина М.А. см.
Скрябина М.А.
- Слезкин Ю.Л. 28
- Слонимский М.Л. 347, 362, 412
- Слуцкий И.М. 9
- Смиренский В.В. 382, 419, 449, 457, 465
- Смирнов А.А. 472, 487
- Смирнов А.И. 76
- Смышляев В.С. 337
- Соболев А.Л. 517
- Соболевский Н. 456
- *Соболь А. (Ю.М.) 289, 331, 463
- Сойкин П.П. 366, 414
- Соколов Ю.М. 331
- Соколова Н.Н. (*Теа Эс) 32
- Соловей Э.С. 382
- Соловьев Б.И. 352, 379, 424, 427
- Соловьев В.А. 421
- Соловьев В.И. 114, 115
- Соловьев В.С. 170, 223, 230, 242
- Соловьев С.М. 289, 331
- *Сологуб Ф.К. 22, 96, 350, 354, 355, 360, 361, 382, 392-395, 397, 398, 409, 410, 419, 448, 469, 495, 499-502, 503-512, 514, 515
- Сорокин Г.Э. 396, 450, 459
- Спасская В.С. 109
- Спасская С.Г. 109, 283, 303, 329
- Спасский, художник 118
- Спасский С.Д. 109, 283, 303, 329
- Спендиаров А.А. 131, 230
- Сперанская Л.И. см.
Мануйлова Л.И.
- Спивак М.Л. 119, 224, 233, 241, 255, 262-340
- Срезневская (урожд. Тюльпанова) В.С. 376, 421, 424, 429, 450, 453, 459, 464, 481
- Срезневская О.В. 424, 429, 453
- Срезневские, семья 447
- Срезневский А.В. 453
- Срезневский В.В. 453
- *Сталин (Джугашвили) И.В. 263, 288, 290, 309, 331, 332
- Станевич В.О. 27
- Старостина В. 318
- Степун Ф.А. 47, 517, 530
- Стерн Л. 481
- Стеффен А. 301, 335
- Стогов Э.И. 474, 488, 489
- Страбон 227
- Стражев В.И. 6
- Стржиговский Й. 126, 131, 133, 136, 225, 230
- Стрижак Т.Л. 264, 326
- Струве Г.П. 46, 404
- Субботин С.И. 35
- Суворов А.В. 385
- Суворова К.Н. 350
- Суворова Э. 318
- Сугай Л.А. 241, 269
- Судейкин С.Ю. 237, 358
- Суперфин Г.Г. 9, 46, 51, 52
- Сурис Б.Д. 350, 420, 492
- Сутугина (в замужестве Кюнер) В.А. 361, 412, 466, 472
- Сухотин П.С. 48
- Сюннерберг К.А. (*Эрберг К.) 73, 74, 79, 83, 523
- Табидзе (урожд. Макашвили) Н.А. 118, 151-153, 181, 237
- Табидзе Нита 152
- Табидзе Т.Ю. 116-118, 151-153, 180-184, 186-188, 206, 208, 214-221, 227, 232, 234, 237, 238, 245, 258, 260, 261, 491
- Тагер Е.М. 465

- Тагор Р. 464
 Тагор Ш. 452, 464
 Таманов А.И. 118, 125-127, 148, 225-227, 251
 Тастевен Г.Э. 16
 Татаринов В.Н. 120, 221, 266, 275, 277, 281-283, 300-302, 308, 310-315, 320, 335, 337-339
 Татаринова Н.Н. 275, 282, 283, 301, 307-309, 311, 322, 339
 Татлин В.Е. 524, 525
 Твердов А.С. 338
 Твердова М.А. 276, 283, 321, 328, 338, 339
 *Тверяк (Соловьев) А.А. 387, 451, 463
 Телетова Н.К. 396
 Теплицкий Л.Я. 416
 Тепер 518
 Терапиано Ю.К. 23, 24, 54
 Тер-Григорян М. 235
 Теребушко Е. 318
 Терёхина В.Н. 444
 Терехов А.Г. 32, 350
 Терлемезян Ф.П. 226
 *Терян В. (Тер-Григорян В.С.) 232
 Тетерников (Тютюнников) К.А. 499, 506, 507, 509, 510
 Тетерникова (Тютюнникова) Т.С. 499-501, 505-510
 Тетерникова О.К. 499, 506, 508, 509
 Тетерниковы, семья 501, 508, 511
 Тименчик Р.Д. 13, 14, 18, 32, 52, 347, 350, 351, 381, 385, 397, 404, 410, 412, 413, 417-420, 454, 464, 465, 483-490
 Тимирязев А.К. 245
 Тиридат (Трдат I), царь 231, 236
 Тихонов Н.С. 346, 347, 352-354, 360, 361, 369, 373, 376, 377, 379, 385-387, 390, 401, 409, 416, 421, 423, 424, 427, 441, 450, 454, 455, 458, 466, 480
 Тихонова (урожд. Неслуховская) М.К. 373, 376, 377, 420, 441, 455
 Тихоновы, семья 420
 Толмачев М.В. 385
 Толстая (урожд. Дитерихс) О.К. 403
 Толстая-Есенина (в первом браке Сухотина) С.А. 356, 357, 403, 449
 Толстой А.К. 29, 184, 246
 Толстой А.Л. 403
 Толстой А.Н. 17, 347, 353, 360-362, 384, 385, 409, 413, 421, 450, 458, 466, 472, 473, 476, 488, 491, 525
 Толстой Л.Н. 61, 91, 95, 143, 159, 234, 240, 403
 Толстяков А.П. 351, 381, 429, 491
 Топорков А.К. 524-526
 Тораманян Т. 230, 231
 Торичелли Э. 330
 Трапезников Т.Г. 190, 201, 248, 249, 252, 279-282, 300, 301, 326, 327
 Трапезникова (урожд. Красильщик) Л.И. 282, 283
 Траубенберг Н. 318
 Третьяковский В.К. 100
 Трофимов А. 244
 *Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 463
 *Трубецкой (Нольден-Эбергардт) Ю.П. 45, 47, 51, 53-55, 57
 Туган-Барановский М.И. 334
 Туманьян, знакомая А.Белого 118, 233
 Тумповская М.М. 32
 Тургенев И.С. 61
 Тургенева А.А. 74, 75, 99, 103, 194, 204, 224, 241, 242, 250, 255, 258, 327

- Туртыгина А. 318
 Туфанов А.В. 449, 457
 Тынянов Ю.Н. 386, 419, 420
 Тырса (урожд. Лейферт) Е.А. 373, 420
 Тырса Н.А. 350, 355, 359, 373, 376, 398, 399, 407, 420, 480
 Тюльпанова З.С. 450, 459, 464
 Тютчев Ф.И. 29, 61, 187, 223, 240, 424, 428
- Удальцова Н.А. 398
 Унгер К. 201, 253, 301, 335
 Урванцев Н.Н. 386
 Усов Д.С. 32, 452, 475, 489, 490
 Устинов А.Б. 5-64, 350, 382, 418, 457
 Уткин И.П. 437, 444
 Уткина Е. 242
 Уточкин С.И. 418
 Ушаков Н.Н. 22, 23
 Ушаков Ф.Ф. 385
 Уэллс Г. 205, 206, 255, 256
- Фаворская М.А. 283, 327
 Федин, владелец кафе 434, 435, 437
 Федин К.А. 347, 376, 383, 389, 390, 393, 409, 421, 450, 451, 458, 472, 473, 481, 484
 Федоров, владелец кафе 467, 484
 Фейертаг В. 416
 Фейхтвангер Л. 380
 Фельдштейн (урожд. Леви) Е.А. 282, 283, 327
 Фельдштейн М.С. 327
 Фесенко Т. 55
 *Фет (Шеншин) А.А. 61
 Фигнер В.Н. 343
- *Филиппов Б.А. 45
 Филиппович П. 13
 Финкельштейн (урожд. Синайская) В.Д. 283, 327
 Фиолетов А. 45
 Фирдоуси А. 225
 Фирдуси см. Фирдоуси А.
 Фиш Г.С. 352, 379, 381
 Флейшман Л. 350
 Флобер Г. 475
 Фонвизин Д.И. 333
 Фореггер Н. 21, 35
 Фортунатов М.А. 118, 148, 236
 Форш (урожд. Комарова) О.Д. 347, 353, 384, 393, 450, 451, 458
 Фофанов К.М. 457
 Франковский А.А. 418, 486
 Франс А. 417
 Фрейдин Ю. 350
 Фроловский Б. 35
 *Фроман (Фракман) М.А. 347, 352, 353, 360, 361, 380, 381, 386, 388, 401, 416, 421, 425, 450, 459, 460, 463, 484
- Хайк, служащий гостиницы 190
 Ханцин-Моргулис И. 413
 Харджиев Н.И. 381, 441, 524, 526
 *Хармс Д. (Ювачев Д.И.) 350
 Хачатрян Ш.Г. 235
 Хачатрян, знакомый А.Белого 118
 Хейт А. 351, 489, 491
 Хелашвили Б. 118
 Хеллман Б. 491
 Хижинская Л. 234
 Хилькевич И.Я. 456
 Хилькевич Н.В. 448, 456
 Хлебников В.В. 465, 524-526
 Хлебников Л.М. 516
 Хмельницкая Т.Ю. 246

- Ходаков В. 379
 Ходасевич (урожд. Чулкова,
 в первом браке Гренцион) А.И.
 19, 376, 421, 423, 424, 452
 Ходасевич В.Ф. 6, 7, 13, 15-17, 19,
 22, 421, 463
 *Хорен Радио 118, 126, 134, 136,
 144, 145, 226, 231
 Хренков Д.Т. 420, 455
- Царенкова Е.М. 347, 349
 Цвейг С. 238
 Цветаева М.И. 40
 Циммерман М.М. 492
 Цицерон М.Т. 227
- Чаадаев П.Я. 236
 Чайковский П.И. 247
 Чапыгин А.П. 381, 458
 *Чаренц Е. (Согомомян Е.А.) 136,
 231, 232
 Часовитинова Д.Н. 120, 221
 Чаянов А.В. 289, 332
 Чебан А.И. 337
 Чеботаревская Ал. Н. 94, 96
 Чеботаревская Ан. Н. 94, 96, 354,
 394, 499-501
 Чекрыгин В.Н. 24
 Челпанов А.Г. 28
 Чернов И.А. 106
 Черносивитова (урожд.
 Чеботаревская) О.Н. 354, 361, 394,
 398, 469, 500, 501, 503, 506, 513
 Черных В.А. 343, 344, 347, 350,
 351, 404, 412, 413, 454, 465, 489
 Чернышевский Н.Г. 334
 Чернявский К. 491
 Чернявский Н.А. 118, 153, 218,
 220, 238, 260, 261
- Чернявский Н.П. 283, 328
 Четвериков Б.Д. 381, 450, 458
 *Четвериков Дм. см.
 Четвериков Б.Д.
 Чехов А.П. 221
 Чехов М.А. 120, 136, 200, 221, 252,
 253, 300-302, 314, 315, 328, 335,
 337
 Чжун-хуан Л. 251
 Чиннов И.В. 47
 Чудаков А.П. 394
 Чуковская Е.Ц. 351
 Чуковская Л.К. 351, 396, 399, 403,
 405, 407, 411, 422, 429, 430, 444,
 484, 485, 487, 490, 494
 Чуковская М.Н. 351
 *Чуковский К.И. (Корней-
 чуков Н.В.) 59, 351, 372, 386,
 397, 419, 487, 493
 Чуковский Н.К. 351, 383, 388, 391,
 395, 451, 463
 Чулков Г.И. 354, 355, 376, 394,
 421, 424, 428, 464, 488, 491
 Чулкова (урожд. Петрова) Н.Г. 464
 Чулковы, семья 376, 452
 Чумандрин М.Ф. 389-391
 Чуркин А.Д. 465
 Чхеидзе А.И. 118, 261
 Чюрлёнис М.К. 203, 209
- Шагинян Л. 118
 Шагинян М.С. 130, 228
 Шаншиашвили С.И. 118, 187, 237,
 247
 Шанько Е.А. 276, 282, 283, 305,
 323, 339
 Шанько Т.Б. 276, 282, 283, 307,
 311, 323, 328, 339
 Шапиро Н. 40
 Шаталов В. 36

- Шах-Назаров А.М. 107, 108
 Шварц А.И. 355, 356, 393, 395,
 424, 427
 Шварц Е.Л. 395
 Шведе-Радлова Н.К. 418
 Швейцер И. 413
 Шевченко Т.Г. 47
 Шейдт К.И. 399
 Шекспир У. 64, 290, 337, 382, 487
 Шенгели Г.А. 27, 45, 436, 444
 Шенталинский В. 271
 Шер В.В. 291, 334
 Шервинский В.Д. 490
 Шервинский С.В. 348, 475, 482, 490
 Шикелэ Р. 443
 Шилейко В.К. 344, 348, 370, 421,
 427, 466, 467, 472, 476, 480, 484,
 485, 487, 492
 Шиллер Ф. 257, 336, 382
 Шимкевич К.А. 489, 492
 Шипов Н.Е. 258
 Шипова Е.Т. 258
 Ширмазян Г. 132, 231
 Ширяев Б.Н. 34, 36
 Шишкина Цур-Милен Н.А. 426,
 431, 432
 Шишкины, цыганские певцы 431
 Шишков В.Я. 110, 111, 347, 353,
 384, 450, 458
 Шишмарева Е. 426
 Шишов И. 25
 Шкапская М.М. 45, 444
 Шкловский В.Б. 23, 118, 181, 182,
 244, 245
 Шмелев И.С. 48
 Шмелевский, знакомый
 А.Белого 118, 159, 163, 241
 Шмерлинг М.В. 337
 Шмерлинг М.М. 317, 337
 Шоррокс Л. 494
 Шпаро Б.А. 459
 Шпет Г.Г. 26, 37
 Шрейдер А.А. 107
 Штайнер Р. см. Штейнер Р.
 Штейн С.В. фон 407, 408
 Штейнберг А.З. 79, 83, 107, 108, 523
 Штейнер (урожд. Сиверс) М.Я.
 161, 163, 171, 240, 241, 279, 300-
 302, 316, 317, 326
 Штейнер Р. 67, 102, 103, 200, 201,
 204, 205, 213, 230, 233, 235, 236,
 238, 240-243, 250, 252-258, 260,
 261, 264, 265, 268, 272, 277,
 279-282, 284, 285, 294, 300, 301,
 304, 305, 326-328, 330, 333-336
 Штейнман З.Я. 462, 463
 Штеренберг Д.П. 526
 *Штирнер М. (Шмидт К.) 256
 Штук Ф. фон 137, 234
 Шуберт Ф. 123, 223, 244
 Шуман Р. 123, 223
 Шумихин С.В. 35, 45, 271, 444
 Щеголев П.Е. 108, 353, 365, 385,
 400, 408, 413, 470, 473
 Щеголева (урожд. Богуславская)
 В.А. 363, 385, 413, 451
 Щеголевы, семья 473
 Щелокова Е.Н. 120-261
 Щерба Л.В. 475, 490
 Щуцкий Ю.К. 283, 302, 303, 329
 Эвальд К. 382
 Эйнштейн А. 183, 185
 Эйхенбаум Б.М. 415, 484, 485, 523
 *Эллис (Кобылинский) Л.Л. 153,
 187, 238, 264
 Эльзон М.Д. 349, 391, 396, 397
 *Эльсберг Ж. (Шапирштейн Я.Е.)
 187, 246, 247
 Эльснер В.Ю. 12, 13, 17
 Эмин Г. 229, 235

Эренбург И.Г. 23, 391
Эрлих В.И. 423, 424, 427, 428, 465
Эртель А.И. 484
Эфрос А.М. 102, 353, 385, 386,
471, 472, 486

Юдин, журналист 381

Юдина М.В. 393

*Юрасов В. (Жабинский В.И.) 45

Юркун Ю.И. 373, 426, 431

Якобсон Р.О. 525

Яковлев А.Н. 262

Янгиров Р.М. 525

Ясинский И.И. 357

*Яссен И. (Чеквер Р.С.) 47

Яшвили П.Д. 118, 153, 181, 188,
208, 214, 215, 221, 237, 238, 245,
251, 258, 260, 261

Яшвили Т.Г. 118, 151, 153, 188,
190, 196, 237, 238, 245

Akhmatova A. 485

Allemagne H.R. de 137, 234

Belyi A. 233

Deniker N. 484

Duddington N. 485

Goumileff N. 484

Hocking S.K. 468, 485

Holme Ch. 471

Kamkin V. 51

Kemp-Welch A. 342

Lecky W.E.H. 488

Mallarmé S. 482, 495

Malmstad J.E. 32

Markov V.F. 32

Pregel S. 51

Rudnev V. 51

*Stalin J.V. 342

Steiner-Gesamtausgabe R. 253

Swift J. 488

Turner J.M.W. 471, 486

Vroon R. 32

Warne F. 468, 485

СОДЕРЖАНИЕ

ПОРТРЕТЫ

<i>Андрей Устинов. Две жизни Николая Бернера</i>	5
--	---

ПУБЛИКАЦИИ

Андрей Белый и С.М.Алянский. Переписка Предисловие и публикация Джона Малмстада	67
---	----

<i>К.Н.Бугаева (Васильева). Дневник 1929 года</i> Предисловие Е.В.Наседкиной. Подготовка текста и примечания Е.В.Наседкиной и Е.Н.Щелоковой	116
--	-----

<i>Моника Стивак. Андрей Белый в следственном деле</i> Антропософов	262
---	-----

<i>П.Н.Лукницкий. Дневник 1928 года</i> Asutiana. 1928–1929 Публикация и комментарии Т.М.Двинятиной	341
--	-----

VARIA

<i>Т.В.Мисникевич. «...Я имел достаточно “натуры”</i> вокруг себя» (Новые материалы к ранней биографии Ф.Сологуба)	499
---	-----

<i>А.В.Лавров. Вячеслав Иванов</i> в неосуществленном журнале «Интернационал искусства»	516
---	-----

Указатель имен	531
----------------------	-----

Всем, кто интересуется отечественной историей!

Издательство «Феникс» представляет исторический альманах

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Вып. IV

Культурное, политическое, философское, научное, художественное наследие русской эмиграции за более чем вековую историю; взаимосвязи с метрополией; взаимовлияние идейных и эстетических концепций; политическая и общественная деятельность; попытки использования эмигрантских организаций советским режимом; церковная и частная жизнь, бытование эмиграции в чуждом языковом и культурном окружении – все эти и множество других аспектов жизни диаспоры находят место на страницах альманаха.

В 4-м томе альманаха читатель найдет: воспоминания Б. Варнеке о Н. П. Кондакове накануне его отъезда из Одессы в 1921; неопубликованную книгу Е. Попдимитрова о Бальмонте; продолжение статьи Р. Янгирова о русских кинематографистах за рубежом; переписку И. Эренбурга с М. Шкапской; статью об истории российского золотого запаса и многие другие материалы.

Авторы альманаха – известные российские историки и литературоведы, авторитетные западные слависты.

Периодичность издания – два выпуска в год.

Объем каждого тома 700-800 с., ил.

Заявки направлять по адресу:

ДМИТРИЙ БУЛАНИН

199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 4

Институт русской литературы

(Пушкинский Дом)

Российской Академии наук

Телефон: (812) 235-15-86

Телефакс: (812) 346-16-33

E-mail: bulanina@nevsky.net

Книги также можно приобрести в магазине издательства «Алетейя»
«Историческая книга» (СПб., ул. Чайковского, 55)

ЛИЦА

Биографический альманах

9

Редакторы-составители М.М.Павлова и А.В.Лавров

Редакторы Т.Б.Притыкина, О.А.Коростелев
Корректор О.Э.Карпеева

Биографический институт:
199134, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4, ИРЛИ

Издательство «Феникс»: 191123, Санкт-Петербург,
Кирочная ул., 31

При содействии издательства «Алетейя» (СПб.)

«ФЕНИКС»
ИД № 05957 от 3.Х.2001

Подписано к печати 18.09.2002.
Формат 60x88/16. Объем 35 п.л., вкл. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Тираж 600 экз. Заказ №3561

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы направлять по адресу:
ДМИТРИЙ БУЛАНИН
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 235-15-86
Телефакс: (812) 346-16-33
E-mail: bulanina@nevsky.net